

Российская академия наук
Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого
(Кунсткамера)

СКАНДИНАВСКИЕ ЧТЕНИЯ 2012 ГОДА

Этнографические
и культурно-исторические аспекты

Санкт-Петербург
2014

УДК 94+80+39+75/78(4-012.1)

ББК 63.5

С42

Рецензенты:

доктор исторических наук *В. Е. Возгрин*,
кандидат исторических наук *Д. И. Месхидзе*

Под научной редакцией:

кандидата исторических наук *Т. А. Шрадер*,
кандидата исторических наук *И. Б. Губанова*,
кандидата философских наук *Л. Э. Сулягиной*

Ответственный редактор

кандидат исторических наук *Т. А. Шрадер*

С 42 Скандинавские чтения 2012 года. Этнографические и культурно-исторические аспекты / отв. ред. Т. А. Шрадер. — СПб.: МАЭ РАН, 2014. — 572 с.

ISBN 978-5-88431-256-2

В сборнике опубликованы статьи, раскрывающие различные этапы российско-скандинавских исторических и культурных контактов, представлены судьбы личностей из северных стран, связанных с Россией, раскрыты малоизвестные сюжеты литературы и языка Скандинавии.

Сборник рассчитан на широкий круг читателей, интересующихся историей и культурой стран Северной Европы.

УДК 94+80+39+75/78(4-012.1)

ББК 63.5

На обложке: *спереди* — форштевень Осебергского корабля викингов, 1100 год (резьба выполнена в стиле осеберг); *сзади* — деталь резьбы на портале деревянной церкви (ставкирки) Хюлестад в Сетестаде (Норвегия), 1200 год; на *форзаце* — замок Кронборг, Дания (1534–1588).

ISBN 978-5-88431-256-2

© МАЭ РАН, 2014

К ЧИТАТЕЛЮ

Предлагаемый Вашему вниманию сборник «Скандинавские чтения» (десятый по счету) продолжает серию научных изданий, публикация которых началась в 1997 году.

Принцип междисциплинарного подхода к исследованиям многовековых контактов России и стран Северной Европы лег в основу подготовки данной книги.

Сборник состоит из четырех разделов:

- I. Средневековая история и археология Севера.
- II. Россия и страны Северной Европы в Новое время.
- III. Искусство и культура северных стран.
- IV. Язык и литература Скандинавских стран.

В статьях, включенных в представленные разделы, разносторонне раскрываются малоизвестные факты древних и современных событий, касающихся России, Скандинавских стран и Финляндии.

Читатель сборника также познакомится с судьбами ряда известных людей как из Скандинавских стран, так и из России.

Все научные статьи имеют фундаментальный справочный аппарат.

Авторами научных статей сборника являются ученые и специалисты из Санкт-Петербурга, Москвы, Архангельска, Петрозаводска, Новгорода, Перми, Брянска и других городов России, а также из Азербайджана, Норвегии, Швеции, Финляндии, Эстонии.

I. СРЕДНЕВЕКОВАЯ ИСТОРИЯ И АРХЕОЛОГИЯ СЕВЕРА

С. Ф. Алиева

БОЛЬШАЯ СЕМЬЯ У НОРВЕЖСКОГО И АЗЕРБАЙДЖАНСКОГО КРЕСТЬЯНСТВА В СРЕДНИЕ ВЕКА

Семья — ядро общества. Все общественно-экономические, политические и культурные процессы, проходящие на разных этапах истории, находят свое отражение в семье и быте. Создаваясь на основе брачных отношений, семья формируется на принципах кровного родства.

Семья укрепляется с помощью традиционной системы отношений, включающей ответственность, обязательства и взаимопомощь. В семье переплетаются различные системы: мужа и жены, родителей и детей, братьев и сестер. Большая часть жизни человека проходит в семье. Семья как особый институт семейно-брачных отношений является очагом хранения хозяйственных традиций, центром формирования ответственности, взаимопомощи, воспитания подрастающего поколения, основой для обеспечения материальных и духовных потребностей членов семьи. Природой так заложено, что биологически, физически и морально человек не может жить и существовать без семьи.

Проблемы семьи изучают такие науки, как социология, психология, медицина, юриспруденция, демография и др. Каждая из этих областей рассматривает разные стороны семейно-бытовых отношений. Этнографическая наука анализирует семью как взаимосвязь следующих элементов: женитьба—родительство—родство, изучает этнические особенности образа жизни семьи с точки зрения традиций и обычаев. Этнография изучает своеобразие семьи, закономерности ее образования и существования, многообразие семейных отношений, роль женщин и мужчин, отцов и детей, стереотипы поведения и сохранение семейных традиций. В семье регулируются материальные отношения и веками хранятся духовные ценности.

Человек — продукт материальной и духовной деятельности семьи и носитель сформированных в семье традиций. Семья — это особый коллектив, скрепленный брачными узами и основывающийся на кровном родстве и ведении общего быта. Образование семьи относится к периоду распада первобытного общества, в дальнейшем родовой общины. С развитием государства отношения между классами, сословиями и полами стали регулироваться государственными и религиозными законами. В Азербайджане отсутствуют официальные источники для изучения семейно-бытовых отношений. Только в произведениях поэтов и писателей и налоговых документах можно найти отражение отдельных аспектов исследуемого вопроса¹.

У всех народов мира в историческом процессе развития семья по объему и структуре имела две основные формы: большую и малую. Почти у всех народов формирование большой семьи связано с установлением патриархата и распадом родовой общины. С достижением определенного уровня большие семьи распадаются на малые семейные общины, что у разных народов может происходить в разное время — это зависит от разных причин. Чем объясняется время, условия и формы существования больших семей у разных народов мира? Для того чтобы ответить на этот вопрос, мы сравним процесс образования и распада большой семейной общины у азербайджанского и норвежского крестьянства².

Научно изучены вопросы семейно-бытовых отношений в Азербайджане XIX и XX веков. Они нашли свое отражение в исследованиях Р. Бабаевой, М. Атакишиевой, Г. Гейбуллаева, А. Ализаде, Г. Кулиева, М. Пашаевой и др. Более древний период по произведениям поэтов и писателей исследован Э. Джавадовой, Ш. Бунядовой, М. Алиевой и др.

Определить точное время образования семьи в Азербайджане достаточно трудно, но примерно его можно отнести ко времени неолита и энеолита³. В дальнейшем все изменения, происходящие в жизни, сказывались на семье и семейных отношениях. В древние времена и Средние века женщина являлась хранительницей домашнего очага. Домашние дела, воспитание детей, ведение хозяйства были уделом женщин. Пожалуй, нет больших различий в статусе женщин этого времени у разных народов. Это привело к тому, что женщина в хозяйстве стала главной рабочей силой. Отсюда — важность купли-продажи, выкупа во время женитьбы. Патриархальной семье нужно было возместить потерю рабочей силы. В разные времена выкуп выплачивался по-разному: в древности — вещами, предметами труда, затем — деньгами. У некоторых племен Азербайджана мать вынуждена

была отдать первенца своему брату на воспитание и только потом уходила в семью мужа (такая практика была известна и у некоторых народов Севера).

Азербайджан в Средние века подвергся завоеванию разными государствами. Иранское, арабское, монгольское, турецкое и русское влияние сказалось на составе семьи, ее формах, количестве поколений и членов. После распространения ислама в Азербайджане в семейно-бытовых отношениях руководствовались законами шариата, эти вопросы находились в ведении казий. Менялись государственные языки, нормы и законы поведения и наказания людей, налоги, формы управления, но семейные отношения регулировались национальными обычаями. Народ смог сохранить свой язык, материальные и духовные ценности и семейные традиции вопреки усилиям завоевателей. Речь прежде всего идет о сохранении семейно-бытовых отношений простых людей.

Материальные и духовные потребности людей зависят от уровня жизни, экономического развития общества и отдельных слоев населения. Например, у власть имущих были другие семейные ценности. Правители и другие высокопоставленные люди имели возможность содержать гарем, нескольких жен или служанок. Нередко богатые люди дарили друг другу служанок.

Ученые относят период распада больших семей на малые в Азербайджане примерно к V веку н. э. Об этом свидетельствует народный эпос раннего Средневековья. Распад больших семей в Средней Азии С.П. Толстов и в Иране М.М. Дьяконов относят к V веку нашей эры. Основываясь на их выводах, выдающийся азербайджанский этнограф Г. Гейбуллаев предположил, что в Албании этот процесс проходил приблизительно в то же время⁴. Так как Албания в тот период входила в состав сасанидского Ирана, это было вполне возможно. Это означает, что с того времени общинная земля разделилась между родственными группами, состоящими из больших и малых семей патронимии. В период сасанидского, арабского и монгольского завоеваний население платило подушную подать за совершеннолетних и работоспособных мужчин.

В XIX веке в Азербайджане сложились условия для восстановления больших семей. Завоевав северную часть Азербайджана, царская Россия установила налог не за душу населения, а по количеству «дымов» из домов, то есть по количеству семейных хозяйств. Сельское общество, ответственное за сбор налогов, препятствовало распаду больших семей на малые, потому что увеличение количества семей приводило к увеличению налога.

Семьи тоже были заинтересованы в сохранении целостности семьи. По правилам совместного использования пахотные земли и пастбища периодически делились между членами общины, а для обработки наделов нужны были рабочая и тяговая сила, семена, орудия труда. У малых семей не всегда имелись возможности для такой работы. Поэтому выгодно было сохранять большую семью. Крестьянские реформы в России конца XIX века обусловили возможность проникновения капиталистических отношений в сельское хозяйство Азербайджана⁵.

Процесс распада больших семей в Азербайджане проходил до 30-х годов XX века. В 30-е годы с исчезновением функций хозяйственного ядра сходят с исторической арены оставшиеся большие семьи. В период распада семейной общины земля и другое имущество должно было делиться на части. Поэтому после распада больших семей малые семьи жили неподалеку друг от друга, иногда даже в одном дворе, но в разных домах, земля при этом не делилась. Малые семьи некоторое время сохраняли хозяйственную общность. Но постепенно вместо существующего в больших семьях единого хозяйства стала практиковаться поочередная взаимопомощь малых семей. Такая группа родственных семей называется патронимией. У каждой патронимии был старейшина, имелись общественное место для собраний, особое место в мечети, обособленное место на кладбище. Похожая форма — близкая расположенность малых семей в деревнях на основе хозяйственных связей — сохранилась до сегодняшнего времени в деревнях горных районов Азербайджанской Республики⁶.

Что представляли собой вопросы семейно-бытовых отношений в Средние века в далекой Норвегии? Научная литература, посвященная исследованию семьи, включает работы норвежских ученых О.А. Йонсена, С. Хасюна, С. Скаппеля, Х. Кута, Э. Булла, Л. Рюнинга, Л. Рейнтонна, С. Сольгейма и других, а также русских исследователей Г.И. Анохина, А.Я. Гуревича и др.

В ходе археологических раскопок в Норвегии были обнаружены остатки групповых поселений, относящиеся к раннему железному веку. Некоторые современные деревни восходят к хуторам XVI–XVII веков, и не исключена возможность, что на месте последних в более ранний период, до сокращения населения в XIV веке, существовало несколько хозяйств⁷.

Переход от коллективного землевладения больших семей к индивидуальному проходил при сохранении владений большой семьи. Раздел земли малыми семьями, входившими в состав большой семьи, носил временный характер. Эти участки после определенного срока могли быть возвращены

для совместного пользования большой семьи. Временные разделы расширяли возможности личного накопления и усиливали тенденцию к окончательному разделу семейной общины на хозяйства отдельных малых семей. Одадь переставал быть общим владением большой семьи, распадавшейся в результате раздела. Но тем не менее это не означало возникновения частной собственности на землю. Порядок наследования земли исключал лиц женского пола. Одадьманов было много, если кто-то из них продавал землю, то ее должны были купить родичи. Даже после перехода земли в индивидуальное владение бывшие члены общины (большой семьи), уже не ведшие совместного хозяйства, сохраняли на нее широкие права, значит, обращение этой земли не выходило за пределы круга родственников, ранее составлявших большесемейную общину⁸.

Медленное социально-экономическое развитие Норвегии сказалось и на феодальном. Сколько длился феодальный период в Норвегии? Историки относят возникновение предпосылок феодализма в Норвегии к периоду, предшествовавшему Кальмарской унии. Дальнейшее развитие феодальных отношений связывается с датским влиянием. Продолжительность становления феодальных отношений была связана с исключительной устойчивостью доклассовых форм общества, таких как пережитки общинно-родового строя и военной демократии. В частности, институт одаля — наследственной собственности на землю большой семьи — сохранялся в Норвегии на протяжении всего Средневековья, даже после распада больших семей. Своеобразной чертой феодализма являются сопротивление населения христианизации, старинное народное право, право одаля. Земельные собственники не сосредоточили в своих руках больших земельных владений, как в других странах, и не добились самостоятельности по отношению к королю⁹.

В отличие от Азербайджана, у норвежцев управление средневековым обществом регулировалось сборником законов. Сведения о структуре родственных связей можно получить из судебныхников Гулатинга и Фростатинга, где говорится о вергельде, или бауге, уплачиваемом за убийство мелкого землевладельца, или разделе о наследстве.

Кому и сколько выплачивался бауг, определяется близостью родства. По Гулатингу, *первый бауг* должен взять отец и сын, если оба живы. Судебник Фростатинга определял, что если живы отец и сын убитого, то оплачиваемое им возмещение делилось на две части, а если жив один из них, всю оплату получал он один. *Второй бауг* — половина первого, его называли братским. По Гулатингу, если у убитого не было отца и сына, тогда брат

владел всем вергельдем (правда, размер этой выплаты был в три раза меньше). *Третий бауг* — бауг мужской родни убитого: племянников, дядей, двоюродных братьев и двоюродных племянников¹⁰.

По Гулатингу, двоюродный брат должен брать вергельд, так как он оказывается ближайшим родственником. По Фростатингу, дяди и племянники убитого получали вергельд от убийцы или его родни. В Гулатинге обобщались сведения об этих группах близких родственников по всем трем баугам. Если никого из вышеперечисленных не было, кроме одного наследника, то он получал весь причитающийся вергельд¹¹.

Все вышеназванные близкие родственники по мужской линии, по Фростатингу, назывались висендр. Висендр не только являлся получателем, если сам или кто-то из его родственников стал бы убийцей, то он обязан был платить вергельд. Эта традиция относилась к раннефеодальному периоду.

Кроме близких родственников, были дальние родственники: сын убитого от рабыни, брат, рожденный от рабыни, и сводный брат (брат по матери, но не по отцу). Эти дальние родственники, по Гулатингу, составляли четвертую категорию родственников. По Фростатингу, в эту группу входили также дед и внук убитого по этой линии, потому что бауг был заменой кровной мести, получали и платили его те, кто являлся исполнителем кровной мести. Отсюда и последовательность: прежде всего бауг получали только мужчины, в первую очередь те, кто мог стать потенциальным мстителем¹².

Г.И. Анохин указывает на положительные стороны наличия такого количества родственников. Безродному или убийце с малым числом кровных родственников — небогатых мужчин наказания за свое преступление было не под силу. Бауг помогал помириться со всеми мужчинами пострадавшего круга родственников, служил откупом от мести за убитого¹³.

А.Я. Гуревич объясняет, что по такой схеме родства можно определить, какой это был коллектив: «Тесно сплоченную группу родственников, плативших и получавших значительную часть вергельда, составляли висендр, в своей совокупности образовавшие органически возникший коллектив. В его состав входили мужчины — главы или члены нескольких связанных близким родством индивидуальных семей...»¹⁴ Подобная структура коллектива сородичей позволяет предположить, что он представлял собой патриархальную большую семью. Для подтверждения данного вывода следует убедиться в том, что вся семья от одного мужского предка включает три поколения.

По определению Косвена, «большой следует называть семью, состоящую из трех и более поколений нисходящих и боковых, малой — семью из двух поколений». По мнению Ю.В. Бромлея, «если две брачные пары боковых родственников, ведущих совместное хозяйство, уже не могут рассматриваться как малая семья, то три совместно проживающие поколения родичей по нисходящей линии еще отнюдь не обязательно представляют отклонение от обычных форм малой семьи (отец, его сын с женой, несовершеннолетние дети)»¹⁵.

По Ю.В. Бромлею, существуют две формы большой семьи — братская и отцовская. Отцовская большая семья — это три семьи по нисходящей линии мужских родственников от одного отца, где три поколения ведут одно хозяйство. Это три малые семьи, объединенные в одной большой семье¹⁶. В братской большой семье — мужчины-братья со своими семьями, общей недвижимостью — главой семьи является не один человек, а несколько. В Норвегии, где существовал майорат, наследование происходило по нисходящей линии всего на одну ступеньку. Один из сыновей с женой получал право на наследство и считался главой семьи.

По Анохину, большая патриархальная семья — это единое хозяйство, состоящее не менее чем из трех нисходящих поколений мужских потомков, причем в каком-то поколении имеется не менее двух боковых индивидуальных семей, объединенных коллективной собственностью на землю, основными средствами и коллективным потреблением продуктов производства.

Основываясь на норвежских средневековых судебныхниках, можно сделать выводы, что группа первого бауга — большая отцовская патриархальная семья, где глава семьи и хозяйства — отец, братья с семьями тоже входят в эту семью. Группа второго бауга из-за отсутствия равноправия всех братьев при наследовании представляет собой группу, состоящую из нескольких больших или индивидуальных семей, — это патронимия¹⁷. Последняя группа, по Гулатингу, — родственники мужского пола по женской линии: дед и дяди матери, сыновья сестры и теть. Наличие информации исключительно о родственниках мужского пола свидетельствует о господстве патрилинейной системы родства¹⁸.

На протяжении всей истории Норвегия была крестьянской страной. Эта страна не знала крепостного права, и элементы феодальных отношений, в частности институты семейной и соседской общин и общинные традиции, проявлялись вплоть до XX века. Из-за отсутствия крепостного права феодализм возник и развивался на почве патронимии и соседской общины. Анализ судебныхников раннего Средневековья и исландских саг свидетель-

ствуют в пользу повсеместного существования в Норвегии большой патриархальной семьи как общественной и производственной единицы. В частности, в разделе о наследстве (91.V.7.) указываются все возможные ступеньки родственных отношений (13 разновидностей наследства): по отцу, матери, дочери, сыну, мужу и жене, брату, сестре, дяде, тете и др.¹⁹

По К.О. Косвену, семейная община при патриархально-родовом строе «состояла из трех, четырех, иногда до семи, поколений потомков, нисходящих и боковых, одного отца, составляющих одно хозяйство, имеющих коллективную собственность на землю и основные средства производства»²⁰.

Таким образом, изучение вопросов, связанных с семьей, всегда актуально. Сегодня семья — ячейка общества, основа отношений между людьми и воспитания детей. Неписанные законы и внутренние нормы позволяли сохранять семью, когда отсутствовало правовое государство, правовые нормы. И сегодня современные законы стоят на страже семьи в Азербайджане и Норвегии. На современном этапе в Норвегии более распространены отношения между близкими родственниками, а в Азербайджане — близкие отношения даже между дальними родственниками. В Азербайджане сохраняются национальный характер, традиции и обычаи, потому что продолжают существовать деревни, компактно заселенные родственниками и отдаленные от городов.

* * *

¹ Азербайджан этнографиясы (Азербайджанская этнография): в 3-х т. Баку. Т. 2. С. 297.

² Там же. С. 297–315.

³ Там же. С. 297.

⁴ Гейбуллаев Г.А. Азербайджанда аиле ве нигах (Семья и брак в Азербайджане): в 2-х т. Баку, 1994. Т. 2. С. 29.

⁵ Азербайджан этнографиясы. С. 297–315.

⁶ Анохин Г.И. Общинные традиции норвежского крестьянства. М., 1971. С. 10.

⁷ Гуревич А.Я. Норвежское общество в раннее Средневековье. URL: http://www.ulfdalir.narod.ru/literature/Gurevich_A_Society/ch1_commune.htm

⁸ Гуревич А.Я. Англосаксонский фольклор и древнорвежский одал. URL: <http://ulfdalir.ru/literature/735/2622>

⁹ Гуревич А.Я. Большая семья в северо-западной Норвегии в раннее Средневековье. URL: <http://ulfdalir.ru/literature/735/26804>

¹⁰ Анохин Г.И. Указ. соч. С. 113.

¹¹ Законы Гулатинга в редакции короля Магнуса исправителя законов. URL: <http://norse.ulver.com/other/landslov>

¹² Анохин Г.И. Указ. соч. С. 108.

¹³ Там же. С. 110.

¹⁴ Там же. С. 109.

¹⁵ *Бромлей Ю.В.* Становление феодализма в Хорватии. М., 1964. С. 149.

¹⁶ Там же. С. 151.

¹⁷ Там же. С. 113.

¹⁸ Законы Гулатинга в редакции короля Магнуса исправителя законов. URL:
<http://norse.ulver.com/other/landslov>

¹⁹ Там же.

²⁰ *Анохин Г.И.* Указ. соч. С. 114.

Е. Р. Михайлова

БРАСЛЕТЫ С УТОЛЩЕННЫМИ КОНЦАМИ В ГЕРМАНСКИХ И ВОСТОЧНОЕВРОПЕЙСКИХ ДРЕВНОСТЯХ

Металлические украшения — важный источник для исследования самых разных аспектов культуры прошлого. Их изучение традиционно занимает важное место в археологических исследованиях.

Среди широко распространенных в эпоху раннего Средневековья украшений для рук выделяется интересная разновидность браслетов — с утолщенными или расширенными по сравнению с серединой браслета концами. Концы таких браслетов часто орнаментированы, они могут быть массивными или полыми внутри; сечение концов также разнообразно: круглые, уплощенные, многогранные и т.п.

Несмотря на многочисленность, эти браслеты практически не подвергались специальному вещеведческому анализу. Исключением является лишь несколько работ, выполненных в основном на западноевропейском материале.

Первым подробно рассмотрел браслеты с утолщенными концами О. Клееманн¹. Он предложил общие критерии для формального описания и типологии этих украшений: размеры утолщенных концов относительно корпуса браслета, сечение и массивность концов, орнамент, материал. Эти критерии стали общепринятыми при описании подобных браслетов.

Из недавних работ необходимо упомянуть монографию о браслетах эпохи Меровингов Б. Вюрер². Она подразделила западноевропейские браслеты на ряд групп в соответствии с материалом (золото, серебро, бронза) и орнаментом (зооморфный, из групп параллельных бороздок, геометрический и т.д.). Проанализировав хронологию и географию находок, исследо-

вательница продемонстрировала широкое распространение в Европе браслетов с сильно утолщенными концами начиная с V века.

Необходимо также упомянуть обзор К. Карнапа-Борнхайма, выполненный им в связи с находками из торфяника Иллеруп Одаль³, и небольшую сводку о находках браслетов с округлыми и гранеными утолщенными концами с территории Восточной Латвии, выполненную Я. Циглисом⁴.

Наиболее древние браслеты с утолщенными концами известны в памятниках начала нашей эры на Среднем Востоке (Фергана, Афганистан, Северный Пакистан)⁵. Это браслеты с сильно расширенными концами, оформленными в виде голов животных. Они найдены в том числе и в царских гробницах, например роскошные золотые экземпляры с инкрустацией из поделочных камней в Тилля-тепе.

Браслеты с утолщенными концами встречаются также в сарматских памятниках I–II веков н.э. Это очень простые, довольно тонкие, гладкие украшения, без орнамента, их концы по сравнению со средней частью браслета утолщены незначительно⁶.

Затем браслеты с утолщенными концами в Азии исчезают, а через некоторое время появляются вновь в германских древностях.

Здесь некоторые браслеты с утолщенными концами несут очень важную символическую функцию: такой браслет демонстрирует высокое положение его владельца или владелицы. Любопытно, что этой символической функцией обладают браслеты вышеупомянутых древних форм: с зооморфными концами и гладкие со слабо утолщенными концами.

Звериноголовые браслеты очень редки, это замкнутая группа предметов, не получившая дальнейшего развития: возможно, они являются изделиями византийских мастеров. Такие браслеты найдены в шести богатых франкских погребениях конца V — первой половины VI века (по одному в Бельгии и Западной Германии, остальные во Франции). Все они изготовлены из серебра (некоторые позолочены), вставки выполнены из стекла или альмандина⁷.

Наиболее очевидно обозначение высокого положения или происхождения в случае гладких браслетов с утолщенными концами, неоднократно обсуждавшееся исследователями. Речь идет в первую очередь о золотых браслетах. Эти браслеты и их символическое значение были рассмотрены в специальной статье Й. Вернера⁸. По его мнению, они появились у германцев в III веке как знак принадлежности к высшей знати (возможно, к королевскому роду). Наиболее известен браслет из могилы франкского короля Хильдерика (ум. 482 г.), но аналогичные браслеты происходят из целой

серии богатых аристократических погребений. Эти же браслеты начиная с римского времени представляли собой престижное сокровище.

К. Карнап-Борнхайм, рассматривая находки из торфяника Иллеруп в Ютландии, отметил, что золотые браслеты с утолщенными концами появляются в погребениях и кладах Скандинавии начиная с периода C1b и бытуют вплоть до VI века как символ высокого статуса и сокровище. Браслеты из Иллерупа, по мнению Карнапа-Борнхайма, также следует расценивать как свидетельство принадлежности к воинской элите⁹.

Важна также работа О. Кюльберга по позднеримским и византийским солидам из Хельге, в которой подробно рассмотрены гладкие золотые браслеты с утолщенными концами на территории Скандинавии¹⁰.

Непарные золотые браслеты из погребения 2 в Морском Чулке рассмотрели в широком контексте И.П. Засецкая и М.М. Казанский¹¹. Характеризуя браслет из круглого в сечении дрота с массивными концами в виде раструбов, авторы отмечают распространенность подобных украшений в I–V веках от Пакистана до Франции. Большинство таких браслетов происходит из европейских аристократических могил гуннского и постгуннского времени. Они представлены чаще в мужских погребениях — знатных воинов периода D3 в Подунавье (450–480/490 гг.): Блучина, Апахида I, Пуан, Турнэ, Гроссэрнер; найдены и в нескольких женских захоронениях: Берегово, Кельн (в Кельнском соборе и в ц. св. Северина (последний — серебряный)), несколько ранее также в Регей (D2 или D2/D3).

Другой любопытный пример демонстрации статуса — гладкие браслеты с утолщенными концами, изготовленные из серебра. Их значение определила немецкая исследовательница Урзула Кох, анализируя находки эпохи Меровингов из окрестностей Регенсбурга (Бавария)¹². Она обратила внимание на важные различия: браслеты с утолщенными концами без орнамента оказались свойственны франкам, в то время как орнаментированные носили в основном аламанны. При этом в погребениях франкских женщин, согласно наблюдениям Кох, серебряные браслеты с утолщенными концами, надетые на левую руку, явно демонстрировали зажиточность и, возможно, высокое общественное положение погребенной.

В течение V–VII веков разнообразные браслеты с утолщенными концами широко распространяются на большей части европейского континента.

В Восточной Европе браслеты с утолщенными концами хотя и наиболее характерны для древностей V–VII веков, но в меньшем количестве продолжают бытовать и на протяжении VIII–X веков. По-видимому, на рубеже I–II тыс. такие браслеты постепенно выходят из употребления.

Из поздних комплексов можно упомянуть, в частности, несколько роменских кладов (Полтавский, Железницкий)¹³; комплексы IX–X веков на Псковском городище¹⁴ и поселении Золотое Колено¹⁵. Известны находки из погребальных памятников IX–XI веков: Которск IX в Псковской области¹⁶, сопка № 3 у дер. Новые Дубовики на Нижнем Волхове¹⁷, Лядинский могильник под Тамбовом¹⁸, Большетиганский могильник в Татарстане¹⁹. Браслет с расширяющимися концами найден в одном из курганов XI века у д. Горелуха в Юго-Восточном Приладожье²⁰.

Отдельные находки браслетов с расширяющимися концами известны и в памятниках эпохи викингов в Северной Европе (Туне в Норвегии)²¹.

Восточноевропейские браслеты изготовлены, как правило, из бронзы, значительно реже встречаются серебряные, золотые единичны. По всей вероятности, датирующим признаком может служить и орнамент браслетов (врезной геометрический, пуансонный и т.п.).

Эти браслеты чрезвычайно многообразны, среди них можно выделить отдельные типы и группы типов, характерные для определенных местностей или конкретных исторических периодов.

Пока можно наметить лишь предварительные результаты работы по сбору, типологии и датировке браслетов с утолщенными концами.

В самых общих чертах определяются основные линии эволюции браслетов:

- из круглых в плане они постепенно приобретают овальную форму;
- концы браслетов с течением времени расширяются все сильнее;
- раньше других появляются браслеты с концами круглого сечения, позднее возникают также браслеты многогранные или овальные в сечении;
- концы браслетов с течением времени уплощаются, а с VIII века широко распространяются и пластинчатые браслеты с расширенными концами.

Попытка упорядочить браслеты по их орнаментации и сечению позволила выявить некоторое количество типов, чаще всего связанных с определенной территорией.

Наиболее широко (и долго) представлены самые простые формы, например браслеты, орнаментированные несколькими поперечными бороздками или штрихами на концах. Довольно широко распространен геометрический орнамент, составленный из вертикальных или косых линий.

Некоторые разновидности оформления концов браслетов привязаны к определенным территориям. Так, браслеты с полыми концами (круглыми или гранеными) известны преимущественно в южных регионах (авары, «древности антов») и, возможно, возникли благодаря византийскому влиянию.

Особый поздний тип браслетов с утолщающимися концами известен в кочевнических памятниках Восточной Европы — это браслеты из массивного дрота, с обрубленными концами, которые утолщены незначительно, но с резким изгибом²².

Выделяются «северные» формы и приемы орнаментации браслетов. Только для Северной Европы (Скандинавии, в меньшей степени Финляндии) характерна орнаментация браслетов с утолщенными концами пуансоном. Декорирование украшений отпечатками пуансона было широко распространено в Северной Европе начиная с римского времени, и наши браслеты — лишь частный случай общей традиции. Единичные находки браслетов с пуансонным орнаментом на утолщенных концах в лесной зоне Восточной Европы — скорее всего, свидетельство связей со Скандинавией.

Другая типично скандинавская манера орнаментации браслетов — несколько горизонтальных линий по внешней стороне браслета.

Интересный тип представляют собой литые так называемые выпукловогнутые браслеты с расширяющимися концами. Характерной особенностью этих браслетов являются отогнутые наружу края, группы параллельных узких мелких канавок на поверхности браслета и гравированный геометрический орнамент из двойных линий. Они хорошо известны в древностях Финляндии периода Меровингов, где рассматриваются как местный тип украшений²³. Единичные находки таких браслетов известны в синхронных древностях Эстонии и на территории Северо-Запада России²⁴.

Для Юго-Восточной Прибалтики оказываются характерны браслеты с утолщенными массивными концами 8-гранного сечения. Среди видов орнамента в Прибалтике часто встречаются глазки с точкой в центре и косая плетенка («паркет»). Косая плетенка на браслетах с утолщенными концами вообще отмечена только на территории Латвии и Литвы.

В восточнофинских древностях, помимо браслетов из цветного металла, встречаются и железные экземпляры.

Работу в этом направлении планируется продолжать, в первую очередь необходимо выделение более дробных типов браслетов, их датирование, определение географических пределов бытования тех или иных типов.

Конечным результатом такой работы должна стать подробная типохронологическая схема, которая позволит датировать раннесредневековые памятники в «бесфибульных» регионах и зафиксировать связи между различными культурами Европы.

Отдельный и важный историко-этнографический сюжет — выделение типов браслетов, демонстрировавших ранг своих владельцев, а также

реконструкция тех культурных процессов, в результате которых статусные знаки постепенно распространяются на огромной территории, переходя в категорию общепринятого недорогого украшения.

* * *

¹ *Kleemann O.* Die Kolbenarmringe in den Kulturbeziehungen der Völkerwanderungszeit // Jahresschrift für mitteldeutsche Vorgeschichte. Halle, 1951. Bd. 35. S. 102–143.

² *Wührer B.* Merowingerzeitlicher Armschmuck aus Metall (Europe médiévale, 2). Montagnac, 2000.

³ *Carnap-Bornheim Cl. von, Ilkjær J.* Illerup Ådal. 5. Die Prachtausrüstungen. Textband // Jutland Archaeological Society Publikations. Aarhus, 1996. XXV: 5.

⁴ *Ciglis J.* Some notes on the chronology of Latgalian and Selonian artefacts in the Middle Iron Age // Archaeologia Lituana. 2001. Vol. 2. P. 48–64.

⁵ *Сарианиди В.И.* Храм и некрополь Тиллятепе. М., 1989. С. 55–56, 63–64, 115–116; *Засецкая И.П., Казанский М.М., Ахмедов И.П., Минасян П.С.* Морской Чулек. Погребения знати из Приазовья и их место в истории племен Северного Причерноморья в постгуннскую эпоху. СПб., 2007. С. 58.

⁶ *Raddatz K.* Der Thorsberger Moorfund. Gürtelteile und Körperschmuck. Katalog // Offa. 44. Neumünster, 1957. S. 117f; *Kazanski M., Périn P.* Le mobilier funéraire de la tomb de Childéric Ier. Etat de la question et perspectives // Revue Archéologique de Picardie. 1988. T. 3–4. P. 23–24; *Carnap-Bornheim Cl. von, Ilkjær J.* Op. cit. S. 360; *Засецкая И.П.* [у др.] Указ. соч. С. 56.

⁷ *Wührer B.* Op. cit. P. 30; *Høilund Nielsen K.* Animal style and elite communication in the later 5th and 6th centuries // Weibliche Eliten in der Frühgeschichte. Internationale Tagung vom 13. bis zum 14. Juni 2008 im RGZM im Rahmen des Forschungsschwerpunktes »Eliten« / Hrsg. D. Quast. Mainz, 2011. S. 367; *Périn P.* Une exceptionnelle “aplique” mérovingienne à têtes de sanglier de Francheville (France, Marne) // Antiquité nationales. P., 2008. T. 39. P. 53.

⁸ *Werner J.* Der goldene Armring des Frankenkönigs Childerich und die germanischen Handgelenkkringe der jüngeren Kaiserzeit // Frühmittelalterliche Studien. Jahrbuch des Instituts für Frühmittelalterforschung der Universität Münster. Bd 14. Berlin; N.Y., 1980. S. 1–49. Русский перевод: *Вернер И.* Золотой браслет короля франков Хильдерика и германские браслеты позднеримского времени (с приложением работы Людвига Паули) / пер. с нем. яз. Е.Р. Михайловой // Stratum Plus. 2013. № 4. С. 315–348.

⁹ *Carnap-Bornheim Cl. von, Ilkjær J.* Op. cit. S. 360, 364.

¹⁰ *Kyhlberg O.* Late Roman and Byzantine Solidi // Excavations at Helgö, X. Coins, Iron and Gold / Eds. A. Lundström, H. Clarke. Stockholm, 1986. P. 13–126.

¹¹ *Засецкая И.П.* [у др.] Указ. соч. С. 48–60, табл. III: 4, 5.

¹² *Koch U.* Die Grabfunde der Merowingerzeit aus dem Donautal um Regensburg // Germanische Denkmäler der Völkerwanderungszeit. Berlin, 1968. Serie A, Bd. 10 (2 Vol).

¹³ Корзухина Г.Ф. Русские клады IX–XIII веков. М.; Л., 1954. С. 79, 81; *Левашева В.П.* Браслеты // Очерки по истории русской деревни X–XIII веков. (Тр. ГИМ, 43). М., 1967. С. 214.

¹⁴ *Белецкий С.В.* Культурная стратиграфия Пскова (Археологические данные к проблеме происхождения города) // КСИА. 1980. Вып. 160. Рис. 1: 15, 16.

¹⁵ *Носов Е.Н., Плохов А.В.* Поселение Золотое Колено на Средней Мсте // Материалы по археологии Новгородской земли, 1990 г. / под ред. В.Л. Янина, Е.Н. Носова, П.Г. Гайдукова. М., 1991. С. 126, 127, рис. 5: 4.

¹⁶ *Михайлова Е.П.* Бескурганые могильники близ Которского погоста: хронология и место среди погребальных древностей лесной полосы Восточной Европы // Русь в IX–X веках. Общество. Государство. Культура. (в печати)

¹⁷ *Кузьмин С.Л.* Сопка у д. Новые Дубовики // Археология и история Пскова и Псковской земли. 1991: материалы симпозиума. Псков, 1992. С. 52–55.

¹⁸ *Воронина Р.Ф.* Лядинские древности. Из истории мордвы-мокши. Конец IX — начало XI века. По материалам Цнинской археологической экспедиции 1983–1985 годов. М., 2007. С. 23, рис. 62: 2.

¹⁹ *Казаков Е.П.* Проблемы взаимодействия волжских булгар с волго-окскими финнами в IX–XII веках // Уваровские чтения–V: материалы науч. конф., посвящ. 1140-летию города Муром. Муром, 14–16 мая 2002 г. / под ред. Т.Б. Купряшиной, Ю.М. Смирнова. Муром, 2003. Рис. 1: 12а.

²⁰ *Кочкуркина С.И.* Памятники Юго-Восточного Приладожья и Прионежья X–XIII веков (реки Сясь, Тихвинка, Капша, Паша, Воронежка, Свирь, Олонка, Тулокса, Видлица, северное и западное побережье Онежского озера). Петрозаводск, 1989. С. 53.

²¹ *Schetelig H.* Tuneskibet (Norske Oldfynd, II). Kristiania, 1917. Taf. I, fig. 7.

²² *Стащенко Д.А., Турецкий М.А.* Погребение эпохи раннего Средневековья у хутора Лебяжинка (к вопросу об этнокультурной ситуации в Самарском Поволжье в IX в.) // Охрана и изучение памятников истории и культуры в Самарской области. Самара, 1999. Вып. 1. С. 289–301.

²³ *Cleve N.* Skelettgravfalten på Kjuloholm i Kjulo I. Den yngrefolkvandringstiden // SMYA. 1943. XLIV, 1. S. 92, fig. 30; *Kivikoski E.* Die Eisenzeit Finnlands. Bildwerk und Text. 2st ed. Helsinki, 1973. S. 68, Abb. 453; *Lehtosalo-Hilander P.-L.* Luistari II. The Artefacts (SMYA 82: 2). Helsinki, 1982. P. 118–119.

²⁴ *Михайлова Е.П., Федоров И.А.* Случайные находки у пос. Коммунар Ленинградской области — предполагаемый могильник I тыс. н.э. // Археология и история Пскова и Псковской земли: Семинар имени академика В.В. Седова: материалы 56-го заседания, посвящ. 130-летию Псковского археологического об-ва (7–9 апреля 2010 г.). М.; Псков, 2011. С. 72, рис. 2: 1.

С. С. Алексашин

**«ВАРЯЖСКОЕ ПРИЗВАНИЕ».
К 1150-ЛЕТИЮ РОССИЙСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ**

Летописный текст о «варяжском призвании» как в популярном, так и в традиционном историографическом понимании стал парадигмальной точкой отсчета в исследовании вопроса об исторических корнях древнерусской государственности. Событие, о котором повествуется в тексте, составляющем начало первой части «Повести временных лет»¹ и в определенном смысле являющемся доминантой всей летописи, по своему историческому значению справедливо относится к эпохальным фактам отечественной истории. Не случайно потому «призвание» легло в основу знаменитой норманнской теории, которая в ответе на вопрос о роли приглашенных варягов в образовании государственности на Руси, в сущности, имеет основу той или иной трактовки «варяжской легенды» русских летописей. В зависимости от доминирующей политической конъюнктуры история о «призвании» в исторической мысли приобретала шведскую (Петр Петрей), болгарскую (рукопись «Джагфар Тарихы») и совсем кажущуюся алогичной алано-чеченскую социально-политическую подоплеку. В общем смысле собственно исторический аспект проблемы варяжского призвания заключается в прояснении трех вопросов: кто, откуда и кем были призваны варяги-русы? Средневековая западноевропейская летописная историография во многом способна прояснить эти вопросы.

Как показывает исследовательский опыт, историографическое сопоставление летописных текстов с доминирующим мотивом «призвания иноземцев в управление» имеет свои веские основания. Так, исследование А.А. Куника, посвященное сравнительному анализу отечественного «призвания» и «Сказания о призвании англосаксов», авторами которого были Видукинд Корвейский, Павел Диакон и Лев Остийский, показало, что бри-

танское сказание во многом явилось сюжетным прототипом древнерусского текста. Действительно, некоторые сюжетные линии «призвания» едва ли не дословно совпадают с англосаксонской летописью, что прежде всего отразилось во фрагменте о приглашении иноземцев в управление: «И вот когда распространилась молва о победоносных деяниях саксов, жители Британии послали к ним смиренное посольство с просьбой о помощи. И послы (из Британии), прибывшие к саксам, заявили: “Благородные саксы, несчастные бритты, изнуренные постоянными вторжениями врагов и поэтому очень стесненные, прослышав о славных победах, которые одержаны вами, послали нас к вам с просьбой не оставить (бриттов) без помощи. Обширную, бескрайнюю свою страну, изобилующую разными благами, (бритты) готовы вручить вашей власти”».

Историческая реплика очевидна, однако в начале XX века отечественный историк А.А. Шахматов в своем исследовании «Сказание о призвании варягов»² подверг сомнению историческую суть данного текста, объявив всю летопись «поздней вставкой», «синтезом нескольких северорусских преданий», подвергнутых основательной переработке летописцами. Текст о «призвании» был объявлен чуть ли не плодом творчества киевских летописцев второй половины XI — начала XII века.

Следующий приведенный нами фрагмент из «Дней арабов», описывающий аналогичные события, но имеющие местом действия уже арабский мир тремя столетиями ранее, рассеивает скоропалительные выводы историка о невозможности данного исторического события: «Когда люди бакр ибн ва'ил стали безрассудны и одолели безрассудных рассудительных, захватив дела правления в свои руки, и прервались древние связи родства, собрались их предводители и сказали: “Безрассудные овладели правлением, сильный поедает слабого, нужно поставить над нами царя, которому мы станем отдавать овцу и верблюда, он возьмет для слабого у сильного, вернет обиженному от притеснителя. Но не может им быть ни один из нас, другие ему станут прекословить, и дела наши только ухудшатся. Пойдем к Тубе, пусть он поставит царя над нами”. Они пошли и поведали ему о том, что с ними стало, и поставил он над ними ал-Хариса ибн 'Амра ибн Худжра»³.

Факт того, что перед нами еще одна реминисценция исходной летописи, которую можно понимать как исторически и юридически выверенную формулу дипломатической ноты между переговорщиками, не подлежит сомнению. Признание этого факта делает возможным допустить, что институт «выборщиков» мог существовать и задолго до датированного при-

звания Рюрика, а в Приильменье имело место устойчивое протогосударственное образование с децентрализованной властью.

Героями призвания были три брата: Рюрик, Синеус и Трувор. Характерно, что Рюрик в древнерусских летописях предстает перед нами «без роду и племени», бестелесным наместным чиновником с полумифическими братьями, которые быстро и одновременно умирают, оставив нам память о крайних границах в Изборске и Белоозере государства, образованного ильменскими насельниками. Правление Рюрика на Руси, если следовать летописям, невыразительно, событийные сведения выхолощены и отрывочны, характерные поступки отсутствуют. Все же Рюрик пришел на Русь в критическом для мужчин раннего Средневековья возрасте. Однако, как мы видим (примерно эту же дату нам предлагает профессор Ф. Крузе⁴), Рюрик для Руси был еще бодр и моложав, оставив сына и двух дочерей. Это блистательно доказал в 1810 году историк И.Ф. Круг в работе «Критический опыт объяснения Византийской хронологии в связи с древнейшей историей Руси», что помогло ему защитить подлинность договора Игоря с греками от 944 года.

В свою очередь отечественная историография отождествляет Рорика Фрисляндского и Рюрика Новгородского с оговоркой, что имел место институт приглашения на Русь. Впервые эту версию призвания правителей из варяг, из руси выдвинул сам летописец — преподобный Нестор, и, по негласному решению историков, он стал основоположником норманнской теории. Европейские анналы сообщают нам о Рорике Фрисландском как о человеке с недюжинными способностями политика, воина и предпринимателя.

В Приильменье к приходу Рюрика сложилось протогосударственное образование — союз ильменских насельников, или *civitate*, в который входили округа (*pagi*). Особенностью этого союза было его полиэтничное образование из мелких князьков с уделами и окружных насельников. *Проблема заключалась в отсутствии единого правового поля, столь необходимого для региональной экономики, базисом которой были международная транзитная торговля и солевой промысел со своими местными акцизами, побережными и подорожными податями и прочими особенностями.*

Судя по некоторым правовым аналогам, при таком приглашении, как в призвании, — воина с дружиной — оговаривалось вождество, то есть подкрепляемое присутствием личной дружины право на пожизненное владение отдельными территориями без наследования, дарения и участия владений в обороте. Таким образом, создавалась модель некоего дружинно-

го княжества. Характерно, что Рюрик не приглашался на должность Великого князя и эту титулатуру летописи к нему не употребляют — в контексте исторических реалий IX века такой титул выглядел бы явным анахронизмом. Возможно, неслучайно летописи берут начало генеалогии князей лишь с Игоря Старого, и имя Рюрика как княжеское используется в генеалогическом древе его потомков только с середины веков, когда исторические нюансы уже стерты временем. Не исключено, что только к тому времени стал зарождаться институт княжения с вертикальной властью, хотя, судя по реалиям времен Ярослава Мудрого, еще весьма ограниченной. Естественно, вся эта процедура согласовывалась с неписаными правовыми нормами традиционных архаических обществ. На втором плане (для приглашавших Рюрика этносов, но не для него самого) были функции защиты региональной экономики с поддержкой на европейском и азиатском рынках. С этими функциями Рюрик справился вполне успешно.

Рорик Фрисландский с товарищами к этому времени имел в пользовании часть датского полуострова от Северного моря до Балтийского по реке Айдер и прямой контроль над двумя крупными портовыми городами. То есть в Европе в 852 году он контролировал важнейший торговый путь через устье Рейна и по р. Эйдер⁵, по которому на Балтику и далее попадали франкские (мечи, вино, украшения) и фризские (сукно, гребни и пр.) товары. Произошло совпадение интересов обеих сторон. Ко времени призвания в Европе во главе с Рориком Фрисландским было фактически создано транснациональное торговое сообщество. После нападения на торговые города Бирку и «богатый город (*ad urbem*) во владениях славян (*in finibus Slavorum*)»⁶, овладения Дорестадом статус Хедебю значительно возрос, как и авторитет Рорика — опытного воина и предприимчивого правителя фризских областей, понимавшего приоритет торговли над грабежами и разбоями. К этому времени Рорику удалось создать «логистическую дугу» Дорестада–Хедебю. Однако торговая экспансия Рорика, судя по ряду связанных между собой событий 859–860 годов, не ограничивалась севером Европы и имела далекоидущие намерения. «Норманн Рорик, управлявший Дорестадом, с согласия своего господина, короля Лотаря, повел флотилию в область данов и по соглашению с королем данов Хориком взял во владение вместе со своими товарищами часть земли, находящейся между морем и рекой Эгидора (Айдер)» — сообщают анналы.

Описание Рорика-Рюрика как правителя и личности у Нестора вступает в критическое противоречие с косвенными фактами и наводит на мысль о сознательном вымарывании деятельности Рорика-Рюрика и его роли

в становлении государственности на Руси. Местному Рюрику в истории Руси отводится место временщика, приведшего военно-торговое образование «Русь» к созданию Олегом Киевского государства. Приоритет созидаателя и строителя государственности получает полумифическая личность Олега, чья биография в точности повторяет жизнеописание скандинава Одда из «Лживых саг». Речь идет о племяннике Олеге, который неожиданно по смерти Рюрика приобретает уникальные качества строителя крепостей, свата, талантливого полководца многотысячного войска, и он же якобы оставляет Новгород и чуть ли не в одиночку с малолетним Игорем на руках захватывает Киев. Детали эпизода овладения хитростью Киевом весьма точно напоминают захват Гастингсом города Луны. Излишне пафосно и наивно в наши дни выглядит сцена передачи регентских полномочий и малолетнего сына Игоря Олегу. Безусловно, все эти литературные пассажи ангажированы и были предприняты с целью разрыва в исторической мысли властных связей Новгорода с Киевом. Очевидно, что деяния Рорика-Рюрика на Руси, его устремление к Византии и овладение Киевом с абсолютной властью в своем лице, преемственностью своему роду становились опасной ересью для историков раннего Средневековья и ставили Киев в истории Руси во второй эшелон и политическую зависимость не только от Новгорода, но и от европейского рода Рорика-Рюрика. Хотя в борьбе за княжий стол, как мы видим, Рюриковичи не стеснялись обращаться за военной помощью к своим дальним родственникам. Центр всех исторических событий в «Повести» смещается по летописям к Киеву с целью объявить его ядром православной веры и русской государственности. Характерно, что все эти события происходят в несторовском летописании в 882 году, то есть тогда, когда в этом же году в европейских анналах бенефиции (“*Roricus habuerat... tennerat*”) Рорика Фрисландского после его кончины обрели нового правителя в лице Готфрида — дальнего родственника Рорика. Более правдоподобно личность и биография Олега, хотя и фрагментарно, отражены в «Кембриджском документе», где Олег после неудачных походов в Византию стыдливо бросает свою страну и уходит морем в Персию. «И пал он там и весь стан его» — сообщает рукопись.

Естественно, вопрос о национальной идентификации, столь интересный для отечественного обывателя, неотъемлемо возникает при знакомстве с этой частью древнерусской истории. Пристального внимания достойны исследования генеалогического дерева Вельфов немецким математиком Г. Лейбницем. Почти четверть века с особой тщательностью великий математик готовил этот труд. Нет повода подозревать Лейбница в тенденциоз-

ности изысканий, поскольку работа была инициирована прежде всего самими Вельфами и необходимостью отказаться от баснословных генеалогий. Своими трудами Лейбниц доказал, что Рюрик пришел на Русь из Вагрии — страны на берегу Балтийского моря. О Рюрике упоминается в родословном древе, созданном исследователем, поскольку им были найдены факты родственных связей. «Эта Вагрия, — пишет Лейбниц, — была несколько раз покоряема норманнами или датчанами. Итак, Рюрик, по моему мнению, был датского происхождения, но пришел из Вагрии или из окрестных областей. Поэтому название этой страны у славян легко могло сделаться названием всего моря, и русские, не умевшие, вероятно, хорошо произнести “гр”, сделали из Вагрии Варяг»⁷.

Версия о генеалогической связи рода Рорика с домом Вельфов весьма привлекательна. Действительно, известно, что имели место две родовые линии Биллунгов — Мекленбургская и Саксонская. Дело в том, что саксонскую линию и дом Брауншвейгов в 665 году основал Биллунг I из западной провинции Мекленбурга (Вагрии или Вагирской марки) г. Вендена, граничащей с Саксонией. Биллунги среди князей Мекленбурга встречаются в источниках X века. В 804 году нордальбинские саксы были переселены с семьями внутрь Франции и Германии. Саму же Нордальбингию, то есть западную часть Голштинии до устья Эльбы с выходом к морю, Карл Великий передал славянам-ободритам из округа Россенгау. Семья Вельфов долгое время находилась в опале и была лишена привилегий из-за поддержки саксонского восстания и сопротивления преобразованиям Карла Великого в своей империи. Правнучки этого графа были замужем за Каролингами: Юдит Вельф состояла в браке с императором Людовиком Благочестивым. Вероятно Г. Лейбниц, скрупулезно изучая генеалогию этого дома, нашел коллатеральные связи Вельфов с Мекленбургским домом, поскольку точно известно, что они были связаны браком и являлись в позднее время родственниками мекленбургским правителям по линии Германа Биллунга. В настоящее время неизданные тома рукописей Г. Лейбница находятся на хранении в архиве Гамбурга и ждут своих исследователей. Любопытно, что около 900 года женой Дитриха Брауншвейгского была Рейнхильда из Хедебю (Hedeby), внучка Харальда Клака и дочь Годфрида, то есть внучатая племянница Рорика Фрисляндского, унаследовавшего после смерти Рорика его земли в правление. Связь Вельфов с Рюриковичами подтверждают и другие матримониальные браки. В 977 году на Руси между Рюриковичами разгорелась междоусобная война, и один из братьев — в то время удельный князь Владимир — бежал из Новгорода в несторовское «за море».

В 980 году Владимир вернулся на Русь с варяжским войском. Согласно немецкой «Генеалогии Вельфов», родственник императора граф Куно фон Энингэн (будущий герцог Швабии Конрад I) выдал замуж свою дочь и внучку императора Оттона Великого за «короля ругиев». По одной из версий, Кунигунда стала женой князя Владимира после смерти его супруги, византийской царевны Анны. Владимиру была крайне необходима независимая от политической ситуации военная поддержка захваченного им великокняжеского престола. В 1018 году мачеха Ярослава, то есть вдова Владимира, была пленена Болеславом I вместе с сестрой Ярослава Предславой и его первой женой Анной. Вторым браком уже сын Ярослава Святослав Ярославович был связан с Одой Штаденской из рода Вельфов, возможно, дочерью маркграфа Луитпольда Бабенберга, родственницей Папы Льва IX и императора Генриха III. И далее эта традиция только укреплялась. В 80-е годы XI века, по сообщению Анналиста Саксона, сын маркграфа северной марки Удона III Генрих Длинный Штаденский обручился с дочерью русского короля. Невеста получила имя Адельгейды, под этим именем в европейскую историю вошла дочь Всеволода Евпраксия, позднее вернувшаяся на родину и постригшаяся в монахини в 1106 году.

Призвание как временный, срочный, институт правления землями Древней Руси раскрывают первые, архаичные списки «Повести». Междоусобица и незаконные привели племена Древней Руси к анархии и кровопролитию. На вечевом собрании, ставшем впоследствии высшим органом власти, представители народов пытались выбрать единого великого князя-объединителя. Идея была отвергнута, поскольку мог возникнуть соблазн лоббирования через делегируемого князя интересов одного из племен. Три года прошли в переговорах, и наконец было принято соломоново решение — призвать независимого правителя из варягов-русов. В мирное время это правитель, исполняющий местные «законы отцов и предков», будучи верховным судьей, «судил бы по праву», и вождь-защитник в лихую годину. Эти же принципы управления у русов, вооруженных сулаймоновыми (франкскими) мечами, и статус их царя, порой подчиняющегося воле жреца-знахаря, приводит в своей «Книге дорогих ценностей» арабский географ IX века Ибн Русте. К слову сказать, в этой связи географ Ибн Русте упоминает и город славян как Сла.а — «приятный город, и из него, когда царит мир, ведется торговля со страной Булгар». Славенск, как прототип Новгорода, описывает В.С. Татищев в произведении «Об истории Иоакима Епископа Новгородского», в части «О князьях русских старобытных». В настоящее время это район Славенский конец г. Великого Новгорода, на

историческом месте древнего поселения Славно. Отдельные поселения на Торговой стороне существовали уже в IX–X веках, но они не были непосредственно связаны с городом. Академик М.Н. Тихомиров в монографии «Древнерусские города», говоря о начале заселения Приильменя, допускал, что таким древнейшим населенным пунктом справедливо может считаться холм Славно с позднейшей церковью Илии пророка.

Следует отметить, что идея призвания, после невозможности выбора князя внутри союза, предполагала приглашение князя со стороны, и в конечной форме формула «княжение» отсутствует в Никоновской летописи. Но далее Рюрик именуется князем. В более архаичных списках — Лаврентьевской, Несторовой, Ипатьевской летописях — все с точностью до наоборот. То есть в более раннее время составления летописей институт княжения предусматривал только временное владение, управление и не носил титулатурной функции. Ко времени составления Никоновской летописи (XVI век) автор вводит понятие «князь». Но во времена призвания в Европе был период ранней феодализации, кровавой междоусобицы и передела собственности империи. Аристократы из знатных родов, назначенных франкскими королями и императором на должности баронов, графов округов и марок и герцогами провинций, становились не столько носителями должностных титулов, сколько особой кастой. Для Ильменского союза этот процесс был еще в развитии, и речь о «княжении» может идти исключительно как об исполнительской должности.

Столь ли обидное прошлое видится в предании о приглашении Рюрика и варяжской дружины? Ведь тот институт выбора и общественного договора как высшую форму демократии мы смогли восстановить и применить только спустя тысячу с лишним лет! Фигура легендарного князя Рюрика занимает особое место в понимании истоков русской государственности. Для российской истории Рюрик — фигура знаковая. Интерес к его судьбе и фактам его биографии неизменно возрастает в периоды поиска объединительной идеи, корней и истоков земли русской. Во все времена точка зрения на его приход в славянские земли была исключительно политизированной. Это поле баталий западников со славянофилами, усеянное поломанными копьями и разрушенными репутациями. Кто же был этот варяг — наш или чужой? Каковы были истинные мотивы его прихода «попяша по себе всю Русь», и кто такая «русь», и от кого прозвалась «Русская земля»?

Если сравнить процессы, походившие в эпоху Рюрика, с процессами в XXI веке, то мы увидим поразительное сходство — ничто не ново, и все повторяется. Та же объединенная Европа, как и при нашем герое — Свя-

щенная Римская империя, с единой валютной системой, но гораздо устойчивее, единое торговое пространство. Те же конфликты с мусульманским миром, идеологические и этнические проблемы. Нельзя не отметить и различия, которые сегодняшние глобальные проблемы только ярче высвечивают. Империя Каролингов была в значительной степени возрожденным реликтом поздней Римской империи при набирающей силу феодализации, что в основном обеспечивало единство Запада. И Византия мало отличалась от позднеримской империи. Халифат Аббасидов представлял собою замечательный синтез родового арабского общества, традиций персидской монархии Сасанидов и античной образованности (они знали древнегреческую литературу, философов и т.п. в оригинале, в отличие от франков) — общество, значительно более веротерпимое, чем христианский Запад. Таким образом, мир IX века с социальной и культурологической точки зрения более походил на Римскую империю эпохи Домината (IV век), чем на современный мир. Однако в целом стремительно создавалась картина, которую мы знаем, — достаточно взглянуть на политическую карту Европы 800 года н.э., когда царили три империи, и на карту Европы 1000 года н.э. — на ней мы увидим почти современные страны и границы! Где Россия в этом процессе? Если при Карле Великом летописцы называют нас язычниками и данниками империи франков и до Рюрика «имаху дань Варязи», то где мы сейчас? Интегрируемся ли мы в европейское сообщество, или по известной схеме трагедия повторится как фарс, и мы останемся на обочине мировой истории нефтеданниками?.. История не должна тянуть нас за рукав. В 2012 году Россия отметила 1150-летие российской государственности. Сможет ли наше гражданское общество найти ответы на столь сложные и важные для государственности вопросы, если наверху царит юбилейное равнодушие, а внизу — апокалиптическая истерия?

* * *

¹ Повесть временных лет. СПб., 1996.

² Шахматов А.А. Сказание о призвании варягов (Посвящается памяти А.Н. Пыпина) // Известия Отделения русского языка и словесности Императорской Академии наук. СПб., 1904. Т. IX. Кн. 4. С. 284–365.

³ Цит. по: Негря Л.В. Общественный строй Северной и Центральной Аравии в V–VII вв. М., 1981.

⁴ Крузе Ф. О происхождении Рюрика // Журн. Мин-ва народного просвещения. 1836. № 1.

⁵ Roric Nordmannus, qui praeerat Dorestado, cum consensus domini sui Hlutharii Regis classem duxit in fines Danorum et consentiente Horico Danorum rege partem

regni, quae est inter mare et Egidoram, cum sociis suis poasedit. S. Prudentii annales sive Annalium Bertinianorum pars secunda. Ab anno 835 usque ad 861 PL. T. CXV. P. 1852 Col. 1375–1420.

⁶ Кузьмин С.Л. Ладога в эпоху раннего Средневековья (середина VIII — начало XII в.) // Исследования археологических памятников Средневековья: сб. науч. ст. СПб., 2008. С. 14.

⁷ Герье В. Лейбниц и его век. СПб., 1868. С. 369–373; Он же. Отношения Лейбница к России и Петру Великому по неизданным бумагам Лейбница в Ганноверской библиотеке. СПб., 1871. С. 100–103.

И. Б. Губанов

**«ПРИЗВАНИЕ ВАРЯГОВ» В СВЕТЕ
СОЦИАЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКИХ АНАЛОГИЙ,
ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКОЙ СИТУАЦИИ В ЕВРОПЕ IX ВЕКА
И АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ МАТЕРИАЛОВ
ИЗ ГОРОДИЩ ЛЮБШИ, СТАРОЙ ЛАДОГИ,
ПСКОВСКОГО И РЮРИКОВА ГОРОДИЩА**

Речь в данной статье пойдет об историчности летописных сообщений о призвании варягов. Так, в Ипатьевской летописи сказано: «...имаху дань Варазѣ, приходѣще изъ заморья, на Чюди, и на Словѣнехъ, и на М(е)рѣхъ, и на всѣхъ Кривичахъ, и а Козаре имахуть на Полъне, и на Сѣверехъ, И на Валтичихъ, имаху по бѣлѣ, и вѣверици, тако ѿ дыма...

И изгнаша Варягы за море, и не даша имъ дани, и почаша сами в собѣ володѣти, и не бѣ в них правды, и вѣста родъ на ро(д), и быша оусобицѣ в ни(х), и воевати сами на сѣ почаша, и ркоша поищемъ сами в собѣ кнѣзѣ, иже бы володѣль нами и рѣдилъ, по рѣду по праву, идоша за море к Варяго(м), к Руси, сѣце бо звахуть, ты Варгы Русь, яко се друзии зовутсѣ Свес, друзии же Оурмани, Аньглѣне, инѣи и Готе, тако и си ркоша... Чюдь, Словенѣ, Кривичи, и всѣ земля наша велика, и ѿбилна, а нарада въ неи нѣтъ, да поидете кнѣжи(т) и володѣть нами, и избрѣшасѣ, трие брата, с роды своими, и пояша по собѣ всю Русь, и придоша къ Словѣнномъ пѣрвѣе, и срубиша горо(д) Ладогу, и сѣде старѣишии в Ладозѣ Рюрикъ, а другии Синеоусъ на Бѣлѣѡзерѣ, а третѣи Труворъ въ Изборьсцѣ, и ѿ тѣхъ Варягъ, прозвасѣ Руская земля, по дѣвою же лѣту, оумре Синеоусъ, и братъ его Труворъ, и прия Рюрикъ власть всю ѡдинъ, и прише къ Ильмерю, и сруби горо(д) надъ Волхово(м), и прозваша и Новъгоро(д), и сѣде ту кнѣж(а)...»¹

Полагаю, для решения собственно варяжского вопроса необходимо рассмотреть, во-первых, социальные аналогии, а именно — зафиксировано ли в источниках призвание чужеземного властителя для урегулирования распрей в традиционных обществах родичей, во-вторых, следует ответить на вопрос, можно ли вписать призвание варягов в европейский внешнеполитический контекст IX века, и наконец, в-третьих, выяснить, имеем ли мы археологические свидетельства появления скандинавов во второй половине IX века в центрах, ассоциированных с летописными.

На первый вопрос следует ответить положительно. Идентичную социальную модель призвания традиционным обществом родичей иноземного властителя для урегулирования внутренних конфликтов демонстрируют «Деяния арабов». В этом памятнике, основанном на архаичной устной традиции, сказано, что около 490 года н.э. североаравийские племена кинда и ма'адд обратились к царю Древнего Йемена Туббе, и тот послал им южноаравийского представителя династии Киндитов ал-Хариса. Как свидетельствует этот важнейший источник, «когда люди бакр ибн ва'ил стали безрассудны и одолели безрассудных рассудительных, захватив дела правления в свои руки, и прервались древние связи родства, собрались их предводители и сказали: “Безрассудные овладели правлением, сильный поедает слабого, нужно поставить над ними царя, которому мы станем отдавать овцу и верблюда, он возьмет для слабого у сильного, вернет обиженному от притеснителя. Но не может им быть ни один из нас, другие ему станут прекословить, и дела наши только ухудшатся. Пойдем к Туббе, пусть он поставит царя над нами”. Они пошли и поведали ему о том, что с ними стало, и поставил он над ними ал-Хариса ибн ‘Амра ибн Худжра»².

Это сообщение специалист по традиционному обществу северных арабов Л.В. Негря трактует следующим образом: «В этой легенде есть момент, который не может не привлечь внимания: она дает основание предположить, что явления, порожденные имущественной дифференциацией и социальным расслоением среди членов племени, могли вызвать положение нестабильности, возможность устранения которой еще очень сильная общинно-родовая организация видела в равном для всех подчинении власти извне, даже при условии выплаты дани»³.

Какими бы ни были причины серьезнейших социальных кризисов в традиционных обществах родичей — социальное и имущественное расслоение, как в данном случае («Безрассудные овладели правлением, сильный поедает слабого»), или военные столкновения коллективов родичей, как сказано в летописи («вста род на род»), — в обоих случаях результатом

распри стали тотальное разрушение основных социальных связей традиционных обществ, связей, основанных на обязательствах по родству («прервались древние связи родства») и, соответственно, основательная дискредитация традиционных авторитетов общества («...не может им (вождем. — И.Г.) быть ни один из нас, другие ему станут прекословить»). Таким образом, и у вождей северных арабов конца V столетия, и у вождей славян и финно-угров Восточной Европы IX века не было другого выхода, как призвать иноземного правителя в качестве вождя и арбитра в условиях серьезного кризиса традиционного общества родичей. Это было единственно возможное решение для обществ такого типа. Таким образом, сообщения летописи и «Дней арабов» представляются вполне историчными с точки зрения логики разрешения крупных кризисов в традиционных обществах родичей.

Внешнеполитическая ситуация середины — второй половины IX века также говорит в пользу версии о призывании скандинавов. Как известно, именно в это время распад каролингской империи в 844 году вызвал волну грабительских набегов викингов на Западную Европу⁴. Обращение славянских и древнефинских вождей к скандинавским дружинам и их предводителю как ведущей и весьма мобильной реальной военной силе того времени выглядит вполне логичным.

Тем не менее все вышесказанное без археологических подтверждений появления в указанный период норманнов на Северо-Западе России можно считать лишь предположениями по аналогии. Однако такие подтверждения есть, причем они охватывают три локуса или, по терминологии Г.С. Лебедева, «топохрона» в синхронии, согласующейся с летописными свидетельствами.

Во-первых, показательна судьба ключевого славянского городища Любша на мысу в устье одноименного притока Волхова на правом берегу реки, соединяющей Ладогу и оз. Ильмень. В VIII–IX веках городище в Любше было воротами из Балтики в Восточную Европу. Его сложные фортификационные сооружения уникальны для Северо-Запада России. Как пишет раскопавший Любшу археолог Е.А. Рябинин: «Внутренняя часть ее вала была сооружена из каркасных деревянных конструкций, засыпанных глиной и утрамбованных. На валах стояли внушительные деревянные сооружения. С наружной стороны вал был обнесен подпорной стенкой из колотой известняковой плиты. Истоки подобных фортификационных традиций восходят к славянам Центральной Европы — жителям Подунавья, Великой Моравии и Польши»⁵.

Для нашей темы существенно то, что крепость Любша гибнет именно во второй половине IX века в результате военного штурма. Как отмечают археологи Е.А. Рябинин и А.В. Дубашинский, «имеются данные, свидетельствующие о беспокойной военной обстановке, связанной с самым северным укреплением на окраине Восточной Европы. При раскопках обнаружены десятки наконечников стрел, часть которых оказалась воткнутой в вал или в каменную обкладку укреплений. Этот археологический факт полностью корреспондирует со следами пожара, выявленными при исследовании городища. Типы стрел датируются в широком хронологическом диапазоне, но верхняя граница использования некоторых из них не выходит за пределы IX (или, возможно, X) века... Каменно-земляная крепость была уничтожена во второй половине IX века. Предложенная дата (полученная по данным радиоуглеродного анализа) с учетом комплекса находок позволяет предполагать, что гибель поселения могла быть связана с междоусобицами («встал род на род»), призванием варягов или первыми политическими акциями князя Олега Вещего»⁶.

Во-вторых, приблизительно 865 годом датируется по дендрохронологии пожар, уничтоживший торгово-ремесленное городище Старой Ладogi V яруса, по С.Л. Кузьмину, или горизонта E2, существовавшего с 840 по 865 год. В V ярусе Старой Ладogi, кстати, отчетливо выявляется скандинавский компонент, например, в виде деревянного стержня со старшерунической надписью, вероятно магического содержания, или в виде крупного дома в 120 кв. м каркасно-столбовой конструкции с центральным очагом в северной части раскопа В.И. Равдоникаса⁷. Возможно, присутствие скандинавов на староладожском поселении середины IX века подкрепляет летописную версию об установлении на Руси варяжской дани.

Скорее всего, староладожское поселение V яруса уничтожили враги, так как, помимо мощного слоя пожарища, в заполнении дренажной канавки в раскопе А.Н. Кирпичникова обнаружены, по определению С.Л. Санкиной, обгоревшие черепа погибших женщины 35–40 лет и ребенка 4–5 лет⁸.

В-третьих, синхронно с гибелью славянской крепости в Любше и уничтожением торгово-ремесленного поселения на городище Старой Ладogi возникает Рюриково городище вблизи современного Новгорода, у истоков Волхова на городищенском холме, возвышающемся над периодически затопляемой поймой.

Норманнские древности здесь многочисленны. Преимущественно это вещи в стиле Борре. Среди них равноплечные фибулы и их фрагменты, фрагменты скорлупообразных фибул, кольцевидных булавок, навершие

иглы кольцевидной булавки в стиле Борре, крючок в стиле Борре, накладка в стиле Борре, фигурка валькирии и пр.⁹

Укрепление Рюрикова городища подробно описано: «Внутренний ряд представлял собой трехстенные дубовые срубы, незамкнутые со стороны холма... Длина их внешних стен составляла до 4 м... Перед рядом трехстенных срубов были расчищены остатки второй, внешней полосы деревянных конструкций. Она сохранилась значительно хуже, так как ее наружная, обращенная ко рву сторона оказалась на исследованном участке еще в древности полностью разрушена. От нее уцелели ряды поперечных стенок, находившиеся в 1–2 м друг от друга. Длина их составляла не менее 3 м. Возможно, внешняя полоса деревянных конструкций представляла собой усложненный вариант срубов внутреннего ряда. Эти конструкции поднимались рядами вверх на высоту не менее 4 м. ...поселенческая площадка оказалась защищенной со стороны Ильменя мощной древоземляной конструкцией, своеобразным вертикальным деревянным панцирем, засыпанным изнутри грунтом. Возможно, частично древоземляная конструкция несколько возвышалась и над площадкой, а по ее краю мог идти, к примеру, деревянный тын. Перед этим дубовым сооружением ложбина была углублена, образовав защитный ров...

Во-первых, несомненно, была усилена оборона поселения — вместо пологого склона появилась мощная деревянная стена высотой не менее 4 м. Во-вторых, оказалась увеличенной площадь цитадели. В-третьих, описанная конструкция служила и как гидротехническая защита холма.

<...> при всей своей внешней грандиозности была возведена реально на песке у склона холма и не устояла под напором стихии. При ежегодных подъемах воды основание сооружения было подмыто, заваливаясь в сторону рва, оно поползло вниз по склону, а его остатки оказались перемешанными с грунтом и замыты при последующих подъемах воды. На рубеже IX–X веков грандиозное оборонительное и гидротехническое сооружение прекратило свое существование и больше не возобновлялось. Напрашивается мысль о том, что строители оборонительной стены городища оказались недостаточно знакомыми с природными особенностями Ильменя, за их плечами не было опыта многолетних наблюдений. Крупные подъемы воды, как мы знаем сейчас после начала регулярных измерений, разделяют десятилетия»¹⁰.

В-четвертых, раннее поселение городища Пскова, принадлежавшее культуре рюгу, гибнет в пожаре около 860 года по дендродате, установленной М.И. Кулаковой для бревна с горизонта пожарища, раскопанного

в 1991–1992 годах. Таким образом, сожжение раннего Псковского городища хронологически соответствует летописной датировке призвания варягов, гибели Любши и Староладожского городища V яруса и постройке мощных древоземляных укреплений Рюрикава городища близ будущего Новгорода.

После пожара на месте раннего псковского городища появляется раннесредневековое городище с сильно выраженной «норманнской вуалью». Следует отметить, что скандинавские древности найдены как в соответствующих слоях самого раннесредневекового Псковского городища, так и в погребениях его могильника. Преимущественно это типичные скандинавские трупосожжения. Подавляющее большинство погребений — это кремации, на ингумации приходится только 10 % погребений могильника псковского городища соответствующего периода. Археолог С.В. Белецкий, основательно исследовавший псковское городище, собрал воедино данные о вещевом инвентаре на раннесредневековом городище, о погребениях псковского могильника и структуре дохристианского святилища городища. Он пишет: «Среди вещевых находок в раскопах разных лет серийно представлены предметы североевропейского круга древностей (равноплечные и круглая фибулы, иглы от булавок с декоративным кольцом, фризские гребни, глиняные диски от вертикального ткацкого стана, ланцетовидные наконечники стрел, крест-тельник с грубым изображением распятия и др.) и гибридные фенноскандинавские вещи (гребень с зооморфной спинкой и процарапанным изображением ладьи), а также предметы, указывающие на присутствие в составе населения дружинного и купеческого элемента (складные весы и гиры, детский деревянный меч, имитирующий мечи типа Н или J)...

Большая часть пространства раскопов 1968–1991 годов “на ул. Ленина”... в X — начале XI века была занята курганным некрополем, насыпи которого оказались разрушены еще в древности. В процессе раскопок 1974–1991 и 1998 годов было открыто около 80 погребений... Среди захоронений преобладают погребения по обряду трупосожжения (ТС) на стороне. Не менее трети из них было помещено в урны — лепные, раннекруговые и круговые богато орнаментированные сосуды... поставленные на горизонте или на кострище либо помещенные в грунтовые ямки, опущенные с поверхности погребенного дерна, с поверхности подсыпки или же впущенные в насыпи курганов. ТС на месте немногочисленны: уверенно можно пока говорить только об одном захоронении (погребение № 19), размещавшемся на ладьевидном кострище.

Большинство открытых ТС безынвентарны (если не считать фрагментов керамики и сосудов-урн). Из разрушенного ТС (погребение № 4...) происходят парные скорлупообразные фибулы ТС (погребение № 50...)... Из переотложенного ТС (погребение № 46...) происходит булавка с декоративным кольцом.

...в ровике кургана А найдены железная тордированная гривна с молотком Тора и вотивный железный топорик...

<...>

Ряд предметов, происходящих из предматерикового слоя, с большой степенью вероятности можно связывать с разрушенными погребениями. Таковы равноплечная бронзовая фибула... тордированная железная гривна... инкрустированные бусы, изготовленные из трубочек... ланцетовидный наконечник стрелы... скрамасакс...»¹¹

Было бы заманчиво связать сожжение около 860 года более раннего поселения на месте Псковского городища и большое количество норманнских древностей на появившемся на его месте раннесредневековом поселении с вокняжением здесь брата летописного Рюрика — Трувора.

Таким образом, я полагаю, что летописная версия о призывании варягов подтверждается следующим.

1. В ситуациях глубочайшего кризиса при разрыве связей родичей у лидеров традиционных обществ, при потере ими реального авторитета не было другого входа, как приглашение на роль вождя и арбитра опирающегося на свою вооруженную силу человека со стороны, иноземца. Северные арабы, несмотря на традиционную вражду с южными, выбрали представителя древней йеменской династии, а славяне и финны Восточной Европы — скандинава «из-за моря».

2. Реальная внешнеполитическая ситуация в Европе, находящейся на пике набегов викингов, диктовала решение обратиться именно к предводителю норманнской дружины как к вождю, распоряжающемуся реальной мобильной вооруженной силой, с которой нарушителям родового мира пришлось бы считаться.

3. Гибель стратегически наиважнейшего славянского городища Любша, контролировавшего водный путь по Волхову в Восточную Европу, уничтожение Старой Ладogi V яруса, синхронное с возникновением Рюрикова городища скандинавского облика в Новгороде и появлением многочисленных норманнских древностей после пожара на городище Пскова, свидетельствуют в пользу летописной версии о кровопролитной расправе восточноевропейцев и призывании варягов Рюрика и Трувора...

* * *

В свете последних археологических открытий необходимо сделать два важных добавления.

1. Представляется важным концептуальным моментом смещение акцента с призвания Рюрика на время двумя десятилетиями ранее. Согласно археологическим раскопкам из Старой Ладogi (около 839 года по дендрохронологии) на смену хронологически чередующимся поселениям скандинавов и славян (усадыба свеев с 750 по середину 760 года, которую сменили славянские поселения культуры смоленских длинных курганов со срубными постройками) приходит поселение смешанной домостроительной традиции (большие срубные жилища с центральными очагами), на котором найдены скандинавские древности, например деревянный стержень (прялка?) с уникальной рунической надписью, вероятно, магического содержания. Это бесспорное свидетельство славяно-скандинавского синтеза, которое, возможно, подтверждается данными каролингских Бертинских анналов о посольстве русов, оказавшихся свеями, к императору Людовику Благочестивому, информацией снорриевой «Саги об Олаве Святом», в которой законоговоритель Торгнюр упоминает давние походы конунга Эйрика в середине IX века по Восточному пути, а также рассказом древнерусских летописей о сборе свеямидани с северных славянских и финно-угорских народов в середине IX века. Впервые на все эти факты обратил внимание археолог и историк С.Л. Кузьмин, детально разработавший стратиграфию Старой Ладogi.

2. Летом 2013 года в подматериковом слое на территории Староладожского городища был найден франкский гребень VII века н.э. Преимущественно гребни такого типа распространены по р. Рейн. Гребни древних германцев, найденные археологами, свидетельствуют о присутствии здесь самих германцев, знать которых носила длинные волосы. Появление франкского гребня на, вероятно, славянском поселении тушемлинской культуры VII столетия говорит о давних контактах древних славян и германцев, вероятно кривичей и франков, а затем кривичей и скандинавов. Франко-славянские контакты в VII веке, за 200 лет до призвания Рюрика, заставляют всерьез отнести к гипотезе о тождестве Рюрика Новгородского и вассала каролингов дана Рерика Фрисландского в IX веке. Если кривичи и франки контактировали в столь раннее время, нет причин отрицать возможность контактов Северо-Запада России и подконтрольных франкам территорий на Нижнем Рейне в IX веке (см. новый обзор франкских источников по Рерику Фрисландскому у С.С. Алексашина).

* * *

¹ Ипатьевская летопись // Полное собрание русских летописей. М., 1998. Т. 2. С. 14.

² *Негря Л.В.* общественный строй Северной и Центральной Аравии в V–VII вв. М., 1981. С. 40.

³ Там же.

⁴ *Стринингольм А.* Походы викингов / пер. с нем. А. Шемякина; прил. и прим. К. Фриша; предисл., коммент. А. Хлевова. М., 2002.

⁵ У истоков Северной Руси. Новые открытия: альбом / авт. текста Е.А. Рябинин, авт. фотоил. И.А. Коротенко. СПб., 2003. С. 17, 178.

⁶ *Рябинин Е.А., Дубашинский А.В.* Любшанское городище в Нижнем Поволховье (предварительное сообщение) // Ладога и ее соседи в эпоху Средневековья: сб. науч. ст. СПб., 2002. С. 202–203.

⁷ *Кузьмин С.Л.* Ладога в эпоху раннего Средневековья (середина VIII — начало XII века) // Исследование археологических памятников эпохи Средневековья: сб. науч. ст. / отв. ред. А.В. Виноградов. СПб., 2008. С. 80–82.

⁸ Там же. С. 81–82.

⁹ *Носов Е.Н.* Рюриково городище. СПб., 2008. С. 29, 39.

¹⁰ *Кузьмин С.Л.* Ладога в эпоху раннего Средневековья (середина VIII — начало XII века) // Исследование археологических памятников эпохи Средневековья. СПб., 2008. С. 34–35; *Кирпичников А.Н., Назаренко В.А.* Деревянные сооружения Старой Ладоги по раскопам 1984–1991 годов // Древности Поволховья / под ред. А.Н. Кирпичникова, Е.Н. Носова. СПб., 1997. С. 76.

¹¹ *Белецкий С.В.* Псков в I — начале II тысячелетий н.э. // Российский археологический ежегодник. СПб., 2011. № 1. С. 361–395.

П. Е. Сорокин

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ПАМЯТНИКИ ПРИНЕВЬЯ И ЮБИЛЕЙ РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА

Создание Древнерусского государства происходило на огромных просторах Восточной Европы путем поступательного объединения проживавших здесь славянских, финских и балтских племен. Согласно летописной традиции начало этому процессу было положено на Севере Руси при участии скандинавов. Одним из важнейших факторов, способствовавших соединению отдельных частей Древнерусского государства в единое целое и поддержанию этого единства, были магистральные водные пути.

Нева, связывавшая Русь с Балтийским регионом, выступала одним из наиболее значимых участков в этой системе коммуникаций. Однако из-за постоянной военной опасности побережье Финского залива и Невы в этот период, вероятно, не было заселено местным финским населением. В течение длительного времени Швеция пыталась взять под контроль этот ключевой участок важного торгового пути и закрепиться у устья Невы с целью организации международной торговли между Востоком и Западом, но уже под властью шведской короны. Но Русь (а впоследствии Россию) не устраивал такой вариант посредничества — Невская битва 1240 года, основание и разрушение шведской крепости Ландскрона (1300–1301) стали главными вехами борьбы за невские берега. В 1323 году у истоков Невы была основана крепость Орешек, защищавшая северо-западные границы Руси и бравшая под контроль движение по водному пути. С этого времени начинается заселение побережья Невы, вошедшего в состав Ореховецкого уезда. В XVI веке на реке Охте начинает формироваться торговое поселение Невское устье. Однако в начале XVII века, воспользовавшись тяжелым положением России, Швеция захватывает Приневье, и в устье Охты возникает город Ниен с крепостью Ниеншанц (1611–1703). Однако возвращение выхода в Балти-

ку на протяжении XVII века оставалось важнейшей геополитической задачей Российского государства, и основание в 1703 году Петербурга стало закономерным завершением многовекового процесса формирования здесь городского центра, ориентированного на Европу.

Начало этого процесса восходит ко времени становления русской государственности. В «Повести временных лет» под 859 годом говорится, что варяги «из заморья» брали дань с чуди, словен, мери и кривичей, что фиксирует уже сложившуюся ранее систему взаимоотношений в регионе. Это сообщение является своеобразным предисловием к сказанию о призвании варягов, существующему в разных вариантах. Согласно Ипатьевской летописи, в 862 году «изгнаша Варягы за море, и не даша им дани. И почаша сами в собе володети и не бе в них правды. И вьста род на род, и быше усобице в них, и воевати сами на ся почаша... и сказали поищем сами в собе князя, иже бы владел нами и рядил по ряду по праву. Идоша за море к варягам... Рекоша Русь, Чудь, Словене, Кривичи и Весь Земля наша велика и обильна, а наряда в ней нет. Да поидите княжить и володеть нами... И избрашася трие брата с роды своими, и придоша к словенам первее, и срубиша город Ладогу. И седе старейший в Ладозе Рюрик, а другии в Синеус на Белоозере, а третий Трувор в Изборске»¹.

В 2003 году одновременно с празднованием 300-летия Санкт-Петербурга отмечался 1250-летний юбилей Старой Ладogi — «первой столицы Руси»². Причем идея о столичном статусе Ладogi была сформулирована в работах петербургских археологов задолго до празднования этого юбилея³. Исследователи летописного сказания о призвании варягов обратили внимание на то, что только в четырех из шести полных списков «Повести временных лет» Рюрик приходит в Ладogu. В двух наиболее ранних списках место его первоначального пребывания не упомянуто, Ладoga появляется только в третьей — Ипатьевской — редакции. В Лаврентьевской летописи и летописях новгородской традиции этим местом назван Новгород⁴.

Письменные свидетельства, несомненно, являются главным источником по вопросу о приходе Рюрика и местах его пребывания. Однако, принимая во внимание, что все они были записаны спустя несколько столетий после этих событий, следует учитывать исследовательские качества летописцев, которые могли включать в более поздние списки дополнительную информацию о событиях, почерпнутую из документов, преданий и легенд. Посещение летописцем Ладogi в 1114 году, где он мог получить новые сведения в том числе и о призвании варягов, зафиксированы как раз в Ипатьевской летописи⁵.

Сюжет о призвании Рюрика и его братьев и местах их пребывания, существующий в различных вариантах, рассматривался в российской историографии в контексте политического соперничества русских городов Киева и Новгорода, а также Новгорода и Ладоги⁶. Таким образом, можно полагать, что разночтения о первенстве Ладоги и Новгорода в качестве первой княжеской резиденции возникли много столетий назад, найдя отражение в разных летописных сводах.

В настоящее время некоторые историки и археологи отказались признать за Ладогой столичный статус, полагая, что местом, куда пришел Рюрик, было Северное Приильменье. Это объясняется следующими доводами: Приильменье было центром расселения словен и федерации племен, призвавших варягов; здесь имелось укрепленное Рюриково городище, где найдено множество скандинавских находок того времени и главное славянское святилище Перынь; Ладога же в те времена была незначительным поселением и там не было княжеского стола. Еще одним аргументом назван Указ Президента В. Путина о праздновании юбилея Старой Ладоги, в котором не упоминается про ее столичный статус...⁷

Легенда о призвании варягов рассматривается здесь в соответствии с русской исторической традицией XIX столетия — как начальный акт создания могущественного государства. Однако если посмотреть на это событие в контексте североевропейской истории, то для его участников эта акция, строившаяся на договорных отношениях, была не более чем временной политической конъюнктурой. Достаточно ознакомиться с биографией одного из претендентов на роль Рюрика — Рерика Ютландского, прошедшего жизнь в авантюрных войнах во Фрисландии и Южной Балтике. Учитывая более чем столетнее существование в Ладоге скандинавского населения до призвания Рюрика и предшествующее ему изгнание варягов, нельзя исключать, что подобные договоры заключались здесь и ранее. Однако к концу IX столетия сложились объективные экономические и политические условия для развития вновь образованного межплеменного союза северных народов, возглавленного варяжским правителем, что и привело к сложению Древнерусского государства.

Помимо того что большинство летописных списков называет Ладогу местом, где в первые годы своего правления — с 862 по 864 — обосновался Рюрик, этот выбор на первом этапе представляется наиболее вероятным по целому ряду обстоятельств. Ладога — древнейшее поселение на Северо-Западе Руси, занимавшее ключевые позиции, которые позволяли контролировать основные водные пути из Восточной Европы в Балтику, проходя-

вшие из Волжского бассейна через Ильмень и Ладожское озеро. Согласно археологическим и письменным свидетельствам, Ладога с середины VIII века вплоть до начала XII века остается опорным пунктом скандинавов на Северо-Западе Руси и прибежищем скандинавской знати, покинувшей родину⁸. Ладога имела непосредственную связь с Балтикой и, с одной стороны, была легко достижима для больших скандинавских судов, с другой — для любых типов речных судов, приходивших из внутренних бассейнов. Это место, расположенное на удалении от основных центров расселения местных племен: словен, чуди, веси и кривичей, образовавших федерацию, находилось в относительной безопасности, что было особенно важно для иноземного правителя в нестабильной политической ситуации того времени. На первом этапе договорных отношений варягам требовалась особая осторожность, учитывая недавние события с изгнанием их предшественников.

Верхнее Поволховье было труднодостижимо для больших судов викингов, и туда, судя по имеющимся археологическим данным, поднимались только малые и средние суда⁹. Учитывая многокилометровые Волховские пороги и не менее чем пятидневное плавание по этой реке вниз по течению, в Приильменье, при очередном обострении отношений с местным населением, варяги сразу же становились заложниками даже в хорошо укрепленном пункте. При этом в настоящее время не существует точной датировки возникновения поселения и укреплений на Рюриковом городище. Здесь имеются вещевые материалы, бытующие достаточно широко в IX–X веках, что не позволяет однозначно связывать их со временем призвания варягов. Древнейшие из выявленных на городище построек датируются дендрохронологическим методом более поздним периодом — 889–900 годами¹⁰. Касаясь вопроса о важности для варяжской знати размещения вблизи святилища словен в Перыни, сложно представить себе, чтобы варяги в одночасье сменили свою религию на славянскую. Следует вспомнить, что в это же время в самой Скандинавии попытки смены традиционных верований не имели особого успеха¹¹.

Очевидно, что столица раннесредневекового времени в зарождающемся государственном образовании не могла иметь всех тех функций, которыми обладали столичные города в развитом Средневековье, и на Руси город с этим статусом появляется только с возникновением Киевской державы. Ладога могла быть первоначальной резиденцией князя, схожей с административными и культовыми центрами скандинавских конунгов того времени. В Скандинавии это были «королевские усадьбы» — родовые гнезда

и святилища, древнейшие из которых — Лейре и Эллинг в Дании, Конунгахелла в Норвегии, Упсала в Швеции. Ладога же по своему устройству изначально была ближе к торгово-ремесленным поселениям типа Хедебю, Каупанга и Бирки, которые со временем также становятся местами размещения конунгов. Да и сами скандинавские правители в этот период по своему положению и статусу не были сопоставимы с русскими князьями эпохи Средневековья. Ранняя эпоха викингов (793–891) в целом характеризуется низкой активностью конунгов, подчиняющихся «доминирующей социальной силе — движению викингов»¹². Во времена Рюрика были иные понятия об административно-религиозных центрах, атрибутах власти и статусе правителя, и поэтому совершенно неправомерно переносить на эту эпоху реалии времен создания летописных сводов, когда русские князья сидели в больших городах «на столе своем».

В процессе раскопок старолadoжского земляного городища были открыты большие дома IX века, которые и могли быть местом размещения здесь скандинавской знати¹³. Кроме того, здесь известны скандинавские могильники — в урочище Плакун IX–X веков и на земляном городище у церкви Климента XI века, свидетельствующие о стабильной оседлости северных пришельцев. Следует заметить, что потенциал археологических источников в вопросе изучения роли таких центров, как Ладога и Рюриково городище, далеко не исчерпан. Первоначальный ландшафт и связанная с ними историческая и социальная топография этих поселений еще только начинают изучаться. Нельзя исключать, что в Ладоге также могли существовать укрепления эпохи викингов как на месте современного земляного городища, так и на территории соседней крепости.

С начала своего возникновения Ладога была центром скандинавской колонизации на востоке, распространявшейся в этот период в различных формах по всем берегам Балтики. С возникновением Древнерусского государства она на несколько столетий становится его северным форпостом в Прибалтийских землях. Как первый морской порт Руси на Балтике, Ладога была древним прообразом Петербурга, выполняя на протяжении первых столетий своего существования некоторые функции, которые позднее были присущи Петербургу¹⁴. Связь с Балтикой через Ладогу и Неву привела к тому, что Невский регион на протяжении столетий был вовлечен в общеевропейские исторические процессы и играл значимую роль в период возникновения Древнерусского государства. В Средневековье, когда Нева была общим звеном торговых путей «из варяг в греки» и «в арабы», в ее устье останавливались проходившие здесь суда. Об этом свидетельствуют

обнаруженные здесь клады с арабскими и западноевропейскими серебряными монетами VIII–XI веков и более поздние торговые договоры Новгорода и городов Ганзейского союза, заключенные в XIII–XIV столетиях. Здесь же, вероятно, размещалась морская стража земли Ижорской, контролировавшая продвижение по водному пути и защищавшая купцов от нападений разбойников. Согласно письменным источникам, в Средневековье бассейн Невы был заселен финским племенем ижора, находившимся в зависимости от Новгорода¹⁵. Подробное описание этой территории в средневековых документах отсутствует, однако ее важное стратегическое значение подтверждается косвенными свидетельствами об активных сообщениях между Балтийским регионом и Северной Русью на протяжении всей эпохи викингов. В источниках содержатся сведения об союзнических и враждебных отношениях русских князей со скандинавскими правителями.

О значении Ладоги в скандинавском мире свидетельствуют многочисленные упоминания ее под названием Альдейгьюборг в древнесеверной литературе¹⁶, количественно превосходящие все остальные города Руси. Согласно свидетельству Иоакимовской летописи, Рюрик, когда жена его Ефанда «роди сына Ингоря, даде ей обещанный при море град с ижорой в вено»¹⁷. Если доверять приведенному преданию, под градом могла подразумеваться Ладога, а под ижорой — территория расселения этого финского племени, включавшая земли по течению реки Невы. Хотя упоминаемая в нем ситуация во многом напоминает более поздние события — условия брака Ярослава Мудрого и Ингигерд, нельзя исключать, что легенда подтверждает определенную обособленность Ладоги и примыкавших к ней на западе южного Приладожья и Приневья уже в это раннее время.

В 1019–1050 годах Ладога с округой входили в состав Ладожского ярлства великой княгини Ингигерд, получившей их по условиям брачного договора между ее мужем Ярославом Мудрым и отцом Олавом Шведским. Этот брак, заключенный в 1019 году, был связан, по мнению исследователей, с попыткой Ярослава предотвратить дальнейшие набеги скандинавских викингов на север Руси с территории Швеции. Одним из результатов этого союза стало создание Ладожского ярлства — буферной зоны между Русью и Скандинавией, управление которым Ингигерд было передано шведскому ярлу Регнвальду. После его смерти управление ярлством перешло по поручению Ярослава к его сыну Эйливу¹⁸. Другой сын Регнвальда Стейнкель около 1056 года становится королем Швеции¹⁹.

Варяги, обосновавшиеся в Ладоге, играли активную и значимую роль в политических процессах Скандинавии²⁰. Четыре норвежских конунга во

времена правления Владимира и Ярослава посещали северо-западные земли Руси. Здесь провел свою юность (около 977–987) будущий норвежский конунг Олав Трюгвассон (995–1000). Олав Харальдссон (1014–1028), известный как объединитель и христианизатор Норвегии, получивший после смерти прозвище Святой, скрывался от своих противников на Руси с осени 1029 по весну 1030 года. Вернувшись после этого в Норвегию, он погиб в битве при Стикластадире летом 1030 года²¹. Его сын Магнус Олавссон Добрый (1135–1147) — будущий норвежский и датский конунг, после отъезда отца остался на Руси. В 1034 году за ним прибыло посольство норвежской знати, после чего он занял норвежский престол. Брат Олава Святого Харальд Сигурдсон Суровый (1046–1066) бежал на Русь после битвы при Стикластадире. После службы на Руси и в Византии, женившись на дочери Ярослава Елизавете, в 1044 году он отправился в Швецию, а затем в Норвегию, где через два года стал королем, разделив власть с Магнусом Добрым²².

Русские князья также могли найти убежище за морем — в Скандинавских странах. Имеются свидетельства, что основатели Русского государства Рюрик и, возможно, Олег окончили свою жизнь в Скандинавии. И последующие правители Руси искали там поддержку и спасение — в 977 году Владимир Святославич, опасаясь преследования Ярополка, «бежа за море». Только в 980 году он вернулся «с варяги» для продолжения борьбы за Новгород и Киев. В 1015 году Ярослав посылает за море, призвав варягов на помощь против отца — князя Владимира, собиравшегося выступить против него в поход. В 1018 году после поражения от Святополка и Болеслава Ярослав также хотел бежать за море, но новгородцы остановили его. В 1024 году после поражения от Мстислава Ярослав ушел в Новгород, а его варяжский воевода Якун бежал за море²³. Для X — начала XI века имеется целый ряд упоминаний о больших военных акциях в районе Ладоги с участием викингов. В 997 году норвежский ярл Эйрик сын Хакона «отправился на восток в Гардарики против Вальдамара Старого и воевал во многих местах в его государстве. Он разрушил Альдейгьюборг и взял там много богатства, и еще дальше продвигался он вперед на восток в Гарды»²⁴. В 1015 году ярл Свейн Хаконарсон, потерпевший поражение в борьбе за власть с Олавом Святым в Норвегии, совершил поход по Восточному пути. Все эти сообщения наверняка осуществлялись на больших судах викингов, способных пройти в Ладогу только по Неве.

«Повесть временных лет» описывает участие варягов в походах всех первых русских князей: Олега, Игоря, Святослава, Владимира и Ярослава²⁵. В древнесеверной литературе имеются сведения о службе скандинавской

знати у русских князей, где они возглавляли воинские отряды, сформированные в первую очередь из наемных скандинавов. Имеется информация, касающаяся морских походов на Балтике. Норвежец Олав Трюгвассон, находясь на службе у Владимира, совершал набеги на берега Балтики, «его флот усиливался за счет норвегов и данов, гаутонов и склавов». Завоевав для конунга Вальдемара много стран и городов, «повернул он домой в Гарды; они плыли тогда с такой большой пышностью и великолепием, что у них были паруса на их кораблях из драгоценных материй и такими же были их шатры...» Другой варяг, Сигурд, около 970–980-х годов занимался сбором дани для князя Владимира в Эстонии²⁶. Из летописи известно, что варяги и ранее собирали дань с чуди, поэтому нельзя исключать, что при их участии взималась она и во времена Владимира. Походы за данью происходили, вероятнее всего, по воде — через Неву и Финский залив.

Даннические отношения варягов с финскими племенами, зафиксированные летописью в середине IX века, вероятно, трансформируются в сбор дани варягами, состоявшими на службе у русских князей. После перехода территории русского Северо-Запада под контроль Новгородского государства эти народы в большинстве своем остаются в даннической зависимости от Новгорода. Такое положение двойственной зависимости, с одной стороны, от Руси, а с другой — от скандинавов, находившихся какое-то время на службе у русских князей, впоследствии перерастает в противоречия между Новгородом и Скандинавскими королевствами, которые претендуют в XII–XIV веках на земли финских народов Восточной Прибалтики.

В летописи имеется также сообщение о выплате дани варягам с Новгородской земли: Олег «устави варягом дань даяти от Новгорода гривен 300 на лето, мира деля, еже до смерти Ярославле даяще варягом». Некоторые исследователи объясняли это сообщение как выплату дани киевским князьям, однако здесь речь, вероятно, идет о плате за сохранение мира. Подобные выплаты викингам хорошо известны для того времени и в других странах Северной Европы²⁷. Существует мнение, что получаемые в виде дани средства шли на содержание варягов, находившихся на службе у русского князя. За эти средства варяги, размещавшиеся в Ладогe, защищали северные рубежи Руси²⁸. Таким образом, скандинавы продолжали сохранять влияние на прибалтийских землях, включая Приневье, вплоть до начала XII века, когда новгородцы военным путем установили контроль над Ладогой и построили здесь в 1114 году новую каменную крепость.

Таким образом, Северная Русь на протяжении всей эпохи викингов тесно включена в исторические процессы Балтийского региона. Это предпо-

лагало интенсивные водные сообщения между Русью и Балтикой, основным связующим звеном которых был Невский путь. Значимая роль Приневья в эпоху викингов подтверждается не только письменными свидетельствами. Появление транзитного пункта в устье Невы было предопределено географическим положением этого места — в ключевом пункте водного пути между Восточной и Северной Европой. В результате раскопок, проведенных в два последних десятилетия в Приневье, была получена новая научная информация, в значительной мере заполняющая белое пятно на археологической карте Северо-Запада. В ходе этих работ были обнаружены архитектурно-археологические объекты и собрана ценная коллекция артефактов периода V тыс. до н.э. — XVII века. Памятники, связанные с финским племенем ижора, концентрирующиеся к северу и югу от Невы, показывают, что по плотности заселения в XII–XIII веках эта территория не уступала Юго-Восточному Приладожью, Ижорскому плато и Карельскому перешейку, где массивы археологических памятников, связанные с другими финскими племенами: весью, водью, карелой, были выявлены и изучены ранее. Наибольшая концентрация археологических объектов допетровского времени прослежена недалеко от центра современного города, на месте впадения Охты в Неву. Здесь в эпоху Средневековья — Нового времени существовали город Ниен с крепостью Ниеншанц (1611–1703), сельцо на устье Охты — поселение Невское устье (XV–XVI века), крепость Ландскрона (1300–1301), мысовое городище новгородского времени (XIII век). Это реальные следы осуществления многовековой идеи создания города в устье Невы, которая была окончательно реализована с основанием Санкт-Петербурга.

Петербург возникает на новой экономической и культурной основе и не является прямым продолжением русского Невского устья — шведского Ниена. Несмотря на то что в идее его создания отчетливо прослеживается тип североевропейского города и в его проектировании участвуют западноевропейские архитекторы, инженеры и мастера, строительство ведется русскими рабочими, призванными из всех губерний страны. Таким же разнообразным становится и постоянное население города, принесшее с собой разнородные культурные традиции жизни и городского строительства на берега Невы. Город, проектировавшийся по единому плану, в первое время его существования во многом развивался стихийно. Центр его, являвшийся подражанием центрам европейских городов, обрастал русскими, татарскими и немецкими слободами, развивавшимися по своим градостроительным и культурным законам.

Петербург возник в 1703 году как новое явление в мировой истории и культуре, впитав в себя как русские, так и европейские черты. Но это ни в коем случае не умаляет его богатой предыстории, связанной с Ниеншанцем, Невским устьем, Ландскроной, средневековым мысовым городищем, поселениями древних людей. Памятные места и даты, связанные с этими периодами предыстории нашего города, не должны быть забыты. Названия древних поселений и городов необходимо вернуть в городскую топонимику, а связанные с ними даты — в городской календарь. Для Петербурга важно сохранить следы его семитысячелетней предыстории, существующие на Охтинском мысу. Идея города на Балтике, восходящая к глубокой древности, напрямую связана с юбилеем русской государственности, так как именно исторический предшественник Петербурга — Старая Ладога — становится первой резиденцией князя Рюрика — легендарного основателя Древнерусского государства.

Новые археологические находки позволяют ставить вопрос о создании археологического музея Петербурга. Удобным местом для размещения такого музея мог бы стать Охтинский мыс — исторический центр допетровской истории края, где сохранились руины древних крепостей, свидетелей богатой и славной истории этих мест. Учитывая уникальность выявленных объектов и их общеевропейскую историко-культурную значимость, необходимо предусмотреть их дальнейшее сохранение. Наилучшим вариантом сохранения выявленных сооружений было бы создание здесь ландшафтного археологического музея-заповедника.

* * *

¹ Полное собрание русских летописей. М., 1962. Т. II. С. 13–15.

² Время возникновения этого поселения было определено по наиболее древней постройке, выявленной к настоящему времени на его территории. По дендрохронологическому анализу, для ее строительства было использовано дерево, срубленное в 753 году (*Рябинин Е.Н., Черных Н.Б.* Стратиграфия застройки и хронология нижнего слоя Староладожского земляного городища в свете новых исследований // Советская археология. 1988. № 1. С. 72–100).

³ *Лебедев Г.С.* Археологические памятники Ленинградской области. Л., 1977. С. 23; *Киртичников А.Н., Дубов И.В., Лебедев Г.С.* Русь и варяги // Славяне и скандинавы. М., 1986. С. 193; *Лебедев Г.С.* Эпоха викингов в Северной Европе. Л., 1985. С. 212, 214; *Мачинский Д.А.* Русско-шведский Пра-Петербург // Шведы на берегах Невы. Стокгольм, 1998. С. 10–11; *Киртичников А.Н., Сарабьянов В.Д.* Старая Ладога — древняя столица Руси. СПб., 1996. С. 83–89; *Мачинский Д.А.* Почему и в каком смысле Ладогу следует считать первой столицей Руси // Ладога и Север-

ная Евразия от Байкала до Ла-Манша. Связующие пути и организующие центры. СПб., 2002. С. 5–35.

⁴ *Шахматов А.А.* Повесть временных лет. Пг., 1916. С. 53; *Гинтцус А.А.* Новгород и Ладога в Повести временных лет // У истоков русской государственности. СПб., 2007. С. 213.

Учитывая, что Новгород в этот период, вероятно, еще не существовал, предполагается, что под этим названием следует понимать предшествовавшее ему Рюриково городище.

⁵ Повесть временных лет. СПб., 2007. С. 265; *Мачинский Д.А.* Почему и в каком смысле Ладогу следует считать первой столицей Руси. С. 5–35.

⁶ *Шахматов А.А.* Сказание о призвании варягов. СПб., 1904; *Рыбаков Б.А.* Начало Русского государства // Вестник МГУ. 1955. № 4–5. С. 74; *Фроянов И.Я.* Исторические реалии в летописном сказании о призвании варягов // Вопросы истории. 1991. № 6. С. 3–15.

⁷ *Носов Е.Н., Янин В.Л.* К 1150-летнему юбилею российской государственности: источники и проблемы // Труды III (XIX) Всероссийского археологического съезда. В. Новгород; Старая Русса, 2011. Т. I. С. 9–11.

⁸ *Кирпичников А.Н.* Ладога и Ладожская земля VIII–XIII веков // Историко-археологическое изучение Древней Руси. Л., 1988. Вып. 1. С. 38–78; *Джаксон Т.Н.* Четыре норвежских конунга на Руси. М., 2000.

⁹ *Сорокин П.Е.* Природные условия и судовое дело Северо-Западной Руси // Древности Поволховья. СПб., 1997. С. 42–58.

¹⁰ *Носов Е.Н.* Новгородское (Рюриково) городище. Л., 1990. С. 147–167; *Носов Е.Н., Дорофеева Т.С., Смирнов А.М., Хвоцинская Н.В., Юшкова М.А.* Раскопки на городищенском холме // Новгород и Новгородская земля. История и археология. В. Новгород, 2007. Вып. 21. С. 13–23.

¹¹ История Швеции. М., 2002. С. 34–35.

¹² *Лебедев Г.С.* Эпоха викингов... С. 208, 211.

¹³ *Кирпичников А.Н., Сарабьянов В.Д.* Указ. соч. С. 70–74.

¹⁴ *Мачинский Д.А.* Русско-шведский Пра-Петербург. С. 10–11.

¹⁵ *Сорокин П.Е.* Указ. соч. С. 42–58.

¹⁶ *Глазырина Г.В., Джаксон Т.Н.* Древнерусские города в древнескандинавской письменности. М., 1987.

¹⁷ *Кирпичников А.Н., Дубов И.В., Лебедев Г.С.* Указ. соч. С. 193–194.

¹⁸ *Рыдзевская Е.А.* Сведения о Старой Ладоге в древнесеверной литературе // Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры (КСИИМК). 1945. Вып. XI. С. 56–61

¹⁹ *Мачинский Д.А.* Ладога — древнейшая столица Руси и ее «ворота в Европу» // Старая Ладога — древняя столица Руси. СПб., 2003. С. 33.

²⁰ *Свердлов М.Б.* Скандинавы на Руси в XI веке // Скандинавский сборник. 1974. Вып. XIX. С. 55–68, 62.

²¹ *Джаксон Т.Н.* Четыре норвежских конунга на Руси. М., 2000. С. 17, 50.

²² Рыдзевская Е.А. Сведения о Старой Ладоге в древнесеверной литературе // КСИИМК. 1945. Вып. XI. С. 68; Джаксон Т.Н. Указ. соч.

²³ Повесть временных лет. М., 1991. С. 58, 93, 100, 102.

²⁴ Глазырина Г.В., Джаксон Т.Н. Указ. соч. С. 53.

²⁵ Повесть временных лет. СПб., 2007. С. 14, 16, 18, 23, 36, 58, 62, 65, 66.

²⁶ Джаксон Т.Н. Указ. соч. С. 27, 38, 40.

²⁷ Лавмянский Х. Русь и норманны. М., 1985. С. 129–131.

²⁸ Лебедев Г.С. Эпоха викингов... С. 221.

С. Л. Кузьмин

ДВА ЯРЛА, ДВА КОНУНГА И ДВА ПОХОДА НА ГАРДАРИКИ

Судьбы людей и события иногда повторяются настолько, что, обращаясь к источнику, эту схожесть можно принять за литературное клише, особенно когда они происходят на одном и том же пространстве и не сильно разделены во времени. Однако в нашем случае речь пойдет о реальных исторических лицах и их действиях, вписанных в определенный исторический контекст. Сама же типичность ситуаций заставляет искать скрытые причины именно такого хода событий.

На рубеже X и XI столетий два норвежских ярла — Эйрик и Свейн — совершили с интервалом в 20 лет походы на Гардарики (Русь), причем достоверно известно, что первый захватил и разграбил Ладогу (Альдейгью/Альдейгьюборг).

Необходимо понять мотивы тех или иных поступков исторических персонажей, равно как и пружины, приводившие в действие механизм событий, развивавшихся по сходному сценарию. Для нас не так существенна вариативность реконструкций конкретных событий, важна периодически возникавшая ситуация, выражаясь карточной терминологией, давно перекочевавшей в сферу политологии, — расклад. Рассмотрим поближе наши карты. Начнем с главных — двух упомянутых ярлов и двух конунгов, их политических оппонентов в Норвегии, захвативших власть в стране с тем же двадцатилетним временным промежутком.

Эйрик и Свейн были сводными братьями по отцу — ярлу Хакону, правителю Норвегии (ок. 970–995), убитому в момент прибытия в нее Олава Трюггвассона. Они были одними из знатнейших людей Норвегии. Как и их отец, они правили страной достаточно продолжительное время, так

что в определенном смысле можно говорить о формирующейся династии. Однако было два «но». Первое — они не конунги, то есть не потомки Харальда Прекрасноволосого. Второе — власть они получали из рук датских конунгов, казалось бы, лишая страну ее суверенитета. Но эта формальность реально населением не ощущалась и не воспринималась. Ни датский конунг, ни ярлы не вмешивались в традиционные устои, а ярлы даже выступали в качестве хранителей привычного порядка. «Иноземные правители всегда были дальше от нас, и не вмешивались в наши обычаи, и довольствовались теми податями, которые им причитались», — так охарактеризовал эту ситуацию Снорри Стурлусон в «Круге Земном», вложив эти слова в уста «мелкого конунга» Хререка (Круг Земной. Сага об Олаве Святом. XXXVI. Цит. по: *Снорри Стурлусон. Круг Земной. М., 1980*). Однако при всех своих личных достоинствах и влиянии ярлы оказывались бессильными перед маятником истории, когда настроения общества качались в сторону перемен, олицетворением которых становились конунги.

Если верить традиции саг, Олав Трюггвассон являлся потомком объединителя Норвегии конунга Харальда Прекрасноволосого. Мать с младенцем Олавом бежала в Швецию, а оттуда отправилась к брату Сигурду в Гардарики (Русь), но попала в плен к морским разбойникам и была разлучена с сыном. Так будущий конунг Норвегии оказался в рабстве у эстов в возрасте трех лет. В девять лет он прибыл на Русь, в Новгород (Хольмгард), куда его инкогнито привез дядя по матери Сигурд, собиравший с эстов дань для князя Владимира («Вальдамара» саг). Ни Олав, ни Сигурд так и не раскрыли на Руси тайну его происхождения. Олаву покровительствует княгиня Аллогия (Рогнеда?). Мальчик рос в полиэтничной, полилингвистической среде, вероятно, заново осваивая родной язык, который до конца не стал для него органически близким¹. В своих долгих походах после отъезда с Руси он представлялся как Али из Гардарики. Закрадывается подозрение, а не был ли Олав Трюггвассон «невольным» самозванцем, но это уже отдельный сюжет².

Олав, сын Харальда Гренландца, пасынок «мелкого конунга» Сигурда Свины, ведущего жизнь бонда, с 12 лет беспрестанно ходит в викингские походы или служит в качестве наемника. Только в зрелом по тем временам возрасте будущий Олав Святой решает взять власть в Норвегии.

Таким образом, перед нами две пары антагонистов практически во всем: в происхождении, своем прошлом опыте, сложившемся образе жизни и действий. Парадокс, что признающие главенство датских конунгов ярлы

Эйрик и Свейн, став христианами, выступают защитниками «языческой старины». А конунги, прошедшие на чужбине молодые годы, перекасти-поле, конунги-викинги, как чутко определил их Г.С. Лебедев, выделив в особый тип политического деятеля³, решительно ломают прежние порядки. Временами они действуют в своей стране как захватчики, но при этом объективно отстаивают ее независимость. Особенно рельефно противоположность проступает в вопросе о вероисповедании: ярлы предоставляли здесь полную свободу, конунги были ярлыми христианизаторами. Естественно, что в одной стране не могли ужиться не только они, но и их сторонники. Однако борьба ярлов и конунгов — только вершина разламывающегося айсберга норвежского общества поздней стадии варварства, в момент завершения кристаллизации государственности и начала финального этапа эпохи викингов. Она отражение двух моделей развития — плавного и радикального.

Можно задать вопрос: какое отношение имеет все это к двум походам на Гардарики? Думаю, прямое. Эти походы были не просто набегами викингов, а инструментом в борьбе за власть в Норвегии, органичным элементом в игре, где были задействованы и другие карты, в первую очередь тезка конунгов — шведский конунг Олав Эйрикссон, прозванный Шетконунгом.

Надо заметить, что во все эпохи личное отношение правителей друг к другу сказывалось на политике. Но в те времена, когда субъекты политики персонифицировались в лице их властителей, оно приобретало особое значение. А личные отношения часто обретали не столько рациональный, сколько эмоциональный характер, хотя никто не отрицает объективных противоречий, которые, кстати, те же лица призваны были разрешать.

Олав Шетконунг пришел к власти в Швеции одновременно с Олавом Трюггвассоном, захватившим ее в Норвегии (995). Неудачное сватовство амбициозного норвежца к его матери, Сигрид, явно не способствовало симпатиям молодого шведского конунга к сыну Трюггви: расставание несостоявшихся супругов сопровождалось ударом перчатки по лицу женщины. Слова, брошенные разозленной матерью шведа («Это может привести к твоей смерти»), оказались пророческими: Сигрид Гордая вышла замуж за датского конунга Свейна, одного из участников кровопролитной «битвы трех конунгов» при Свельде, в которой Олав Трюггвассон нашел свой конец. Напротив, Олав Харальдссон (будущий Святой) «имел зуб» на ту же Сигрид Гордую, спалившую его отца Харальда Гренландца в доме на своей

усадьбе, тоже жениха-неудачника (Круг Земной. Сага об Олаве сыне Трюггви. XLIII, LXI, XCI, XCVIII).

Трудно сказать, в какой степени эти обстоятельства реально влияли на отношения Швеции и Норвегии в целом, но то, что сказывались, — несомненно. В частности, люди, враждебные норвежским конунгам, всегда могли найти пристанище в Швеции, она служила потенциальной площадкой для прыжка на норвежский престол. Ситуацию подогревали раздоры из-за пограничной области Гаутланд⁴. Она имела важное значение, поскольку является южным окончанием Скандинавского полуострова, здесь сходились пути, ведущие с Балтики в Северное море и дальше на запад. Для Швеции же ее присоединение к Свеаланду означало окончательное объединение страны.

Гаутландом в конце X — начале XI века правит ярл Регнвальд (Рагнвальд). О его роли в Скандинавии говорит хотя бы тот факт, что он был двоюродным братом Олава Шетконунга и мужем Ингебьерг, сестры Олава Трюггвассона⁵. При этом ярл вел самостоятельную политику в интересах своих владений. В частности, Регнвальд сумел худо-бедно урегулировать отношения между Олавом Шетконунгом, конунгом Швеции, и Олавом Харальдсоном, конунгом Норвегии, способствуя браку последнего с дочерью первого, что стало залогом мира между странами и безопасности самого Гаутланда. Правда, норвежец хотел жениться не на Астрид, а на другой дочке Шетконунга — Ингигерд, а швед сохранял к зятю неприязнь, по-прежнему называя его «толстяком» (Круг Земной. Сага об Олаве Святом. LXVII–LXXI, LXXXVII–XCIII и др.).

Оба похода ярлов на Гардарики состоялись по примерно одинаковой схеме: бегство от конунгов из Норвегии — хороший прием Олава Шетконунга в Швеции — поход на Гардарики (с вариациями).

Эйрик в 995 году отъехал в Швецию, не имея сил противостоять Олаву Трюггвассону. Приняв Эйрика с его родичами (среди которых был брат Свейн), Шетконунг «дал ему большие пожалования, так что он мог хорошо содержать себя и свою дружину». Но «много людей, бежавших из Норвегии, когда к власти пришел конунг Олав сын Трюггви, стеклось к Эйрику ярлу». С одной стороны, это внушало надежду на их поддержку и содействие внутри страны в борьбе за власть. С другой стороны, этих людей надо было обеспечить, вряд ли шведский конунг мог одарить всех желающих, как Эйрика. Чтобы не растерять сторонников и обеспечить им независимые от милости сеев средства существования, Эйрик мог прибегнуть только

к традиционному способу — уходу «в викинги»: «Эйрик ярл решил тогда снарядить корабли и отправиться в викингский поход за добычей себе и своим людям». Борьба за власть требовала ресурсов, людских и материальных.

Все дальнейшие события отражены в поэме «Бандадрапа», созданной при жизни Эйрика и послужившей основным, а похоже и единственным источником для Снорри Стурлусона (Круг Земной. Сага об Олаве сыне Трюггви. ХС). Вначале он грабил на побережье Готланда и перебил экипажи нескольких кораблей викингов у южного берега Балтики. Наконец, перезимовав в Швеции, «весной ярл снарядил свое войско и затем поплыл в восточные страны». Цель похода была вполне определенной. Как пел в «Бандадрапе» Эйольв, современник Эйрика, его скальд и возможный участник событий:

Прошел мечом землю
Твердо знаю, в Гардах,
Вальдамара смерти,
Повергатель ратей,
Врагов обрекая,
Альдейгье погибель
В побоищах воин
Уготовил стойкий.

Обратим внимание, что в прозаическом тексте, предваряющем в «Круге Земном» эту цитату, говорится о Гардарике и Альдейгьюборге, то есть Снорри использовал более близкие ему по времени топонимы. Вероятно, именно из такого названия Ладоги-Альдейгьи (Альдейгья + борг) он сделал заключение о ее укрепленном характере и написал об осаде. Археологические данные не подтверждают существования в Ладоге укреплений на рубеже X–XI веков, а вот о строительстве каменной крепости в 1116 году есть известия в летописях⁶, и ее остатки выявлены археологами. Основная масса ладожской застройки времени нападения Эйрика, в том числе домов богатого слоя горожан, даже если имелась деревянная крепость на стрелке р. Ладожки (что весьма сомнительно), никак не была защищена, в отличие, например, от таких раннегородских центров Балтики, как Бирка, Хедебю или Гнездово на Руси. Так что, судя по археологическим данным, Ладога стала сравнительно легкой добычей без помощи со стороны Новгорода и князя. Почему она не была оказана, отдельная тема.

Другая странность текста «Круга Земного» заключается в том, что «Эйрик провел в этом походе пять лет», хотя сам же Снорри сообщает о его дальнейших перемещениях по Балтике с периодическими возвращениями в Швецию. Разумеется, процитированная фраза могла означать именно эти события, последовавшие за захватом Ладоги. Но не стоит ли за ними что-то еще, например, попытка удержаться в Приладожье, оставив здесь часть своего войска или периодически отправляя его туда?

Так или иначе поход на Гардарики был продуманным военным предприятием, звеном в цепи последовавших за ним дипломатических шагов, увенчавшихся заключением союза, скрепленного брачными узами. Эйрик женился на дочери датского конунга Свейна Вилобородого, а тот, в свою очередь, — на Сигрид Гордой. Через три года после похода на Гардарики объединенная рать шведского и датского конунгов совместно с войском Эйрика в ожесточенном морском сражении сокрушила Олава Трюггвассона. Сам конунг утонул, хотя упорно ходили слухи, что он спасся. Эйрик долго правил в Норвегии вместе с братом, приняв христианство. Умер он от ран в походе на Англию.

Мысль о походе в «землю Вальдамара» как просто о мести Владимиру Святославичу, взрастившему Олава Трюггвассона, слишком всё упрощает. Во-первых, и княгиня Аллогия-Рогнеда, и Олав, которому она покровительствовала в свое время, давно находились в немилости у князя. Во-вторых, можно поискать причины, почему Эйрик считал, что земли на севере Руси окажутся легкой добычей.

Насколько мне известно, никто ранее не связывал в единый контекст обстановку в Скандинавии, походы норвежских ярлов-изгнанников и ситуацию на Руси. Поход Эйрика традиционно датируют 997 годом, с чем в принципе можно согласиться. В 990-е годы усилилась «печенежская опасность». В «Повести временных лет» (далее — ПВЛ) имеются известия под 992 и 996 годами о столкновениях с печенегами при личном участии Владимира, причем во время последнего князь чуть не угодил в плен, а вообще летопись характеризует обстановку как «бе бо рать велика бес перестани». Необходима была традиционная помощь Северной Руси. Под 997 годом (!) ПВЛ сообщает: «Володимиру же шедшу Новугороду по верховьние вои». В это время печенеги осадили Белгород. Важнейший пункт, «ворота Киева», был близок к сдаче. Владимиру в этой критической ситуации стало не до Ладоги. В момент нападения Эйрика князь с северными воями или уже находился на юге, или двигался туда. Надо полагать, что данные обстоятельства и обеспечили успех похода ярла, хотя о каких-то

«побоищах», то есть вооруженном сопротивлении, «Бандадрапа» говорит. Преувеличивать масштаб событий не стоит. Скальды не вращали о подвигах своих героев (тем более при жизни), но, безусловно, их гиперболизировали.

Из вышесказанного можно заключить, что поход на Ладогу-Альдейгью был задуман с учетом обстановки на Руси (сведения о ней могли быть получены как на Готланде, так и в самой Швеции). Похоже, что Олав Шетконунг убивал двух зайцев, если одобрял такое предприятие: удалял из своих владений беспокойное воинство, раздражающее норвежского соседа, и мог надеяться на захват земель на востоке, о которых эпическая память свеев твердо хранила предание как о бывшей собственности. Известен случай прямого упрека конунгу на тинге в том, что в отличие от предков он не совершает походов на восточные земли (Круг Земной. Сага об Олаве Святом. LXXX).

Ярл Свейн потерял власть над Норвегией в результате битвы при Несьяре весной 1017 года и бежал в Швецию. Ситуация двадцатилетней давности повторилась. Поговорив с Шетконунгом и заручившись его поддержкой, Свейн решил вновь бороться за Норвегию. «А летом они решили отправиться в поход в Восточные страны, чтобы добыть себе добра» (Круг Земной. Сага об Олаве Святом. LIV). Свейн не делал годовой паузы, подобно брату. Цель похода сразу была ясна — Гардарики. Заметим, что Свейн, по всей вероятности, участвовал в походе Эйрика. Ему и людям из его дружины путь на восток был знаком не понаслышке. Обстановка на Руси позволяла надеяться — предприятие будет успешным. Дело в том, что после смерти Владимира в 1015 году здесь разразилась междоусобица. Одержав победу над Святополком, Ярослав, судя по Лаврентьевскому списку ПВЛ, на время вернулся в Новгород, но в 1017 году вновь отправился в Киев, где случилось бедствие — погорели церкви⁷. Вдобавок нависала угроза большой войны с Польшей, куда бежал Святополк. Известия об этих обстоятельствах могли быть получены от возвращавшихся домой варяжских наемников Ярослава, участвовавших в походе на Киев в 1015/1016 годах.

«Круг Земной» сообщает, что Свейн «со своим войском» все лето грабил селения в Гардарики, не уточняя, где и какие. Записанные несколько ранее «Круга Земного» «Легендарная сага об Олаве Святом» и «Красивая кожа» дополняют эти сведения⁸. В них упоминается Кирьялаланд как исходный пункт нападения в первом источнике и как конечный во втором. Собственно противоречия здесь нет, если Свейн двигался

одним и тем же путем туда и обратно — вдоль южного побережья Финляндии, мимо Выборгского залива, где и локализуется Кирьялаланд, с последующим выходом в Ладожское озеро к устьям впадающих в него рек, путей продвижения «вверх в Гардарики». Как традиционный морской участок военного вторжения, он известен и позднее, например использовался в 1348 году шведским королем Магнусом, стоявшим какое-то время у Березовых островов⁹. Собравшись назад в Швецию, осенью Свейн умер.

Ладога/Альдейгья/Альдейгьюборг в рассказах о походе Свейна не упомянута. Но странно было бы, если целью крупного похода норвежского ярла стали обычные поселения, какие он мог грабить и на территории эстов, и на землях ливов. Некоторые данные предоставляет археология.

В раскопе В.П. Петренко на Варяжской улице в Старой Ладоге два верхних яруса застройки (II и III «основные горизонты», по его терминологии) в слоях, содержащих органические остатки, носят следы пожара. Фрагментарно сохранившийся XI ярус Земляного городища, синхронизируемый с III «основным горизонтом» Варяжской улицы, для которого есть дендродата 995 год, тоже имеет такие следы. Мной была предложена интерпретация этих пожаров как археологических свидетельств разгрома Ладоги в ходе нападений Эйрика и Свейна¹⁰. С ней согласился ряд исследователей¹¹. О.И. Богуславский полагает, что наблюдаемое в Юго-Восточном Приладожье «смещение» памятников в глубинные районы как-то связано с порожденной походами ярлов нестабильностью¹².

Связанные с событиями в Скандинавии походы норвежских ярлов, использовавших благоприятное для них кризисное положение на Руси, привели к актуализации проблемы надежной защиты ее северных территорий. Ладога была не только воротами на пути «из Варяг в Греки». Ее роль как плацдарма для древнерусской колонизации, освоения будущего Русского Севера возрастала в течение X века, несмотря на усиливающееся с конца столетия влияние Новгорода. Материалы так называемой приладожской курганной культуры, пережившей расцвет в 920–1020-е годы, пик которого, по мнению О.И. Богуславского, приходится на 920–950-е годы¹³, показывают как связь населения Юго-Восточного Приладожья с районом Ладоги, так и, возможно, прямые контакты со Скандинавией. Сформировавшуюся здесь своеобразную этнокультурную общность Д.А. Мачинский достаточно аргументированно соотнес с загадочными колбьягами «Русской Правды»¹⁴. С существенными оговорками такую интерпретацию можно признать.

Связь населения Ладоги и Юго-Восточного Приладожья и с Русью, и со Скандинавией (вероятно, преимущественно с Готландом и Швецией), но в то же время видимая обособленность от них превращали эти земли в как бы «ничейные», обладать которыми хотели все¹⁵, в первую очередь русские князья и шведские конунги. Успешные походы Эйрика и Свейна не привели к захвату данной территории, да и серьезной задачей вряд ли его ставили. Однако они на некоторый промежуток времени нарушили движение по пути с Балтики на Русь через Новгород, увеличив значение его конкурента и противника — Полоцка. И Владимир, и Ярослав зависели от регулярного притока варягов-наемников, главным «резервуаром» которых выступали Готланд и Швеция, поскольку норвежских и датских ловцов воинской удачи поглощала борьба за Англию.

Вслед за Е.А. Рыдзевской О.И. Богуславский логично рассматривает брак Ярослава и Ингигерд, оговоренный конкретными условиями, как выход из тупика «ладожского кризиса»¹⁶.

Стоит отметить, что Ярослав сватался к Ингигерд еще летом 1018 года, но получил от ее отца Олава Шетконунга лишь обещания. Шведский конунг рассуждал здраво, он не хотел рисковать, ведь исход борьбы между Ярославом и Святополком не был решен, кроме того, последний явно в нем выигрывал. Польское войско Болеслава Храброго, тестя Святополка, разбило Ярослава на Буге, и он, бросив остатки рати, бежал в Новгород, собираясь скрыться «за море», подобно своему отцу в такой же тяжелый момент. Только решимость новгородцев во главе с посадником Константином Добрыничем позволила ему продолжить борьбу и, опираясь на северных воев, а также вновь нанятых варягов (уж не выступали ли сваты и в качестве вербовщиков?), повторить успех трехлетней давности.

Согласие на брак дочери Шетконунг дал только после утверждения Ярослава в Киеве. Условия замужества предполагали свадебный дар (вено) князя: «...все владения ярла Альдейгьюборга и сам Альдейгьюборг» (Круг Земной. Сага об Олаве Святом. ХСIII). Судя по саге, другим условием, которое, как и первое, Снорри приписал желанию Ингигерд, было отбытие вместе с ней на Русь ярла Регнвальда. Несмотря на то что его лояльная по отношению к Олаву Харальдсону позиция и независимое поведение раздражали Шетконунга, по большому счету это условие конунга устраивало. В связи со смертью Свейна шведский конунг вряд ли мог рассчитывать на скорые перемены в Норвегии, а угрозы в адрес гаутландского ярла были пустыми словами. Власть шведских конунгов была не настолько сильна:

достаточно вспомнить тинг в Уппсале с угрозами бондов в адрес самого Олава Шетконунга (Круг Земной. Сага об Олаве Святом. LXXX). Отбытие могущественного и строптивого ярла усиливало позиции конунга в Швеции и давало повод говорить о «возвращении» земель на востоке, поскольку Ладога оказалась в «собственности» его дочери. Детальный разбор правовых аспектов «свадебного дара» Ярослава, проведенный В.О. Казанским¹⁷, позволил ему заключить, что формально при жизни Ингигерд-Ирины в 1019–1051 годах Ладога была совместным русско-шведским владением (следует уточнить — жена Ярослава скончалась в 1050 году). Старейшему Регнвальду уход на Русь был тоже на руку — вечно быть между молотом и наковальней шведско-норвежских противоречий, персонифицированных в личной вражде конунгов, становилось все тяжелее. Фигура Регнвальда во главе полунезависимого от Ярослава и независимого от Новгорода ярлства оказалась приемлемой для всех.

В 1020-х годах обстановка на Руси и в Скандинавии, а также между ними стабилизировалась. Когда же настроения в Норвегии поменялись вновь не в пользу конунга, мы наблюдаем обратную картину. Теперь русский князь становится покровителем изгнанников, а Новгород — отправной точкой в борьбе за возвращение или обретение власти в Норвегии. Ладога же оказывается промежуточным пунктом на пути из Скандинавии в Гардарики и обратно, местом, где у Регнвальда и людей его окружения можно было узнать свежие новости и рассчитывать на дипломатическую поддержку.

* * *

¹ В этом контексте любопытен эпизод, произошедший в его детище — Нидаросе. Олав Трюггвассон, прогуливаясь по городу, встречает известного скальда Халльфреда и просит его продемонстрировать свое мастерство, сочинив вису, где в каждой строке было бы слово «меч» (он его только что подарил). Вероятно, что саму по себе красоту хитрой вязи словес кеннигов конунг до конца не оценивал. Хотя возможны и иные трактовки. Во всяком случае он висы никогда не писал, в отличие от других конунгов.

² Сюжет о «самозванчестве» напрашивается сам собой. Начало и конец саги развиваются по закону этого жанра. Было ли «невольное самозванчество» реальностью или действительно Али из Гардарики был сыном Трюгви, а не ловко использованным Сигурдом варяжским мальчиком, привезенным из эстского рабства в Новгород-Хольмгард, определенно утверждать нельзя. В конце концов и сам Сигурд мог заблуждаться, или хозяева мальчика могли «набивать цену». В этом отношении показательна судьба его матери, также очутившейся в рабстве у эстов. Ее выкупил знатный норвежец Лудин с условием выйти за него замуж (Круг земной. Сага об

Олаве сыне Трюггви. LIJ). Странно, что мать не предпринимала попыток встретиться с сыном, а он — с ней. Впрочем, Лодин мог побывать в землях эстов либо до прихода к власти в Норвегии Олава Трюггвассона, либо после его гибели. Женщина, соответственно, или могла скончаться до возвращения Олава в страну, или поездка Лодина произошла позднее смерти конунга (последнее менее вероятно).

³ *Лебедев Г.С.* Конунги-викинги (к характеристике типа раннефеодального деятеля в Скандинавии) // Политические деятели Античности, Средневековья и Нового времени. Л., 1983.

⁴ Спорные территории, с которых собирали подати представители конунгов Норвегии и Швеции, не ограничивались Гаутландом. Дело иногда доходило до кровопролития (например, в Ямталанде: Круг Земной. Сага об Олаве Святом. LXIII).

⁵ Подробнее о родственных и матримониальных связях Регнвальда, его происхождении и роли в скандинавской политике, а также христианизации Швеции см.: *Казанский В.О.* Ярл Регнвальд Ульвссон и христианизация Вестергетланда в начале XI века // Ладога и Глеб Лебедев: Восьмые чтения памяти Анны Мачинской. СПб., 2004.

⁶ Новгородская первая летопись старшего и младшего извода // Полное собрание русских летописей. М., 2000. Т. 3. С. 20, 204.

⁷ Лаврентьевская летопись // Полное собрание русских летописей. М., 2004. Т. 1. С. 142.

⁸ *Джаксон Т.Н., Спиридонов А.М.* Древнескандинавские письменные источники // Письменные известия о карелах. Петрозаводск, 1990. С. 102–105.

⁹ Новгородская первая летопись старшего и младшего извода. С. 359.

¹⁰ *Петренко В.П.* Раскоп на Варяжской улице // Средневековая Ладога. Л., 1985; *Кузьмин С.Л.* Ярусная стратиграфия нижних слоев Староладожского городища // Памятники старины. Концепции. Открытия. Версии. СПб., 1997. Т. 1.

¹¹ Например: *Богуславский О.И.* Юго-Восточное Приладожье и Ладожская земля (вопросы соотношения) // Ладога и Ладожская земля в эпоху Средневековья. СПб., 2006.

¹² Там же. С. 37.

¹³ Там же. С. 30–37.

¹⁴ *Мачинский Д.А.* Колбяги «Русской Правды» и приладожская курганная культура // Тихвинский сборник. Тихвин, 1988. Вып. 1: Археология тихвинского края; *Кулешов В.С., Мачинский Д.А.* Колбяги // Ладога и Глеб Лебедев: Восьмые чтения памяти Анны Мачинской. СПб., 2004.

¹⁵ Обособленность «Ладожского ярлства», «Ладожской земли» с отдельным правлением видна из желания Ингигерд получить «все владения ярла Альдейгьюборга и сам Альдейгьюборг». Для XI века саги отмечают ситуацию, когда прибывающие свободно в Ладогу-Альдейгьюборг норвежцы спрашивали для дальнейшего движения в Новгород-Хольмгард «мир для проезда». Разрешение князь может дать только при согласии со своими мужами, по всей вероятности, новгородскими боярами. Представляется, что границей между Ладожским ярлством

и собственно Новгородской землей в это и более раннее время служили Волховские Гостинопольские пороги. Она маркируется фактически единым комплексом археологических памятников Новые Дубовики — Михаил Архангел, локализуемся у северной оконечности порогов, по обоим берегам р. Волхов.

¹⁶ *Рыдзевская Е.А.* «Россика» в исландских сагах // Древняя Русь и Скандинавия. М., 1978. С. 67; *Богуславский О.И.* Юго-Восточное Приладожье... С. 39.

¹⁷ *Казанский В.О.* Еще раз о свадебном даре Ярослава Мудрого Ингигерд, дочери Олава Шетконуга // Ладога и Северная Евразия от Байкала до Ла-Манша: Шестые чтения памяти Анны Мачинской. СПб., 2002; *Он же.* Ладожское ярлство в висе Олава Харальдссона // Там же.

В. В. Половинская

ОЛАВЫ И ГАРДЫ: РОЛЬ РУСИ В САКРАЛИЗАЦИИ КОРОЛЕЙ-МИССИОНЕРОВ

«Здесь, на Руси, — писал Г.С. Лебедев, — обычно проходит какой-то ранний этап деятельности конунгов-викингов, королей-миссионеров. Здесь обретают они свое духовное призвание; отсюда начинается пронизанное провиденциальным устремлением, мученическое в конечном счете шествие на Север, к утверждению государственного единства наследственной державы, осененного христианской благодатью. Олав Трюггвассон, Олав Святой и закрепляющий их свершения Харальд Суровый проходят как бы посвящение при дворе великого князя киевского и уходят на Север, провожаемые напутствием Ярослава Мудрого — Ярицлейва скандинавских саг»¹. Однако много раньше Е.А. Рыдзевская высказала мысль, что первый в этом ряду норвежских «королей-миссионеров» Олав Трюггвассон представлен в саге монаха Одда в качестве участника крещения Руси и посредника между Русью и Византией с целью возвеличения²; причем данное возвеличение конунга, по мнению Т.Н. Джаксон, вполне органично дополняет³ его (ставший в средневековой литературе традиционным) образ крестителя северной части мира⁴. Вероятно, Древнюю Русь (Гарды/Гардарики скандинавов) неправомерно видеть ни как некое сакральное пространство, способное дать импульс правителям Севера, даже «выпестовать» их, ни как подобие «декораций» для повествования саги — истина лежит где-то посередине.

Упомянутая героизация конунга как неперенный компонент литературного стереотипа «знатный скандинав на Руси», согласно убедительной аргументации исследователей⁵, предполагает художественный вымысел — как полный, так и базирующийся на реальных исторических событиях, известных автору саги из того или иного источника, — и подразумевает, что

как противники, так и друзья уступают возвеличиваемому персонажу саги в определяющих, важнейших качествах, и таким образом их недостатки отменяют достоинства героя. При этом, тем не менее, скандинавам представлялось почетным превосходить объективно достойное окружение. Объективность, вероятно, зависела и от, разумеется, информированности автора повествования, и от его предполагаемой аудитории: «Хотя у скальдов в обычае всего больше хвалить того правителя, перед лицом которого они находятся, ни один скальд не решился бы приписать ему такие деяния, о которых все, кто слушает, да и сам правитель знают, что это явная ложь и небылицы. Это было бы насмешкой, а не хвалой...»⁶ Подобная этика, в частности, объясняет достоверность скальдической поэзии и стереотипность саг.

Таким образом, как русские князья (в особенности Ярослав-Ярицлейв, с именем которого связано значительное количество сюжетов исландских королевских и родовых саг⁷), невзирая на предполагаемое искажение их образов устной традицией и авторами саг, так и Русь в целом хорошо знакомы скандинавским источникам и оценены ими весьма высоко. Представляется уместным упомянуть, что, проводя параллели между библейскими и саговыми текстами, в сюжете Одда о бегстве Олава с матерью «на восток в Гарды» исследователи видят библейский рассказ о пребывании Иосифа в Египте (что подтверждается и самим автором саги⁸); и, таким образом, Русь занимает место Египта, а выкупивший юного Олава из плена в Эйтланде его дядя по матери Сигурд, в то время состоящий на службе у русского князя, — место «царедворца Фараонова» Египтянина Потифара. Явное преувеличение того почета, который Сигурд имел от князя, вписывается в указанную стереотипную формулу возвеличения норвежского вождя и служит подтверждением несомненной «престижности» службы у правителей Гардарики.

Для сравнения приведу следующий фрагмент из «Круга земного»: «Некоторое время спустя конунг (Олав Трюггвасон. — *В.П.*) проснулся и спросил, где гость, и велел позвать его. Но гостя нигде не нашли. На следующее утро конунг велит позвать повара и того, кто готовил питье, и спрашивает их, не приходил ли к ним какой-нибудь незнакомец. Те говорят, что, когда они собирались стряпать, подошел к ним какой-то человек и сказал, что больно плохое мясо варят они к конунгову столу. Затем он дал им два больших и жирных куса говядины, и они сварили их вместе с другим мясом. Тогда конунг велел все это варево выбросить.

— Наверное, это был не человек, — сказал он, — это был, наверное, Один, в которого язычники долго верили. Но Одину не удастся перехитрить меня»⁹.

Вне сомнений, сам Один, «всеотец» и «отец ратей», культ которого сложно переоценить для народов Севера, является более чем показательным в роли антагониста Олава. Рассмотрим данный пассаж подробнее.

Адам Бременский под 1080 годом пишет: «Кое-кто говорил, что он (Олав. — *В.П.*) был христианином, другие — что он отступился от веры, но все сходятся на том, что он был очень искусен в прорицаниях, предсказывал судьбу и верил в гадания по птицам. Оттого он и получил свое прозвище Кракабен (Воронья Кость). Также рассказывают, что он занимался колдовством и держал при себе колдунов, с помощью которых завоевал страну...»¹⁰ Во времена Трюггвасона, как можно сделать вывод из «Саги об Оде Стреле», борьба с поклонением языческим богам сосуществовала с языческим мировоззрением, включавшим магию, кудесничество, колдовство, ведовство в число обыденных явлений¹¹. Сопоставив свидетельства Снорри и Адама, возьму на себя смелость предположить, что Олав — сложно отделимая от персонажа литературы и легенд историческая личность — не столько вытеснял языческую веру верой в Христа, сколько, если можно так выразиться, под покровительством и с благословения последнего¹² пытался заменить в сознании норвежцев фигуру Одина своей, во многом уподобляясь «богу воронов»¹³ и «волку битвы»¹⁴. Гвин Джонс в своей «Легендарной истории Олава Трюггвасона» окрестил конунга не кем иным, как «кормильцем воронов и волков»¹⁵, — сложно не увидеть в данной поэтической характеристике аллюзию к сопровождающим Одина воронам Хугину и Мунину и волкам Гери и Фреки. Таким образом, христианская эвгемеризация¹⁶ в известной мере уравновешивалась сакрализацией, даже мифологизацией исторических личностей, как мы видим на примере Олава Трюггвасона и позже Олава Харальдссона. Такое «языческое» христианство, адаптированное к местным верованиям (а местами и слившееся с ними), постепенно сменяло культы прежних богов.

В контексте вышеизложенного Гарды «конунга Вальдамара» (князя Владимира) и весь Восточный путь, Аустрвег, в умах современников авторов саг про Олава Трюггвасона скорее заняли место их мифического Утгарда («прибежища... сил отживающего язычества»¹⁷, попасть в который возможно, двигаясь на восток¹⁸), нежели виделись им местом духовной инициации. Впрочем, Олав I Воронья Кость, как и его «предшественник» Один, пришел на север с новой верой с востока, что, с другой стороны, косвенно приравнивает к жилищу богов-асов Асгарду то ли Миклагард-Константинополь, то ли Русь-Гардарики.

Олав Святой фольклора, с его рыжей бородой, защитой людей от троллей¹⁹ и прочим, явился преемником бога Тора, но для нас представляет интерес другое— связанные сюжетно с Русью прижизненные и посмертные чудеса конунга, а также посвященный ему в Новгороде храм, летописная «варяжская церковь». Данный вопрос, на мой взгляд, наиболее полно был рассмотрен Е.А. Мельниковой²⁰ и Т.Н. Джаксон²¹. Опираясь на их исследования, возможно определить роль Руси в сакрализации Олава Харальдссона следующим образом.

Во-первых, прижизненные чудеса Святого Олава, локализованные на Руси, как и другие подобные им чудеса-исцеления «бытового» характера, образуют общий так называемый народный пласт сказаний о святом; русские же посмертные чудеса являются двумя из четырех произошедших за пределами Скандинавии и, ставя в центр событий церковь св. Олава в Новгороде, «не только демонстрируют чудотворную силу святого, но... помещают в эпицентр сюжета церковь и ее священнослужителей как посредников между святым и ее почитателями»²².

Во-вторых, «храмовый» характер указанных новелл свидетельствовал о распространенности почитания норвежского святого вплоть до далекого, с точки зрения скандинавов, Новгорода, что, по мнению Е.А. Мельниковой, и побудило епископа Эйнштейна включить их в составляемый «канонический» свод²³.

В-третьих, популярности культа в среде новгородцев и скандинавского контингента на Руси активно способствовал во время своего пребывания там сводный брат Олава Харальд Хардрада (Суровый Правитель). Если точная датировка возведения посвященного святому Олаву храма в Новгороде еще вызывает споры в научных кругах²⁴, то отсутствие симпатий Ярослава к противникам Олава и прекращение им торговых отношений с Норвегией, а также гонения на норвежцев после прихода к власти Свейна Альвивусона можно считать доказанными. Подобная политика Ярослава Владимировича, очевидно, активизировала воспоминания об Олаве Харальдссоне, тем самым укрепив позиции его родичей (брата Харальда, сына Магнуса), сторонников и почитателей.

Важным также представляется вывод Мельниковой о том, что церковь св. Олава для постоянно проживающих в Новгороде или посещающих его скандинавов, помимо своего культурного и конфессионального значения, служила цели упорядочивания торговых связей этой области со странами Балтийского региона.

Итак, можно констатировать наличие культурно-идеологического, духовного обмена между Древней Русью и Скандинавскими странами (в частности, Норвегией) и подчеркнуть его двусторонний характер. Что же касается роли Руси в сакрализации обоих Олавов, Трюггвассона и Харальдссона, то нельзя отрицать, что «в композиции «Хеймскринглы» мотив пребывания конунгов-миссионеров «на Востоке в Гардах» фиксирует поворотные моменты в судьбах Норвегии»²⁵. Вне сомнений, этот вопрос требует от исследователей своего дальнейшего рассмотрения.

* * *

¹ Лебедев Г.С. Эпоха викингов в Северной Европе. Л., 1985.

² Рыдзевская Е.А. Легенда о князе Владимире в саге об Олафе Трюггвассоне // Труды Отдела древнерусской литературы Института русской литературы (Пушкинский Дом) АН СССР. М.; Л., 1935. Т. II. С. 5–20.

³ Джаксон Т.Н. Четыре норвежских конунга на Руси: из истории русско-норвежских политических отношений последней трети X — первой половины XI века. М., 2002.

⁴ *Fidjestol B. Olaf Trygvason the Missionary. A Literary Portrait from the Middle Ages* // *Fidjestol B. Selected Papers* / Ed. by O. Einar Haugen, E. Mundal. Odense, 1997. P. 201–227.

⁵ Древняя Русь в свете зарубежных источников: учеб. пособие / М.В. Бибииков, Г.В. Глазырина, Т.Н. Джаксон и др.; под ред. Е.А. Мельниковой. М., 1999.

⁶ *Снорри Стурлусон. Круг Земной* / А.Я. Гуревич, Ю. К. Кузьменко, О. А. Смирницкая, М. И. Стеблин-Каменский. М., 1980. С. 9–10.

⁷ Мельникова Е.А. Балтийская политика Ярослава Мудрого // *Ярослав Мудрый и его эпоха*. М., 2008. С. 79.

⁸ «Но Бог, который не хочет, чтобы скрывались честь и слава его друзей, как не должен свет скрываться во тьме, сделал тогда великой славу этого молодого человека и освободил его из этой неволи, как в былые времена освободил он Иосифа» (*Saga Olafs Trygvasonar av Oddr Snorrason munkr* / Finnur Jonsson. Kobenhavn, 1932. К. 7; цит. по: Джаксон Т.Н. Указ. соч.)

⁹ *Снорри Стурлусон. Круг Земной*. LXIV.

¹⁰ Цит. по: *Гвин Джонс. Викинги. Потомки Одина и Тора*. М., 2004.

¹¹ Древняя Русь в свете зарубежных источников.

¹² Уподоблявшегося, как известно, в скальдической поэзии владыкам земным и в каком-то смысле выступавшим их «сеньором» даже более, нежели небесным патроном; см., к примеру, поэтическое уподобление Христа Харальду Суровому в кеннинге «страж, хранитель Греции и Гардов» (*Girkja vörð ok Garða*) погребальной драпы Арнора Тордарсона: *Успенский Ф.Б. Заметки о топонимике в поэтическом мире скальдов. Кто был «страж Греции и Гардов» в глазах поэта XI века? // Древнейшие государства Восточной Европы—2009*. М., 2010.

¹³ Видение Гюльви // Младшая Эдда. М., 1994. С. 38.

¹⁴ Язык поэзии // Младшая Эдда. М., 1994. С. 9.

¹⁵ Jones G. The Legendary history of Olaf Tryggvason. Glasgow, 1968. P. 7.

¹⁶ Помимо процитированного описания встречи Олава с Одним см. там же у Снорри («Сага об Инглингах», II): «Страна в Азии к востоку от Танаквисля называется Страной Асов, или Жилищем Асов, а столица страны называлась Асгард. Правителем там был тот, кто звался Одним. <...> Один был великий воин, и много странствовал, и завладел многими державами. Он был настолько удачлив в битвах, что одерживал верх в каждой битве, и поэтому люди его верили, что победа всегда должна быть за ним. Посылая своих людей в битву или с другими поручениями, он обычно сперва возлагал руки им на голову и давал им благословение. Люди верили, что тогда успех будет им обеспечен. Когда его люди оказывались в беде на море или на суше, они призывали его, и считалось, что это им помогало».

¹⁷ Хлевов А.А. Предвестники викингов. Северная Европа в I–VIII веках. СПб., 2002.

¹⁸ Младшая Эдда. М., 1994; Перебранка Локи // Беовульф. Старшая Эдда. Песнь о Нибелунгах. М., 1975.

¹⁹ См., к примеру: Святой Олав и тролли // Скандинавская баллада. М., 1978.

²⁰ Мельникова Е.А. Указ. соч. С. 125–132.

²¹ Джаксон Т.Н. Указ. соч.

²² Мельникова Е. А. Указ. соч. С. 129.

²³ Там же.

²⁴ Джаксон Т. Н. Указ. соч. Гл. «Чудо иконы Св. Олава...»

²⁵ Лебедев Г.С. Указ. соч.

Е. Н. Шумилов

**ПО ПУТИ, ПРОЛОЖЕННОМУ ШВЕДАМИ
(О роли населения «Ладожской автономии»
в освоении Русского Севера)**

В 860-х годах на землях чуди Юго-Восточного Приладожья появилось новое население — скандинавы и колбяги¹. Вновь прибывшие расселились отдельными усадьбами (хуторами) по берегам рек Видлица, Тулокса, Олонка, Свирь, Оять, Паша, Капша, Воронега и Сясь. Территория их расселения простиралась с запада на восток на 150 км, а с севера на юг — на 170–180 км². Видимо, именно ее имели в виду скандинавские саги, именуя восточные земли словом Гардар, что в скандинавском языке означало «усадьбы, хутора»³. А позднее перенесли его на всю Русь. Здесь была создана опорная база для осуществления походов по сбору дани с окрестных финских племен. Со временем ее обитатели превратились в особое военно-промысловое сословие⁴. Область, занимавшая по отношению к Новгороду автономные позиции, получила в исследовательских кругах название «Ладожская автономия» или «Ладожское ярлство».

В истории «Ладожской автономии» можно выделить несколько периодов активизации населения, и все они связаны с миграциями сюда скандинавов: 860–890-е, 920–950-е, 1020–1070-е годы⁵. Для нас особый интерес представляет последний период. Тогда всплеск скандинавской активности в Юго-Восточном Приладожье был вызван браком новгородского князя Ярослава Владимировича, прозванного позднее «Мудрым», с дочерью шведского короля Олава. В качестве платы за невесту Олав получил от Ярослава Ладугу и ладожскую округу. Данный брачный союз дал шведам возможность собирать дань с территорий к востоку от Ладоги, населенных финскими племенами. Около 1020 года в Юго-Восточном Приладожье

было создано Ладожское ярлство, которое возглавил родич жены Ярослава Рёгнвальд, правивший здесь до 1030 года, затем — его преемники⁶.

Передача колбягов под юрисдикцию шведов и верховенство скандинавов (помимо шведов, здесь появились и норвежцы) вряд ли серьезно отразились на их статусе. Как свидетельствует «Правда Ярослава», колбяги имели равные права и обязанности с варягами-скандинавами⁷.

Историческое расселение этнических групп в Юго-Восточном Приладожье можно в общих чертах проследить по данным археологии, топонимики и письменным свидетельствам. Так, по реке Сясь проживали колбяги, по рекам Капша и Паша — скандинавы, по реке Оять — чудь. При этом реальная власть принадлежала скандинавам и колбягам, а представителям чуди, как покоренному населению, отводилась, скорее всего, роль слуг или рабов (в ареале их расселения мало оружия, да и оно могло принадлежать скандинавам или колбягам)⁸. Несмотря на длительное совместное проживание трех этнических групп и культурное взаимовлияние, фиксируемое археологами (в частности, оригинальная курганная погребальность), единая этническая общность так и не сложилась: слишком велики были социальные, языковые и религиозные различия. Сказалась и территориальная разобщенность.

Несомненно, что между скандинавами и колбягами существовало разделение «труда». Колбяги издавна совершали походы на конях (на это указывают многочисленные захоронения коней) по уже «наезженным» за столетие путям. Но дальние территории вряд ли им были доступны. Пройти летом по лесным дебрям было практически невозможно, а зимой при движении по льду рек существовала проблема с фуражом для лошадей. Правда, со временем, отправляясь на дальние расстояния зимой, они могли, как и волжские булгары, использовать ездовых собак (видимо, с этим обычаем связаны найденные в курганах захоронения собак)⁹.

Шведам же привычнее было совершать морские походы на кораблях. Реальным выходом к морю было плавание через низовья Северной Двины, населенные пермянами — потомками представителей ананьинской культурно-исторической области. Эта земля известна в скандинавских источниках как Бьярмаланд (Биармия)¹⁰. Норвежцы рассматривали ее как свою колонию и периодически совершали сюда грабительские набеги. Наличие среди приладожских шведов норвежцев, а также то обстоятельство, что шведы пытались обьясачить земли, еще неохваченные норвежцами, не должно было вызвать у них чувства соперничества.

Первое появление шведов в Северном Ледовитом океане зафиксировано летописями в 1032 году¹¹. Тогда Улеб, в котором исследователи справед-

ливо видят Ульва Рёгнвальдсона — сына ярла Рёгнвальда¹², совершил плавание к Железным воротам. Еще в 1789 году В.В. Крестинин отождествил Железные ворота с Карскими воротами или Югорским шаром у острова Вайгач¹³. В последние годы это предположение нашло подтверждение в археологии. На острове Вайгач, который два тысячелетия являлся священным местом сначала для югры¹⁴, а затем самоедов (ненцев), на святилищах выявлены скандинавские артефакты¹⁵. Плавание Улеба закончилось неудачей. Очевидно, шведы пытались ограбить святилища югры. Это вызвало со стороны последних справедливое возмущение и вооруженный отпор. В результате многие мореходы погибли от рук югры¹⁶. Скандинавский крестик, снятый, скорее всего, с тела убитого, был принесен в дар языческим богам. На острове Вайгач также известны человеческие жертвоприношения¹⁷. Не исключено, что попавших в плен скандинавов югра могла принести в жертву.

Тот факт, что водный путь до Полярного Урала первыми освоили именно шведы, подтверждает устаревшее наименование русских у ненцев — луотса (современное лууца), восходящее к руотси. В ненецком языке нет начального «р», поэтому оно было заменено на «л». Далее данный этноним перешел от ненцев в форме «люотя» к энцам и в форме «лууца» — к эвенкам, от тех — к маньчжурам, в языке которых русские — лоча¹⁸. Руотси — финское название шведов¹⁹. Это обстоятельство позволяет говорить о том, что переводчиками при общении между шведами и самоедами выступали именно финны. Со временем этноним руотси (луотса) был перенесен на русских, поскольку для монголоидных самоедов шведы и русские были на одно лицо.

Поход Улеба не стал последним, напротив, шведы убедились, что есть что грабить. Плавания продолжались и в дальнейшем. Об этом свидетельствуют многочисленные артефакты XI–XII веков новгородско-ладожского происхождения на святилищах Вайгача, как языческие, так раннехристианские²⁰. В результате походов были объяснены югра и самоеды (самоядь). Летописец «Повести временных лет» услышал от ладожан (а это могли быть представители Юго-Восточного Приладожья), что «мужи старые ходили за Югру и за Самоядь» (1114)²¹. Здесь речь идет о самояди и югре, живших между Печорой и Уральскими горами — на территории тундры и лесотундры, примыкавшей к Северному Ледовитому океану. За островом Вайгач на пути мореходов был полуостров Ямал. Обогнуть его на судах-кочах оказалось невозможно даже в 1734–1735 годах, поскольку дули сильные встречные ветры и был сплошной лед²². Кроме того, это плавание отнимает много времени и делает данный маршрут малоперспективным.

Итогом походов в Югру и Самоядь были меха и моржовая кость²³. Данный экспортный товар через Ладожское ярлство напрямую уходил за границу — в Европу. Обитатели ярства получали за товар серебряные динарии²⁴. На эти деньги они закупали в Новгороде нужные им вещи, так как покупать здесь было проще и выгоднее, чем привозить товары из Северной Европы. Этим и объясняется обилие новгородских вещей в захоронениях жителей Юго-Восточного Приладожья XI века²⁵.

О том, что основной доход от экспорта мехов и моржовой кости доставался именно жителям Ладожского ярлства, говорит отсутствие в Новгороде запорных пломб от кожаных мешков с мехами в первой половине XI века, хотя в конце X века они здесь имелись, и обилие монет в кладах и захоронениях Юго-Восточного Приладожья²⁶.

Ярослав Мудрый, крепко связанный со скандинавами семейными узами, вынужден был все это терпеть, неся при этом убытки. Но его преемники по новгородскому княжению терпеть не стали, тем более что в Швеции ушла с политической арены династия королей — родичей Ярослава. Первым борьбу с самостоятельностью ярлства начал князь Глеб Святославич²⁷. Именно с его деятельностью можно связать исчезновение в 1070-х годах Кемского погранично-таможенного пункта близ Белого озера²⁸. В ходе борьбы с ярлством Глеб мог использовать помощь своего отца Святослава Ярославича, бывшего в 1073–1076 годах великим князем киевским (Ростово-Суздальское княжество, в ведении которого находились белозерские дани, являлось уделом Киева). Глебу удалось подчинить себе земли восточнее Белого озера — Заволочье, ставшее позднее местом его гибели. О том, что данный процесс проходил далеко не мирным путем, говорят клады 1070-х годов²⁹. Тогда же в Новгороде появились запорные пломбы с тамгой Глеба («багровидные» тамги с начальной буквой его имени)³⁰. А это значит, что дань стала поступать в казну князя.

Дело Глеба по наступлению на позиции Ладожского ярлства продолжил и завершил новгородский князь Мстислав Владимирович. И опять мы имеем дело с многочисленными богатыми кладами. Примечательно, что клады 1090-х годов зафиксированы именно там, где сосредоточена основная масса скандинавских погребений³¹. И вновь дань пошла в княжескую казну: в Новгороде обнаружено пять запорных пломб, помеченных тамгой Мстислава Владимировича³². Можно с уверенностью говорить, что со второй половины XI века Заволочье становится на правах завоеванной территории местом сбора дани для новгородских князей.

Шведский король Инги, стремясь удержать за собой Ладожское ярлство, применил испытанный временем прием: выдал за Мстислава свою дочь³³. Но летописец не случайно удостоил Мстислава Владимировича (единственного из всех русских князей) прозвищем Великий³⁴. Мстислав довел начатое дело до логического конца. Все завершилось в 1105 году походом князя на Ладогу³⁵. С господством шведов было покончено. К началу XII века на территории Юго-Восточного Приладожья уже нет артефактов скандинавов³⁶. Чудское население реки Оять сдвинулось на запад и заняло земли скандинавов по рекам Паша и Капша³⁷. В то же время, чтобы избежать сепаратизма в среде местного населения, Мстислав вынужден был сохранить «Ладожскую автономию». Но своих князей (в отличие от Пскова) она не получила (ранее функции князей, видимо, выполняли шведские ярлы). Правда, теперь в походах за данью могли участвовать новгородцы.

В 1114 году впервые на страницах летописи появляются ладожане — так стали именоваться, видимо, не только жители Ладоги, но и колбяги Юго-Восточного Приладожья³⁸.

Ладожская автономия превратилась в один из важнейших центров Новгородской земли. Понимая, что шведы вряд ли смирятся с потерей ярлства, Мстислав для защиты от них сооружает в 1114–1116 годах в Ладоге каменную крепость³⁹. И действительно, через пятьдесят лет, в 1164 году, произошло первое нападение шведов на Ладогу, которое ладожане успешно отразили благодаря наличию крепости⁴⁰.

Путь к Полярному Уралу, проложенный шведами, успешно освоили колбяги, многому научившись у скандинавов, и новгородцы. Правда, со временем их маршрут несколько изменился и уже не ограничивался плаванием вдоль берега Северного Ледовитого океана. Теперь путь из Северной Двины пролегал по Пинеге, Кулою, Мезени, Пезе, Цильме, Печоре и другим рекам с волоками между ними и заходом в океан. К 1137 году погосты колбягов и новгородцев появились в низовьях Северной Двины, по Пинеге и другим рекам⁴¹.

Между тем западный рынок требовал большего разнообразия товаров, чем могли предложить ладожане. Но в тундре не было соболей и других ценных пушных животных. И даже проникновение в лесную зону Приуралья — Пермь Вычегодскую (вымская культура) — не исправило положения: мех водившегося здесь соболя был невысокого качества. Настоящий товарный соболь обитал в лесной зоне Зауралья — в Сибири, где жили югричи (предки хантов) и вогуличи (предки манси). С этим населением

волжские булгары, точнее те из них, кто обосновался в Верхнекамье (Верхней Булгарии), вели «немой» обмен товарами начиная с X века⁴².

Во второй половине XII века ладожане и новгородцы находят свой путь в Сибирь. Этот путь, получивший название Югорский, выходил с Печоры на ее правый приток Щугор. Далее был переход (волоок) через Уральские горы. По левым притокам Северной Сосьвы, берущим начало с гор, можно было попасть на Северную Сосьву, далее — на Обь⁴³.

Доказательство тому, что первыми сюда проникли русские (русь), можно найти в этнонимии: манси называют русских словом русь, ханты — руть⁴⁴. Однако сборщики дани столкнулись здесь с более серьезным противником, чем разрозненные кочевники тундры — самоеды и приполярная югра. У лесных зауральских югричей и вогуличей уже были укрепленные городки, собственные князьки, сложившееся классовое общество. Неудивительно, что в столкновениях с ними сборщики дани терпели поражение⁴⁵. Дань доставалась им потом и кровью.

Свидетельства пребывания новгородцев за Уралом в XII–XIII веках — это не только предметы быта и торговой деятельности, но и дома, построенные ими, и деревянные мостовые, типичные для Новгорода. Вместе с новгородцами в них проживали представители вымской археологической культуры⁴⁶.

А Ладога благодаря доходам от дани переживала свой расцвет. В промежутке между 1153 и 1166 годами и около 1200 года в ней были построены пять каменных церквей⁴⁷. Подобного строительного бума не знал даже Новгород. Это обстоятельство, несомненно, раздражало новгородцев и вызывало у них чувство зависти и стремление покончить с «Ладожской автономией».

Судьба «Ладожской автономии» была решена в начале XIII века. В это время в Юго-Восточном Приладожье произошли серьезные изменения: исчез курганный обряд захоронений⁴⁸. Чудское население осталось на прежнем месте — на реках Оять, Капша и Паша. Здесь до настоящего времени проживают их потомки — вепсы. Что произошло с колбягами, сообщает нам новгородская берестяная грамота № 222, датированная 20-ми годами XIII века: колбяги бежали⁴⁹. Причину их бегства можно видеть в акции христианизации язычников, находившихся в сфере влияния Новгорода, проведенную в 1227 году новгородским князем Ярославом Всеволодовичем. Мероприятие провалилось. Ярославу удалось окрестить лишь часть карелов⁵⁰. Куда именно направились колбяги, пока не ясно. После их ухода автономия утратила привилегии, превратившись в обычную податную

область Новгорода — Обонежскую пятину. Свои позиции и льготы сохранили только Ладога и ее ближайшая округа⁵¹.

Высоко оценивая роль населения «Ладожской автономии» в деле «ясачного» освоения территории будущего Русского Севера, нельзя не признать и негативную сторону существования самой автономии. На протяжении длительного времени ее население выражало интересы скандинавов. Более того, автономия являлась непреодолимым скандинавским кордоном на пути расширения границ Новгородской республики. И лишь после ее упразднения у новгородских земледельцев появилась реальная возможность для миграции. Как свидетельствуют источники, только во второй трети XIII века началось заселение новгородцами плодородных земель Заонежья, богатых шунгитом — камнем плодородия⁵².

* * *

¹ Колбяги пришли сюда вместе с Рюриком, скорее всего, из Южной Прибалтики.

² *Кирпичников А.Н.* Ладога и Ладожская земля VIII–XIII вв. // Историко-археологическое изучение Древней Руси: Итоги и основные проблемы. Славяно-русские древности. Л., 1988. Вып. 1. С. 69.

³ Древняя Русь в свете зарубежных источников. М., 1999. С. 464–465.

⁴ *Мачинский Д.А., Мачинская А.Д.* Северная Русь, Русский Север и Старая Ладога в VIII–XI вв. // Культура Русского Севера. Л., 1988. С. 52–54.

⁵ *Богуславский О.И.* Южное Приладожье в системе трансевразийских связей IX–XII вв. // Древности Северо-Запада России. СПб., 1993. С. 132–157.

⁶ *Стурлусон Снорри.* Круг земной. М., 1980. С. 234–235.

⁷ *Тихомиров М. Н.* Пособие для изучения «Русской Правды». М., 1953. С. 75–86.

⁸ *Неволин К.А.* О пятинах и погостах новгородских. СПб., 1853. С. 164; *Дубов И.В.* Великий Волжский путь. Л., 1989. С. 82 (рис. 27); *Муллонен И.И.* О гидронимии бассейна р. Ояти // Курганы летописной веси X — начала XIII века. Петрозаводск, 1985. С. 184–196.

⁹ Финно-угры и балты в эпоху Средневековья. М., 1987. С. 57.

¹⁰ *Никитин А.Л.* Биармия и Древняя Русь // Вопросы истории. 1976. № 7. С. 56–69.

¹¹ *Татищев В.Н.* История российская. М.; Л., 1963. Т. 2. С. 77.

¹² *Соловьев С.М.* История России с древнейших времен. М., 1959. Кн. 1. С. 216.

¹³ *Крестинин В.В.* Географическое известие о Новой Земле // Путешествия академика Ивана Лепехина. СПб., 1805. Ч. 4. С. 123–193.

¹⁴ Югра, несомненно, отличалась от зауральских югричей (см.: *Напольских В.В.* Географическая привязка и этноязыковая идентификация летописной Югры. URL: <http://www.udmurtology.narod.ru/library/napolskikh/jugra.pdf>).

¹⁵ *Хлобыстин Л.П.* Древние святилища острова Вайгач // Проблемы изучения историко-культурной среды Арктики. М., 1990. С. 120–135.

¹⁶ ПСРЛ. М., 1978. Т. 34. С. 63.

- ¹⁷ *Хлобыстин Л.П.* Указ. соч. С. 120–135.
- ¹⁸ Русский язык осваивает Сибирь. URL: <http://www.stolichnoe-obrazovanie.ru/cgi-bin/show.pl>.
- ¹⁹ *Гедеонов С.А.* Варяги и Русь. М., 2005. С. 300–301.
- ²⁰ *Хлобыстин Л.П.* Указ. соч. С. 120–135.
- ²¹ Повесть временных лет (ПВЛ) // Библиотека литературы Древней Руси. СПб., 1997. Т. 1. С. 309.
- ²² Записки Матвея Артамоновича Муравьева // Российский архив. М., 1994. Кн. 5. С. 7–81.
- ²³ *Герберштейн С.* Записки о Московии. М., 1988. С. 159.
- ²⁴ Финно-угры и балты в эпоху Средневековья... С. 64.
- ²⁵ Там же. С. 60.
- ²⁶ *Янин В.Л.* У истоков новгородской государственности. Великий Новгород, 2001. С. 31–57; *Потин В.М.* Топография находок западноевропейских монет X–XIII вв. на территории Древней Руси // Труды Государственного Эрмитажа. Л., 1967. Т. 9. Вып. 3. С. 94–123.
- ²⁷ ПВЛ. С. 237.
- ²⁸ *Макаров Н.А., Беляков А.С.* Кемский некрополь в Северном Белозерье // Краткие сообщения Института археологии АН СССР. М., 1989. Вып. 198. С. 82.
- ²⁹ *Потин В.М.* Указ. соч. С. 94–123.
- ³⁰ *Янин В.Л.* Археологический комментарий к Русской Правде // Новгородский сборник. 50 лет раскопок Новгорода. М., 1982. С. 140.
- ³¹ *Потин В.М.* Указ. соч. С. 94–123.
- ³² *Янин В.Л.* Археологический комментарий к Русской Правде... С. 140.
- ³³ *Рыдзевская Е.А.* Древняя Русь и Скандинавия в IX–XIV вв. М., 1978. С. 73.
- ³⁴ *Татищев В.Н.* Указ. соч. Т. 2. С. 143.
- ³⁵ Славяне и скандинавы. М., 1986. С. 196.
- ³⁶ Финно-угры и балты в эпоху Средневековья... С. 59.
- ³⁷ URL: http://adan.nnov.ru/ladozhskoe_yarlstvo_kolbyagi.html.
- ³⁸ *Кирпичников А.Н.* Указ. соч. С. 62–63.
- ³⁹ *Татищев В.Н.* Указ. соч. Т. 2. С. 130.
- ⁴⁰ Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.; Л., 1950. С. 31.
- ⁴¹ *Герберштейн С.* Указ. соч. С. 156–157; Памятники русского права. М., 1953. Вып. 2. С. 117–118.
- ⁴² Путешествие Абу Хамида ал-Гарнати в Восточную и Центральную Европу (1131–1153 гг.). М., 1971. С. 31–34.
- ⁴³ *Герберштейн С.* Указ. соч. С. 334.
- ⁴⁴ Русский язык осваивает Сибирь. URL: <http://www.stolichnoe-obrazovanie.ru/cgi-bin/show.pl>.
- ⁴⁵ Новгородская первая летопись... С. 38, 40, 41, 229.
- ⁴⁶ Финно-угры и балты в эпоху Средневековья... С. 215.

⁴⁷ *Раннопорт П.А.* Археологические исследования памятников древнего новгородского зодчества // Новгородский исторический сборник. Л., 1982. Вып. 1 (11). С. 198.

⁴⁸ *Пашков А.М.* Весь (по археологическим материалам) // Прибалтийско-финские народы России. М., 2003. С. 333–341.

⁴⁹ URL: <http://www.bibliotekar.ru/rusNovgorod/72.htm>.

⁵⁰ ПСРЛ. М., 1962. Т. 1. С. 449.

⁵¹ *Янин В.Л.* Очерки комплексного источниковедения. М., 1977. С. 88–89; *Он же.* К истории взаимоотношений Новгорода с князьями // Генезис и развитие феодализма в России. Л., 1985. С. 103; *Куза А.В.* Новгородская земля // Древнерусские княжества X–XIII вв. М., 1975. С. 161.

⁵² История Карелии с древнейших времен до наших дней. Петрозаводск, 2001. С. 74.

Е. Н. Шумилов

О ВРЕМЕНИ ОБЛОЖЕНИЯ ТЕРСКИХ ЛОПАРЕЙ НОВГОРОДСКОЙ ДАНЬЮ

Терский берег — историческое название юго-восточного побережья Кольского полуострова. Другие варианты топонима, известные по летописным источникам, — Тре, Търе, Тере, Терь, Тирь, Тир¹.

В исторической литературе принято считать, что первое упоминание о даннической зависимости терских лопарей от Новгорода относится к 1216 году, когда в битве при Липице погиб Семен Петрилович, «терский данник» (сборщик дани)².

Однако у этого косвенного свидетельства есть альтернатива, которая также имеет право на существование. На карте С.У. Ремезова между реками Мезень и Индига показана терская самоядь³. Она обитала на давнем данническом пути новгородцев к Уралу, и Семен Петрилович мог брать дань именно с этой территории.

Кроме того, возникает вопрос: каким образом лопарские дани перешли к Новгороду? Ведь согласно скандинавским сагам с лопарей Кольского полуострова издавна брали дань северные карелы, и в этом в деле они соперничали с норвежцами⁴.

Более того, карелы имели в лице Новгорода высокого покровителя. Именно ему, по скандинавским источникам, они были обязаны этой данью⁵. В свою очередь новгородцы предпочитали не вмешиваться во внутренние дела своих вассалов⁶.

Первое упоминание о новгородской волости Тре относится к 1264 году⁷. Когда же лопарские дани карелов перешли к Новгороду? На данный вопрос дает ответ грамота новгородского князя Андрея Александровича — при его отце Александре Ярославиче Невском⁸.

Этому предшествовали следующие события. В 1251 году к королю Норвегии Хакону IV Старому было отправлено посольство от новгородского князя Александра Невского. Надо было решить два вопроса: 1) урегулировать пограничные конфликты между карелами, сюзереном которых выступал Новгород, и норвежцами; 2) заключить брачный союз сына князя Василя с дочерью короля Кристиной⁹.

Предложение о браке, видимо, исходило от Александра Невского, желавшего примириться со своим давним врагом, воины которого в 1240 году принимали участие в Невской битве. Это было необходимо сделать перед лицом шведской агрессии, чтобы не допустить союза Норвегии и Швеции.

В свою очередь, Хакон Старый мог увязать брачный договор с разрешением пограничных споров. В этом вопросе он не был оригинален, а следовал давно наработанным путем: некогда шведский конунг Олав потребовал от князя Ярослава (Мудрого) за свою дочь Ингигерд в вено Ладожскую землю¹⁰. Хакон IV предложил передать под общий контроль земли лопарей норвежской области Финнмарк и Кольского полуострова, то есть люди Хакона могли собирать дань как с лопарей Финнмарка, так и с кольских (терских) лопарей. В свою очередь, люди Александра могли совершать те же действия и на Кольском полуострове, и в землях Финнмарка¹¹. Двойное управление Лапландии было выгодно норвежцам, поскольку их владения находились ближе к землям лопарей и они могли бывать здесь регулярно. Помимо этого, общая территория давала повод для новых конфликтов в будущем, что можно было использовать как претензии на земли соседей, чтобы перенести русско-норвежскую границу дальше на восток.

Заключив договор с норвежцами о совместном управлении землями лопарей, Александр полностью проигнорировал интересы карел. Тем самым он нарушил давно сложившийся союз новгородцев и карелов. Лишившись лопарских даней, карелы уже не нуждались в покровительстве Новгорода.

С 1260-х годов наметилась открытая конфронтация в отношениях между Новгородом и карелами, которые нашли себе нового покровителя в лице Швеции. В вооруженных пограничных конфликтах карелы стали чаще выступать на стороне шведов¹². В результате к 1339–1340 годам новгородцы сумели удержать за собой только часть карел: «...а про Корилу тако ркоша: “...а сих не выдадим: крещени суть в нашу веру; а и бес того мало бе их осталось, а то вси помроша...”»¹³.

Породниться с Хаконем IV Александр передумал. После возвращения из Золотой Орды в 1252 году с ярлыком на Великое Владимирское княжение у него появились новые политические ориентиры, хотя в Норвегии на-

деялись на брачный союз (Кристина была свободной вплоть до 1257 года)¹⁴. А договоренность о совместном управлении Лапландией осталась в силе. Поэтому Александр Невский и его сыновья, княжившие в Новгороде, считали Терский берег своим княжеским владением.

В грамоте великого князя владимирского и князя новгородского Андрея Александровича (ок. 1255–1304) о походе на Северную Двину говорится: «Како есмь докончалъ с Новымъгородомъ, ходити тремъ ватагамъ моимъ на море... А какъ пошло при моемъ отцѣ и при моемъ братѣ не ходити на Терскую сторону нугородцемъ, и нынѣ не ходятъ»¹⁵. Из грамоты следует, что, согласно договору с Новгородом, Андрей Александрович и его люди могли ходить на Терский берег (сторону), а новгородцы — нет. Так было и раньше — при его отце и брате.

Андрей Александрович являлся новгородским князем дважды: в 1281–1285 и 1292–1304 годах. И оба раза он навязывал новгородцам свою волю, чувствуя за спиной поддержку Золотой Орды. А новгородцы вынуждены были с этим мириться. Совсем иначе они вели себя с более слабыми тверскими князьями. При заключении договоров с Ярославом Ярославичем (1266) и его сыном Михаилом (1304–1305) новгородцы заявили, что область Тре (Тер) является волостью Новгорода, куда путь князьям был заказан¹⁶. В конечном счете победа в споре досталась новгородцам. Однако проблемы, заложенные договором Александра Невского и Хакона IV, сохранялись и негативно сказывались на взаимоотношениях норвежцев и новгородцев. В первой трети XIV века между Норвегией и Новгородом развернулась настоящая война за лопарские дани¹⁷. И лишь на время их остановил мирный договор от 3 июня 1326 года¹⁸.

Конфликты продолжались и позднее. Только в 1602–1603 годах было достигнуто принципиальное соглашение о разделе совместной территории поровну, но оно не было подтверждено соответствующим договором. И лишь в 1684 году наконец был заключен договор о прекращении споров по вопросу о границе в Лапландии между Россией и Данией, в унии с которой тогда находилась Норвегия¹⁹.

* * *

¹ Грамоты Великого Новгорода и Пскова. М.; Л., 1949. № 1–3, 6, 7, 10, 14, 15, 19, 22.

² Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.; Л., 1950. С. 257.

³ Чертежная книга Сибири, составленная тобольским сыном боярским Семёном Ремезовым в 1701 году. СПб., 1882. Л. 48.

- ⁴ Исландские саги. М., 1956. С. 78–79; *Шаскольский И.П.* Договоры Новгорода с Норвегией // Исторические записки. М., 1945. Т. 14. С. 56.
- ⁵ *Шаскольский И. П.* Договоры Новгорода с Норвегией. С. 58–60.
- ⁶ Грамоты Великого Новгорода и Пскова. № 29, 31.
- ⁷ Там же. № 1. С. 9.
- ⁸ Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографической комиссией. СПб., 1836. Т. 1. С. 1.
- ⁹ *Шаскольский И.П.* Договоры Новгорода с Норвегией. С. 56.
- ¹⁰ *Стурлусон Снорри.* Круг земной. М., 1980. С. 234.
- ¹¹ *Шаскольский И.П.* Договоры Новгорода с Норвегией. С. 56.
- ¹² Новгородская первая летопись... С. 319, 323, 335, 348, 349.
- ¹³ Там же. С. 350.
- ¹⁴ *Джаксон Т.Н.* Александр Невский и Хакон Старый: обмен посольствами // Князь Александр Невский и его эпоха. Материалы и исследования. СПб., 1995. С. 134–139.
- ¹⁵ Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи... Т. 1. С. 1.
- ¹⁶ Грамоты Великого Новгорода и Пскова. № 1. С. 9; № 7. С. 16–17.
- ¹⁷ *Шаскольский И.П.* Сведения об истории Руси X–XIV вв. в исландских анналах // Вспомогательные исторические дисциплины. 1994. Вып. XXV. С. 231–239.
- ¹⁸ *Шаскольский И.П.* Договоры Новгорода с Норвегией. С. 45–46.
- ¹⁹ *Похлебкин В.В.* Внешняя политика Руси, России и СССР за 1000 лет в именах, датах, фактах. М., 1995. Вып. 1. С. 291.

Н. И. Петров

**О «ТРАПЕЗЕ НИКОЛЫ» В «СЛОВЕ НА ПЕРЕНЕСЕНИЕ
ЧЕСТНЫХ МОЩЕЙ СВЯТАГО АРХИЕПИСКОПА
ХРИСТОВА НИКОЛЫ ИЗ МИР В БАР ГРАД»**

Древнерусское «Слово на перенесение честных мощей святого архиепископа Христова Николы из Мир в Бар град» начинается следующей фразой: «Присно оубо долъжни есмы братие праздники Божиа творяще въ честь держати подобити же ся святымъ его. и подвижно искати спасения присно испытавше тако по образу Божию сътворены быхомъ оугодная пред Нимъ сътворше. якоже блаженны сотвори великыи словущии архiereи Христовъ Никола. его же (то есть Николы. — *Н.П.*) тряпезы ныне хоцю вамъ предъставити. от неяже вкоусите и видите яко благъ Господь оуповающимъ нань. благъ Господь надеющимся нань. благъ Господь любящимъ Его. благъ Господь творящимъ волю Его»¹. (Данный текст происходит из Троицкого списка конца XIV века, который можно считать самой ранней рукописью, сохранившей начало «Слова на перенесение честных мощей...» В Сахаровском списке XIII–XIV веков значительная часть начала Слова отсутствует. Вводная часть не отражена и в тексте Слова, обнаруженном Е.А. Смыкой в Прологе конца XIII века²; повествование начинается здесь непосредственно с указания на «лето» («от выплощения Самого Бога»), в которое произошло описываемое событие³. Думается, что отсечение введения — а, возможно, также и бо́льшая лаконичность текста в сравнении с другими списками памятника — было обусловлено в данном случае особенностями формирования именно *проложной* редакции Слова.)

Некоторая неясность слов «его же тряпезы ныне хоцю вамъ предъставити» была отмечена уже И.А. Шляпкиным: «Не говорится ли здесь о престоле церкви во имя св. Николая? Или об освящении храма во имя свято-

го?»⁴ Любопытно, что в более позднем списке XVII века рассматриваемая фраза звучит несколько иначе и «трапеза» здесь уже не связывается напрямую с именем св. Николая: «...Днесь святого и великаго архиерея Христова, оугодника Николы память сотворяюще почтемь, и тако сошедшеся вси вернии духовныя трапезы насладимся...»⁵ Кстати, и в 1990-х годах Н.В. Савельева, комментируя полностью аналогичное фразе из Троицкого списка упоминание именно «трапезы Николы» в Софийском списке Великих Мней Четых митрополита Макария, отметила, что «слово “трапеза” в данном случае имеет значение “трапеза духовная”»⁶. Однако в таком случае непонятным становится адресованное слушателям Слова указание на «представление» «трапезы Николы», убеждающее нас в том, что речь здесь идет о некоем физически осязаемом предмете. Именование «трапезой» престола храма⁷, заставляет вслед за И.А. Шляпкиным предположить, что автор Слова указывает на одну из хорошо известных ему и его современникам Никольских церквей или же речь здесь идет о каком-то приделе храма, освященном в честь мирликийского святителя.

Для верного понимания рассматриваемого упоминания «трапезы Николы» необходимо принять во внимание предполагаемые обстоятельства появления «Слова на перенесение честных мощей...» — связь данного сочинения с учреждением в Киеве в начале 1090-х годов праздника перенесения мощей св. Николая Чудотворца из Мир Ликийских в Бари представляется несомненной⁸. Вряд ли можно столь же однозначно расценивать мнение архимандрита Леонида (Кавелина) о прп. Ефреме Переяславском, как об авторе «Слова на перенесение честных мощей...»⁹ Однако нельзя не признать большую вероятность принадлежности Слова предполагаемому инициатору установления на Руси апулийского празднования событий 1087 года. (Попутно хотелось бы заметить, что в упоминании «представления» слушателям Слова «трапезы» слышится некий намек на епископское достоинство автора рассматриваемого текста¹⁰.)

Обращаясь к обзору существующих предположений о соответствии «трапезы Николы» из «Слова на перенесение честных мощей...» тому или иному киевскому храму, следует прежде всего отметить, что некоторый акцент автора этого сочинения на современности ему «трапезы» — «ныне хоцю вамь предъставити» — должен указывать скорее всего на какой-то престол, который был освящен совсем недавно (или же освящение этого престола ожидалось в самом ближайшем будущем). Данное обстоятельство делает еще более очевидной несостоятельность утверждения Н.В. Верещагиной о том, что «о существовании престола в честь святителя (Нико-

лая. — Н.П.) и найденных (? — Н.П.) его мощах в одном из киевских первохрамов (скорее всего, именно в Десятинной церкви), по некоторым наблюдениям, свидетельствует Поучение на перенесение мощей святого Николая, составленное русским автором в конце XI века»¹¹. Предположению о сооружении Никольского придела первой каменной древнерусской церкви уже в конце X века¹², конечно же, следует предпочесть убедительное мнение Ю.Б. Бирюкова о встраивании Никольского придела в юго-западный угол руинированной Десятинной церкви лишь в 1240-х годах¹³.

Какие же престолы могли быть освящены во имя св. Николая Чудотворца в Киеве в последнем десятилетии XI века?

Во-первых, следует обратить внимание на высказанное Д.Г. Хрустальевым предположение о возможном освящении Никольского придела на хорах Софийского собора в 1090-х годах — исследователь соотнес появление этого придела с отмеченным в месяцеслове Мстиславова Евангелия освящением киевской Софии митрополитом Ефремом и датировал последнее 1095 годом¹⁴. Впрочем, нельзя не признать очевидную гипотетичность этой точки зрения. Конечно же, предположение о том, что киевский владыка, произнося в начале 1090-х годов в Софийском соборе «Слово на перенесение честных мощей...», под «трапезой Николы» подразумевал престол нового Никольского придела, выглядит гораздо более убедительнее прозвучавшего в литературе мнения об *изначальном* существовании такового в данном храме¹⁵. Однако, например, о. Петр Лебединцев связывал устроеие Никольского придела на хорах Софийского собора лишь с деятельностью митрополита Петра Могилы¹⁶.

Во-вторых, к 1090-м годам может быть отнесено строительство первоначального Никольского храма на Аскольдовой могиле, упоминаемого в летописном рассказе об убийстве Аскольда и Дира в 882 году: «...И несоща на гору, и *погребоша* и на горе, еже ся ныне зоветь Угорьское, где ныне Ольминъ дворъ; на той могиле поставил *Ольма* церковь свягаго Николу; а Дирова могила за святою Ориною»¹⁷. По мнению А.А. Шахматова, указания на топографические ориентиры могил Аскольда и Дира появляются только лишь в Начальном летописном своде¹⁸ и кажется, что летописец сознательно акцентирует внимание именно на *современных ему* ориентирах Аскольдовой могилы («еже ся ныне зоветь», «где ныне»). Думается, что речь в этом летописном рассказе идет и о совсем недавнем возведении Никольского храма; составитель Начального свода, завершивший работу над ним около 1095 года¹⁹, сам мог быть очевидцем данного строительства. (Показательно, что упоминание далее в качестве ориентира урочища Диро-

ва могила построенной пятьюдесятью годами ранее церкви св. Ирины уже не сопровождается какими-либо подробностями.) Хронологическая же близость строительства этой Никольской церкви установлению в Киеве празднования перенесения мощей св. Николая и скандинавское имя ее ктитора позволяют ставить интереснейший вопрос об активном участии выходцев из Скандинавии в восприятии на Руси нового церковного праздника²⁰. Итак, в хронологическом отношении ничто не мешает нам допустить, что автор «Слова на перенесение честных мощей...» мог «хотеть представить» его слушателям престол храма на Аскольдовой могиле. Однако если предполагаемое акцентирование автором Слова внимания на Никольском приделе Софийского собора выглядит вполне уместным, то причины, по которым киевский владыка мог бы включить в свое сочинение указание на частную строительную инициативу одного из знатных киевских варягов, остаются неясными.

Конечно же, не следует забывать, что автор Слова мог иметь в виду и какой-то неизвестный нам ныне Никольский храм. Но можно предложить и еще один вариант понимания упоминаемой в «Слове на перенесение честных мощей...» «трапезы Николь». По мнению И.А. Шалиной, «выражение “его трапеза” свидетельствует о сотворении литургии на престоле св. Николая, по-видимому, находившемся в одном из центральных храмов Киева в конце XI века. В его основании могли лежать частицы мощей святого, предположительно привезенные в 1091 году Феодором Греком, приехавшим из Рима в качестве посла папы Урбана II, которым освящался храм в Бари»²¹. Однако в связи с западноевропейским происхождением древнерусского праздника перенесения мощей Николая Чудотворца стоит обратить внимание на существовавшую и в ту пору в западной Церкви практику использования *переносных* престолов²². Не касаясь здесь вопросов о происхождении сообщения Никоновской летописи про прибытие на Русь в 1091 году из Рима Феодора Грека, о статусе этого человека и о непосредственной связи данного события с учреждением на Руси апулийского праздника²³, следует все же признать, что последнее конечно же не могло не сопровождаться принесением в Киев из Бари частиц мощей св. Николая Чудотворца. И ничто не мешает нам предположить, что эти частицы мощей могли находиться в переносной «трапезе», переданной Урбаном II киевскому митрополиту.

Подобный эпизод древнерусской церковной жизни (связанный, таким образом, с западной литургической практикой) видится вполне допустимым, если принять во внимание активное присутствие в Киеве XI столетия выходцев из Западной и Северной Европы, будь то супруга Ярослава Вла-

димировича или жены его сыновей — Изяслава и Святослава. Не стоит недооценивать влияние этих женщин на местную церковную жизнь. Так, например, предполагается, что Гертруда была основательницей монастыря св. Николая²⁴, а Ода имела отношение к основанию другой киевской обители — св. Симеона²⁵. Предпринятое же Ярославом в 1044 году так называемое «крещение костей» Ярополка и Олега Святославичей обнаруживает ближайшие аналогии в похожих скандинавских обрядах²⁶, что заставляет обратить особенное внимание на шведское происхождение Ингигерд.

Известно, что в пору установления на Руси апулийского праздника перенесения мощей св. Николая Чудотворца события, произошедшие в Константинополе в 1054 году, еще не воспринимались как начало раскола церкви и в самой Византии²⁷, и на Руси²⁸. Существенное ухудшение древнерусско-западноевропейских церковных взаимоотношений относится лишь ко времени киевского княжения Владимира Мономаха²⁹. Как показала Е.Б. Рогачевская, противопоставления восточного и западного христианства не обнаруживается и в «Слове на перенесение честных мощей...», равно как и в иных древнерусских текстах того времени, посвященных св. Николаю Чудотворцу³⁰. Таким образом, использование западных переносных престолов в Киеве той поры могло быть вполне приемлемо, хотя, возможно, и не общеизвестно; по крайней мере, неслучайно, надо думать, автор Слова особенно подчеркивает литургический контекст упоминания «трапезы» реминисценцией из 33 псалма, поющего после заамвонной молитвы («Вкусите и видите, яко благ Господь: блажен муж, иже уповае на Нань» — Пс 33, 9).

Кстати, любопытное упоминание переносного престола обнаруживается в вопросе сарайского епископа Феогноста Константинопольскому патриаршему собору 1276 года. На вопрос «Подобаеть ли, свящавъ трапезу, преносити отъ места на место, и на ней литоргисати?» собор ответил так: «Подобаеть, занеже по нужи естъ. Ходящии людие не имеют себе упокойна места; но стрещи съ страхомъ и трепетомъ: в чисте месте поставити ю, и служити на ней»³¹. Впрочем, в данном случае причина обращения к использованию переносного престола, конечно же, связана с особенностями совершения богослужений на территории Золотой Орды. Что же касается «трапезы Николы», то видение в ней переносного престола Западной церкви представляется никак не менее вероятным предположением, чем соотнесение данного термина «Слова на перенесение честных мощей...» с престолами Никольского придела Софийского собора или храма на Аскольдовой могиле.

* * *

¹ *Шляпки И.* Русское поучение XI века о перенесении мощей Николая Чудотворца и его отношение к западным источникам. СПб., 1881. С. 1–4. «Трапезы» в процитированном тексте — множественное число (винительный падеж), однако последующее «от неаже» убеждает, что речь здесь все-таки идет о какой-то одной определенной «трапезе».

² *Смыка Е.* Die Offizien des Heiligen Nikolaus in der russischen Kirchenmusik des 12. bis 17. Jahrhunderts. (Musikwissenschaft an der Technischen Universität Berlin. Band 6.) Berlin, 2005. S. 161–163.

Пользуясь случаем, хочу поблагодарить Екатерину Александровну Смыку за предоставленную мне возможность ознакомиться с этой книгой и консультации по указанной проложной редакции Слова, а также — мою маму Ларису Афанасьевну Петрову за перевод немецкого текста. (См. также: *Легких В.И.* Службы на Преставление и Перенесение мощей святителя Николая Мирликийского в славянской рукописной традиции XII — начала XVII века. Текстология и гимнография. СПб., 2011. С. 108.)

³ Пролог на март—июль (отдел рукописей Российской национальной библиотеки. Ф.п. I.47). Л. 32 об.—33.

⁴ *Шляпки И.* Русское поучение... С. 11 (примеч. 1).

⁵ *Крутова М.С.* Святитель Николай Чудотворец в древнерусской письменности. М., 1997. С. 51; *Хрусталева Д.Г.* Разыскания о Ефреме Переяславском. СПб., 2002. С. 182.

⁶ Библиотека литературы Древней Руси. СПб., 2003. Т. 12 (XVI век). С. 238, 574. Ср. мнение Д.Г. Хрусталева, согласно которому, «фраза о “представлении трапезы” вполне может быть отнесена и непосредственно к учреждаемому празднику» перенесения мощей св. Николая Чудотворца (*Хрусталева Д.Г.* Разыскания... С. 183). Об отмечаемой же Н.В. Савельевой «реминисценции из Псалтыри», относящейся к «трапезе», см. ниже.

⁷ *Срезневский И.И.* Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. Т. III: Р–ІА и дополнения. СПб., 1912. С. 985–986. Полный церковно-славянский словарь (со внесением в него важнейших древнерусских слов и выражений). М., 2001. С. 728.

«Этим словом обозначается верхняя плита... престола» (*Желтов М.С.* Чин освящения храма и положения святых мощей в византийских Евхологиях XI века // Реликвии в искусстве и культуре восточнохристианского мира: тез. докл. и материалы Междунар. симп. М., 2000. С. 124 (примеч. 25).

⁸ *Хрусталева Д.Г.* Разыскания... С. 171–184, 279.

⁹ *Архимандрит Леонид.* Посмертные чудеса Святителя Николая Архиепископа Мир-Ликийского Чудотворца. Памятник древней русской письменности XI века. Труд Ефрема, епископа Переяславского. (Памятники древней письменности и искусства. Вып. LXII.) СПб., 1888. С. X–XI.

¹⁰ И.А. Шалина заменяет в русском переводе данной фразы глагол первого лица единственного числа настоящего времени («хочу вам представить») глаголом вто-

рого лица множественного числа будущего времени («совершим трапезу святому Николе») (*Шалина И.А.* Образ святителя Николая в литургической, погребальной и иконографической традиции // *Правило веры и образ кротости... Образ свт. Николая, архиепископа Мирликийского, в византийской и славянской агиографии, гимнографии и иконографии.* М., 2004. С. 416).

¹¹ *Верещагина Н.* Храмы и чтимые иконы святителя Николая в Киеве // Софійські читання. (Сакральні споруди у житті суспільства: історія і сьогодення. Матеріали Другої міжнародної науково-практичної конференції «Софійські читання», Київ, 27–28 листопада 2003 р.). Київ, 2004. Вип. 2. С. 49.

¹² *Верещагіна Н.* Десятинна церква... С. 138. См. также: *Верещагіна Н.* Храмы и чтимые иконы... С. 49.

¹³ *Бирюков Ю.Б.* Церковь Николы в Киеве // Реставрация и архитектурная археология. Новые материалы и исследования. М., 1995. Вып. 2. См. также: *Бирюков Ю.Б.* Из истории изучения Десятинной церкви в Киеве. Еще раз о Никольском приделе 1240-х годов // *Искусство Древней Руси и стран византийского мира: материалы Науч. конф., посвящ. 70-летию со дня рождения Валентина Александровича Булкина.* 3–4 декабря 2007 года. СПб.; М., 2007.

¹⁴ *Хрусталеv Д.Г.* Разыскания... С. 159, 161, 183, 345–349.

¹⁵ *Никитенко Н.Н.* Русь и Византия в монументальном комплексе Софии Киевской. Историческая проблематика. Киев, 2004. С. 189.

¹⁶ Описание Киево-Софійского кафедрального собора. Киев, 1882. С. 11–12, 82–83.

¹⁷ Цит. по: *Повесть временных лет // Повести Древней Руси. XI–XII века.* Л., 1983. С. 33. См.: *Петров Н.И.* О времени и обстоятельствах строительства первого Никольского храма на Аскольдовой могиле в Киеве // *Проблемы исторического регионоведения: сб. науч. тр.* СПб., 2012. Вып. 3 (К 10-летию кафедры исторического регионоведения).

¹⁸ *Шахматов А.А.* Разыскания о древнейших русских летописных сводах // *Шахматов А.А.* Разыскания о русских летописях. М., 2001. С. 231, 233, 387–388; *Он же.* *Повесть временных лет. Т. I.* Вводная часть. Текст. Примечания. Пг., 1916. С. 370.

¹⁹ *Шахматов А.А.* Разыскания... С. 379.

²⁰ *Петров Н.И.* Перенесение мощей св. Николая Мирликийского: варяжский контекст древнерусского церковного праздника // *Праздники и обряды как феномены этнической культуры: материалы Десятых Санкт-Петербургских этнографических чтений.* СПб., 2011. С. 54–56.

²¹ *Шалина И.А.* Икона «Святой Никола» из Свято-Духова монастыря. Литургический смысл и экклезиологизация образа // *Древнерусское искусство. Русь. Византия. Балканы. XIII век.* СПб., 1997. С. 357, 360.

²² Священник Константин Никольский. Об антимирах Православной русской церкви. СПб., 1872. С. 17–19 (примеч. 1).

²³ См.: *Хрусталеv Д.Г.* Разыскания... С. 243–255. Стоит все же здесь отметить высказанное мимоходом Е.Е. Голубинским предположение о том, что Феодор Грек

и является автором «Слова на перенесение честных мошей...» (*Голубинский Е.* История Русской церкви. Т. I (Период первый, киевский или домонгольский). Первая половина тома. 2-е изд., испр. и доп. М., 1901. С. 775 (примеч. 1).

²⁴ *Попнэ А.* Гертруда-Олисава, *русская княгини*: Пересмотр биографических данных // *Именослов. Историческая семантика имени*. М., 2007. Вып. 2. С. 222–223.

²⁵ *Литвина А.Ф., Успенский Ф.Б.* Траектории традиции. Главы из истории диастии и церкви на Руси конца XI — начала XIII века. М., 2010. С. 18–19.

²⁶ *Успенский Ф.Б.* Крещение костей Олега и Ярополка в свете русско-скандинавских культурных взаимосвязей // *Норна у источника Судьбы: сб. ст. в честь Елены Александровны Мельниковой*. М., 2001. С. 413; *Он же.* Скандинавы. Варяги. Русь. Историко-филологические очерки. М., 2002. С. 141–168.

²⁷ *Рансимен С.* Восточная схизма. Византийская теократия. М., 1998. С. 63. См. также: *Хрусталева Д.Г.* Разыскания... С. 197–198.

²⁸ *Костромин К.А.* Психологический аспект нарастания межконфессиональной напряженности христианской церкви в Древней Руси // *Народы России: историко-психологические аспекты межэтнических и межконфессиональных отношений: материалы XXV Междунар. науч. конф. Санкт-Петербург, 12–13 мая 2009 года*. СПб., 2009.

²⁹ *Костромин К.А.* Разделение церквей в контексте взаимоотношений Киевской Руси с Западной Европой во второй половине XI века // *Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 2 «История»*. Вып. 3. Сентябрь. СПб., 2010. С. 87–88; *Он же.* Церковные связи Древней Руси с Западной Европой (до середины XII века): автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2011. С. 11.

³⁰ *Рогачевская Е.Б.* Запад и Восток в памятниках книжности о Николае Мирликийском // *Герменевтика древнерусской литературы*. Сб. 8. М., 1995. С. 70; *Она же.* Цикл памятников о Николае Мирликийском // *Древнерусская литература. Восприятие Запада в XI–XIV вв.* М., 1996. С. 50.

³¹ Ответы Константинопольского Патриаршего собора на вопросы сарайского епископа Феогноста // *Русская историческая библиотека, издаваемая Археографическою комиссиею*. Т. VI. (Памятники древнерусского канонического права. Ч. I. Памятники XI–XV вв.). СПб., 1880. С. 136.

«Под “ходящими”, — отмечает А.С. Павлов в комментариях, — разумеются, без сомнения, кочевники в пределах сарайской епархии».

Д. Н. Маслюженко, С. А. Дружкова

НОРВЕЖСКИЙ ВОПРОС В МЕЖДУНАРОДНОЙ ПОЛИТИКЕ МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВА В КОНЦЕ XV — НАЧАЛЕ XVII ВЕКА

Спор России и Норвегии о северной границе имеет давнюю историю и уходит своими корнями в X столетие, когда начиналось активное освоение новгородцами северных территорий — Лапландии и Финмаркена. По мере заселения северных земель русскими часть коренного населения (саамы, кочевники-оленеводы) не была ассимилирована, а мигрировала выше на Север, но не перестала считаться подвластной Новгороду. Саамы, вероятнее всего, расселились у западного и северного берегов Белого моря и вдоль Северного Ледовитого океана, но в каких именно местах — неизвестно, так как в те времена при бытовавших смутных географических понятиях отдаленные места в этой обширной и пустынной области не имели названий и границ. Под общим наименованием Заволочья понимали, вероятно, не только область, лежащую между реками Онегой, Северной Двиной и Мезенью, но и все западное и северное побережье Белого моря и Ледовитого океана¹.

Очень важен вопрос о том, как же Новгород относился к этим переселенцам после того, как они покинули подвластные ему земли и поселись в Лапландии и Финмаркене, так как именно на этих отношениях Россия и Норвегия основывали свои права на эти земли.

Необходимо иметь в виду, что, стремясь к расширению своих владений на высоком пустынном Севере, новгородцы, как и норвежцы в X веке, имели в виду не столько присоединение новых земель, сколько подчинение населения этих областей. Свободной земли было много, и потому сама территория высокого Севера их мало интересовала; населением же дорожили как источником дохода — плательщиком дани. Следствием этого, по мнению

А. Кааран, было то, что взимаемая с этого населения дань не была привязана к местности его проживания, а имела характер личного налога или поголовной подати. Следовательно, обязанность ее платить не прекращалась и после переселения жителей в другое место, хотя бы и лежавшее вне пределов государства, подчинившего данное население. Поэтому Новгород, а потом и Москва продолжали брать дань с переселившихся в Лапландию и Финмаркен².

В 1380 году была заключена Датско-норвежская уния, которая стала основой для Кальмарской унии 1397 года и дальнейшего подчинения норвежских территории датской короне. С этого времени норвежский вопрос во взаимоотношениях Московского государства и Датского королевства на многие годы становится одним из важнейших.

То, что русские долгое время ездили за данью в, казалось бы, далекие норвежские земли, подтверждают исторические источники. Норвежские и датские исторические акты свидетельствуют, что некоторые жители Тромсэского и граничащих с ним округов еще в конце XVI столетия платили дань московскому царю. Так, в инструкции датского короля Христиана IV королевскому наместнику в Норвегии от 1 августа 1598 года читаем: «Король осведомился, что в ленах Салтен, Сениен и Тромсэ некоторые финны платят дань шведам, а другие — великому князю (московскому царю). Ввиду этого предписывается этим финнам, чтобы они впредь подобной дани не платили»³.

С 1571 года в русско-датской дипломатической переписке начинают фигурировать регулярные письма с протестами против продвижения русских «в норвежские пограничные места»⁴. Письма эти доставлялись ко двору московского царя с датскими гонцами, однако и великие послы во время пребывания в России со своими миссиями не упускали случая поднять этот спорный и очень важный для обеих сторон вопрос. Так, датский посол Яков Ульфельдт в 1578 году жаловался Ивану IV (Грозному) «на россиян, поселившихся на норвежских к городу Варгачу принадлежащих землях»⁵. В ответ московский князь пообещал «споры о Лапландской земле разобрать высланными к Петрову дню границу обоюдными межевыми судьями»⁶. Однако этот вопрос, по-видимому, не был улажен, так как через несколько лет спор о границе продолжается.

Продвижение далее на запад, особенно на те территории, которые «по старине» принадлежали новгородской республике (а потом, соответственно, и Московскому государству), на наш взгляд, в условиях выхода Московии на европейскую политическую арену преследовало несколько целей.

Во-первых, повышение национального престижа. Уступить Дании или любому другому государству в аналогичном споре означало умалить «государеву честь», которая на тот момент была неотделима от государственной; при этом чем больше территория, тем больше престиж. Иван IV (Грозный) был первым русским правителем, который принял царский титул, а это влекло за собой необходимость признания нового титула и территорий, которые в него входили, соседними государствами. Во-вторых, присоединение новой заселенной территории увеличивало число налогоплательщиков в государстве.

В 1585 году датский гонец Юрий Индриков доставил Ивану IV (Грозному) королевскую грамоту с требованием сноса недавно возведенного острога в городе Кола, однако московский царь выдвинул аналогичные встречные претензии на эту территорию. Вплоть до 1596 года Дания настаивала на съезде на границе межевых судей, но встретиться у них не получалось, что также являлось поводом для претензий сторон друг другу⁷. Складывается впечатление, что при Иване IV (Грозном) вопрос о размежевании границы с подконтрольной Дании Норвегией игнорировался московской дипломатией.

Прогресс в решении вопроса наметился лишь в 1602 году, когда Борис Годунов и Кристиан IV договорились о новой границе — Лопарскую землю решили разделить пополам от озера Андигера к морю до Треноса, однако планы спутала смерть великого датского посла «реченного королевича Ягана»⁸. В 1603 году в Данию было отправлено московское посольство во главе с думным дьяком Афанасием Власьевым. После долгих и непримиримых споров о Лапландской земле А. Власьев сказал: «Колский острог, Варгуза и Кандалакша, да и вся Лопская земля с самого начала к Новгороду, а следовательно, России принадлежала, чего и уступить никогда государь не согласится»⁹. Кроме того, последующая смерть Бориса Годунова и наступившее Смутное время на долгие годы отодвинули на задний план решение вопроса о русско-норвежской границе, что в свою очередь развязало руки датской короне в борьбе за северные территории.

Таким образом, разрешение древнего спора о русско-норвежской границе в конце XV — начале XVII века между Россией и Данией затрагивало национальные интересы обеих стран, поступиться которыми на данном этапе времени означало бы умалить честь и достоинство государя и государства. Однако в связи с наступившим Смутным временем решение вопроса о размежевании русско-норвежской границы было отложено на долгие десятилетия.

* * *

¹ Головнев А.В. Бьярмия: неоконченная сага о северной земле // Уральский исторический вестник. Екатеринбург, 2002. № 8: Древние и средневековые культуры Урала в евразийском культурном пространстве. С. 8–9.

² Кааран А. К истории Русского Севера: Русско-норвежские отношения // Известия Архангельского общества изучения Русского Севера. 1910. № 11–12. С. 24.

³ Щербачев Ю.Н. Датский архив. Материалы по истории древней России, хранящиеся в Копенгагене. М., 1893. С. 149.

⁴ Бантыш-Каменский Н.Н. Обзор внешних сношений России (по 1800 год). М., 1894. Ч. 1. С. 210.

⁵ Там же. С. 211.

⁶ Там же. С. 211–212.

⁷ Там же. С. 212–213.

⁸ Там же. С. 214.

⁹ Там же.

Г. М. Коваленко

KUNGAMAКAREN. ЯКОБ ДЕЛАГАРДИ В РОССИИ

Во время Смуты, одной из составляющей которой было иностранное военное присутствие, внешние силы взаимодействовали с различными слоями русского общества. Механизмы этого взаимодействия на примере русско-польских отношений раскрыл Б.Н. Флоря¹.

Следует отметить, что как русское общество, так и внешние силы в Смутное время были представлены не только различными политическими и социальными группировками, но и конкретными лицами, которые оказывали непосредственное влияние на характер и результаты этого взаимодействия. При этом они выдвигали собственные проекты, соответствовавшие их представлениям о государственных интересах.

Одной из наиболее заметных фигур, представлявших внешние силы в России, был шведский военачальник Якоб Делагарди, оставивший заметный след не только в военной, но и в политической истории Смуты. До Клушина он выступает главным образом на военной арене, а после Клушина — на политической.

Узнав о переговорах Жолкевского с боярским правительством об избрании Владислава, 24 августа Делагарди обратился к московским и новгородским властям с письмом, которое представляет большой интерес, так как проливает свет на генезис шведской кандидатуры на московский престол. Он предостерегает их от избрания царем сына польского короля, который хочет сделать русских своими рабами и уничтожить православную религию. Зная о том, что кандидатура шведского принца, которого можно противопоставить польскому кандидату, уже была выдвинута бывшими сторонниками М.В. Скопина-Шуйского, он советует им избрать царем одного из сыновей Карла IX, но при этом не настаивает исключительно на шведской кандидатуре: «Если русские желают себе добра, пусть возьмут царем

одного из сыновей шведского короля или кого-нибудь из его кровных родственников и друзей, если уж они не хотят иметь великого князя из своей среды»².

В это же время Делаярди получил письмо от Жолкевского, в котором гетман, называя себя его доброжелательным другом, сообщил ему о том, что москвичи принесли присягу Владиславу, предостерег от вмешательства в московские дела. Делаярди ответил, что он не связан с гетманом ни дружбой, ни договором, и призвал его «вывести войско из страны, не проявившей никакой враждебности к нему и не связанной присягой»³.

Весной 1611 года Делаярди подошел к Новгороду и вступил в переговоры с новгородскими властями и представителем подмосковного ополчения В. Бутурлиным о совместных действиях против поляков и избрании царем шведского королевича. Он считал, что шведский кандидат может получить поддержку в новгородской округе, где в это время шла борьба между сторонниками царя «Владислава Жигмонтавича» и шведами, оставшимися верными договору с правительством Шуйского⁴.

После того как к Москве подошли войска Я. Сапеги, руководство ополчения, заинтересованное в шведской помощи, приняло решение о возможности избрания одного из сыновей шведского короля русским царем: «...признали старшего сына короля Карла IX... достойным избрания великим князем и государем московитских земель»⁵. В этой связи шведский историк Х. Альмквист отметил, что «кандидатура шведского принца возникла не в блестящий период побед шведского оружия, а в безнадежной ситуации, как последнее средство для противодействия династическим планам польского короля»⁶. По мнению Г.А. Замятина, приговор ополчения был формальным отказом от польского королевича и знаменовал собой крутой перелом в московской политике⁷.

Делаярди вел переговоры с ополчением на свой страх и риск и особо не согласовывал свои действия с королем⁸. Несмотря на приказ короля захватить Новгород, он медлил, поскольку в то время Новгород был местом сбора антипольских сил⁹. Только после того как переговоры окончательно зашли в тупик, он взял Новгород штурмом.

25 июля 1611 года новгородские власти подписали с Делаярди договор о союзе, который в соответствии с решением Совета ополчения предусматривал избрание одного из сыновей Карла IX великим князем Новгородского государства, а также Московского и Владимирского государств, если они того пожелают¹⁰. Делаярди от имени короля обещал «не делать никакого препятствия и притеснения их вероисповеданию и богослужению, не при-

нуждать к принятию иной веры, но как доселе было, так и впредь оставить свободное отправление древнего греческого исповедания, не разрушать и не расхищать храмов, монастырей, утварей и образов, не причинять никакой обиды священнослужителям»¹¹.

По мнению Е.И. Кобзаревой, «этот договор закладывал основу существования Новгородского государства как герцогства под эгидой одного из сыновей Карла IX, но практически полностью подчинявшегося власти Делагарди»¹². С этого времени в новгородских землях установился оккупационный режим, который А.А. Селин характеризует как альянс, основанный на компромиссе между шведами и той частью новгородцев, которые предпочли оккупацию анархии. При этом он рассматривает его как пример взаимоотношений двух культур, имевших к 1611 году значительный опыт взаимодействия¹³.

Возглавивший шведскую военную администрацию Делагарди, понимая, что удержать территорию гораздо труднее, чем завоевать ее, стремился расположить к себе местное население. Неизвестно, читал ли он Макиавелли, но его поступки вполне соответствовали рекомендациям автора «Государя»¹⁴. Делагарди поселился в Новгороде, стал учить русский язык и осуществлял управление оккупированной территорией на основании русских законов, опираясь на русскую администрацию и русские традиции. Он проводил сравнительно мягкую налоговую политику, не допускал самовольства и притеснений местного населения, особенно священнослужителей¹⁵, со стороны шведских солдат, дворянство жаловало земельными наделами, купцам предоставлял торговые льготы¹⁶.

Делагарди хотел использовать экономические ресурсы Новгородской земли в интересах шведской короны, а потому старался не допустить ее разорения. Поэтому он советовал королю более мягко обходиться с новгородцами, ибо они уже «достаточно натерпелись»¹⁷. Не случайно советники короля упрекали его в том, что он «чужие земли доступает, а свои запустошил». Следует отметить, что иногда он был вынужден из собственного кармана финансировать находившиеся под его командованием войска, которые постоянно испытывали недостаток в обмундировании, продовольствии и амуниции.

Вместе с тем военную кампанию в России Делагарди рассматривал как средство для улучшения своего материального положения, а потому занимался коммерческой деятельностью, в частности торговлей мехами, которые получал в ходе сбора средств на содержание войск. Только в 1610 году он отправил из России для продажи 1400 собольих шкур. Уехав в Россию

обремененный долгами, он вернулся домой вполне обеспеченным человеком¹⁸. По сообщению А. Манкиева, «грабленным новгородским именем» он построил в Стокгольме «палаты, медью крытые», а недалеко от Стокгольма — «великий и богатый каменный замок» Якобсдаль¹⁹.

Однако главные усилия Делагарди направлял на то, чтобы добиться избрания на российский престол шведского принца²⁰. Перед ним открывалась вполне реальная и заманчивая перспектива стать создателем новой правящей династии в России и занять при ней соответствующее место. Корни династической политики, которую он проводил на свой страх и риск, связаны со стремлением Эрика XIV и Карла IX заручиться поддержкой России в борьбе с Польшей²¹. Его проект создания новой правящей династии в России по своим целям, методам и результатам был как бы зеркальным отражением проекта Жолкевского. В своих письмах к королю и шведским сановникам он доказывал, что избрание Карла Филиппа было бы для Швеции единственной возможностью оказывать действительное влияние на развитие событий в России, и просил, чтобы принц как можно скорее выехал в Новгород. «Если Карл Филипп, — писал он, — будет избран русским царем, то Швеция получит не только мир и спокойную границу на востоке, но и союзника в борьбе с Польшей. В противном случае усиление анархии в России создаст условия для расширения польской интервенции». Карл Филипп на московском престоле казался ему предпочтительнее, чем Густав Адольф, объединивший под своей властью две державы. В этом плане его интересы совпадали с интересами новгородцев, которые надеялись в лице Карла Филиппа обрести твердую власть и гарантию от территориальных притязаний шведского короля. По мнению шведского историка Б. Янгфельдта, осуществление династического проекта Делагарди «изменило бы не только карту, но и историю Европы»²².

Важнейшими условиями реализации этого проекта Делагарди считал завершение переговоров с новгородским посольством архимандрита Никандра, отправленного в Стокгольм в январе 1612 года, и прибытие Карла Филиппа в Россию. Он сравнивал задержку новгородского посольства в Швеции с задержкой русского посольства в Польше и предлагал отпустить часть членов посольства домой, а другим разрешить переписку²³. Его беспокоили также территориальные планы короля, которые могли толкнуть русских к Польше²⁴. Несмотря на все его усилия, Карл Филипп так и не получил разрешения короля отправиться в Россию.

Весной и летом 1612 года произошел обмен посольствами между руководством нижегородского ополчения и новгородскими властями. В центре

этих переговоров был вопрос о шведском принце. Поддержав идею избрания Карла Филиппа русским царем, ярославское правительство отнеслось к этому проекту с определенной осторожностью. Оно потребовало от принца перехода в православие, а от короля — свидетельств его искреннего желания дать России царя и оказать действенную поддержку в борьбе с польско-литовскими отрядами.

Однако Густав II Адольф, не желая приносить территориальные интересы в жертву династическим, решил взять бразды правления в оккупированных новгородских землях в свои руки. Поэтому он медлил с решением этого вопроса и задерживал отъезд Карла Филиппа на переговоры. Когда он наконец отпустил его на переговоры с новгородцами в Выборг, время было упущено. Самый осведомленный о русских делах швед Делагарди на эти переговоры не поехал, так как уже не верил в их успех.

Последней страницей в истории о шведском претенденте на московский престол стали переговоры в Выборге, куда летом 1613 года прибыл шведский принц. Он приехал туда, не зная об избрании Михаила Романова. Переговоры зашли в тупик, поскольку стороны не смогли решить вопрос о переходе Карла Филиппа в православие, на чем категорически настаивала русская сторона. В конце 1613 года в Выборг пришло известие о том, что Михаил Федорович признан царем всеми русскими областями за исключением Новгородской земли²⁵. 12 января 1614 года Г. Горн объявил новгородским послам, что принц не может выехать в Новгород, так как до него дошли вести об избрании царем Михаила Федоровича, и он возвращается в Стокгольм. Г.А. Замятин сравнил отъезд королевича из Выборга в Швецию в январе 1614 года с отъездом Владислава из Волоколамска в конце 1612 года²⁶.

После провала переговоров в Выборге Делагарди начинает играть роль модератора между Стокгольмом, Новгородом и Москвой. В 1614 году он пытается склонить короля к мирным переговорам с московским правительством, в 1615 году ведет переговоры с Д. Мерриком о снятии осады Пскова. Не случайно новгородцы называли Делагарди «разумным боярином» и отмечали, что к миру «сходительнее всех Яков Пунтусов».

Следует отметить, что Делагарди не проявил особого усердия в том, чтобы выполнить распоряжение короля о приведении новгородцев к присяге шведской короне. Это отметили посланные в Москву новгородцы: «Как был в Новгороде Яков Пунтусов, и писал король к нему о том, чтобы ему привести новгородцев ко кресту на королевское имя, и Яков им о том говорил, а при Якове не столь жестоко, как ныне Эверт Горн»²⁷.

В 1616 году Делагарди принял участие в русско-шведских переговорах и поставил свою подпись под Столбовским договором, по условиям которого шведские войска в марте 1617 года оставили Новгород.

Среди трофеев, вывезенных им из Новгорода, были документы Новгородской приказной избы. Однако он рискнул не выполнить пожелания короля и не вывез из Новгорода бронзовые врата Софийского собора, которые, как полагал Густав Адольф, были взяты новгородцами в Сигтуне в XII веке. Делагарди написал канцлеру А. Оксеншерне, что эти врата являются одной из главных новгородских святынь и не могут быть вывезены из Новгорода без опасения срыва мирных переговоров²⁸.

Во время пребывания в России Я. Делагарди, равно как и С. Жолкевский, проявил себя как талантливый военачальник и политик. Следует отметить, что он был одним из немногих шведов, память о которых сохранилась в русском фольклоре. В исторических песнях и преданиях он оставил след прежде всего как соратник «оберегателя мира крещеного», талантливого русского полководца М.В. Скопина-Шуйского.

Несмотря на некоторое недоверие, возникшее к нему в Стокгольме во время его длительного пребывания в России, по возвращении в Швецию он занимал высокие государственные посты: стал риксмаршалом и губернатором Эстляндии и Лифляндии. В этом плане его также можно сравнить с Жолкевским, карьера которого, несмотря на непростые отношения с королем, была увенчана высшими государственными должностями коронного гетмана и канцлера.

До недавнего времени история Новгорода начала XVII века была страницей, которую старалась поскорее перелистнуть не только дореволюционная, но и советская историография, поскольку считалось, что в то время местная элита сотрудничала с оккупационным режимом Делагарди и пыталась навязать русскому народу царя-шведа, подобно тому как «седмочисленные бояре», вступив в сговор с Жолкевским, пытались посадить на московский престол царя-поляка²⁹.

Следует отметить, что кандидатуры Владислава и Карла Филиппа появились в результате не происков внешних врагов, а борьбы политических группировок в условиях распада государства и глубокого кризиса власти, породившего разочарование и недоверие к многочисленным отечественным искателям русского престола. Именно тогда в широких кругах русского общества становится популярной мысль о том, что Смута может прекратиться только «государским сыном». А поскольку в России такового не было, его стали искать за границей — прежде всего у соседей, в Польше

и Швеции. Если смотреть на это не в ретроспекции, а глазами современников событий, то следует согласиться с тем, что как москвичи, так и новгородцы в условиях глубокого социально-экономического и политического кризиса Русского государства, поставившего его на грань национальной катастрофы, пытались использовать иноплеменный фактор для сохранения государственности и национального суверенитета.

При этом речь шла не просто о кандидатах, а об альтернативах политического развития (шведской или польской модели). Как отметил Г.А. Замятин, «в 1610 году преобладающее значение получил высший слой феодалов, тяготевший в сторону Польши. В 1611 году перевес оказался на стороне среднего слоя, который потянулся к Швеции, где сила феодалов в известной мере уже была сломлена королевской властью в союзе с горожанами и крестьянами»³⁰.

Тушинский проект, равно как и приговор Совета всей земли, были важными вехами в истории русской политической мысли, открывавшими возможности для реализации различных альтернатив развития российской государственности.

А.Л. Янов считает, что, «если бы этот документ (тушинский проект. — Г.К.) сработал, вся русская история пошла бы другим путем»³¹. В.Б. Кобрин предположил, что осуществление проекта Жолкевского — «воцарение православного Владислава на Руси — принесло бы хорошие результаты... Он превратился бы в русского царя польского происхождения, как его отец Сигизмунд был польским королем шведского происхождения»³².

Аналогичную мысль о проекте Делагарди высказал В.Н. Козляков: «Шведский королевич... в случае соблюдения условия с крещением в православие идеально подходил русскому двору. Он мог создать вечный противовес устремлениям главного врага — Сигизмунда III»³³. Даже Н.М. Карамзин сожалел, что «Делагарди предпочел город державе... и венец Мономахов» не возвратился к «варяжской династии», которая включила бы Россию в Вестфальскую систему, определившую границы государств и «равновесие в Европе до времен новейших»³⁴.

Но и тот и другой проект, не встретив поддержки со стороны Кракова и Стокгольма, так и остались «утраченными возможностями». Им не суждено было осуществиться прежде всего потому, что ни польский, ни шведский кандидат не согласился перейти в православие, а русские люди не могли принять царя-иноверца. Кроме того, шведы, а еще в большей степени поляки своими действиями разочаровали русских людей и заставили их отказаться от иноземных кандидатов.

* * *

¹ *Флоря Б.Н.* Польско-литовская интервенция в России и русское общество. М., 2005.

² *Видекинд Ю.* История шведско-московитской войны XVII века. М., 2000. С. 141; *Замятин Г.А.* Россия и Швеция в начале XVII в. Очерки политической и военной истории. СПб., 2008. С. 37–38.

³ *Видекинд Ю.* Указ. соч. С. 145–146.

⁴ *Селин А.* Новгородское общество в эпоху Смуты. СПб., 2008. С. 128.

⁵ *Видекинд Ю.* Указ. соч. С. 200.

⁶ *Almqvist H.* Sverige och Ryssland. 1585–1611. Uppsala, 1907. S. 199.

⁷ *Замятин Г.А.* Указ. соч. С. 51.

⁸ *Кобзарева Е.И.* Шведский военачальник Я.П. Делагарди в России Смутного времени // Новая и новейшая история. 2006. № 3. С. 172–173.

⁹ *Видекинд Ю.* Указ. соч. С. 159; *Södergren G.* Om Gustaf II Adolfs plan att bliva rysk czar. Wexiö, 1868. S. 7–8.

¹⁰ *Sveriges traktater med främmande magter.* Stockholm, 1903. Vol. I. S. 200–211.

¹¹ Памятники истории Смутного времени. М., 1909. С. 75.

¹² *Кобзарева Е.И.* Указ. соч. С. 173.

¹³ *Селин А.* Новгородское общество... С. 693.

¹⁴ «Завоевателю... следует сохранить прежние законы и подати. ...Если же завоеванная страна отличается по языку, обычаям и порядкам, то тут удержать власть поистине трудно, тут требуется и большая удача и большое искусство. И одно из самых верных и прямых средств для этого — переселиться туда на жительство» (*Макиавелли Н.* Избранные сочинения. М., 1982. С. 305–306).

¹⁵ В документах Новгородского оккупационного архива сохранились сведения о том, как «Яков Пунтусович на поле гуляти ездил и в село заехал и в церковь Троицы на Паозерье отдал» ценности, взятые его солдатами при штурме города (*Селин А.* Новгородцы и шведы в начале XVII века // Канва истории. 2002. № 15. С. 126).

¹⁶ *Фигаровский В.А.* О грамоте новгородского правительства в Москву в 1615 г. // Новгородский исторический сборник. Л., 1937. Вып. II. С. 54.

¹⁷ *Видекинд Ю.* Указ. соч. С. 316, 322.

¹⁸ *Grill E.* Jacob De la Gardie. Affärsmannen och politiken. 1608–1636. Göteborg, 1949. S. 25.

¹⁹ Ядро Российской истории, сочиненное... Андреем Яковлевичем Хилковым... М., 1770. С. 295.

²⁰ Это был не первый опыт его участия в большой политике. Во время своего пребывания в Голландии в 1606–1608 годах он пытался содействовать заключению брака между принцем Морицем Оранским и шведской принцессой Анной, что могло привести к утверждению Оранской династии на шведском троне.

²¹ *Sveriges krig. 1611–1632.* Stockholm, 1936. Bd. I: Danska och ryska krigen. S. 375.

²² Янфельдт. Б. Шведские пути в Санкт-Петербург. Стокгольм; СПб., 2003. С. 21.

²³ Rikskansleren Axel Oxenstiernas skrifter och brevvevling. Stockholm, 1893. Afd. 2. B. V. Jakob De la Gardies bref 1611–1650. S. 49.

²⁴ Sveriges krig. S. 427.

²⁵ Замятин Г.А. К вопросу об избрании Карла Филиппа на русский престол (1611–1615). Юрьев, 1913. С. 111.

²⁶ Замятин Г.А. Очерки по истории шведской интервенции в Московском государстве в начале XVII в. // ОР РГБ. Ф. 618. Картон 2. Очерк 3. Гл. III. Л. 72 (пагинация в диссертации дана по очеркам, очерки разбиты на главы).

²⁷ РГАДА. Ф. 96. Сношения России со Швецией. 1615. № 2.

²⁸ Rikskansleren Axel Oxenstiernas skrifter och brevvevling. 2:V. S. 94–97.

²⁹ «Митрополит и бояре, сдавшие шведам Новгородский кремль, шли по стопам московской семибоярщины» (Скрынников Р.Г. Минин и Пожарский. М., 1981. С. 250).

³⁰ Замятин Г.А. Очерки по истории шведской интервенции... Л. 129–130.

³¹ Янов А. Указ. соч. С. 148.

³² Кобрин В.Б. Смутное время — утраченные возможности // История отечества: люди, идеи, решения. Очерки истории России IX — начала XX в. М., 1991. С. 181.

³³ Козляков В.Н. Двор в поисках монарха в 1612 г. (забытый источник о новгородском посольстве к «Совету всей земли» в Ярославле) // Верховная власть, элита и общество в России XIV — первой половины XIX века. Российская монархия в контексте европейских и азиатских монархий и империй: тез. докл. Междунар. науч. конф. М., 2009. С. 74.

³⁴ Карамзин Н.М. История государства Российского. М., 1989. Кн. III. Т. XI. С. 189.

А. И. Чепель

СТАНОВЛЕНИЕ ШВЕДСКО-РУССКОГО ПРИГРАНИЧЬЯ ПОСЛЕ СТОЛБОВСКОГО МИРА: КОНФЕССИОНАЛЬНЫЙ ФАКТОР

В 1617 году, когда по Столбовскому миру Швеция получила русские земли, населенные преимущественно православными, Стокгольм стал искать решение непростой задачи: как примирить принцип конфессиональной шведской политики, предполагавший монополию лютеранского вероисповедания на всей территории государства¹, с религией новых подданных шведской короны?

Учитывая стремление обеих стран к мирному сосуществованию и даже к военно-политическому союзу², шведскому правительству следовало действовать с оглядкой на Москву. С точки зрения представителей русских духовных и светских властей, общение с людьми иных вероисповеданий губительно для души православного человека³, поэтому передача значительного числа православных под юрисдикцию лютеранского государства была не только политическим поражением. Попытка русских дипломатов в ходе переговоров, предшествовавших подписанию Столбовского мира, добиться разрешения вывести все православное население в русские пределы не увенчалась успехом. Шведы руководствовались здесь в первую очередь прагматическими соображениями. Стремясь предотвратить запустение земель, они отказались отпускать крестьян, а также православных священников, резонно полагая, что вслед за духовенством в Россию потянутся и прихожане. Ведь в православной традиции отношения священника и его паствы развивались в рамках так называемой покаянной семьи — людей, регулярно причащающихся и исповедующихся у одного иерея, считавшегося их духовным отцом. При этом связь духовника со своими духовными детьми подразумевала непосредственное религиозно-нравственное и жи-

тейское общение⁴. Поэтому, чтобы предотвратить ситуацию, при которой духовники и паства могли бы оказаться по разные стороны границы, в Столбовском мирном договоре было записано, что крестьянам и священникам «строжайше запрещается покидать место жительства», и они «должны оставаться на месте и жить под властью шведской Короны»⁵.

В России в этот период стало расти недоверие к представителям других вероисповеданий. С 1620-х годов значительно усилилось скрытое давление, подталкивавшее живших в России иностранцев к переходу в православие, и этот переход происходил только через перекрещение. Отказ от православия являлся серьезнейшим государственным и церковным преступлением, а выезд из государства для новообращенных оказывался невозможным. Особенностью русского законодательства того времени было также сопоставление значений таинства крещения и присяги царю, поэтому отрезанных границей единоверцев в Москве могли рассматривать по-прежнему как царских подданных⁶. Таким образом, население отданных Швеции русских земель поневоле оказалось между двух огней. Москва и Стокгольм начали борьбу за умы и души жителей приграничья, и это противостояние существенно осложняло ситуацию в порубежных областях.

В ходе переговоров шведы дали гарантии русской стороне не препятствовать отошедшим под власть шведской короны православным в отпращивании религиозных обрядов по их обычаю. Оказавшиеся на шведской территории православные священники получили право посещать по религиозным надобностям Великий Новгород. В 1618 году новгородский митрополит Исидор пытался повлиять на них. Он проклинал их, обвинял в нерешительности. Дескать, почему они не ушли в русские земли, ведь, «смотря на них, и крестьяне бы перешли, а коли они там остались, и на них смотря, и крестьяне там же остались»⁷. Такой призыв митрополита в корне противоречил статьям Столбовского мира и создавал напряженность, недоверие в отношениях митрополии и зарубежного духовенства, оказавшегося вне православного царства не по своей доброй воле. Отторжение со стороны русской церковной власти играло на руку шведам, давая им возможность на уровне дипломатических контактов демонстративно заступаться за своих православных подданных, увеличивая тем самым шансы воздействовать на священников в выгодном для интересов лютеранства направлении.

Шведская администрация уже в первые годы после подписания Столбовского мира стала активно привлекать порубежное духовенство к проведению мероприятий, направленных на упрочение власти Стокгольма в при-

границе, и находила отклик среди священнослужителей. Так, в 1620 году на территории шведской Ингерманландии местный дьячок попытался силой привести к присяге шведскому королю оказавшегося в этих местах новгородца⁸. Также для удержания на своей территории православных крестьян шведам необходимы были именно русские православные землевладельцы, которые сохраняли бы русские обычаи и нравы, и эту роль стали играть так называемые «русские бояре», служившие шведской администрации еще в Смутное время и оставшиеся на шведской территории после Столбовского мира. Шведские правящие круги осознавали, что дарование земель, населенных в основном православными крестьянами, помещикам с чужой для крестьян верой, чужим языком, чужими обычаями, будет способствовать уходу населения в царскую сторону⁹.

Таким образом, несмотря на кардинальные меры, направленные на обращение православных в лютеранство, шведские власти были все же заинтересованы в сохранении православных приходов, преследуя прагматические цели. О конкретных мероприятиях шведской администрации в этом направлении повествует следующий эпизод. Сразу после Столбовского мира некий Родион Лобанов получил от шведского короля грамоту на владение землями в Кексгольмском лене. Вскоре за преданную службу владения Лобанова были расширены, при этом он остался в православной вере. Благодаря этому православная церковь на вверенных ему территориях продолжала действовать, по крайней мере, до 1660-х годов¹⁰. Верный шведской власти чиновник оказался стойким приверженцем православия, и шведская администрация не посчитала нужным жертвовать сохраняемой во многом усилиями Лобанова лояльностью местного населения.

Сохранение православных приходов помогало шведам не только удерживать бывших царских подданных, но и привлекать на свои земли нынешних подданных православного монарха. В 1626 году из русских владений на шведскую территорию перебежала царская подданная, вдова, которая вышла замуж за подданного шведского короля. Когда русский воевода стал требовать выдать беглянку, за нее вступился шведский комендант. Говоря о рождении новой православной семьи, комендант особо отмечал, что «поп русский именем Кондратий венчал их»¹¹.

Если с наличием православных приходов во владениях короны шведам приходилось мириться, то совершенно лишним, с точки зрения лютеран, было существование монастырей. Монахи обвинялись в различных пороках, их называли бездельниками, не приносящими никакой пользы¹², и Столбовским договором всем монахам дозволялось покинуть шведские

пределы. Несмотря на это разрешение, монастыри в отошедших к Швеции русских землях остались¹³. Какую политику проводили шведы в отношении монастырей? Например, в 1624 году русские власти обвинили шведов в том, что православным шведским подданным, «чернецам и попам и мирским в православной вере утеснение, и церквей им строить и вновь ставить невольню, и многие церкви заперты и запустели и службы в них нет»¹⁴. Учитывая отношение шведов к институту монашества, шведские власти, вероятно, не препятствовали запустению монастырей. Этому процессу, очевидно, способствовало лишение монастырей какой-либо материальной поддержки. Отсюда — их упадок, приводивший, в свою очередь, к закрытию обителей и миграциям монахов. В 1642 году после смерти последнего монаха Елисеевского монастыря, расположенного неподалеку от Ивангорода, шведские власти конфисковали монастырское имущество, в том числе богослужебные книги, что вызвало протесты православных, которые, несмотря на то что монастырь был почти разрушен, регулярно собирались там на свои праздники¹⁵. Такое безразличие властей к монастырям было непривычно для насельников. Но так ли прямолинейно было отношение шведов к инокам? В 1621 году Иона, игумен Озерского монастыря, находящегося в контролируемом шведами Гдовском уезде, сумел наладить почти дружеские отношения со шведской администрацией: «И тот озерский игумен знаетца на Ивангороде и во Гдове с немецкими приказными людьми <...>. Да у игумена <...> был на пиру гдовский державец и приказные немцы»¹⁶. Очевидно, декларируемая шведскими властями неприязнь к монахам не всегда напрямую влияла на реальные взаимоотношения приграничной шведской администрации с иноками.

Шведы полагали, что православные — это «бедный и слепой народ, однако христианский и в основе согласный с нами», и русские «с Божьей помощью и стараниями его королевского величества» будут, в конце концов, выведены «из ужасающей тьмы». Но как это сделать? Прямое насилие здесь совершенно не подходило. На шведской стороне преобладало мнение, что к лютеранской вере следует приводить не силой, а убеждением, и все же король как христианский государь был обязан использовать свою власть, чтобы истинное вероучение без помех проповедовалось среди его подданных¹⁷.

Шведские власти взяли курс на просвещение новых подданных своего короля, стали доказывать им преимущества лютеранства перед православием. Кто мог послужить проводником лютеранских идей? Естественным образом на эту роль были выбраны приходские священники. Здесь было

два пути. Во-первых, тем из них, кто был готов проповедовать лютеранское вероучение среди прихожан по переведенному на русский язык катехизису, полагались определенные льготы¹⁸. Во-вторых, на место умерших священников старались подбирать лояльных шведской власти пастырей, изначально настроенных на «лютеранскую волну». В 1622 году шведский король Густав II Адольф запретил замещать умерших православных священников выходцами из России. Для службы в приходах предписывалось отобрать наиболее способных к пастырской деятельности русских или знающих русский язык финнов и следить за тем, чтобы они изучали основы лютеранской веры и могли читать Библию по-русски. При этом, хотя строжайше запрещались нападки на православных, все-таки было объявлено, что православные обязаны посещать лютеранские церкви и слушать проповеди. Шведы планировали также либо создать на шведской территории собственную православную митрополию, либо посвящать священников в сан в какой-либо существующей митрополии, находящейся вне пределов Московского государства. Такой линии шведское правительство продолжало придерживаться и в дальнейшем. В 1640 году канцлер Аксель Оксеншерна заявил представителям шведской церкви: «Поскольку мы из-за договора с великим князем не можем силой меча принудить их [православных] к нашей религии, и не собираемся прибегать к подобным мерам также и потому, что так не поступают исповедующие евангельское учение — не принуждают [чужую] совесть, мы потребовали от них только, чтобы они не ездили в Москву и не позволяли посвящать там себя в сан»¹⁹.

Возможно, стремление оторваться от России в церковных делах и заменить прежних священников новыми диктовалось не только вполне закономерным желанием поставить бывших царских подданных под контроль лояльных новой власти пастырей, но и недостаточным количеством грамотных русских священников. Ведь, чтобы проповедовать лютеранское вероучение, было совершенно необходимо уметь читать. Что с того, что шведы позаботились о переводе катехизиса на русский язык? Из-за отсутствия в России какой-либо системы образования неграмотные приходские священники не были редкостью²⁰. Складывалась ситуация, когда использовать этот перевод для систематической проповеди своим прихожанам прежние священники зачастую попросту не могли.

Сумели ли шведы путем ротации кадров создать сеть православных по форме приходов, где «в мягкой форме» проповедовалось бы лютеранство? Время показало, что массово просветить православных в лютеранском духе не удалось: в 1641 году шведские власти были вынуждены констати-

ровать, что «никто из русских не обращается в нашу истинную религию, но, напротив, многие финны принимают русское идолопоклонство и отпадают от веры»²¹. При этом отказ привлекать духовенство из России только обострил проблему нехватки православных священников в шведских владениях. В 1650 году с русской пограничной заставы на реке Лавуе было получено сообщение, что «зарубежские с Свейские стороны крестьяне русские люди, которые живут поблиско рубежа, просятца на царскую сторону для отцов духовных»²².

Как шведские православные могли решить проблему нехватки духовенства в условиях, когда официально приглашать священников из России запрещалось? Пользуясь проницаемостью границы, можно было уйти за рубеж, в православное Московское царство. Можно было все-таки пригласить священника из России, но в обход шведских властей. Здесь помогало то обстоятельство, что в Московском государстве существовали переходные священники, которые нанимались служить на любых подходящих условиях как для исполнения определенных служб, так и на какой-либо срок в церковь²³. О регулярности таких переходов красноречиво говорят претензии шведов, высказанные на переговорах в Стокгольме в 1649 году: «С царского величества стороны приезжают в королевского величества сторону попы и королевского величества подданных крестят в русскую веру тайно». Шведы угрожали, что «вперед такому делу молчати не будут — который поп приедет и учнет крестить в русскую веру, и они его не отпустят, тут его на рубеже и повесят»²⁴. В документах не удалось обнаружить случаи казни по распоряжению шведских властей пришедших с русской стороны священников. Может, угроза достигла цели, и такие переходы прекратились? Документы дают отрицательный ответ. Более того, в 1661 году шведские власти, возмущаясь, что русский поп и пономарь в очередной раз провели церковную службу на шведской территории, всего лишь отослали священнослужителей обратно в русские земли с требованием, чтобы «таким обычаем опять не приехали». Все же через короткий срок поп и пономарь «опять внове своим церковным строем в ризах и во всей службе объявились», и у шведских подданных «дети крестили и людей венчали <...> и мертвых похоронили и обедню служили»²⁵.

Особенно болезненным для шведской стороны было крещение в православие детей: они были той категорией населения, которую значительно легче было обратить в лютеранскую веру, чем их родителей, имевших сложившиеся представления об истинности веры. В этой связи понятно пристальное внимание шведской администрации к устремлениям православ-

ных королевских подданных крестить новорожденных по православному обряду. Как видим, шведские власти так и не сумели пресечь систематические контакты собственных православных подданных с зарубежным духовенством.

Результат конфессионального противостояния в порубежных областях был следующим. В землях шведской Ингерманландии в первые десятилетия становления приграничья, в период с 1617 по 1650 год, число православных уменьшилось: в Ивангородском лене — с 91 до 65 %; в Ямском лене — с 98 до 82 %; в Нотебургском лене — с 63 до 36 %. В целом, к 1650 году православные в Ингерманландии составляли 57,3 против 41,6 % лютеран²⁶, и только после Русско-шведской войны 1656–1658 годов лютеране в Ингерманландии превзошли православных по численности²⁷. Одним из последствий этой войны стало укрепление положения православной церкви в Швеции²⁸, что подтверждается и реакцией шведского правительства на инициативы, направленные на ущемление прав православного населения. В 1660 году шведский чиновник Петер Антон Лофельдт предложил в ответ на предательство православных, оказавших во время войны поддержку русским войскам, отобрать у них в том числе религиозные привилегии. Однако правительство не пошло на радикальные меры. В Стокгольме было принято следующее компромиссное решение — необходимо пресечь проникновение священников из России, но в то же время нельзя «препятствовать им [православным] в их религии»²⁹.

* * *

¹ Толстиков А.В. Православное население Ингерманландии глазами шведской администрации: соотношение этнического и конфессионального аспектов (XVII в.) // XV конференция по изучению истории, экономики, языка и литературы Скандинавских стран и Финляндии: тез. докл. М., 2004. Ч. 1. С. 132.

² Миронова О.Н. Русско-шведские дипломатические отношения в 1618–1632 гг.: дис. ... канд. ист. наук. Н. Новгород, 2009. С. 31–43.

³ Орленко С.П. Выходцы из Западной Европы в России XVII века: правовой статус и реальное положение. М., 2004. С. 71.

⁴ Стефанович П.С. Приход и приходское духовенство в России в XV–XVII веках. М., 2002. С. 236–237.

⁵ Цит. по: Видекинд Ю. История десятилетней шведско-московитской войны. М., 2000. С. 437–438.

⁶ Опарина Т.А. Брак и свобода веры: зависимость религиозного выбора британок в России первой половины XVII в. от их семейного статуса // Диалог со временем: альманах интеллектуальной истории. М., 2008. Вып. 23. С. 81.

⁷ Россия и Швеция в первой половине XVII века: сб. материалов / сост. К. Якубов. М., 1897. Разд. 1. № 5. С. 82–83.

⁸ *Селин А.А.* Порубежное духовенство в 1-й половине XVII в. // Староладожский сборник. СПб.; Старая Ладога, 2000. Вып. 3. С. 32–33.

⁹ *Пересветов-Мурат А.И.* Из Ростова в Ингерманландию: М.А. Пересветов и другие русские *vaioj`ы* // Новгородский исторический сборник. СПб., 1999. Вып. 7. С. 369–371.

¹⁰ *Петрова М.И., Петров И.В.* Тиурула — 500 лет: очерки истории // История и культурное наследие Северного Приладожья: взгляд из России и Финляндии: материалы Второй междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 100-летию со дня рождения известного музейного деятеля и краеведа Сев. Приладожья Т.А. Хаккарайнена и 375-летию Сортавалы. Петрозаводск, 2007. С. 60–62.

¹¹ Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 96. Оп. 1. Реестр 2. 1626 г. Д. 1. Л. 129–133.

¹² *Толстиков А.В.* Русское православие в политике и политической риторике Швеции, первая половина XVII в.: дис. ... канд. ист. наук / [Ин-т всеобщей истории РАН]. М., 2002. С. 71.

¹³ *Селин А.А.* Шведская оккупация Ингерманландии и монастырское строительство в Новгородской земле // Ладога и Северная Европа: Вторые чтения памяти Анны Мачинской: материалы к чтениям. СПб., 1996. С. 85.

¹⁴ РГАДА. Ф. 96. Оп. 1. Реестр 2. 1624 г. Д. 1. Л. 122.

¹⁵ *Толстиков А.В.* Русское православие в политике и политической риторике Швеции, первая половина XVII в.: дис. ... канд. ист. наук / [Ин-т всеобщей истории РАН]. М., 2002. С. 124.

¹⁶ РГАДА. Ф. 96. Оп. 1. Реестр 2. 1621 г. Д. 1. Л. 158–159.

¹⁷ *Толстиков А.В.* Русское православие в свете шведской лютеранской теологии (первая половина XVII в.) // Мозаика: фрагменты истории швед. культуры. М., 2006. С. 210–213.

¹⁸ *Цветаев Д.В.* Протестантство и протестанты в России до эпохи преобразований. М., 1890. С. 591–592.

¹⁹ Цит. по: *Толстиков А.В.* Русское православие в политике и политической риторике Швеции, первая половина XVII в.: дис. ... канд. ист. наук / [Ин-т всеобщей истории РАН]. М., 2002. С. 118–119.

²⁰ *Стефанович П.С.* Приход и приходское духовенство в России в XV–XVII веках. М., 2002. С. 261.

²¹ *Толстиков А.В.* Русское православие в политике и политической риторике Швеции, первая половина XVII в.: дис. ... канд. ист. наук / [Ин-т всеобщ. истории РАН]. М., 2002. С. 131.

²² Дела Тайного приказа. Л., 1926. Т. 4. Раздел 5. № 34. Стб. 432.

²³ *Стефанович П.С.* Приход и приходское духовенство... С. 67.

²⁴ Россия и Швеция в первой половине XVII века: сб. материалов / сост. К. Якубов. М., 1897. Раздел 2. № 2. С. 209.

²⁵ Научно-исторический архив Санкт-Петербургского института истории РАН. Колл. 2. Оп. 1. Д. 28. Л. 5 об.

²⁶ Толстиков А.В. Русское православие в политике и политической риторике Швеции, первая половина XVII в.: дис. ... канд. ист. наук. М., 2002. С. 87.

²⁷ Толстиков А.В. Православное население Ингерманландии... С. 132.

²⁸ Августин (Никитин Д.Е.). Новгород Великий и Скандинавия // Богословские труды. М., 1990. Сб. 30. С. 187; Таркиайнен К. Финляндия: образ восточного соседа времен Московского царства // Россия и Финляндия: Проблемы взаимовосприятия, XVII–XX вв.: материалы российско-финляндских симпозиумов историков. М., 2006. С. 56.

²⁹ Цит. по: Толстиков А.В. Русское православие в политике... С. 128.

II. РОССИЯ И СТРАНЫ СЕВЕРНОЙ ЕВРОПЫ В НОВОЕ ВРЕМЯ

РОССИЯ И НОРВЕГИЯ

В. Т. Гортер, Т. С. Минаева

ОСВОЕНИЕ ПОМОРАМИ СЕВЕРНОГО ШПИЦБЕРГЕНА В КОНЦЕ XVIII — НАЧАЛЕ XIX ВЕКА

Памятники поморской промысловой культуры на Шпицбергене являются отражением сложного и длительного процесса освоения русскими людьми арктических территорий и выражением единства духовных и природных ценностей, носителями которых были представители поморского населения, проживавшие на побережье Белого моря и занимавшиеся морскими промыслами.

Шпицберген в XVIII–XIX веках являлся традиционной зоной промыслов поморов, где они охотились и добывали морского зверя. Норвегия сегодня обладает суверенитетом над этим районом на основе Договора о Шпицбергене и острове Медвежий (Шпицбергенского трактата) 1920 года. Совместными норвежско-российскими усилиями на островах архипелага выявлено и зарегистрировано около 80 поморских промысловых поселений. С российской стороны большая исследовательская работа по изучению истории освоения Шпицбергена была проведена археологическими экспедициями Академии наук во главе с В.Ф. Старковым. Поморский музей Баренцбурга и его фонды — результат этих экспедиций. Сопоставимое исследование было проведено норвежской стороной — Музеем Университета Тромсё, конторой губернатора Шпицбергена и учеными из некоторых других норвежских институтов. Фонды Музея Шпицбергена содержат экспонаты, найденные в ходе этих экспедиций и исследований В.Ф. Старкова. Дополнительные коллекции вещественных и письменных источников о поморских промыслах на Шпицбергене находятся в Музеях города Тромсё, норвежском Полярном институте и также в Архиве шведской Академии наук в Стокгольме. Ответственность за сохранность недвижимых исторических памятников возложена на губернаторскую службу

Шпицбергена. Забота о движимых культурных объектах и документации передана Музеем Шпицбергена вместе с техническим куратором музея, находящимся на службе у губернатора.

Из всех известных нам поморских поселений на островах архипелага большая часть располагалась на юго-западном побережье Западного Шпицбергена, и только 12 из них были основаны на севере. Именно здесь, на самых северных берегах островов Западный Шпицберген и Северо-Восточная Земля, было найдено несколько последних, все еще существующих поморских промысловых строений. Эти поселения (в Реквике или Руссеви́ке, Дирксодене и Елветангене) являлись частью комплексной поморской промысловой системы.

Поморские промысловые поселения не были однородными по составу. Поблизости от места высадки на берег охотники ставили большую стантовую избу, размер которой зависел от количества промысловиков и их экономических возможностей. Площадь такой избы составляла не менее 20 кв. м. Рядом могли располагаться меньшие по размеру строения. В комплексе таких поселений обычно присутствуют деревянные кресты и/или захоронения. Другую группу поселений составляют небольшие (до 15 кв. м) промысловые избушки, или «станки», возле которых, как правило, не было крестов или захоронений. В зимнее время охотники расходились по этим избушкам, расположенным на расстоянии от 20 до 100 верст от становой избы, для охоты на песцов и оленей и собирались вместе вновь только весной. Становые избы на Шпицбергене не сохранились до наших дней, найденные в Реквике, Дирксодене и Елветангене жилища представляют собой «станки».

Жилищно-хозяйственный комплекс в Реквике состоял из жилого отапливаемого помещения, рядом с которым находилось деревянное строение со стенами, но без крыши, возможно, покрывавшееся парусом, для наружных работ и хранения добычи, и возле него была построена маленькая деревянная баня. Общая площадь такого комплекса — примерно 35 кв. м.

Постройки в Елветангене и Дирксодене, на двух противоположных сторонах Видьефьорда, представляли собой двухчастные строения. В лучшем состоянии находится жилище в Дирксодене, его крыша сохранялась до начала 1990-х, но была разрушена штормом в 1994 году. Жилище было восстановлено службой губернатора в 1999 году. Как правило, «станки» имели довольно плоские крыши из прочных досок, которые засыпались песком и камнями для изоляции. Зимой, иногда не один раз в неделю, после сильной метели промышленникам приходилось выбираться наружу из своей

избушки через дымовое отверстие, взбираться на крышу и разгребать снег у жилища. Постройка в Елветангене, напротив Дирксодена, не восстановлена и не укреплена, некоторые стены отсутствуют. Она нуждается в срочной консервации и реставрации.

Поморские жилища в Реквике, Елветангене и Дирксодене — это остатки не только самых северных поморских промысловых становищ, но и самые старые сохранившиеся постройки на Шпицбергене! Все этим жилища, вероятно, были построены в конце XVIII столетия. Шведская экспедиция под руководством О. Торелля, посетившая в 1861 году покинутое поморами становище в Дирксодене, нашла в жилом помещении скамью с вырезанной датой «1839»¹. На стене постройки в Реквике процарапана дата «1850», но при раскопках бани археологи нашли ложку и топор, датированные В.Ф. Старковым концом XVIII века.

Использование старого сплавного леса при строительстве становищ делает датировку проблематичной. Поморы часто брали с собой на Шпицберген готовые деревянные конструкции срубов и иногда даже дрова, использовали части старых или разбитых судов и плавник. Инструменты, найденные на месте, могли бы помочь в определении времени появления становищ, но они, возможно, были сделаны задолго до отправления поморов на Шпицберген и применялись в жизни уже не одного поколения.

Все три поморских жилища использовались норвежцами и после того, как они в 1820-х годах начали свои промысловые зимовки на Шпицбергене с помощью поморских проводников. Торговля поморов с Северной Норвегией стимулировала такие контакты. К тому же архипелаг Шпицберген был к тому времени официально известен как «ничья земля»!

Первоначально норвежцы жили в русских жилищах, затем их расширяли или многократно использовали, пока строения не обрушивались. Поморские становища на севере Шпицбергена были наиболее «новыми», построены одними из последних, и арктический сухой климат помог сохранить всевозможные культурные элементы в этом месте лучше, чем на остальной части архипелага. В 1898 году шведский ученый В. Карлхейм-Гюлленшёльд в жилище в Мёрчисон-фьорде на Северо-Восточной Земле² нашел просмоленные веревки, вязаную шерстяную шапку, кожаную рукавицу, вырезанные деревянные календари и т.д. Календарь из жилища в Дирксодене показал, например, что в один сезон в XIX столетии поморские охотники провели там 26 недель.

Имеющиеся исторические материалы — записки путешественников, результаты научных экспедиций, норвежские и русские архивные докумен-

ты — свидетельствуют, что поморские промыслы на Шпицбергене прекратились в основном в середине XIX столетия.

Хотя в литературе и упоминается, что в наиболее развитый период этой арктической охоты — в конце 1790-х годов — до 270 поморских судов и 2256 российских промышленников в год приходили на архипелаг Шпицберген, эти данные можно поставить под сомнение³. Согласно спискам, составленным арктическим исследователем В.А. Русановым, и документам Государственного архива Архангельской области в 1797–1799 годах на Шпицбергене в общей сложности побывало только 17 поморских судов с 273 промышленниками⁴.

В то время как в конце XVIII столетия ежегодно 6–8 поморских судов (с командой из 12–19 человек) посещали Шпицберген, их число стало сокращаться в годы континентальной блокады Англии, когда английская эскадра начала разорять поморские становища в северных морях и захватывать поморские суда. Особенно сильно в эти годы пострадала Беломорская акционерная компания, занимавшаяся промысловой деятельностью не только в Белом море, но и на Шпицбергене. После ликвидации Беломорской компании в 1813 году организацией промысловых экспедиций на острова архипелага занимались в основном частные лица. Большинство купцов считало, что эти предприятия являются слишком опасным и дорогим занятием. Появились также трудности, связанные с поиском желающих отправиться на дальние промыслы. Команды стали набирать не только из жителей поморских селений, имевших промысловый опыт, но и отставных солдат и горожан. Однако проблемы дальнейшего ведения промысла на Шпицбергене возникали не только из-за сложностей финансирования, вербовки команд и увеличения торговли с Норвегией, что давало возможность получения прибыли другим путем. Еще одна причина заключалась в том, что такие зимовки, как правило, были слишком суровыми, чтобы находиться там в течение года без перерыва. Опытные промышленники обычно проводили на архипелаге Шпицберген каждый второй год, редкие кормщики совершали плавания ежегодно. Промышленники из Архангельска, Кеми, Мезени, Онеги и других мест, расположенных по берегу Белого моря, отправлялись на Шпицберген на летние и зимние промыслы и, как следует из их прошений на отпуск хлебных и других припасов, часто сами не знали, успеют ли они вернуться осенью до наступления заморозков или останутся зимовать. На летние промыслы отправлялись, как правило, в начале июня и возвращались в августе или сентябре того же года. На зимние промыслы уходили в июле и возвращались домой в августе–сентябре следующего

года. Путь на Шпицберген из Архангельска занимал до 50 дней в зависимости от погодных условий и длительности остановок по дороге к островам архипелага. Прибыв на Шпицберген и разгрузив припасы в стантовую избу, поморы уходили на заготовку мяса — добычу оленей. В осеннее и весеннее время охотились на суше еще и на белого медведя, а на море — на морского зверя: моржей, тюленей и белух.

С конца октября солнце на Шпицбергене уходило за горизонт и показывалось только в конце января — начале февраля, зима сопровождалась сильными снежными выюгами. В темные зимние месяцы промышленники распределялись малыми партиями по «станкам», занимаясь, как правило, охотой на песцов. В главной избе оставался один-два человека для присмотра за судном. В это время года промышленников «подстергала» цинга, от которой спасались хвойным настоем, морошкой, особым видом мха, который собирали до выпадения снега. Иногда никакие средства не помогали, и тогда заболевших лечили особым способом. Ослабевшего охотника привязывали за руки к середине жерди, двое других промышленников брали концы жерди к себе на плечи и бежали, заставляя заболевшего двигаться, после нескольких таких пробежек удавалось в буквальном смысле слова «поставить человека на ноги». Другой вариант лечения — больного 3–4 раза сбрасывали с утеса в снег, если ему удавалось выбраться из снега наверх, то он постепенно выздоравливал⁵. С зимовок возвращались не все охотники, часть погибала в море, во время охоты, из-за болезней, в том числе цинги. В 1820 году норвежцы нашли в русском становище в Хорнсунде на юге Западного Шпицбергена ящик, в котором было десять мертвых тел, частично растерзанных медведями, а в избе лежали еще три умерших промышленника. В 1837 году в становище у Южного мыса умерли 22 русских зимовщика, а в следующем году на одном из Тысячи островов — 18⁶.

Когда наступала весна, все промышленники со своей зимней добычей опять собирались из разных мест в общую стантовую избу. При благоприятных условиях, когда хватало сил для организации зверобойного промысла, вновь уходили в море для добычи морских животных, а потом, в середине лета, нагрузив добычей лодью, отправлялись домой.

В начале 1850-х годов произошло два трагических случая в ходе зимовок поморов на Шпицбергене. В 1851 году промысловая экспедиция крестьянина Кемского уезда Ивана Гвоздарёва закончилась многочисленными убийствами ее членов. Только трое возвратились живыми, остальные шесть членов команды и кормщик были убиты⁷. Подобные трагические происшествия отбивали у русских купцов желание организовывать промысловые

экспедиции, а у официальных властей — поддерживать дальнейшее существование шпицбергенских промыслов и проекты по их сохранению и развитию.

Как минимум еще одна трагедия произошла в том же 1851 году с экспедицией, организованной купцом Козьмой Кузнецовым из Архангельска. Умерли от цинги 12 из 18 членов экспедиции. Они доплыли от Архангельска до Шпицбергена только за 10 дней, но потратили 11 дней на то, чтобы добраться до берега, из-за тумана и льда, которые вынудили их высадиться на севере архипелага. Там они обосновались в пяти стоявших на берегу промысловых избах, расположенных друг от друга на расстоянии ста верст. Экспедиция Козьмы Кузнецова, несомненно, использовала все три промысловых жилища в Реквике, Дирксодене и Елветангене, которые мы упоминали, и еще одно на Северо-Восточной Земле (Нордре Русёя в Мёрчисонфьорде на Северо-Восточной Земле, фьорде, ранее названном норвежскими промышленниками «Русский залив» (Russefjorden)). Пятая изба, возможно, была расположена недалеко от мыса Ауствьорд, где в настоящее время находится последнее норвежское промысловое жилище.

Охотники были разделены по жилищам на маленькие группы (по нескольким человек) в течение осени 1851 года и весной—летом 1852 года, в то время как перезимовали они вместе на основной базе на западной стороне небольшой реки в бухте Литл Ред, на севере Западного Шпицбергена. Поклонный крест с этого поселения сохранился в норвежском музее Шпицбергена.

Подобные промысловые экспедиции были дорогими авантюрами для купцов, так как обычно только каждая вторая или третья экспедиция давала в результате существенную прибыль. Если предприятие проходило успешно, оно приносило хозяину, снарядившему судно, в начале XIX века от 1 до 4 тыс. руб. дохода, а в середине XIX века — до 50 тыс. руб., но при крушении судна или гибели экспедиции хозяин терпел убытки от 5 до 10 тыс. руб.⁸

Рядовые участники экспедиции получали в среднем 30–40 руб. в начале XIX века и до 200 руб. — в середине столетия, когда стали возникать трудности при наборе команды. Однако по возвращении домой некоторые «груманланы» проматывали с трудом заработанные деньги за две недели⁹. По причине большого риска и роста расходов на организацию промысла архангельские купцы постепенно стали от него отказываться.

Постепенное сокращение поморских промыслов на Шпицбергене происходило также из-за уменьшения численности моржей, которые быстро истреблялись в результате конкуренции с норвежской стороной. Ранее по-

моры могли охотиться на моржей только на некоторых лежбищах и затем оставлять эти места на определенное время для увеличения здесь численности животных. Теперь эта комплексная система зверобойного поморского промысла была фактически уничтожена в ходе хаотичной конкуренции. Поморы стали замечать, что на Шпицбергене моржи гораздо мельче по размерам, чем на Тиманском берегу или Новой Земле, поэтому прекратили поездки на Шпицберген и перенесли промысел на новые территории.

На Шпицбергене сохранились не только промысловые жилища поморов. Символами поморской духовной культуры на Шпицбергене служат поклонные кресты. О существовании некоторых из них мы знаем только по запискам путешественников и членов научных экспедиций XVIII–XIX веков. Кресты могли использоваться как дрова и строительный материал норвежскими промышленниками, появившимися на архипелаге позднее поморов. Культовые памятники разрушались белыми медведями или просто уничтожались людьми в разное время. Некоторые кресты обветшали и упали, поэтому в XX веке регистрировались археологами уже в таком виде, как, например, крест в Бельсунде на южном побережье Шпицбергена.

Судя по литературным источникам и археологическим исследованиям, поморские промысловые кресты представляли собой массивные сооружения из дерева высотой 4–6 м. Кресты вкапывались в грунт там, где это было возможно, на глубину до 1 м, и укреплялись камнями. На поверхности земли кресты дополнительно обносились срубами, заполненными камнями, или каменными пирамидками у их основания.

В иностранной литературе можно встретить только описания и зарисовки крестов без попыток их классификации. В русскоязычной литературе, кроме описаний, превалирует мнение о полифункциональном назначении поморских крестов на Шпицбергене, которые а) использовались для совершения православных культовых обрядов; б) играли роль оберегов; в) ставились в качестве благодарности богу за избавление от опасности; г) являлись навигационными знаками и путевыми указателями; д) отмечали место гибели или захоронения; е) представляли собой маркировочные знаки, закреплявшие промысловые участки за отдельными кормщиками или организаторами промысловых экспедиций.

Говоря о функциях деревянных крестов на Шпицбергене, прежде всего хотелось бы отметить, что все эти функции, вместе взятые, не могли быть присущи всем крестам. Крест, вероятно, мог обладать одной или несколькими функциями, при доминировании его культового назначения. Чтобы

определить тип креста и его функции, необходимо иметь сведения о надписи на кресте, точно знать его расположение на местности, взаимосвязь с жилыми постройками и погребениями. Большинство известных по запискам путешественников крестов не сохранилось, от некоторых остались только основания. Но только на Северо-Восточной Земле (в «Русском фьорде», Мёрчисон-фьорде) поморские кресты все еще стоят. Представители норвежской стороны (в том числе В. Т. Гортер) осмотрели эти кресты в сентябре 2009 года, составили их описание и с помощью шведских архивных материалов смогли восстановить их полустертые тексты и символы. Один крест, высотой 4 метра, стоит на Нордре Руссёя (Северном Русском острове) в Мёрчисон-фьорде и обозначает с другим разрушенным крестом место, благоприятное для высадки на берег, которое трудно увидеть с моря. Этот крест был украшен маленькой медной иконкой того же типа, который носили поморы-староверы. Такие изображения найдены во многих местах и захоронениях на Шпицбергене. Среди промысловиков было много старообрядцев. Уходя на дальний промысел, они могли соблюдать свои религиозные обычаи, не боясь осуждения или преследования властей. Даниловский старообрядческий скит в Кемском уезде регулярно посылал на Шпицберген до трех экспедиций в год. Официальные меры, принятые для закрытия этого скита в 1853–1855 годах, также повлияли на сокращение русских промыслов на островах архипелага. Другой сохранившийся поклонный крест, имеющий аналогичную высоту, но более устойчивый, зафиксирован на Кроссёя (Крестовом острове).

В обоих случаях своим расположением и направлением поперечных перекадин кресты более или менее точно указывают на север и юг. Между указанными островами, Нордре Руссёя и Кроссёя, море очень мелкое и несудоходное. Кроме обозначения этой области, поклонные кресты дают четкие указания компаса и показывают морякам, знакомым с их положениями, как сюда пройти. Крест на Кроссёя, вероятно, был частью комплекса из трех крестов, возможно, двух комплексов из трех крестов — как традиционный поморский навигационный знак для поворота, ведущего в данном случае в свободный от мелей проход прямо к главному поселению в Русселагуна (Русской лагуны) на Сторе Руссёя (Большом Русском острове). Так же как, например, каждый из 4-метровых поклонных поморских крестов в устье реки Койда указывал поворот налево и вход в речную протоку до деревни с одноименным названием.

Норвежское исследование, проведенное в сентябре 2009 года, доказало, что и другие кресты, которые стояли около сохранившегося поклонного

креста на Крестовом острове, четко обозначали север и юг: внушительная каменная масса все еще показывает их положение на берегу.

Поклонные кресты на каждой стороне упомянутого островного побережья не только обозначали его, но и несли информацию об охотничьей избе на Нордре Руссёя, расположенной позади все еще стоящего там креста. Изба не просматривалась с моря, потому что размещалась позади горной возвышенности, защищавшей ее от северо-западных ветров, которые дуют здесь постоянно.

Промышленники в ходе плавания часто сталкивались с трудностями (штормами, льдами), поэтому водружение на архипелаге крестов могло быть связано с желанием поблагодарить Бога за спасение (обетные, благодарственные) и освятить новое место промысла, помолиться и пообщаться с Богом (поклонные). Такого типа кресты защищали поморов и от злых сил. Даже в XIX веке промышленники, прибывавшие на южный берег, жертвовали первого убитого оленя-самца злomu духу гор, которого называли Грумантским псом и очень боялись. Верили поморы и в старуху-цингу с 11 сестрами, которые принимали образы красивых девушек и очаровывали их, погружая в сон¹⁰.

Версии о маркировке с помощью деревянных крестов промысловых участков достаточно сомнительны, так как выстраиваются без учета исторических традиций северных промыслов. Во-первых, имена и инициалы на крестах отмечались в случае гибели этих людей или водружения обетного или благодарственного креста от имени конкретного промышленника или кормщика, руководившего плаванием. Во-вторых, в традициях поморских зверобойных промыслов считалось нормой, а не исключением возводить жилища, которыми после ухода промышленников мог воспользоваться любой охотник или экспедиция в случае нужды. Например, поморы из экспедиции К. Кузнецова, высадившись на незнакомом берегу, пошли искать избушки, где они могли бы остановиться, так как знали о такой возможности. Подробно эту традицию описывал в середине XIX века С.В. Максимов: «Не хороши избушки складом и видом — хороши обычаем: не у всякой хозяин есть; не надо стучаться и спрашиваться. Их и не запирают... На Колгуеве, на Новой Земле, на Шпицбергене такие убежища тоже построены давно, но кто их строил и из какого леса — никому не известно»¹¹. В-третьих, в различных документах ГААО, связанных с описанием шпицбергенских промыслов, не встречается упоминания о каких-то конкретных участках, куда отправлялись промышленники, поэтому бывает трудно определить, когда и кто посещал различные становища или был там похо-

ронен. Но в то же время в «Атласе Архангельской губернии с топографическими, историческими, экономическими и камеральными описаниями» 1797 года в разделе о звериных промыслах сообщается, что «кто не имеет на Новой Земле или на Груманте изб в прежних становищах, то привозят оныя с собою»¹². Следовательно, в уже основанные становища могли приезжать и новые промысловые экспедиции, привозя с собой избы или материал для них. Впервые прибывшие на незнакомые берега промышленники могли возводить новые деревянные кресты возле уже поставленных в прежние годы. Вывод об отсутствии, как правило, постоянных владельцев становищ на Мурмане и арктических архипелагах сделали в результате своего полевого исследования участники Морской Арктической комплексной экспедиции Института природного и культурного наследия в 1999–2000 годах¹³. Таким образом, маловероятно, что деревянные кресты маркировали на Шпицбергене чьи-то промысловые участки. Скорее всего, в этом контексте они могли выполнять функцию опознавательных знаков для кормщиков, ведущих судно к той бухте, где он уже бывал раньше.

Все стоящие в северной части архипелага поклонные кресты и жилища поморов относятся, вероятно, к концу XVIII — первой половине XIX века. Поселения и промысловые территории поморов располагались здесь вдоль 80 градуса северной широты. В этом месте холодные ветры, дующие со Шпицбергена, встречаются с теплым течением Гольфстрима, что создает комбинацию воздушного и водного потоков и поддерживает участок моря на всем протяжении 80 градуса северной широты в основном свободным ото льда в течение всего зимнего времени, что позволяло вести промысел до наступления полярной ночи и вновь начинать его ранней весной.

Придерживаясь 80-й широты, поморы также могли быть более или менее уверены в возможности возвращения домой, в стантовую избу, после выхода в море.

В ходе последнего активного периода поморского промысла на Шпицбергене во второй половине XVIII века численность моржа сильно сократилась. Побережье архипелага даже сегодня омрачено остатками тысяч черепов моржей, что особенно заметно на о. Эдж. После массового истребления большинство морских животных можно было найти только на севере Шпицбергена и Северо-Восточной Земле. Главная причина перемещения промысла на север как раз и заключалась в том, что для поморов клыки моржей были самой дорогостоящей арктической добычей, которую они могли получить. Моржовый клык был более ценным, чем бивень слона, так как он со временем не желтел. По этой причине такие монастыри, как

Соловецкий на Белом море и Даниловский старообрядческий монастырь возле Кеми постоянно до начала XIX века организовывали промысловые экспедиции на Шпицберген, чтобы обеспечить себя материалом для резьбы из кости икон и предметов культа. Песцовые и медвежьи шкуры, гагачий пух и т.д. стояли на втором и третьем месте. В конце XVIII — середине XIX века моржовый клык продавался в Архангельске по 12–16 руб. за пуд¹⁴.

Известно, что норвежцы также были заинтересованы, прежде всего, в охоте на моржа на Шпицбергене, и, например, в течение 1830–1834 годов 88 судов из Хаммерфеста добыли 7322 моржа. В августе 1852 года четыре промысловых норвежских судна убили 900 моржей за один день¹⁵. Резкое увеличение добычи моржа на Шпицбергене закономерно вело к сокращению популяции морских животных и к ухудшению условий зверобойного промысла и его результатов.

Таким образом, мы можем с уверенностью сказать, что поморская торговля с Северной Норвегией, благодаря которой норвежское население узнало о возможностях промысла на Шпицбергене, привела к прекращению здесь поморского промысла.

Поморские экспедиции прекратились, потому что норвежское вмешательство привело к полному слому промысловых стратегий и резкому сокращению прибыли. Следовательно, эти экспедиции больше не были выгодны, и промысловые традиции вымирали вместе с ними. Как писал мезенский городничий в Архангельское губернское правление в 1830 году, «хозяев, которые прежде отпускали бы туда суда, нет в живых»¹⁶.

Кроме того, поморы с побережья Белого моря всегда на несколько месяцев запаздывали в эти охотничьи угодья из-за позднего вскрытия льда в Белом море. Эта же ситуация повторялась осенью, когда существовала опасность не прибыть в Архангельск вовремя до замерзания Северной Двины. Для судов из Норвегии не существовало таких проблем, а русские жители Мурманского берега не имели подобных традиций и сконцентрировались на ловле трески, сайды и сельди.

Поморские промысловые жилища, монументальные кресты, природные территории, где осуществлялся промысел, и ряд других объектов — это части одной экокультурной системы, которая не только сохраняет историю освоения Шпицбергена, но и уникальным образом отражает единство и взаимодействие духовных и природных ценностей на русском–норвежском Севере!

Международные усилия должны быть направлены на сохранение этих историко-культурных объектов. Особое внимание необходимо уделить их

дальнейшей документации, изучению и сохранению духовных и материальных памятников. Для реализации этих целей требуется прежде всего постоянное российско-норвежское сотрудничество, основанное на понимании исторической значимости сохранившихся памятников поморской промысловой культуры и осознании тесной взаимосвязи исторического развития Севера России и Норвегии.

* * *

¹ *Chydenius K.* Svenska expeditionen till Spitsbergen år 1861 under ledning af Otto Torell. Stockholm, 1865. S. 311.

² *Carlheim-Gyllensköld V.* På åttonde breddgraden. Stockholm, 1900. S. 176.

³ *Брейтфус Л.Л.* Морской звериный промысел в Белом море и Северном Ледовитом океане. СПб., 1905. С. 8.

⁴ ГААО. Ф. 4. Оп. 9. Д. 70, 75, 86; *Русанов В.А.* Статьи, лекции, письма. М.; Л., 1948. С. 282.

⁵ *Харитонов А.* Архангельские промышленники на Груманте (Шпицбергене) // Отечественные записки. 1849. Т. LXVI. С. 287.

⁶ *Conway M.* No man's land. Oslo, 1995. P. 269–270; *Визе В.Ю.* Моря Советской Арктики: Очерки по истории исследования. 1–3-е изд. М.; Л., 1936–1948. URL: <http://www.polarpost.ru/forum/viewtopic.php?f=52&t=2021&p=16645> (дата обращения: 16.10.2010).

⁷ ГААО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 5100.

⁸ ГААО. Ф. 1. Оп. 4. Т. 5а. Д. 404. Л. 11–12; Ф. 2. Оп. 1. Д. 1055. Л. 12–16; Ф. 4. Оп. 9. Д. 89.

⁹ ГААО Ф. 1. Оп. 4. Т. 5а. Д. 404. Л. 9 об.; Ф. 4. Оп. 9. Д. 89; *Озерецковский Н.* Описание моржового промысла // Архангельские губернские ведомости. 1846. № 38–40, 42.

¹⁰ *Харитонов А.* Указ. соч. С. 283, 287.

¹¹ *Максимов С.В.* Год на Севере. Архангельск, 1984. С. 46.

¹² Атлас Архангельской губернии с топографическими, историческими, экономическими и камеральными описаниями. Ч. I: Овсянников О.В. Поморская промысловая «энциклопедия» конца XVIII в. // Культура Русского Севера. Л., 1988. С. 80.

¹³ *Филин П.А., Фризин Н.Н.* Крест в промысловой культуре поморов Русского Севера // Ставрографический сборник. М., 2001. Кн. 1. С. 166–198.

¹⁴ ГААО. Ф. 4. Оп. 9. Д. 88. Л. 59 об.; *Озерецковский Н.* Указ. соч.

¹⁵ *Conway M.* Op. cit. P. 315–317.

¹⁶ ГААО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 1055. Л. 12.

Р. В. Пересадило

РОССИЙСКО-НОРВЕЖСКИЕ ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ В КОНСУЛЬСКИХ ДОНЕСЕНИЯХ*

В начале XIX века в отношениях России и Швеции–Норвегии (объединенных с 1814 года унией) наступил новый этап. С конца XVIII века Швеция стала выступать союзником России: в 1799 году заключается торговое соглашение и в 1801-м — торговый договор. В соответствии с последним для русских и шведских купцов подтверждалось право облагать товары друг друга пошлиной, равной сборам, взимаемым с отечественных купцов. Устанавливалась уменьшенная пошлина с привозимых в Россию шведских сельдей и соли (на шведских кораблях), а взамен Швеция сбавила пошлину на пеньку, полотно, сало и лен. Русским купцам разрешалось иметь в Стокгольме товарные склады¹. По мнению В.В. Рогинского, события 1809–1815 годов стали ключевыми для смены отношения враждебности (относящейся, впрочем, исключительно к Швеции) на союзнические: Санкт-Петербургский мирный договор 5 апреля 1812 года, личная встреча Александра I с наследным принцем Карлом Юханом, участие России и Швеции в антинаполеоновской коалиции². Для Норвегии это стало скорее продолжением традиции, так как с Данией, в унию с которой входил наш северный сосед, отношения складывались скорее дружественно, за исключением начального периода Наполеоновских войн. Последний, однако, не успел оказать существенного влияния на русско-норвежские отношения. Уже международные соглашения Российской империи начала XIX века показывают, что торговле с соседней Швецией–Норвегией уделялось особое внимание. Статья 6 Дополнительного акта к Фридрихсгамскому мирному

* Статья подготовлена при поддержке РГНФ и Правительства Архангельской области (проект 12-11-29002 а).

договору между Россией и Швецией от 29 августа — 10 сентября 1817 года давала привилегии купцам северного королевства. Купеческие корабли подданных двух стран могли привозить соль во все порты с платежом пошлин наравне с местными торговцами. Кроме того, торговые шведско-норвежские суда получали право беспошлинного складирования соли в Санкт-Петербурге, ливляндских и курляндских портах³. В 1815–1837 годах неоднократно продлевались льготы на вывоз хлеба в Норвегию и обмен на рыбу жителям городов Колы, Кеми и Сумского посада Архангельский губернии⁴. В 1846 году Россия заключила договор с Норвегией о взаимном рыболовстве русских и норвежских промышленников у берегов Норвегии.

Установлению более тесных торговых связей способствовало проведение в 1878 году телеграфной линии от Архангельска до северной Норвегии. Постоянные тесные торговые связи и другие контакты северных областей России с Норвегией послужили основанием для архангельского губернатора в 1838 году поднять вопрос о введении преподавания норвежского языка в учебных заведениях г. Кеми и Сумского посада. Поводом стали просьбы купцов, мещан и крестьян, занимавшихся торговлей с Норвегией. В итоге департамент народного просвещения в 1858 году в Кемском уездном и Сумскопосадском приходском училищах Архангельской губернии ввел преподавание норвежского языка⁵.

Норвежские крестьяне и рыбаки, будучи заинтересованы в свободной торговле, как правило, выступали против таможенных пошлин на товары, ввозимые из России, и за отмену ограничений в торговле с русскими (права торговать только в течение определенного срока в году)⁶.

Однако уже в XIX веке не давалось однозначных оценок экономических отношений двух стран. Местные чиновники зачастую откровенно враждебно относились к поморско-норвежской торговле. Согласно донесению кольского исправника, торговля жителей колонистов Мурман и кольских горожан «состояла в пределах русских продуктов промыслов»: рыба свежая, соленая и сушеная, рыбий жир, дрова, лес, сало, ягоды⁷. Из Норвегии ввозились товары: ром и другие напитки, чай, кофе, сахар, одежда, обувь, мануфактурные товары, уды, веревки для промыслов, соль, бочки под сало и другие товары «на довольно значительную сумму»⁸. Поморы Кемского, Онежского, Архангельского и Мурманского уездов увозили в Норвегию (большей частью из Архангельска) муку, крупу, лес, смолу, веревки, масло, а вывозили свежую и сушеную рыбу для Архангельска. Как считал исправник, пограничный Мурман служил для норвежских городов

местом сбыта значительного количества товаров, а получаемое сырье — основа для многих предприятий, рыба и сало перепродавались на европейские рынки, таким образом, торговля Норвегии с Мурманом более приносила прибыли норвежцам, а не русским⁹. Но с выводом чиновников вряд ли согласились многие поморы. Даже официальные документы показывают, что для многих торговля стала средством избегания «совершенной бедности и нищеты»¹⁰. Указом Николая I от 24 марта 1835 года «всем жителям городов Кеми, Колы с уездами и Сумского посада без ограничения гильдий, также мещанам и крестьянам даровано право вывозить из Норвегии на собственных мореходных судах рыбу и мягкую рухлядь по всем беломорским портам без ограничения количества»¹¹. В 1843 году к военному губернатору обратились граждане г. Кеми с просьбой разрешить им торговать товаром, привозимым из Норвегии, в Архангельске. И хотя архангельское купечество протестовало против предоставления подобных льгот (например, 8 октября 1842 года архангельская торговая депутация предложила запретить продажу привозимого из Норвегии пушного товара в Архангельске без вступления в гильдию¹²), эта просьбу услышали. 21 июля 1843 года вышел очередной указ императора. Теперь иногородним купцам поморского края разрешалось в Архангельске «производить торговлю мягкой рухлядью без торговых свидетельств и без платежа акциза в пользу города»¹³. Гражданский губернатор даже предлагал в 1854 году для распространения новых типов судов разрешить торговлю с Норвегией только на шхунах¹⁴.

В конце XIX века обостряется шведско-норвежский конфликт. Норвежцы возмущались высоким размером консульских пошлин. Норвежский флот по численности превосходил шведский, при этом шведы не соглашались на учреждение отдельных норвежских консульств. В 90-х годах XIX века по шведскому бюджету на содержание консулов ассигновалось 160 тыс. крон, по норвежскому — 120 тыс. крон (то есть доля Швеции — 4/7, доля Норвегии — 3/7)¹⁵. Согласно международным правилам, консульские пошлины уплачивались каждым судном, заходившим в порт, где находился консул, таким образом, поступление зависело количества шведских и норвежских судов. 70 % судов объединенного королевства, заходящих в иностранные порты, принадлежало Норвегии. В 1894 году от норвежских судов в счет консульских пошлин поступило 196 355 крон, в счет так называемых экспедиционных пошлин от них же — 9590 крон; от Швеции — соответственно 82 441 и 4160 крон¹⁶. Таким образом, Швеция участвовала в покрытии расходов на содержание консульств на 246 600 крон, Норвегия — на 325 949 крон, то есть Швеция покрывала около 43 % расходов,

Норвегия — около 57 %. Обороты шведской внешней торговли в этот же период составили 673 955 000 крон, Норвегии — 324 277 000 крон.

Реформы второй половины XIX века привели к тому, что сами норвежцы назвали «сменой кожи». Изменения происходили и в Швеции, правда, результаты значительно различались. В Норвегии политическая жизнь XIX столетия отличалась бóльшим равенством граждан, экономической свободой. Для Швеции была характерна бóльшая бюрократизация, дробление населения на четыре сословия, крепко державшихся за остатки своих привилегий. В Швеции действовал принцип «король один управляет государством»; в Норвегии — *veto suspensivum*; в Швеции — сословный сейм с влиятельной рыцарской курией, в Норвегии — бессословный стorting и общество без дворянства и свойственных аристократии привилегий. Исторические различия обуславливались и географически: в Швеции — развитые сельское хозяйство, промышленность, добывающая и обрабатывающая, в Норвегии — множество гаваней, богатых рыбных угодий, неприспособленность к земледельческой культуре, что обусловило развитие торговли и судоходства. В 90-е годы XIX века норвежцы вылавливали до 11 млн пудов трески, за 6 лет (1890–1896) — 62 млн, в дальнейшем эти показатели только росли¹⁷. Даже норвежская элита, состоявшая из крупных судовладельцев, торговцев, промышленников (представители городского населения занимали 1/3 всех депутатских мест¹⁸), исповедовала крестьянские ценности.

Даже в 1900 году примерно 72 % населения жило в деревне¹⁹. Новые экономические отношения, «сломавшие» традиционный уклад норвежского общества, не смогли полностью искоренить некоторые устои. Так, принцип неделимости наследственного двора считался «осколком» средневекового общества²⁰, хотя «одадь», возникший задолго до прихода в Скандинавию феодализма, в свое время был оплотом родовых отношений и в высокое Средневековье. Но так или иначе комплекс факторов, а также уход «лишних» людских ресурсов во флот (свой и иностранный) и эмиграция в США позволили Норвегии легче пережить вхождение в мировую экономическую систему.

Ежегодный доход Норвегии в начале XX века составлял 71 932 500 крон (1 крона в 1905 году стоила примерно 52 коп.²¹): с таможенных пошлин — 21 млн; железных дорог — 8 млн; акцизные сборы на алкоголь — 6 млн; земельные и другие налоги — 5 млн; почта и телеграф — 4,5 млн; подоходный налог — 2 млн; гос. имущество — 2 млн; судебные пошлины — 1 млн; гербовые сборы — 1 млн. Расходы составляли: оборона — 8 млн.; ж/д расходы — 7 млн; народное просвещение — 6,5 млн; почта и телеграф —

6 млн; суд — 5 млн; проценты по погашению государственных долгов — 5 млн; содержание дорог, каналов, пристаней — 3 млн; управление финансами и таможами — 3 млн; флот — 2 млн; внутреннее управление — 1 млн; министерства — 1 млн; содержание короля — 1 млн²². Значительные поступления в казну давало судостроение и мореходство (например, фрахт). Тоннаж торгового флота Норвегии в 1910 году составил 3 910 000 т, стоимость ввоза — 429,2 млн крон, вывоза — 309,7 млн крон, общее число нетто-тонн пришедших и ушедших иностранных судов — 9 941 000 т (гос. бюджет в 1913 году — около 150 млн крон, при этом бюджет флота — 6,8 млн крон)²³.

Отношения к скандинавским соседям в России носили двойственный характер: с одной стороны, попытка повторить экономически успешный опыт во многих областях торговли, рыбной промышленности и пр., с другой — опасения экономической экспансии (последнее более относилось к местным властям). Показательно в этом отношении освоение Мурманского побережья, где в середине XIX века норвежцев «назначили» модернизаторами российской окраины, а затем, к началу XX века, заговорили о возможной потере «русского Финнмарка». Первая мировая война усилила подозрительность. В 1915 году российскому вице-консулу в Вардё показались подозрительными слишком частые поездки на Мурман норвежского подданного Израила Бергстрема. Причем консульство выяснило, не уточняя источник информации, что Бергстрем необычайно хорошо осведомлен о прокладке телеграфного кабеля из Англии в Александровск и якобы рассказывал все подробности неким «темным личностям»²⁴. Фактически норвежца стали подозревать в шпионаже в пользу Германии, тем более что немецкая разведка в Скандинавии действовала активно. Полицейский надзиратель г. Колы Брагин добавил к этому обвинение в распускании среди российских новобранцев на мурманских пароходах ложных слухов о капитуляции России²⁵. Дело дошло до архангельского губернатора. Главнокомандующий г. Архангельска и района Белого моря приказал провести тщательное расследование, допросили не менее 9 свидетелей²⁶. В конце концов начальник Архангельского губернского жандармского управления пришел к выводу, что за Бергстремом «ничего предосудительного не замечено», сведения о шпионаже и распускании слухов — не более чем невежество отдельных лиц²⁷. Дело для норвежского подданного закончилось благополучно: вероятно, он даже не узнал о своей «шпионской» деятельности, но то, какого уровня чиновники занимались этим расследованием, говорит о серьезном отношении к таким подозрениям.

Подобные казусы случались и в Скандинавии. Однако шпиономания характерна скорее для Швеции начала XX века, причем еще до начала войны. Страна в этот период стала принимать сезонных рабочих. Обеспеченность рабочими руками производилась за счет приходящих туда крестьян-поляков из Галиции на условиях: для мужчин — около 180 руб. в год, женщин — около 120 руб. в год; и те и другие с содержанием и квартирой²⁸. Однако в качестве вероятных шпионов выступили русские сезонные рабочие. Они стали предлагать шведам хозяйственные услуги, в том числе в заготовке дров, отсюда и название “*segfilarna*” — пильщики. В октябре 1900 года корреспондент столичной газеты “*Stockolms-Tidningen*” сообщил о двух русских офицерах, переодетых в мужицкие красные рубахи: якобы эти шпионы изучали окрестности и искали карты Генштаба²⁹. МВД Швеции даже обратилось к эксперту Нобелевского комитета по славянской литературе Альфреду Йенсену. Славист побеседовал с несколькими пильщиками и убедился, что это крестьяне из Новгородской губернии, прибывшие в Швецию в поисках заработка. Впрочем, потом это не помешало выйти в свет книге Свена Хедина «Слово предостережения» о готовящейся оккупации Швеции Россией³⁰.

Первая мировая война не только нанесла окончательный удар по уже умирающей поморской торговле, не лучшие времена наступили и для всего комплекса экономических отношений. В 1915–1916 годах между Россией и Норвегией шли переговоры о совместном использовании гидроэнергии пограничных рек, но затем этот проект пришлось отложить до лучших времен³¹. В 1916 году к российскому послу в Христиании обратился местный норвежский гренадер, имевший, однако, российское подданство, Ион Лид с просьбой о разрешении ему отправить на Мурманскую дорогу российского подданного, специалиста по лесному делу. Лид планировал устроить несколько лесопильных заводов. После определения размера необходимых инвестиций Лид предполагал представить правительству план экономического развития. Посланник выразил одобрение по поводу плана Лиды «в целях оправдания экономического существования дороги и пробуждения северного края»³². Несмотря на «шпионские» дела (занимавшие, правда, больше местных чиновников низового уровня — см. выше), намечилось экономическое сотрудничество в военной области. В частности, по заказу Морского министерства норвежская фирма “*Mariteme*” построила 18 моторных катеров. Специально для наблюдения за ходом выполнения заказа в 1916 году в Норвегию командировали военного чиновника³³. Норвегия иногда выступала как неофициальный (официально не позволял объяв-

ленный нейтралитет) посредник в торговых операциях воюющих держав. В 1915 году английский посланник в Христиании обратился к главе российской дипмиссии Арсеньеву с просьбой разрешить норвежской фирме «Меллер» (г. Драммен) закупать в Архангельске и Мурманске волосы северных оленей, запрещенные к вывозу. Норвежская фирма «Меллер» собиралась изготавливать спасательные пояса для поставок английскому военно-морскому флоту³⁴. Норвегия в годы I мировой по-прежнему была заинтересована в торговых отношениях с Россией. В 1916 году норвежский пароход «Карме» был заподозрен в разбрасывании мин в устье Белого моря, по поводу чего российский посланник в Христиании попросил МИД Норвегии провести расследование и в случае подтверждения фактов наказать виновных. Норвежский министр иностранных дел ответил согласием. При этом добавил, что «тем охотнее дает это <...> так как норвежское правительство весьма заинтересовано, чтобы ее торговля с Россией могла производиться беспрепятственно»³⁵. Однако в целом в этот период можно говорить об упадке экономических отношений между Северо-Западом России и Норвегией. Традиционные товары, такие как зерно, поставлялись из Нового Света. В 1917 году норвежский министр продовольствия заявил, что Норвегия располагала 210 тыс. т зерна, которых хватило до декабря. Урожая предполагали получить около 400 тыс. т, чего хватило бы до апреля-мая 1918 года, после чего потребовалось бы приобрести еще зерна, чтобы избежать голода. В тех условиях такие поставки могли обеспечить США или Канада. В итоге с Америкой были заключены контракты на 200 тыс. т³⁶. По мнению российского военно-морского агента, к 1916 году вся северная Норвегия, от Кристианзунда и выше, стала в большинстве своем германофильская, причины этого — экономические: Норвегия «захлебывается в германском золоте, получаемом за вывозимые в Германию рыбы, тюлень мясе и прочие съестные продукты, за которые немцы, не стесняясь, платят неслыханные цены и всякими правдами и неправдами вывозят <...> [ранее] промысловая шхуна набивала от 4 до 6 тыс. зверя, с которого снималась шкура и пересыпанная солью складывалась в трюм, а жир топился и сливался в цистерны, тушки же выбрасывались. Теперь же за 1 кг тюленьего мяса немцы платят не менее 1 марки»³⁷.

Объявленный нейтралитет не спасал Норвежское королевство от военных потерь. По данным российского консульства в Христиании, с начала Первой мировой войны к 16 ноября 1916 года Норвегия потеряла 170 пароходов, 60 парусников, 14 судов было захвачено либо конфисковано. Общий тоннаж составил 316 316 т на сумму 136 798 500 крон³⁸. По словам сек-

ретаря Общества судовладельцев, норвежцы потеряли 13 614 001 крону, ожидавшуюся в качестве прибылей от сделок по фрахтованию пароходов, и 14 335 854 крон — стоимость погибших на кораблях грузов³⁹. Огромные убытки несли страховые компании. В октябре 1916 года акционерное общество «Русское Восточно-Азиатское пароходство» обратилось в Управление по морским перевозкам. Норвежский пароход «Рингборг», зафрахтованный обществом на два рейса из Нью-Йорка в Архангельск и обратно, по приказанию норвежского командующего задержан в Вардё из-за опасения страховых компаний в потоплении немецкими подводными лодками. Впрочем, арестованными оказались все суда, следовавшие в Архангельск: 5 буксирных пароходов, 3 деревянных морских лихтера, груженные моторными катерами, 12 стальных лихтеров и буксирный пароход — все норвежские⁴⁰. Для снятия ареста пришлось связываться с Британским адмиралтейством и императорским российским консульством в Вардё и Тромсё⁴¹.

В начале XX века происходило перетекание и российского капитала в Норвегию. Однако связано это было с традиционными формами экономической активности. Русские купцы, приезжая на пароходах из Архангельска, Александровска и других мест, привозили с собой огромные суммы (сотни тысяч рублей). Происходило это, как правило, неофициально, вследствие фактического отсутствия таможенного контроля. Многие пассажиры даже не имели заграничных паспортов⁴². Купцы предпочитали закладывать рубли частным лицам для получения норвежской валюты, теряя при этом до 10 % по сравнению с биржевой стоимостью⁴³. В годы войны это стало восприниматься российскими властями как экономическая опасность для страны: рубли накапливались, и курс их в Норвегии падал, чем пользовалась германская агентура, скупая рубли для Германии. Во всяком случае по косвенным признакам можно судить об активности германской разведки в Норвегии: когда была потоплена немецкая подводная лодка севернее Гаммерфеста, команда из 30 человек была снята норвежской морской шхуной. Как сообщал российский военно-морской агент, «по пути в Гаммерфест командир лодки стал сначала просить, потом требовать с угрозами доставить их в Тромсё, так как он знает, что там теперь находится германский пароход “Веста”, который может их доставить прямо в Германию», — по словам капитана шхуны, такая осведомленность германского командира «страшно поразила его»⁴⁴. На севере Норвегии, в городах Тромсё и Буде, «ОфотенБанк» устанавливал более высокий курс российского рубля. Однако в одном лишь городке Вардё у местных купцов к 1917 году скопилось несколько миллионов рублей⁴⁵. Военно-морской

агент в Христиании даже советовал Кредитной канцелярии учитывать количество русских денег, проникших контрабандным путем в Норвегию. Основная масса денег вывозилась для расплаты за покупаемую в Норвегии рыбу. Российские консулы в Тромсё, Тронхейме и Вардё страховали стоимость закупленной рыбы. Разница разрешенной к вывозу суммы русских денег для торговцев по закупке рыбы и застрахованной суммы давала возможность судить о размерах.

Безусловно, полного прекращения экономических отношений не было, да и быть не могло. Скорее менялся их характер. В табл. представлены типичные участники экспортных операций в Норвегию (все сведения относятся к 1916 году)⁴⁶.

№	Фирма или Ф. И. О. предпринимателя	Место пребывания	Экспортируемые товары
1	Пребенсен	—	Льняная жмыха, щетина
2	Басс	Курск	Пенька
3	Тетеревлев	Архангельская губ.	Конопля
4	О. Вист	Гаврилов	Канат, смола, деготь, скипидар
5	Maskin- och Brobyggnads	—	Части машин
6	Карл Вострем	Торнео	Пенька
7	О. Паульсон	—	То же
8	Отделен. Русск. для Вн. торговли Банка	Архангельск	Нафталин
9	Гребенсен	—	То же
10	Христиан Христиансен	Петроград	Льняное семя и солод
11	Альфред Йенсен	—	Яйца
12	Нордель Карлин Бергеруд	Киркинес	Еловые стволы
13	В.Н. Торлов	Архангельск	Березовая кора, доски и шпалы
14	Настоятель Печенгского монастыря	Архангельская губ.	Вареная морошка
15	Липин	—	Рыбий жир
16	Медведников	—	Березовая кора
17	Капитан Мальгин	—	Доски
18	Ольсен Стампе и Ко	Архангельск	Сосновые и еловые доски
19	Николаевская главная физическая обсерватория	Петроград	Резиновые шары — пилоты
20	Нильс Ист	Вардё	Лук, смола, вар

21	П. и И. Данишевские	Архангельск	Смола
22	Малькольм и Ко	Петроград	Пенька
23	Маслин	Рига	То же
24	Торговый дом «Рабинович и Ко»	—	Жмыха, льняное семя, клевер
25	А. Морозов	—	Мука
26	Русское общество экспортной торговли	Петроград	Пшеница, льняная жмыха и льняное семя
27	Иоганн Соров	Там же	Льняная жмыха
28	Ханжонков	—	Кинематографические ленты
29	Поморы Антуфьевы	—	Ржаная и пшеничная мука и доски
30	Контора «Российский экспорт и импорт»	—	Лен
31	Поморы Хохлин и Сметанин	—	Ржаная мука
32	Мульжские поморы Липин, Буркин, Коперины	—	Доски и колья
33	Ларсен	—	Жмыхи
34	Торговый дом «Бр. Каменские и Н. Мошков»	—	Пенька и цитварное семя
35	Стьернвальд	Николайстад	Семя клевера
36	Крестовников	Москва	Глицерин
37	Братья Бремме	Петроград	Мятное масло
38	Графиня Богарне	—	Спиртные напитки
39	Гатрман	Христиания	Семя льна
40	Христиансен	—	Платина (азбест)
41	Виктор Эк	—	Пенька
42	Густав Сваньонг	—	Семя клевера
43	Василий Пахомов	—	Пенька
44	В.К. Феррейн	Москва	Спорынья
45	Гергард и Гей	—	Конопля
46	Акционерное общество «Словолитня О.И. Лемана»	—	Шрифт
47	“Muhre”	Христиания	Галоши
48	Рибер и Ко	Берген	Тюленьи кожи
49	Помор Копырин	—	Ржаная мука

Несмотря на то что номенклатура товаров осталась традиционной, растет количество фирм и частных предпринимателей, предпочитающих денежные расчеты. Данные сведения являются отражением только официальной статистики. Жандармское управление Архангельской губернии постоянно сообщало о попытках нелегального вывоза в Норвегию, но, как правило, в годы Первой мировой войны нарушения касались вывоза валюты и золота⁴⁷. Меновая торговля практически прекратилась (и Первая мировая война ускорила ее кризис), но денежные расчеты, несмотря на все трудности военного времени, все-таки увеличились. По сведениям уполномоченного по торговле и промышленности В. Ленгауэра, количество товаров, отправленных из Архангельска в Норвегию, выросло с 1915 до 1916 года с 49 613 894 до 65 113 278 пудов⁴⁸. В военный период возникают фирмы, планирующие вести экономическую деятельность, ориентированную на рынок, в том числе международный. В 1916 году регистрирует свой устав Каспийско-Волжское и Беломорское рыбопромышленное и торгового акционерное общество, хотя правление располагалось в Астрахани, учредители — братья Беззубиковы — планировали в Архангельской губернии эксплуатировать звериные и рыбные промыслы, строить заводы и фабрики «для надобностей промыслового дела и с целью переработки рыбных продуктов и для производства торговли рыбными и другими товарами в России и за границей»⁴⁹. На подобных условиях образовалось и Лесопромышленное акционерное общество «Прютц и К» в лесной отрасли. Предприятия российского консула в Тромсё Конрада Хольмбо открывались по всей европейской России. К началу XX века характер экономических отношений двух стран серьезно изменился.

* * *

¹ Лооне Л.А. О характере русско-шведских торговых отношений в XVIII и первой половине XIX века // Скандинавский сборник I / под ред. В.В. Похлебкина, Л.К. Роотс. Таллин, 1956. С. 142.

² Рогинский В.В. Русско-шведские отношения в Новое время // Шведы и Русский Север. Киров, 1997.

³ Россия и Швеция. Документы и материалы. 1809–1818. М., 1985.

⁴ Щипанов В.К. Материалы о торговых и культурных связях России со Скандинавскими странами XIX — начала XX в. в фондах ЦГИА СССР // Исторические связи Скандинавии и России IX–XX вв.: сб. ст. Л., 1970. С. 372–373.

⁵ Там же.

⁶ Пийримяэ Х.А., Крафт С. Северная Норвегия в торговых договорах соединенного королевства с Россией // Скандинавский сборник I. Таллин, 1956. С. 236.

- ⁷ Государственный архив Мурманской области (ГАМО). Ф. 24-и. Оп. 1. Д. 73. Л. 8.
- ⁸ Там же.
- ⁹ Там же.
- ¹⁰ Государственный архив Архангельской области (ГААО). Ф. 2. Оп. 1. Т. 4. Д. 4243. Л. 2.
- ¹¹ Там же. Т. 3. Д. 2612. Л. 2.
- ¹² Там же.
- ¹³ Там же. Л. 23.
- ¹⁴ ГААО. Ф. 2. Оп. 1. Т. 5. Д. 5483. Л. 4–4 об.
- ¹⁵ *Берендтс Э.* О шведско-норвежской унии. Историко-политический этюд. Ярославль, 1895. С. 61.
- ¹⁶ Там же.
- ¹⁷ *Русова С.* В стране вольного крестьянства (в Норвегии). Ростов н/Д, 1905. С. 16.
- ¹⁸ *Берендтс Э.* Указ. соч. С. 64.
- ¹⁹ *Похлебкин В.В.* Политическая обстановка в Норвегии в 1905–1907 гг. и влияние на нее первой русской революции // Скандинавский сборник I. Таллин, 1956. С. 177.
- ²⁰ Там же.
- ²¹ *Русова С.* Указ. соч. С. 10.
- ²² Там же.
- ²³ Российский государственный архив Военно-Морского флота (РГАВМФ). Ф. 418. Оп. 1. Д. 3945. Л. 1.
- ²⁴ ГААО. Ф. 2. Оп. 1. Т. 4. Д. 4166. Л. 18.
- ²⁵ Там же. Л. 24.
- ²⁶ Там же. Л. 27–38 об.
- ²⁷ Там же. Л. 40 об.
- ²⁸ *Васильев В.А.* По Швеции и Дании. Екатеринослав, 1914. С. 4.
- ²⁹ *Коваленко Г.М.* Кандидат на престол. Из истории политических и культурных связей России и Швеции XI–XX вв. СПб., 1999. С. 195.
- ³⁰ Там же. С. 197.
- ³¹ *Щитанов В.К.* Указ. соч.
- ³² РГАВМФ. Ф. 418. Оп. 1. Д. 3946. Л. 68.
- ³³ Там же. Д. 3081. Л. 135
- ³⁴ Там же. Д. 3946. Л. 4.
- ³⁵ Там же. Л. 31.
- ³⁶ РГАВМФ. Ф. 418. Оп. 1. Д. 3944. Л. 18.
- ³⁷ РГАВМФ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 3939. Л. 7.
- ³⁸ РГАВМФ. Ф. 418. Оп. 1. Д. 3947. Л. 33.
- ³⁹ Там же.
- ⁴⁰ РГАВМФ. Ф. 418. Оп. 1. Д. 3948. Л. 3.

⁴¹ Там же.

⁴² РГАВМФ. Ф. 418. Оп. 1, Д. 3954. Л. 2.

⁴³ Там же.

⁴⁴ РГАВМФ. Ф. 418. Оп. 1, Д. 3954. Л. 7.

⁴⁵ Там же. Л. 2.

⁴⁶ Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 32. Оп. 1. Д. 1118. Л. 1.

⁴⁷ ГААО. Ф. 2. Оп. 1. Т. 4. Д. 4166. Л. 58.

⁴⁸ РГИА. Ф. 32. Оп. 1. Д. 1118. Л. 38.

⁴⁹ РГИА. Ф. 1329. Оп. 3. Д. 1437. Л. 189.

Р. А. Давыдов

**ВЗГЛЯДЫ НА ЭКОЛОГИЮ МОРЯ
И РОССИЙСКО-НОРВЕЖСКИЕ ОТНОШЕНИЯ
(конец XIX — начало XX века)**

Настоящая публикация продолжает серию статей автора, вышедших в предыдущих сборниках «Скандинавских чтений»¹ и посвященных малоизвестным аспектам российско-норвежских отношений в Евро-Арктическом регионе.

В публикации рассматриваются взгляды на экологию рыб и морских млекопитающих, доминировавшие на севере Норвегии и России в конце XIX — начале XX века, попытки легализации норвежскими зверобоями своей деятельности у российских берегов под видом борьбы с тюленями, наносящими вред не только для норвежского, но и для российского рыболовства.

В конце XIX — начале XX века население севера Норвегии проявляло заметный интерес к вопросам экологии моря. Интерес этот был узконаправленный и сугубо прагматический. Известно, что в конце XIX века китобойный промысел в Норвегии стремительно развивался, как и ориентированная на него перерабатывающая промышленность. Массовое истребление китов совпало с сокращением уловов рыбы в местах традиционных промыслов. Норвежские рыбаки склонны были видеть в этом причинно-следственную связь, вызванную локальным нарушением пищевой (трофической) сети.

Доминировавшие в то время среди норвежских, равно как и среди российских рыбопромышленников Мурмана, взгляды на биологию рыб и морских млекопитающих сводились к следующему. Киты, как треска и другая промысловая рыба, питаются мойвой и мелкой сельдью. Киты подгоняют «стада» идущей на нерест мойвы к берегам, на мелководье, и тем

побуждают треску также держаться близ берегов, что объективно приносит пользу для рыболовов, избавляя их от необходимости удаляться в море. Китов преследуют касатки, присутствие которых в свою очередь заметно уменьшает в местах рыбных промыслов численность тюленей, поедающих рыбу, что опять-таки приносит пользу для рыболовства. Истребление китов, по мнению рыбаков, запускало обратные процессы: у мойвы, мелкой сельди отпадала необходимость «спасаться» от них у берегов; соответственно количество трески здесь уменьшалось, в том числе и из-за увеличения численности тюленей.

Те же норвежцы, чьим основным источником дохода был бой китов и переработка продукции китобойного промысла, видели в подобных убеждениях рыбаков потенциальную угрозу ограничения своей деятельности и потому отказывались принимать ее всерьез. А ученые тогда не могли категорично и убедительно ни подтвердить, ни опровергнуть эти убеждения².

Насколько нам известно, впервые взгляды норвежских рыбаков на экологию моря довел до заинтересованной российской общественности Степан Иванович Барановский. 7 (19) апреля 1880 года он выступил с сообщением с говорящим названием «Борьба в Норвегии между китоловами и рыболовами» на общем собрании Санкт-Петербургского отделения Императорского общества для содействия русскому торговому мореходству, которое потом было опубликовано³. Публикация начиналась так.

«Норвежские поморы⁴ настойчиво ходатайствуют перед своим правительством о защите их от китоловов: эти же последние стараются с своей стороны доказать, что промысел, обогащающий их, безвреден для Норвегии. Для разрешения спора между теми и другими ездил на берега Финмаркена⁵, то есть норвежской Лапландии профессор Сарс⁶, который норвежскому Департаменту внутренних дел представил свое “Донесение о произведенных им весной 1879 года практически-ученых⁷ изысканиях лова мойвы у Финмаркена”. Это донесение, напечатанное безотлагательно, было сообщено представителям народа и правительства в северной Норвегии, которые, собравшись в Вадсэ⁸, 4-го ноября (22 октября) 1879, дали свои отзывы об этом донесении Сарса. Таким образом, подготовлен материал для законодательной деятельности Норвежского Государственного Сейма. <...> Норвежские китоловы, частью вследствие того, что они уже перебили большую часть китов у норвежских берегов, частью опасаясь, что ходатайство норвежских поморов будет уважено норвежским правительством, что приведет к ограничению их хищнического промысла, обра-

тили свое внимание на русские берега Северного океана и нахально обещают в пятнадцать лет перебить всех китов у русских берегов!»⁹

С.И. Барановский сделал достаточно подробный, в десяти пунктах, обзор доклада Сарса. А суть дискуссии норвежских «китоловов и рыболовов» С.И. Барановский, знакомый с основными аргументами сторон из скандинавской прессы, изложил в форме своеобразного диалога спорящих.

«Китоловы лукаво говорят рыбакам: “Вам нужна мойва, а кит поедает мойву, значит, когда мы перебьем всех китов, тем больше мойвы останется для вас”.

Рыбаки же говорят: “Хоть кит и ест мойву, но он и нам помогает ловить ее, а потому кит — не враг, а друг человека-рыбака. <...> От кита получается много пользы; значит, этого животного не надо истреблять, а следует пользоваться им бережно, чтобы эти китовые породы сохранились и для наших потомков”.

А китоловы говорят: “Охота нам думать о потомках! Уж они пускай себе устраиваются как знают, хоть и без китов!”

Рыбаки на это: “Ведь вы сами, китоловы, богатеете от своего промысла; значит, киты составляют часть народного богатства, не хуже, как, например, лошади или коровы, которые едят же траву точно, как киты мойву! А вы хотите истребить народное богатство!”

На это китоловы: “Уж у норвежских берегов это богатство почти перевелось; так вот мы пойдем стрелять китов в русских водах! Там голоса рыбаков, авось, не станут и слушать, а перед администраторами мы будем выставлять себя благодетелями их края, как истребители кита, известного рыбоеда”»¹⁰.

На последние слова из приведенной выше цитаты следует обратить внимание. С.И. Барановский произнес их в докладе в 1880 году и опубликовал в 1881-м. Примерно два десятилетия спустя, в конце 1890-х — начале 1900-х годов, экспансию норвежских китоловов в российские территориальные воды норвежские дипломаты будут деликатно, но настойчиво представлять именно в таком виде — как благодеяние! Но об этом — чуть ниже.

В том же 1881 году, когда в «Трудах С.-Петербургского отделения Императорского общества для содействия русскому торговому мореходству» был опубликован доклад С.И. Барановского, в газете «Кронштадтский вестник» прошла серия публикаций Н.П. Андреева — судового врача со шхуны «Полярная звезда». Судя по наблюдениям Н.П. Андреева, взгляды россиян, промышляющих на Мурмане, на экологию моря принципиально не отличались от взглядов их норвежских коллег.

«Тут впервые мы натолкнулись на тот факт, что при рыбных промыслах на Мурмане огромную роль играют киты. Общезасвидетельствованный факт был тот, что мойва, небольшая рыбка <...>, на которую ловят треску, появляется в больших количествах около берегов только тогда, когда в море показываются киты. Это настолько общеизвестный здесь факт, что промышленники, завидевши китов в море, приготовляются тотчас же к ловле мойвы, которая буквально как бы припирается китами к берегу, отчего нередко даже отходит на отмели. Но где мойва, там и треска. <...> По общему заявлению всех промышленников, мойва составляет любимую пищу китов, от за ней идет и, таким образом, помимо ее воли, заставляет мойву уходить в более безопасное место — мелкие места, где, впрочем, охотно ее ожидает не меньший для нее враг — наш промышленник»¹¹.

Н.П. Андреев, впрочем, не исключал ошибочности распространенных мнений, заметив, что в научном сообществе существуют серьезные сомнения в том, что киты преследуют мойву и та от них «спасается». «Время покажет, правы ли ученые», — заключал Н.П. Андреев¹².

Одновременно с ростом взаимного недовольства между норвежскими рыбаками и китобоями в Норвегии стало расти недовольство норвежских китобоев и особенно зверобоев против российских властей.

26 мая (7 июня) 1893 года крейсер «Наездник» задержал на рейде у Йокангских островов сразу шесть норвежских яхт; впоследствии четверо шкиперов были признаны виновными в промысле тюленей в русских территориальных водах, каждый из них был оштрафован и лишился улова. Тем самым Россия впервые после неудачных и безрезультатных попыток 1881 и 1882 годов продемонстрировала соединенным королевствам Швеции и Норвегии свою решимость охранять свои территориальные воды в морях Северного Ледовитого океана и возможность осуществлять эту охрану¹³. И хотя впоследствии просьбы норвежских шкиперов о помиловании были удовлетворены, и они даже получили денежную компенсацию (!) за конфискованную у них незаконную добычу, норвежские публицисты все чаще стали высказывать возмущение теми препятствиями, которые стали чинить русские власти их соотечественникам на промыслах в так называемых «восточных льдах», после десятилетий фактического бездействия. Несмотря на то что эффективность охраны территориальных вод единственным на Белом и Баренцевом морях русским военным судном была сомнительной, норвежцы стали разрабатывать новые сценарии для обеспечения безопасного, легального присутствия и промысла в «восточных льдах». Вспомнили об экологии и о том, что тюлени едят рыбу.

Во второй половине 1890-х годов норвежская сторона предпринимала неоднократные попытки узаконить промыслы тюленей в «восточных льдах», воздействуя, в частности, через консула королевств Швеции и Норвегии в Архангельске на губернатора А.П. Энгельгардта.

Норвежская сторона приводила следующую аргументацию. Тюлени — это зло для рыбаков, независимо от подданства последних. Промысел тюленей, помимо того, что выгоден сам по себе, еще и ограничивает численность тюленей, способствуя увеличению численности трески, что идет во благо рыболовства. Поэтому российские власти, препятствуя норвежцам промысливать тюленей у своих берегов, поступают недальновидно. Следует, наоборот, как можно скорее разрешить этот промысел и содействовать ему. Российская казна сможет сэкономить (!) на том, что откажется от ежегодной отправки с Балтики на Север и обратно своего крейсера. Норвежские зверобой будут готовы совершенно бесплатно (!) истреблять вредного зверя вблизи русских берегов. Более того, они даже могут включить в состав команд некоторое количество русских, чтобы научить их рациональной организации промысла. Российские власти, тем не менее, в этих заманчивых с норвежской точки зрения предложениях и трогательной заботе о российской казне увидели лишь корыстный интерес иностранцев, истребивших «рациональными» приемами тюленей в местах своих промыслов и собирающихся сделать то же самое у берегов России под видом «благотворительности». Переговоры на эту тему тогда так и остались безрезультатными.

Ниже мы приведем довольно длинную цитату из рукописи сотрудника Департамента внутренних сношений МИД России Александра Николаевича Бурнашева, озаглавленной «Очерк торгово-промышленного положения Севера Европейской России». Материалы для него были собраны А.Н. Бурнашевым во время пребывания на севере Норвегии, куда он был впервые прикомандирован в 1895 году «на летнее время» в помощь работавшему в Северной Норвегии консулу Владимиру Александровичу Березникову. Впоследствии В.А. Березников официальным и частным порядком сообщил в МИД о благоприятном впечатлении, которое произвела на него деятельность его помощника¹⁴.

Очерк А.Н. Бурнашева, насколько нам известно, не был опубликован; машинописный текст его сохранился в Архиве внешней политики Российской империи¹⁵.

«В первый же год крейсерства “Наездник” задержал пять норвежских зверобойных судов, заподозренных им в производстве промыслов в наших водах. Добыча была конфискована на основании заключения эксперта,

зоолога Книповича, признавшего, что оказавшиеся в добыче шкуры принадлежат молодым, не покидающим лежек тюленям, которые могли быть убиты лишь на плавающих льдах Белого моря. По этому поводу в местных газетах появились резкие нападки на командира крейсера. Вполне закономерные действия его назывались морским разбоем <...>, причем старательно доказывалось норвежскими специалистами, что жизнь полярных животных еще недостаточно изучена, а потому никто не может по внешнему виду отличить беломорского тюленя от всякого другого. <...>

Между тем хищническое истребление норвежцами зверя привело в последнее время к опустошению лежек у берегов Нью-Фаунленда, Ян-Майена, Шпицбергена <...>. Поэтому норвежцам стало необходимо добиться свободного допуска в наши воды <...>. Норвежцы, ободренные тем, что наше правительство в том же 1895 году возместило им стоимость конфискованной в 1893 году “Наездником” добычи, решило воспользоваться фактом появления тюленей у берегов Мурмана и соседнего Финмаркена, чтобы склонить Россию открыть им свои воды для звериных промыслов. Конечно, причины и последствия этого факта норвежцы умышленно исказили. Не стесняясь тем, что не далее как в 1893 году они доказывали, что жизнь полярных животных еще слишком мало исследована, что в Белом море нет особой породы тюленей, что одни и те же звери водятся и плавают на ледяных пространствах всего Северного океана, норвежцы теперь стали утверждать, что тюлени приходят сюда именно из Белого моря. <...> Норвежцы старались убедить нас, что причиной тому служит наш же крейсер, не допускающий их бить вредного для рыбных промыслов зверя, который, таким образом, свободно размножается в Белом море.

Некоторые газетные статьи предлагали международное соглашение с Россией, по которому мы пустили бы их к себе бить зверя, а взамен получили бы право промыслять в норвежских водах рыбу. Едва ли кто станет сомневаться, что фактически мы не получили бы никакой выгоды от такого соглашения. Другие газеты увлекались до того, что стали требовать отмены нашего крейсерства и свободного допуска норвежцев в наши воды, говоря, если Россия сама не хочет или не может истреблять вредных зверей, наносящих убытки не только русским, но и норвежским рыбным ловлям, то норвежцы имеют нравственное право требовать открытия для них наших вод.

Вопрос об убытках, приносимых тюленями рыбным ловлям, при внимательном к нему отношении, приводит к убеждению, что норвежские рыбные промыслы если и страдают от хищного зверя, то в самой незначительной степени. <...>

Между другими статьями небезынтесным является помещенное в одной издающейся в Тромсё¹⁶ газете и без комментариев перепечатанное во многих других изданиях письмо зверопромышленника шкипера Гансена, который, между прочим, восклицает: “Что сделали мы русскому, что он старается помешать нам, норвежцам, продолжать промысел, которым мы в течение многих годов невозбранно занимались”. Это наивное письмо заслуживает внимания как первое откровенное признание норвежским зверопромышленником факта нарушения наших территориальных прав, в чем никто из них не сознавался открыто до последнего времени.

Впрочем, это положение было признано на собравшейся летом в 1896 году в Вадсэ сходке рыбаков, на которой доказывалось, что появление тюленей у берегов Финмаркена происходит от увеличения их запаса в Белом море вследствие “прекращения производившихся там прежде норвежцами промыслов”¹⁷. Тут же было решено просить норвежское правительство обратить внимание России на этот вопрос, с указанием, что замечаемое за последние годы значительное увеличение числа тюленей, приходящих к берегам Мурмана и Финмаркена, объясняется, по-видимому, неумением наших зверобоев вести “рациональный” промысел.

Относясь отзывчиво ко всем нуждам своих граждан, королевское правительство не замедлило обратиться за разъяснением к профессору зоологии Сарсу, который, по совещании с профессором Коллетом, высказал, что настоящий вопрос еще недостаточно изучен, чтобы можно было ныне же вступить по поводу одного в дипломатические переговоры с Россией. Ввиду этого Департамент внутренних дел (? — Р.Д.) поручил шведско-норвежскому генеральному консулу в Архангельске собрать сведения о богатстве тюленьих лежек в Белом море.

Узнав еще в Гаммерфесте¹⁸, что генеральный консул <...> вступил в переговоры с архангельским губернатором относительно допущения норвежцев промышленно зверей в Белом море, я решил, возвращаясь в 1896 году в министерство из командировки, проехать через Архангельск, чтобы ближе ознакомиться с положением этого важного для нашей северной окраины вопроса. Приехав в Архангельск 25 сентября, я не застал губернатора в городе. От норвежского генерального консула Фальсена я узнал, что он имел неоднократное совещание о морских звериных промыслах с А.П. Энгельгардтом, который вызвал в Архангельск г. Сернсена, норвежского рыболовного инспектора, специально для переговоров по означенному вопросу.

По словам г. Фальсена, изложенные им и г. Сернсенем соображения о пользе, которую допущение норвежских зверобоев в наши воды может

принести России, были признаны г. Энгельгардтом несомненными. Норвежский генеральный консул говорил, будто бы губернатор собирается исходатайствовать себе с С.-Петербурге полномочие на допущение норвежских промышленников в Белое море, по личному усмотрению, для пробы, на время от одного до трех лет.

Все эти соображения, который генеральный консул не преминул перечислить мне, сводятся к следующему: норвежцы хлопочут получить доступ в наши северные воды, собственно [в] Белое море, для свободного производства звериных промыслов. При этом норвежцы согласны не только безвозмездно истреблять вредного зверя, но и допустить наших поморов к участию в этих промыслах, то есть чтобы в состав команд их промысловых судов входили и русские зверобои, которые будут получать часть добычи и учиться “рациональному” звериному промыслу. Таким образом, наши мурманские рыбные промыслы будут охранены от хищного зверя, русские зверобои будут обучены “рациональным” приемам промысла, а одно русское военное судно будет освобождено от суровой крейсерской службы у мало описанных берегов.

Трудно поверить, что бы кто-либо мог серьезно отнестись ко всем этим шитым белыми нитками предложениям — кто-либо, а тем более А.П. Энгельгардт, во всеподданнейшем отчете которого мы читаем: “Благодаря правительственным мерам в скором времени будет, несомненно, положен конец хищнической деятельности в наших северных водах иностранных промышленников, безнаказанно, в течение многих лет нарушавших существенные интересы приморского населения Архангельской губернии”¹⁹.

За последние два года взгляд А.П. Энгельгардта в этом отношении не изменился <...>²⁰.

Одновременно с убеждениями российских дипломатов и чиновников в пользу уничтожения тюленей у русских берегов в Белом море норвежская пресса развернула кампанию по устрашению населения голодом из-за злобных «русских» тюленей, поедающих треску и лишаящих норвежских рыбаков и их семьи средств к существованию. В миграции тюленей именно из Белого моря даже не принято было сомневаться (еще одна малоизвестная вариация на популярную в Скандинавии тему «русской угрозы!»). Скандинавские публицисты, склонные к эпатажу, не стеснялись в выражениях: «Несметная неприятельская армия пересекла нашу северо-восточную границу и вторглась в Финмаркен, разоряя и опустошая нашу северную область!»; «Северной Норвегии грозит гибель!»; «Вся страна в опасности!»; «Правительство немедленно должно снарядить на север не

только свои собственные военные суда с митральезами, но заручиться также и помощью других держав для совместного отражения хищнического нападения врага» и т.п.²¹

Официальной реакции России на поток этих публикаций не последовало.

* * *

Таким образом, в опыте российско-норвежских отношений есть прецеденты использования норвежской стороной экологической тематики при попытках обоснования экспансии в российские территориальные воды, а также легализации незаконно ведущегося зверобойного промысла. При этом средства массовой информации Норвегии манипулировали общественным мнением, сводя воедино русофобский миф об «угрозе» для Северной Норвегии и научно не обоснованные, хотя и доминировавшие в конце XIX–XX века среди норвежских рыбаков взгляды на экологию моря.

* * *

¹ Давыдов Р.А. Семужий промысел российских лопарей в Норвегии (XIX — начало XX века) // Скандинавские чтения 2002 года. Этнографические и культурно-исторические аспекты. СПб., 2003. С. 127–138; *Он же*. С.С. Джунковский и его деятельность по распространению католицизма на Севере Европы в 1850-х годах // Скандинавские чтения–2006 / отв. ред. И.Б. Губанов, Т.А. Шрадер. СПб., 2008. С. 515–529; *Он же*. Православная церковь для норвежского города Вардё // Скандинавские чтения 2008 года / сост. Т.А. Шрадер. СПб., 2010. С. 221–255; *Он же*. Народные волнения в Северной Норвегии, слухи о русской угрозе и массовой измене норвежцев в пользу России (по донесениям русского консула О. Визеля лета 1903 года) // Скандинавские чтения 2010 года. Этнографические и культурно-исторические аспекты / отв. ред., сост. Т.А. Шрадер. СПб., 2012. С. 332–346.

² Современные взгляды ученых на эти вопросы мы не здесь рассматриваем.

³ Барановский С.И. Борьба в Норвегии между китоловами и рыболовами // Труды С.-Петербургского отделения Императорского общества для содействия русскому торговому мореходству за 1880 год (с 10 марта 1880 по 9 января 1881 года). СПб., 1881. С. 38–46.

⁴ Как видно из контекста, речь идет о норвежских рыбаках.

⁵ В современной русской орфографии — Финмарк (Finnmark). В цитатах сохранена орфография оригинала.

⁶ По всей видимости, имеется в виду Georg Ossian Sars (1837–1827).

⁷ Сейчас бы сказали «научно-практических».

⁸ В современной русской орфографии — Вадсэ (Vadsø).

⁹ Барановский С.И. Указ. соч. С. 38.

¹⁰ Там же. С. 39–40.

¹¹ *Андреев Н.П.* Крейсерство у Мурманского берега // Кронштадтский вестник. 1881. 13 сент.

¹² Там же.

¹³ *Давыдов Р.А.* Российский опыт определения границ территориальных вод и охраны морских ресурсов в Евро-Арктическом регионе (1860-е — начало 1910-х годов). Архангельск, 2009. С. 65–73.

¹⁴ Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ). Ф. 155. Оп. 445. Д. 33. Л. 7–7 об.

¹⁵ Там же. Д. 34.

¹⁶ В современной русской орфографии — Тромсё (Tromsø).

¹⁷ Донесение консула Березникова от 20 июня / 2 июля 1896 года № 58. — *Прим. А.Н. Бурнашева.*

¹⁸ В современной русской орфографии — Хаммерфест (Hammerfest).

¹⁹ Приложение к всеподданнейшему отчету архангельского губернатора о состоянии Архангельской губернии за 1893 год. С. 26. — *Прим. А.Н. Бурнашева.*

²⁰ АВПРИ. Ф. 155. Оп. 445. Д. 34. Л. 24–30 об.

²¹ Нашествие тюленей // Русское судоходство. 1903. № 3. С. 174–177.

В. А. Карелин

**НОВЫЙ ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ
РОССИЙСКО-НОРВЕЖСКИХ ОБЩЕСТВЕННЫХ СВЯЗЕЙ
РУБЕЖА XIX–XX ВЕКОВ: ПИСЬМА
ПРОФЕССОРА-СЛАВИСТА ОЛАФА БРОКА
АКАДЕМИКУ А.А. ШАХМАТОВУ (1889–1919)**

Сравнительно недавно в Осло филологи специальным симпозиумом отметили «Столетие славянских исследований в Норвегии»¹. Юбилейное событие оказалось неразрывно связано изучением вклада в норвежскую славистику Олафа Брока — ученого-лингвиста, основоположника описательной фонетики славянских языков, историка и переводчика². Считается, что он заложил в Норвегии фундамент академического изучения славянских языков³. В России этого ученого, к сожалению, знают гораздо меньше. Как теперь становится ясно благодаря ряду вновь вводимых в оборот источников, он, кроме того, был весьма активен в поддержании и развитии российско-норвежских научных, культурных и общественных связей.

В числе упомянутых источников можно указать на обширную переписку и бумаги Брока, хранящиеся в его личном фонде в Национальной библиотеке в Осло⁴. В Российской национальной библиотеке в Петербурге выявлен интересный документ, датированный летом революционного 1917 года, — рукопись статьи Олафа Брока, посвященной его русскому коллеге академику А.А. Шахматову⁵. Но более всего интересна в данном случае их переписка. Она охватывает 30-летний период — с 1889 по 1919 год — и служит ярким свидетельством трогательной дружбы и длительного и тесного сотрудничества двух замечательных ученых⁶. Общий объем писем Брока, адресованных его русскому корреспонденту, составляет свыше 450 листов. Часть переписки выполнена на почтовых открытках. Однако автор покрывал их столь бисерным почерком, что умудрялся таким образом вмещать целые послания.

Письма норвежского ученого служат своего рода летописью, фиксирующей главные вехи академического и личного общения партнеров, реализации разного рода совместных проектов. До 1892 года они дают представление почти исключительно лишь о научных делах и связях корреспондентов, их семейных новостях. Затем — с 1892 по 1914 год — Брок в переписке все больше и больше затрагивает актуальные вопросы политического положения России. Его, человека передовых взглядов, вдохновил растущий общественный подъем, демократические завоевания первой русской революции, но крайне расстроило последовавшее затем наступление в стране политической реакции. В пору Первой мировой войны переписка, несмотря на трудности военного времени, оставалась очень интенсивной. Но в силу цензурных условий автор в письмах ограничивался по преимуществу делами академическими и личными.

Наиболее любопытным в письмах, на наш взгляд, является материал, который свидетельствует о том, что Брок, движимый незаурядным гражданским темпераментом и прогрессивными симпатиями (либерально-реформистские по характеру, они были близки настроениям самого Шахматова), стремится оказывать посильную поддержку видным представителям кадетской партии (более всего П.Н. Милюкову).

Политические убеждения Олафа Брока во многом были предопределены его происхождением, образованием и средой. Родился он в зажиточной семье — отец был торговцем и владел пивоварней. В 1885 году Брок успешно окончил в Христиании престижную, элитарную кафедральную школу (осн. 1153 г.). После чего по желанию отца отправился в Россию⁷. «Летом 1887-го, — писал он в воспоминаниях, — я приехал в Москву для изучения русского языка с рекомендацией профессора Упсальского университета Лунделя». В Москве дружеский кружок Корша, Слуцкого и Фортунатова тепло принял молодого норвежца. У них он впервые встретился с А.А. Шахматовым (которому друзья дали прозвище «наш enfant phenomalen»). Алексей Александрович был старше Брока всего на три года, и, вероятно, это помогло сближению, которое затем переросло в дружбу. А.А. Шахматов в 1891 г. пригласил молодого норвежца (к неописуемой радости последнего) погостить летом в свое саратовское имение Губаревку.

Вернувшись на Норвегию и окончив в 1893 году университет, Брок решил посвятить себя изучению славянских языков. В Лейпциге, куда молодой человек направился, чтобы получить научную подготовку, его учителем стал известный профессор-славист Лескин. Затем, уже в Вене, его научной работой руководил крупный ученый академик Ягич. Брок специа-

лизировался как фонетист и диалектолог. После 1895 года молодой ученый успешно выполнил ряд самостоятельных научных исследований. Публикация полученных результатов в академических изданиях в Германии и Австрии сделала его имя известным в научном мире. Признание способствовало тому, что уже в 1902 году Брок пригласила к сотрудничеству Петербургская Академия наук. Отсюда берут начало его полевые исследования и академические публикации в России. Успешное начало научной карьеры позволило Броку в родном университете (в Христиании) стать ведущим специалистом по славянским языкам. В 1900 году он в 33 года (!) получил профессорскую кафедру славянских языков, которую бессменно занимал до своей отставки в 1937-м.

Однако, как выше отмечено, интересы ученого выходили далеко за рамки узконаучных штудий. На родине Брок завоевал прочную репутацию «русофила» и знатока России. Его экспертными услугами пользовалось норвежское правительство. Знаменитый Ф. Нансен на протяжении многих лет был дружен с профессором-славистом и нередко консультировался с ним, когда речь шла о России. В письмах русским друзьям Брок не без гордости писал, что в норвежской столице ему дали прозвище «славянского посла в Христиании»⁸. Он неоднократно подчеркивал, что считает Россию своей «второй родиной», беды и радости которой он воспринимает близко к сердцу, так же как и несчастья своей настоящей отчизны. Трогательная и многоговорящая деталь — Брок бывал рад, когда друзья в переписке именовали его Олафом Ивановичем. Много раз ученый по разным поводам выступал в норвежской печати со статьями, разъясняющими соотечественникам положение России и ее политику. Его публичные лекции пользовались известностью в Христиании, Бергене и Тронхейме, где аудиторией были студенты, журналисты, слушатели военной академии и представители деловых кругов. Наконец, Брок завоевал известность и как переводчик впервые изданных на норвежском языке произведений Л.Н. Толстого (в 1911 году — «Анна Каренина») и Ф.М. Достоевского (в 1915 году — «Братья Карамазовы»). Из его письма следует, что в 1912 году он вел в Христиании занятия с группой народных учительниц из России. Их поездку организовали петербургские Нобели.

Казалось, при таких обстоятельствах исследователи не должны обойти вниманием столь значительную для нашей общей истории личность и должны дать оценку его многогранному вкладу в русско-норвежские общественные связи. Парадокс заключается в том, что его «прорусская» работа в период существования «старой России», а затем эпоху революции

ни у нас, ни в Норвегии так и не нашла адекватного освещения и исследовательской оценки. Это на первый взгляд странное явление имеет свои причины. Главная из них заключается, по всей видимости, в том, что Брок, человек прогрессивных, демократических, но отнюдь не революционных убеждений, тесно связал себя с той либеральной Россией, которая в годы революции 1917 года и Гражданской войны потерпела жестокое политическое и идейное поражение. В результате она сошла с политической сцены и впоследствии растворилась в эмиграции.

Брок поддерживал дружеские связи со многими русскими дипломатами (консулы В. А. Березников, О. О. Визель и посланник С. В. Арсеньев), а также с посещавшими Норвегию русскими учеными (например, с академиком Ф. Н. Чернышевым). Но особенно он сблизился с российским посланником К. Н. Гулькевичем в 1916–1917 годах. Их дружба и сотрудничество окрепли в период Первой мировой, а затем Гражданской войны, когда последний стал играть заметную роль в Белом движении. В 1918–1920 годах Брок по совету Гулькевича участвовал в Норвегии в деятельности Центросоюза (заграничного союза русских кооператоров, оппозиционного большевикам). Формально это было коммерческое, а не политическое учреждение. Центросоюз, тем не менее, обладая за границей кадрами специалистов, финансовыми и материальными средствами, экономически обслуживал области, где установилась власть белых, прежде всего на Севере и в Сибири.

Приход большевиков к власти оборвал многие старые связи норвежского профессора. После окончания Гражданской войны другом для новой Советской России Брок не стал, да и не мог стать. Советская власть и коммунистическая идеология оставались для него, буржуазного демократа и либерала, глубоко чуждыми. С началом нэпа он, как и многие русские эмигранты, связывал надежды на постепенное возвращение России на «цивилизованный» путь. В ожидании лучших времен ученый старался сохранить научные связи с нашей страной. В 1920-х Брок дважды приезжал в СССР для работы в архивах, а еще для того, чтобы понять, что происходит в нашей стране.

По итогам своей первой поездки в 1923 году в разоренную Гражданской войной Советскую Россию он написал книгу, в которой резко отозвался о ее политической системе⁹. Книга вышла двумя изданиями (в 1923 и 1924 годах) в Осло, а также в шведском переводе в 1924 году в Стокгольме и по-французски в 1925-м в парижском журнале “Correspondant” (Т. 298, 299)¹⁰. В итоге советские дипломаты постарались не допустить приезда критически настроенного ученого в 1925 году в СССР на 100-летний юби-

лей Академии наук. В печати его бранили, называя «белогвардейским профессором». В результате Брок и сам объявил об отказе присутствовать на «политическом празднике».

Тем не менее ввиду большого авторитета ученого в академическом мире и заинтересованности в добрососедских отношениях с Норвегией (то есть по политическим мотивам) скандал постарались замять. АН СССР вскоре избрала Брока своим иностранным членом-корреспондентом¹¹. Советский полпред А.М. Коллонтай помогла организовать его новую научную поездку в нашу страну в конце 1920-х годов.

На фоне широкого дипломатического признания СССР и взаимной заинтересованности ученых в налаживании контактов сформировалась более благоприятная рабочая обстановка. В августе 1928 года в Осло состоялся VI Международный конгресс исторических наук, на который были приглашены советские ученые. В мае того же года Брок прибыл в Советский Союз как официальный представитель Северного общества — организации историков, которая была учреждена в марте в Стокгольме по инициативе шведских, датских и норвежских ученых для изучения советских архивов в части взаимоотношений Скандинавских стран с Россией. В состав руководства вошли известные скандинавские ученые: профессора О. Брок (Норвегия), О. Фрис (Дания) и Э. Карлссон (Швеция), молодые шведские историки К.Ф. Пальмштерна и Б. Андерсен, а также ряд других исследователей. Брок успешно провел в Москве переговоры об организации систематической работы иностранных исследователей в советских архивах¹².

Он лично получил возможность изучать документы «Новоромановского архива» в читальном зале Архива Октябрьской революции. Его внимание также привлекли материалы о приграничных отношениях России и Норвегии на Севере¹³.

Но через без малого четверть века, в 1949 году, в разгар «холодной войны», Брок с политическим скандалом был исключен из АН СССР. По поводу причины исключения в записке агитпропа ЦК КПСС говорилось: «Президент Академии наук СССР академик С.И. Вавилов и академик-секретарь Академии Н.Г. Бруевич просят разрешения внести на рассмотрение ближайшего общего собрания Академии наук СССР вопрос о лишении звания члена-корреспондента АН СССР норвежского ученого Олафа Брока за его клеветническую и враждебную Советскому Союзу деятельность. Предложение президиума Академии наук следовало бы принять. В последнее время Олаф Брок начал сотрудничать в реакционной газете “Моргенбладет” <...> По заданию редакции <...> Олаф Брок в антисоветском духе комментирует ста-

тью из советских газет и журналов, а также правительственные решения, выступления советских государственных деятелей и ученых. В одной из статей Брок скорбит о “погибшей” демократии в Чехословакии...»¹⁴

Нетрудно догадаться, что после таких событий фигура О. Брока для советских историков и научных изданий оказалась надолго табуирована. Прошло время. Сегодня личность Олафа Брока, искреннего друга России, представляется нам весьма значительной и до сих пор недооцененной. В истории русско-норвежских культурных и общественных связей начала XX века он сыграл видную, но, увы, пока весьма малоизученную роль. Он интересен не только как ученый-славист, популяризатор русского языка и литературы, но и как активный общественный деятель, демократ и гуманист (при всех его противоречиях и некоторой ограниченности). Поэтому, на наш взгляд, он заслуживает общей памяти и серьезных исследований историков.

* * *

¹ *Mathiassen T., Kjetsaa G.* A centenary of Slavic studies in Norway // The Olaf Broch Symposium: papers. Oslo, 12–14 September 1996. (1998).

² См., например: *Брок О.* Описание одного говора из юго-западной части Тотемского уезда. СПб., 1907; *Он же.* Очерк физиологии славянской рѣчи // Энциклопедія славянской филології / под ред. И.В. Ягича. СПб., 1910. Вып. 5; *Он же.* Slavische phonetik. Heidelberg, 1911; *Он же.* Говоры к западу от Мосальска. Пг., 1916.

³ Олаф Брок (норв. Broch Olaf; 4 августа 1867, Хортен, Норвегия — 28 января 1961, Осло, Норвегия).

⁴ NBiO. Brevs. № 337 (Olaf Broch).

⁵ Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (ОР РНБ). Ф. 346. Алексей Александрович Шахматов. Д. 13. (Из воспоминаний об А.А. Шахматове).

⁶ Санкт-Петербургский филиал Архива РАН (СПбФ АРАН). Ф. 134. Оп. 3. Д. 186.

⁷ Norsk biografisk leksikon (NB)L.

⁸ СПбФ АРАН Ф. 134. Оп. 3. Д. 186. Л. 441 об.

⁹ “Proletariatets diktatur” (1923).

¹⁰ «Мы не нищие...»: к истории 200-летнего юбилея Российской академии наук (из дневника Е.Г. Ольденбург) / публ. М.Ю. Сорокиной. URL: <http://www.ihst.ru/projects/sohist/diary/Oldenburg.htm> (дата обращения: 22.03.2013).

¹¹ Впервые Олаф Брок был избран членом-корреспондентом Петербургской Академии наук в декабре 1916 года.

¹² *Ковчинская С.Г.* Работа скандинавских историков в советских архивах в 1927–1933 годах: из истории международных научных связей. URL: <http://cua.karelia.ru/report31.doc> (дата обращения: 2.04.2013).

¹³ Там же.

¹⁴ Сталин и космополитизм. 1945–1953. Документы Агитпропа ЦК. М., 2005. С. 210–213.

В. И. Мусаев

РУССКО-СКАНДИНАВСКИЕ ОТНОШЕНИЯ И РОССИЙСКИЕ ИНТЕРЕСЫ НА СЕВЕРЕ ЕВРОПЫ (вторая половина XIX — начало XX века)

После окончания Наполеоновских войн до середины XIX века отношения между Россией, с одной стороны, и Швецией и Норвегией — с другой, развивались относительно благоприятно. Для российских монархов Шведско-норвежское королевство было важной опорой Венской системы. Своевременное обоим дворам враждебное отношение к революционным и либеральным движениям делало их надежными партнерами по Священному союзу. Обе державы были заинтересованы и в торгово-экономических контактах. 11 (23) июня 1834 года между Россией и Швецией была подписана торговая конвенция. Одна из ее статей гласила, что норвежцы могут ежегодно вывозить из беломорских портов беспошлинно 25 четвертей хлеба на норвежских судах и столько же — на российских. В 1835 году на всех жителей Архангельской губернии было распространено право вывозить в Норвегию хлеб и привозить оттуда рыбу и соль¹. 26 апреля (8 мая) 1838 года был подписан торговый договор между Россией и Шведско-Норвежским королевством, который подтвердил это право. Поморы и коляне не только выменивали, но и сами промышляли рыбу у берегов Норвегии, куда она подходила раньше, чем на Мурман. Ввозить в Норвегию беспошлинно поморы могли муку, хлеб в зерне, рыбачьи снасти, пеньку, железо, парусину, деготь, канаты и лес. Другие товары, такие как мясо, чай, текстильные изделия, облагались пошлиной². Обратное, кроме свежей, соленой и сушеной рыбы, привозили мех и колониальные товары.

С 1830-х годов начали циркулировать безосновательные, но упорные слухи о русских притязаниях на Северную Норвегию. Распространению

этих слухов в немалой степени способствовала британская дипломатия, которая приписывала русским намерение захватить незамерзающие бухты Варангер-фьорда якобы для создания там военно-морской базы. Начало слухам положил доклад британского вице-консула в норвежском городе Хаммерфест Д.Р. Кроу, который был отправлен английскому посланнику в Стокгольме и вызвал там волну страхов перед русской угрозой. Кроу продолжал посылать подобные донесения и после того, как в 1844 году был назначен английским Генеральным консулом в Христиании (Осло). Донесения Кроу произвели сильное впечатление на Форин Офис и привели к дипломатическим демаршам перед Объединенными королевствами³. Схожие мысли развивал шотландец С. Лейнг, который в 1836 году направил в Лондон свой доклад о посещении Северной Скандинавии. В этом докладе он говорил о стремлении российской державы к Атлантике⁴. Беспочвенность слухов об агрессивных намерениях России, впрочем, уже тогда была очевидна для трезвомыслящих наблюдателей⁵. Позднее, в 1867 году, норвежский языковед и этнограф Я.А. Фриис совершил путешествие по Кольскому полуострову и Карелии. По возвращении он обратил внимание норвежских властей на то, что Кольский залив и другие бухты на Мурманском побережье фактически являются незамерзающими круглый год. Если русские власти хотели бы построить военно-морскую базу на севере, то им совершенно необязательно было прилагать усилия для завоевания чужой территории⁶.

С середины XIX века определенное воздействие на состояние российско-шведских и российско-норвежских отношений начали оказывать «великоскандинавские» амбиции шведского руководства, которые впервые проявились в правление короля Оскара I (1844–1859), преемника Карла XIV Юхана (Бернадотта). Новый король использовал ставшие популярными в 1830-е годы среди интеллигенции идеи «скандинавизма» — сближения Скандинавских стран — и рассчитывал возглавить это объединительное движение. В 1848 году Оскар I попытался вмешаться в прусско-датский конфликт в Шлезвиге и Гольштейне, выступив в поддержку датчан и направив шведско-норвежские войска в Ютландию. Российское руководство в шлезвиг-гольштейнском вопросе в 1848 году также поддержало Данию, однако это было вызвано совершенно другими соображениями. Николай I стремился к поддержанию статус-кво в Европе и расценивал антидатские выступления немецкого населения в Шлезвиге и Гольштейне как мятеж против своего легитимного монарха. Кроме того, он был против усиления Пруссии за счет Дании. К идеологии же скандинавизма российские монар-

хи и их окружение относились негативно вследствие ее либерального духа и антирусской направленности⁷.

Между тем наряду со стремлением стать лидером в объединении Скандинавии шведский король стал также задумываться о возвращении Финляндии, к чему его подталкивали близкие ко двору реваншистские круги. Война коалиции европейских государств во главе с Великобританией и Францией против России, известная как Крымская или Восточная (1853–1856), давала Швеции соблазнительный шанс воспользоваться ситуацией, чтобы присоединиться к антирусскому союзу и попытаться вернуть себе Финляндию и Аландские острова. Еще накануне войны Англия, готовившаяся к столкновению с Россией, предприняла попытку привлечь Соединенное королевство к военному союзу. В 1852 году, после того как норвежские власти отклонили заявление финляндских подданных царя об их праве на лов рыбы в Варангер-фьорде, российское правительство запретило норвежским саамам переходить с их стадами оленей русскую границу на Кольском полуострове. Британский премьер Г. Дж. Палмерстон, пользуясь случаем, выдвинул проект договора, который обязывал шведско-норвежского короля не уступать России сушу, воду, права лова и пастьбы без согласия Англии и Франции. Взамен союзники обещали военную помощь в случае необходимости⁸. «Финнмаркский вопрос» в период войны продолжал эксплуатироваться, причем шведские сторонники войны старались убедить британских представителей в том, что русские притязания на Финнмарк представляют угрозу не только для Скандинавии: создание «северного Севастополя» в Варангерской бухте будет опасно и для самой Великобритании⁹. Оскар I все же не решился нарушить шведский нейтралитет, хотя тайно он и предложил англичанам использовать шведские гавани в качестве баз для развертывания своих военно-морских сил на Балтике¹⁰. К тому же шведский король не получил от англичан и французов гарантий военной поддержки и субсидии.

В Норвегии к замыслам шведского короля отнеслись неодобрительно: нарушение нейтралитета и втягивание в войну не отвечало интересам страны. Напротив, торговля нейтралов с воюющими странами, несмотря на определенный риск, приносила немалую прибыль. Норвежское правительство и стортинг высказались против увеличения военного бюджета. Шведско-норвежское королевство официально сохраняло нейтралитет в войне. Однако 21 ноября 1855 года шведский король заключил оборонительный союз с Англией и Францией, получивший известность как «ноябрьский трактат»¹¹. Согласно договору, западные державы гарантировали террито-

риальную целостность Соединенных королевств от покушений со стороны России. Норвежское правительство, поставленное перед фактом, заявило о своем неодобрении подписанного соглашения. В Петербурге известие о ноябрьском трактате, как и следовало ожидать, было воспринято с замешательством, и ведущие деятели правительства говорили о нем как о выражении оскорбительного и безосновательного недоверия к России¹². Российский МИД, впрочем, в своем официальном заявлении удовлетворился шведскими заверениями о том, что этот трактат имеет сугубо оборонительный характер¹³. Итоги Крымской войны были неудачными для России. Одним из условий Парижского мирного договора 1856 года, завершившего войну, была демилитаризация Аландских островов, что отвечало интересам Швеции¹⁴.

Во второй половине XIX века российское руководство стремилось поддерживать нейтралистские тенденции в политике Скандинавских государств, от которых зависел режим балтийских проливов, и удерживать их от чрезмерного сближения с той или иной великой державой, с которой у России имелись или могли возникнуть геополитические противоречия. В правление Оскара II (1872–1907) внешняя политика Шведско-норвежского королевства была неоднозначной. Усиление Пруссии и объединение Германии под ее главенством в 1860–1870-х годах наряду с установлением республиканского строя во Франции побудили правящие круги скандинавской державы постепенно отказаться от своей прежней французской ориентации и искать сближения с новой центральноевропейской империей. В 1875 году во время своего визита в Берлин Оскар II обсуждал с германским руководством идею альянса Объединенного королевства с Германией в целях защиты от русской угрозы¹⁵. В то же время шведско-норвежское руководство старалось улучшить дотоле прохладные взаимоотношения с русским соседом. Оскар II приложил немало усилий для того, чтобы рассеять сложившийся в Швеции негативный образ России и русских, и добивался установления более доверительных и дружеских отношений с Петербургом. Во время Русско-турецкой войны 1877–1878 годов он демонстрировал свои симпатии по отношению к России¹⁶.

Обострение геополитического соперничества России с Англией сделало актуальной задачу недопущения английского флота на Балтику. В 1885 году царская дипломатия зондировала почву на предмет создания союза нейтральных стран, включая Шведско-норвежское королевство, с целью закрыть доступ иностранным военным кораблям в Балтийское море¹⁷. Эта идея не получила поддержки, однако во время кризиса, развившегося в указанном году, когда реальной стала угроза российско-бри-

танского военного конфликта, шведско-норвежский монарх твердо стоял на позиции нейтралитета¹⁸. В Норвегии традиционно не поддерживали какие-либо тенденции в политике Стокгольма, способные привести к осложнению отношений с Россией. Однако в 1890-х годах в норвежской печати появились сообщения, взволновавшие общественное мнение страны, о том, что российское правительство в целях заявить притязания на бухты Южного Варангера намерено обнародовать жалованные грамоты 1557 года царя Ивана Грозного Печенгскому монастырю на эти земли. Эти опасения были развеяны после того, как в 1896 году при очередной проверке границы был водружен пограничный столб на прежнем месте в устье реки Вормеы¹⁹.

Слухи о русской опасности продолжали муссироваться в Скандинавии и в дальнейшем. Поддержанию страха перед ней способствовали начавшиеся в конце XIX века попытки имперских властей ограничить финляндскую автономию, которые в некоторых кругах северных стран истолковывались как начало русского наступления на Скандинавию²⁰. Кроме того, противники разрыва шведско-норвежской унии использовали «русскую угрозу» как средство запугивания сторонников независимости Норвегии. Они утверждали, что разрыв унии чреват для Норвегии пограничным конфликтом с Россией, и Норвегия в одиночку не сможет противостоять русскому давлению²¹. К началу XX века относятся выступления шведского ученого и общественного деятеля Свена Хедина, известного своей неприязнью к России. В 1905 году С. Хедин опубликовал серию статей в английской газете «Таймс». Их основной тезис заключался в том, что Россия, потерпев неудачу в результате поражения в войне с Японией, в своем стремлении утвердиться как военная держава на Тихом океане, переключит свое внимание на Север и будет искать выход к Атлантике через скандинавское побережье. Исходя из этого, Хедин предостерегал норвежцев против увлечения «сепаратистскими фантазиями». В Норвегии высказывания Хедина были встречены в целом негативно, но в правых кругах они имели некоторый резонанс. В частности, консервативная газета «Афтонпостен» постоянно писала о возможности русской агрессии против Северной Норвегии. В связи с выступлениями Хедина норвежское правительство по собственной инициативе заявило, что, насколько ему известно, Россия не имеет завоевательных планов в отношении Норвегии²².

Следует заметить в этой связи, что известное недовольство российско-норвежской границей действительно имело место в России еще со времен заключения пограничного трактата 1826 года. О неудовлетворительности границы высказывались как в Министерстве иностранных дел, так

и в Военном министерстве. Военный министр генерал А.Н. Куропаткин в 1900 году составил доклад, в котором, помимо прочего, содержалась стратегическая оценка границ Российской империи. Комментируя границы со Скандинавией, Куропаткин отмечал, что граница со Швецией–Норвегией в общем и целом удовлетворительна, кроме участка на Крайнем Севере, где граница оказалась несколько искусственной, так как она предоставила все побережье Норвегии и отрезала Финляндию от моря: «Положение на этом участке нашей границы не может впредь считаться нормальным». Военный министр делал, впрочем, оговорку, что это обстоятельство не может служить основанием для предъявления территориальных претензий к Норвегии: «Хотя с нашей стороны и естественно желание исправить здесь нашу границу, но выгоды от сего исправления слишком незначительны, чтобы могли стать поводом к борьбе»²³. В российском МИДе, особенно по мере того, как грядущий разрыв между Норвегией и Швецией просматривался все более явственно, все чаще высказывалось мнение о необходимости «округления» границы с Норвегией, но до предъявления конкретных требований норвежской стороне дело не доходило.

На российско-норвежские отношения во второй половине XIX — начале XX века отпечаток накладывало усиление хозяйственно-промысловой экспансии норвежцев на Севере, связанное с быстрым экономическим и культурным подъемом Норвегии. В российском МИДе в конце 1860-х годов отмечалось усиление внимания к Русскому Северу со стороны не только Швеции и Норвегии, но и других европейских держав. В северные моря и район Новой Земли направлялись экспедиции, которые изучали побережье и проливы, занимались картографическими исследованиями²⁴. Российский консул в Финмарке Д. Островский писал о том, что норвежские промысловики, выходя в первой половине апреля, с началом ледохода, из незамерзающих гаваней в Тромсё и Хаммерфесте, двигались к Новой Земле и забирали себе весь весенний улов тюленей и белух. Из Хаммерфеста к Новой Земле ежегодно направлялось до восьми судов. Русские же суда, поставленные на зимовку на западном берегу Белого моря, тогда не могли еще выйти из гаваней²⁵.

В известной степени норвежской и вообще иностранной экспансии способствовали сами российские власти. Кольский полуостров, в том числе его прибрежная зона, оставался одним из самых малозаселенных районов Европейской России. Заинтересованные в хозяйственном освоении Севера, власти стали поощрять переселение на Мурманский берег как русских рыбаков, так и переселенцев из Финляндии и Скандинавии. Первые нор-

вежские семейства поселились на Западном Мурмане в конце 1850-х годов. По ходатайству архангельского губернатора 31 августа 1860 года российское правительство дало официальное разрешение финнам и норвежцам селиться на Мурмане при условии принятия главами семейств российского подданства²⁶. В 1864 году на мурманском берегу было основано финское поселение Ура, в том же году выходцы из Норвегии поселились в Вайтокупе (Вайтолахти), Земляной и на побережье Печенгской губы. К 1867 году на побережье проживали 114 финнов и 61 норвежец²⁷. В 1868 году по инициативе архангельского губернатора князя С.П. Гагарина были исходатайствованы льготы для желающих переселиться на мурманский берег как русских, так и иностранных промышленников: им предоставлялись ссуды размером от 50 до 150 руб. сроком на шесть лет, они на восемь лет освобождались от платежа податей, получали разрешение на беспошлинный провоз иностранных товаров для собственного потребления или продажи в колониях и право заниматься промыслами пушных зверей и птиц и ловить рыбу в реках и озерах вблизи колоний. В торговле с Норвегией поселенцы получали те же права, которыми пользовались поморы. Кроме того, финны и норвежцы получили право обращаться к местным властям на своем родном языке и приобретать хлеб на наличные деньги или по кредитам в государственных магазинах²⁸. В 1876 году эти льготы были утверждены и дополнены величайшим положением; был, в частности, внесен пункт о пособии в 100–200 руб. на покупку леса для постройки жилья или судна²⁹. С этого времени берега Ледовитого океана стали заселяться более активно, при этом, как отмечала архангельская газета «Голос», «лучшие удобные для поселения места захватили норвежцы и финляндцы, так что русским пришлось селиться на местах, представляющих меньше выгод»³⁰. Если в 1872 году на Мурмане проживали лишь 582 поселенца, то в следующем году их число превысило 800 человек, населявших 21 колонию. К марту 1882 года здесь жили 326 русских и карелов, 305 финнов и 245 норвежцев. Последние селились в основном на восточном берегу полуострова Рыбачий. Самым крупным норвежским поселком был Цыпनावолок, в котором в 1875 году проживал 31 человек³¹.

Иностранные поселенцы, безусловно, способствовали хозяйственному освоению мурманского побережья. Жизнь финских и норвежских колоний протекала, однако, в условиях относительной обособленности: языковой барьер и конфессиональные различия препятствовали слиянию с русским населением, на которое первоначально рассчитывали местные власти. Недовольство властей вызывали также хищнические порубки леса, кото-

рые практиковали иностранные поселенцы. Более того, у финских и норвежских колонистов подчас возникали трения и противоречия с русскими поселенцами и местными лопарями. К тому же колонисты, пользуясь льготами, разрешавшими беспошлинный ввоз спиртных напитков и свободную торговлю ими в колониях и становищах, в погоне за наживой нередко спаивали лопарей спиртным³². Хотя в начале XX века русские поселенцы были наиболее крупной группой населения мурманского берега, составляя 44 % всех жителей, на Западном Мурмане по-прежнему преобладали иностранцы: финских семей здесь насчитывалось 110, норвежских — 63, русских же — только 79. Как отмечалось в докладной записке исполняющего должность архангельского губернатора И.В. Сосновского в Министерство иностранных дел в ноябре 1908 года, «колонисты из норвежцев и финляндцев захватили на западном Мурмане лучшие места, изобилующие отличными и глубоко врезающимися в материк бухтами и прекрасными береговыми сенокосными полянами»³³. В записке обращалось внимание на необходимость усилить среди колонистов долю «коренного русского элемента», в частности, заселить русскими жителями пограничную с Норвегией полосу по течению р. Паз, а также урегулировать и разграничить права переселенцев и лопарей на земельные и рыбные угодья³⁴.

В последней четверти XIX века российский продовольственный экспорт в Норвегию был наиболее активным, что было связано с ростом сети российских железных дорог, обеспечивавших доставку хлеба к балтийским портам. Только в Христианию ежегодно привозилось до 250 тыс. бочек ржи и по 40 тыс. бочек других наименований товаров³⁵. В то же время в конце столетия все сильнее давали о себе знать российско-норвежские хозяйственные противоречия в северных морях. Норвежская администрация всячески старалась ограничивать ловлю рыбы, которой русские поморы традиционно занимались у берегов Финнмарка. В то же время норвежские зверобои стали все чаще вторгаться в российские территориальные воды. С 1893 года в весенние и летние месяцы специальное военное судно патрулировало в Баренцевом море, крейсируя вдоль побережья от норвежской границы до льдов Карского моря³⁶. Охрана западной части мурманского берега была возложена на местный административный пароход.

Отсутствие на Мурмане незамерзающего порта затрудняло контроль над российскими территориальными водами. К концу XIX века в правящих кругах империи осознали наконец необходимость иметь на Севере военноморскую базу, с беспрепятственным выходом в океан, незамерзающую и связанную с центром железной дорогой. Одним из сторонников ее осно-

вания был министр финансов С.Ю. Витте. По заданию императора он в 1894 году обследовал мурманское побережье и рекомендовал использовать удобную Екатерининскую гавань Кольского залива. Замыслы Витте противоречили мнению начальника Генерального штаба генерала Н.Н. Обручева и поддерживавших его Военного и Морского министерств, которые выступали за строительство главной базы русского флота в Либаве на Балтике³⁷. Витте (несмотря на сохранявшийся в то время напряженный характер российско-британских отношений) исходил из того, что в грядущей войне союзником России будет именно Великобритания, противником же — Германия. В этом случае Либава оказывалась бы бесполезной, а база на Мурмане была бы необходима для поддержания связей с англичанами. Однако недостаток средств и сильная оппозиция в Морском министерстве, которое сумело убедить нового императора Николая II отдать предпочтение Либаве, помешали тогда осуществлению плана создания сильной военно-морской базы на мурманском берегу³⁸. Хотя в 1899 году на Мурмане был основан порт Александровск (ныне — г. Полярный), строительство железной дороги к мурманскому берегу тогда начато не было, а без железнодорожного сообщения с центром нормальное функционирование базы флота было бы невозможным.

Известные проблемы и сложности в российско-норвежских взаимоотношениях возникали и после 1905 года, когда Норвегия, не без поддержки со стороны России, добилась расторжения унии со Швецией и достигла полной независимости. В частности, тревогу властей и общественных деятелей Архангельской губернии вызывала тенденция к сокращению местных рыбных промыслов на Мурмане. В период с 1894 по 1904 год ежегодный улов рыбы здесь сократился с 713 896 до 184 625 пудов. В то же время увеличился импорт рыбы из Норвегии: в 1893 году он составил 336 022 пуда, в 1900 — 885 372, а в 1904 — уже 1 630 739. Автор архангельской газеты «Северный листок» выражал опасения, что со временем промысловый лов рыбы на Мурмане полностью прекратится и потребность в треске будет полностью удовлетворяться за счет импорта из Норвегии³⁹. Некоторые ставили под сомнение правомерность беспошлинного режима ввоза рыбы из Норвегии. Другой автор упомянутой газеты, однако, возражал против введения ввозных пошлин: он напоминал, что «беспошлинный привоз в беломорские порты норвежской рыбы компенсируется целым рядом выгод, предоставленных русским поморам в Норвегии», и предостерегал, что изменение трактатов могло «вызвать со стороны Норвегии известные репрессивные меры по отношению к нашим поморам»⁴⁰.

Торговый договор 1838 года устарел, на его основании трудно было решить накопившиеся противоречия. Еще в последние годы XIX века предпринимались попытки начать переговоры со шведско-норвежской стороной о заключении нового торгового договора. При этом норвежцы требовали значительного понижения пошлин на норвежские рыбные продукты, беспошлинного или льготного пропуска их через беломорские порты, предоставления норвежским зверопромышленникам и рыбакам права промысла в российских территориальных водах. Шведско-норвежский министр иностранных дел Дуглас в апреле 1899 года заявил российскому посланнику о невозможности заключения договора вследствие противоречий между шведским и норвежским правительствами по вопросу о форме акта — в виде двух договоров или одного⁴¹. С 1906 года велись переговоры о заключении нового торгового соглашения уже с независимой Норвегией, однако они не дали результатов⁴². В конечном счете норвежцы были лишены таможенных преимуществ при ввозе сельди в Россию. Ввиду этого, а также того, что благодаря активизации торговли с Европой северные области Норвегии уже гораздо меньше зависели от ввоза русского хлеба, норвежское правительство в 1911 году аннулировало разрешение поморам вести рыбный промысел у берегов Финнмарка⁴³.

Несколько раньше, в 1909–1910 годах, имел место конфликт, когда норвежские промышленники попытались поставить под сомнение принадлежность России северной части Новой Земли, где они с большой выгодой промышляли белых медведей и тюленей. Обстановка накалилась, когда Союз шкиперов города Тромсё публично пытался оспорить российский суверенитет над этой территорией. В ответ 15 ноября 1909 года русский посланник в Христиании передал норвежской стороне ноту протеста российского МИДа. Когда эта нота не возымела действия, российское правительство 20 марта 1910 года передало новую ноту, выдержанную в более резких тонах, в которой заявило о готовности послать военный корабль к Новой Земле, чтобы силой выдворить оттуда обосновавшихся там на зимовку участников норвежской промысловой экспедиции. Конфликт был исчерпан, когда норвежское руководство подтвердило российский суверенитет над всей Новой Землей, а губернские власти Финнмарка в ноябре 1910 года предостерегли хозяев промысловых судов от плавания и промысла в районе Новой Земли. Российское руководство, в свою очередь, проявило сдержанность, отказавшись от отправки военного корабля к Новой Земле⁴⁴.

С 1909 года по инициативе Норвегии возобновились международные переговоры о статусе архипелага Шпицберген (Свальбард), где имелись месторождения каменного угля, интересовавшие предпринимателей ряда стран. К тому же Шпицберген имел важное стратегическое положение. Норвежская сторона добивалась передачи архипелага под свое управление. Еще в конце 1906 года внутри российского МИДа был разработан проект, согласно которому предполагалось признать полный суверенитет Норвегии над Шпицбергеном в обмен на корректировку российско-норвежской границы на Севере в пользу России (ее перенос на некоторое расстояние к западу от р. Паз) и принятие Норвегией обязательства соблюдать строгий нейтралитет в случае военного конфликта. Этот проект, однако, так и остался на бумаге и предметом обсуждения между двумя государствами не стал⁴⁵. Теперь вопрос об архипелаге вновь был поставлен на повестку дня. Российские представители отстаивали принципы непринадлежности Шпицбергена какому-либо государству, равному для всех права на разработку природных богатств архипелага, его демилитаризации, они также настаивали на обязательном участии российского члена в любой международной администрации, сформированной для управления островами⁴⁶. Мировая война отложила принятие окончательного решения о правовом статусе Шпицбергена⁴⁷.

Таким образом, на протяжении рассматриваемого периода на Севере Европы Россия и королевство Швеции и Норвегии (а после 1905 года Швеция и Норвегия по отдельности), несмотря на ряд противоречий и мелких конфликтов, в целом проявляли заинтересованность в сохранении добрососедских отношений. Россия, имевшая целый комплекс крупных геополитических проблем, стремилась избежать образования нового очага противостояния в этом регионе, стараясь при этом по возможности отстаивать свои интересы. В то же время известные экономические и военно-политические проблемы на северных рубежах империи в начале XX века сохранялись, что дополнительно осложняло и без того непростое внешнеполитическое положение Российского государства накануне мировой войны.

* * *

¹ Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ). Ф. 161. П–3. Оп. 77. 1835 г. Д. 8. Л. 1–3.

² Там же. Ф. 155. I–5. Оп. 445. Д. 13. Л. 35 об.

³ *Нильсен Й.П.* Старая Россия и новая Норвегия (1905–1917): Соседство без страха? // *Страх и ожидания. Россия и Норвегия в XX веке.* Архангельск, 1997.

⁴ Eriksson S. Svensk diplomati och tidningspress under Krimkriget. Stockholm, 1939. S. 8.

⁵ Кан А.С. Швеция и Россия в прошлом и настоящем. М., 1999. С. 168.

⁶ Nielsen J.P. Ønsket tsaren seg en isfri havn i nord? // Historisk tidsskrift. 1991. № 4. S. 84.

⁷ Jungar S. Ryssland och den svensk-norska unionens upplösning. Tsardilomati och rysk-finländsk pressopinion kring unionsupplösningen från 1880 till 1905. Åbo, 1969. S. 31–32.

⁸ Кан А.С. Указ. соч. С. 170.

⁹ Eriksson S. Op. cit. S. 277.

¹⁰ Английская эскадра под командованием адмирала Ч. Нэпира, направляясь на Балтику, в конце апреля 1854 года посетила стокгольмский рейд. Сам Нэпир при аудиенции у короля заявил, что его эскадра прибыла, чтобы воспрепятствовать русскому флоту выйти в Северное море [Ibid. S. 183].

¹¹ Eriksson S. Op. cit. S. 289; Jensen M. Norges Historie. Unionstiden 1814–1905. Oslo; Bergen, 1963. S. 97.

¹² Кан А.С. Указ. соч. С. 172; Нильсен Й.П. Указ. соч. С. 8.

¹³ Eriksson S. Op. cit. S. 355.

¹⁴ Derry T.K. A Short History of Norway 1814–1972. L., 1957. P. 153; Русме У. История внешней политики Норвегии. М., 2003. С. 79.

¹⁵ Lindberg F. Kunglig utrikespolitik. Studier i svensk utrikespolitik under Oscar II och fram till borggårdskrisen. Stockholm, 1966. S. 10.

¹⁶ Ibid. S. 22.

¹⁷ Соседи на Крайнем Севере. Россия и Норвегия. От первых контактов до Баренцева сотрудничества. Мурманск, 2001. С. 205.

¹⁸ Lindberg F. Op. cit. S. 38–61.

¹⁹ Признание Россией Норвежского независимого государства (сборник документов). М., 1958. С. 72.

²⁰ Jensen M. Op. cit. S. 195.

²¹ Нильсен Й.П. Указ. соч. С. 11, 14.

²² Там же. С. 16–17.

²³ Цит. по: Куропаткин А.Н. Русско-японская война 1904–1905 гг. Итоги войны. СПб., 2003. С. 19.

²⁴ АВПРИ. Ф. 155. 1–5. Оп. 445. Д. 3. Л. 4–5.

²⁵ Там же. Д. 13. Л. 21.

²⁶ Архангельские губернские ведомости. 1864. 24 февр.

²⁷ Lähteenmäki M. The Peoples of Lapland. Boundary Demarcations and Interactions in the North Calotte from 1808 to 1889. Vaajakoski, 2006. P. 285.

²⁸ Российский государственный исторический архив. Ф. 391. Оп. 1. Д. 2. Л. 70; АВПРИ. Ф. 155. 1–5. Оп. 445. Д. 3. Л. 18 об.–19.

²⁹ АВПРИ. ф. 155. 1–5. Оп. 445. Д. 13. Л. 251–252.

³⁰ Голос (Архангельск). 1882. 3 марта.

³¹ Там же; *Lähteenmäki M.* Op. cit. S. 289.

³² *Киселев А.А., Киселева Т.А.* Национальные меньшинства Кольского полуострова и государственная политика России по отношению к ним // *Страх и ожидания. Россия и Норвегия в XX веке.* С. 252.

³³ АВПРИ. Ф. 155. 1–5. Оп. 445. Д. 29. Л. 16 об.

³⁴ Там же. Л. 18 об.–19 об.

³⁵ Там же. Д. 13. Л. 121.

³⁶ Признание Россией Норвежского независимого государства. С. 72–73.

³⁷ *Jungar S.* Op. cit. S. 48.

³⁸ *Ганелин Р.Ш.* С.Ю. Витте и переговоры о торговом договоре со Швецией и Норвегией в 1895–1900 гг. // *Исторические связи Скандинавии и России. IX–XX вв.* Л., 1970. С. 144–145.

³⁹ Северный листок. 1906. 10 июня.

⁴⁰ Там же. 8 февр.

⁴¹ *Ганелин Р.Ш.* Указ. соч. С. 149.

⁴² В то же время соответствующие переговоры со Швецией увенчались успехом.

⁴³ Соседи на Крайнем Севере... С. 213.

⁴⁴ Там же. С. 211–212.

⁴⁵ *Ермолаев Д.* Приграничные отношения в районе Западного Мурмана (конец XIX — начало XX в.) // *Русский Север и Север Европы в XVIII–XX вв. Проблемы изучения истории регионов и межрегиональных отношений.* Архангельск, 2005. С. 122.

⁴⁶ Соседи на Крайнем Севере... С. 212.

⁴⁷ Уже после окончания войны, в 1920 году, специальным международным договором (подписанным без участия России) был установлен норвежский суверенитет над архипелагом Шпицберген.

РОССИЯ И ШВЕЦИЯ

Я. А. Сексте

ВОЕННЫЕ ПРИГОТОВЛЕНИЯ РОССИИ И ШВЕЦИИ НАКАНУНЕ РУССКО-ШВЕДСКОЙ ВОЙНЫ 1788–1790 ГОДОВ

После Ништадтского мирного договора Россия придерживалась курса на сохранение существующего политического раздора в шведском риксдаге и ослабление королевской власти. Россия даже после государственного переворота 1772 года, когда шведский король Густав III провозгласил себя самодержавным монархом, продолжала вмешиваться во внутренние дела шведского государства, поддерживала прорусскую партию в риксдаге и препятствовала Швеции в проведении самостоятельной внешней политики.

Россия продолжала предпринимать действия, которые внушали опасения Густаву III. В 1786 году русский дипломат А. Морков в Стокгольме воспользоваться раздором между королем и дворянством: в доме посланника проходили собрания оппозиционных депутатов риксдага. Одинаково действовали в этом отношении Остерман, Морков и новый русский посланник в Стокгольме граф А.К. Разумовский.

В начале 1787 года Разумовский сообщил о волнениях в столице и провинциях, вызванных всеобщим недовольством, он предполагал использовать сложившуюся ситуацию для переворота в Швеции¹.

Разумовский был знаком с Густавом III еще с неапольской встречи. Король был прекрасно осведомлен о подпольной деятельности нового русского посланника, поэтому он принял меры для получения нужной информации о его переговорах с представителями оппозиции. Сам Разумовский писал, что «он чувствовал себя изолированным», жаловался, что «имеет трудности в приобретении надежных каналов», и сообщал, что он «был тщательно контролируем шпионами» короля².

Разумовский вместе с Егергорном, который называл себя другом барона Г.М. Спренгпортена, пытались связаться с недовольными в Финляндии и разжечь там сепаратистские настроения. Летом 1787 года Разумовский

предпринял поездку по Швеции с целью изучения настроений людей и их отношения к королевской власти, а в качестве предлога к поездке был назван его интерес к «естественным наукам». Густав был более дальновидным и скрытным политиком, чем принято считать. Он относился к Разумовскому с особым вниманием, позволил в течение своей поездки в Финляндию для успокоения недовольных одаривать комплиментами императрицу через особых вестников и разрешил ей сохранить русского консула в Финляндии, которому было запрещено распространять свое влияние на военные порты Свеаборг и Гельсингфорс. Густав тайно подготовил план, который стал объектом всеобщего достояния лишь летом 1787 года. Но пока ему удалось сбить с толку императрицу, скрыв от нее свою враждебность³.

Для достижения своих целей в Швеции императрица придерживалась старой тактики, работая в двух направлениях. С одной стороны, она поддерживала идею финских сепаратистов о национальной самостоятельности Финляндии, укрепляя отношения со Спренгпортенем. Интересно, что барон Спренгпортен был начальником Саволакской бригады, состоящей из финских егерей, наиболее боеспособного и обученного сухопутного военного соединения в шведской Финляндии. Спренгпортен обучал саволакцев методам ведения боевых действий в специфических условиях финского ландшафта, был автором многочисленных карт, схем, на которых были отмечены важные стратегические точки и пункты шведской Финляндии. Он был уволен со службы по решению военной комиссии без должной компенсации и вознаграждений, вследствие чего затаил злобу на Густава III и поступил на русскую службу в чине генерал-майора⁴.

С другой стороны, Екатерина поддерживала отношения со шведской оппозицией, при поддержке которой надеялась провести изменения государственной формы правления в этой стране.

Поддерживаемый А. Морковым, русским посланником в Стокгольме до 1786 года, граф Аксель Ферзен и семейство Браге на риксдаге 1786 года находились во главе партии, враждебной королю. Поэтому ни одно более или менее важное предложение короля не было принято. Говорили, что русский посланник уже тогда через барона Спренгпортена, поступившего впоследствии на русскую службу, узнавал о подробностях событий, происходивших на сейме, которые, по мнению некоторых современников, могли стать настоящей причиной войны 1788–1790 годов.

Барон Спренгпортен находился во главе сепаратистской партии в Финляндии, был организатором тайных обществ, имевших целью политическую агитацию против шведского короля⁵.

На российской службе Спренгпортен был обласкан Екатериной II: он получил «для первоначального обзаведения 600 душ крестьян, 3000 руб. жалования и 2000 руб. в ежегодную пенсию сверх жалования»⁶.

С началом военных действий в Турции против России в 1787 году Спренгпортен начал побуждать Екатерину к ведению недоброжелательных действий против Густава. Спренгпортен считал весеннее время (начало июня) по новому стилю самым удобным для осуществления его проектов⁷.

Приведенные выше сведения указывают на тот факт, что и российская, и шведская стороны вели себя вызывающе по отношению друг к другу, готовились в удобный момент, заручившись поддержкой союзников, нанести превентивный удар.

Вопреки поступавшей информации о деятельности шведского короля последнему удалось до последнего момента скрывать от императрицы свое вооружение, но главное — направление, на которое будет направлен предполагаемый удар.

Швеция подготовилась к новой войне, в отличие от событий последнего русско-шведского вооруженного столкновения 1741–1743 годов. Английский посол в Стокгольме Чарльз Кин писал в Англию, что «предполагаемую войну можно считать весьма опасным предприятием, но что, по всей вероятности, можно ожидать успеха для Швеции на море, потому что шведский флот, без сомнения, превосходит русский и по свойству кораблей, и по способностям экипажей»⁸.

Посланник в России барон Г. Нолькен уверял Густава III в том, что Россия должна думать лишь об обороне и желать мира с соседями, пока не закончится турецкая война⁹.

Война 1741–1743 годов показала, что у шведских войск не было возможности оборонять Финляндию без галерной эскадры, которая защищала бы армейские фланги с моря. Гребной флот мог легко защитить такие стратегически важные пункты на карте Финляндии, как Поркалу и Ханко. До прихода Густава III к власти подобные военные проекты, предлагаемые членом секретной комиссии риксдага и отцом галерного флота Августинном Эренсвердом, были отклонены как дорогостоящие и нецелесообразные¹⁰.

Новая форма правления непременно должна была привести к войне с Россией, как рассуждали приближенные к королю лица и военные специалисты. А. Эренсверд настаивал на усилении галерного флота, который тесно сотрудничал бы с армией. В сентябре 1772 года Эренсверд сообщил Густаву, что «нет необходимости для беспокойства, так как российская сторона втянута в войну с Турцией и польские дела, и со стороны Финляндии

русские части насчитывали не более 3 тыс. человек; кроме того, жители Финляндии сохраняли покорную преданность королю»¹¹.

В 1782 году в Стокгольме был учрежден гидрографический департамент, в котором с тех пор составлялись специальные карты Финского залива. В продолжение последних лет участие Швеции в лиге вооруженного нейтралитета, дававшее повод к отправлению морских экспедиций, послужило хорошей школой для шведского флота. Новые изобретения в области кораблестроения были применены на практике Фридрихом Генрихом Чапманом, одним из замечательных специалистов в этой области. По совету этого военного специалиста и Эренсверда был выстроен галерный флот, столь необходимый для защиты шведских берегов. Следует отметить, что «отцом-основателем» строительства в Швеции военных судов английского типа был выдающийся шведский судостроитель английского происхождения Чарльз Шелдон, который после Северной войны построил 56 кораблей, в том числе 17 линейных и 18 фрегатов. Он являлся создателем верфи в Карлскроне. Опыт строительства военных судов и военно-морских сооружений в Швеции был использован позже Ф.Г. Чапманом¹².

Эренсвердом в надлежащее состояние были приведены укрепления в Свеаборге. Значительное число рабочих трудилось в Карлскроне день и ночь, чтобы приготовить флот к отплытию¹³. Главные распоряжения короля касались флота. Уже в апреле 1788 года Густав приказал, чтобы флот был готов к отплытию из Карлскроны к концу мая, был снабжен съестными припасами на три года и чтобы сухопутные войска готовились к переправе в Финляндию. Подобная информация приходила из Швеции и Дании 25 апреля и 29 апреля 1788 года. В ней говорилось о вооружении королевской эскадры, состоящей из 12 линейных кораблей, пяти фрегатов и некоторых других мелких судов, а также о расположении в Шонах шведского военного лагеря для учений, в который назначено было до 10 тыс. войска¹⁴.

Сам король говорил о приведении им в боевое состоянии 12 кораблей и 6 фрегатов¹⁵.

В Карлскроне тем временем находились 26 линейных кораблей, 70- и 60-пушечных, из которых десять были построены и вооружены по системе адмирала Чапмана и имели на нижней палубе 36-фунтовые пушки, а на верхней — 24-фунтовые, тогда как на старых кораблях на нижних палубах были только 24-фунтовые, а на верхних — 18- и 12-фунтовые. Подробная информация о вооружении шведского флота 36-фунтовыми орудиями и испытании этого мощного оружия на море содержалась в документе «по поводу вышеозначенного журнала, в силу ордеров и инструкций сочи-

ненных найдено», обнаруженном в Архиве внешней политики России за 1787 год¹⁶.

Тут же базировалось восемь 40-пушечных фрегатов, два 32-пушечных, два 16-пушечных брига (kutter brigar), два 12-пушечных куттера, 10 и 12 рас-сылочных судов и еще несколько других.

В Готтенбурге стояли три 40-пушечных фрегата и несколько меньших кораблей. Главными местами базирования действующего флота были Свеаборг и Стокгольм. В первом находилось 2 фрегата, 15 финских судов особых наименований, 2 парома, 20 канонерских лодок, 8 мортирных баркасов. В Стокгольме находилось 28 галер, королевские суда «Амфион», «Амадис» и «Эсплендиан», 30 канонерских лодок и 28 галер-эспингов (яликов)¹⁷.

Густаву до последнего момента удалось сохранить в тайне информацию о численности флота и его боеспособности благодаря жесткой конспирации и запрету иностранцам посещать главные рабочие верфи страны.

Что касается русского правительства, то оно не рассчитывало на войну со Швецией. Основным направлением было южное — война с Турцией. Все наши военные силы в то время были стянуты к южным границам. В Петербурге оставалось небольшое число гвардейских батальонов, в Кронштадте и в Петербурге — до 9 тыс. флотских команд и не более 8 тыс. сухопутного войска в Финляндии для охранения границ, по которым эти войска и были раскиданы, начиная от Сердоболя до Абборфорса. Для десанта на архипелаг на помощь грекам составлялся 6-тысячный отряд пехоты, то есть всего (считая и матросов) для защиты столицы, корабельных портов и всей балтийской границы не набиралось и 30 тыс. человек¹⁸.

Так, король, говоря с К.Г. Нординым о предполагаемой кампании против России, выразил мысль, «что это был подходящий момент, чтобы разгромить этот сброд» (о русских вооруженных силах в Финляндии)¹⁹.

Главная часть российского флота снаряжалась тоже на юг для действий в архипелаге против турок (эскадра Грейга). Но и для этой подготовленной экспедиции предполагали часть команды дополнить рекрутами, русская же шхерная флотилия после Петра I постепенно приходила в упадок.

Наши главные укрепленные пункты в Финляндии находились в заброшенном состоянии, а именно: Выборгская и Фридрихгамская крепости ощущали нехватку войск. Давыдовская крепость была не более, чем полевой ретраншемент, а Вильманstrandская могла служить только прикрытием для полевых войск, которые, однако, по отзыву главнокомандующего финляндской армией, «вводить в оную было опасно»²⁰. Гарнизоны этих крепостей состояли большею частью из увечных инвалидов. Представле-

ния командира Кронштадтского порта адмирала Грейга о необходимости возвести укрепления на северном, котлинском фарватере откладывались до лучших времен.

С осени 1787 года предполагалось распределить морские силы в следующем порядке: лучшие суда — 15 кораблей, 6 фрегатов и 2 бомбардирских судна — назначались для действия в архипелаге против турок (были обшиты медью, что в Европе считалось нововведением).

Суда второго разряда — 5 кораблей и 2 фрегата — назначались для практического плавания по Балтийскому морю. Еще 5 кораблей и 2 фрегата, вновь выстроенные и вооружаемые в Архангельске, должны были прийти осенью в Балтийское море и составить резерв для эскадры в архипелаге. В портах также насчитывалось 23 корабля и 16 фрегатов, что составляло вместе полный комплект нашего парусного флота. Из числа последних 23 кораблей четыре готовились в резерв, прочие 19 были очень ветхими. В.О. Ключевский высказал мнение, что Балтийский флот предстал в 1765 году перед Екатериной «жалким сиротой»²¹. Нелестно о подготовке офицерского состава в екатерининской армии писал С.М. Ржевский²².

Кроме того, половина команд была дополнена рекрутами, офицеры шли в море, чтобы не потерять своего положения на службе и не лишиться командования судами, а потому не торопились участвовать в сражении, что покажет первая морская баталия при Гогланде 6 августа 1788 года. Руководящий состав флота был представлен адмиралом С.К. Грейгом, В.П. фон Дезиным, контр-адмиралом Т.Г. Козляниновым, адмиралом В.Я. Чичаговым, контр-адмиралом А.Г. Спиридовым. На службе в российском флоте находились английские подданные: Эльфинстон, Тревенсен, Кроун, Крове и др. Л.Г. Бескровный сообщает о численности морских сил Балтийского флота: 37 линейных кораблей, 13 фрегатов, 4 бомбардирских судна, 29 судов других классов²³.

Адмирал А. Штенцель упоминал о численности российского Балтийского флота в 40 кораблей, из которых «только дюжины две годных для войны, и дюжина фрегатов... плохо дело обстояло с личным составом: не было ни военного, ни морского опыта»²⁴.

17 (28) мая брат Густава Карл, герцог Зюдерманландский, начальник шведского флота, прибыл в Карлскрону, на другой день приехал и сам король. К.Г. Нордин сообщает об отъезде короля из Стокгольма, причем цель поездки держалась в тайне²⁵.

29 мая (9 июня) парусный флот выступил в море. Уже 27 мая о его готовности выйти в море сообщалось в «С.-Петербургских ведомостях»²⁶.

Опасения насчет войны появились в середине мая 1788 года. Шведы в России вели себя с необычной учтивостью и сообщали, что в Петербурге все спокойно и тихо, флот готовится в Кронштадте к отплытию в Средиземное море.

4 мая Храповицкий, секретарь императрицы, записал: «По прочим министерским бумагам открывается, что шведы по наущению Пруссии, а может быть, и Англии, получая вспоможение деньгами, намереваются сделать диверсию. Король хотел объявить в Сенате, что, не веря отправлению нашему в Средиземное море, опасается, чтобы мы не напали на Карлскрону, и для того старается сделать морское вооружение, нашему подобное»²⁷.

11 мая информация, приходящая по почте, подтвердила вооружение шведов. 19 мая из Стокгольма по почте пришли известия о королевских вооружениях, высказывались подозрения, что король получил субсидии. В этот же день Екатерина с досадою заметила: «Англия везде нам мешает»²⁸. Из Копенгагена приходили известия о продолжавшихся в Швеции приготовлениях к войне и образовании там обсервационной эскадры.

27 мая Екатерина писала Г.А. Потемкину: «Шведские дела теперь в самом кризисе. Что по оным делается и делалось — усмотришь из сообщаемых тебе с сим курьером бумаг. О вооружениях наших для Средиземного моря, о которых всем дворам сообщено, и, следовательно, и шведскому, король шведский притворяется, будто принимает, что то все противу него, и в Карлскроне делает заподлинно великое вооружение. Команду сего флота дал своему брату, поехал теперь в Карлскрону выводить корабли на рейд, а пред тем собрал Сенат и оному объявил, что как Россия противу него вооружается и его всячески к войне провоцирует (к сему прибавил лжей и клеветы на нас и на своего министра Нолькена), то он должен готовиться к войне же... Подозревают, что Порта дала ему денег на сие вооружение»²⁹. Потом императрица добавила: «... и может быть, что дело кончится тем, что король, приехавши в Финляндию, со мною обошлется, как обыкновенно, комплиментом и своею демонстрацией будет доволен. Но буде вздумает воевать, то стараться будем обороняться, а что с кого-нибудь получил денег, о том сомнения нет... Все сие в скором времени откроется»³⁰.

Мысль императрицы по поводу денежных субсидий Швеции подтверждает канцлер князь А.А. Безбородко, приводя в качестве примера сведения, поступившие через Гамбург (5 июня), о том, что «до 700 тыс. гульденов переведено в Швецию и что в Готтенбурге немалая сумма в натуре привезена посредством английских контор, почему и думают, что тут сделаны переводы турецких субсидий»³¹.

Вопрос о турецких субсидиях является весьма спорным, так как Порта находилась в весьма затруднительном положении, чтобы тратить большие суммы на поддержку шведского союзника. В историографии этот вопрос все еще остается спорным. Скудость денежных средств у короля в начале войны, недостаток провизии в войсках и большая задержка жалования солдатам и офицерам, подтверждаемая многими шведскими источниками, подвергают сомнению эти слухи. Существует мнение, «что Густав распускал эти слухи для своих подданных, чтобы их ободрить и уверить в чем-либо содействии»³².

28 мая императрица заметила: «Я шведа не атакую, он же выйдет смешон». А Спренгпортен насмешливо заметил о Густаве: «Я думаю, что он хочет отделаться от Финляндии»³³.

Интересно, что барон Спренгпортен советовал Екатерине не дожидаться агрессии со стороны шведов, а атаковать первой. По его плану нападение необходимо было совершить до 24 июня, пока верные ему «саволакцы находились под ружьем»³⁴.

31 мая статс-секретарь Храповицкий заметил об императрице: «Не веселы» и прибавил: «Я написал секретный указ ревельскому губернатору Врангелю, чтоб наведывался от корабельщиков купеческих судов, в Ревель приходящих, о движениях шведского флота, в море вышедшего, и чтобы, не предполагая никакого тут опасения, принять пристойные меры к отвращению народного страха, буде бы по сим обстоятельствам оказались люди боязливые»³⁵.

Густав III в письме своему другу барону Г.А. Армфельду, напротив, был полон решимости осуществить задуманное мероприятие и написал, что «наконец все приведено в движение»³⁶. Король делился с Армфельдом всеми секретами, в том числе и планом русской военной кампании. Густав писал Армфельду 5 июня 1788 года о том, что к войне необходим лишь маленький несерьезный повод: «Если хотя одна хворостина будет зажжена русскими, тогда императрица станет агрессором и совет в Дании останется в недействии. Необходимо, чтобы русские сделали первый выстрел, перейдя через границу в шведскую Финляндию. Это представляет огромную важность для Дании»³⁷. 10 июня король сообщил о том, что «удар последует со стороны козаков, которые подожгут в Финляндии населенный пункт...» И продолжает: «А мы отомстим»³⁸.

В этом же письме достаточно подробно монарх описывает цель всего задуманного предприятия: «Произойдет демонстрация, чтобы принудить Россию принять посредничество»³⁹. Речь идет, безусловно, о посредничестве в переговорах о мире между Россией и Турцией.

Императрица не терпела паники и не желала, чтобы о предстоящей опасности стало известно преждевременно. Екатерина рассчитывала, что шведский король не пойдет на нарушение основного положения в шведской конституции. Вероятно, императрица забыла, что Густав в 1772 году безболезненно для себя и нации совершил переворот, став самодержавным правителем.

Императрица предполагала, что все шведские демонстрации производятся только с одной целью — препятствовать выходу эскадры Грейга в Средиземное море. Екатерина была настроена решительно и не видела препятствий, которые могли бы остановить это военное предприятие, заявив, что флот, «несмотря на то пойдет в свой путь, и буде ему сделают на дороге препятствие, то будет искать истребления препятствия». Из всех членов Совета только вице-канцлер граф А.И. Остерман предлагал нанести превентивный удар по шведскому флоту. Остальные констатировали, что в случае ухода флота Грейга шведы начнут войну, но ничего не предлагали⁴⁰.

А.М. Тургенев в своих «Записках» описал сборы Балтийского флота в архипелаг. По его словам, роль спасителя нашего флота на Севере сыграл блестящий дипломат, политик М.А. Гарновский, доверенное лицо князя Потемкина, который путем скупки всего хлеба для средиземноморской эскадры задержал ее отправление. Он по приказу Екатерины II был арестован за саботаж, писал императрице письма о том, что война скоро начнется и нельзя уводить эскадру из Кронштадта.

Через два часа пришло известие из Кронштадта (через Ораниенбаум) о занятии шведами окрестностей близ Нейшлота. Гарновский, естественно, был освобожден, и, как заключил Тургенев, «государыня не могла простить ему того, что он был пронизательнее ее и министров ее, что сведения Гарновского были вернее и догадки его безошибочны, — никогда не хотела видеть его»⁴¹. Эскадра Грейга осталась на Севере, что сохранило боеспособность русского флота и определило судьбу кампаний 1788–1790 годов.

Между тем слухи о предстоящей войне подтверждались, и беседы с Храповицким о Швеции продолжались. Екатерина начала верить в возможность войны с Густавом III.

16 июня в разговоре о Швеции Екатерина сказала, что «если дело пойдет на негоциацию, то, может быть, шведский король захочет, чтобы я признала его самодержавным»⁴². Императрица это условие считала невыполнимым.

В глазах русских дипломатов трудности внутренней жизни Швеции, с которыми боролся Густав, служили непреодолимым препятствием к войне.

Но Густав, напротив, увидел в военной кампании единственное и решительное средство улучшить свое положение и укрепить, как никогда ранее, свои политические позиции. Густаву была необходима быстрая и победоносная война, которая позволила бы отвлечь народное недовольство сложившимся критическим положением в стране⁴³.

Главной причиной войны, указывает историк Гилленгранат, было то, что, «воспользовавшись этим обстоятельством, король хотел усиления власти»⁴⁴. Другой шведский историк, Е. Гейер, раскрывает королевский рецепт власти: «Коронованный герой, он должен стать первым солдатом, и через него вся нация шведская склониться, после чего недовольство некоторых вельмож (*magnater*) все-таки должно ослабнуть или, по крайней мере, стать незначительным»⁴⁵.

Война была предопределена. «Рубикон перейден»⁴⁶ — эту историческую фразу Густав III произнес 24 июня 1788 года.

Очевидно, что в данном случае личная неприязнь двух монархов сыграла свою роль и усугубила возросший уровень противоречий между странами во внешнеполитическом вопросе и в отношении проводимых королем внутренних преобразований.

Россия по-прежнему считала Швецию государством, неспособным играть на севере Европы лидирующую роль, но постоянно угрожающим спокойствию России и Дании–Норвегии в этом регионе.

В самой Швеции долгое время ничего не знали о готовящейся войне и довольствовались слухами и предположениями о цели вооружения армии и флота. Шведский историк Э. Леннрут высказал такую мысль: «Как и во время государственного переворота 1772 года, отсутствие рационального планирования принесло определенную выгоду: ни Россия, ни представители дворянской оппозиции в Швеции не знали, кто будет союзником Швеции в предстоящей войне и когда будет совершено нападение»⁴⁷.

Хотя многие шведы отказывались верить факту начавшегося вооруженного столкновения между Россией и Швецией, Густав сумел склонить общественное мнение на свою сторону и разжечь патриотические национальные чувства.

Ряд государств, в том числе Пруссия и Англия, выразил свою озабоченность произошедшей критической ситуацией в Балтийском регионе, тотчас предложив себя в роли посредников в деле мирного решения этого военного спора.

Для Швеции и России начались два тяжелых года войны.

Экономически и Россия, и Швеция находились в весьма трудном положении, что накладывало дополнительные финансовые тяготы на податное население. Россия воевала с Турцией, поэтому новая война на Севере была угрозой для безопасности столицы, тем более что все боеспособные силы были переброшены на южный театр военных действий.

* * *

¹ *Lesch B.J.A. Jägerhorn. Hfors, 1941, sv-litt.-sällskapet, Finland. 1941. S. 100.*

² *Sveriges politiska historia under Konung Gustaf III's regering af G. T. Odhner. Andra delen. 1779–1787. Stockholm, 1896. S. 534–535.*

³ *Ibid.*

⁴ *Wuorinen J.H. A History of Finland by. N.Y.; L., 1965. S. 104–105.*

⁵ *Брикнер А.Г. Война России со Швецией 1788–1790 гг. // Журнал Министерства народного просвещения (февраль 1869). СПб., 1869. С. 117.*

⁶ *Брикнер А.Г. Конфедерация в Аньяла в 1788 г. Материалы для истории присоединения Финляндии к России // Журнал Министерства народного просвещения. СПб., 1877. № 10. С. 688–689.*

⁷ *Спренгпортен, герой Финляндии. О путешествии его по России // Русский архив. 1887. Вып. 4. С. 481.*

⁸ *Брикнер А.Г. Война России со Швецией... С. 320.*

⁹ Там же.

¹⁰ *Nikula O. Augustin Ehrensvärd. Svenska literature-sillskapet; Finland (1710–1772). Abo, 1960. S. 370–374.*

¹¹ *Ibid. S. 397–398.*

¹² *Släkten som byggde 111 fartyg at den svenska flottan // Sveriges flotta. Sjöintressen, sjövärn, sjöpolitik. 1960. № 9. S. 118–120.*

¹³ *Glete J. Naval policy and preparation för war // Catherine the Great and Gustav III. Helsingborg, 1999. S. 175–183.*

¹⁴ *Санкт-Петербургские ведомости от 1788 г. СПб., 1788. С. 534.*

¹⁵ *Gustaf III till K.G. Nordin // Dagboksanteckningar för ären 1786–1792 av C.G. Nordin. Stockholm, 1868. S. 4–5.*

¹⁶ *АВПР. Ф. 96. Сношение России со Швецией. Оп. 6. Д. №753 (1787). Л. 58–64.*

¹⁷ *Эпизод из войны со шведами в 1788, 1789 и 1790 гг. (отрывок из сокращенной истории шведских морских войн Гилленграната) // Морской сборник. 1863. Т. 66. № 5. С. 4–5.*

¹⁸ *Головачев В. Действия русского флота в войне со шведами в 1788–1790 гг. (из лекций, читанных в читальном зале Морского училища) // Морской сборник. 1871. Т. 115. № 7. С. 21–23.*

¹⁹ *Dagboksanteckningar för ären 1786–1792 av C.G. Nordin. Stockholm, 1868. S. 13–14.*

²⁰ *Головачев В. Указ. соч. С. 23.*

- ²¹ *Ключевский В.О.* Сочинения: в 9 т. М., 1989. Т. V: Курс лекций русской истории. С. 37.
- ²² *Ржевский С.М.* Русская армия во второй половине екатерининского царствования, отчего она в упадок приведена и нелестно хорошим офицерам продолжать службу // *Русский архив.* 1879. Кн. I. С. 357–362.
- ²³ *Бескровный Л.Г.* Русская армия и флот в XVIII в. М., 1958. С. 22–27.
- ²⁴ *Штенцель А.* История войн на море: в 2-х т. М., 2002. Т. 2 (Русско-шведская война 1788–1790 гг.). С. 414.
- ²⁵ *Dagboksanteckningar för åren 1786–1792 av C.G. Nordin.* S. 13–14.
- ²⁶ Санкт-Петербургские ведомости. СПб., 1788. № 47. С. 669, 701.
- ²⁷ Памятные записки А.В. Храповицкого, статс-секретаря императрицы Екатерины II // Чтения в Императорском обществе истории и древностей российских при Московском университете. Поврем. изд. М., 1862. Апр.–июнь. Кн. 2. С. 61–63.
- ²⁸ Там же.
- ²⁹ Екатерина II и Потемкин Г.А. Личная переписка. 1769–1791 гг. М., 1997. С. 287–289.
- ³⁰ Там же.
- ³¹ Канцлер князь А.А. Безбородко в связи с событиями его времени. Т. 1, 2 // Сб. РИО. СПб., 1879. Т. XXVI. С. 291–293.
- ³² *Головачев В.* Указ. соч. С. 23.
- ³³ *Брикнер А.Г.* Война России со Швецией... С. 324–325.
- ³⁴ Спренгпортен, герой Финляндии. О путешествии его по России // *Русский архив.* 1887. Вып. 4. С. 481.
- ³⁵ Памятные записки А.В. Храповицкого. С. 60–61.
- ³⁶ *Konung Gustaf III's bref till friherre G.M. Armfelt 27 mai. 1788 lltg. genom E. Tegner.* Stockholm, 1883. S. 10–11.
- ³⁷ Отдел рукописей РНБ. Ф. 847. Архив С.Н. Шубинского. Оп. 2. Д. № 91. Густав III. Письмо к неустановленному лицу о Русско-шведской войне. 11 июня 1788 г. Л. 1–2.
- ³⁸ Там же.
- ³⁹ Там же.
- ⁴⁰ Екатерина II и Потемкин Г.А. С. 290–291.
- ⁴¹ Записки А.М. Тургенева (1772–1863) // *Русская старина.* СПб., 1886. Т. 52. С. 268–270.
- ⁴² *Брикнер А.Г.* Война России со Швецией... С. 327–328.
- ⁴³ *Danielson-Kalmari J.R.* Finland under gustavianska tiden. 1–2. Stockholm, 1932. S. 44–45.
- ⁴⁴ Эпизод из войны со шведами в 1788, 1789 и 1790 гг. С. 203.
- ⁴⁵ *Konung Gustaf: s efterlemnade och femtio ar efter hans död öppnade papper, översikt, utdrag och jemnförelse af E.C. Geijer.* 3 del. Uppsala, 1843. S. 193–194.
- ⁴⁶ *Konung Gustaf III's bref till friherre G.M. Armfelt 27 mai.* S. 24.
- ⁴⁷ *Леннрут Э.* Густав III (шведские портреты). Стокгольм, 1999. С. 28.

О. В. Зарецкая

ТРАНСФОРМАЦИЯ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ И РЕГИОНАЛИЗМ ШВЕЦИИ В КОНЦЕ XX ВЕКА *

Завершение холодной войны девальвировало прежние военные угрозы. Политика безопасности Швеции переживала перемены. Полностью изменить внешнеполитический курс «свободы от военных союзов» шведское правительство не могло, так как нелегко было отказаться от традиционного для шведского общества нейтралитета и перестроить военно-ориентированный сектор промышленности¹.

Сокращение политического и военного присутствия России на Севере компенсировалось усилением влияния США и расширившегося, прежде всего за счет Финляндии и Швеции, Европейского Союза, с которым с 1995 года появилась общая граница, превышающая границу с НАТО в 6,5 раз.

Вступление в ЕС означало присоединение к группе стран, которые осуществляли тесную координацию своей политики в области экономики, торговли, конъюнктурных и социальных вопросов, согласовывали свою внешнюю политику и заявляли, что делают это с целью создания нового государства, подчиненного единому политическому органу. Таким образом, Швеции так или иначе пришлось учитывать мнение Брюсселя при принятии внешнеполитических решений.

Позиция Швеции в 1990-е годы строилась на том, что все страны должны быть в разных формах вовлечены в сотрудничество в северном регионе. Поддержка ННГ (новых независимых государств) Балтики стала, таким образом, важной задачей шведской политики в области обеспечения безопасности. В 1994 году из правительственной декларации исчезло слово

* Статья подготовлена при поддержке РГНФ и Правительства Архангельской области (проект № 13-11-29002 а (р)).

«нейтралитет», вместо него было заявлено, что Швеция остается вне военных альянсов.

В начале 90-х годов в Швеции была популярна программа регионального строительства, по которой северный регион (со Швецией в центре) окружен периферией балтийского сотрудничества².

Однако возникли новые (а вернее, всплыли старые и глубинные) проблемы: внутренние распри, вооруженные столкновения и даже гражданские войны. Новые проблемы можно распределить по четырем группам: 1) этнические и религиозные конфликты; 2) политическая нестабильность; 3) социальная напряженность; 4) экологические риски³.

Все эти проблемы характерны для Европейского Союза, членом которого Швеция является с 1995 года. Однако, судя по опросам, членство в ЕС к 2000 году не поддерживало большинство населения Швеции⁴. Доказательством отрицательной позиции граждан является и тот факт, что Швеция до сегодняшнего дня не приняла евро как государственную валюту. Причина такого негативного отношения — то, что не все страны Европы являются членами Евросоюза, по мнению Швеции, это служит разъединяющим фактором для сотрудничества⁵.

Швеция, не без своих на то интересов, взяла на себя роль посредника в диалоге между Москвой, с одной стороны, и Таллином, Ригой и Вильнюсом — с другой. Швеция выступала за право прибалтов самим выбирать свою международную ориентацию, то есть просить о вступлении в НАТО. Поддержка государств Балтии стала в этот период важнейшей задачей всего внешнеполитического курса Швеции, с помощью которого она оказывала политическое давление на Россию, добиваясь вывода российских войск из Прибалтики. Предложения президента РФ Б.Н. Ельцина о гарантиях безопасности, сделанные им в ходе государственного визита в Швецию в декабре 1997 года, были фактически отвергнуты шведским руководством, усмотревшим в них попытку снова втянуть Балтию в сферу российских интересов.

Отдельный вопрос политики Швеции в отношении Балтийских государств в области безопасности — помощь в создании вооруженных сил. Официальная военная доктрина Эстонии скопирована со шведской «тотальной обороны» (пост министра обороны Эстонии некоторое время занимал бывший шведский офицер Х. Ребас). Швеция помогала Эстонии в создании электронной системы контроля за воздушными, морскими и сухопутными границами. Таким образом, Стокгольм хотел закрыть существовавшую во время Советского Союза брешь на своей границе с Россией, создать буферную зону безопасности. Однако эта проблема не вызвала

серьезных противоречий между Швецией и Россией. Более того, развивающемуся сотрудничеству с РФ всерьез не помешали ни разногласия по вопросу расширения НАТО, ни война в Чеченской Республике.

Другой тенденцией внешнеполитической стратегии Швеции в начале 90-х годов была регионализация и активное участие в Совете государств Балтийского моря (СГБМ) и Совете Баренцева/Евроарктического региона (СБЕР) на Севере. Поэтому в 1992 году Швеция становится активным участником Совета государств Балтийского моря.

Изначально Швеция в Балтийском регионе тяготела к двустороннему сотрудничеству. Двусторонние отношения заключались в основном между Швецией и Эстонией, потому что в Швеции проживает огромная община эстонских эмигрантов, а шведский бизнесмен Тоомас Хендрик Ильвес в апреле 1992 года был назначен эстонским министром иностранных дел. Одно из важных направлений в сотрудничестве Балтийского региона — деятельность Швеции в сфере экологии. В Рённебю в 1990 году состоялась конференция по экологическому возрождению Балтийского моря с участием СССР. Шведская сторона выразила желание принять участие во многих природоохранных мероприятиях на территории СССР (например, в отношении комбината «Печенганикель»). И действительно, 1/4 всех субсидий направляется непосредственно на защиту окружающей среды (в основном природоохранные меры в Балтийском море), на втором по важности месте стоят создание и поддержка рыночной экономики⁶.

Несмотря на то что сначала экономическое будущее Прибалтики вызывало у Швеции определенные сомнения, особенно тогда, когда Швеция начиная с 1991 года сама оказалась в трудном положении, она, тем не менее, была заинтересована в этом сотрудничестве в сфере экологии, торговли и обеспечении безопасности. Экономический кризис в Швеции стал одной из причин ее присоединения к Европейскому Союзу, вступление в ЕС увеличило ее «северное измерение». Сейчас уже большая часть Балтийского региона входит в ЕС.

Участие Швеции в становлении балтийского регионального сотрудничества было достаточно продуктивным. В частности, она расширила уровень СГБМ; с середины 1995 до середины 1996 года, будучи председателем организации, Швеция инициировала встречи глав правительств (помимо встреч министров иностранных дел). Шведский премьер-министр также основал специальную группу поддержки для помощи латвийскому председательствованию в организации, стал инициатором основания постоянного секретариата в Стокгольме, который начал свою работу в июле

1998 года. Шведская активность послужила причиной вовлечения России в рабочую группу Германии, что обусловило их продуктивную работу на саммите, прошедшем в Риге в январе 1998 года. Но, несмотря на свою активную балтийскую политику, Швеция не согласилась выступить в роли региональной сверхдержавы и не предоставила гарантии по «мягкой формуле» безопасности Эстонии, Латвии, что означало бы некоторые военные обязательства и политический патронаж⁷.

Причины вступления Швеции в СГБМ:

- 1) общие исторические и культурные связи: Швеция имеет длительные традиции экономических, политических и культурных отношений со странами Балтики;
- 2) проблема лидерства: для Швеции легче играть ведущую роль в этом регионе (так как это сотрудничество между маленькими странами, а не со сверхдержавами);
- 3) позиция Балтийской региона: это сотрудничество является гарантией шведской безопасности.

С конца 80-х годов Швеция была очень заинтересована в сотрудничестве со странами Восточной Европы. За период с 1989 по 1992 год 1 млрд шведских крон был направлен на поддержку этих государств, а с 1992 по 1995 год 1 млрд уже тратился каждый год. Второй уровень сотрудничества относился не ко всем странам Восточной Европы, а непосредственно к Польше, ННГ Балтии, северо-западу России. Около 69 % специально скорректированных программ составлялись совместно с Эстонией, Латвией и Литвой, 17 % — с Польшей, около 8 % — с Россией⁸.

Если говорить о помощи России, то она заключается в следующем: предоставление средств на создание кадастра (27 млн швед. крон), макроэкономический менеджмент (15 млн швед. крон), охрана окружающей среды (15 млн швед. крон), поддержка банков (10 млн швед. крон).

Бывший премьер-министр Швеции К. Бильдт выступил с предложением расширить сотрудничество между странами Севера и балтийскими государствами путем реализации самостоятельной программы «Партнерство стран Севера». Предложение Бильдта предусматривало, что Россия будет подключена к партнерству на другом уровне, то есть через переговоры с НАТО. По его мнению, такой вариант «не повлек бы за собой существенных изменений ни в отношениях Дании и Норвегии с НАТО, ни в нейтралитете Швеции»⁹.

Швеция наряду с Германией и Финляндией — главный торговый партнер балтийских государств. Шведы и финны преобладают среди иностран-

ных инвесторов (в Эстонии — 50 % от всех иностранных инвестиций в 1993 году). Кроме того, соглашения о свободной торговле между Швецией и Литвой, Латвией и Эстонией сыграли большую роль в решении ЕС начать переговоры о заключении подобных договоров с балтийскими государствами¹⁰.

Чтобы не допустить обострения отношений Запада с Россией из-за Балтики, влиятельная американская «Рэнд корпорэйшн» в марте 1996 года предложила идею, которая была популярна некоторое время в Вашингтоне, — предоставление Швецией — ведущим государством Балтийского региона — военно-политических гарантий дружественным странам Балтии. Руководство в Стокгольме отказалось воспользоваться таким предложением Б. Клинтона, сочтя издержки превышающими выгоду (в виде повышения своей субрегиональной роли). США было выгодно, чтобы основное бремя забот о положении прибалтийских республик, что проявилось во время официального визита премьер-министра И. Перссона в США в августе 1996 года, взяла бы на себя Швеция.

Таким образом, Швеция в конце XX века остается твердым «европейским нейтралом» и избирает тактику так называемой «паутиной интеграции» прибалтийских государств в евроатлантические институты. Хотя в последнее время нейтральная Швеция неожиданно высказалась в поддержку расширения НАТО, видя в альянсе некий стабилизирующий фактор. В конце 1990-х годов официальная доктрина внешней политики Швеции, заключающаяся в военном неприсоединении, стала предметом дискуссий как нерелевантная в меняющихся условиях (расширение НАТО)¹¹.

Стокгольм, пройдя достаточно сложную эволюцию в вопросах европейской политики после холодной войны, как показывает Б. Хульт (в прошлом — директор Шведского института внешней политики и руководитель программы Шведского военного колледжа), намерен расширить свое сотрудничество с НАТО на Балтике путем активного участия в программе «Партнерство ради мира» (ПРМ). Это предусмотрено национальным планом. Тем самым шведы надеются подключиться к общим политическим гарантиям НАТО, чтобы обеспечить большую стабильность Балтийского региона.

Тем не менее региональное сотрудничество рассматривается Швецией в качестве необходимого компонента безопасности, но неспособного заменить военно-политические и специальные гарантии союзов и блоков Запада. Швеция заинтересована в расширении контактов с Атлантическим альянсом в области миротворческой деятельности и урегулирования конф-

ликтов. Это находит свое подтверждение в активной позиции Стокгольма на переговорах в Питерсберге, участии в силах по поддержанию мира в Боснии и Герцеговине и соблюдении Дейтонских соглашений¹². Но по вопросу урегулирования югославского кризиса Швеция поддержала натовскую агрессию.

Таким образом, относительно деятельности Швеции в СГБМ можно заключить следующее. Швеция — одна из самых больших стран этого региона (по количеству населения и площади); она оказывает большое влияние на политику региона и его структуру. Страна в качестве лидера вовлечена во все дела региона и принимает активное участие в решении проблем. Эта роль способствует размыванию шведского нейтралитета.

В 1993 году в состав Баренцева/Евроарктического региона вошла шведская провинция Норрботтен, самая северная и разнообразная по своему этническому составу, основу которой составляют три этноса: саамы, шведы и финны. Саамы составляют 20 тыс. населения, их основное занятие — оленеводство. Значительное присутствие финского населения обеспечило возможность первого межрегионального сотрудничества — создание «Ботнической провинции» в долине реки Торнио. Финская культура оказала значительное влияние на формирование культурной специфики Норрботтена (который образно называют родиной шведской сауны)¹³.

В 1997 году в СБЕР вошла еще одна крупнейшая провинция Швеции — Вестерботтен, что явилось своеобразным показателем заинтересованности Швеции в сотрудничестве. Цель шведской политики в Баренцевом регионе — содействие общей безопасности, углубление демократии.

В условиях Крайнего Севера, характеризующихся высокоинтенсивным воздействием человека на окружающую среду, сохранению здоровья человека уделяется первоочередное внимание. Важное место отводится профилактике заболеваний. Швеция участвовала в строительстве санаториев-профилакториев в Мурманской области, установлении прочных связей между врачами из Апатитов и шведского города Будена¹⁴.

В 1997 году Шведское главное управление по развитию периферийных мероприятий организовало научные экскурсии и международный семинар «Малый местный туризм: Швеция в перспективе Баренцева/Евроарктического региона». Задачи деятельности управления — «содействие улучшению условий жизни и возможностей в сельских малонаселенных районах страны, в особенности в лесных и прибрежных районах; выступать экспертом в вопросах периферийных мероприятий, одновременно исполняя функции “представителя” по отношению к населению малонаселенных

и сельских районов; участие в программе “Культура в Баренц-регионе: обучение/контактная сеть”, ставящая своей целью обучение и создание контактной сети для работников культуры Севера Швеции, северных районов Норвегии и Финляндии, а также Северо-Запада России»¹⁵. Культурный туризм, которому был посвящен семинар, не представлял туризм как форму бизнеса. На данном этапе речь скорее идет о новом важном явлении в культурной жизни северных стран — появлении локальных экосканеров, задача которых не сводится лишь к получению дохода, они способствуют развитию локального самосознания, повышению качества жизни на Севере, что особенно важно в ситуации миграции молодежи с севера во всех областях, входящих в Баренцев регион. Поэтому опыт шведов и их проект культурного туризма приобретают актуальность и международное значение.

Проанализировав двустороннее сотрудничество Швеции, стоит отметить, что она отдает приоритет приграничным районам, к которым относятся Мурманская, Архангельская области и Карелия. За период 1991/92–1993/94 годов общий объем шведской помощи составил 2724 млн швед. крон, но определить, какая именно часть была направлена на развитие российского Баренцева региона, не представлялось возможным¹⁶. В основном шведские власти финансировали конференции, научные семинары, встречи, такие как шведско-русская конференция народного движения в Мурманске и Апатитах «Демократия и устойчивое развитие». Летом 1997 года был организован совместный с русскими коллегами курс для учителей из Норрботтена и Вестерботтена. Они познакомились с районом и получили возможность устанавливать контакты с русскими учителями, для того чтобы создать сеть и установить сотрудничество между школами в регионе.

В сфере экономики Швеция осуществляет помощь в рамках программы «Нордпрактик», очередной этап которой называется «Новые менеджеры для России». «Нордпрактик» существует с 1992 года. Изначально программа была ориентирована на Балтику, но в 1995 году ее создатели обратили внимание на Россию. Благодаря поддержке главного спонсора Нордпрактик — Шведского агентства международного сотрудничества и развития (СИДА) — 250 специалистов из нашей страны побывали на предприятиях Швеции, Норвегии, Финляндии и Дании. Швеция готова принять около 30 стажеров из Архангельской области. Профиль шведских предприятий — лесная промышленность, телекоммуникации, транспорт, строительство, туризм. Андерс Бергстрем, руководитель проекта из Стокгольма, сказал: «Нам хотелось бы сделать упор на развитие отношений между компаниями малого и среднего бизнеса»¹⁷.

Деятельность Швеции в СГБМ обширна и продуктивна. Высокая активность Норвегии в Баренцевом регионе в начале 90-х давала право исследователям, таким как Янг Орал, Кайзе Латенмаки, Свире Йевеллу и другим, утверждать, что Швеция гораздо менее заинтересована в СБЕР. В конце 1990-х годов группа ученых и исследователей из Швеции, Университет г. Умео, департамент истории (директор Том Эрикссон, профессор Пер Фраберг, докторант Якоб Стритсленд) и Центр региональных исследований (профессор Фред Хеквист, Педер Аксетон, профессор Ларс Вестин и другие), занялась изучением истории шведского регионализма, основное внимание было уделено участию Швеции в СБЕР. С точки зрения всех вышеназванных ученых, в СБЕР от Швеции входят северные провинции, тогда как в деятельности СГБМ участвует правительство в Стокгольме, поэтому, если изучить государственные документы и правительственные газеты, действительно можно прийти к выводу, что Швеция не столь заинтересована в СБЕР, как в СГБМ.

Весной 2000 года в одной из крупнейших шведских газет появилась серия статей под общим названием «Растрескавшаяся Швеция»¹⁸. В газете был представлен следующий сценарий: юго-восточные провинции устанавливают экономические и культурные связи с Данией и Германией, западные прибрежные районы тяготеют к Англии, Стокгольм и центральные районы — к странам Балтийского моря. Оставался лишь север Швеции, который, очевидно, являлся для правительства наименее важным районом в стране. Эта дискуссия впоследствии послужила поводом для выхода целого ряда работ, посвященных Баренцеву региону и Швеции¹⁹. В указанных работах объяснялась роль СБЕР для Швеции и Севера для всей страны. Итак, Норрботтен и Вестерботтен находятся ближе, чем все другие районы Швеции, к России, следовательно, к зонам ядерных отходов, заводов, военных баз, а также ближе всех к норвежским и российским залежам газа и нефти. Отсюда важность Севера с точки зрения охраны окружающей среды. На территории северных провинций расположены границы с тремя экономическими системами: Евросоюза, российской и норвежской.

Таким образом, деятельность Швеции в обоих регионах примерно одинакова, с той лишь оговоркой, что в СГБМ заинтересованы центральные районы, а в СБЕР — северные провинции. Швеция пытается стать своеобразным центром формирующегося Балтийско-Баренцева/Евроарктического пространства²⁰. Активное участие в региональных проектах СБЕР и СГБМ позволяет Швеции реализовать многолетний опыт добрососед-

ского сотрудничества с СССР в условиях новой Европы. Благодаря «Северному измерению» ЕС региональные проекты поддержаны финансовыми институтами международных экономических организаций и Евросоюза.

* * *

¹ Воронов К.В. Страны Севера и новая трансформация системы европейской безопасности в постбиполярный период (1990-е годы) // Северная Европа: проблемы истории. М., 1999. Вып. 3. С. 275.

² The Baltic Sea Area: A region in Making / Ed. by M. Kukk, etc. Sarpborg, 1992. P. 45.

³ Воронов К.В. Будущее Европы: безопасность через международные объединения // МЭиМО. 1998. № 3. С. 153.

⁴ Perry M., Sweeney M.J., Winner A.C. Strategic Dynamics in the Nordic-Baltic Region. USA, 2000. P. 135

⁵ Carlborn M. EU-Sweden Discord on Baltic States. EU Candidate Persists // Dagens Nyheter. 1997. 9 September.

⁶ Svenska Utenriksdepartamentet Arkiv (далее — SUDA) Ds 1994: 134.

⁷ Воронов К.В. Балтийская политика России: поиск стратегии // МЭиМО. 1998. № 12. С. 133.

⁸ SUDA, Ds 1994: 134, Sveriges Samarbete med Central- och Osteuropa, SAU rapport no. 9 Fritzes. Stockholm.

⁹ Воронов К.В. Будущее Европы... С. 150

¹⁰ Воронов К.В. Ближняя Балтика между Россией и Западом: выбор курса // МЭиМО. 1995. № 10. С. 153.

¹¹ Дерябин Ю.С., Антюшина Н.М. Северная Европа. Регион нового развития. М., 2008. С. 423.

¹² Воронов К.В. Балтийская политика России... С. 134.

¹³ Востряков Л., Давыдов И. Этнографический туризм. Международный семинар в Швеции // Этнографическое обозрение. 1998. № 1. С. 14.

¹⁴ Закондырин Е. Север, среда, люди // Экономд. 1995. № 2–3. С. 45.

¹⁵ Востряков Л., Давыдов И. Указ. соч. С. 152.

¹⁶ Программа Баренц-совета. 1996.

¹⁷ Зеленина Н. Новые менеджеры для России // Правда Севера. 1998. 25 февр.

¹⁸ Aftonbladet. 3.03.2000.

¹⁹ Hedkvist F., Weissglas G. Regionalisation in North- Western Europe. Umeå, 2001; Mahura A., Andres R., Jaffe D. Atmospheric Transport Patterns. Umeå, 2000; Axensten P. Modelling and Visualizing Short Term Impact of a Nuclear Accident on Transportation Flows. Umeå, 2001.

²⁰ Дерябин Ю.С., Антюшина Н.М. Указ. соч. С. 365.

Л. А. Турне

РУССКАЯ ШВЕЦИЯ НА ТЕРРИТОРИИ КОРОЛЕВСТВА ШВЕЦИЯ

Некоторые особенности самоидентификации россиян в Скандинавии и роль лидерства в этом процессе

Еще в 1960-е годы появился термин «глобальная деревня». Популяризировал его канадский социолог и философ Маршалл Маклюэн. Так он характеризовал влияние массмедиа на мир. И если его размышления в то время многие воспринимали как далекие от реальности, то сейчас — как обыденное положение вещей.

Цифровые технологии изменили мир. Время и расстояние больше не являются помехой для общения в реальном времени. Связаться друг с другом на другой стороне планеты теперь не сложнее, чем с соседом по лестничной клетке. Кроме того, более свободным стало и перемещение россиян по миру. Многие люди по разным причинам меняют место жительства, оказываясь на чужбине. Поэтому, как нам представляется, так важен процесс самоидентификации россиян с Родиной, ее культурой, языком, обычаями.

Идентификация (тождественность, одинаковость) в социологии и психологии — это, как известно, процесс разностороннего самоотождествления личности с другим человеком или целой группой. В математике это установление соответствия распознаваемого предмета своему образу (знаку). В житейском плане более подходит математическая трактовка идентификации. Ведь когда человек отрывается от своего «знака», то есть оказывается за пределами родины, попадает в чужую страну, соприкасается с иной средой, культурой, традициями, языком, очень важно, чтобы не исчез процесс самоидентификации. Важно, чтобы он остался носителем русского языка, русской культуры, к сфере которой относится и православие — огромный пласт духовного и культурного наследия предков.

Самоидентичность как непрерывный процесс саморазвития человека является источником устойчивого существования индивидуума в иной, непривычной для него среде. Но далеко не каждый, оказавшись за границей, способен самостоятельно включиться в этот процесс. Всегда в таких случаях необходим ведущий. Поэтому столь велика роль личности, способной повести за собой соотечественников, создать своеобразный духовный анклав и постоянно поддерживать процесс русской идентификации, подталкивая своих соотечественников к включению в этот процесс. В данном случае можно согласиться с утверждением русского философа Николая Александровича Бердяева: «Русский человек никогда не чувствует себя организатором. Он привык быть организуемым»¹.

В Швеции, по данным сайта МИД России, на русском языке из 9 млн населения страны говорят 90 тыс. человек. Среди них 38 тыс. — выходцы из всех республик бывшего Советского Союза. Из славянских государств (России, Украины и Белоруссии) — 16 тыс. Граждан России сейчас в Швеции насчитывается около 10 тыс.² В Стокгольме, по данным городского сайта, всего 1500 русских. Этот статистический факт, а также менталитет шведов определяют особенности процесса самоидентификации русских в Скандинавии. И этому обществу «Русский салон» в Стокгольме, которое я возглавляю без малого четыре десятилетия, уделяет пристальное внимание, сейчас особенно. Хотя этот процесс был краеугольным камнем русской диаспоры с самого начала деятельности этой старейшей российской организации в Швеции.

«Русский салон» берет свое начало от первой волны русской эмиграции — беженцев из Петрограда, Москвы и других городов России, которые были вынуждены покинуть Родину после октябрьского переворота.

Вторая волна эмиграции была вызвана Русско-финской войной 1939–1940 годов, а также Второй мировой войной. В основном это были советские беженцы из Финляндии, Прибалтики и Германии. Особо хочется напомнить о судьбе офицеров, которые бежали из Финляндии, боясь быть депортированными финскими властями в Советский Союз в конце войны. Такая депортация все-таки состоялась весной 1945 года. Но после окончания войны около 4 тыс. беженцев нашли приют в Швеции. Немногим известно (это и поныне замалчивается) о совместной работе шведских властей с советским посольством в Швеции по депортации беженцев в Советский Союз. В 1944 году под строжайшим секретом из порта городка Евле (Gävle) отплыл паром с тысячей русских беженцев: их силой возвращали в Советский Союз...³

Но между этими двумя эмиграционными периодами был еще один. В 1929 году из СССР в Швецию выехала группа из 900 человек так называемых «шведов», которые жили со времен Екатерины Великой в районе Херсона. Однако уже в 1931 году многие «шведы» сами вернулись в СССР, попросив помощи советского посла Александры Михайловны Коллонтай содействовать этому⁴, — у России особая сила притяжения.

Возвращаясь к истории «Русского салона», надо сказать, что первая русская колония образовалась в 1940-х годах и состояла из русских женщин, которые еще до октябрьского переворота 1917 года вышли замуж за шведов, имевших свои частные фирмы или работавших преимущественно в России. После падения царского режима русские дипломаты и консульский персонал остались в Швеции. Среди них был и последний русский генеральный консул Федор Лаврентьевич Броссе (1873–1953) с семьей. Русским центром тогда была православная церковь, которая до революции являлась посольской и находилась в частном жилом доме.

Возглавил церковь Стефан Тимченко (1898–1979), русский офицер, получивший образование и священный сан в Париже. Дьяконом был бывший унтер-офицер московского гарнизона Владимир Николаевич Илинг (1896–1979). Дьякон Владимир создал из любителей очень хороший хор. Члены прихода заботились о церкви. Они регулярно устраивали базары, благотворительные концерты со сбором средств для прихода. По инициативе Броссе ежегодно проводились балы в самых престижных помещениях шведской столицы, таких как Зеркальный зал Гранд-отеля и др. На этих балах присутствовала и принцесса Луиза — в будущем королева Швеции⁵. Все это придавало значимость русским того времени, порождало уважение к ним. Также это помогало собирать средства, на которые жила церковь.

Со временем стали развиваться культурные и экономические связи с Советским Союзом. В Стокгольм приезжали И. Эренбург, Д. Ойстрах, В. Инбер. Прибыв на вручение Нобелевской премии, Иван Алексеевич Бунин встретился со своими соотечественниками на специально организованном в честь него чаепитии. Атмосфера всегда была дружеской и теплой. Сначала все подобные встречи носили спонтанный характер, но очень скоро они стали необходимостью, а со временем традицией, которая и послужила основой для образования постоянного русского общества.

Еще не было устава, правил приема, но с самого начала образования этого русского единства за основу было взято сохранение русских традиций, обычаев, русского как языка общения, укрепление православия, так гонимого в Швеции, и борьба за построение своей церкви. Меценатом,

предоставившим свою резиденцию для основной рабочей группы общества, стала Вера Николаевна Сагер⁶. Тогда же возникла идея благотворительной помощи России — ее глубинке и монастырям.

С годами общество редело: уходили из жизни эмигранты первой волны. Встал вопрос о пополнении общества молодыми силами. Их было мало. Представители старого поколения, в основном потомки дворянских родов, недоверчиво относились к новым эмигрантам из Советского Союза, хотя и не отталкивали новых прихожан. Постепенно новички были приняты в общество. А вскоре на одной из встреч общества, проходившей уже в нашей с мужем квартире, куда, как обычно, приглашались известные шведы, художник Бруно Карлсон, высоко ценивший и знавший русскую литературу, музыку, культуру в целом, вдруг сказал: «А ведь у вас тут настоящий русский салон, как у Толстого, только атмосфера теплая, дружеская...» Так общество с легкой руки художника стало называться «Русский салон», а потом было зарегистрировано как официальное название.

Но жизнь общества от этого не стала салонной, в центре по-прежнему была деятельность, направленная на создание, как мы говорим, русской Швеции (а создать ее в северном королевстве не очень просто). Шведы — особый народ, и «русские проблемы» в сферу его интересов не входят. Поэтому надеяться на их поддержку не приходилось. Русское сообщество тоже инертно, что особенно проявляется за границей. Поэтому мы считаем (и жизнь это уже не раз доказывала), что роль отдельной личности в организации сплоченности русской диаспоры имеет первостепенное значение. Сейчас во главе «Русского салона» стоит совет, который инициирует разработку различных программ и проектов, стимулирует процесс самоидентификации «шведских» россиян.

Как и в прежние годы, в сфере внимания «Русского салона» — темы и проблемы, связанные с Россией, русскими традициями, русским языком, русской литературой и искусством, воспитанием детей в русском духе.

Шли годы, менялись поколения. Сегодня «Русский салон» имеет Устав, правила приема в свои ряды, программу — все то, что необходимо для расширенной работы в разных направлениях. Добавим к вышеуказанным задачам следующие: оказание персональной помощи престарелым, инвалидам и одиноким; учеба, культурные встречи, организация выставок, создание фильмов (их снимает член нашего общества кинорежиссер Валентина Свенсон; героями ее картин являются русские, связавшие свою судьбу со Швецией, и в каждом присутствует тема самоидентификации русских).

В работу «Русского салона» входит и помощь новоприезжим в Швецию в начальной акклиматизации и дальнейшей жизни.

Особое направление — работа во имя православной веры, возможность построения собственной православной церкви в Стокгольме. Большая часть членов «Русского салона» — прихожане православного прихода во имя преподобного Сергия Радонежского. Приход есть, а своего храма у русских в Стокгольме до сих пор нет (только маленькое помещение, куда русских пустили, можно сказать, из милости и в которое с трудом входит 30 человек)⁷. Но это особая трагическая история.

Поэтому сейчас «Русский салон» прилагает усилия по созданию попечительского совета, который взял бы под свое опеку построение в Стокгольме духовного культурного центра Скандинавии, разумеется, православного. И хочется верить, что мы наконец-то будем услышаны Московской патриархией. В Стокгольме за последнее время было построено уже пять мечетей — и ни одного православного храма! А ведь осознание принадлежности к русскому народу, России за рубежом происходит чаще всего через православие, которое и создало для нашей нации такой мощный фундамент, именуемый русской православной культурой. Православие лежит в основе русского изобразительного искусства, зодчества, литературы, духовной жизни русской диаспоры.

Когда человек не ощущает себя патриотом России, говорить о его идентификации как россиянина не приходится. Именно поэтому «Русский салон» ставит во главу угла воспитание и поддержание чувства патриотизма, находя для этого разные формы. Одной из наиболее заметных акций «Русского салона» последнего времени стала конференция «300 лет Полтавской битве: взгляд из будущего». Форуму предшествовала большая подготовительная и просветительская работа, чему способствовал созданный «Русским салоном» международный исторический клуб «Полтавская битва». Шведы очень настороженно восприняли эту инициативу, но все прошло достойно. Принципы толерантности были соблюдены. На конференцию по приглашению «Русского салона» съехались участники из разных мест России — от Сибири до Калининграда. Были и гости из Риги, Москвы, с севера Швеции. Особая благодарность руководству петербургского Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого Российской академии наук, который делегировал на конференцию кандидата философских наук Людмилу Эдуардовну Сутягину, выступившую с докладом, украсившим программу форума.

Мы уже на практике убедились, что создание такого рода клубов накануне важных событий помогает разбудить в соотечественниках, живущих

в Швеции, чувства к Родине или освежает их, усиливает ностальгию, без которой невозможно оставаться русским.

Накануне 65-летия Великой Победы советского народа над фашизмом «Русский салон» также провел крупномасштабную акцию «1418 дней и ночей». Это был своего рода виртуальный урок истории, преподнесенный через судьбы отдельных людей. Мы также в рамках этого проекта организовали международные конкурсы — литературный и изобразительный. Ребята из России прислали десятки прекрасных работ. Участвовали и юные россияне, живущие в Швеции (самому юному конкурсанту было 4 года, самому старшему — 17). Каждая работа — это образец самоидентификации. Значит, мы все-таки на правильном пути.

В рамках акции «1418 дней и ночей» прошло еще одно мероприятие — «Полевая почта». Мы к 9 Мая разослали по России и Швеции множество поздравлений ветеранам войны. В ответ пришли письма со словами благодарности...

Вернемся еще раз к наследию русского философа Николая Александровича Бердяева: «В типической русской душе есть много простоты, прямоты и бесхитренности, — писал он, — ей чужда всякая аффектация, всякий взвинченный пафос, всякий аристократический гонор, всякий жест. Это душа — легко опускающаяся и грешащая, кающаяся и до болезненности сознающая свое ничтожество перед лицом Божиим... В русском народе есть поистине свобода духа, которая дается лишь тому, кто не слишком поглощен жадной земной прибылью и земного благоустройства»⁸. Нам кажется, что эти слова актуальны даже в «рыночное» время XXI века — не жаждать земной прибыли, но дорожить свободой духа. Русского духа. Из этого «Русский салон» и исходит в своей деятельности, созидая не в ущерб шведскому королевству на его территории русскую Швецию.

* * *

¹ Бердяев Н.А. Русская идея. (Серия «Гиганты мысли»). М., 2005. С. 83.

² Русский язык в Швеции // МИД РФ: статистика, 2009. URL: <http://www.rurik.se/index.php?id=351>

³ Дольх А.А. Прощание с родиной // Страницы русской эмиграции. Красноярск, 2009. С. 11.

⁴ Филипенко А.А. Люди и судьбы // Страницы русской эмиграции. Красноярск, 2009. С. 22.

⁵ Там же. С. 24.

⁶ Вестберг Пер. Голубиная королева и другие рассказы о женщинах: Вера Сагер // Северный благовест. 2006. URL: <http://ricolor.org/europe/shvezia/sr/1/>

⁷ *Сутягина Л.Э.* Дорога к храму. К вопросу об истории православных приходов Стокгольма // Русское поле. Красноярск; Стокгольм, 2012. № 1. С. 20.

⁸ *Бердяев Н.А.* Русская идея: основные идеи русской мысли XIX века и начала XX века. URL: <http://philologos.narod.ru/berdyayev/berd-rusidea.htm>

РОССИЯ И ФИНЛЯНДИЯ

А. И. Раздорский

ОТЧЕТЫ ГУБЕРНАТОРОВ ВЕЛИКОГО КНЯЖЕСТВА ФИНЛЯНДСКОГО КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК

Ежегодные всеподданнейшие отчеты губернаторов, начальников областей и градоначальников о состоянии вверенных их управлению административно-территориальных единиц принадлежат к числу важнейших массовых источников по региональной истории Российской империи XIX — начала XX века. Возникновение документов этого типа относится к первым годам XIX века, однако вплоть до 1837 года их составление не носило регулярного характера, а формуляр не отличался единообразием. На протяжении XIX века структура отчетов, программа их составления и порядок представления реформировались шесть раз: в 1828, 1837, 1842, 1853, 1870 и 1897 годах. С началом Первой мировой войны практика подачи отчетов постепенно сошла на нет¹.

Отчеты носили секретный характер и не предназначались для публичного ознакомления. Они представлялись губернаторами в рукописях, а с конца XIX века — обычно в машинописном виде. Изготавливалось несколько рукописных или машинописных копий этих документов. С первым экземпляром отчета сначала знакомился император, который вносил в него различные отметки и резолюции. С середины 1880-х годов по инициативе управляющего делами Комитета министров А.Н. Куломзина с оригиналов рукописных губернаторских отчетов, присланных в Санкт-Петербург, стали сниматься и тиражироваться для внутриведомственного пользования типографские копии.

Отчеты практически по всем губерниям, областям и градоначальствам Российской империи имеются в Российском государственном историческом архиве в Санкт-Петербурге. Однако отчетов губернаторов Великого княжества Финляндского (далее — ВКФ) в этом архиве нет. Эти документы

находятся в Национальном архиве Финляндии (Suomen kansallisarkisto) в Хельсинки. Они сконцентрированы в основном в фонде канцелярии министра-статс-секретаря ВКФ (Valtiosihteerinvirasto — VSV) и фонде Хозяйственного департамента Императорского Финляндского сената (Senaatin Talousosasto — STO).

Основное собрание отчетов финляндских губернаторов сосредоточено в фонде канцелярии министра-статс-секретаря ВКФ. В нем имеются документы по всем восьми губерниям ВКФ, существовавшим в 1831–1917 годах: Або-Бьёрнеборгской, Вазаской, Выборгской, Куопиоской, Нюландской, Санкт-Михельской (в 1831–1843 гг. Гейнолаской), Тавастгусской и Улеаборгской². Эти отчеты поступали на личное рассмотрение императора. В указанном фонде представлены документы с 1839 по 1916 год. За 1897–1901 годы в корпусе отчетов имеется лакуна: в этот период финляндские губернаторы непосредственно императору отчеты не представляли. Вместо них на высочайшее рассмотрение предписывалось направлять общий отчет по ВКФ, составлявшийся в Императорском Финляндском сенате. В фонде канцелярии министра-статс-секретаря отсутствуют также отчеты за 1849, 1913 и 1915 годы (по некоторым губерниям ВКФ отчеты за эти годы хранятся в фонде Хозяйственного департамента Императорского Финляндского сената). За 1916 год в архиве имеется отчет только по Санкт-Михельской губернии. Работа по его составлению была завершена 1 сентября 1917 года, то есть уже при Временном правительстве.

В фонде канцелярии министра-статс-секретаря хранятся как рукописные и машинописные отчеты, так и их типографские копии. Документы, как правило, двуязычные: первый экземпляр — на русском языке, второй — на шведском или (с конца XIX века) финском.

Отчеты сопровождаются рапортами об их представлении на высочайшее имя (на русском языке) и министру-статс-секретарю ВКФ (на шведском языке). Например: «Имея счастье всеподданнейше донести вашему императорскому величеству, что во вверенной мне Выборгской губернии все состоит благополучно, повергаю на высочайшее вашего императорского величества воззрение отчет о состоянии сей губернии за 1870-й год»³.

Предложения и замечания губернаторов, которые они высказывали в своих отчетах, должны были рассматриваться в Императорском Финляндском сенате: «Государь император, рассмотрев всеподданнейшие отчеты финляндских губернаторов о состоянии вверенных им губерний за 1843 год, высочайше повелеть соизволил Финляндскому сенату рассмотреть в общем собрании или в подлежащих департаментах, смотря по свой-

ству дела, сделанные губернаторами предположения и замечания или обстоятельства по нежеледующим предметам и потом всеподданнейше представить мнение свое по каждому предмету особю», — сказано в отношении министра-статс-секретаря ВКФ А.Г. Армфельта финляндскому генерал-губернатору А.С. Меншикову от 8/20 декабря 1844 года⁴.

С конца 1830-х до 1870-х годов отчеты губернаторов ВКФ составлялись в соответствии с общеимперским формуляром губернаторского отчета, установленном в 1837 году. Текст отчета состоял, как правило, из 16 разделов:

1. Движение народонаселения.
2. Состояние урожая и вообще средства народного продовольствия.
3. Состояние общественного здоровья.
4. Состояние народной нравственности, число пойманных дезертиров, других беглых и бродяг, состояние тюрем, препровождение арестантов и охранение общественного спокойствия и благочиния.
5. Устройство и порядок управления.
6. Устройство городов и их доходы.
7. Устройство новых городов, гейматов и рынков.
8. Устройство дорог и переправ.
9. Состояние разных ветвей хозяйства и промышленности.
10. Отправление повинностей натуральных и денежных.
11. Состояние недоимок.
12. Богоугодные заведения и особенные в течение года подвиги благотворительности.
13. Состояние учебных заведений общественных и частных и вообще средства обучения в губернии.
14. Замечательные чрезвычайные происшествия в течение года.
15. Разные сведения.
16. Общие виды и предположения.

Ряд отчетов содержит также статистическую ведомость о числе и устройстве нижних воинских чинов, находящихся в бессрочном и временном отпусках (также предусмотренную программой 1837 года).

Важно подчеркнуть, что изменения формуляра губернаторского отчета, последовавшие на общеимперском уровне сначала в 1853 году, а затем в 1870-м, не коснулись финляндских отчетов. Они по-прежнему продолжали составляться по формуляру 1837 года.

В 1870-е годы структура финляндских губернаторских отчетов была упрощена — вместо 16 разделов осталось 6:

1. Введение.
2. Движение народонаселения.
3. Промыслы.
4. Порядок управления, полицейский надзор, камеральное ведомство.
5. Социальные и общинные отношения.
6. Особые замечания, предложения и мнения относительно улучшения и развития общественного хозяйства или различных отраслей промышленности.

Такой формуляр является оригинальным и не имеет аналогов в отчетах губернаторов остальных губерний и областей Российской империи. Данная структура финляндских губернаторских отчетов в основном сохранялась вплоть до 1917 года. При этом синхронного перехода на новый формуляр в 1870-е годы не произошло. Так, отчет нюландского губернатора за 1880 год имеет новую структуру, а Выборгского за тот же год — старую.

В фонде Хозяйственного департамента Императорского Финляндского сената хранятся отчеты губернаторов ВКФ за 1815–1865 годы (за некоторые годы по отдельным губерниям в ряду этих источников имеются лакуны). Типологическая характеристика документов за 1810–1830-е годы нуждается в уточнении. Есть основания полагать, что по своему объему и структуре они стоят ближе не к отчетам, а к кратким рапортам губернаторов о состоянии своих губерний. К таковым относится, например, рапорт або-бьернёборгского губернатора (на шведском языке) за 1816 год, текст которого занимает один лист (с оборотом)⁵.

Отчеты, находящиеся в фонде канцелярии министра-статс-секретаря ВКФ, переплетены в конволюты, в которых, как правило, представлены документы по всем губерниям за один и тот же отчетный год. В фонде же Хозяйственного департамента Императорского Финляндского сената отчет по каждой губернии составляет отдельную единицу хранения.

Объем большинства отчетов губернаторов ВКФ находится обычно в пределах от 20 до 30 рукописных или машинописных листов формата in folio. Например, отчет нюландского губернатора за 1870 год насчитывает 34 листа, або-бьернёборгского за тот же год — 20 листов, Выборгского за 1880 год — 24 листа, нюландского за 1902 год (машинописный) — 32 листа.

Существенным отличием отчетов губернаторов ВКФ от аналогичных документов по другим губерниям и областям Российской империи за 1870–1916 годы является отсутствие при них приложений — обзоров. В соответствии с новой программой, утвержденной 19 июня 1870 года императором Александром II, губернаторский отчет подразделялся на две обособленные

части — «собственно всеподданнейший отчет, заключающий в краткой и сжатой форме изложение лишь того, что достойно высочайшего внимания», и «приложение к всеподданнейшему отчету или обзор состояния губернии или области, в состав которого включены все справочные статистические сведения и данные, служащие к подтверждению и подкреплению заключающихся в отчете выводов и предположений и необходимые для разработки разного рода правительственных соображений и мероприятий»⁶. Обзоры состояли из собственно текста обзора (с внутритекстовыми таблицами) и статистических ведомостей, являвшихся приложениями к обзору. В отличие от отчетов обзоры были открыты для публики. Большинство из них напечатано типографским способом. Эти документы имеются по всем губерниям и областям Российской империи за исключением губерний ВКФ⁷.

Вместе с тем особые приложения к отчетам финляндских губернаторов существовали. В некоторых документах они именуются «обзорами»⁸, хотя с обзорами других губерний и областей Российской империи у них мало общего. В соответствии с высочайшим объявлением от 7 февраля 1888 года отчеты губернаторов ВКФ должны были состоять «из краткого текста с приложением ведомостей, составленных в виде таблиц. Эти таблицы содержат по возможности все фактические сведения, почему текст, ссылаясь на них, должен ограничиваться кратким отчетом о состоянии губернии в предшествовавшем году, соображениями и объяснениями, вызываемыми показанными в таблицах сведениями, и такими обстоятельствами, которые не могут быть сведены в таблицы»⁹. Приложения состояли из 42 таблиц, в которых получили отражение разнообразные статистические данные, характеризующие численность населения, состояние сельского хозяйства, рыболовства, промыслов, торговли, путей сообщения, судоходства, почты, финансов, благотворительности и др. Их состав и последовательность таковы:

1. Число народонаселения по городским и сельским общинам в уезде по мантальным¹⁰ спискам.
2. Число жилых домов в общине.
3. Ведомость о количестве посева и урожая по каждому имению.
4. Земледелие и скотоводство. [Количество скота и птиц («пернатого скота»), содержимого на зимнем корме].
5. Земледелие и скотоводство. [Стоимость ржи и коровьего масла, размер годовой платы и стоимость ежедневного продовольствия работникам и работницам].

6. Земледелие и скотоводство. Распределение земли.
7. Земледелие и скотоводство. Пространство возделанной в течение года пустопорожной земли.
8. Число голов скота, павшего от эпизоотий в губернии.
9. Число голов скота, затравленного хищными зверями.
10. Число убитых хищных зверей и выданные общинами премии.
11. Сведения о морском рыболовстве и ловле тюленей в прибрежных местностях.
12. Сведения о речном и озерном рыболовстве.
13. Домашние рукоделия и кустарничества.
14. [Сведения о городах: пространство и распределение принадлежащей городу земли, число и пространство рынков и открытых площадей, число, ширина и общая протяженность улиц, количество дворов и зданий].
15. Число купцов в губернии.
16. Конкурсы промышленников, купцов, фабрикантов, ремесленников и т.п. [актив и пассив фирм].
17. Дороги и мосты.
18. Новые столбовые дороги в губернии.
19. Ведомость о мостах и переправах, вновь сооруженных или перестроенных в губернии.
20. Ведомость о приписанных к общине судах, употребляемых или предназначенных для плавания в открытом море.
21. Ведомость о приписанных к общине парходах и других судах в 10 тонн или более, употребляемых или предназначенных для плавания на внутренних водах или в шхерах.
22. Ведомость итогов по исчисленным за отчетный год казенным сборам и недоимкам.
23. Изменения в числе гейматных¹¹ дымов; имения, выкупленные в шкотовые, и выделенные участки.
24. Почтовая гоньба и почтовые учреждения в уезде.
25. Сведения о доходах города.
26. Сведения о расходах города.
27. Табель, показывающая ценность движимого и недвижимого имущества городов губернии, а также сумму долгов оных.
28. Сведения о доходах и расходах общины.
29. Ведомость о среднем помантальном количестве общественных повинностей по всем сельским общинам губернии.

30. Сведения о числе мукомольных мельниц в уезде.
31. Сведения о лесопильнях в уезде.
32. Ведомость о зданиях, возведенных на счет общин или приходов.
33. Ведомость о состоявшихся пожертвованиях и завещаниях на общественные предприятия, школы и проч.
34. Ведомость о фондах для общепользных целей и о пенсионных и вспомогательных кассах в губернии.
35. Сведения об обществах промышленников в общине.
36. Состояние приходских магазинов.
37. [Сведения о сберегательных кассах].
38. Сведения о пожарах в губернии.
39. Сведения о лесных пожарах в губернии.
40. Ведомость о бедных, содержащихся частью или всецело на иждивении общин, и расходы по сему предмету.
41. Ведомость о числе незамужних родильниц и бедных детей, пользовавшихся пособием от казны.
42. Ведомость иностранцев, принявших в продолжение года финляндское подданство и приведенных перед губернским правлением губернии к установленной присяге на верноподданство, с женами и детьми¹².

Для сравнения: приложения к губернаторскому отчету по программе 1853 года насчитывали 27 статистических ведомостей, а в обзоры, согласно программе 1870 года, должно было входить от 10 до 18 ведомостей.

В фонде канцелярии министра-статс-секретаря ВКФ обнаружено лишь несколько отчетов, при которых имеются подобные табличные приложения. К таковым относится, например, отчет Выборгского губернатора за 1890 год¹³. Подавляющее же большинство отчетов, представленных в указанном фонде, табличными приложениями не сопровождаются. Возможно, они находятся в других фондах Национального архива Финляндии. В частности, они могут храниться в фонде Хозяйственного департамента Императорского Финляндского сената. Так, в проекте новой формы отчетов губернаторов ВКФ, высланном финляндским генерал-губернатором Н.И. Бобриковым министру-статс-секретарю ВКФ В.К. Плеве в марте 1902 года, упоминается о представлении табличных приложений в Хозяйственный департамент Императорского Финляндского сената, а также в Центральное статистическое бюро ВКФ¹⁴.

В ряде отчетов начала XX века присутствуют табличные приложения, состав которых отличен от регламентированного высочайшим объявлением от 7 февраля 1888 года. Так, в отчете Выборгского губернатора

за 1903 год после текстовой части имеются приложения, включающие 18 таблиц:

- А. О посевах и урожае хлебов в губернии.
- В. Население губернии (по мантальным спискам).
- С. О состоянии скотоводства и птицеводства в губернии (число голов скота и птицы).
- Д. Производительность молочных ферм в губернии.
- Е. О состоянии рыболовства в губернии.
 - И. На внешних островах и по берегам Финского залива и Ладожского озера.
 - II. Во внутренних водах.
- А¹⁵. Число мукомольных мельниц в губернии.
- В. Число лесопилен в губернии.
- Г. О количестве торговцев в губернии.
- Г. Движение судоходства.
- Н. Выполнение плательщиками государственных повинностей по губернии.
- И. Доходы и расходы городов губернии.
- К. Ценность принадлежащих городам имуществ в губернии.
- Л. Долги городов губернии.
- М. Доходы, расходы и долги сельских общин губернии.
- Н. Состояние сберегательных касс в губернии.
- АА. Пожары в губернии¹⁶.

Отчеты губернаторов ВКФ являются ценным источником по истории Финляндии «имперского» периода. Значение этих документов для исследователей определяется прежде всего тем, что, с одной стороны, в них из года в год помещался сходный набор формализованных данных, хорошо сопоставимых между собой в масштабе всей Финляндии, а с другой — в регулярном характере их составления. Это позволяет год за годом детально отслеживать изменения, происходившие в различных сферах жизни ВКФ. Отчеты Выборгской губернии представляют интерес для историков и краеведов, занимающихся изучением истории севера современной Ленинградской области и юго-запада Карелии.

Основная часть информации, содержащейся в отчетах, относится к сфере социально-экономической истории. Однако в ряде документов (особенно начала XX века) содержатся уникальные сведения об общественно-политической жизни ВКФ. Так, в отчете нюландского губернатора М.Н. Кайгородова за 1903 год сообщается, например, о росте протестных

настроений в финском обществе в связи с изменением закона от 29 июня (12 июля) 1901 года о воинской повинности, согласно которому жители Финляндии должны были проходить службу в российской армии. Приведем в качестве иллюстрации несколько фрагментов из указанного документа.

«В начале отчетного года, как и в 1902 году, агитация в деле противодействия новому закону о воинской повинности, или, в сущности, высочайшему вашему императорскому величеству манифесту 3-го февраля 1899 года, была в полном разгаре, но к ней присоединилась еще новая, поставившая себе задачей сопротивление высочайше утвержденным вашим императорским величеством 18-го июля 1902 года постановлениям об изменении некоторых правил, касающихся службы чинов гражданского ведомства в Финляндии, о порядке удаления от службы должностных лиц административного и судебного ведомств и о порядке возбуждения преследования за служебные преступления должностных лиц.

На основании первого из указанных постановлений генерал-губернатором был представлен и вашим императорским величеством все милостивейше назначен на должность ландсекретаря Нюландской губернии впервые русский человек подполковник гвардейской артиллерии Рейнбот.

Взрыв протеста подпольной печати и крайне враждебные статьи местной прессы встретили это назначение. Протест этот был исключительно политического характера, так как назначением этим пробивалась брешь в замкнутой, недоступной ни одному русскому среде финляндской администрации, комплектовавшейся до сего почти исключительно питомцами Гельсингфорсского Императорского Александровского университета.

Университет этот, как некогда немецкий Дерптский, до превращения его путем коренных реформ в русский Юрьевский, являлся и донныне является рассадником деятелей, воспитанных на идее обособленности Финляндии и воспринявших в его стенах чувство вражды к России и презрение ко всему русскому. <...>

Как и в прошлые годы, финляндские агитаторы воспользовались днем годовщины рождения поэта Рунеберга, чтобы подогреть в согражданах, а в особенности в молодежи, неприязненное к России чувство.

Еще за несколько недель до 5-го февраля, годовщины объявления высочайшего манифеста 3-го февраля 1899 года, ходили слухи о готовящихся уличных демонстрациях и о погружении в этот день города в знак траура во мрак. Уже утром 5-го февраля можно было видеть в некоторых магазинах траурные украшения, вечером же торговые заведения начали закры-

ваться раньше обыкновенного, и около 7-ми часов, как бы по уговору, на главной улице Гельсингфорса появилась громадная толпа, состоявшая преимущественно из интеллигентной молодежи, предпринявшая тотчас же поход против магазинов и гостиниц, не погасивших огней. <...>

Такого состава толпа, запасшись камнями, собралась 5-го февраля на гельсингфорских улицах и под предводительством отставного офицера л[ейб]-гв[ардии] 3-го стрелкового Финского батальона Прокопе двинулась к дому генерал-губернатора, к которому не была, однако, допущена полицией. Отсюда бунты направились к финскому театру, где пытались силою добиться тушения огней и прекращения спектакля, но и тут полиция не допустила этого своеволия. На железнодорожной площади та же толпа избивала чиновника Нюландского губернского правления, из местных уроженцев, виновного лишь в том, что он говорил на улице по-русски. Нанесенные этому чиновнику побои оказались настолько серьезными, что потребовалось отправление его в военный госпиталь»¹⁷.

Сходные оценки настроений, получившие распространение в финском обществе в начале XX века, были даны также Выборгским губернатором Н.А. Мясоедовым в отчете за 1903 год.

«Хотя проявления в 1903 году антиимперского движения в Финляндии, по сравнению с 1902 годом, и утратили остроту, тем не менее сепаратистские стремления продолжали сказываться в текущих явлениях общественной жизни <...>

Антиимперская агитация, как и в предшествующие годы, сосредоточивалась главным образом около приведения в действие высочайше утвержденного вашим императорским величеством 29 июня (12 июля) 1901 года закона о воинской повинности в Великом княжестве Финляндском, в коем финские жлепатриоты не без основания усматривают то мощное, а потому им ненавистное орудие, имеющее неотвратно повлиять к более тесному единению между окраиною и империею в интересах общегосударственных. <...>

Действительно, агитация, как и в предшествующем году, была направлена прежде всего против призыва и в 1903 году выразилась: а) со стороны пасторов — в противодействии выдаче выписей из церковных книг и в отказе приводить принятых к присяге; б) со стороны общин — в противодействии выбору членов в воинские присутствия и отводу помещений для призывных присутствий; в) со стороны пришлых и местных агитаторов — в уговариваниях призывных не являться к призыву и в распространении подпольных изданий; и г) со стороны врачей — в отказе являться на призыв для освидетельствования»¹⁸.

Заслуживают внимания оценки общественных настроений, дававшиеся финляндскими губернаторами в годы Первой мировой войны. Например, в отчете Выборгского губернатора Ф. Пфалера за 1914 год говорится: «Общее настроение народных масс за отчетный год, как и в предыдущие годы, характеризуется, несмотря на переживаемые события, спокойным и даже несколько индифферентным отношением к войне; горячего участия в переживаемых событиях население губернии не принимало, и военными действиями было заинтересовано настолько, насколько таковые затрагивали экономические интересы населения. К лицам немецкого происхождения отношение населения безучастное, без проявления к ним ни симпатий, ни ненависти; более сочувственное отношение к переживаемым событиям и выражение пожелания довести войну до успешного конца замечается лишь среди русского населения губернии. По отношению к военным и морским чинам никакой неприязни за отчетный год не наблюдалось, и никаких столкновений между населением и такими чинами не было»¹⁹.

В Национальном архиве Финляндии имеются машинописные реестры отчетов губернаторов ВКФ, составленные архивистом Э. Кууйо в 1948 году²⁰. В них в хронологическом порядке перечислены номера архивных дел из фондов канцелярии министра-статс-секретаря ВКФ (по ВКФ в целом) и Хозяйственного департамента Императорского Финляндского сената (по отдельным губерниям ВКФ), содержащих отчеты губернаторов ВКФ. Есть основания полагать, что в реестре Кууйо получили отражение не все отчеты, имеющиеся в Национальном архиве Финляндии. Так, в реестре отчетов, хранящихся в фонде канцелярии министра-статс-секретаря ВКФ, отмечено, что за 1902 год этих документов в фонде не имеется. Однако конволют с отчетами губернаторов за 1902 год в указанном фонде был обнаружен²¹. Не исключено, что в фонде канцелярии министра-статс-секретаря ВКФ удастся обнаружить отчеты и за 1849 год, в отношении которых в реестре также имеется лакуна, и за 1901 год («Всепопданнейший отчет начальника Выборгской губернии за 1901 год», отпечатанный типографским способом, имеется в Российском государственном военно-историческом архиве в Москве). Выявление, археографическое описание и комплексное источниковедческое изучение отчетов губернаторов ВКФ, а также введение в научный оборот содержащейся в них информации являются важной и актуальной задачей.

В приложении к статье представлен реестр архивных шифров отчетов губернаторов ВКФ, находящихся в фонде канцелярии министра-статс-секретаря ВКФ.

Приложение

**Отчеты губернаторов ВКФ за 1839–1916 годы в фонде канцелярии
министра-статс-секретаря ВКФ в Национальном архиве Финляндии**

Отчетный год	Шифр дела	Отчетный год	Шифр дела
1839	8 / 139	1878	244 / 1880
1840	175b / 1841	1879	245 / 1880
1841	156b / 1842	1880	261 / 1881
1842	148b / 1843	1881	259 / 1882
1843	169 / 1844	1882	218 / 1883
1844	416 / 1845	1883	212 / 1885
1845	361 / 1846	1884	235 / 1886
1846	398 / 1847	1885	190 / 1887
1847	424 / 1848	1886	214 / 1888
1848	501 / 1851	1887	206-а / 1889
1849	–	1888	208-а / 1890
1850	502 / 1851	1889	207 / 1891
1851	349 / 1852	1890	232 / 1892
1852	386 / 1853	1891	166 / 1893
1853	378 / 1854	1892	203 / 1894
1854	271 / 1855	1893	241 / 1895
1855	452 / 1856	1894	193 / 1896
1856	498 / 1858	1895	194 / 1896
1857	499 / 1858	1896	183 / 1897
1858	397 / 1859	1897	–
1859	371 / 1860	1898	–
1860	360 / 1861	1899	–
1861	386 / 1862	1900	–
1862	355 / 1863	1901	–
1863	328 / 1864	1902	133/1904
1864	301 / 1865	1903	129–130 / 1905
1865	231 / 1866	1904	199 / 1906
1866	270 / 1868	1905	154 / 1907
1867	225 / 1869	1906	162 / 1908
1868	202 / 1870	1907	193 / 1909
1869	203 / 1870	1908	194 / 1910
1870	215 / 1871	1909	155 / 1911
1871	212 / 1872	1910	139 / 1912
1872	287 / 1873	1911	103 / 1913

1873	280 / 1874	1912	113 / 1914
1874	251 / 1875	1913	—*
1875	220 / 1877	1914	125 / 1916
1876	230 / 1878	1915	—**
1877	257 / 1879	1916	169 / 1917***

* За 1913 год имеются отчеты только по Або-Бьёрнеборгской, Вазаской, Куопиоской, Санкт-Михельской и Улеборгской губерниям, находящиеся в фонде Хозяйственного департамента Императорского Финляндского сената (Ф. STO. Д. ККК № 2).

** За 1915 год имеется только отчет по Санкт-Михельской губернии, находящийся в фонде Хозяйственного департамента Императорского Финляндского сената (Ф. STO. Д. ККК № 2).

*** За 1916 год имеется только отчет по Санкт-Михельской губернии.

* * *

¹ Подробнее о губернаторских отчетах см.: *Дятлова Н.П.* Отчеты губернаторов как исторический источник // Проблемы архивоведения и источниковедения: материалы науч. конф. архивистов Ленинграда. 4–6 февраля 1964 г. Л., 1964. С. 227–246; *Литвак Б.Г.* Очерки источниковедения массовой документации XIX — начала XX в. М., 1979. С. 142–205; *Минаков А.С.* Губернаторский корпус и центральная власть: проблема взаимоотношений (по материалам губерний Черноземного центра второй половины XIX — начала XX в.). Орел, 2011. С. 195–301.

² С 1811 года до административно-территориальной реформы 1831 года в ВКФ было семь губерний: Або-Бьёрнеборгская, Вазаская, Выборгская, Кюменегорская, Нюландско-Тавастгусская, Саволакско-Карельская, Улеборгско-Каянская (см.: *Бойко Д.А.* Геральдика Великого княжества Финляндского: с приложением 1500 рисунков и 11 карт. Запорожье, 2013. С. 81–88).

³ SKA (Suomen kansallisarkisto — Национальный архив Финляндии). Ф. VSV (Valtiosihteerinvirasto — Канцелярия министра-статс-секретаря). Д. 215/1871. Л. 11 (отчет: л. 12–36).

⁴ Там же. Д. 169/1844. Л. 112.

⁵ Там же. Ф. STO (Senaatin Talousosasto — Хозяйственный департамент Императорского Финляндского сената). Д. Kd 17/100 1817.

⁶ Полное собрание законов Российской империи (ПСЗ). Собр. 2. Т. 45, отделение 1. № 48502. С. 857–858.

⁷ Подробнее см.: *Раздорский А.И.* Обзоры губерний, областей и градоначальств Российской империи (приложения к всеподданнейшим отчетам губернаторов, начальников областей и градоначальников), 1870–1916: Сводный каталог. СПб., 2011.

⁸ SKA. Ф. VSV. Д. 131/1904. Л. 195.

⁹ Сборник постановлений Великого княжества Финляндского. Гельсингфорс, 1888. № 10. С. 9.

- ¹⁰ Мантал (манталь) — податная единица.
- ¹¹ Геймат — крестьянская ферма, единица налогообложения.
- ¹² Сборник постановлений... С. 12–75.
- ¹³ SKA. Ф. VSV. Д. 232/1892. Л. 198–282.
- ¹⁴ Там же. Д. 131/1904. Л. 195.
- ¹⁵ Так в тексте.
- ¹⁶ Всеподданнейший отчет начальника Выборгской губернии за 1903 год. С. 1–14 2-й паг. (SKA. Ф. VSV. Д. 130/1905. Л. 34а–40 об.).
- ¹⁷ Всеподданнейший отчет начальника Нюландской губернии за 1903-й год. С. 9–12 (SKA. Ф. VSV. Д. 130/1905. Л. 6–7 об.).
- ¹⁸ Всеподданнейший отчет начальника Выборгской губернии за 1903 год. С. 7–8 1-й паг. (Л. 24–24 об.).
- ¹⁹ Всеподданнейший годовой отчет выборгского губернатора о состоянии губернии за 1914 год. Пг., 1916. С. 11 (SKA. Ф. VSV. Д. 125/1916. Л. 128).
- ²⁰ Suomen kuvernöörien kertomukset läänien tilasta Venäjän vallan aikana / Laatinut E. Kuujo. [Helsinki], 1948.
- ²¹ SKA. Ф. VSV. Д. 133/1904.

Д. П. Каранов

ВЛИЯНИЕ ФИНЛЯНДИИ НА ЭТНОКУЛЬТУРНОЕ РАЗВИТИЕ ИНГЕРМАНЛАНДСКИХ ФИННОВ В XIX — НАЧАЛЕ XX ВЕКА

Проблема влияния Финляндии на этнокультурное развитие ингерманландских финнов в XIX — начале XX века чрезвычайно актуальна в свете изучения этнических процессов в Ингерманландии. Финляндия, будучи прародиной ингерманландских финнов в XVII веке, продолжала влиять на культуру и самосознание этой этнической группы и в последующем. Это влияние, ослабленное в начале XVIII века по причине перехода Ингерманландии под власть России, возобновилось с новой силой лишь в XIX веке.

Возвращение прежних позиций стало возможно в результате вхождения Финляндии в состав Российской империи в 1809 году по условиям Фридрихсгамского мира между Россией и Швецией¹. Россия не изменила административную систему новой территории. В культурном отношении Финляндия стала еще более самостоятельной, чем когда была в составе Шведского королевства. Однако после отделения связь со Швецией не утратилась в большей степени из-за доминирующего положения шведского языка, который оставался основным языком делопроизводства, культуры и образования Великого княжества.

И все же близость к Санкт-Петербургу, крупному европейскому экономическому, политическому, культурному и научному центру, не могла не сказаться на развитии Финляндии в XIX веке. Подданные Финляндии положительно отнеслись к известию о присоединении к России, понимая выгоду и перспективность такой цессии. Каково же было удивление представителей зарождавшейся шведской интеллигенции Финляндии, когда они обратили внимание на живущих в окрестностях Петербурга финнов, отличавшихся от подданных княжества. Известный этнограф Андреас

Шегрен посвятил им целую монографию, написанную на немецком языке, которая стала первым исследованием ингерманландских финнов.

Связанные близостью территорий, лютеранской верой, финским языком, обычаями и традициями, финны Финляндии и Ингерманландии должны были находиться в тесном контакте друг с другом, обеспечивая взаимный культурный обмен. В этом плане наибольший интерес вызывает период подъема финской культуры и роста национального самосознания в Финляндии, который начался в 60-х годах XIX века. Этому в значительной степени способствовало принятие в 1863 году указа о придании финскому языку статуса государственного наравне со шведским и введении национальной денежной единицы — марки. Свою благодарность финны выразили, установив памятник Александру II в Хельсинки в 1894 году.

Влияние Финляндии, выраженное в деятельности ее подданных, на этнокультурное развитие ингерманландских финнов, можно исследовать, оценив общее культурное положение и ситуацию в отдельных культурных сферах или культурных институтах. С этой точки зрения наибольшее внимание привлекают печатные издания, образовательная система и церковь.

Именно поданные Великого княжества основали первую финноязычную газету в Петербурге. Начало издательской деятельности было связано с именем магистра философии И.А. Хагмана, который в 1868 году приехал из Выборга (где он два года издавал газету “*Ilmarinen*”) в Петербург, а в 1870 году начал издавать первую петербургскую газету на финском языке “*Pietarin sanomat*”. В каждом номере печатались стихи и рассказы на литературном финском языке. Эта инициатива была подхвачена другими финноязычными деятелями Ингерманландии. Уже через год, в 1871 году, стала выходить другая финская газета — “*Pietarin sunnuntailehti*”; основателем этого издания был пробст Ю.К. Йоквитс (также входивший в попечительский совет Колпанской семинарии), а главным редактором — Т. Фриман². С 1874 года вместо этой газеты Фриман начал издавать новую — “*Pietarin lehti*”, это издание продолжалось до 1879 года. Однако названные выше издания предназначались в большей степени для финнов, выходцев из Великого княжества, проживавших в Санкт-Петербурге. До ингерманландских финнов содержание этих газет могло не доходить.

Издания, ориентированные на ингерманландских финнов, появились в Петербурге в 1884 году, тоже не без участия финляндских финнов. Наиболее долговечной из этих газет оказалась «Инкери», выпуск которой начался в 1884 году. Газета носила религиозный и просветительский характер, а ее главным редактором был пастор А.Ф. Силен, который также

являлся выходцем из Финляндии. Активное участие в подготовке номеров «Инкери» принимали многие выдающиеся ингерманландцы, среди которых выделялась личность композитора и просветителя Моозеса Путро³.

Если при оценке влияния Финляндии на этнокультурное развитие ингерманландских финнов в сфере печатных изданий наиболее примечательны фигуры редакторов и авторов, то в школьной системе ключевыми персонами, безусловно, становились учителя. В становлении учителя как специалиста значительную роль играет педагогическое учреждение, подготовившее его, а точнее — педагогический коллектив этого учреждения. Несомненен тот факт, что, помимо знаний, преподаватель передает студентам частичку своего опыта, немного собственных впечатлений и представлений, формируя тем самым их мировоззрение. Этот важный компонент теории образования заставляет нас обратить внимание на ингерманландских учителей, в большей степени на тех, кто осуществлял их подготовку.

Для обеспечения нормальной работы церковных школ требовались финские учителя, которых не хватало. Пасторы просто не справлялись с огромным объемом работы. Это привело к тому, что в середине XIX века возникла необходимость в создании семинарии, осуществляющей подготовку учителей. Она обуславливалась ростом финского населения Санкт-Петербургской губернии и дополнялась характерными особенностями лютеранства. В соответствии с требованиями лютеранской церкви юноши, вступающие во взрослую жизнь, должны были уметь писать, читать Евангелие, а также знать наизусть некоторые выдержки из Малого Катехизиса Лютера. Без этих знаний молодые люди не могли пройти конфирмацию, а значит, стать полноправными субъектами финской общины. Молодые люди овладевали чтением и письмом в деревенских школах, но учителей не хватало. Многим детям приходилось ежедневно проходить более десяти километров от родной деревни до церковно-приходской школы и обратно. Решить эту проблему должна была Колпанская семинария.

Колпанская семинария начала свою работу в 1863 году⁴. В ней готовили учителей и кистеров⁵ для финских церковно-приходских (а впоследствии и народных) школ Ингерманландии⁶. Она была учреждена на средства вспомогательной кассы лютеранских приходов и, по существу, являлась результатом воплощения инициативы небольшой группы лютеранских священнослужителей.

Несмотря на все сомнения, решение об основании семинарии для подготовки финских учителей в Малых Колпанах было принято на собрании пасторов в 1860 году⁷. Обучение в семинарии было решено сделать бес-

платным, а бюджет формировался за счет средств из вспомогательной кассы лютеранских приходов и крестьянских пожертвований. После принятия этого решения при Колпанской семинарии был образован Попечительский совет, отвечавший за организацию учебного заведения. Первоначально в него входили пять человек: настоятель прихода Молосковицы Карл Эдвард Паландер, настоятель Гатчинского прихода Эдвард Леопольд Юргенсен, настоятель прихода Шпаньково Пауль Теодор Швинд, настоятель прихода Туутари Юхан-Кристиан Йоквитс и настоятель прихода Скворицы Юхан Грундстрем⁸.

Колпанская семинария существовала с 1863 по 1919 год, и все это время практически все ее руководители были выходцами из Финляндии. При этом роль Колпанской учительско-кистерской семинарии в культурном развитии ингерманландских финнов конца XIX — начала XX века трудно переоценить. Это учебное заведение стало кузницей национальных кадров Ингерманландии, воспитав и подготовив не одно поколение учителей. По образному выражению епископа Л. Хассинена, семинария «стала источником света для финнов Ингерманландии»⁹. Колпанская семинария в XIX — начале XX века формировала культурную элиту ингерманландских финнов. Благодаря семинарии возник слой людей, чья деятельность в значительной степени способствовала консолидации этой этнической группы.

Другой важной сферой, где влияние Финляндии отчетливо просматривается, была лютеранская церковь. Привлекает внимание тот факт, что с начала XIX века (скорее всего, после присоединения Финляндии к Российской империи) до 1917 года лютеранская церковь была ключевой организацией в жизни ингерманландских финнов. Финская лютеранская церковь на территории Санкт-Петербургской губернии не только удовлетворяла духовные потребности финнов-ингерманландцев, но и являлась их представителем и первым защитником перед государством. Именно церковные деятели инициировали создание Колпанской семинарии, ставшей впоследствии «источником света для финнов Ингерманландии». Именно в церковной среде зародилась финская интеллигенция, первые печатные издания. За счет лютеранской церкви росла сеть народных школ, не считая многочисленных конфирмационных и воскресных школ. Деятельность представителей лютеранской церкви можно считать «первопричиной» этнокультурного развития ингерманландских финнов.

Зачастую исследователи ингерманландских финнов подчеркивают их приверженность лютеранству, но эта конфессия не всегда и не везде была этнокультурной составляющей или компонентом этнической идентично-

сти ингерманландских финнов. Несколько миграционных волн, вызванных экспансионистской политикой шведского королевства после подписания Столбовского мирного договора, уже к концу XVII века позволили считать Ингерманландию, по мнению отечественных и зарубежных исследователей, провинцией с преимущественно лютеранским населением. Но существуют и обратные свидетельства. В пятом томе «Очерков России» в статье о поверьях и обычаях финнов написано: «Лет 60 назад на границах Новгородской губернии, в приходе Лисино, на холме рос можжевельный лесок и в середине его большое можжевельное дерево. Крестьяне соседней деревни огородили плетнем холм и приносили дереву, как жертву, первые зерна жатвы — первое молоко родильницы, первое молоко отелившейся коровы, пищу и вино, назначенные для праздников. Все это соблюдалось с большой строгостью, пока лютеранское духовенство не срубило дерево»¹⁰. Далее автор продолжает: «Подобное же поверье существовало в Ораниенбаумском округе, и вообще названия многих деревень напоминают имена местных богов»¹¹.

Пятый том «Очерков» был опубликован в 1842 году. Не трудно предположить, что «60 лет назад» — это 80-е годы XVIII века. Возникает противоречие, так как считается что финны, переселившиеся в эту область, уже были лютеранами. Учитывая факты, приведенные Пассеком, напрашиваются противоречивые выводы относительно конфессиональной приверженности ингерманландских финнов: либо финские переселенцы были лютеранами, но ассимилировались местными этническими группами, проживавшими в этих районах с давних времен, и приняли их верования; либо предки ингерманландских финнов были лютеранами только номинально, оставаясь приверженцами языческих верований, а христианами они стали благодаря активной «просветительской» деятельности лютеранской церкви на территории Санкт-Петербургской губернии; либо Вадим Пассек описывает не ингерманландских финнов, а местные финские племена, сохранившие свои архаичные представления, и т.д. Так это или иначе, можно продолжительное время рассуждать о данной мифологеме, но, на наш взгляд, центральное место в этом примере занимает не описание ритуала, а фраза «...пока лютеранское духовенство не срубило дерево». Именно указание на инициативные действия представителей лютеранской церкви имеет наибольшую смысловую ценность в этом отрывке.

Приведенный выше пример далеко не единственный. Он наиболее ярко раскрывает роль лютеранской церкви в истории ингерманландских финнов как ключевой этнообразующей силы.

Таким образом, в этнокультурном развитии ингерманландских финнов XIX — начала XX века ключевую роль играли выходцы из Финляндии. Причем, как нам удалось показать, наибольшее влияние ощущалось в церковно-приходской среде. Кроме того, заслуги финнов Финляндии в обеспечении этнокультурного развития ингерманландских финнов выражены в основании первых периодических печатных изданий, участии в создании Колпанской семинарии, создании условий для формирования ингерманландской интеллигенции, активизации просвещения ингерманландских финнов и т.д.

* * *

¹ Юссила О., Хентила С., Невакиви Ю. Политическая история Финляндии 1809–2009. М., 2009. С. 26.

² Мусаев В.И. Политическая история Ингерманландии в конце XIX — XX в. Кишинев; СПб., 2001. С. 49.

³ Моозес Путро родился в Санкт-Петербургской губернии и по праву считается наиболее выдающимся ингерманландским финном. После окончания Колпанской семинарии он продолжил музыкальное обучение в Финляндии, по окончании которого вернулся в Петербург.

⁴ Мусаев В.И. Указ. соч. С. 46.

⁵ Церковная должность у протестантов, совмещаемая с работой учителя в церковно-приходской школе; помощник пастора.

⁶ Шлыгина Н.В. Финны-ингерманландцы // Прибалтийско-финские народы. М., 2003. С. 474.

⁷ Мусаев В.И. Указ. соч. С. 46.

⁸ Халтсонен С. Ингерманландские финские школы и этапы народного просвещения // История ингерманландских финнов / пер. с фин. Р.И. Иванен. СПб., 2010. С. 215.

⁹ Риехкалайнен Ю. Ингерманландские финны. История и судьба. Петрозаводск, 2009. С. 29.

¹⁰ Пасек В. Очерки России. М., 1842. Кн. 5. С. 121.

¹¹ Там же.

Д. В. Бедник

«АЛАНДСКАЯ ВОЙНА» И КУЛЬТУРА ПАМЯТИ

Und wenn du lange in einen Abgrund blickst,
blickt der Abgrund auch in dich hinein.

F. Nietzsche

В немецкой методологии, которая после Второй мировой войны больше других сделала для развития инструментария историка, в 1990-е годы появилось такое понятие, как «культура памяти». Культура памяти отличается от исторической культуры тем, что включает уровень стереотипов, идентичностей и прочих базовых элементов повседневного восприятия истории. То есть культура памяти — это не то, как видят историю историки. Корпус работы историков называется исторической культурой. Культура памяти — это результат производства истории СМИ, пропагандой, массовым сознанием. В известном смысле культура памяти заняла в производстве прошлого то же самое место, которое в традиционном обществе занимал эпос. От более раннего понятия «ментальностей» культуру памяти отличает более конкретная адресация именно к производству истории. От традиционной народной эпической культуры культуру памяти отличает причастность к ее производству средств массового воздействия на коллективную память — от печатной продукции времени становления национальных мифологий раннего индустриального века до современных СМИ. Культура памяти, несомненно, влияет на историческую культуру, ведь именно она формирует те вызовы, на которые рано или поздно историку придется отвечать. В то же время в культуре памяти растворены конструкции, которые продвигались элитами в общества в относительно недавнее время. В ней они проходят определенный отбор, вступают в реакцию, раз-

виваясь уже независимо от тех целей, которые вкладывались в образы пропаганды на момент их непосредственного создания

Исследованиями такого раздела культуры памяти, как национальные идентичности, в последние три десятилетия занимались такие ученые, как Бенедикт Андерсон, Дэвид Энтони Смит, Эрик Хобсбаум. Их исследования дают представления о сходных процессах формирования национальных мифов Нового времени в разных странах. Основной генератор этих мифологий — национальные интеллигенции, которые в период (с поправкой на страну) конца XVIII — первой половины XX века боролись за право представлять собственное политическое творение — нации. В свете исследований вышеназванных ученых нация в современном понимании есть продукт, искусственно созданный таким новым типом элиты, как интеллигенция, которая заняла в сформированном ею же новом порядке ведущую позицию национальных и националистических бюрократий. Здесь важно подчеркнуть, что при этом менялись типы суверена и лояльности. На место лояльности государю в качестве нового суверена приходила нация. И первый политический акт такого рода в Европе есть объявление войны императору Австрии от имени нации Франции 20 апреля 1792 года. Растущий национализм новых элит породил новый тип национальных войн, которые пришли на место войнам государей и которые были характерны для большей части Европы вплоть до 1945 года.

В культуре формирования национальных мифов наблюдается общая модель. Позиционируется миф о славном, как правило очень древнем, прошлом. Далее переживается коллизия падения с вершины славы предков, которое должно искупить наступающее национальное возрождение. При этом создатели мифов перешагивали через исторический контекст, который на самом деле был открыт в исторической культуре еще в начале XVII века. Для мифологов национализма Нового времени было важно установить непрерывность между древними германцами и немцами, древними гелльветами и швейцарцами, средневековыми русичами и русскими, викингами и шведами, «древними финнами» и финнами. И они конструировали нацию как совершенно новый субъект лояльности, поэтому им было важно представить нацию абсолютной. Для того чтобы опрокинуть традиционно-персональный тип верности, который существовал еще в XIX веке в форме личной верности монархии, творцы наций разрушали естественные различия между эпохами, редактируя, а подчас и заново выдумывая необходимое им для национального вдохновения прошлое. При этом «древность» постулируется как некое абсолютное

время, причем оно «возвращается», цитирует «прошлое» в настоящем, что собственно типично для мифа.

Активное продвижение национальной мифологии началось в финской культуре памяти во второй половине XIX века. В этом плане интересны события, оказавшиеся на стыке сменивших друг друга двух типов лояльности: подданства, характерного для исторического контекста предшествующей эпохи, и гражданства, то есть лояльности нации, выдвинутой последующими поколениями государственного строительства в Европе. В этом же ключе преломляются названия и понятия. В финском случае борьба за национальную культуру памяти усугубляется борьбой за становление финской нации вопреки требованиям лояльности со стороны культур Швеции и России.

Для современного финского военного историка Перрти Лунтинена важно подчеркнуть, что историки-британцы называют войну на Балтике в ходе Крымской войны 1853–1855 годов «забытой». Шведы в прошлом могли называть Крымскую войну Восточной войной (*Orientaliska kriget*). Хотя современные финские историки остановились на названии Крымская война, но в прошлом в финской культуре памяти использовалось название Аландская война (*Oolannin sota, Det Åländska kriget*) как синоним Крымской войны. Примечательно, что Крымская война на Балтике велась не только за контроль над стратегически важными Аландскими островами. После капитуляции русской крепости Бомарсунд на Аландских островах 16 августа 1854 года война развивалась на восток в ходе атак союзного флота по побережью Ботнического и Финского заливов, в отражении которых сами финны принимали деятельное участие. «Аландская война» — это и название военно-патриотической песни, сочинение которой приписывается финским участникам обороны Бомарсунда. Согласно распространенной версии они сочинили ее в плену. Однако действительно популярной песня стала не раньше 1910-х годов. Исследователь истории песни Йеркер Орьянс (*Jerker Örgjans*) датирует самый ранний вариант песни в ее нынешнем виде 1911 годом.

В песне подчеркнуто, что она о финских парнях, о том, как финны, претерпевая лишения, выполнили свой долг. Но связь между финской патриотической песней-маршем времен становления финского национализма накануне образования Первой Республики и легендой о том, что именно эту песню сочинили финские пленные «Аландской войны», держится только на патриотизме. Между тем долгая череда коллизий со статусом Аландских островов (1856–1922) завершилась тем, что острова отошли к Финляндии,

хотя населены они не финнами. Население Аландских островов до сих пор говорит на местном диалекте шведского языка, так что претензия, выраженная в песне, относится к спору не только между финнами и русскими, но и между финнами и шведами, который более всего проявился в финско-шведских противоречиях после завершения Первой мировой войны. В процессе перехода Аландских островов к Финляндии ключевую роль сыграли немцы, но к этому мы вернемся в конце статьи.

Роль Швеции в Крымской войне на Балтике оказалась очень осторожной, главным образом благодаря личной позиции шведско-норвежского короля Оскара I. Союзники по Крымской войне, УК и Франция, предлагали Швеции присоединиться к военным действиям против России. Однако король начал выдвигать в качестве условия вступление в войну Австрии и по возможности Пруссии. Позиция последней, где среди прочего еще оставались сильны симпатии к России, была особенно проблематична для такого варианта, поэтому Швеция ограничилась предоставлением союзникам своих вод и портов. В то же время в Швеции либеральная националистическая пресса распространила слух о том, что теперь Финляндия с радостью готова пойти под скипетр шведско-норвежского короля. Это не соответствовало действительности.

В самом Великом княжестве Финляндском идея Николая I о борьбе за православную веру не могла встретить большого понимания, однако архиепископ Турку (Або) Эдвард Бергенхейм сумел в своей проповеди переплавить этот лозунг в борьбу против врагов христианства, каковыми представляли османы. В результате народ в основном поддержал войну российского императора на юге Европы. Любопытно, что вскоре после своего поставления в сан архиепископа Эдвард Бергенхейм в 1851 году включил Аландские острова в свои визитации. Реакция финских интеллектуалов на соглашательскую пропаганду Бергенхейма была довольно резкой, однако это была только часть тогдашней финской либеральной элиты. Финские историки в зависимости от своего настроения либо подчеркивают, либо вообще обходят стороной эту реакцию, но они сходятся на том, что основная масса населения с энтузиазмом поддержала войну. Кроме того, далеко не все интеллектуалы были настроены негативно по отношению к войне. Финский историк, поэт и журналист Сакариас Топелиус не принял переход прогрессивных держав на сторону османов, а на первый бой Таммисаари отреагировал призывом к совместной борьбе в поэме «Первая кровь» (“Den första blodsdroppen”).

С приближением союзной эскадры к берегам Финляндии на территорию Великого княжества были введены четыре русских гвардейских полка.

Август Шауман рассказывает, что население за свой счет угощало русских солдат табаком и водкой, а к обязанностям по содержанию войск относилось с солидарностью, воспринимая русских как солдат своего государя, явившихся защищать их от врагов. Было выставлено ленное ополчение Indelta, кроме того, в обороне берегов Финляндии от британских десантов приняли участие простые обыватели, среди которых были опытные охотники на морского зверя. Городские рестораны переживали свои золотые дни притока столичного офицерства под стук сабель и шпор, хлопанье пробок от шампанского и звон серебряных рублей.

Солидаризации финнов с русскими немало способствовала каперская тактика британцев, в результате которой финский торговый флот потерял в ходе войны треть своего тоннажа. Современные финские историки акцентируют свое внимание на том, что британцы видели в финнах только лишь русских подданных, что и сегодня можно прочесть в реляциях о прибрежных боях, выложенных сейчас на британских военных сайтах, где без различия говорится только о «русских», без упоминания о том, подданные они или не подданные.

В британской военной истории битва за Бомарсунд, твердыню Аландских островов, примечательна тем, что здесь был заработан первый Крест Виктории, выданный лейтенанту Чарльзу Дэвиду Лукасу, который поднял с палубы дымящийся русский артиллерийский снаряд и выбросил его за борт. Шедевром морского искусства является проход трех британских паровых фрегатов через пролив, расположенный прямо под стенами Бомарсунда. Пролив такой узкий, что сейчас его перекрывает небольшой автомобильный мост. Наземная осада Бомарсунда длилась недолго, с 13 по 16 августа. Она является заслугой французов, которые поставили на берегу батареи и нанесли недостроенным укреплениям непоправимый ущерб. Французы же понесли наибольшие потери из всех сторон, участвовавших в этих боях. Причем потери им нанесли финские снайперы-штуцерники, которые забрались на крышу башенных укреплений и открыли по французам прицельный огонь. В обороне Бомарсунда участвовали две гренадерские роты финнов. Остальной гарнизон состоял из солдат, прибывших из Новгородской и Тверской губерний. При численности гарнизона в 42 офицера и 1942 человека нижних чинов Бомарсунд сдался, потеряв 53 человека убитыми и 36 ранеными. Комендант Яков Бодиско избежал наказания за быструю сдачу крепости противнику, поскольку Николай I учел, что крепость считалась незаконченной и неготовой к обороне. Последнее существенно разнится с тем, что англоязычная пресса, которую мы можем про-

читать, поскольку среди прочих авторов ее тогда олицетворял молодой Карл Маркс, изображала Бомарсунд страшным и неприступным монстром призрачной тирании.

Сдавшиеся в плен в Бомарсунде финны были направлены в Англию и содержались в городе Льюис в Южном Эссексе. Британцы упорно продолжали не отличать их от русских. Так, игрушки, производством которых пленные зарабатывали себе на пропитание, получили название “Russian Toys”. Место, где были похоронены умершие во время плена финны, получило название “Russian memorial”.

И даже газета «Таймс» в припадке гнева продолжила в том же духе. «В то время как русские мясники убивают и калечат наших солдат на войне, мы позволяем их солдатам жить в роскоши и даже выписывать к себе из дома своих жен».

Впрочем, название “Russian memorial” появилось в 1877 году, когда на месте захоронения 28 финнов по приказу Александра II был воздвигнут памятный обелиск. Памятник восстанавливался в 1957 году за счет советского посольства. Оба эти события указаны на памятной плите на кладбище. В 2007 году британский композитор Орландо Гаф (Orlando Gough) восстановил историческую справедливость постановкой оперы «Финский пленник» (“The Finnish Prisoner”), для участия в которой были приглашены финские оперные певцы. Таким образом, финская идентичность узников тюрьмы Льюиса наконец-то обрела признание в современной культуре. Впрочем, в наше время борьба за идентичность находит себя не в самовыражении и признании, а в устойчивости национальных брендов, с чем у нынешних финнов нет проблем.

Следует все же вернуться в те времена, когда проблема идентичности решалась с точностью до наоборот, то есть требовала постановочной мегаломании самоутверждения национального духа, когда настойчивый театральный позыв вел людей на сцену, и часто этот путь заканчивался большой кровью. Эту сцену они представляли себе сценой истории, но декорации были вызывающе абсурдны, и сейчас кажутся уморительными, если бы они не были тогда так серьезны.

Речь идет о националистическом движении ряженных, которое достигло апогея в начале XX века и было вызвано к жизни попытками воссоздать фантастический идеал «древнего финна». Как выглядели эти «древние финны», никто точно не знал. Поэтому постановочная униформа «древнего финна» был доработана к использованию с оглядкой на сценические образы древних германцев, полярные в эту эпоху благодаря успеху Вагнера.

Фотографии того времени запечатлели людей, которые носили этот вымышленный наряд с абсолютно серьезными лицами.

На другой фотографии «древние финны» чинят велосипеды, сломавшиеся по пути на русский фестиваль 1912 года в Карелии.

«Древний финн» лупит дубиной русских.

«Древний финн» заносит свою дубину над зазевавшимся викингом.

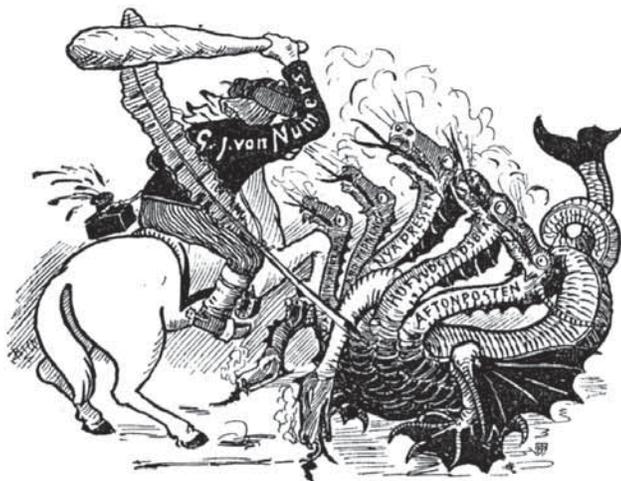
Arffienden.

Nationalistiskt röfvar drama i 2 akter.

«Древний финн» сражается со шведским газетным драконом.

Kust Inhä Irjänä
taistelussa viikinkiläistä sanomalehti-hirviötä vastaan.

Этот дракон зол и ироничен. На странице журнала “Fyren” он изображает финский национализм в виде огромной обезьяны, которая питается «древними финнами».

och »Suomen kansa».

Пас пересмешника пойман. И вот уже на финской карикатуре русский казак неряшливо поедает ногу «древнего финна».

„De första munsbitarna.“

— I hundra år, säger *Novoje Vremja*, har den här gynnaren gödt sig på Matuschkas bekostnad, och ändå vill jag inte lå ned de första munsbitarna, fast jag har en så fet och god sås som Europas krokodiltårar . . .

Как фарс эта кампания с «древними финнами» местами один в один воспроизводит запоздалые попытки насаждать национализм ряженных на сегодняшнем постсоветском пространстве. Например, совпадает со шведской карикатурой на финский национализм образ обезьяны в насмешках российской блогосферы над «древними украми». Но у финнов со шведами подобное форсирование абсурда было сто лет назад и в финском исполнении в итоге оказалось не шуткой. Ведь интенсивность насильственных смертей в ходе короткой, но беспрецедентно жестокой в рамках Европы финской гражданской войны (было уничтожено 1,2 % населения за три с половиной месяца) в 4 раза превосходит в пропорции времени/населения интенсивность Гражданской войны в России и в 7–8 раз — интенсивность гражданской войны в Испании.

Завершить этот небольшой рассказ о взаимоотношениях истории и культуры памяти на финском примере хотелось бы развязкой драмы статуса Аландских островов, с упоминанием малоизвестной детали немецкого

вмешательства в этот «треугольник», образованный финской мечтой и двумя ее соседями.

Завоевав Аландские острова, союзники по Крымской войне на Балтийском море предложили их Швеции. Но Швеция, сохраняя прежнюю осторожную позицию, отказалась, не желая становиться заложником отношений с Россией. Острова были возвращены России, но со статусом первой в Европе демилитаризованной зоны — на островах не должно было быть военных объектов. Статус демилитаризованной зоны на Аландских островах соблюдался Российской империей с 1856 года вплоть до Первой мировой войны. В ходе последней на островах были сооружены новые укрепления и размещен военный гарнизон. Выигрывая войну на Восточном фронте, германское командование еще осенью 1917-го начало готовиться к десантной операции в Финляндию. Там же начиная с 1890-х годов на волне финского национализма отношения между финнами и русскими резко ухудшились: финны видели в немцах своих освободителей. 27 января 1918 года разразилась финская гражданская война, и финны высадились на Аландских островах, чтобы прогнать русский гарнизон, который был революционным и управлялся местными советами. У русских была сильная позиция, они контролировали батареи Солис (Sålis batteri). Сражение при Годбю закончилось ничем 19 февраля 1918 года. Швеция, обеспокоенная опасностью Аландских островов для шведского населения, еще 15 февраля начала высадку собственных войск на острове.

К 21 февраля шведам удастся уговорить местный ревком подписать в Мариехамне договор о прекращении огня и эвакуации русских частей. Те же требования были предъявлены шведами к финнам. Финны сложили оружие и покинули Аландские острова 24 февраля 1918 года. Но недисциплинированные, охваченные революцией войска бывшей Российской империи плохо выполняли условия договора и продолжали стихийно обстреливать шведов. Тогда 5 марта 1918 к островам подошли германские линкоры «Рейнланд» и «Вестфалия». Немцы быстро разоружили русский гарнизон и установили контроль над островами. В этой обстановке шведские войска также ретировались, покинув острова 15 марта 1918 года. Немцы контролировали острова до сентября 1918 года, когда они передали их финнам. Финское военное присутствие продлится до 1922 года, когда в результате разрешения Аландского кризиса, то есть территориального спора Финляндии и Швеции, Аландские острова вновь обретут статус демилитаризованной зоны, уже в качестве территории Финляндии. Этот статус сохраняется за ними до сих пор.

* * *

Anderson Benedict. Imagined Communities: Reflections on the Origin and Spread of Nationalism. L.; N.Y., 2006.

Fewster Derek. Visions of Past Glory. Nationalism and the Construction of Early Finnish History. Helsinki, 2006.

Paasivirta Juhani. Finland and Europe. The Period of Autonomy & the International Crises 1808–1914. Helsinki, 1978.

Luntinen Pertti. The Imperial Russian Army And Navy In Finland 1808–1809. Helsinki, 1997.

Mäkinen Ilkka. The Historical Background and Imperial Context of the Finnish Language Decree of 1850. Knygotyra. 2005. 44.

<http://www.regeringen.ax/museum/salis.pbs>

http://digi.lib.helsinki.fi/index_en.html

<http://agricola.utu.fi/keskustelu/viewtopic.php?f=13&t=4456>

<http://www.troupesdemarine.org/traditions/histoire/hist014.htm>

М. В. Шкаровский

ВОЕННЫЕ ПОТряСЕНИЯ ФИНЛЯНДСКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ В 1939–1945 ГОДАХ

В 1941–1944 годах Западную Карелию, северные и северо-восточные районы Ленинградской области временно захватили финские войска. Религиозная жизнь там имела свои особенности. Православная церковь на территории Финляндии после отделения этой страны от России 11 февраля 1921 года получила автономию от Московской патриархии. Но 6 июня 1923 года она была принята с правами широкой автономии в Константинопольский патриархат. В межвоенный период Финляндская православная церковь значительно окрепла и выросла численно — с 55 тыс. верующих в 1920 году до 81 тыс., в том числе 65 тыс. финнов, в 1940-м. Она состояла из двух епархий — Карельской (16 приходов) и Выборгской (13 приходов), окормляемых 50 священниками, и имела 4 монастыря: Спасо-Преображенский Валаамский (200 монахов), Коневский (20), Свято-Троицкий Трифоно-Печенгский (17) и женскую монашескую общину в Линтуле, получившую статус монастыря в 1932 году (34 насельницы). Резиденция главы церкви архиепископа Германа (Аава, 1878–1961) находилась в Сортавале (Сердоболе), там же в 1918 году была открыта Духовная семинария. В 1935 году правительство Финляндии разрешило православной церкви взимать церковный налог¹.

После Советско-финской («Зимней») войны 1939–1940 годов по условиям Московского мирного договора юго-восточные районы Финляндии отошли к СССР, и 55 тыс. православных финнов из 18 приходов (около 70 % прихожан) были вынуждены эвакуироваться вглубь страны, три монастыря из четырех оказались утрачены, их насельники также эвакуировались. Духовная семинария и Выборгский епископ переехали в Хельсинки, а архиепископ Герман — в г. Куопио. В ходе эвакуации в Финляндию было

вывезено множество церковных святынь, которые и сейчас считаются наиболее почитаемыми в финских православных храмах. Так, главная святыня в Успенском кафедральном соборе Хельсинки — вывезенная из Выборга чудотворная Козельщанская икона Божией Матери². Община храма Казанской иконы Божией Матери в Терийоках (ныне — г. Зеленогорск) во главе с настоятелем протоиереем Михаилом Орфинским и диаконом Антонием Александровичем Быстриевским вывезла все святыни в Ярвенпяя, где был образован русский приход Финляндской православной церкви (сначала служба совершалась в спортивном зале, а затем в построенной церкви) и т.д.³

Отошедшие к СССР земли, включенные в состав созданной 31 марта 1940 года Карело-Финской ССР, оказались почти безлюдными, вследствие этого существовавшие на них храмы перестали действовать⁴. Мирная передышка в советско-финляндских отношениях была недолгой. О планах архиепископа Германа накануне начала второй войны с СССР говорится в докладе немецкого священника Л. Зентрке из Турку в МИД от 13 сентября 1941 года. В нем священник передавал содержание двух своих бесед с владыкой, состоявшихся 13–14 июня 1941 года. Архиепископ Герман был уверен в скором начале войны и заявил, что в случае передачи Финляндии территории Карелии (где проживали, кроме русских, родственные финнам православные карелы) она, вероятно, будет подчинена Православной церкви Финляндии: «Этим нашей церкви была бы поручена новая важная задача. Она должна помочь действительно включить это население в финский народ и вместе с тем возвысить его духовно и религиозно»⁵.

Как Православная, так и Евангелическо-Лютеранская церкви Финляндии благословили начало летом 1941 года новой войны с СССР. 26 июня шесть финских лютеранских епископов обратились к пастве в связи с началом войны с совместным призывом, в котором говорилось: «Снова народ Финляндии исполнен благодарности при мысли, что он опять призван выступить на защиту святой христианской веры и западной христианской культуры»⁶.

В первые месяцы войны финские войска заняли часть Карелии (с населением свыше 80 тыс. человек) и Ленинградской области. Архиепископ Герман вернулся в Сортавалу и приступил к осуществлению своих миссионерских и националистических планов. В сентябре 1941 года миссионерская работа в Карелии уже велась шестью представителями православного военного духовенства и, кроме того, тридцатью священниками, монахами, диаконами и шестью обученными мирянами, также планировалось напра-

вить на занятые территории 250 православных учителей. Финская церковная газета «Ферзамлингсбладет» 18 сентября сообщила, что Общество распространения Библии в России выпустило 5 тыс. православных молитвенников для раздачи советским военнопленным. Спрос на них оказался значительно выше ожидавшегося. К этому времени дважды в месяц стал выходить церковный листок на русском языке «Друг военнопленных» тиражом 7 тыс. экземпляров, которые распространялись в лагерях⁷.

В некоторых из них были православные священнослужители из числа самих пленных. Так, с июня 1942-го по август 1944 года в лагере советских военнопленных в г. Лаппеэнранта проводил богослужения священник Иоанн Иаковлевич Сафронов. Он попал в плен к финнам, работал на строительстве оборонительных сооружений и получил от администрации лагеря официальное разрешение исполнять обязанности священника. После окончания войны о. Иоанн служил настоятелем Троицкой церкви с. Подгощи Шимского района Новгородской области и был арестован 29 марта 1949 года по обвинению в проведении антисоветской агитации в период пребывания в Финляндии. 26 ноября 1949 года Военный трибунал войск МВД Ленинградского округа приговорил священника к 25 годам лагерей, но 24 октября 1955 года он был освобожден по амнистии, а в 1992 году реабилитирован⁸.

В целом существовала большая разница между Финляндией и Германией, где миссионерская деятельность среди советских военнопленных в основном запрещалась. Впрочем, у финнов имелся некоторый опыт еще со времен войны 1939–1940 годов. Уже тогда советские военнопленные читали в лагерях Евангелие, и значительное их число участвовало в регулярно проводившихся богослужениях. Перед тем как финские войска по мирному договору оставили передаваемый под советскую военную базу полуостров Ханко, они положили в каждый дом Новый Завет на русском языке⁹.

Евангелическо-Лютеранская церковь Финляндии тоже старалась вести активную работу в Карелии. Один из руководителей этой церкви, епископ Тампере М.А. Летонен, в ноябре 1941 года посетил занятые финскими войсками территории и увидел там большое поле для деятельности по преодолению последствий атеистического воспитания. Согласно газетной статье, рассказавшей о поездке епископа, его особенно поразила реакция двух молодых женщин на вопрос: «Знают ли они, кто был Иисус Христос?» Женщины ответили: «Мы это не знаем, во всяком случае, он жил не в этой деревне»¹⁰.

В газетной статье участвовавший в «деле евангелизации» доктор П. Вирккунен в январе 1942 года назвал подобную деятельность важней-

шей для церкви в настоящее время: «Сегодня в разгар войны перед нами стоит огромная задача — снова сделать здесь финских людей душевно свободными... Мы хотим теперь с Божией помощью спасти эту молодежь для Евангелия». Уделяла внимание Евангелическо-Лютеранская церковь и лагерям советских военнопленных. Иногда это приводило к конфликтам с заключенными, однажды даже был убит секретарь финляндского архиепископа пастор Кунила в Турку при душепопечительном посещении тюрьмы. В «Известиях Германской евангелической церкви» № 30 от 1 марта 1942 года сообщалось: «Убийца не проявляет никаких следов раскаяния, напротив, он цинично заявил, что ему, как убежденному коммунисту, совершенно безразлично, что он сам убил своего благодетеля»¹¹.

Часть финских православных общин на утраченных в 1940 году территориях была воссоздана. Так, приехавший в январе 1942 года в Карелию православный священник Пааво Саарикоски посетил возрожденную церковь с. Массила. В другом селе Виелярви он по приглашению жителей крестил их детей, во многих карельских деревнях на прежней советской территории раздавал крестьянам иконки, назидательные поучения и нашел, что, «несмотря на безбожие большевиков, народ остался верующим». В сообщении Католической информационной службы «Кипа» от 29 июня 1942 года говорилось, что население Выборга составляет 100 тыс. человек, и различные религиозные общины города провели собрания с целью открытия церквей, до недавнего же времени лютеране Выборга были вынуждены использовать для богослужения зал в жилом доме.

В дальнейшем в городе открылась Петропавловская кирка. Подобная ситуация была и у православных. В 1942 году в Выборг вернулся протоиерей Леонид Хоманен, до марта 1940 года служивший настоятелем финского православного прихода, и возобновил богослужения в Ильинской церкви. Деревянный храм Успения Божией Матери на кладбище был отремонтирован в 1942–1943 годах, и в нем также начались службы. Кафедральный же собор Преображения Господня был занят под склад советского трофейного оружия и, таким образом, не действовал (с 1940 по 1948 год).

В г. Кексгольме (ныне — Приозерске) открылись два православных храма — собор Рождества Пресвятой Богородицы и кладбищенская церковь Всех Святых. В Сортавале архиепископ Герман летом 1943 года освятил восстановленную городскую Никольскую церковь, в этот день на торжественное архиерейское богослужение прибыли богомольцы из различных районов Карелии. Кроме того, в Сортавале возобновились богослужения в Никольской церкви на Валаамском подворье и домовом храме Духовной

семинарии. Открывались храмы и на оккупированных «старых» советских территориях. Так, в Петрозаводске вновь стали действовать две недавно закрытые церкви — Екатерининская и Крестовоздвиженская, в последней служил иеромонах Павел (Олмари, до 1927 года имевший фамилию Гусев, 1914–1988) — будущий преемник архиепископа Германа в качестве председателя Финляндской православной церкви (1960–1987). В г. Олонце также открылись два храма — Успенская кладбищенская церковь и Никольский собор, в них служил местный уроженец иеромонах Савва (Саханов). В числе других населенных пунктов Карелии богослужения возобновились в Ладве, Шелтозере, Соломенном, Кондопоге, а в Ленинградской области — в Важинах и Гимреке. Правда, порой финские войска устраивали в православных храмах гарнизонные лютеранские кирки. Таким образом, они поступили с Олонецкой Смоленской церковью «на острове», православным храмом с. Хевроньино на р. Свирь и др.¹³ В Александро-Свирском монастыре в период оккупации находился финский военный госпиталь, но достоверных сведений о проведении лютеранских или православных богослужений в монастырских храмах нет.

Ни один из трех закрытых в 1940 году монастырей Финляндской православной церкви полностью возрожден не был, хотя в отношении Валаамского и Коневского такие попытки предпринимались. Монахи ушли с Валаама 19 марта 1940 года, и на нем были устроены школа юнг и военная база. 19 сентября 1941 года советский гарнизон оставил архипелаг, и 21 сентября финские войска заняли его без боя, что спасло монастырские храмы от разрушения. Через месяц несколько бывших насельников монастыря во главе с настоятелем игуменом Харитоном совершили поездку на острова. 20 октября они осмотрели почти неповрежденное подворье в г. Сортавала и 21 октября прибыли на Валаам. На следующий день монахи отслужили молебен преподобным Сергию и Герману Валаамским и Божией Матери в соборе, использовавшемся ранее под клуб советской военной базы. 28 октября 1941 года насельники покинули острова, вернувшись к остальной братии, проживавшей в местечке Папинниеме. Находившийся относительно недалеко от линии фронта Валаам занимали финские войска, и поэтому обитель не была возрождена во время войны. Правда, летом 1942 и 1943 годов семь монахов все же приезжали на остров и периодически служили в монастырских храмах¹⁴.

Насельники Коневского Богородице-Рождественского монастыря на острове Коневец покинули свою обитель также в марте 1940 года. Ее настоятель игумен Маврикий (Сережин) первоначально нашел место для

их размещения в селении Хамула коммуны Кейтеле в Северном Саво. Осенью 1941 года часть иноков снова прибыла на остров, пытаясь возродить монашескую жизнь. К тому времени все храмы, кроме Никольской церкви, сильно пострадали (их иконостасы были выломаны), и богослужения возобновились только в ней (с августа 1942 года). В 1944 году у алтаря Богородице-Рождественского собора согласно завещанию был погребен умерший 12 февраля в Финляндии (в г. Куопио) игумен Маврикий. 19 августа 1944 года последние насельники навсегда покинули о. Коневец, причем при эвакуации погиб наместник иеромонах Адриан. В дальнейшем, после нескольких лет скитаний, 32 коневских инока обосновались в усадьбе Хиекка коммуны Кейтеле, где монастырь просуществовал до середины 1950-х годов. 31 августа 1956 года девять последних насельников во главе с иеромонахом Дорофеем (Беляковым) переехали в Ново-Валаамский монастырь в Папинниеме, взяв с собой чудотворную Коневскую икону Божией Матери¹⁵.

В целом к концу 1943 — началу 1944 года в Карелии открылось около 40 православных храмов (после изгнания финнов на 1 ноября 1944 года в списке действующих числилось 18 церквей). Однако богослужения, как и восстановленное преподавание Закона Божия, проводились на финском языке. На Карельском перешейке и в Подпорожском, Вознесенском, Лодейнопольском районах Ленинградской области возобновили свое функционирование примерно 20 православных храмов. Служили в них, как и в карельских, в основном финские священники, в том числе военные, и иеромонахи Валаамского монастыря. На богослужениях они поминали архиепископа Германа и президента Финляндии Рюти¹⁶.

В январе 1942 года в оккупированной части Карелии действовали уже 150 учителей христианских народных школ и молодых священников. Все это делалось с санкции и при поддержке военной администрации. Так, в газетной статье священник Пааво Саарикоски писал: «Православная церковь Финляндии готова оказать помощь этим братьям по вере всеми имеющимися в ее распоряжении средствами. Финская военная администрация поддерживает эти устремления»¹⁷.

Аналогичный вывод можно сделать и на основе донесения командования советского Карельского фронта: «При Военном управлении Восточной Карелии имеется отдел просвещения, который через окружные и районные управления осуществляет контроль и руководство школьными и религиозными заведениями. В распоряжении отдела просвещения имеется группа попов, которая должна обслуживать население. В некоторых наиболее

крупных населенных пунктах открыты церкви. Попам, служащим в финских частях, предоставлена также возможность обслуживать гражданское население, но это производится только по просьбе попов, состоящих в штате при Военном управлении»¹⁸.

В обязательном порядке вводились крещение детей и оформление церковных браков, активно преподавали уроки Закона Божия. В созданных христианских народных школах большое внимание уделялось идеологическому воспитанию молодежи «в национальном духе». Окончившие такие школы получали свидетельства и в основном принимали лютеранскую веру, после чего могли принимать финляндское подданство¹⁹.

В официальном приказе главнокомандующего финской армией маршала Маннергейма «Об организации религиозной жизни на территории Восточной Карелии» говорилось следующее: «1. Каждый, кто относится к населению Восточной Карелии... может вступить в разрешенные на территории Военного управления Восточной Карелии (ВУВК) религиозные общины или выйти из них. Разрешенными религиозными общинами, которые имеют право открыто совершать обряды, являются евангелическо-лютеранская и православная церкви, также другие религиозные общины, на деятельность которых на территории Восточной Карелии дает особое разрешение командир Военного управления; 2. В органах управления религиозной общиной находятся представители Военного управления Восточной Карелии и подчиненные им должностные лица и служащие, которые назначаются командиром Военного управления...»²⁰

Во исполнение данного указания командир Военного управления Восточной Карелии подполковник В. Котилайнен 5 мая 1942 года издал свой приказ, в котором отмечалось: «Главкомандующий “армией Финляндии” считает, что на территории Военного управления Восточной Карелии среди населения не должно проводиться никакой религиозной агитации. Тот, кто хочет, в соответствии с данным вышеуказанным приказом имеет возможность вступить в любую религиозную общину, должен сделать выбор совершенно свободно по своим убеждениям, без уговоров и принуждения...»²¹

Вероятно, на указание об ограничении религиозной агитации в этих приказах повлияла соответствующая немецкая политика на оккупированных территориях СССР и личные директивы А. Гитлера о категорическом запрещении содействия развитию там церковной жизни. Из приведенных выше приказов также видно, что вся религиозная деятельность территории Военного управления Восточной Карелии достаточно строго контролиро-

валась и регламентировалась в соответствии целями и задачами Финляндии по овладению прилегающими территориями Советского Союза.

По официальным данным Военного управления Восточной Карелии, на 30 июня 1942 года в оккупированной части Карело-Финской ССР насчитывалось 4069 человек, состоявших в православных общинах, и 665 — в евангелическо-лютеранских. По всей видимости, эти сведения были далеко не полными, так как в конце 1943 года, по данным того же Военного управления, число православных составляло уже 30 632 человека, а лютеран — 2203²². Возможно также, что число верующих действительно несколько выросло.

К этому времени в финских частях в Карелии служили 11 лютеранских военных священников и 14 их помощников, а также 6 православных священников и 7 их помощников. Все они имели воинские звания и вне храма носили мундир. Указанные шесть православных священников в основном были выпускниками Сортавальской духовной семинарии: Серафим Филин, Михаил Куха, Олаф Петсало, Александр Казанко (Казанский), Пентти Хярконен и Вильхо Патронен. Для местных карельских жителей они служили эпизодически на финском языке и могли удовлетворять только первоочередные духовные потребности населения. Восстановления приходской жизни в полном объеме не произошло. «Восточная Карелия» не была окончательно включена в состав Финляндской православной церкви, руководство которой считало это неуместным до конца войны и заключения мирного договора. Поэтому архиепископ Герман не выезжал за границы 1940 года²³.

Следует отметить, что, в отличие от карел, большая часть русского населения была заключена в лагеря. При этом многие деревни Карелии и Пюсвирия имели смешанное население, и решение жителей, какой из них интернировать, а какой оставлять на месте, нередко принималось совершенно произвольно. Установленный в лагерях режим был очень жестоким, уже в первый год многие интернированные умерли от голода, болезней и непосильного принудительного труда. Во второй год войны вмешался Международный Красный Крест, и условия содержания немного изменились к лучшему. Большая часть лагерей находилась вблизи Петрозаводска. Там проживал единственный уцелевший в ходе репрессий 1930-х годов заштатный священник Петр Макаров, и с конца 1941 года он стал исполнять пастырские обязанности в четырех устроенных в лагерных бараках домовых церквях и молитвенных помещениях (во 2, 3, 5 и 6 лагерях). Только в июле–сентябре 1943 года о. Петр совершил в них 53 службы, на которых присут-

ствовало 11 500 молящихся и 1692 причастника, 27 молебнов с 6895 молящимися, 103 крещения, 32 отпевания, 26 панихид, 55 заказных молебнов, 55 заказных панихид, 26 миропомазаний и 32 приобщения больных²⁴. Все это утешало людей и давало им силы и надежду выжить в нечеловеческих условиях.

В составленной Ленинградским обкомом ВКП(б) в 1944 году информационной записке «О злодеяниях немецко-фашистских захватчиков в бывших оккупированных северных районах Ленинградской области и в районах Карельского перешейка» говорилось: «В северных районах Ленинградской области озверелые лахтари объявили все мирное население пленными. Целые семьи угонялись в рабство в Финляндию... Другую часть населения финны содержали в лагерях... До войны в Вознесенском, Подпорожском и Лодейнопольском районах проживало 86 676 чел., после освобождения районов от финских оккупантов на 20 июля учтено 1457 человек мирных граждан, бежавших из лагерей. В лагерях финские захватчики устанавливали режим голода и палки... Вследствие непосильного труда и голодного пайка... в лагерях была большая смертность. Только в одном Ильинском лагере от голода умерло 300 человек». Кроме того, финская армия в ходе боевых действий уничтожила несколько православных храмов, например две церкви в г. Лодейное Поле²⁵.

В июне–июле 1944 года Карелия и северная часть Ленинградской области были освобождены. Почти все финские священники, избежав репрессий, ушли с отступавшими войсками, и большинство приходов осталось без духовенства. Финляндская православная церковь после окончания войны вновь переживала тяжелый период, связанный с размещением на новом месте эвакуированных прихожан и монахов. Во второй половине 1940-х годов шли переговоры о ее возвращении под юрисдикцию Московского патриархата, но в конце концов они закончились неудачей, и Финляндская православная церковь осталась под окормлением Константинопольского патриарха.

* * *

¹ Bundesarchiv Berlin (BA), R 901/62300. Bl. 36–42.

² Элина К. Значение Севера в понимании духовности и святости // Север и история: материалы региональной научно-богословской историко-краеведческой конференции. Четвертые Феодоритовские чтения. Мурманск; СПб., 2012. С. 154–155.

³ Жаворонкова Н. Пасха / публ. и коммент. В.Ю. Черняева // Нансеновские чтения–2010. СПб., 2012. С. 323–324.

⁴ Бовкало А.А., Галкин А.К. Религиозная жизнь в Карелии в первое десятилетие после «Большого террора» // Финно-угры и соседи: проблемы этнокультурного взаимодействия в Балтийском и Баренцевом регионах. СПб., 2002. С. 265–266, 373, 375.

⁵ ВА, Р 901/62300. Вл. 36–44.

⁶ Там же. NS 15/552. Вл. 14.

⁷ Там же. Р 901/62291. Вл. 228–231, 234.

⁸ Справка Управления ФСБ РФ по Новгородской области от 30 июня 1994 года.

⁹ ВА, Р 5101/22415. Вл. 39.

¹⁰ Там же.

¹¹ Там же. Р 901/69292. Вл. 149; Р 901/69302. Вл. 81; NS 15/552. Вл. 2.

¹² Там же. NS 15/552. Вл. 27, 30.

¹³ Бовкало А.А., Галкин А.К. Указ. соч. С. 267–268; По обе стороны Карельского фронта. 1941–1944 гг. Документы и материалы. Петрозаводск, 1995. С. 209, 229.

¹⁴ Православная Русь. 1941. № 17–18. С. 7, № 21–22. С. 6–7.

¹⁵ Берташ А. Коневский Богородице-Рождественский мужской монастырь на о. Коневец // Журнал Московской патриархии. 2003. № 5. С. 43.

¹⁶ Центральный государственный архив Санкт-Петербурга (ЦГА СПб.). Ф. 9324. Оп. 1. Д. 7. Л. 95, 115.

¹⁷ ВА, Р 901/69292. Вл. 149.

¹⁸ Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 125. Д. 92. Л. 81.

¹⁹ Неизвестная Карелия. Документы спецорганов о жизни республики. 1941–1956 гг. Петрозаводск, 1999. С. 124–129; Макуров В.Г. О религиозной ситуации на оккупированной финнами территории Карелии. 1941–1944 гг. // Санкт-Петербург и страны Северной Европы: материалы Тринадцатой ежегод. науч. конф. (5–7 апреля 2011 г.). СПб., 2012. С. 379.

²⁰ Макуров В.Г. Указ. соч. С. 377.

²¹ По обе стороны Карельского фронта. С. 228–229

²² По обе стороны Карельского фронта. С. 413, 262; Макуров В.Г. Указ. соч. С. 378.

²³ По обе стороны Карельского фронта. С. 228–229; Бовкало А.А., Галкин А.К. Указ. соч. С. 267–268.

²⁴ Бовкало А.А., Галкин А.К. Указ. соч. С. 267, 275; Вестник Мемориала. 1993. № 2(6). С. 33–34.

²⁵ ЦГА СПб. Ф. 7179. Оп. 53. Д. 89. Л. 178–180.

А. И. Рупасов

НАВЯЗАННЫЕ ДРУЖБА, СОТРУДНИЧЕСТВО И ВЗАИМОПОМОЩЬ: СОВЕТСКО-ФИНЛЯНДСКИЕ ОТНОШЕНИЯ В 1947–1948 ГОДАХ

Противоречиями было пропитано все сотрудничество союзников по антигитлеровской коалиции. Завершение мировой войны только сняло некоторые из цепей, скреплявших его. К осени 1947 года сторонний наблюдатель без колебаний мог констатировать дальнейшее углубление пропасти между Западом и Востоком. На ноябрьско-декабрьской сессии Совета министров иностранных дел (СМИД) западными державами были предложены так называемые Дополнительные принципы, согласно которым предполагалось создание в западной оккупационной зоне сепаратного Германского государства. Фактически этой сессией СМИД был положен конец практике периодических встреч министров иностранных дел союзников по антигитлеровской коалиции для консультаций по принципиальным международным вопросам. Коалиция союзников приказала долго жить. Именно с осени 1947 года СССР начинает спешно выстраивать свою систему коллективной безопасности в Восточной Европе. 14 октября 1947 года Политбюро ЦК ВКП(б) утвердило директиву МИД СССР о заключении договоров о взаимопомощи со странами Восточной Европы¹.

На рубеже 1947–1948 годов президент Финляндии Ю.К. Паасикиви начал утрачивать свойственный ему в предшествующий период оптимизм. К нему возвратились настроения 1946 года, когда он занял президентский пост. Обсудив с премьером международную ситуацию, Паасикиви записал в дневнике: «М. Пеккала сказал, что люди покидают Финляндию, так как опасаются будущего. Лучшие уезжают, худшие остаются. Пеккала сказал, что слышал, что и евреи переселяются. Слышали, что три еврея продали свои акции и пр. и переехали в Швецию. Это тревожный знак, так как нюх они имеют».

К концу 1947 года советская дипломатия взяла курс на ужесточение своей линии в отношении Финляндии. Получение нот о возвращении в СССР «изменников» (речь шла об эстонцах, ингерманландцах и карелах) и конфискации «брошюры» сидевшего в лагере генерала Аиро заставило Паасикиви записать в свой дневник: «Я начинаю становиться пессимистом в отношении нашего будущего»².

Назначение вместо А.Н. Абрамова посланником СССР в Финляндии генерала Г.М. Савоненкова и актуализация советской стороной вопроса о военном союзе ставили под вопрос сохранение Финляндией суверенитета³. Тем более что становилось очевидным: рассчитывать на поддержку со стороны других великих держав Финляндии не приходится. Английский посланник Скот в беседе с главой МИД Карлом Энкелем подчеркнул, что Англия заинтересована в сохранении суверенитета Финляндии, но раз послом назначен Савоненков, то, скорее всего, договор о военном союзе будет финской стороной подписан, и уклонился от комментариев на рассуждения собеседника о том, что в случае большой войны Финляндия будет оккупирована Россией⁴. В отличие от английского дипломата У.К. Кекконен считал, что назначение Савоненкова объясняется провалом коммунистов на коммунальных выборах, а генерал, человек твердый и несклоняемый, направлен для оказания им поддержки на предстоящих парламентских выборах. Что же касается Энкеля, то он просто боится Савоненкова, его надо кем-то заменить в министерстве⁵.

Претензий к финским властям у Москвы становилось все больше. Помимо очевидного для советской стороны желания Хельсинки не только поддерживать, но и развивать отношения с Западом, появлялись и косвенные факты, свидетельствовавшие о наличии определенной тенденции к отдалению от СССР. Показательна в связи с этим история с созданием Института по изучению Советского Союза. Уполномоченный ВОКС в Финляндии, третий секретарь советской миссии Сергей Истомин в подготовленной им в 1948 году справке «Институт по изучению СССР» кратко обрисовал перипетии, связанные со становлением этого института. Сразу после подписания перемирия в сентябре 1944 года, писал он, «в кругах прогрессивной интеллигенции возникла мысль о создании в Финляндии специального института... Инициативу... проявил народный демократ, бывший член так называемой “шестерки”, депутат сейма магистр Карл Вийк⁶. Он поделился тогда же, осенью 1944 года, своими мыслями о создании института с А.А. Ждановым... Товарищ Жданов отнесся к этому предложению положительно». В 1945 году Государственный совет Финляндии учредил при

Министерстве народного просвещения Государственный комитет для подготовки и изучения вопроса о создании института. Однако смерть Вийка в 1946 году остановила работу этого комитета. Только в 1947-м правительство Мауно Пеккала приняло решение о внесении в государственный бюджет отдельной строкой ассигнований на работу создаваемого института. Это решение нашло поддержку в эдускунте и у президента. Однако директором созданной структуры по изучению Советского Союза был назначен доцент Хельсинкского университета Валентин Юлиус Александер Кипарский. По мнению Истомина, трудно было подобрать на этот пост более подходящую для реакционеров кандидатуру, чем «трус и конъюнктурист» профессор Кипарский⁷, человек, политически близкий к самой реакционной партии — Коалиционной, который во время войны носил немецкую военную форму и входил в группу финских ученых, целью которых «являлись классификация и вывоз культурных ценностей Ленинграда после занятия его доблестной финской армией»⁸. Истомин не ограничивался составлением справки для руководства, он активно предпринимал шаги для устранения Кипарского.

Раздражение Истомина становится понятным, если учесть, что цели, ради которых создавался институт, не были достигнуты — институт не стал некой подконтрольной обществу «Финляндия — Советский Союз» структурой с политико-идеологическими, а не чисто научными целями. Кипарский и второй директор Игорь Вахрос опасались, что институт может оказаться под контролем общества «Финляндия — Советский Союз», и предпринимали в этом направлении определенные шаги.

Если вопрос о директоре Института по изучению Советского Союза относился, в общем, к числу маргинальных, то тема оборонительного союза таковой не являлась. В общих чертах она затрагивалась Ждановым в беседах с Маннергеймом еще в январе 1945 года, но затем, к удовлетворению финских властей, была забыта. Причины, по которым она стала актуальной во второй половине 1947-го, до сих пор остаются не вполне ясными. Не ясно даже кем она была внесена в повестку дня.

Слухи о возможном военном союзе оживились в начале 1947 года. Тогда Паасикиви дал интервью газете “SNS”⁹, в котором сказал следующее: «Я заверял генералиссимуса Сталина осенью 1939 года, что мы никому не позволим напасть на СССР с территории Финляндии. Я придерживаюсь этой точки зрения и сейчас. Если кто-то в будущем захочет напасть на Советский Союз через нашу территорию, то мы вместе с Советским Союзом будем драться столько, сколько сможем»¹⁰.

Осенью 1947 года, напутствуя выезжающую в Москву для обсуждения ряда экономических вопросов и различных аспектов репараций делегацию во главе с Пеккала, Паасикиви строжайше запретил касаться темы оборонительного союза. Этот запрет отнюдь не означал, что президент был категорически против заключения такого союза или видел возможность избежать такого исхода дела. Скорее всего, он осознавал, что какого-то варианта избежать не удастся, а поэтому для него актуальным становился вопрос о компенсации, на которую могла бы рассчитывать Финляндия (сам он склонялся к мысли, что возможна была постановка вопроса об изменении границы)¹¹. Однако делегация действовала, по выражению Паасикиви, как слон в посудной лавке, и вопрос об оборонительном союзе оказался затронутым¹². Молотов ухватился за представившуюся возможность и указал на подписанный некоторое время назад советско-венгерский договор о взаимопомощи. Мяч оказался на финской стороне.

Разногласия по этому вопросу между премьером и президентом после возвращения Пеккала из Москвы достигли предела: глава правительства угрожал отставкой. По его инициативе вопрос был внесен в комиссию по международным делам Государственного совета (правительства), и было принято решение о необходимости выработки финского проекта договора. Со своей стороны глава МВД Юрье Лейно требовал от министра иностранных дел Карла Энкеля начать переговоры. Но и позиция Паасикиви в это время ужесточилась: договор не является необходимым, от него следует отказаться, вопрос о компенсациях в любом случае подлежит дополнительному исследованию.

В конце 1947 года Паасикиви поручил выяснить отношение Лондона к вероятному подписанию договора о дружбе, сотрудничестве и взаимопомощи с СССР не министру иностранных дел Энкелю, которого считал слишком уступчивым в переговорах с русскими, и не посланнику в Англии Ээро Вуори, которого президент считал очень боязливым, а министру обороны социал-демократу Юрье Каллинену, принадлежавшему в руководстве СДПФ к умеренному центру. Каллинен, как убежденный пацифист, был против договора. Зондаж позиции Лондона привел к тому, что, собственно, и Каллинен, и Паасикиви хотели услышать. В Англии надеялись на то, что Финляндии удастся не соскользнуть целиком под опеку Советского Союза: в деле с договором лучше выиграть время, оно остудит пыл Москвы¹³. Дело оставалось за малым: имеется ли у финских властей возможность затянуть время, так как в Москве дали понять, что тема договора не будет снята с повестки дня.

Финский посланник в Англии Ээро Вуори, более склонный к пессимизму, считал, что цель русских заключается в том, чтобы изолировать Финляндию от остального мира, чтобы она представляла как связанная с восточным блоком страна. Вожди социал-демократов Варьонен и Лескинен, несмотря на весь свой пыл и желание бороться с Москвой, осознавали, что возникающая между Западом и Востоком пропасть несет в себе угрозу того, что Финляндия останется один на один с Советским Союзом. Однако они считали, что, прежде чем подчиниться Москве и подписать договор, следует использовать все средства борьбы. Лескинен полагал, что позиции его партии настолько сильны в рабочей среде и особенно в профсоюзных организациях, что СДПФ в случае чего способна управлять ситуацией, если коммунисты попытаются предпринять определенные действия¹⁴. В Лондоне такой оптимизм Лескинена считали избыточным, правда, полагали, что Паасикиви мог бы пойти на уступку русским в вопросе о союзе, но Эдускунта могла бы такой договор не ратифицировать.

Паасикиви разрабатывал варианты первой беседы с новым советским посланником Савоненковым, на которой ожидал постановки вопроса о военном союзе. Однако тот при встрече с Паасикиви 23 января 1948 года так и не коснулся прямо вопроса об оборонительном договоре. Это оказалось неожиданным для президента. Савоненков поднял вопрос о необходимости приезда Паасикиви в Москву для улучшения двусторонних отношений. Последний попытался уклониться от поездки, заметив, что дела в Финляндии решаются не президентом, а Эдускунтой, что он уже весьма пожилой человек (77 лет) и поездка будет весьма тяжела для него. Паасикиви очень настораживало одно обстоятельство: Савоненков был настойчив в том, чтобы поездка была предпринята по инициативе самого президента, а не советского правительства.

Визит посланника вызвал у Паасикиви предельное беспокойство. В течение нескольких дней он подготавливал ответ. 26 января на страницах дневника президент записал его по-русски: «Я польщен Вашим заявлением, что благодаря тому доверию, которым я рад пользоваться со стороны руководящих членов советского правительства, их личный разговор со мною облегчил бы разрешение текущих вопросов. Я, однако, надеюсь и даже уверен, что это совершится с успехом и без моей поездки в Москву. Советское правительство неоднократно выражало свое одобрение по поводу лояльного¹⁵ исполнения Финляндией данных обязательств. Мы, напрягая все силы, выполним заключенный мирный договор, соблюдая притом наше законодательство, согласно которому действия правительства строго

ограничены решениями парламента. Президент Республики может действовать лишь вместе с правительством и парламентом, а в случае несогласия с последним — объявить новые выборы. Экономические и технические вопросы должны быть обсуждаемы специалистами обеих договаривающихся сторон до их решения. Я не сомневаюсь, что благодаря Вашему личному знакомству с условиями страны все эти вопросы будут удовлетворительно разрешены посредством доверчивых и дружественных переговоров с Вами. Без сомнения, моя поездка в Москву вызвала бы в общественном мнении большую сенсацию и беспокойство; что при нынешних условиях, принимая тоже во внимание уже начавшуюся выборную кампанию, следует безусловно избегать. Ко всему сказанному следует присовокупить, что состояние моего здоровья не допускает связанного с поездкой физического напряжения сил. По настоянию врача я должен соблюдать самую тщательную осторожность, чтобы при моем 77-летнем возрасте сохранить возможность исполнения моих обязанностей. Мой врач констатировал у меня слишком низкое давление крови и предписывал мне строгий режим и лекарства для подкрепления действия моего сердца. Каждый вечер и в течение ночи я должен принимать усыпительные средства. У меня голова кружится.

Я надеюсь, что благодаря Вашим всегда любезным отношениям ко мне тот факт, что я (несмотря на Ваш совет) не могу предпринять поездку в Москву, не поведет к каким бы то ни было нежелательным толкованиям. Будьте уверены, что я всеми силами стараюсь упрочить дружбу между нашими странами и всячески стараюсь использовать эти силы для блага моей родины. Я остаюсь верен убеждению, что счастливая будущность моей родины зависит от дружеских отношений и обоюдного доверия между Финляндией и Советским Союзом»¹⁶.

Савоненков пришел к Паасикиви за ответом 28 января. Президент пункт за пунктом стал объяснять ему внутривнутриполитическую ситуацию в стране и заверять в неизменности внешнеполитического курса Финляндии, поскольку в отношении последнего, как он сказал, «кажется, есть какое-то недоразумение». Политический курс Финляндии не изменился, все партии, все слои народа поддерживают политику, которая проводится после подписания перемирия, направленную на улучшение отношений с Советским Союзом. Весь народ единодушен в том, что мирный договор следует пунктуально выполнять. Но также ясно, что народ Финляндии не только стремится выполнять условия мирного договора, но и обращает внимание на те его положения, которые закрепляют права Финляндии. Следует учитывать,

в том числе и посланнику, наше законное внутреннее общественное устройство. У нас много политических партий, и они соперничают друг с другом. Это только наше внутреннее дело. У нас политическая свобода. Это закреплено в нашей конституции и подтверждено ст. 6 мирного договора. Заявив это, Паасикиви зачитал ст. 6 договора, а затем и вышеприведенный ответ по вопросу о его поездке в Москву. В ответ он услышал, что поездка в Москву является исключительно важной. Что же касается «сенсации», которую она вызвала бы в Финляндии, если народ Финляндии выступает за дружественные и добрые отношения с Советским Союзом, то как эта поездка могла бы стать сенсацией, ведь ее единственная цель — улучшение отношений. Большее значение Савоненков придал аргументу о состоянии здоровья Паасикиви, хотя, как отметил, последний едва ли сам верил в него. Посланник заметил, что поездка могла быть организована в соответствии с пожеланиями Паасикиви. По окончании беседы у Паасикиви сложилось впечатление, что Савоненкову известно (от коммунистов или премьера Пеккала) о данном им Энкелю поручении подготовить заявление об оборонительном союзе. «Это ужасно, что ничего нельзя доверить премьер-министру»¹⁷.

После визита советского посланника Паасикиви предпринял колоссальные усилия, чтобы обеспечить поддержку своей позиции большинством эдускунты. В беседе с представителями Шведской народной партии, Аграрного союза и СДПФ он доказывал желательность откладывания вопроса на время после парламентских выборов. Он явно рассчитывал, исходя из результатов выборов в Центральную организацию профсоюзов, на которых коммунисты потерпели поражение, а социал-демократы получили большинство мест в руководстве, что новый расклад сил в эдускунте будет для него более благоприятным и создаст возможности для того, чтобы «закрыть» вопрос. Паасикиви устраивали внешнеполитические установки как фракции СДПФ в эдускунте, так и руководства партии. Рейнхольд Свенто, с которым Паасикиви встретился 1 марта, подтвердил, что большинство партии за западный блок, так как Запад — это подлинная демократия.

Навестивший Паасикиви У.К. Кекконен, рассказывая о своей поездке в Скандинавию, поведал, что в Швеции и Норвегии ходит масса слухов (особенно в последней): финские солдаты будут одеты в русскую униформу, «железный занавес» опустится на Финляндию и т.п. Настроения президенту эта информация не улучшила.

5 февраля 1948 года заместитель министра иностранных дел СССР В.А. Зорин принял финского посланника. К. Сундстрем начал беседу с того, что напомнил о нерешенных вопросах — о желательности возобновления

переговоров о Сайменском канале, клиринговых расчетах по содержанию дипломатических миссий. Зорин кратко ответил, что эти вопросы изучаются советскими специалистами, но далее заметил: «...у нас имеются вопросы, которые задерживаются и трудно решаются, и есть вопросы, которые решаются сравнительно легко. Примером этого может служить подписанный вчера Договор о дружбе, сотрудничестве и взаимопомощи между СССР и Румынской Народной Республикой». Сундстрем «начал явно оправдываться, что, очевидно, по вине финской стороны некоторые вопросы не могут быть удовлетворительно и быстро решены, намекнув прозрачно на советско-финский пакт. Я подтвердил его мысль», — завершил беседу Зорин¹⁸.

Еще до начала переговоров в Москве о заключении договора о дружбе, сотрудничестве и взаимопомощи Савоненков 17 февраля 1948 года направил заместителю министра иностранных дел Зорину¹⁹ справку о выполнении Финляндией условий мирного договора, подготовленную первым секретарем миссии А. Зотовым. В справке констатировалось, что, несмотря на заявления членов правительства и президента, в которых давалась высокая оценка заключенному договору и подчеркивалось стремление к дружественным отношениям с СССР, «после отъезда из Финляндии Союзной контрольной комиссии в правительственных учреждениях и сейме усилилась со стороны реакционных элементов тенденция, направленная к затягиванию, неправильному толкованию и срыву выполнения отдельных статей мирного договора». Недовольство Савоненкова вызывала позиция главы МИД Финляндии Энкеля, который на неофициальном заседании правительства высказался за то, чтобы советская миссия была лишена возможности запрашивать различные сведения в других организациях, минуя МИД²⁰. Несмотря на то что в справке констатировалось выполнение большинства постановлений мирного договора, однако ее общий тон был негативным.

21 января 1948 года Договорно-правовое управление МИД СССР направило руководству МИД предложение о возобновлении действия Советско-финляндского мирного договора 1920 года, «так как этим договором определена значительная часть советско-финляндской границы». Чем в действительности была обусловлена актуализация данной темы этой МИДовской структурой, остается не вполне ясным. Но уже 17 февраля глава управления С. Голунский в докладной записке на имя А.Я. Вышинского отказался от этой инициативы. Обоснование причин отказа вызывает вопрос, что вообще побудило выступать с ней. «...указанный договор содер-

жит в себе постановление, возобновление которого является малоцелесобразным, а именно, установление территориальных вод в Финском заливе лишь в размере 4 миль, — писал Голунский. — ...В ст. 1 Мирного договора [1947] с Финляндией указано, что “границами Финляндии будут границы, существовавшие на 1 января 1941 года, как они показаны на прилагаемой к договору карте”. И так как границей 1941 года является в соответствующих частях граница 1920 года и так как эта граница уже демаркирована на местности, то едва ли можно ожидать, что между СССР и Финляндией возникнут какие-либо недоразумения по поводу линии границы». В итоге Голунский констатировал, что невыгоды от возобновления действия договора 1920 года перевешивают выгоды²¹. В чем заключались «выгоды», он так и не объяснил. В то же время более профессионально в ДПУ МИД подошли к вопросу о возобновлении других довоенных соглашений с Финляндией. Например, желательным было возобновление соглашения от 28 октября 1922 года о поддержании главного фарватера и производстве рыбной ловли в пограничных водных системах; соглашения об Аландских островах от 11 октября 1940 года. Вместе с тем ДПУ и 5-й Европейский отдел МИД были против возобновления соглашения 1922 года о порядке производства рыбного промысла в Финском заливе, соглашения 1923 года о поддержании порядка в части Финского залива вне черты территориальных вод и содержания мореходных сооружений и лоцманской службы в Финском заливе, конвенции 1924 года о почтовых и телеграфных сообщениях (всего в общей сложности 12 соглашений и конвенций)²².

16 января 1948 года Генеральный штаб Министерства вооруженных сил СССР направил в МИД ответ на запрос последнего от 7 января. В подписанном заместителем начальника Генерального штаба генералом армии Антоновым документе указывалось, что вопрос об Аландских островах, который является одной из составных частей общей проблемы безопасности в зоне Балтийского моря, и демилитаризация архипелага создают определенную гарантию такой безопасности, что и обуславливает, с военной точки зрения, желательность «оставления в силе» советско-финляндского соглашения от 11 октября 1940 года. «Такая точка зрения по этому вопросу вызывается еще и тем обстоятельством, что указанное выше соглашение не только предусматривает демилитаризованное состояние Аландских островов и запрещение Финляндии предоставлять эти острова другим государствам для использования их в военных целях, но и предоставляет Союзу ССР определенные права осуществлять контроль за состоянием демилитаризованных островов». Кроме того, Антонов указывал на то, что изменение

этого соглашения «не только может вызвать продолжительную дискуссию и возражения финнов по отдельным вопросам, но и привести к ослаблению действующих ограничений для Финляндии, что также считается нежелательным»²³.

В Москве, судя по всему, устали ждать проявления в вопросе о договоре инициативы финской стороны. События в Чехословакии, вызвавшие бурную реакцию на Западе, порождали опасения советской стороны, что в Хельсинки намеренно будут затягивать принятие решения. В этой ситуации советская дипломатия прибегла к максимально возможному давлению: 22 февраля Паасикиви получил личное послание Сталина с предложением заключить договор.

Февральские события в Чехословакии сказались на внутривнутриполитической атмосфере Финляндии. С начала марта муссировались слухи о возможных провокациях коммунистов, что побудило командующего вооруженными силами генерала А. Сихво 11 марта после обсуждения вопроса с армейским командованием отдать распоряжение об усилении охраны складов с оружием и обеспечении максимальной безопасности коммуникаций советской военно-морской базы в Порккала-удд. По докладу Сихво Паасикиви 13 марта распорядился привести в состояние повышенной боеготовности столичный гарнизон²⁴. Когда 10 марта, встревоженные слухами о коммунистическом перевороте, к Паасикиви пришли социал-демократы Эмиль Скуг и Алекси Аалтонен, президент был взбешен: «Если этот народ настолько гнил, что может позволить какой-то маленькой группе осуществить государственный переворот, у него нет права на жизнь»²⁵. Масла в огонь подлила Хертта Куусинен, выступая 23 марта в «Мессухалли», которая заявила, что чехословацкий путь — это и путь Финляндии.

28 февраля 1948 года начальник 5-го Европейского отдела МИД Абрамов направил генеральному секретарю МИД СССР Б.Ф. Подчеробу для передачи Молотову два варианта статьи о Финляндии: «Советское предложение Финляндскому правительству» и «О советском предложении Финляндии». В последней подчеркивалось: «Актуальна ли проблема такого договора? Несомненно. Только ничего не мыслящие в политике люди могут утверждать обратное. Если Англия и Франция, заключившие в 1947 году такой договор, сочли это актуальным, то почему это не могут сделать Румыния, Венгрия или Финляндия?» На записке Абрамова сохранилась помета Молотова: «С этим подождать. М.»²⁶.

Финская делегация прибыла в Москву 22 марта. 25 марта в 6 часов вечера состоялась встреча двух правительственных делегаций²⁷. Молотов

высказал пожелание, чтобы договор был заключен по образцу советско-венгерского или советско-чехословацкого договора. Пеккала высказался за то, чтобы за образец был принят советско-чехословацкий договор²⁸, заметив при этом, что «есть и другие возможности, к которым можно будет вернуться при более детальном рассмотрении вопроса». Финская сторона настаивала на том, чтобы «вопрос о военном сотрудничестве во время войны касался бы исключительно территории Финляндии и чтобы заключенный договор не ограничивал право Финляндии как суверенного государства — это главный принцип»²⁹.

На следующий день у Молотова состоялась встреча с Пеккала с глазу на глаз. Гость начал с извинения, что он попросил во время переговоров о конфиденциальной встрече. «Он это делает по двум причинам: во-первых, состав приехавшей в Москву на переговоры делегации настолько пестр, что он не может откровенно при официальных переговорах объяснить действительное положение дела, и, во-вторых, по его мнению, во взаимоотношениях между великой и малой державами со стороны последней не может быть никаких дипломатических секретов и интриг». Далее он сообщил, что шесть членов делегации высказались за то, чтобы формулировка «Советский Союз по просьбе Финляндии окажет последней необходимую помощь» была заменена на следующую: «Советский Союз во взаимопонимании с Финляндией окажет последней необходимую помощь». Объяснил он это тем, что в Финляндии может быть создано такое правительство, которое не захочет просить о помощи. При этом он предостерег Молотова: «...большинство сейма не понимает необходимости заключения такого договора»³⁰.

Именно в этот же день генеральный секретарь финской делегации Тауно Суонтауста передал советской стороне в ответ на ее пожелания «перечень условий, содержание которых отвечает точке зрения Финляндского правительства», подписанный премьером Мауно Пеккала. Отложившийся в фонде Молотова в Архиве внешней политики документ (в нескольких копиях) содержит карандашную правку³¹. Насколько можно судить по пометке, она вносилась не главой советского внешнеполитического ведомства. Подчеркнутыми оказались слова «перечень условий», что явно отражало неприятие подобной формулировки. Фраза из финского документа «если собственные силы Финляндии окажутся недостаточными для вышеупомянутого нападения»³², то Советский Союз по взаимному соглашению с Финляндией окажет ей необходимую помощь» была рукой неизвестного советского дипломата отредактирована следующим образом: «В указанных

выше случаях Советский Союз в соответствии с настоящим соглашением окажет ей необходимую помощь». Тем самым обусловленность оказания помощи невозможностью решения задачи самой Финляндией полностью устранялась. Кроме того, обязательство Финляндии («согласно долгу самостоятельного государства») оказать сопротивление нападению Германии оказалось дополненным словами «вместе с СССР будет бороться против агрессии». В другой копии этого документа была внесена правка в еще один пункт «перечня условий». Пункт 2-й, гласивший, что «договаривающиеся стороны будут консультироваться друг с другом в случае констатирования угрозы военного нападения», был в секретариате Молотова отредактирован следующим образом: «Договаривающиеся стороны будут консультироваться друг с другом о мерах, которые должны быть приняты в целях устранения угрозы агрессии»³³.

27 марта переговоры были продолжены. Они начались с заявления Пеккала, что укрепление двусторонних отношений должно соответствовать жизненным интересам обоих государств и «особенно должно послужить неуклонному стремлению Финляндии стать вне каких-либо международных ссор и конфликтов». Едва ли это подчеркивание стремления к нейтралитету пришлось по душе членам советской делегации (особенно Зорину). Продолжая, Пеккала заявил, что «одновременно договор должен являться как бы выражением стремления обоих государств находиться в тесном сотрудничестве друг с другом». Касаясь собственно случая, при котором Финляндия окажется неспособной отразить агрессию собственными силами и СССР станет оказывать ей необходимую военную помощь, Пеккала заметил, что было бы целесообразно «пополнить договор консультацией на тот случай, если подобная агрессия будет констатирована». Иными словами, финская сторона хотела закрепить некую дополнительную гарантию того, что советской стороной не будут предприняты действия, вытекающие из односторонней оценки ситуации. Премьер был поддержан народным демократом Рейнхольдом Свенто: «Здесь главная мысль — в консультации». Пеккала, в свою очередь, добавил: «Со стороны Финляндии предполагается, что военные мероприятия вступают в силу лишь во время войны, но не в мирной обстановке. Подготовительные работы технического порядка и иные мероприятия, которые предполагаются в целях сотрудничества военного времени на финляндской территории и о которых особо будет оговорено, проводились бы финляндской государственной властью». Последние слова финского премьера указывали на озабоченность возможностью присутствия советских военных специалистов, не говоря уже о воинских частях³⁴.

Молотов согласился принять за основу финский проект договора, свой проект советская сторона вносить отказалась. Более того, отметив, что финский проект носит более ограниченный характер, чем советско-венгерский или советско-чехословацкий договор, Молотов согласился с пожеланием финской стороны о консультациях, предложив следующую формулировку: «Договаривающиеся стороны будут консультироваться друг с другом о мерах, которые должны быть приняты в целях устранения угрозы агрессии»³⁵.

У Молотова состоялась еще одна примечательная встреча с одним из членов финской делегации — с Карлом Энкелем 1 апреля. Молотова интересовали причины отъезда двух членов делегации в Хельсинки. Энкель дал пространственный и очень интересный ответ: «Дело в том, что президент Паасикиви — уже весьма пожилой человек и сейчас при обсуждении вопроса о договоре его запутали партии, существующие в Финляндии. Различные фракции сейма представили разнообразные заключения по проекту договора, и президент не может составить на основе этих заключений своего общего вывода. Поэтому он попросил финляндскую делегацию в Москве прислать к нему двух советников³⁶. Говоря откровенно, Паасикиви слишком распустил фракции сейма. Члены парламента болтают о всякой всячине»³⁷. Однако именно слова Энкеля о том, что Паасикиви слишком распустил сейм, скорее всего, весьма серьезно были восприняты его собеседником. Поступавшая в Москву информация о раскладе сил в эдускунте не оставляла сомнений, что ратификация договора может встретить очень сильное сопротивление.

6 апреля 1948 года договор был подписан. Положения его статей, безусловно, не создавали из Финляндии военного союзника Советского Союза, но считать их «исключительно выгодными» для Финляндии, как их оценивал, например, Юкка Невакиви, все же затруднительно. Положение о проведении при определенных обстоятельствах двусторонних военных консультаций в дальнейшем не раз служило ограничителем для свободы действий финских политических кругов даже в области внутренней политики.

Советско-финляндские переговоры вызвали настроенный интерес в государствах Скандинавии. Считалось, что возможный военный союз сделает Финляндию буферным государством, а в результате Швеция окажется пограничной с Советским Союзом страной, что вынудит ее пересмотреть весь комплекс взаимоотношений с Западом и, возможно, повлечет отказ от политики нейтралитета. Финляндский фактор неизменно

присутствовал во внешнеполитических расчетах шведского правительства. За три дня до подписания советско-финляндского договора глава МИД Швеции Эстен Унден в беседе с послом И.С. Чернышевым прямо поинтересовался, чем обусловлен такой шаг советской стороны — актуальной международной ситуацией или же он является частью общей программы³⁸. Посланник затруднился дать какой-либо ответ³⁹.

Год спустя Эрландер в беседе с главнокомандующим Х. Юнгом и начальником штаба шведской армии Н. Сведлундом дал понять, что отход Швеции от внеблоковой политики может быть мотивирован необходимостью улучшения положения Швеции в случае оккупации Финляндии или какой-либо ее части⁴⁰. Вместе с тем «финляндский фактор» диктовал правительству Эрландера сдержанность в вопросе о членстве Швеции в НАТО. Советник посольства СССР в Швеции А. Комаров летом 1949 года в своей докладной записке руководству отмечал, что вероятность принятия некоторых действий советской стороны в отношении Финляндии в случае вступления Швеции в НАТО предопределила отказ Стокгольма от этого шага⁴¹.

Уже после подписания договора Мауно Пеккала попросил о встрече с Молотовым. В начале беседы премьер сообщил, что президент Паасикиви интересовался, затрагивались ли в ходе переговоров экономические вопросы. Из последующей, отраженной в записи реплики Пеккала вытекает, что эта тема и не возникала. Тем самым становится понятным проявленное Пеккала беспокойство — договор был подписан, но даже синицы в руках не осталось. По этой причине он хотел узнать у Молотова, возможны ли позднее переговоры по экономическим вопросам. Ранее, в ноябре 1947 года, финляндская правительственная делегация поднимала в Москве экономические вопросы, вытекавшие из отказа Финляндии от участия в «плане Маршалла». «Заклученный теперь договор с Советским Союзом может затруднить положение Финляндии, которая ранее получала от США сырье и кредиты... Теперь Финляндии будет трудно что-то получить от США». Возможность получения американских кредитов вообще закрыта. Молотов не стал углубляться в тему и вернулся к значимости подписанного договора. Пеккала со своей стороны не поддержал ее и вернулся к экономическим вопросам. Молотов был вынужден дать ответ: «Что же касается экономических вопросов, то премьер-министру Пеккала известно, что генералиссимус Сталин весьма внимательно относится к вопросу о политических и экономических отношениях между СССР и Финляндией и что можно будет договориться и найти подходящее время, когда будут рассмотрены те экономические вопросы, которые интересуют Финляндию»⁴².

28 апреля вопрос о ратификации договора о дружбе, сотрудничестве и взаимопомощи обсуждался в эдускунте. Подавляющее большинство голосов (157 — «за», 11 — «против») проголосовало за его ратификацию, хотя и преобладала, по выражению Паасикиви, погребальная атмосфера⁴³.

Насколько можно судить, в Москве не рассчитывали на то, что достигнутый советской дипломатией успех будет иметь и обратную сторону. Со стороны большинства политических партий Финляндии подписание договора было воспринято как своего рода *carte blanche* на свободу действий в сфере внутренней политики. Однако, хотя в преамбуле договора упоминалось о стремлении Финляндии оставаться вне противоречий великих держав, сам Паасикиви очень осторожно использовал данный факт в попытках обосновать тезис о нейтралитете Финляндии. Вместе с тем вплоть до конца даже второго срока своего президентства он был уверен в том, что, несмотря на неблагоприятное восприятие в мире факта подписания договора, тот стал гарантией сохранения общественного строя Финляндии.

Что касается внешней реакции на подписание Финляндией договора с СССР, то наибольшее внимание к себе он вызвал в странах Скандинавии. В скандинавских столицах неизменно внимательно отслеживали колебания политики Советского Союза в отношении Финляндии, так как заложенные в договор о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи инструменты воздействия на внешнеполитический курс Финляндии могли быть задействованы в случае неблагоприятного для СССР развития общеполитической и военной ситуации в регионе. Вместе с тем, советская дипломатия никогда не соглашалась с понятием так называемого «северного баланса». Причина этого была характерна для общего взгляда СССР на регион Севера Европы. Принятие доктрины «северного баланса» неизбежно влекло за собой признание уместности членства Дании и Норвегии в НАТО. Советская дипломатия отстаивала точку зрения, что участие Дании и Норвегии в структурах НАТО является нонсенсом, поскольку каких-либо агрессивных намерений в отношении этих стран у Советского Союза не было.

В Финляндии учитывали возможность провоцирования конфликта между СССР и этой страной. В декабре 1949 года командующий финляндской армией генерал А. Сихво в представленном президенту Паасикиви меморандуме полагал возможным в случае кризисной ситуации намеренное провоцирование западными державами конфликта между Финляндией и СССР. Подобный конфликт мог повлечь оккупацию советскими войсками Финляндии, что связало бы до тридцати советских дивизий и ослабило бы

возможности СССР на иных театрах военных действий⁴⁴. Финское руководство неизменно видело в подписанном договоре подводные камни, на которые при определенных обстоятельствах может напориться независимость Финляндии. Об этом свидетельствует и то, что начавшаяся летом 1950 года война в Корее, в очередной раз повлекшая за собой осложнение отношений между Западом и Востоком, вызвала в политических и военных кругах Финляндии опасения, что слабая система противовоздушной обороны страны может послужить поводом для выдвижения со стороны Советского Союза требования о размещении на территории Финляндии своей сети контроля воздушного пространства⁴⁵.

* * *

¹ Восточная Европа в документах российских архивов. 1944–1953. М., 1999. Т. 1: 1944–1948. С. 727.

² J.K. Paasikiven päiväkirjat. 1944–1956. Ensimmäinen osa. Helsinki; Porvoo; Juva, 1985. S. 532.

Посланник А.Н. Абрамов говорил Карлу Энкелю, что в вопросе о возвращении «изменников» нельзя проводить аналогии со Швецией, которая сохраняла в войне нейтралитет. В силу этого ссылки финской стороны на юридические аспекты проблемы учитываться не могут, к ее решению следует подходить только с политических позиций. Паасикиви был вынужден отметить для себя, что «у русских совершенно иное представление о праве и законности, чем у западных и северных народов». С Энкелем он приходит к выводу, что «бобриковское время было идиллией по сравнению с нынешним временем и нынешними условиями» (J.K. Paasikiven päiväkirjat. 1944–1956. S. 532).

³ Впервые тема возможного военного союза была изложена доктором Юрьё Рууту принадлежавшему к так называемой «мирной оппозиции» Карлу Энкелю в августе 1944 года. В ноябре того же года Рууту обсуждал этот вопрос с Маннергеймом, который отнесся к этому отрицательно. В декабре 1944 года эта тема возникла в беседе маршала со Ждановым по инициативе последнего. Только после этого Маннергейм поручил проработать вопрос генералу Эрику Хенриксу. В дальнейшем вопрос Ждановым не поднимался. По мнению Тимо Сойкканена, Рууту предполагал, что договор будет, с одной стороны, гарантировать Советскому Союзу определенную линию поведения Финляндии, а последней — свободу действий во внутренней политике, иными словами, будет способствовать упрочению позиций правых (*Soikkanen Timo. Yrjö Ruutu. Näkijä ja tekijä. Itsenäisyyden, eheyttämisen ja uuden ulkopolitiikan juurilla. Juva, 1991. S. 364–376, 383*).

⁴ J.K. Paasikiven päiväkirjat. 1944–1956. S. 537.

⁵ Ibid. S. 537–538.

⁶ Вилле Пернаа, посвятивший истории Института по изучению Советского Союза фундаментальную монографию, считал, что идея была предложена обще-

ству «Финляндия — Советский Союз» в ноябре 1944 года Валентином Кипарским. Идея нашла понимание, и в ноябре Маури Рюёма от имени общества изложил ее политическому советнику Союзной контрольной комиссии Павлу Орлову. И только после этого Карл Вийк затронул тему в беседе с А.А. Ждановым (*Perna Ville. Tehtävänä Neuvostoliitto. Opetusministeriön Neuvostoliittoinstituutin roolit suomalaisessa politiikassa 1944–1992. Helsinki, 2002. S. 19, 22*).

⁷ Кипарский был назначен на пост директора 2 декабря 1948 года.

⁸ Истомина С. Институт по изучению СССР. Справка // Архив внешней политики Российской Федерации (АВП РФ). Ф. 047. Оп. 9. П. 89. Д. 115. Л. 52–54.

⁹ Общество «Финляндия — Советский Союз»

¹⁰ Цит. по: *Suomi Juhani. Vonkamies. Urho Kekkonen. 1944–1950. Helsinki, 1988. S. 310.*

¹¹ *Ibid.* S. 311.

¹² Пеккала и Юрьё Лейно полагали, что данный вопрос мог рассматриваться и без санкции президента.

Не ясно, на чем основывается утверждение Юссила, Хентилиа и Невакиви, что Пеккала, как и Паасикиви, с неприятием отнесся к идее заключения договора (*Юссила О., Хентилиа С., Невакиви Ю. Политическая история Финляндии. М., 1998. С. 252*).

¹³ *Majander Mikko. Pohjoismaa vai kansandemokratia? Sosiaalidemokraatit, kommunistit ja Suomen kansainvälinen asema 1944–1951 // Bibliotheca Historica. Helsinki, 2004. 88. S. 346.*

¹⁴ *Ibid.*

¹⁵ Так в тексте.

¹⁶ J.K. Paasikiven päiväkirjat. 1944–1956. S. 548.

¹⁷ *Ibid.* S. 550–551.

¹⁸ В.А. Зорин. Прием К. Сундстрёма, 5.6.1948 // АВП РФ. Ф. 0135. Оп. 32. П. 170а. Д. 4. Л. 1–2.

¹⁹ Фактически именно Зорин курировал вопросы заключения договоров о дружбе, сотрудничестве и взаимопомощи со странами народной демократии.

²⁰ Зотов А. Справка о выполнении Финляндией Мирного договора по состоянию на 15 января 1948 года // АВП РФ. Ф. 054. Оп. 32. П. 593. Д. 22. Л. 54.

²¹ Докладная записка С. Голунского А.Я. Вышинскому, 17.02.1948 // АВП РФ. Ф. 054. Оп. 32. П. 593. Д. 22. Л. 31–33.

²² Докладная записка М. Ветрова и С. Голунского А.Я. Вышинскому, 17.02.1948 // Там же. Л. 37–42.

²³ Письмо Антонова А.Я. Вышинскому, 16.01.1948 // АВП РФ. Ф. 054. Оп. 32. П. 593. Д. 22. Л. 14–15.

²⁴ *Visuri Pekka. Puolustusvoimat kylmässä sodassa. Suomen puolustuspolitiikka vuosina 1945–1961. Juva, 1994. S. 66–68; Saarikoski Vesa. Keskustajääkäri Aarne Sihvo. Demokraatti ja eheyttäjä murrosaikojen asevoimissa. Helsinki, 1997. S. 369.*

²⁵ J.K. Paasikiven päiväkirjat. 1944–1956. S. 250–251.

²⁶ Записка А.Н. Абрамова Б.Ф. Подцеробу, 28.02.1948 // АВП РФ. Ф. 06. Оп. 10. П. 72. Д. 1016. Л. 8.

²⁷ В состав советской делегации входили: В.М. Молотов, А.Я. Вышинский, В.А. Зорин, Г.М. Савоненков, А.Н. Абрамов; в состав финской делегации: М. Пеккала, К. Энкель, Р. Свенто, Ю. Лейно, У. Кекконен, И. Седерельм, О. Пелтонен, К. Сундстрём.

²⁸ Договоры СССР с Румынией и Венгрией предусматривали участие вооруженных сил этих государств в отражении агрессии Германии и союзных с ней государств также и вне собственных территорий. При этом в случае с Венгрией оказание ей военной помощи наступало автоматически, а ст. 4 договора с Румынией предусматривала проведение переговоров по всему кругу важных международных вопросов, которые касаются интересов обеих стран. Естественно, такие положения в тексте договора с СССР для финской стороны были неприемлемы.

²⁹ Из дневника В.М. Молотова. Прием финляндской правительственной делегации, 25.03.1948 // АВП РФ. Ф. 06. Оп. 10. П. 70. Д. 986. Л. 4–5.

³⁰ В.М. Молотов. Прием Мауно Пеккала, 26.03.1948 // Там же. Л. 8–10.

³¹ Мауно Пеккала. [Перечень условий финского правительства к договору о дружбе, сотрудничестве и взаимопомощи], 26.03.1948 // АВП РФ. Ф. 06. Оп. 10. П. 70. Д. 987. Л. 3–4.

³² Имелась в виду Германия или любое союзное с ней государство.

³³ Мауно Пеккала. [Перечень условий...]. Л. 7.

³⁴ Из дневника В.М. Молотова. Прием финляндской правительственной делегации, 27.03.1948 // АВП РФ. Ф. 06. Оп. 10. П. 70. Д. 986. Л. 12–15.

³⁵ Там же. Л. 18, 20.

³⁶ Речь шла о Кекконене и Сёдерельме.

³⁷ В.М. Молотов. Прием К. Энкеля, 1.04.1948 // АВП РФ. Ф. 06. Оп. 10. П. 70. Д. 986. Л. 24–25.

³⁸ *Кен О., Рупасов А., Самуэльсон Л.* Швеция в политике Москвы. М., 2005. С. 375.

³⁹ Нежелание Чернышева ответить на этот вопрос само по себе представляет интерес. Положительный ответ на первую часть вопроса вполне совпадал бы с советской официальной точкой зрения и мог намекать собеседнику на возможность неких компромиссов в будущем. Такой же ответ на вторую часть вопроса дезавуировал бы советскую внешнеполитическую пропаганду, подчеркивал бы бескомпромиссность Москвы в обостряющейся борьбе с Западом и в силу этого мог быть воспринят как косвенное признание неизбежности военного столкновения.

⁴⁰ *Kronvall Olof.* Den bräckliga barriären. Finland i svensk säkerhetspolitik 1948–1962. Stockholm, 2003. S. 86.

⁴¹ *Petersson Bo.* Med Moskvas ögon. Bedömningar av svensk utrikespolitik under Stalin och Chrusjtjov. Arena, 1994. S. 86.

⁴² В.М. Молотов. Прием М. Пеккала, 8.04.1948 // АВП РФ. Ф. 06. Оп. 10. П. 3. Д. 14. Л. 1–2.

⁴³ В конце апреля Кекконен рассказывал Паасикиви, что первый секретарь Посольства США в Хельсинки поведал одному журналисту: Маннергейм уезжает за границу, чтобы создать эмигрантское правительство.

⁴⁴ *Visuri Pekka*. Puolustus voimat kylmässä sodassa. Suomen puolustuspolitiikka vuosina 1945–1961. Porvoo; Helsinki; Juva, 1994. S. 90.

⁴⁵ *Ibid.* S. 91.

Ф. К. Ярмолич

**ВОСТОЧНЫЙ СОСЕД И «ВЕЧНАЯ» УГРОЗА ФИННАМ:
РАЗМЫШЛЕНИЯ О КНИГЕ ТИМО ВИХАВАЙНЕНА
«СТОЛЕТИЯ СОСЕДСТВА: РАЗМЫШЛЕНИЯ
О ФИНСКО-РУССКОЙ ГРАНИЦЕ»
(перевод А. И. Рупасова. СПб.: Нестор-История, 2012. 248 с.)**

Познание себя составляет неотъемлемую часть каждой культуры. Безусловно, этот процесс требует от познающего колоссального психологического напряжения, интеллектуальной концентрации и, быть может, уединения. Иногда витиеватый путь самопознания, выработки ценностных и морально-нравственных норм был бы несколько облегчен при обращении своего взора на окружающих нас людей и народов. Являясь уникальными, мы в то же время обладаем чертами, которые характерны для любого человека, каждого народа, и эта глубинная общность позволяет нам, несмотря на все социальные катаклизмы, сосуществовать уже неисчислимое количество лет. В коллективном сознании каждого народа существуют такие понятия, как любовь, верность, дружба, злоба, ненависть и т.д. Другое дело, что содержание этих и других базовых качеств имеет свою исторически обусловленную вариативность. Но сам факт присутствия их в культуре любого народа, несмотря даже на разницу в содержании, позволяет находить основу для диалога. У народов, к которым можно применить термин «соседи», различие в раскрытии базовых культурных понятий, быть может, меньше, да и самих общих понятий больше, чем у этносов, не соприкасающихся друг с другом. В силу этого в процессе самопознания иногда полезно понять, что представляет собой сосед, приподняться на цыпочки и попытаться посмотреть на себя через его культурный код.

В этом ключе интерес представляет книга финского профессора Тимо Вихавайнена, которая посвящена российскому и финскому народам, а вер-

нее, многовековой истории соседства. В ней затрагивается немало интересных (если не щекотливых) вопросов. Все они сами по себе требуют отдельных и весьма увесистых монографических исследований, в которых необходимо соблюсти все традиции научного жанра, но автор отошел от монографического стиля и представил свою точку зрения в виде свободных рассуждений.

Выбор данного формата позволил Тимо Вихавайнену приподняться над эмпирикой, выйти на уровень глубокого осмысления. Безусловно, при таком подходе возможны некоторые неточности в фактической стороне, но цель его книги не заключается во введении в научный оборот новых фактических данных, разборе неточностей эмпирического материала. Цель ее — именно в осмыслении различных сторон истории соседства двух народов, поэтому имеющиеся определенные фактологические неточности не влияют на оценку труда Вихавайнена.

Прочтение книги вызывает множество вопросов, заставляет задуматься над тем, что раньше не вызывало сомнений, отдельные мысли сформулированы настолько четко, что не вызывают никаких возражений, но с некоторыми утверждениями автора невозможно согласиться. То есть историческое сочинение вызывает диаметрально противоположные чувства и мысли, и это заставляет поразмышлять о вещах, которые ранее воспринимались как вполне устоявшиеся и не требующие изучения.

В книге рассматриваются как минимум три темы: финский народ, русский народ и история их соседства. Наибольший интерес, по вполне понятным причинам, вызывают размышления автора о русском народе. В свою очередь мысли финна о нас вызвали у автора данных строк ответные мысли, которые и хотелось бы изложить ниже.

Уже несколько десятков, а может, и сотен лет в России идут споры о том, к какой части света принадлежит русский народ — Востоку или Западу. Вслед за этой дискуссией Тимо Вихавайнен относит своих соседей к восточным народам, а финнов — к западным. По его мнению, причина возникшего непонимания между соседними народами таится именно в этом. Эта мысль автором акцентируется настолько четко, что читателю ее не приходится искать в книге, в то время как другая идея — о целенаправленной политике финской культурной и властной элит, направленной на укрепление и расширение культурной и идеологической границ между Финляндией и Россией, — четко не показывается, и читателю ее придется поискать.

В свою очередь, тезис Тимо Вихавайнена о принадлежности народов к различным частям света заставляет в очередной раз задуматься о пред-

ставлениях русского народа о своем месте в мире. С XIX века длится спор между славянофилами и западниками о месте России в мире, ее принадлежности к западной или восточной цивилизации и своем уникальном пути развития. По сути, эта долгая дискуссия ничем не закончилась. В 1920-е годы на сцену вышли евразийцы, также оказавшиеся неспособными решить, кто же такие русские: западный народ или восточный, им пришлось довольствоваться тезисом о некоей промежуточной стадии.

Почему же у русских на протяжении столь долгого периода времени не получается этногеографически себя самоидентифицировать? Автор данных строк испытывал на себе влияние идей императорского периода истории России, советской идеологии, который идейно формировался в период 1990-х — начала 2000-х годов, когда переплелись множество идеологий и идей, а у государства исчез четкий идейный каркас и существующий вакуум пытались заполнить жалкими, невзрачными и бесплодными идеями. Сложившаяся за два десятилетия ситуация позволила смотреть на окружающий мир относительно свободно. Безусловно, понимание мира с таких позиций может оказаться близоруким, неполным, если не примитивным, но наряду с этим дает возможность смотреть на мир не через очки, одетые кем-то, а своими глазами.

Вначале хотелось бы отметить, что употребляемый Тимо Вихавайне-ным термин «русские» географически может быть отнесен только к центральной части европейской России, на всю остальную территорию распространять эту дефиницию некорректно. Более того, этот термин даже невозможно применить к Русскому Северу, поскольку под влиянием географического, культурно-этнического, экономического факторов произошли изменения в мировосприятии и миропонимании русского народа, проживающего на территории Русского Севера. Примером данного явления могут служить поморы, которые, являясь представителями русского народа, переселившись на Кольский полуостров, приобрели новые черты как в характере, так и в поведении. Они, в отличие от русских, проживающих в центральной части России, были более грамотны, самостоятельны, свободны.

Почему мы всегда стремимся идентифицировать себя с другими народами? Конечно, мы не принадлежим Западу — для него мы слишком большие, и нас слишком много.

Безусловно, и в нашей, и в западной культуре существуют такие понятия, как свобода, зависимость, личное пространство, уважение и т.д., но понимание этих терминов несколько различно. Так, понятие свободы в Ев-

ропе очерчено правовыми рамками и в большей степени является сферой права и политики. В России же понятие «свобода» относится к состоянию души и является более личностным. Образованная часть населения как Запада, так и России знает и понимает разницу, возникающую при раскрытии содержания этих понятий, но ни они, ни мы не сможем ее принять. Мы не сможем думать и вести себя, как они, жить по их морально-нравственным и жилищно-бытовым нормам.

Но мы в то же время и не принадлежим Востоку. У нас несколько иное сознание, оно не такое мистическое, более рациональное, чем на Востоке. В современной России само понятие «Восток» не имеет четких географических рамок. Под Востоком понимается и Китай, и Иран, но это совершенно разные страны по всем культурным, социальным и этическим параметрам. Возможно, четко не определенное территориальное пространство дефиниции «Восток» демонстрирует и общее непонимание этой части света.

По всем параметрам — политическому, экономическому, социальному, культурному — Россия будет отличаться от Запада и Востока, а они будут отличаться от нас. Но в то же время представляется, что пропасти между нами, с одной стороны, и Востоком и Западом — с другой, нет. Существует именно граница, на которой происходит взаимообмен материальной и духовной культурой.

Возможно, существование границ между народами не следует рассматривать только как разделяющий фактор. Граница служит для каждого народа сигналом, предупреждением о том, что по другую сторону живут люди, понимание мира у которых несколько отличается от нашего, поэтому необходимо быть готовым к этому и адекватно реагировать на несовпадения. В этом случае идея границы выполняет крайне важную функцию в налаживании международной коммуникации.

Тимо Вихавайнен стремится в своей книге представить образ русского человека, и это очень интересно, поскольку дает возможность посмотреть на самих себя глазами соседа, который долгое время жил в России.

Пребывание Вихавайнена в России позволило сделать ему ряд эмпирических наблюдений о характере русских. А существующая на Западе историкографическая традиция завершила формирование представлений Тимо Вихавайнена о жителях России. Автор отмечает качество, которое в наибольшей степени бросается в глаза, — пьянство (с. 17). Правда, тут же уточняет, что такое представление было сформировано у иностранцев, путешествовавших по России, принадлежащих к высшим сословиям европейского общества. Далее указываются такие качества, как лень, лукавство

(с. 18). Наряду с этими негативными качествами также отмечается и ум российского человека, который, правда, «использовался не должным образом» (с. 18). Автор приписывает русским и другие качества, но вначале хотелось бы осмыслить уже названные.

Пьянство. Отрицать эту черту россиян не имеет смысла. Однако имеющиеся мировые статистические данные об употреблении алкоголя пальму первенства отдают далеко не России. И все же мы много употребляем алкоголя, более того, в современном российском обществе забыты правила распития спиртных напитков, которые были четко сформулированы для сельских жителей в дореволюционной России. Возможно, что причиной забвения норм и традиций питья стала модернизация российского общества, которая берет свое начало еще в первом десятилетии XX века. Нарождающаяся городская культура в первой трети XX века отвергла многие традиционные нормы, свойственные сельской России, а своих правил до сих пор не выработала. Более того, в начале XX века употреблялся в основном *низкоградусный* (квасы, настойки) алкоголь и только с первой трети XX века в культуру питья входит *высокоградусный* (водка) алкоголь.

Интересно было бы провести исследование, в какие периоды исторического развития пики употребления россиянами алкоголя возрастали и достигали максимума. Можно предположить, что увеличение норм употребления алкоголя связано с переломными периодами в российской истории, то есть употребление алкогольных напитков являлось следствием определенных социальных, культурных и экономических катаклизмов.

Представляется, что причина алкоголизма в российском обществе тесно связана с уровнем культурно-идеологического климата в стране. То есть когда государство выделяет соответствующие средства для реализации культурно-идеологических норм, определенных идей, то уровень алкоголизма в обществе снижается. В свою очередь высокий процент употребления алкоголя связан с отсутствием четких и понятных рядовому человеку культурных норм (культуры). Интересно было бы провести эмпирические исследования по этой проблеме.

Лень. К другим атрибутам российской жизни относится лень. Конечно, довольно часто нам не хочется выполнять определенную работу, производительность труда снижается. Хотя по официальным данным, начиная с 2000 года производительность труда выросла на 45 %. В трудолюбии мы уступаем как некоторым восточным, так и западным народам.

Но не преувеличена ли наша лень? Наверное, ленивый народ не смог бы провести модернизацию страны, без помощи кого-либо извне восстано-

вить из руин и перевести на новый экономический и культурный уровень развития страну после Второй мировой войны. И таких примеров можно перечислять много, когда самоотверженный труд народа позволил сохранить страну и придать ей тенденцию поступательного развития.

Но вместе с этим бывали времена, когда российский народ не просто не хотел работать, но делал все, чтобы от работы уйти. Например, сейчас в большинстве случаев происходит определенная демонстрация работы, но деятельность как таковая отсутствует. Примерно год назад автор данных строк услышал передачу по радио (к сожалению, автора и названия передачи не удалось узнать), с высказываем ведущего которой мы полностью согласны: «В современной России власть делает вид, что управляет, а народ делает вид, что работает» — это высказывание, как бы оно ни резало слух, абсолютно точно характеризует ситуацию в России. Конечно, движение есть, но оно не столь значительно, и его вектор практически никому не понятен. При таких условиях даже «последний» трудоголик опускает руки.

Возможно, причина цикличности в желании работать и «приступах» общенародной лени связана с отсутствием у российского народа четких представлений о значении его работы для общества и будущего. В свою очередь, эти культурно-идеологические нормы всегда вырабатывало или не вырабатывало государство.

До настоящего времени идеологические, культурные основы российского общества всегда создавало государство. Кризис государственности приводит к общему кризису общества, поэтому сейчас главная задача для страны заключается в том, чтобы формирование определенной части идеологических и культурных норм взяло на себя общество. Возможно, при таких условиях возникающие кризисы государственности и власти будут для России не столь болезненны.

Российский социум должен научиться отвечать за себя и свои поступки, чего ранее в истории России еще не было. Нам не хватает самоорганизации, самоуважения и ответственности за свои поступки и за свое будущее. Мы очень долго, а вернее всегда, основы своей жизни доверяли государству, что приводило как к великим достижениям, так и к не менее жестким кризисам.

Наша страна уже насколько десятков лет относится к так называемой городской цивилизации, но мы до сих пор не выработали своих нравственно-культурных и идеологических норм для этого типа общественного устройства. В начале XX века российский народ отошел от традиционных ценностей сельской, крестьянской цивилизации и не выработал новых тра-

диций, что влечет за собой и существующие кризисы, и постоянный поиск своего места в семье народов.

У русского народа существует способность, которая позволила ему создать империю, — он впитывает в себя культурные, этнические и моральные нормы соседних народов, воспринимает и перерабатывает их. Следует отметить, что данное свойство характерно далеко не для каждого народа, живущего на планете Земля. Это позволяет выступать русскому народу в качестве фундамента большого прекрасного здания, которое именовалось Российской империей, СССР, а затем Россией.

Можно согласиться с утверждениями этнографов, что русский народ, не завершив своего формирования, распространился на другие территории, что не позволило ему закончить свое формирование. Это, в свою очередь, приводит к проблеме самоидентификации. Но, возможно, именно это позволяет русским объединять другие этносы. Мы относительно безболезненно впитываем их культурно-этнические стереотипы, изменяемся вместе с ними. Как было отмечено выше, при сравнении русских, проживающих в центральной европейской части России, с русскими, расселившимися на Севере и в Сибири, понимание и восприятие мира у них окажутся разными.

Россию иногда считают закрытой страной. Быть может, это и так, но только отчасти. Тимо Вихавайнен отмечает, что «до Петра Великого Московская Русь была закрытой страной, которая верила, что является единственной представительницей чистой христианской веры, не признавала крещения католиков и протестантов... В России считали иностранцев или немцев “нечистыми”, их право передвижения было ограниченным. В Москве они жили в собственном “гетто”, в Немецкой слободе. ...Русские свободно не могли выезжать в другие страны, в которых, как они считали, научиться было нечему, за исключением ереси и пагубных обычаев...» (с. 23).

Утверждения Тимо Вихавайнена о том, что Россия до Петра не имела связей с Западом, возможно, основываются на преобладающих взглядах в современной Европе на эту проблему. Однако и до «Великого посольства» и прочих деяний Петра Алексеевича дипломатические и культурные контакты с европейскими державами существовали. Более того, именно эти контакты отчасти и подготовили те реформы, которые осуществил Петр I. Конечно, в период правления Петра I и при его преемниках связи России и Европы стали более тесными и интенсивными.

Тема чистоты веры, представления, что своя вера является правильной, были не только у народов России, в это верили и католики, и протестанты,

и иудеи. И те и другие снисходительно, если не враждебно, относились к религиозным взглядам представителей других конфессий.

Право передвижения иностранцев в России было ограничено, существовала и Немецкая слобода, которую Тимо Вихавайнен называет некорректно «гетто». Понимается, что этот термин характеризует несколько иные условия проживания людей, которые ни при каких обстоятельствах нельзя отнести к пребыванию иностранцев в Немецкой слободе.

Справедливости ради следует отметить, что во всех европейских странах передвижение иностранцев, как в Средние века, так и Новое время, было ограничено и Россия не являлась в этом отношении исключением.

Основываясь на имеющихся работах, Тимо Вихавайнен объясняет существование границы между Россией и Финляндией религиозным фактором: «Некоторые исследователи отмечали, что именно вера наиболее эффективно разделяла народы в культурном отношении» (с. 23). Но в XIX веке, как он считает, религиозный фактор постепенно вытесняется национальной идентичностью (с. 26).

Однако здесь следует возразить. Россия с конца XVII века не представляла гомогенного в религиозном отношении национального государства, она всегда существовала как многоконфессиональное и многонациональное государство. В нем переплетались мусульманство и христианство, мусульманство и иудаизм и т.д., соприкасались и перемешивались множество народов. Ни религия, ни национальная идентичность не приводили к отчужденности между народами России и русскими.

В чем же причина возникновения границы между Финляндией и Россией? Может быть, она заключалась в нежелании части национальной финской элиты идти на сближение? И религиозная, и национальная карты использовались в этой политической игре. В принципе эту точку зрения разделяет и сам Тимо Вихавайнен: «Отношение к России определялось чистой политикой» (с. 34).

Совершенный автором исторический экскурс в историю Финляндии конца XIX — начала XX века показывает, как вели себя некоторые представители финского народа по отношению к России, насколько была закрыта Финляндия изнутри для русских. И это притом что Финляндия являлась частью империи, предоставившей финнам возможности и права, которые добровольно не решалась предоставить ни одна метрополия в мире.

Удивляет другое — трепетное отношение финнов к шведскому государству. И это в книге Тимо Вихавайнена показано очень хорошо. При этом сами шведы, если российские историки ничего не перепутали, относились

к финнам крайне плохо. Эта тема может послужить сюжетом для новой книги.

Представляется, что граница будет существовать до тех пор, пока политическая и культурная элита Финляндии этого желает. И данная логика финской элиты понятна. Она прежде всего диктовалась страхом перед колоссальным опытом России по «унификации» различных народов и культур.

Но действительно ли все проживающие в России народы подводились властью к единому знаменателю, теряли свою самобытность? Более чем спорно. Исторический опыт показывает, что такого стремления российская власть никогда не проявляла. Самой главной для нее была лояльность присоединенного народа к центральной власти, преданность монархии. Утрата же вошедшим в состав России народом своих традиций, как правило, обуславливалась объективными причинами.

Конечно, были периоды, когда власть прибегала к политике русификации, но она, как правило, была кратковременной, и ее логика состояла в создании более универсальных механизмов и способов управления регионами. Цели лишить тот или иной народ своей национальной культуры и традиций не ставилось. Возможно, страх финской стороны был намеренно преувеличен и основывался именно на политической «выгодности» мифа о России.

Как отмечает Вихавайнен, для некоторой части финского дворянства XIX века «отторжение русского духа» прослеживалось в меньшей степени, «Россия была для образованных финнов соблазном, искушением» (с. 32). Очевидно, что более позитивное значение России для Финляндии было присуще именно той категории людей, которая смогла преодолеть мифологизированное представление о России и благодаря этой рациональной позиции увидела перспективы сотрудничества.

Действительно, у России всегда был огромный потенциал. Но, несмотря на это, развитие России всегда шло неровно, уровень и качество жизни находились на относительно невысоких позициях. Нет уверенного поступательного движения, всегда существовали проблемы, которые подводили государство и народ к катастрофе, и для выхода из этого положения требовалось колоссальное напряжение ресурсов. В чем причина этого парадокса?

Возможно, такой неровный и непостоянный характер развития заключается именно в масштабах ресурсов — они велики, и жители России до сих пор не научились грамотно использовать их (а лучше употребить глагол «работать», именно работать с ресурсами).

Представляется, что определенная часть российской политической элиты в стремлении сделать в России все по образцу западных государств за-

бывает, что Россия может существовать как большая и многонациональная империя, разумеется, со всеми вытекающими из этого формами управления и правления. Как однопациональное и территориально уменьшенное государство Россия не сможет существовать.

Россия — это империя. За 20 лет после распада СССР практически все слои населения, возможно, кроме маргинальных, стеснялись это признать и всячески от этого отреклись. Как высшие эшелоны власти, так и интеллектуальная элита при общении с западными СМИ стремились подчеркнуть, что Россия отказалась от империи, прошлый имперский период вроде бы был неверен и теперь мы обычное государство, без каких-либо имперских амбиций. Более того, государства, которые ранее являлись составной частью Российской или советской империи, при каждом удобном случае стремились напомнить современной России об этом «темном периоде» ее истории. И представители российской власти и культурны были склонны поддерживать эту идею.

Но, возможно, сейчас пришло время отойти от парадигмы, что период империи — жуткое время нашей истории. Безусловно, там были ошибки, и их надо признать. Но самого факта, что мы были империей, не следует стесняться и извиняться за него. Быть может, уместнее гордиться тем, что мы были империей. Россия смогла объединить множество народов и поднять их культуру и экономику на более высокий уровень.

Россия не была демократичной по форме правления, но по своему духу народ, населяющий ее, намного свободнее, чем народы Запада.

Дух империи всегда будет оказывать на Россию и ее население двойное влияние. С одной стороны, для поддержания созданной империи необходимы человеческие и экономические ресурсы, поэтому уровень жизни населения в силу этого никогда не поднимется на значительные высоты. В то же время, для того чтобы существовала империя, одних крепостных крестьян недостаточно, нужны люди, которые думают свободно, способные бросить вызов власти. Именно они не дают империи умереть, питают ее, придают импульс и направление движения. То есть империя объединяла два состояния — свободу и зависимость. Свобода человеческого духа нужна для определения задач империи и направления ее движения, а зависимость населения страны перед властью, причем подчас довольно жесткая, — для достижения обозначенных задач.

При этом государства, которые живут рядом с Российской империей, должны осознавать, что она может им дать очень многое. А может, совсем того не желая, отобрать все. По этому поводу хорошо написал Тимо Виха-

вайнен: «... тот, кто спит рядом со слоном, вынужден все время быть начеку и реагировать каждый раз, когда слон переворачивается на бок — вне зависимости от того, является ли данный слон существом симпатичным или нет» (с. 64).

И возможно, сейчас, когда идет поиск государственной и народной самоидентификации, определенные идеи, которые были заложены под фундамент имперской идеологии, необходимо вернуть. И в конце концов сказать себе и всему миру, что Россия может быть только империей и никаким другим государством-городом.

Интересная мысль была высказана Тимо Вихавайненом про российскую интеллигенцию: «Российская интеллигенция... которая провозгласила культ мятежа...» (с. 50). И действительно наша интеллигенция всегда, как в дореволюционный период, так и в советский, в большинстве своем была настроена против власти, она, надо отметить не без основания, стремилась противостоять власти и разрушить то, что было создано последней. Но, к сожалению, кроме разрушения, наша интеллигенция ничего не может. Она не может создавать, творить. И наиболее яркий из последних примеров — это крах СССР. Разумеется, не интеллигенция его разрушила, но ее использовали, как таран, против Советского государства. Разрушив его, она не смогла выработать идей, необходимые для строительства государства и общества, она самоустранилась, чтобы созерцать происходящее.

Весьма интересно об интеллигенции высказывается Тимо Вихавайнен: «Для несчастной российской интеллигенции, намерения которой были самыми лучшими, окончательным итогом, каковой представлялся еще в начале 2000-х годов, была катастрофа. Так что вся интеллигенция просто исчезла с полотна. Многие писатели заявляли, что она умерла. В “нормальных” государствах, каковым теперь была Россия, уже не требовалась интеллигенция, которая размышляла бы и страдала за народ. В России были теперь только “интеллектуалы”, как на Западе, и им снова было разрешено критиковать все, включая народ. Правда, в России выходят еще так называемые “толстые журналы”, в которых интеллигенция время от времени рассуждает и дискутирует. Политическая оппозиция существует, и в некоторых газетах интеллигенты пишут даже еще более неподкупно, чем прежде. Отличие только в том, что их не хотят слушать. Россия 2010-х годов — еще более мешанская страна, удовлетворенность которой собой ничто не поколеблет. Все же интересные критические идеи интеллигенции никто с воодушевлением не разделяет» (с. 182–182).

Книга Тимо Вихавайнена крайне интересная и довольно спорная, но она позволяет взглянуть на проблемы российского общества и российского исторического пути развития с несколько иных позиций.

Автор данных строк приносит свои извинения читателю за то, что данная рецензия четко не структурирована. Не завершив раскрытие одной мысли, автор переключается на другую, через несколько страниц вновь возвращается к ней. Возможно, это несколько затрудняет понимание текста, но в этом, собственно, и отражается определенная часть русского культурного кода: не закончив одного дела, мы переходим к другому, потом вновь возвращаемся к нему, в отличие от европейцев, у нас недостаточно развита системность мышления. Но ведь и в этом есть определенная изюминка. Не правда ли?

III. ИСКУССТВО И КУЛЬТУРА СЕВЕРНЫХ СТРАН

Kifayat Jabi kizi Aghayeva

GENDER EQUALITY POLICY AND ETHNIC MINORITIES IN THE NORDIC COUNTRIES

The objective of this research is to discuss the challenges of gender policy and ethnic minorities in the Nordic context by looking at the tensions between gender equality and respect for diversity. In spite of historical, political and religious differences, all the Nordic countries experience similar problems with accommodation of cultural and religious diversity. They face serious problems with marginalization of old minority groups, like Sami, Roma and people from Greenland, and with marginalization and discrimination of new immigrant groups on the labor market, in politics and civil society.

Using the CEDAW Convention as a starting point, a number of countries including Nordic countries are pursuing a range of issues aiming to draw attention to the lack of respect for women's rights although the Nordic welfare states are internationally recognized as pioneers of gender equality. The overall objective of Nordic countries' gender equality policy is that women and men should enjoy equal opportunities, rights and responsibilities in all significant areas of life. By the 1970s when gender equality once again was placed on the international agenda, the women's movement and the state authorities in the Nordic countries became promoters of gender equality, both nationally and internationally.

Even though the Nordic countries from the outside may appear homogenous, there are also considerable differences in the level of gender equality and in existing national arrangements. The right to gender equality (women have the right to be included in society and to be active citizens on equal terms with men) is a fundamental principle within the context of the Nordic welfare policy, as well as in the EU as a whole. This principle is not always taken into account instead in practices it is created a form of double discrimination for immigrant women (discriminating against a person because of gender and ethnicity).

Scandinavian countries according to their universal welfare state models, legal immigrants and refugees enjoy the same rights as national citizens, but these countries have adopted different approaches to gender equality policy. The Scandinavian welfare states have often been labeled woman-friendly but during later years, a recurrent issue has been, whether Scandinavian policies of gender equality have been designed for white middle class women, and whether diversity between women has been ignored¹.

A high-profiled ideal of gender equality has certainly been an important ingredient in the construction of a homogenous “Scandinavian-ness”. According to the Norwegian political scientist, Helga Hernes these countries possessed unique possibilities to transform into “women friendly societies,” “where injustice on the basis of gender would be largely eliminated without an increase in other forms of inequality, such as among groups of women”².

The goal of *equality* implies the continued efforts to give immigrants the same living standard as the rest of the population. It implies public initiatives are to be taken to assure members of ethnic and linguistic minorities domiciled in Scandinavian countries a genuine choice between retaining and developing their cultural identity and assuming a Scandinavian cultural identity. The goal of *partnership* implies that the different immigrant and minority groups on the one hand and the native population on the other both benefit from living together.

In the Nordic context the role of women in the development of culture and local urban communities is often essential in that they act as the main bearers of informal networks integrating local public life. Centered on the family, the household and local community life, such female networks may nurture boundary-crossing cultural dispositions and give birth to new forms of social organization. Though immigration and wage labor have given women new opportunities to achieve economic independence, their lingering subordination in an ethnically and gender divided labor market has perpetuated their dependence on the sense of unity and aid they give each other in female networks. These include women’s friends, relatives, neighbors and co-workers.

In the debates of political parties gender equality for the minority women was not mentioned at great length though these problems are to be considered as serious as any human right problems. In the most documents on gender equality produced by the government of the Nordic countries during the last decade focuses on the mainstreaming of a gender perspective. No any action plan was offered in the direction of gender equality policy for multicultural group by popular parties. How ethnic minorities are reflected and interpreted within

Scandinavian gender equality policies? It is necessary to take into account that the Scandinavian countries (Norway, Sweden and Denmark) do not stand for a case of sameness.

Norway

Norway has high ambitions when it comes to gender equality. Norway is playing an active role internationally in fighting for the empowerment of women and girls. Women's rights and gender equality is therefore a central dimension in Norwegian foreign, security and development policy. The Gender Equality Act, which was passed in 1978, prohibits discrimination on the basis of gender. It entered into force in 1979. The Norwegian Equality and Anti-discrimination Ombud promote equality and combat discrimination on the basis of gender, ethnic origin, sexual orientation, disability and age.

The Norwegian government has presented four major white papers on the lines and directions of Norwegian gender equality policies:

- 1) Action plan for gender equality, with an emphasis on the promotion of the situation of women in education and employment;
- 2) on measures and means in gender equality policies;
- 3) gender equality policies for the 1990s³.

The parallel situation of immigrant women to that of "Norwegian" women in an early face of gender equality involvement is stressed but in practice as above mentioned women of color suffer from a double handicap and is discriminated against on the basis of both their gender and their ethnicity.

According to the European Framework Convention, Norway has five main national minority groups: Romany (travelers in Norwegian *Tatere*), Roma, (gypsies), *Skogfinners* (Forest-Finns) — a population of Finnish origin, who settled in the Eastern part of Norway near the border to Sweden), Kvener (population in the North of Norway, also of Finnish origin)⁴.

Norway for Norwegians! Eva Maagerø and Birte Simonaen argue that it is possible to find these graffiti on the walls in Norway. Although in official documents, there is a significant development towards a better understanding of multiculturalism but in reality it still seems to be difficult to put these good intentions into practice. The authors claim that it is important to build bridges, not barriers. As an example Sáámi people's story is given and they consider the forced assimilation of Sáámi people and other national minorities as 'a shadow' in the Norwegian history. Even in 1960s Sáámi children were allowed to use Norwegian as their school language and it was forbidden to present the Sáámi culture through songs, religious acts, fairytales and clothes⁵.

The gender equality action plan scarcity makes a few difficulties to study the interrelation of ethnic minority and gender equality policy. But the government preoccupied with ethnic minority women's and girls' forced marriage and genital mutilation problems. These types of violence have not been included into Norwegian action plans but the government carried out attempts to struggle against these forms of violence through special programs and did not give any further attention.

There is a tendency to isolate these problems in Norway and to tackle them through "specially formulated" strategies and similar measures. In this way, the types of violence that affect ethnic minority women are isolated from other kinds of domestic violence and are thereby defined outside of the field of gender equality.

Thus, the problems facing Norwegian ethnic minority women were omitted of the general gender equality policy. Simultaneously, it contributes to a strong isolation of some restricted issues, constructing forced marriages and genital mutilation as the only gendered "multicultural problems" worth public attention and governmental policy programs. Only one of eight themes discussed in the Norwegian gender equality action plan is "gender equality in our multicultural society". In this document it merely written that gender equality is aim and ideal relating to all minority groups and cultures. In this document it is said that immigrants also are to participate in work life and enjoy equal representation but none of this is made concrete additional focus.

Denmark

There are important differences between the Danish and the Norwegian government policies in the ways of gender. In the Danish account on gender equality the line is drawn relatively clearly between the issues that are treated in a unitary gender perspective and the issues that include differentiations according to ethnic background. In the latter cases, the perspective is primarily on the ethnic relations, i.e. focusing on the problems that particularly apply to men in ethnic minority groups (completion of higher education) and women in the same groups (participation in employment and the civil society).

Denmark is mostly inhabited by ethnic Danes. Very few Faeroese or Greenlanders have settled in mainland Denmark despite their status as Danish citizens. Small numbers of Germans, Jews, Roma, Poles and Hungarians, on the other hand, have been long established and are substantially assimilated. Minority groups include 55,600 Turks (1 %), 17,400 former Yugoslavs (0,3 %), Asians, Africans, Inuit and Faroese.

Gender equality among minorities in Denmark is an important aim in the government's integration and gender equality efforts. Gender equality is one of the democratic values of Danish society is built upon (GE Action Plan 2004). According to the action plan everyone has the right to equal opportunities concerning to choose type of education, work, as well as partner. It relates to ethnic minorities too (but unfortunately lack of the knowledge of gender equality policy among ethnic minorities deprives them to benefit this right).

The individuals in greatest need of protection and liberation are ethnic minority women, especially young girls and the biggest gender equality challenges facing ethnic minority women are in particular forced marriage and low employment rates compared to women of ethnic minority backgrounds⁶.

Denmark is the one where multiculturalism- here defined as "ethnic minorities" — is the most politicized in gender equality policy. During the years 2000s, either integration or ethnic minorities have had their own areas of focus in all action plans for gender equality. These come out every year and are discussed after a statement is given from the Minister of Gender Equality in the Danish Parliament. The focus on minorities comes straight from the mentality that there is less gender equality among the minorities.

Sweden

Gender equality as an economic and competitive advantage is among the main messages of The Ministry of Children, Equality and Social Inclusion. It has the coordinating responsibility for gender equality policies. Implementing gender equality fully requires equal representation and participation of both men and women in the economy, decision-making, as well as in social, cultural and civil life. Key issues for today are particular focus on groups of women with low turnout and representation in politics such as the young and the immigrants. All in all, the Swedish GE Action Plan gives voice to a certain concern about the agency of young women and girls with ethnic minority backgrounds but cultural difference and ethnic minority status far less visible in these documents⁷.

Sweden raises the issue of the rights of women and girls in the development policy dialogue and in discussions with government representatives in multilateral contexts. The Swedish Government's gender equality policy has two principal aims:

- a) to combat and transform systems that preserves the gender-based distribution of power and resources in society;
- b) to ensure that women and men enjoy the same power and opportunities to shape their own lives.

The Swedish action plans for gender equality are produced during each government's electoral period of four years. The Swedish action plans begin by stating the overall objective of the Swedish gender equality policy which is "to ensure that women and men have the same opportunities, rights and responsibilities in all significant areas of life," but in reality it takes a rather different turn.

On the whole the Swedish action plans give voice to a definite alarm about the agency of young women and girls with ethnic minority backgrounds, but cultural difference and ethnic minority status are far less noticeable in these papers. The gender equality problems are all discussed in a rather thorough way but none of them are considered in relation to ethnicity. All women are taken into account to the same extent and in the same manner. For instance the challenges pertaining to exclusion and discrimination related to simultaneous intersections of *gender and ethnicity/race* are not approached at all⁸.

The objective of Sweden's minority policy is to protect the national minorities, strengthen their power to influence and support the historical minority languages to keep alive. The five recognized national minorities in Sweden are Jews, Roma, Sami (also an indigenous people), Swedish Finns and Tornedalers. The long-established minority languages are Yiddish, Romany Chib (all varieties), Sami (all varieties), Finnish and Meänkieli (Tornedal Finnish).

The Swedish Government wants women from national minorities to gain a stronger position in society. In April 2008, it instructed the National Board for Youth Affairs to distribute grants to organizations to encourage their efforts to promote gender equality among national minorities. The assignment also includes developing forms for cooperation between the country's national minorities on gender equality related matters. A total of SEK 6.5 million has been allocated for the purpose up to and including 2010⁹.

The Nordic countries belong to the same welfare and gender regime but have moved in different directions in relation to ethnic minority with Sweden being the most multicultural country and Denmark the most restrictive country. In terms of access to citizenship Denmark has moved from one of the most liberal to one of the most restrictive models for naturalization in Europe.

Tensions between gender equality and cultural diversity

Okin has raised a significant issue on the role of culture and women's rights in the minority cultures. The author highlights the harmful role of religion and patriarchal oppression in minority culture which causes to treat minority women as passive victims of their culture. The author emphasizes civil and cultural

rights both to the right and respect for cultural diversity, including the right to practice your own language, religion, dress and behavior¹⁰.

Gender equality has already been achieved but patriarchal oppression is still a big problem for minority women. The issues of forced and arranged marriages, domestic violence and the right to wear a headscarf, to work have sparked highly gendered debates¹¹. Referring to A. Bredal the author claims that in Denmark, Norway, and Sweden in the 1990s, forced marriages and ‘honor-related violence’ became subjects of public concern expressed through gender equality, women’s rights and the oppression of girls in patriarchal families.

The issue of forced and arranged marriages thus illustrates the tension between the dominant individualist political culture and the cultural diversity in family forms. It proves that the strong normative pressure towards cultural assimilation tends to exacerbate gendered conflicts between minority and majority groups about gendered rights¹².

Andreassen R. in the book of “The Mass Media’s Construction of Gender, Race, Sexuality and Nationality” (2005) writes that lack of adequate approach to migrant women’s integration denies migrant women’s autonomy and agency because they are perceived as potential victims of their own culture and religion. The tension exists between the patriarchal control of migrant women and the Nordic gender-equality model on the level of their everyday lives. The study shows that the existed conflicts about gender equality are generational and dynamic. The changes are contradictory because the young generations simultaneously live with the own traditional gender roles and share Nordic ideals about gender equality. These changes influences on the expectations of women’s and children’s freedom.

Mala Htun (2004) also raises problems related to the variables gender and ethnicity in the Nordic countries. She suggests that while gender tends to be “crosscutting”, ethnicity tends to be “coinciding”. While women and men belong to all political parties, members of ethnic groups often belong to one¹³.

What distinguishes Danish majority women with a similar background, as well as from majority of ethnic minority women, is their political activism and strong wish to make a difference in politics. This has arguably enabled them to successfully bridge the tensions in their daily lives and to negotiate actively between two cultures — an individualist majority culture and a more collectivist family-oriented minority culture. Their collectivist family norms and strong family attachment set them apart from similar majority women, but they constitute a close connection with many groups of minority women¹⁴.

The followings should be taken into account in tackling the tensions between gender equality and cultural diversity:

- Ethnically minoritised women suffer from a combination of gendered and ethnic forms of political exclusion, and special measures are needed to redress this problem.
- Women across the countries are quite similar in their views on representation. Many minority women want to be represented by a woman, preferably by another minority woman, but it does not have to be somebody of their own ethnic background.
- Gender quotas are accepted, but not ‘ethnic quotas’.
- Measures other than formal quotas might be relevant, and the measures needed might not be the same for old national minorities as for new immigrants¹⁵.

Intersections of Gender and Ethnicity (Muslim case)

Discrimination is a major obstacle in the way of integration of minorities. When immigrants are not treated as equals, it is difficult for them to feel at home in the Nordic countries. The other set of problems connected with culture is more difficult to tackle politically. There is no political party that proclaims that it is against equal treatment of immigrants and the rest of the population though the gap between theories to practice can be considerable.

The great differences in the levels of integration and social participation exist among immigrant women in the Scandinavian countries especially who come from non-urbanized areas (majority who have Muslim backgrounds) and many women and girls are unemployed and live isolated in their homes even if they are born in the Scandinavian countries. These immigrant women who remain non-integrated not only into mainstream society but also face discrimination in the minority group. Only the integration of gender perspective into Nordic legislation can help immigrant women equality and include them in the Nordic societies¹⁶.

Muslim women were often victims of multiple discrimination on grounds of gender and religion. Muslim women, however, are a flagrant example of a group that faces multiple discrimination, for instance on grounds such as legal status, ethnic origin, race, religion, religious clothing, and so on. “Muslim women are, for example, subject to prejudice not only because of their religion but also because of their gender and, quite often, their migration background. Many of their difficulties in finding employment or housing are linked to their choice to wear a headscarf. ECRI has noted that multiple discrimination is rarely monitored”¹⁷.

According to Harald Runblom the greatest cultural challenge to the Nordic countries concerns Islam and the immigration from Muslim countries. Referring to (Gustavsan Goran, 1981) Swedish report on various religious groups from the beginning of the 1960s the author claims that there was nothing to speak about Muslims because the immigration of Muslims is a new phenomenon but some single individuals came earlier. Later on North Africans, Palestinians, Libanese, Muslim Indians from Uganda, as well as smaller groups from other Asian and African countries have arrived. During the 1970s Iranian immigrants, escaping the regime of the Shah came Sweden and Denmark¹⁸.

Serious inequality accusations specifically directed towards Islam and Muslims. In the 2001 debate MP Egil Møller (DPP) implied that by letting “many Muslims” enter Denmark the conditions for gender equality are worsening. In addition, a parliamentary debate concerning sex discrimination and Muslim men was raised by four Danish People’s Party MPs in 2004, as they were worried that ethnic majority women, “Danish women,” are exposed to increasing levels of discrimination and harassment from Muslim boys and men¹⁹.

Their discrimination is based on their gender, their family, communities and society; victims of discrimination based on their religion, or due to Islamophobia; victims of gender-based violence, such as so-called “honor crimes”, forced marriages, marital rape, female genital mutilation; and as victims of oppressive traditions, such as the obligation to wear the headscarf or the integral veil.

Muslims are not active in the field of politics. Muslims and people from ethnic minorities are inadequately represented at governmental or parliamentary level in all the countries discussed here; and women from these groups are even more underrepresented. It is often the case that ethnic minority concerns are represented by men, feminism and gender concerns by white women, while women from minority communities are required to choose between their gender and their ethnic/religious identities, with few channels to empower them to speak for themselves and articulate a multi-dimensional or hyphenated identity. Muslims and people from ethnic minorities are inadequately represented at governmental or parliamentary level in all the countries discussed here; and women from these groups are even more underrepresented. It is often the case that ethnic minority concerns are represented by men, feminism and gender concerns by white women, while women from minority communities are required to choose between their gender and their ethnic/religious identities, with few channels to empower them to speak for themselves and articulate a multi-dimensional or hyphenated identity²⁰.

Many Muslim immigrants to Norway (around 70,000) have another mother tongue than Norwegian: There are also factors such as way of life, fundamental

values, habits and customs that separate a number of immigrant groups from most ethnic Norwegians. Many come from strongly male-dominated societies where men decide over women and fathers over children. These values, which dominate in many parts of the world, come into sharp conflict with the Norwegian ideal of equality. Many would say that Norway is obsessed with equality, which must make it even more confusing for immigrants to experience that they do not get the equal treatment they have a right to.

Many of those who were born of immigrant parents and grew up in Norway are now young adults. Several of them have made positive contributions to society, as politicians, debaters, writers, program leaders in television, etc. Among immigrants themselves opinions are divided on which integration policy is best. There are both modernists who advocate equality for women and traditionalists who insist on continued adherence to the age-old values.

Studies indicate that many of this generation, not unexpectedly, want to get the best of both worlds: personal freedom and treatment as equals in Norwegian society but also security through the cultural heritage of their parents and their country of origin. Many continue to be practicing Muslims. A balance must be struck between the right to equal treatment and the right to be different if integration is to work. The law stipulates that all those living in Norway are to have an equal right to work and education and few in Norway openly defend differential treatment.

Stemming from Denmark's touting of its gender equality narrative and efforts, it tends to be the common view that ethnic minority women, specifically those of Islamic faith, are suppressed and victimized. This view point does a few things. First, it propels the view that Danish and inunigrant cultures are irreconcilably different due to differing gender equality norms. It also criminalizes minorities as culturally violent. Finally, this view sets up ethnic minority woman as a vulnerable demographic with specific needs for outreach.

What makes the group of political activists different from other migrant women is their political activism and leadership of voluntary organizations as well as their ambitions to influence political institutions. In Denmark migrants gained the right to vote in local elections in 1983 and while they are relatively well represented in local municipalities. Research indicates that especially migrant women are under-represented in voluntary organizations, public debates and political institutions. Many activists experience a feeling of powerlessness, because they do not have a voice in the public debate. They encounter the multiple difficulties when they enter the public sphere both as individual women in relation to minority cultures and as minority women in relation to the major

culture. The difficulties are not only connected to the oppressive political system and negative political discourse, but also rooted in the norms and practice of minority cultures. Turkish women have difficulties to enter politics, especially because of the media's role in politics because if you enter politics you should be independent, educated, strong. They need to be able to stand up for themselves towards the critical Danes but also to defend themselves vis-à-vis their own culture. This is difficult balance and it frightens many Turkish women from entering politics²¹.

As result, Denmark has a number of different domestic violence programs that emphasize statistics showing that ethnic minority women are the greatest victims of domestic violence in Denmark²².

Sååmi (Såpmi) case

Starting in the 1980s, Norway undertook a dramatic change in its policy, acknowledging that the Norwegian state is founded on the territory of two peoples, Norwegian and Sååmi, and that the latter have a special right to cultural protection. A Sååmi Parliament was established in 1989 and Article 110a of the Norwegian Constitution states: "It is possible the responsibility of the authorities of the State to create conditions enabling the Sååmi people to preserve and develop its language, culture and way of life"²³.

The two largest groups in the Sámi Parliament, the National Alliance of Norwegian Sámi (NSR) and the Norwegian Labor Party, took female representation very seriously in the nomination process. In many constituencies, women were nominated as first or second candidates on the ballots. In some places there were actually women in both first and second places.

Tove Skotvedt writes in the article "*Sami: The indigenous Peoples of Norway*" that with population of approximately 40.000, the Sååmi people represent a minority with a unique status. Oslo, 2.000 kilometers away from the Sååmi homeland, represents the largest "Sååmi community" with approximately 5.000 Sååmi. They never see the authentic Sååmi peoples' traditional costumes and hear their speaking language. According to the author Norwegianization policy of Sååmi people is a black spot in the history of Norway although this country is known as a country with long humanitarian and democratic traditions, fostering people like Fridtjof Nansen, known worldwide as a great explorer and helper of refugees. How could this racist behavior from Norwegian authorities be explained²⁴.

Unlike women in many other indigenous or traditional societies in the world, Sååmi women historically were regarded as equal to men, dynamic characterized

by a symmetrical complementarity of domestic roles, and tasks. As a result, Sáámi women were independent and possessed power and control over certain domains. Often these spheres were domestic and private, but in some cases they were also economic. Traditionally, reindeer-herding women in particular were often in charge of their family economies²⁵. Moreover, it was customary practice for women and men to own separate properties. Skolt Sáámi women, for example, traditionally owned everything that they prepared and made, including clothing for their husbands. Women and men also managed their own loans.

Historically, Sáámi society was organized locally by the extended family system called the *siida*. Each *siida* had its own tribunal to look after such matters as hunting and fishing disputes and disputes over territory between two *siidas*. The *siida* system was the early model for Sáámi self-determination, a freedom that was, however, ignored and gradually erased by the colonizing states.

Patriarchal ways of thinking and laws have changed traditional genderroles in indigenous societies in many ways. This can be seen, for example, in current structural inequality within traditional economies, particularly reindeer herding. Sáámi women have been pushed to the margins of reindeer herding for several decades. Particularly since 1945, government policies have made Sáámi women invisible in the livelihood in which they had always played a prominent role. In many cases, these policies have erased women's traditionally held right of reindeer ownership. In official records, reindeer-owning Sáámi women have been registered, since 1978, under their husbands' names, thereby losing their membership in the organizational unit for reindeer herding. This act has had ramifications ranging from who receives subsidies and grants to the status and recognition of women within a livelihood that is often considered one of the central markers of Sááminess and Sáámi identity²⁶.

According to Sáámi customary law, women and men inherited on an equal basis; it was also common for a Sáámi widow to move back to her own family and community, taking her property with her (Balto 1997). Further, Erik Solem ([1933] 1970) proposes that Sáámi naming customs and terminology indicate a relatively strong matrilineal and matrilocal tradition. This does not mean, however, that patrilineal practices did or do not exist in Sáámi society, nor can Solem's findings be considered proof of the equal status of Sáámi women in contemporary society²⁷.

Referring to Asta Balto (1997) Eva Maagerø and Birte Simonaen point out that there were significant differences between boys and girls in the upbringing situation. They were both offered the same freedom and close contact with

parents' work. But they were normally trained in different skills. Girls were kept near the house or the *lavvo* as participants in cooking and handicrafts, while boys were hunting, marking tools and taking care of the reindeer. The women had a strong position, because their activities were as necessary as the men's for the survival of the family²⁸.

In the case of Sáámi women, it has resulted in the loss of both their status and visibility in their livelihood and in policies regulating it. This has led to changes in reindeer-herding activities, which in turn has radically reshaped communal work practices and introduced a new, gendered division of labor.

Today, Sáámi enjoy both redistribution and recognition, unlike the fate of many aboriginal peoples elsewhere. It is worth to say that this is redistributive justice. But most significantly, the two forms of justice did not take place before the policy of cultural assimilation had born fruit. As is the case with women, successful assimilation can therefore be posited as the preliminary for redistribution and recognition²⁹.

Developing strategies to support gender equality policy for ethnic minority

Although, ethnic minority associations in the Nordic countries are very critical of the under-representation of minority groups in Scandinavian decision-making bodies, they do not see quotas or other legal mechanisms as the right way to go. Rather political parties should be targeted as being responsible for ethnically just gender balanced lists. Gender is also given priority at the expense of ethnicity.

The adoption of quotas or reserved seats in political decision-making bodies will better reflect the diversity of the population. These rights are seen as temporary 'political affirmative action' measures to redress the oppression or systematic disadvantages that these groups experience and to provide them with access to full inclusion in political assemblies.

First, it is a democratic challenge for the political system to give minority women equal citizenship rights, recognition and influence in their daily life and in politics. Second, it is a gender-political challenge to respect the equal values and cultural norms of minority women and their search for their own ways to emancipation and to support them in developing strategies able to bridge between majority norms and the values of minorities concerning family norms and gender equality³⁰. Finally, feminist scholarship needs to rethink the Nordic gender equality agenda of state feminism and women-friendliness. The analytical potentials of state feminism and women-friendly policies are challenged by

increased diversity among women and among men, not only according to gender and class but also an increasingly according to race/ethnicity, religion and nationality in relation to forms of activism and political priorities. This requires negotiations and reformulations of some of the key policies, strategies and normative foundations. The Scandinavian societies have emphasized social and gender equality as key normative principles, and there is a strong democratic norm about political representation according to class and gender. They are still important, but from a perspective of intersectionality, they must be balanced with the equally important principle to represent immigrants and minorities and to recognize cultural diversity, including diversity among women in terms of gender equality norms and family forms. January, 2008.

Two new challenges have appeared in the past thirty years; responding to the needs of women seeking to combine careers with families and integrating non-European immigrants into the social and economic mainstream. Much progress has been made on gender issues, but the immigration/integration issues remain highly controversial. Finally the fundamental economic issue- can the Nordic countries afford their generous welfare states — remains open.

* * *

¹ *Mulinari D.* Women friendly? Understanding gendered racism in Sweden // *The Limits of Political Ambition? Gender Equality and Welfare Politics in Scandinavia* / eds. K. Melby, A.-B. Ravn Christina Carlsson Wetterberg. Bristol, 2008. P. 167–182.

² *Runblom H.* Ethnicity and Nation Building in the Nordic World / ed. S. Tägil. 1995. P. 15.

³ URL: http://www.samfunnsforskning.no/files/P_2008_3.pdf. P. 34–35.

⁴ *Maagerø E., Simonsen B.* Minorities in Norway- Past and Present // *Norway Society and Culture*. Portal, 2008. P. 190.

⁵ *Ibid.* P. 180–181.

⁶ *Langvasbråten T.* A Scandinavian Model? Gender Equality Discourses on Multiculturalism // *Gender Equality in the Nordic Countries*. Oxford University Press, 2008. P. 42–43.

⁷ *Ibid.* P. 40–41.

⁸ *Ibid.* P. 39.

⁹ URL: <http://www.sweden.gov.se> (Ministry of Integration and Gender Equality, 2009).

¹⁰ *Lister et al.* Gendering Citizenship in Western Europe // *New Challenges for Citizenship Research in a Cross-National Context*. Bristol, 2007. P. 210.

¹¹ *Melby K., Ravn A.-B., Carlsson Wetterberg C.* Gender Equality and Welfare Politics in Scandinavia. Bristol, 2009. P. 153.

¹² *Ibid.* P. 154.

¹³ *Htun M.* Is Gender like Ethnicity? The Political Representation of Identity Groups // Perspectives on Politics. APSA, 2004. P. 439–458.

¹⁴ *Melby K., Ravn A.-B., Carlsson Wetterberg C.* Op. cit. P. 159.

¹⁵ Minority Women's Organizations and Diverse Claims for Representation: Intersections of Gender and Ethnicity, Paper presented at the ECPR General Conference in Potsdam, Germany, September 10–12, 2009. P. 4.

¹⁶ *Hvinden B., Johansson H.* Citizenship in Nordic Welfare States, 2007. P. 175.

¹⁷ ECRI Annual report, Activities from 1 January to 31 December 2011, released on 3 May 2012, www.coe.int/t/dghl/monitoring/ecri/activities/Annual_Reports, 2011. P. 12.

¹⁸ *Runblom H.* Ethnicity and Nation Building in the Nordic World, Sven Tägil editor, 1995. P. 310–311.

¹⁹ *Langvasbråten T.* Op. cit. P. 43.

²⁰ *Dustin M.* Gender Equality, Cultural diversity. European Comparisons and Lessons, The Nuffield Foundation, 2006. P. 28.

²¹ *Melby K., Ravn A.-B., Carlsson Wetterberg C.* Op. cit. P. 158.

²² *Brix K.* National Identity Crisis // The Intersection of Gender Equality and Ethnic Minority Integration in Denmark University of Washington. Vol. 2009. Claremont-UC Undergraduate Research Conference on the European Union. P. 17.

²³ *Longva Anh Nga.* The Trouble with Difference. Gender, Ethnicity, and Norwegian Social Democracy // Gender Equality in the Nordic Countries. 2003. P. 170.

²⁴ *Skotvedt Tove.* Continuity and Change, Aspects of Contemporary Norway / ed. Cohen Kiel. Scandinavian University Press, 1993. P. 163–167.

²⁵ *Bäckman L.* Female–Divine and Human: A Study of the Position of the Woman in Religion and Society in Northern Eurasia // Their Culture and Way of Life / ed. Åke Hultkrantz, Ørnulf Vorren. Tromsø, 1982. P. 143–162.

²⁶ *Kuokkanen R.* Indigenous Women in Traditional Economies: The Case of Sáámi Reindeer Herding in Signs // Journal of Women in Culture and Society. The University of Chicago, 2009. Vol. 34. No. 3. P. 501.

²⁷ *Ibid.* P. 500–501.

²⁸ *Maagerø E., Simonaen B.* Op. cit. P. 180–181.

²⁹ *Longva Anh Nga.* Op. cit. P. 170.

³⁰ *Melby K., Ravn A.-B., Carlsson Wetterberg C.* Op. cit. P. 161.

Л. А. Турне

О СУДЬБЕ РУССКИХ ИКОН, ВЫВЕЗЕННЫХ В ШВЕДИЮ

В подвальных запасниках Национального музея Стокгольма спрятана (то есть скрыта от посторонних глаз) одна из лучших в Европе коллекций икон, большая часть из них — русские. Бывший директор музея Ульф Абель составил каталог, в котором значится 323 ценнейшие иконы. Благодаря финансисту Улофу Ашбергу, передавшему музею 275 (!) икон, многие из которых датируются 1400–1600 годами, Национальный музей Стокгольма занял престижную нишу в так называемой «мировой художественной галерее».

Де-факто иконы, как считают многие, не принадлежат Северному королевству. Они были изъяты из церкви России способами, которые трудно назвать корректными.

В частности, «ашбергское пожертвование музею» связано с переворотом 1917 года и периодом, именуемым ныне богоборческим. Но такая деталь незаметно исчезла из памяти шведов (точнее, многим шведам об этом вообще ничего неизвестно), потому что прошлое России, ее духовные ценности не имеют для них никакого значения. Это не осуждение, а беспристрастная констатация. Но и россияне, которым давно следовало бы озаботиться этой проблемой, тоже, к великому сожалению, переживают пору беспамятства...

В предисловии к изданной Национальным музеем в 1988 году книге «Русской иконе 1000 лет» бывший директор музея Пер Бьюрстрем пишет, что Улофу Ашбергу во время его пребывания в России «посчастливилось собрать» качественную коллекцию русских икон — как по количеству, так и по значимости¹. Глагол «собрать» можно вполне классифицировать как эвфемизм или дипломатическое выражение, что, собственно, в данном случае одно и то же... Это преднамеренное лукавство. Не думаю, что господин

Бьюрстрем не подозревал об истинном происхождении упоминаемой им «коллекции» и способе ее комплектования.

В своей книге об иконах Ульф Абель рассказывает о том, как Ашберг начал скупать иконы на смоленских барахолках, так называемых толкучках, в 1920 году. А в последующее десятилетие он отоваривался специальным антиквариатом, предназначенным на продажу за границу². Под специальным антиквариатом подразумеваются конфискованные иконы и старинные ценности. Поэтому образа огромных размеров и превосходного качества, иконостасы, огромные кресты и тому подобное, переданные Ашбергом Национальному музею, свидетельствуют о сомнительном акте их приобретения. И они никак не попадают под понятие «право владения собственностью».

Де-юре выражение «сбыт краденого» не подойдет, но оно вполне адекватно формулировке «сбыт конфискованного». Так что рвение коллекционера, завладевшего чужими, хоть и конфискованными, ценностями, а потом «облагодетельствовавшего» ими шведский музей, несет определенный оттенок. Ашберг вывозил иконы и сокровища из России без боязни: ведь у него было официальное разрешение властей коммунистического режима. Ашберг находился на особом положении как основатель торгового банка (Handelsbanken): он сыграл огромную роль в финансировании тех, кто готовил октябрьский переворот в России. «Я рассматривал мою работу для СССР не как работу, а как доверительное задание, которое я с благодарностью принял», — пишет Улоф Ашберг в своих мемуарах «Рассвет нового времени».

Перед революцией в России было 55 173 православных церквей и 1250 монастырей³. Только в 1917 году, когда к власти пришел «гегемон», сразу закрылись 94 церкви и 26 монастырей. К концу 1919 года были убиты тысячи настоятелей. В первом номере газеты «Пермская земская неделя» за 1919 год появился список священников и монахов епархии, казненных большевиками. Против каждого имени стоит свидетельство о методе убийства: утоплен, пробуровлен насквозь штыком, забит прикладом винтовки, застрелен и заморожен, изрублен саблями... А можно прочесть и такое: приговоренный к казни сам копал себе могилу. Причины уничтожения священнослужителей — «преступления проповедования и колокольный звон, а также отказ служить в Красной армии и сражаться против сибирских войсковых отрядов».

По Декрету о конфискации всех церковных имуществ, у православных хотели отнять не просто храмы и все, что им принадлежало, — у людей хотели отнять веру⁴. Вольно или невольно такие «коллекционеры», как

Ашберг, внесли в богоборческую акцию свой весомый вклад и цинично воспользовались ситуацией.

Защищать «шведское право» на ашбергское «наследство» по причине того, что иконы в России могли быть уничтожены, — аргумент, который мог быть приемлем в 1933 и 1952 годах, когда Ашберг передавал иконы Национальному музею. Но этот аргумент не уместен сегодня, когда свобода совести в России стала реальностью и уже никто не преследует верующих.

То, что шведские музеи обогащались, бесцеремонно заимствуя в «смутные времена» ценности других европейских стран, — факт известный и легко доказуемый. Но самое удивительное, что шведы воспринимают это как само собой разумеющееся. Что называется: было ваше — стало наше. Однако за пределами Швеции далеко не все смотрят на такое положение вещей как на данность и потому требуют вернуть отнятое у них когда-то, не интересуясь сроком давности. Пострадавшие от такой скандинавской «предприимчивости» некоторые страны Европы требуют вернуть то, что принадлежит им по праву.

Святые, то есть веками намоленные, иконы, почитавшиеся прежде и почитаемые ныне верующими в России, изъятые самыми разными, но всегда несправедливыми путями из русских церквей и монастырей во времена тяжелых испытаний для России, ни в коем случае не должны находиться в подвале шведского музея, как бы солидно он ни назывался — хранилищем или запасником. Место русских икон в России.

Из 323 икон шведский музей изредка выставляет напоказ лишь 24 иконы. Наверное, из-за боязни «русской революции» в Северном королевстве. Опасения сильно преувеличены: русские, живущие в Швеции, или равнодушны к ценностям своей Родины, или не подозревают о том, что сложилась такая ситуация, или боятся сказать свое слово в защиту справедливости. Ведь многие из них уже укоренились в Скандинавии и не собираются возвращаться домой. Но не о них речь... Для русского православного человека икона — это не картина, не музейный экспонат. Это святыня...

В общем, проблема здесь — не только юридическая, но и нравственная — налицо. И она требует решения как важнейшая, на мой взгляд, государственная задача. Однако властные структуры России, которые могли бы начать переговоры с соответствующими департаментами Швеции, не проявляют инициативы. А когда молчишь, никто не узнает о том, что тебя тревожит.

Если бы Национальный музей Стокгольма возвратил России ее национальное достояние (речь идет не о предметах роскоши, а об иконах), то это

бы имело широкий резонанс. И тогда музей, потеряв звание обладателя богатейшей коллекции русских икон, приобрел бы не меньшую ценность — уважение и благодарность всех православных людей не только в России, но и во всем мире. А это дорогого стоит. И Швеция, которая правильно рассуждает о справедливости, демократии и законности, на деле доказала бы свою приверженность высоким принципам.

* * *

¹ *Бьюрстрем Пер.* Русской иконе 1000 лет. Стокгольм, 1988. С. 3.

² *Абель Ульф.* Каталог русских и византийских икон. URL: <http://www.portal-credo.ru/site/?act=news&id=5797>

³ *Васильева О.Ю.* Русская православная церковь и советская власть в 1917–1927 годах // Вопросы истории. 1993. № 8.

⁴ *Зеньковский С.А.* Трагедия русского православия. М., 2004.

архимандрит Августин (Никитин)

ИСЛАМ В НОРВЕГИИ

От викингов до наших дней

Первые контакты норвежцев с мусульманами начались еще во времена викингов. Между 700 и 837 годами по хиджре они вторглись в исламские земли, в частности в Марокко и Испанию, где разрушили город Севилья. В одной из скандинавских хроник упоминается, что мусульманский путешественник ибн Фадлан в X веке прибыл с группой викингов на скандинавский полуостров, что указывает на то, что он первым из мусульман посетил эту часть света.

В начале 2000-х годов археологами было сделано несколько открытий на юге Норвегии. Оказалось, что викинги вступали в торговые сделки с аббасидскими правителями в Багдаде и привозили домой монеты с вычеканенными на них словами свидетельства веры («шахада»).

До начала 1960-х годов Норвегия не привлекала мусульман в силу своего холодного климата и слаборазвитой экономики. Но после того как в стране была обнаружена нефть, возросла потребность в рабочей силе. Государство широко распахнуло двери для турок и пакистанцев. Однако норвежское общество оставалось чувствительным к иммигрантам, так как страна была почти гомогенной в плане этноса и религии.

Первые мусульмане-иммигранты в Норвегии

В 1960-е годы, в период экономического бума в Европе, правительства Скандинавских стран проводили политику «открытых дверей», направленную на привлечение рабочей силы из развивающихся стран; этому способствовал также активный найм на работу, осуществлявшийся частными предпринимателями. Тогда в Скандинавию переселилось немало рабочих из Индии, Пакистана и Бангладеш.

До 1970-х годов мусульмане Норвегии составляли очень небольшую группу, но постепенно все больше мусульман иммигрировали в страну из горячих точек, а также с Африканского континента, особенно из Северной Африки. Как только потребность в рабочей силе была удовлетворена, въезд иммигрантов был прекращен. Норвегия последней пошла по пути других Скандинавских стран, запретив въезд иммигрантов в 1975 году, однако при этом были сделаны определенные оговорки, разрешавшие свободное передвижение рабочей силы в Скандинавии¹.

С этого времени официальная статистика Норвегии фиксирует быстрый рост численности мусульман. Если в первой половине 1970-х годов в стране не было ни одной зарегистрированной мусульманской общины, то в 1979 году здесь уже насчитывалось около 9,5 тыс. иностранных рабочих — выходцев из Турции, Марокко и Пакистана. К началу 1980-х годов пакистанцы составляли самую многочисленную группу иммигрантов (около 7,5 тыс.). В те годы большинство мусульман проживало в Осло и его пригородах; небольшие группы обосновались в портах и промышленных центрах прибрежной полосы: в Кристиансанне, Ставангере, Бергене.

В конце 1970-х годов норвежские мусульмане еще не были организованы, хотя пакистанские дети иногда получали исламское образование. В середине 1970-х годов норвежские власти выделили в Осло участок для строительства мечети.

Проблема адаптации

Запрет на иммиграцию из развивающихся стран и приезд жен и детей изменили сложившуюся ситуацию: теперь приходилось иметь дело не с иммигрантом-одиночкой, который в итоге вернется домой, когда не станет работы, а с семейным человеком, явно не собиравшимся уезжать. Это повлияло не только на структурный состав населения Скандинавии, но и на отношение к иммигрантам. Таким образом, если иммиграция из развивающихся стран рассматривалась как экономическое явление, то сегодня она превратилась в этническую проблему.

Скандинавские государства определяют общину иммигрантов как этническое меньшинство, а их культуру и язык — как культуру и язык меньшинства. На этой основе создан ряд институтов, занимающихся исключительно вопросами иммигрантов: учреждения, ведающие жилищными проблемами, отдельные биржи труда, отдельные молодежные клубы. Правительства контролируют организации иммигрантов, школьные занятия по изучению родного языка и двух культур и т.д. Этническая дифференциация

ция, таким образом, формально не только одобряется, но и поощряется. Такая политика получила название «культурного плюрализма». К чему же привела подобная дифференциация?

Когда иммигрант получает право на совместное проживание с семьей, он может поселиться либо в старых городских кварталах, либо, как это чаще происходит в последнее время, в новостройках на окраине. И хотя эти районы предназначены не только для иностранцев, значительный процент их обитателей — иммигранты, которых направляют туда учреждения, ведающие жилищными вопросами. Нередки случаи, когда иммигранты составляют до 85 % жителей этих районов и лишь 15 % относятся к местному населению (включая жен иммигрантов).

Фраза «когда иммигрант получает право на совместное проживание с семьей» нуждается в объяснении. В Норвегии, например, существовал парадоксальный закон, согласно которому иммигрант не мог привезти в страну свою жену, пока не получит соответствующего жилья, но на это жилье он не имел права до тех пор, пока не привезет жену².

Специальные биржи труда держат под контролем предоставление рабочих мест иммигрантам и получение ими профессиональной подготовки, что на практике выливалось в ущемление их прав. Показателен пример иммигрантов, работавших на нефтепромыслах в Северном море. Платформы, на которых установлены нефтяные вышки, считаются «судами», и потому действующее на суше трудовое законодательство не имело здесь силы. Работавшие на них гастарбайтеры зачастую нанимались в Роттердаме и доставлялись на кораблях непосредственно к месту работы без захода в норвежские порты. Таким образом, они не попадали на норвежскую землю и потому не учитывались официальной статистикой Норвегии.

Участие государства в деятельности организаций иммигрантов привело к распаду существовавшей некогда системы, в основе которой лежала единая организация, защищавшая интересы иммигрантов. В Норвегии, например, из-за множественного характера такого участия к середине 1980-х годов образовалось 26 отдельных организаций иммигрантов из Индии, хотя их общее число в стране едва превышало 2 тыс. человек. Так же обстояло дело и с молодежными клубами иммигрантов.

Вопрос о достоинствах и недостатках обучения на родном языке был далек от окончательного решения. Все без исключения организации иммигрантов требовали, чтобы обучение велось на их родном языке, родителям же хотелось, чтобы их дети имели возможность овладеть языком страны, в которой они живут.

Что ни год, государственные и местные власти выдвигали все новые предложения. Сначала принималось решение ввести изучение двух языков и двух культур в I–IX классах. Затем, через пару лет, решили ограничиться I–III классами. Бесконечные перестановки, нововведения и изменения вынудили одного иммигранта, имеющего детей и работающего учителем в таком классе, в сердцах воскликнуть: «Мы хотим, чтобы прекратилось наконец это экспериментирование с нашими детьми!» Такого же мнения придерживались и многие другие иммигранты»³.

Казалось бы, в основе всех этих мероприятий лежит одна цель — дать детям иммигрантов такое образование, которое бы обеспечивало им равные возможности с детьми представителей коренного населения. Однако для того, чтобы успешно конкурировать с ними, дети иммигрантов должны знать три языка. Если швед, датчанин или норвежец не хочет остаться чернорабочим, он должен, помимо родного языка, знать еще и английский. Изучение языка страны, в которой живет и работает иммигрант, мало что дает ему, поскольку этот язык имеет второстепенный статус. Вот и получается, что для успешной карьеры иммигранту нужен не столько местный язык (хотя определенный минимум он освоить должен), сколько английский⁴.

Мигрант, в отличие от человека, всю жизнь прожившего на одном месте, обладает высокой способностью к адаптации. У него нет другого выхода. Чтобы выжить, ему приходится постигать тонкости чужой культуры, языка, системы налогообложения.

Исламизация страны

После 1985 года количество мусульман в Норвегии значительно выросло благодаря иммигрантам и студентам; наряду с этим и некоторые норвежцы начали принимать ислам. Число мусульман в стране фьордов постоянно растет: в 1997 году здесь имелось 62 общины, объединявших более 47 тыс. верующих. В 2000 году в Норвегии насчитывалось уже около 60 тыс. мусульман. (Столь же быстро увеличивается и число буддистов: в 1990 году их было 3012 человек, в 1997-м — 6780, в 2000-м — около 8 тыс.)⁵

Организация «Норвежская статистика» опубликовала результаты исследования, согласно которым в 2008 году в стране было зарегистрировано более 84 тыс. мусульман, которые являются гражданами Норвегии. Мусульмане Норвегии представлены различными направлениями и национальностями. Самую большую группу составляют пакистанцы, за ними следуют турки и арабы, кроме того, в стране живут представители всего мусульманского мира. Среди них есть рабочие, ученики школ и студенты

университетов. Получать знания мусульмане Норвегии могут абсолютно бесплатно, даже в университетах. Огромную роль также играет знание вопросов фикха (исламское право), к предписаниям которого мусульмане прибегают при разрешении повседневных насущных вопросов, сталкиваясь с различными ситуациями.

Как сообщил представитель организации «Норвежская статистика» Хельг Брунборг, в стране не ведется официальная статистика жителей по религиозной принадлежности, но ученые по собственной инициативе подсчитали примерное количество приверженцев ислама. В 2008 году мусульмане составляли 4 % от общего населения страны. Х. Брунборг сообщил, что на 2008 год в Норвегии проживало 163 тыс. иммигрантов, которые имели вид на жительство и, вероятнее всего, должны были получить норвежские паспорта. Он также напомнил, что число мусульман может увеличиться и за счет браков иммигрантов с коренными жительницами Норвегии, многие из которых принимают ислам, и их дети, соответственно, также воспитываются в духе исламской религии⁶.

Приведенные цифры относятся к легальной иммиграции, а с учетом нелегалов в Норвегии на 2010 год проживало около 300 тыс. «пришельцев» (все население Норвегии составляет 4 млн 500 тыс. человек). В настоящее время ислам занимает второе место по числу верующих и является самой быстрорастущей религией в Норвегии.

В Норвегии сегодня не так много мечетей, большинство из них располагается в обычных домах. Стоит упомянуть о таком факте: в городе Тромсё, который находится за Полярным кругом (на 71 параллели), имеется молитвенный зал, который принято считать самой северной мечетью в мире (в ближайшее время планируется возведение полноценной мечети).

Исламизация страны приобретает наступательный характер. Перед нами обложка ежеквартального журнала «Иммигрант», публикуемого на двух языках (норвежском и английском) ассоциацией иммигрантов в Осло. «Норвегия — не только для норвежцев» — гласит плакат в руках маленькой девочки. Во всех политических партиях, кроме крайне правых, представлены активные мусульмане. В парламенте и муниципалитетах также можно увидеть мусульман. Многие этнические мусульмане стали серьезнее относиться к своей религии. Вопрос о самоидентификации занял основное место, особенно для второго поколения мусульман. Религиозная принадлежность стала более значимой для человека, чем национальная идентичность. В свете культурного фона страны выросла потребность в знаниях фикха (исламское право).

Когда в стране появится третье поколение мусульман, предположение о возможности мусульманского премьер-министра уже не будет звучать как утопическое. Постоянная критика ислама со стороны СМИ сыграла обратную роль — это привлекло внимание к исламу, многие попытались узнать побольше об этой религии. В результате все больше норвежцев приходят к исламу.

Норвежская Ичкерия

Норвежские власти долго недооценивали угрозу терроризма на исламской почве. Так, в конце 2004 года МИД России выразил *недоумение* в связи с визитом в Норвегию Ахмеда Закаева. Он посетил Норвегию в начале декабря 2004 года, о чем сообщили местные телеканалы. В российском МИДе обратили на это внимание и сделали соответствующий запрос в Осло, но «никаких вразумительных разъяснений не получили». По словам официальных властей Норвегии, это была частная поездка, о которой они ничего не знали. Осло не предпринял никаких шагов, «несмотря на наличие у норвежской стороны всех необходимых документов для задержания Закаева и его передачи российской стороне». Москва считала Закаева представителем лидера чеченских сепаратистов Аслана Масхадова. Российские правоохранительные органы заочно предъявили Закаеву обвинения в терроризме, убийстве и похищении людей⁷.

В начале 2000-х годов Норвегия совместно с Евросоюзом подпитывала чеченских сепаратистов. Так, в 2005 году в газете “Washington Post” было опубликовано такое сообщение: «Общество русско-чеченской дружбы в Нижнем Новгороде полностью финансируется Евросоюзом (в 2004 году 120 тыс. долларов), американским правительственным Фондом поддержки демократии (70 тыс. долларов) и **МИД Норвегии** (40 тыс. долларов)... В Ингушетии начался суд над другой неправительственной организацией России — Чеченским комитетом национального спасения, который финансируется Евросоюзом (в 2004 году 130 тыс. долларов) и Фондом поддержки демократии (45 тыс. долларов). Членов Комитета обвиняют в “распространении экстремистской информации в сообщениях для печати”»⁸.

В январе 2004 года газета «Афтенпостен» сообщала, что значительно возросло количество беженцев из России. По данным ООН, в первые 9 месяцев 2003 года 23 681 гражданин России просил политического убежища в 29 странах мира, больше всего в Европе. Это на 66 % больше по сравнению с 2002 годом. «Россия по количеству беженцев приблизилась к таким традиционным лидерам, как Ирак и Афганистан», — писала газета. «Среди

них больше всего чеченцев, русских становится все меньше и меньше», — сказал атташе по работе с иностранцами в посольстве Норвегии в Москве Ханс Арне Хелсос. 10–15 % чеченцам убежище предоставляется. Остальные получают разрешение на пребывание в Норвегии по гуманитарным причинам. Русские убежище получают крайне редко⁹.

«Чеченский вопрос» побудил наконец норвежские власти обратить особое внимание на проблему иммиграции. И хотя сама по себе иммиграция проблемой не является, при наличии неправильной миграционной политики она может вызывать крайне нежелательные последствия. Простейшим примером действенности государственных мер по регулированию иммиграционных потоков может служить история, имевшая место в Норвегии в начале 2007 года.

Нескольких чеченцев, желавших получить в этом северном королевстве статус беженцев (ведь в России их права жестоко нарушались), не пустили сразу на суверенную территорию. Вместо этого им предоставили возможность «пошлюзоваться» в лагере для «перемещенных лиц». Представители гордого горного народа не выдержали жизни в этом далеко не самом приятном месте и спровоцировали массовые драки, отчего в лагерь пришлось вызывать спецназ. После подобных событий чеченцам, естественно, в убежище отказали и отправили их обратно в лапы адептов «путинского режима»¹⁰.

Для сравнения можно привести случай под кодовым названием «Чеченцы в Бельгии», где в тихом фламандском городке Остенде почти все представители местной чеченской общины мужского пола числом около тридцати человек учинили разбойное нападение на увеселительное заведение. Не нужно заниматься подсчетами, чтобы понять, ущерб какой страны вследствие противоправных действий иностранных граждан был меньше¹¹.

В 2010 году доктор философских наук Вахит Акаев был приглашен Норвежским институтом международных политических отношений (в рамках сотрудничества с Чеченским государственным университетом) в качестве гостя-исследователя в Норвегию, где провел два месяца. В его задачи входило написание научной статьи и ее публикация на английском языке, изучение социальной политики скандинавского государства, установление контактов с университетами и исследовательскими центрами, но жизнь внесла свои коррективы.

Интерес к чеченской диаспоре у него был абстрактным. Сотрудники Института международных отношений в Осло сообщили ему, что в Норвегии проживает значительное число земляков Акаева. Только с прибытием в Норвегию проблема чеченцев в иммиграции (их образ жизни, судьбы,

процессы интеграции в европейском сообществе) для него приобрела исследовательский смысл.

При встрече с Вахитом Акаевым в Грозном представители «Независимого исламского информационного канала» попросили его рассказать о норвежских чеченцах. Не забыли ли они свою веру, влияет ли социальный характер среды обитания на вероисповедание, как они решают возникающие проблемы?

В частности, ученый рассказал, что чеченцы — это мусульманская диаспора. Они в основной массе соблюдают обычаи, традиции своего народа, а также все требуемое нормами ислама: совершают намаз, соблюдают пост, посещают мечеть, отмечают праздники.

«В Осло я видел две мечети. Норвежец, который сопровождал меня, рассказал, что они выстроены за счет средств иммигрантов из Пакистана, Судана, Сомали, а также с участием приверженцев ислама из других стран.

Но есть города в Норвегии, в которых мечетей нет, например Конгсвингер, где я был в гостях у одной чеченской семьи. От хозяина Аслана я узнал, что после обращения в органы местной власти мусульманам-иммигрантам выделили специальную комнату, где они совершают пятничную молитву. Во время религиозных праздников мусульмане могут взять выходные дни, норвежские чиновники этому не препятствуют, они толерантны. На территории страны за последнее время не отмечались конфликты с властями на религиозной почве. Обстановка внутри диаспор также более менее нормальная.

Семьи чеченцев берегут свою культуру, для этого имеются все необходимые предпосылки. Дети изучают родной язык в норвежских школах. Обучают их квалифицированные чеченские учителя из числа иммигрантов. Работу преподавателей оплачивает государство.

Я посетил лагерь иммигрантов “Дале муттак”, расположенный в городке Санднес, у подножия горы, на берегу залива Норвежского моря. Чеченцы, сомалийцы, курды и другие поселены в многоэтажном здании. В годы Второй мировой войны оно было выстроено немцами и функционировало как госпиталь и место отдыха для раненных немецких офицеров, которых доставляли сюда на подводных лодках.

В этом большом здании среди иммигрантов находились 20 чеченцев — пять семей, все практикующие мусульмане. Несмотря на выпавшие им испытания, они не отказались от своей веры, не бросаются в крайности, законопослушны. Среди них есть чеченцы, которым отказали в проживании в Норвегии. Один подросток был на грани психологического срыва. Его

семья Абу просила меня повлиять на их судьбу, помочь облегчить им условия жизни. Я подробно рассказал об этом случае коллегам, затем — работникам Департамента по работе с иммигрантами. Разъяснял проблемы чеченской диаспоры в беседе с представителями норвежского Форин-офиса (Министерство иностранных дел). После приезда в Осло из Ставангера мне сообщили, что семье Абу выделили отдельный двухэтажный дом. К счастью, у них все относительно нормализовалось. Им помогли. Стали улучшать жизнь и остальным мигрантам, временно пребывающим в лагере “Дале муттак”.

Вместе с тем прибывшие полгода назад из Чеченской Республики мигранты испытывают большие трудности. Им не дают разрешения на пребывание в Норвегии. Норвежцы объясняют это тем, что число беженцев увеличивается, а коренных жителей — всего 4 млн человек¹².

Слова советской песни: «Нынче дружат все у нас, и Камчатка, и Кавказ» остались в далеком прошлом. В январе 2011 года из Осло в Москву выслали 25-летнюю уроженку Северной Осетии Марию Амелию. Девушка провела в Норвегии 10 лет, окончила университет в Тронхейме, получила профессию инженера-технолога, а осенью 2010 года прославилась на всю страну, выпустив автобиографическую книгу «Незаконная норвежка», в которой рассказала о своем «бомжевании» в самом богатом государстве Европы. Наградой стало присуждение ей популярным еженедельником “*Ny Tid*” звания «Норвежец года», которого обычно удостоиваются известные спортсмены, выдающиеся ученые и деятели культуры. Однако популярность пошла девушке не на пользу: ею заинтересовалось подразделение полиции, занимающееся делами иностранцев. Беженку схватил наряд из восьми полицейских сразу после выступления перед школьной аудиторией в Лиллехаммере. Дело получило широкий резонанс в Норвегии, однако, несмотря на протесты общественности, девушка все же была депортирована в Россию.

В начале 2011 года власти Норвегии продолжили поэтапную высылку нелегальных мигрантов-кавказцев. В январе 2011 года состоялась высылка 67 чеченских нелегалов, а всего в убежище было отказано более чем 500 беженцев. В те дни в Осло прошли акции протеста. Норвежский правозащитник Ивар Амундсен заявил, что будет добиваться возвращения некоторых из высланных семей, поскольку им грозит опасность в Чечне. Правозащитники грозили норвежскому правительству демонстрациями в Осло, обещая организовать протесты с помощью семитысячной чеченской диаспоры.

В марте 2011 года лидер чеченской диаспоры в Норвегии Хамзат Саралиев сообщил радиостанции «Свобода» о том, что вскоре на родину отправят еще несколько сотен человек. Правозащитники утверждали, что большинство мигрантов покинули родину во время боевых действий в Чечне. Среди них — авторы жалоб в Европейский суд по правам человека, чьи родственники пропали без вести или были убиты во время военной операции в Чечне.

Карикатурное «эхо»

В сентябре 2005 года датская газета “Jyllands-Posten” напечатала 12 карикатур на пророка Мухаммеда. В начале января 2006 года карикатуры на основателя ислама появились в норвежской газете “Magazinet”. Редакция консервативной протестантской газеты “Magazinet” свое решение опубликовать карикатуры на пророка Мухаммеда объяснила желанием «отстоять свободу слова».

Три недели спустя глава Совета по экуменическому и международным связям Церкви Норвегии Олав Фиске Твейт заявил о категорическом осуждении «провокационных публикаций». Он сказал, что «ни одна церковь не станет поддерживать публикацию карикатур на пророка Мухаммеда». Однако это совершенно не отменяет того факта, что одной из первых рисунки перепечатала на своих страницах консервативная лютеранская газета “Magazinet”.

3 февраля в Осло прошла встреча представителей Церкви Норвегии, Христианского совета Норвегии и Исламского совета страны, совместно осудивших как публикацию карикатур, так и случаи вандализма в мусульманских странах¹³. Активизация диалога между исламом и христианством в кризисной ситуации — это необходимые действия со стороны официальных структур.

В первой декаде февраля публикацию скандальных рисунков официально осудили лютеранские церкви **Норвегии** и Дании, Ватикан, Русская, Болгарская и Грузинская православные церкви, генсек Конференции европейских церквей (КЕЦ) Колин Уильямс, а также генсек Всемирного совета церквей (ВСЦ) Сэмюэль Кобиа. «Христианский мир» был един в формулировках: неизменно говорилось о том, что «свобода прессы предполагает ответственность», о «провокации» и недопустимом оскорблении чувств верующих¹⁴. Критика христианских церквей и экуменических организаций в адрес европейских газет, напечатавших карикатуры на пророка Мухаммеда, напомнила о важнейшем принципе межрелигиозного диалога: солидарности мировых религий перед лицом глобального секуляризма.

Летом 2006 года в норвежской столице открылась одна из самых больших мечетей на территории Скандинавии. Одновременно совершать намаз в ней могут 2,5 тыс. человек. При мечети, строительство которой шло 10 лет, находится исламский образовательный центр. Сооружение мечети обошлось мусульманской общине Осло в 93 млн норвежских крон (около 1,5 млн долларов). Открытие мечети явилось важным событием для норвежской столицы, в особенности в свете «карикатурного скандала». После публикации в одной из норвежских газет карикатур на пророка Мухаммеда в начале 2006 года были атакованы норвежские посольства в Дамаске и Тегеране. Как показали результаты опроса общественного мнения, проведенного сразу же после этих атак, норвежцы стали более скептически относиться к исламу как религии. Однако за прошедшие месяцы ситуация изменилась¹⁵.

Христианя или Мусульмания?

В январе 2000 года муниципалитет Осло (прежнее название города — Христиания) дал принципиальное согласие разрешить мусульманам пять раз в день призывать к молитве с минаретов столицы. В Осло, население которого составляет 500 тыс. человек, мусульманская община насчитывает 36 тыс. членов. Первый азан (призыв к намазу) через мощные громкоговорители, установленные на минаретах, раздается около 5 часов утра, и после этого уже не до сна...

Это решение норвежских властей вызвало цепную реакцию со стороны местных язычников и атеистов. (Норвежское языческое общество было основано в 1974 году; в его составе около 300 членов.) «Мы требуем отмены этого необычного права нарушать тишину только потому, что кто-то верует в Бога», — заявил Кристиан Хансен, член руководящего комитета Языческого общества, который считает эти призывы «вредными звуковыми помехами». «Религия является и должна оставаться частным делом каждого, — заявил Харальд Фагерхус, секретарь общества, — но поскольку колокольный звон или голос муэдзина заполняют общественное пространство, то и мы хотим того же», — добавил он.

Если Норвежское языческое общество, как надеется, получит такое решение, то в столичном квартале Гамбле оно установит громкоговоритель неподалеку от мечети и двух христианских храмов, чтобы распространять призывы к светскому образу жизни или отрывки из Всеобщей декларации прав человека. Норвежские атеисты, в свою очередь, потребовали для себя права распространять свои призывы не более пяти минут с 8.30 до 19.00

в понедельник или среду (до десяти раз в год) с использованием не слишком мощных громкоговорителей. Руководитель округа, который должен был рассмотреть ходатайство на предмет его соответствия правилам добрососедства, положительно отозвался о нем и передал в городской совет. После чего уже муниципалитет Осло должен решить вопрос о том, смогут ли атеисты выкрикивать с крыш города: «Бога нет, адское пламя погасло!» — в ответ на «Аллах акбар» мусульман, которым было разрешено созывать правоверных на молитву в норвежской столице. И вот весной 2006 года из Осло пришли новые вести. Теперь громкоговорителями обзавелись и пятидесятники. Власти, сказав «а» и «б», вынуждены были вновь пойти на уступки. Пятидесятники теперь возглашают с крыш: «Иисус жив! Он есть Путь, Истина и Свет!»¹⁶

Лютеранское вероисповедание имеет в Норвегии статус государственной религии. По Конституции сам король и не менее 50 % членов правительства обязаны быть членами Евангелическо-лютеранской церкви. Деньги на ее нужды поступают из государственного и муниципальных бюджетов, а назначения на должности епископов и священников производит глава министерства церковных дел и образования. Однако, несмотря на поддержку со стороны государства, церковь год от года сдает позиции. По данным опроса, проведенного в рамках международного проекта исследования ценностей, по посещаемости церквей и других молельных домов Норвегия заняла 52-е место из 59 стран. Количество же верящих в Бога коренных норвежцев-христиан за последние 20 лет сократилось ровно вдвое — сегодня в стране их насчитывается лишь 29 %. А имя Мухаммед уже является одним из самых распространенных имен среди новорожденных в Брюсселе, Амстердаме, Копенгагене и **Осло**. Так Христианя превращается в Мусульманию...

Школьный апартеид

В 2007 году Европейский суд по правам человека принял прецедентное решение по жалобе родителей норвежских школьников. Суд счел, что уроки KRL («Христианские образование, религия и образ жизни»), введенные в школах Норвегии, нарушают статью 9 Европейской конвенции по правам человека, провозгласившей «свободу мысли, совести и религии»¹⁷.

А еще через несколько лет норвежские школьники выступили за раздельное обучение белых и «цветных». «Маленькая демонстрация с большими политическими последствиями» — так описывали норвежские комментаторы манифестацию, в которой участвовали школьники самой знаменитой столичной гимназии «Бьерке». Почти 90 учеников трех вы-

пусковых классов требовали восстановить обучение в «белых» и «цветных» классах, введенное в конце ноября 2011 года.

Гимназия «Бьерке» прогремела на весь мир благодаря решению руководства распределить учеников трех выпускных классов по этническому принципу. В двух классах были собраны дети иммигрантов, а в третьем — «чистокровные» норвежцы. «Мы приняли это решение, поскольку иного способа избежать бегства из школы этнических норвежцев не было», — прокомментировала решение ректор гимназии Гру Флатен. Ситуация в учебном заведении сложилась отчаянная. Из 90 учащихся выпускных классов 65 человек являлись иммигрантами или детьми иммигрантов, для которых родным языком не был норвежский. «Каждый год наша гимназия становилась все более иммигрантской, родители этнических норвежцев забирали своих детей, переводя их в другие школы, мы попытались сохранить национальное многообразие в гимназии, создав “белый” класс. Опыт удался, отток детей приостановился», — отбивалась от шквала обвинений ректор. «Наш опыт, возможно, поможет переломить опасную тенденцию разделения норвежских школ на “белые” и “цветные”», — поддержала начальницу завуч Ханна Норум Элиассен¹⁸.

Гру Флатен, руководствуясь соображениями практицизма, не подумала, к каким политическим последствиям приведет «перетасовывание» учеников. Сначала национальные, а затем и международные СМИ взялись за школу, попытавшуюся нестандартно решить проблемы иммигрантов и гетто. Руководство гимназии обвинили в расизме и введении режима апартеида. «Закон о школе, возможно, не нарушен, но ректор преступила куда более важный закон — о недопустимости дискриминации по расовому или иному признаку. Если какая-то группа учеников отстает, в том числе из-за сложностей с языком, для них просто надо организовать дополнительные занятия», — заявил на страницах газеты профессор юриспруденции и один из ведущих экспертов по правам человека Норвегии Хеннинг Якхеллн.

В конце декабря 2011 года в дело вступила «тяжелая артиллерия» в виде Министерства образования и Школьного совета Осло. «Случившееся недопустимо. Мы поговорим с руководством гимназии», — заверил соотечественников председатель совета Торгер Одергаард. Ректор-экспериментатор «дала задний ход», попросила прощения у всех, кто почувствовал себя оскорбленным, и 2 января 2012 года расформировала «белый заповедник», распределив 14 его учеников по «цветным» классам. Однако спокойствие, воцарившееся на короткое время, взорвали сами гимназисты, выйдя на демонстрацию протеста.

Возмутились и «цветные», и «белые» классы. «Нам плевать на политику, мы хотим получить нормальное образование, а приходится сталкиваться с каруселью учителей, которые у нас не задерживаются. Разделенные классы хоть как-то решали проблему», — утверждал «белый» демонстрант Торстейн Виен Тюнес. «Политики и СМИ раздули проблему. Почему-то всем плевать, что в реальности в стране есть множество чисто иммигрантских школ и классов. Многие мои товарищи пришли в гимназию из заведений, где не училось ни одного норвежца», — вторил «белому» Тюнесу его товарищ из «цветного» класса Данила Монтейро. Родители учеников и сами школьники направили несколько писем в разные инстанции с требованием восстановить «апартеид», но ответа так и не получили. В итоге им пришлось выйти на демонстрацию протеста.

Норвежские обозреватели, комментируя случившееся, отмечали, что история с «расистской гимназией» лишь высветила проблему, которую необходимо срочно решать. Этнические норвежцы переводят своих детей в «белые» детсады и школы, сегрегация растет, но политики предпочитают не замечать этого явления. «Спонтанный апартеид», по словам родителей, связан не с их расизмом, а с желанием обеспечить своим детям хороший старт в жизни. Как правило, дети из иммигрантских семей отстают в учебе, и если их в классе слишком много, страдает подготовка всех детей. Кроме того, два-три этнических норвежца, оказавшиеся в «цветном» классе, чувствуют себя неудобно, это тоже сказывается на их учебе. В качестве компромиссного выхода из ситуации «белые» норвежцы, живущие в иммигрантских районах, но не желающие скатываться в «апартеид», стали организовывать группы психологической взаимопомощи как для взрослых, так и для детей, но пока этот метод работает плохо¹⁹.

Ответный удар

Трагедия блокадного Ленинграда общеизвестна. Но менее известно то обстоятельство, что, кроме немцев, в осаде Ленинграда участвовали также национальные легионы датчан и норвежцев, объединенные потом в 11-ю мотопехотную дивизию СС «Нордланд». В ней же служил еще и шведский батальон. В январе 1944 года дивизия «Нордланд» понесла большие потери под Пушкином во время полного снятия блокады. Только на одном кладбище под Ленинградом похоронено 900 скандинавских эсэсовцев. Наемников из других стран на фронте зачастую было невозможно отличить от немцев, поскольку они были одеты в такую же форму. Принадлежность к другим нациям определялась знаками различия. Так, у норвежцев в рядах СС,

помимо сдвоенных молний в петлицах, имелось еще и изображение льва. Норвежские эсэсовцы совместно с «бенилюксовцами» действовали под Волховом, а затем у Красного Села, Шлиссельбурга и Колпино. А датчане грабили Великие Луки²⁰. В конце концов оккупанты ушли к себе на родину. А ныне Норвегию оккупировали иммигранты. И это уже навсегда.

В годы Второй мировой войны было четкое разделение по линии фронта: союзники и страны «оси»: Рим–Берлин–Токио. Современным исламистам такие тонкости ни к чему: для них все «западники» — неверные. 4 июля 1995 года мусульманская исламистская группа «Аль Фаран» в индийском Кашмире похитила жителя Эрфурта Дирка Хазерта, двух британцев, двух американцев и одного норвежца. Группировка пыталась таким способом освободить исламистов из индийской тюрьмы. Американцу удалось бежать, а норвежца задержали. Были найдены и опознаны тела двух британцев, а об остальных трех мужчинах до сегодняшнего дня ничего неизвестно²¹.

Несмотря на свою веротерпимость, Норвегия чуть было не сделалась мишенью для исламской атаки. В мае 2003 года второй после бен Ладена человек в «Аль-Каиде» Айман аль-Завахири через катарский спутниковый телеканал «Аль-Джазира» призвал к продолжению терактов против США, Великобритании, Австралии и **Норвегии**. Последнюю аль-Завахири, скорее всего, перепутал с соседней Данией, которая поддержала вторжение в Ирак и послала на войну подводную лодку и эскортные корабли²².

В самом начале 2008 года норвежские власти получили очередной предметный урок на тему толерантности в христианско-мусульманских отношениях. 14 января норвежская делегация во главе с министром иностранных дел Норвегии Ионасом Гар Стёре стала объектом нападения талибов в главной гостинице Кабула.

Норвежская делегация находилась в единственной в Кабуле пятизвездочной гостинице «Серена» в момент, когда на нее напала группа боевиков, вооруженных гранатометами и автоматами. Лучшая гостиница в столице Афганистана известна тем, что в ней останавливаются приезжающие представители иностранных правительств и эксперты, проживают и устраивают приемы дипломаты. Боевики пробились через охрану в приемный холл отеля, где один из них привел в действие взрывчатку. Погибли шесть человек, в том числе 38-летний корреспондент норвежской газеты “Dagbladet” Карстен Томассен и не названный по имени гражданин США. Несколько человек были ранены, включая одного члена делегации. Норвежский министр, посол Норвегии в Афганистане и сотни иностранцев укрылись

в подвальном помещении отеля и от обстрела и взрыва не пострадали. На следующий день афганские спецслужбы назвали главного организатора теракта. Им оказался Сирадж Хаккани, причастный к серии террористических нападений в Пакистане²³.

А в начале апреля 2010 года норвежские миротворцы отделались легким испугом. 12 гражданских лиц были убиты и 26 ранены в Афганистане в результате нападения бомбиста-смертника в северной провинции Фарьяб на натовскую базу в норвежской зоне ответственности. Скандинавы не пострадали²⁴. Прошла неделя, и еще один норвежец «попал под раздачу». Четыре американца, израильтянин, марокканец и норвежец были арестованы в Египте как участники «двух шпионских ячеек», сообщили арабские СМИ со ссылкой на главу Управления национальной безопасности Египта генерала Маджди аль-Джафара²⁵.

Петер Воге «Ислам и современный мир»

В 2004 году в Осло была издана книга известного норвежского культуролога П.Н. Воге «Ислам и современный мир» (*Waage P.N. Islam und die moderne welt. Oslo, 2004*). Петер Норманн Воге, норвежский писатель и журналист, известный российскому читателю своими книгами о России, — тип универсального ученого. Его одновременно влечет к исследованию глубин человеческой психики и социальных процессов. Отсюда его увлеченность Достоевским и Соловьевым. Отсюда же интерес к взрыву активности в исламе. Кроме научной работы, Воге занимается журналистикой, он ведет постоянную колонку обозревателя на темы культуры и внешней политики в одной из крупнейших газет Норвегии «Дагбладет»²⁶.

В книге Воге нет даже ощущения катастрофы. Он цитирует высказывания мусульманских авторов, жестко критикующих постмодернистский западный мир, признает, что Запад серьезно болен, но вместе с тем уверен, что болезнь закончится выздоровлением, что выход из кризиса существует. У Запада, несомненно, есть проблемы, но они решаемы. Воге убежден, что влияние ваххабизма на массы — не вечная черта ислама, и ведет диалог с теми группами евромусульман, которые уже сегодня готовы к такому диалогу. В этих кругах книга Воге вызвала теплый отклик. Приведем некоторые выдержки из нее.

«Ситуация усложняется тем, что большая часть эмигрировавших в Европу мусульман являются не только выходцами из бедных слоев населения, но и представителями общества, которое сегодня можно назвать пред-современным, сохранившим обычаи и традиции, которые в Европе либо

давно исчезли, либо стали маргинальными, — пишет Воге. — Большая часть обычаев и представлений о формах поведения, порождающих трения между мусульманами и немусульманами на Западе, относится не столько к исламу, сколько к культурному наследию стран, откуда приехали иммигранты.

Это касается, например, патриархальной структуры семьи и традиции заключения браков, следуя которым жениха или невесту выбирают из следующего поколения одного и того же рода или семьи, чтобы таким образом сплотить род, закрепить его право на землю и сохранить родовое имущество. Тем не менее мусульмане-эмигранты, а часто также их дети и внуки защищают этот жизненный уклад, ссылаясь при этом на религию. Для них их местные традиции и ислам слились настолько, что их трудно разделить. Еще одна причина, осложняющая положение, — это то, что мусульмане-эмигранты также подчинены общему закону эмиграции: чем более чуждой кажется им окружающая культура, тем сильнее укрепляют они свою собственную, сохраненную в поколениях и хорошо знакомую традицию. Наверяд ли можно найти более “норвежских” норвежцев, чем среди эмигрантов в Америке. Реакция представителей местной культуры замыкает порочный круг: чем консервативнее и “сакральнее” кажутся окружающим мусульманские традиции и религиозные убеждения, тем скорее взгляды и поведение мусульман становятся причиной конфликтов и трений с секулярным обществом. Таким образом, — заключает Воге, — мы должны быть готовы к возможным будущим конфронтациям на Западе между живущими в обособленных гетто мусульманами, с патриархальным управлением и дискриминацией женщин, и остальным населением, живущим в свое удовольствие, но и в страхе перед тем, что зреет в мусульманских гетто, и перед угрозой ислама извне».

Далее Воге продолжает: «Мусульмане, во всяком случае в городах, заняты в основном в сфере услуг, не из-за своего вероисповедания, а потому что большинство мусульман в Норвегии принадлежат к низшим слоям общества. Хотя следует отметить положительную тенденцию среди мусульманской молодежи, которая, особенно девушки, все выше поднимается по общественной лестнице. И тем не менее до равенства между так называемыми “иностранцами”, которые чаще всего родились и выросли в Норвегии, и этническими норвежцами еще очень далеко. Вовсе не единичный случай, когда мусульманин, родившийся и выросший в Норвегии и имеющий высшее образование, должен подавать более ста заявлений, прежде чем его примут на работу. Наши мусульманские соотечественники имеют

также печальный опыт при аренде жилья, потому что непривычные имена пугают хозяев квартир. Подобное обращение не только приводит к образованию мусульманских гетто, но вызывает у них чувство обиды и горечи, и это считают опасным также и в мусульманских обществах, так как может привести к “талибанизации” молодого поколения мусульман».

Далее Воге пишет: «Джихад, или священная война, первоначально служил призывом к оборонительной войне для защиты *dar al-islam* (“Дом ислама”), основанного на пяти столпах веры, которому противопоставлен *dar al-harab* (“Дом войны”), то есть неисламские территории, где, с точки зрения мусульман, господствовали хаос, анархия и неверные. Ислам превращается в милитаристское движение, поскольку он встречает сопротивление не только со стороны Запада, но и внутри мусульманского мира. Исламские террористы, добиваясь мирового халифата, ведут борьбу как против Запада, так и против сегодняшних “декадентных” и “коррупцированных” лидеров в мусульманском мире. Саудовская Аравия, с казалось бы столь ортодоксальным мусульманским правительством, где женщинам до сих пор запрещено иметь водительские права, а за воровство в соответствии с шариатом отрубает руки, для “Аль-Каиды” представляет столь же серьезного врага, как и США»²⁷.

Отношение фундаменталистов к Западу и современному миру, по мнению Воге, можно выразить так: «Мы хотим быть современными, но мы не хотим быть такими, как вы». Он считает, что это относится как к умеренным, так и к воинствующим фундаменталистам, но подчеркивает, что, в отличие от современных европейцев с типичной для них неуверенностью, фундаменталисты уверены, что они хорошо знают, что является добром и истиной, а что злом и ложью — об этом они прочли в Коране или узнали от «знающих». Когда такое убеждение в своей абсолютной правоте ведет к вооруженным или насильственным действиям против «зла», возникает настоящая опасность. Тогда для борцов существуют лишь две силы: добрая, которую всегда представляют они сами, и злая, которую представляют «другие».

Сложность современного ислама и невозможность однозначных оценок Воге показывают на таком простом примере, как головной платок, введенный Хомейни вместо чадры. Для одних женщин это символ их несправедливости, и они с отвращением отбрасывают платок, выехав на Запад. Для других — протест против сексуальной разнузданности Запада, и они, окончив европейский университет, демонстративно надевают платок как знак идентификации с исламом.

Итак, Запад может научить мусульман уважать права личности. Но и мусульмане, в свою очередь, могут многому научить народы Запада, и прежде всего относиться к собственным принципам с такой же серьезностью, с какой мусульмане относятся к своим принципам, в том числе и «фундаменталисты», те из них, кто обращаются к «фундаменту» в поисках нового толкования Корана, а значит, возможности новых путей в будущем. Этим занимались пионеры реформации на Западе, что вызвало такие же волнения в Европе, которые сегодня мы наблюдаем в мусульманском мире²⁸, — считает Воге.

«Евроислам» Анны Софии Роальд

Анна София Роальд — норвежка, принявшая ислам, — настаивает на необходимости отличать намерения пророка Мухаммеда в Коране от того культурного выражения, которое они приобрели в Аравии в VII веке. Например, как считает Роальд, разрешая иметь четырех жен, пророк делал первый шаг в направлении обеспечения прав женщин, так как не только ограничил многоженство, но и ввел право на материальную поддержку для незамужних женщин, число которых из-за войны превышало число мужчин и которым угрожал голод. То же самое можно сказать и о постановлениях, где свидетельство двух женщин приравнивается к свидетельству одного мужчины, а также о праве женщины на половину наследства мужчины. До этого свидетельство женщин не учитывалось вообще, и они не имели права наследовать собственность. Когда Мухаммед в своей прощальной речи подчеркивал, что к рабам надо относиться так же, как к свободным, — это был шаг в сторону уничтожения рабства. Другими словами, Роальд считает, что если ислам снимет свой архаико-бедуинский наряд, то религия вполне может быть совместима с порядком, в котором уважаются права человека²⁹.

Роальд считает очень важным, чтобы в исламе акцент был перенесен с коллектива на индивида, чему, по ее мнению, способствует так называемая «встреча с современным миром». В статье, опубликованной в норвежском издании газеты “Amnesty International” от 10 апреля 2004 года, она пишет об исламе: «Для традиционных школ права характерно коллективистское мышление. Идея о правах индивида получила более заметное место в сознании мусульман после их встречи с новыми культурными структурами в связи с миграцией и глобальным характером СМИ. В современных дебатах среди евромусульман все явственнее проявляется готовность к новым толкованиям Корана и хадисов, а также склонность приписывать индивиду централь-

ную роль. Хотя эта тенденция еще неокончательно утвердилась, она может сыграть важную роль в будущем, особенно когда мусульмане второго и третьего поколений, прошедшие через западную систему образования, где права человека отдается приоритет, будут пытаться найти решения, позволяющие практиковать ислам в западном обществе»³⁰.

Нобелевские миротворцы

В 1994 году список выдающихся миротворцев, ежегодно награждаемых Нобелевской премией мира, пополнился еще тремя фамилиями. На сей раз ее поделили тогдашние премьер-министр Израиля Ицхак Рабин, министр иностранных дел этой страны Шимон Перес и президент Палестины Ясир Арафат. Ранее премии присуждали, как правило, двоим представителям противоборствующих сторон (Менахем Бегин — Анвар Садат, Нельсон Мандела — Фредерик де Клерк). Теперь их стало трое.

Решение Нобелевского комитета норвежского стортинга не явилось неожиданностью для международного сообщества. Рабин и Арафат были очевидными кандидатами. В последний момент удалось включить в список Шимона Переса, тем самым сняв значительное напряжение в руководстве Израиля, ибо, как известно, двух признанных лидеров еврейского государства, мягко говоря, связывали не особо теплые отношения...

Решение Нобелевского комитета вызвало неоднозначную реакцию в мире. В Норвегии обиделись, что за бортом премии оказался покойный министр иностранных дел этой страны Юхан-Йорген Холст, сумевший героическими усилиями усадить израильских и палестинских представителей за стол переговоров. Кое-кого поверг в смятение тот факт, что премию получил человек, всю свою жизнь не без оснований считавшийся террористом, — Ясир Арафат. Наконец, многие утверждали: не слишком ли большая честь политикам, которые, заключив «рукопожатие сквозь зубы», всего лишь обещали больше не стрелять друг в друга.

Выбор лауреатов 1994 года заставил задуматься о самом смысле Нобелевских премий мира. Что они суть — политический инструмент для достижения пусть и благих, но тоже чисто политических, прагматических целей? Или же это признание высокого нравственного авторитета лауреата, знак признания со стороны благодарного человечества? Ибо общечеловеческий смысл шведско-норвежских премий — дело давно уже само собой разумеющееся. Если завтра Саддам Хусейн признал бы границы Кувейта, автономию курдов и право на свободу совести для шиитов, дали бы и ему Нобелевскую премию мира?³¹

В 2005 году «иракский след» обнаружился в очередном присуждении Нобелевской премии мира. До последнего момента даже досужие журналисты только гадали об имени будущего счастливица. Букмекеры прочили в победители самые различные личности — от экс-президента Финляндии Ахтисаари и американских борцов за ядерное разоружение сенаторов Нанна и Лугара до рок-звезд из группы “U-2”.

Однако тайный комитет из пяти норвежцев, которые и принимают решение по премии мира, видимо, мнением букмекерских контор не очень интересовался. Они присудили престижную награду Международному агентству по атомной энергии и ее директору 63-летнему египтянину Мохаммеду аль-Барадеи.

Примечательно, что глава МАГАТЭ не только не мечтал о нобелевском лауреатстве, но и сильно сомневался, что сумеет сохранить на новый, третий, срок свои директорские полномочия. Дело в том, что он умудрился разгневать американцев, которые имели сильное влияние на кадровый состав этой ООНовской структуры.

В свое время именно Вашингтон приложил руку к тому, чтобы лояльный, по мнению американцев, египетский дипломат оказался у руля МАГАТЭ. И до поры до времени отношения США с агентством и его руководителем были безоблачными. Благостность закончилась, однако, 11 сентября 2001 года. После известных терактов Джордж Буш выдвинул пресловутый тезис об «оси зла», куда он включил Ирак, Иран и Северную Корею. Перед соответствующими органами и ведомствами, в том числе и МАГАТЭ, Белым домом были поставлены определенные задачи по поиску компромата на «зловную ось».

Аль-Барадеи вместе с главным ООНовским инспектором по Ираку шведом Хансом Бликсом отказались безоговорочно подтвердить американское заключение о наличии у иракского диктатора ядерного оружия. Ханса Бликса американцы «съели» без особых проблем и достаточно быстро, отправив его летом 2004 года на пенсию. А вот египтянин оказался крепким орешком. Мало того, что он не поддержал позицию США по Ираку, но и не стал нагнетать ситуацию вокруг Ирана, как того требовали американцы, заявив, что только лишь «дипломатия и регулярные проверки иранских ядерных объектов могут привести к положительным результатам».

Поэтому никто не удивился, что еще задолго до срока переизбрания директора МАГАТЭ Вашингтон устами тогдашнего помощника госсекретаря по контролю над вооружениями Джона Болтона заявил, что не собирается поддерживать кандидатуру аль-Барадеи. На него стали собирать compro-

мат, прослушивать телефоны, попытались изменить устав агентства и ввести положение, ограничивающее пребывание во главе организации двумя сроками. Наконец, американцы добились задержки срока голосования на два месяца и стали усиленно искать замену директору агентства³². Но все оказалось безуспешным. Заручившись поддержкой «старой Европы», Китай и России, Барадеи свой пост в конце концов сохранил, правда, пообещав Вашингтону занять более жесткую позицию по ядерной программе Ирана.

В принципе свое обещание директор агентства выполнил, хотя для этого он подключил авторитет «евротройки» (Великобритании, Германии и Франции), которая подготовила специальную резолюцию по Ирану с требованием прекратить все работы по обогащению урана, принятую затем уже на сессии МАГАТЭ. Но по большому счету это было не совсем то, чего требовали американцы, желавшие немедленной передачи иранского вопроса в Совет безопасности ООН и впоследствии введения санкций против Тегерана.

В международном сообществе восприняли присуждение очередной Нобелевской премии мира по-разному. В самом МАГАТЭ были рады, но при этом приятно удивлены выбором норвежской пятерки. В официальном заявлении говорилось, что «премия приведет к еще более широкому признанию роли организации и ее поддержке в деле обеспечения международной атомной безопасности». Решение Нобелевского комитета одобрили и претенденты на премию мира 2005 года, в частности тогдашний президент Украины Виктор Ющенко и экс-президент Финляндии Марти Ахтисаари.

Тогдашние лидеры мировых держав, таких как Великобритания и Франция, Тони Блэр и Жак Ширак, а также российский представитель администрации президента тоже высказали удовлетворение решением Нобелевского комитета. Наконец, даже США, сменив гнев на милость, через своего госсекретаря Кондолизу Райс поздравили лауреата с наградой. А вот все экологические организации вкупе с мировой «зеленой» общественностью в штыки восприняли решение Нобелевского комитета. По их мнению, деятельность МАГАТЭ неэффективна, а заслуга Барадеи состоит лишь в том, что он умело балансирует между США, Европой и исламским миром³³.

Юстейн Гордер «Богоизбранный народ»?

В августе 2006 года самый известный за пределами страны норвежский писатель Юстейн Гордер опубликовал в газете “Aftenposten” открытое письмо под названием «Богоизбранный народ», в котором резко раскрити-

ковал политику Израиля на Ближнем Востоке. Писатель поставил под сомнение само право Израиля на существование в сегодняшних границах и подверг остракизму претензии на ведение войн под религиозными лозунгами. Жесткая риторика Гордера вызвала горячие дискуссии в норвежских СМИ, а после перевода письма на английский язык дебаты всколыхнули многие страны мира.

Статья Гордера была не первой антиизраильской акцией в норвежских газетах. В середине июля 2006 года газета “Dagbladet” поместила на своих страницах карикатуру на израильского премьер-министра Эхуда Ольмерта с винтовкой на вышке концлагеря. Израильский премьер и лежащий убитым во дворе лагеря палестинец прямо ассоциировались с фильмом «Список Шиндлера», в котором садист-комендант лагеря развлекался убийствами еврейских заключенных. Посол Израиля в Норвегии Мириам Шомрат посчитала карикатуру выходящей за рамки дозволенного и обратилась с жалобой на “Dagbladet” в комиссию по этике при Объединении норвежских СМИ. Комиссия рассмотрела ходатайство посла весьма оперативно и не нашла в публикации карикатуры действий, противоречащих этическим нормам и выходящих за рамки свободы печати. Генеральный секретарь норвежского Объединения норвежских СМИ Пер Эдгар Кокволл так прокомментировал демарш г-жи Шомрат: «Я считаю, что реагировать на карикатуру подобным образом было для посла неразумно. Она показала тем самым, что не понимает пределов карикатурных границ в нашей части мира. Но я сознаю, что она чувствовала себя оскорбленной».

Оскорбленными почувствовали себя и читатели израильской газеты “Jerusalem Post”, которая перепечатала карикатуру: пользователи интернет-сайта издания были весьма резки в оценках Норвегии: «Стыдись, Норвегия! Я надеюсь, вы помните Вторую мировую войну, когда встречали нацистов с распростертыми объятиями, а теперь ваши газеты публикуют карикатуры на Ольмерта в виде нациста!»

«Нет пути назад. Настало время усвоить новый урок: мы больше не признаем государство Израиль. Мы не верим в повествование об избранном Богом народе. Мы смеемся над причудами этого народа и плачем над его злодеяниями. Представлять себя как Богом избранный народ — это не только глупо и надменно, но это преступление против человечности. Мы называем это расизмом», — так начиналась статья Юстейна Гордера в газете “Aftenposten”³⁴.

Дискуссия о форме и содержании послания Гордера началась буквально в тот же день, когда оно было опубликовано. Журналист и музыкальный

критик Мона Левин публично высказалась против Гордера и заявила, что была потрясена отсутствием реакции со стороны норвежского правительства. Для того чтобы привлечь внимание властей к письму Гордера, она охарактеризовала опус как «самую ужасную вещь, которую я читала с тех пор, как была опубликована “Майн Кампф”». «Мы имеем дело с неосведомленным и исполненным ненавистью человеком, который высмеивает иудаизм», — отметила Левин в интервью израильской газете “Haaretz”.

Министр иностранных дел Норвегии Юнас Гар Стере недолго хранил молчание по поводу формы и содержания статьи Юстейна Гордера. По мнению главы внешнеполитического ведомства Норвегии, ряд положений статьи абсолютно неприемлем: «Этот текст вызывает тревогу. Моя позиция заключается в том, что тезисы о непризнании израильского государства и о том, что это государство больше не может быть защищено резолюциями ООН, международными конвенциями и международным правом, абсолютно неприемлемы»³⁵.

Целую неделю после публикации Юстейн Гордер давал интервью местным и зарубежным изданиям и участвовал в дискуссиях на национальном радио и телевидении. Вероятно, разочарование писателя от дебатов было столь велико, что он допускал выражения, которые лишь обостряли накал страстей. В интервью газете “Haaretz” Гордер заявил, что был неправильно понят: «Подобно Джону Кеннеди, заявившему в Германии: “Я — берлинец”, я провозглашаю сейчас: “Я — еврей”». В последующем интервью службе новостей телеканала “TV2” Гордер договорился до того, что «чувствует себя таким же испуганным, как евреи, когда у них была на то историческая причина». В какой-то момент Гордер заявил, что не видит смысла в продолжении дебатов и ограничится «последним интервью» на телевидении.

12 августа, через три дня после заявления о прекращении участия в дискуссиях, Гордер написал в “Aftenposten” новое письмо под красноречивым названием «Попытка объяснения». В новой статье писатель пытался разъяснить, что он имел в виду в первой публикации. «Я, очевидно, был неправильно понят многими по причине литературного приема, который использовал, когда писал статью “Богоизбранный народ”, и считаю поэтому необходимым снова вернуться в колонку статей газеты “Aftenposten”, сделав попытку разъяснения», — писал Гордер в новом послании. Писатель сожалел о том, что мог задеть кого-то своей первой статьей, но по-прежнему подвергает Израиль резкой критике³⁶.

Редактор отдела политики газеты “Aftenposten” Харальд Стангхелле прокомментировал письмо Гордера и дебаты вокруг него в статье «Демоны

среди нас», которая совпала по времени с публикацией «Попытки объяснения». Редактор отдела политики одной из самых читаемых газет страны попытался объяснить, почему в сегодняшнем норвежском обществе так сильны антиизраильские настроения. «В течение нескольких десятилетий государство Израиль являлось в нашем коллективном представлении чем-то особенным: религиозные, исторические, политические и моральные нити сплелись вместе и образовали единое целое. Для христиан Израиль был и частично остается звеном божественного плана, которое выше тех норм, которыми измеряются другие национальные государства, — указывает Стангхелле и развивает эту мысль. — И для большинства норвежцев безоговорочная поддержка Израиля стала выполнением морального долга перед теми, кто пережил чудовищные преступления гитлеровского режима против живших в Европе евреев». Однако он подчеркивает: «С наших глаз слетели розовые очки и мы увидели иную, жестокую реальность».

Разочарование писателя политикой Израиля никоим образом не оправдывает всеохватную критику целого народа и его религиозных предпочтений, тем более что формально Израиль является светским демократическим государством. Пропаганда простых решений, сопровождаемая хлесткими эпитетами и крайними оценками, вряд ли способствует диалогу и установлению мира в регионе. Как было сказано в одной из статей, опубликованных в норвежской газете “Dagbladet”, «найдется тысяча причин протестовать против ведения Израилем войны в Ливане. Но не найдется ни одной причины делать ответственным целый народ за политику своего правительства»³⁷.

Исламские силовики и боевики

В начале 2008 года Служба безопасности Норвегии (PST) объявила о намерении нанимать на службу иммигрантов и местных мусульман с целью более эффективного противостояния проявлениям экстремизма. Этот шаг, предпринятый норвежскими властями следом за их британскими коллегами, свидетельствует о том, что, несмотря на провоцируемые правыми радикалами скандалы и уличные бунты, официальные власти разных стран Европы начинают понимать: единственный путь к обеспечению внутренней безопасности и стабильности — это разумный диалог с представителями всех культур и конфессий. И никак не сознательная культивация обстановки тотального отчуждения и морального давления на представителей некоренных национальностей и вероисповеданий. В частности, это подтверждают слова директора организации Йорна Хольма, который сказал,

что представители разных национальностей и религий рекрутируются не из соображений политкорректности, а потому что служба реально нуждается в их опыте и навыках³⁸.

Но эта вынужденная мера не остановила рост зарубежной преступности. Экономический кризис в Европе привел к стремительному росту числа преступлений, совершаемых иностранцами в Норвегии. Причина заключается в том, что эта страна — один из немногих островков стабильности в Старом Свете благодаря своим запасам «черного золота» и капиталам, накопленным от его продажи. К такому выводу пришли эксперты норвежской криминальной полиции «Kripos», обнародовавшие доклад «Организованная преступность в Норвегии — тенденции и вызовы 2011–2012 годов».

Феноменом последних лет стали так называемые «гастролирующие банды», прибывающие из-за рубежа и занимающиеся преступной деятельностью разного рода: грабежами домов, налетами на людей, взломом магазинов и складов, махинациями с банкоматами. Ежегодный убыток от деятельности «гастролеров» оценивается примерно в 2 млрд евро. Зарубежные преступники разделили сферы деятельности. Албанцы контролируют рынок героина, литовцы, румыны и нигерийцы — проституцию. Полиция отмечает, что взлет зарубежной преступности был отмечен после отмены визового режима в декабре 2010 года с Албанией и Боснией и Герцеговиной и несколько ранее — с Румынией (Норвегия не входит в ЕС и самостоятельно регулирует визовые отношения с европейскими странами).

Другая проблема — слишком мягкое законодательство в отношении лиц, ищущих убежище в стране. Сотни преступников из разных государств мира «сдаются» в Норвегии и, пока длится многомесячное разбирательство их дел, получают крышу над головой и денежное пособие. Время пребывания в стране они используют для совершения правонарушений. «Мы раз за разом ловим одних и тех же иностранных соискателей статуса беженца. Это бессмысленная трата времени и ресурсов. Необходимо держать под замком лиц, нарушивших закон, вплоть до их высылки из страны», — говорит начальник одного из районных отделов полиции Осло Коре Сулен. По его мнению, следует ужесточить законодательство в отношении иностранцев, высланных из страны за преступления. Сегодня они имеют право возвращаться в Норвегию, чем активно и пользуются³⁹.

В конце января 2011 года бойцы Выборгского погранотряда были немало удивлены, увидев перед собой иностранца, которого в июле 2010 года отправили за решетку по статье «Незаконное пересечение государственной границы». Тогда 47-летний уроженец Ирака, каким-то образом оказавший-

ся в Норвегии, решил вернуться на историческую родину. Транзитом пересек Финляндию и оказался на КП выборгских пограничников без должных документов. Его задержали и, по решению суда, препроводили за попытку нарушения госграницы в исправительное учреждение Петербурга. И вот спустя полгода, имея на руках лишь справку об освобождении из мест заключения, авантюрист снова решил направиться в Норвегию.

После освобождения задержанный поехал в Москву, перебивался случайными заработками, обращался за помощью в посольства Ирака, Ирана, Норвегии, но никто не признал его своим. И тогда он попытался еще раз испытать бдительность выборгских пограничников. И опять не получилось⁴⁰.

Число иностранцев, задержанных в Норвегии за различные преступления, увеличилось за десять лет в шесть раз. Если в 2001 году в местах заключения содержалось 66,5 % граждан Норвегии (кстати, их львиная доля — лица иностранного происхождения) и 33,5 % — иностранцев, то в прошлом году доли «своих» и «чужих» уравнились. В тюрьмах страны отбывают сроки представители более ста национальностей. Большинство из них не могут общаться ни на каком другом языке, кроме родного. «Мы не понимаем, о чем говорят между собой эти люди. Рушатся все положения о безопасности, реабилитации осужденных и контроле за ними», — признался в интервью газете «Aftenposten» Гейр Бьоркли, председатель Объединения служащих мест заключения Норвегии.

Парламентская оппозиция отметила, что многие иностранцы совсем не опасаются оказаться за решеткой. «Деньги, которые дают у нас заключенным, соответствуют средней годовой зарплате в той же Болгарии. Если прибавить сюда выплаты пособий на детей, пенсионные и иные надбавки, преступник может получить в год более 10 тыс. евро. Это в несколько раз выше, чем зарплата в целом ряде стран, откуда к нам приезжают правонарушители», — утверждала в своем сообщении для прессы популистская Партия прогресса. Помимо названных экономических выгод, иностранец, попавший за решетку в Норвегии, накапливает «пенсионные деньги». Убийство с отягчающими последствиями карается обычно десятилетним сроком — этого достаточно, чтобы по выходе на свободу получить минимальную норвежскую пенсию размером порядка 700 евро в месяц. Этой возможностью уже воспользовались сотни иностранных бандитов. Оппозиция, поддержанная правоохранителями, требует ужесточить условия пребывания в стране зарубежных преступников. В Министерстве юстиции обещали выработать предложения об изменении закона об иностранцах⁴¹.

Насильники и жертвы

В 2011 году столица Норвегии попала в североевропейские лидеры по количеству изнасилований. В миллионном городе лишь за 9 месяцев 2011 года, по данным криминальной полиции, жертвами преступников стали 182 женщины, притом что в 2010 году было зарегистрировано всего 24 нападения. В 90 % случаев пострадавшие описывали своих мучителей как смуглых или черных молодых мужчин, говоривших по-английски или по-норвежски с акцентом⁴².

Волна изнасилований норвежских женщин захлестнула Осло. Тенденция роста числа таких преступлений наблюдалась давно, однако за последние месяцы 2010 года она достигла пика. Количество изнасилований в норвежской столице в шесть раз выше в процентном отношении, чем в Нью-Йорке, ранее считавшемся рекордсменом по числу такого рода преступлений. В пунктах скорой помощи (legevakt), куда обычно поступают жертвы изнасилований, просто не успевают заниматься всеми пострадавшими, несмотря на то что количество медперсонала увеличено. Однако в СМИ практически никто не развивает тему столь резкого роста насилия, пресса занята темой... борьбы с исламофобией. А эти темы очень тесно взаимосвязаны.

Дело в том, что подавляющее большинство насильников — выходцы из мусульманских стран, в частности из Пакистана. Пресса об этом старается не писать, рискуя нарваться на скандал. Такой скандал уже разгорелся в 2001 году, когда местные газеты «Афтенпостен» и «Дагбладет» опубликовали данные о том, что двое из трех насильников, преследуемых полицией, — мигранты с Ближнего Востока и Азии. Тему замяли, чтобы не «разжигать этническую рознь в стране». Но по сравнению с кризисом 2001 года к 2005 году количество жертв сексуального насилия выросло примерно на 40 % и продолжало расти примерно на 13 % в год. Эти данные, со ссылкой на полицейские источники, опубликовало несколько не боящихся «попасть под статью» журналистов.

Начальник отдела расследований насильственных преступлений полиции Осло Гунар Ларсен также не побоялся заявить, что процент изнасилований, совершенных мигрантами из мусульманских стран, растет не по дням, а по часам. Таких мигрантов в Осло живет чуть более 14 %, однако случаев изнасилований, в которых они замешаны, — около 70 %.

По данным за 2006 год, из 111 осужденных за изнасилования 72 — мусульманские мигранты, 25 — коренные жители и 14 — граждане других стран, зачастую не ясно каких. Но количество осужденных — не показат-

тель. Полиция сталкивается с проблемой идентификации насильников-мигрантов. Жертвы не всегда способны точно опознать насильника, запомнив только, что он выходец из стран Востока. 80 % изнасилованных — коренные норвежки, для которых зачастую большинство мигрантов на одно лицо. Фотороботы редко срабатывают, и поэтому удается поймать и посадить в основном только рецидивистов. Восемь из десяти схваченных полицией подозреваемых выходят на свободу благодаря предоставляемым им адвокатам из различных волонтерских правозащитных организаций, которые упирают на то, что жертвы не в состоянии точно сказать, кто на них напал, а задержания мигрантов суть расизм⁴³.

Основную проблему, как говорят местные источники, представляют собой выходцы из Пакистана, где, как известно, до последнего времени действовали законы, опиравшиеся на шариатские нормы, позволявшие насильникам уйти от наказания. По этим законам, впоследствии отмененным Первезом Мушаррафом, женщина могла пожаловаться властям на насильника, лишь имея четырех свидетелей мужчин. Иначе ее побивали камнями за прелюбодеяние...

Исследования показывают, что лишь одна из десяти пострадавших норвежек отваживается подать заявление в полицию. Профессор криминалистики Петер Гилл, специализирующийся на исследовании преступлений, совершенных на сексуальной почве, сообщил в интервью газете “Vart Land” то, о чем не рискуют говорить политики и полицейские: «Полагаю, что взлет числа нападений на женщин связан с террористическим актом 22 июля, совершенным Андерсом Берингом Брейвиком. Этот преступник открыл “шлюзы” подавленной мужской агрессивности». Иными словами, иммигранты, против которых Брейвик объявил «крестовый поход», решили нанести столь своеобразным способом ответный удар по «белой Норвегии».

В начале ноября 2011 года министр юстиции Кнут Стурбергет созвал экстренное совещание с участием всех высших чинов силовых ведомств. «Мы должны научить мужчин иностранного происхождения тому, как следует относиться к женщинам, что является допустимым, а что — нет», — заявил министр на страницах газеты “Verdens Gang”.

Эти наивные слова вызвали бурю возмущения среди женских организаций. «Речь не идет об обучении преступников основам культуры и равноправия. Насильники прекрасно знают, что они творят», — заявил руководитель Антирасистского центра в Осло Кари Хелене Партаппули. Впрочем, реальные действия против насильников власти также собираются предпри-

нять. Министр юстиции пообещал усилить специальную группу, занимающуюся расследованием преступлений сексуального характера; также будет взят на вооружение опыт скандинавских соседей. Премьер-министр Норвегии Энс Столтенберг специально встречался с мэром Копенгагена Франком Енсенем, который рассказал о датских методах борьбы с насильниками. Прежде всего это отработанная методика изъятия «биологического материала» с одежды жертв нападения, что позволяет обнаружить ДНК преступника и доказать его вину. В Норвегии до сих пор этим пренебрегали, поэтому раскрываемость была крайне мала (в 2010 году на скамью подсудимых отправились только семь человек). Кроме того, власти Копенгагена провели работу по дополнительному освещению улиц, увеличили количество ночных автобусов, а также поддержали инициативные группы граждан, вызвавшихся патрулировать наиболее опасные районы города. Норвежские власти объявили о начале информационной кампании среди населения, направленной прежде всего на молодых женщин. Им не рекомендуется возвращаться из ночных клубов и дискотек в одиночку и злоупотреблять алкоголем. А если «в ночное» ушла компания, полиция просит более трезвых приятелей и подругок сопровождать до дома тех, кто «перебрал»⁴⁴.

Блондинки-норвежки начинают красить волосы в черный цвет и носить все менее откровенные наряды. Местные блоггеры грустно шутят, что черед за хиджабами. Впрочем, это немудрено. У многих на устах фраза, произнесенная еще в разгар скандала в 2001 году профессором социальной антропологии Университета Осло госпожой Унни ВIKAN. Профессор заявила, что «норвежские женщины должны ответственно подойти к вопросу превращения страны в мультикультуральную и адаптироваться к меняющейся ситуации». Профессор имела в виду, что норвежки своими нравами могут «провоцировать» мигрантов из мусульманских стран, не привыкших к такому «открытому» поведению женщин. По всей видимости, норвежские женщины пока не прислушались к словам эксперта⁴⁵.

По словам министра юстиции, власти не хотят излишне давить на женщин, рекомендуя им одеваться менее вызывающе или не оставаться допоздна в значных местах. «Мы хотим показать, что проблема не в женщинах, а в мужчинах, и работать мы прежде всего будем с ними», — заявил министр. Этими словами он заочно полемизирует с представителями иммигрантской молодежи, прежде всего из исламских стран. На страницах газет они часто утверждают, что «норвежки сами виноваты», поскольку одеваются и ведут себя вызывающе, показывая этим, что сами не против

вступить в сексуальные отношения. Пока власти совещаются по поводу того, как избавиться от неожиданной беды, граждане начали действовать. В Осло и других городах прошли массовые демонстрации под лозунгом «Верните нам ночь», а клубы самообороны открыли дополнительный прием девушек на курсы защиты от насильников. Фотографии и видеоклипы, показывающие простейшие способы избавления от преступников, помещают на своих страницах ведущие норвежские газеты⁴⁶.

* * *

¹ Светланд К. Скандинавия. Проблемы адаптации // Курьер ЮНЕСКО. 1985. Окт. С. 28.

Каролин Светланд (Норвегия) — антрополог, специалист по проблемам миграций. Автор нескольких работ и статей, включая “The Ghetto of the Soul” (ЮНЕСКО, 1978) и “Migrant Workers, Language and Culture: Ethnolinguistic Models” (ЮНЕСКО, 1981).

² Там же. С. 28.

³ Там же. С. 29.

⁴ Там же. С. 29.

⁵ НГ-Религии. 28.03.2001. С. 2.

⁶ URL: <http://www.islamnews.ru/news-18393.html>

⁷ Газета «Метро» (С.-Петербург), № 150, 14 декабря 2004, С. 2.

⁸ Цит. по: Дуэль. 21.06.2005. № 24. С. 7.

⁹ Горбунов Н. Цит. по: Дуэль. 03.02.2004. № 5. С. 8.

¹⁰ Субботин К. Миграционная политика и Великая стена // Дело. 21.05.2007. № 17. С. 10.

¹¹ Там же.

¹² islam2@islam.ru. URL: http://www.islam.ru/pressclub/gost/cenirov/?print_page 15.11.2010 (Ислам.ру — Независимый исламский информационный канал).

¹³ Минин С. Возмущение ислама // НГ-Религии. 15.02.2006. № 3 (175). С. 1.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Эхо планеты. 2006. Июнь. № 25–26. С. 3.

¹⁶ Вечный зов. 2006. Июнь. С. 14.

¹⁷ Ягодкин А. // Новая газета. 2007. № 57. С. 5.

¹⁸ Смирнов А. Молодежь за апартеид? // Новые известия. 2012. № 15. С. 2.

¹⁹ Там же.

²⁰ Соколов А. Разноязыкая орда // Петербургский дневник. 2009. № 16 (227). С. 12.

²¹ Kotsch M. Gewalt im Islam? Германия, 2002. С. 158.

²² «Аль-Каида» в Норвегии // Аргументы и факты. 2003. № 22. С. 5.

²³ Блинов А. // Независимая газета. 2008. № 3. С. 9.

²⁴ Московские новости. 2012. № 59. С. 4.

- ²⁵ Московские новости. 2012. № 63. С. 4.
- ²⁶ Померанц Г. Ислам Орианы Фалаччи и ислам Петера Воге // Вестник Европы. 2006. № 18.
- ²⁷ Там же.
- ²⁸ Там же.
- ²⁹ Там же.
- ³⁰ Там же.
- ³¹ Новое время. 1994. № 42. С. 5.
- ³² Борисов А. Атомные лауреаты // Санкт-Петербургские ведомости. 2005. № 194. С. 4.
- ³³ Там же.
- ³⁴ Прохоров П. Потрясенный мир Юстейна Гордера // Санкт-Петербургские ведомости. 2006. № 177. С. 4.
- ³⁵ Там же.
- ³⁶ Там же.
- ³⁷ Там же.
- ³⁸ Служба безопасности Норвегии рекрутирует мусульман // Nettavisen. 2008. 20 февр.
- ³⁹ Смирнов А. Мафия с иностранным акцентом // Новые известия. 2012. № 29. С. 2.
- ⁴⁰ С тюремной справкой в Норвегию // Санкт-Петербургские ведомости. 2011. № 15. С. 2.
- ⁴¹ Смирнов А. Мафия... С. 2.
- ⁴² Смирнов А. Изнасилование с акцентом // Новые известия. 2011. № 203. С. 2.
- ⁴³ Коган А. Норвежки «адаптируются» к изнасилованиям. URL: <http://norse.ru/pub/print-87.html> (дата обращения: 15.11.2010).
- ⁴⁴ Смирнов А. Изнасилование... С. 2.
- ⁴⁵ Коган А. Норвежки «адаптируются»...
- ⁴⁶ Смирнов А. Изнасилование... С. 2.

Н. В. Сафонова, О. А. Короленко

НОРВЕЖСКАЯ СИСТЕМА ОБРАЗОВАНИЯ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Согласно данным ООН, последние несколько лет Норвегия является страной с самым высоким уровнем жизни и занимает хорошие позиции в различных рейтингах¹. Например, 1-е место в The Legatum Prosperity Index (рейтинг глобального благосостояния); 3-е место в Average Life Satisfaction Ranking (средний уровень удовлетворенности жизнью); 5-е место в Humanity Global Peace Index (глобальный индекс миролюбия) на 2011 год. Показатели ее функционирования «перекрывают» успехи других развитых стран (США, Канада) и стабильно обеспечивают Норвегии место в первой пятёрке по уровню развития человеческого потенциала в мире. Норвегия являет собой яркий пример североευропейской модели организации системы высшего образования. Будучи одновременно эгалитарной, централизованной и социально ориентированной, она репрезентирует многие характерные черты систем высшего образования стран Северной Европы.

Учитывая такие показатели, можно легко объяснить большой приток иммигрантов в Норвегию, где большая часть бюджета тратится на социальные программы, тем самым обеспечивая ее гражданам безбедное существование. Основной акцент в системе делается на человека, что является идеальным для развития государства.

Уровень грамотности населения составляет 100 %², что не оставляет никаких сомнений по поводу качества и эффективности образования. Норвегия позиционирует себя как государство всеобщего благосостояния с доступной системой образования, здравоохранения для всех подданных королевства. На сохранение всеобщего благосостояния направлена политика образования, основанная на принципе всеобщих равных прав на образование для всех членов общества, независимо от их социокультурной принад-

лежности и места проживания. Что немаловажно, система адаптирована для людей с физическими или умственными недостатками. Существуют специальные образовательные учреждения для иммигрантов и меньшинств со своей культурой, языком.

Система образования Норвегии имеет чрезвычайно большое влияние на развитие нации, и немногие структурные элементы государства могут с ней сравниться. Будучи олицетворением демократии в норвежской истории, логическим следствием кажется то, что демократические идеалы, формирующие основу общества, вовлечены в образовательные институты. Центральные элементы изучения норвежской школьной системы — социальные перспективы, социальная и культурная солидарность, демократичность принятия школьных решений, децентрализация, равные для всех возможности учиться, активное участие и высокие академические показатели. Все это создает почву для благополучия во всех сферах социума, ведь именно высокий уровень стандартов образования способен повысить уровень жизни в целом.

Для того чтобы понять специфику норвежского образования, необходимо увидеть всю глубину его исторического развития и проследить прогресс на протяжении веков.

Появление школы восходит к Средним векам. Вскоре после того как в Норвегии в 1152 году появилось свое архиепископство, были созданы школы при соборах для подготовки священников в Тронхейме, Осло и Бергене³. После Реформации в 1539 году датская церковь издала указ, который также имел силу в Норвегии. Соборные школы были преобразованы в латинские (классические), согласно постановлению, в каждом городе должна была находиться «латинская школа». Кроме того, крестьянские дети должны были обучаться основам христианства. Но в действительности эти постановления почти не имели эффекта.

С ростом государственного и религиозного пиетизма в XVIII веке центральная администрация начала серьезно интересоваться процессами образования и воспитания. Она издала новый устав для университетов в 1732 году, для высших школ — в 1739 году, положение о конфирмации — в 1736 году и закон о школах — в 1739 году. В школах крестьянских детей обучали основам христианства, чтению. Письму и арифметике — по желанию. Но вплоть до начала XIX века число неграмотных было значительным. Немногие посещали латинские (классические) школы, где преподавались латинский язык, литература и история, которая была тесно связана с христианством. В XVIII веке в учебной программе появились родной

язык, география и современная история. Чиновники и другие лидеры государства и церкви были выпускниками этих школ и университета в Копенгагене, в котором учились и студенты из Норвегии. Также в нескольких городах появились городские школы или реальные училища, которые готовили учеников к реальной жизни. Указом 1809 года латинские (классические) школы были преобразованы в «ученые школы».

В 1811 году в Норвегии возник университет, который начал свою деятельность в 1813 году. После 1814 года было принято требование о совершенствовании школ для крестьянских детей. Первоначально эта работа определялась законом 1827 года. Он устанавливал, что школы должны были находиться при всех главных церквях с числом сотрудников не менее 30. Возможно было наличие передвижных школ в приходах. Обязательное школьное обучение длилось с 7–8-летнего возраста до конфирмации и должно было составлять не менее двух месяцев в год. В 1848 году вышел закон о крестьянских школах в торговых городах. Новые предметы, такие как шитье для девочек и гимнастика для мальчиков, были включены в учебные программы, а учебное время было продлено до 18–24 часов в неделю. Учебный год составлял 45 недель.

Параллельно с развитием крестьянских школ укреплялось и педагогическое образование. Стортинг организовал серию семинаров. Первый государственный семинар был проведен на полуострове Тронденес в 1826 году. Норвежская национальная интеллектуальная жизнь в середине 1800-х годов и спрос на расширенную демократию в политике оказали большое влияние на образование общества и развитие системы школьного образования. В 1860 году был издан новый закон о крестьянских школах. С этого момента постоянные школы заменили передвижные. Школьный комитет с пастором в качестве председателя должен был руководить школами в коммунах, а в каждой епархии появился свой директор школы. Продолжался долгий спор об «ученых школах». Противостояние одностороннему классическому образованию возросло, что требовало увеличения профессиональной подготовки в современных языках и науках. После трех лет обучения в крестьянской или подготовительной школе ученики могли перейти в 6-летнюю среднюю школу с изучением латинского и английского языков. Гимназии делились на классические с латинским и греческим языками в качестве основного предмета и реальные училища с математикой, естественными науками и английским языком в качестве основных предметов. Обучение в них составляло 3 года. Древненорвежский был обязательной частью изучения родного языка.

В 1864 году были основаны первые норвежские народные институты. Воодушевление по поводу народного просвещения привело в 1851 году к созданию Общества содействия народному просвещению с целью возрождения, развития и переосмысления гражданственности. В 1864 году было создано Студенческое общество бесплатного образования.

После политической реформы 1884 года с введением парламентаризма школьная система вновь подверглась коренным изменениям. В 1889 году появилась народная школа — общая школа для всех слоев общества. Обучение в народной школе проходили дети в возрасте от 7 до 14 лет, оно длилось 7 лет. В сельской местности учебное время увеличилось до 12 недель в год, а в городах оно составляло 40 недель в год (от 18 до 30 часов в неделю). В классах не должно было быть более 35 учеников, но в виде исключения их число могло достигать 40–45. Для каждой школы должны были быть построены или взяты в аренду школьные здания. В каждой коммуне появился школьный совет, в который входили выборные должностные лица со священником и представитель учителей. Дети учились читать на лансмоле и риксмоле, а в некоторых школьных округах лансмол изучался в качестве основного языка⁴.

Высшие школы были реформированы законом от 1896 года. Обучение в средней школе стало составлять 4 года и следовало за 5-летним образованием в народной школе или другим подготовительным образованием⁵. Основными предметами были норвежский, немецкий, английский языки и математика. Обучение в гимназии длилось 3 года и имело реальный или историко-языковой уклон. Латинский уклон постепенно нивелировался, но с согласия стортинга некоторые школы могли продолжать преподавать на латинском языке. В 1919 году латинский уклон вновь укрепился. Ученики могли сами выбрать риксмол или лансмол в качестве основного языка, а с 1907 года был введен письменный экзамен на выбранном языке.

Сельскохозяйственные училища были первыми профессиональными школами. В 1840-х годах сельскохозяйственные училища имелись почти во всех округах. После периода стагнации в 1890 году они начали активно развиваться. В 1882 году женщины получили право сдавать вступительные экзамены, а в 1884-м — экзамены на право занятия государственных должностей. Преподаватели-женщины также получили право преподавать в начальных школах, а в 1890 году семинары были открыты для женщин. Примерно в то же время был открыт ряд технических училищ. Законом от 1896 года средние школы стали общими для мальчиков и девочек. Индивидуальные школы для девочек исчезли в XX веке.

Школы для детей с ограниченными возможностями появились в XIX веке. В 1881 году был издан первый закон о таких школах, который касался глухих, слепых и умственно отсталых детей. Школы могли быть государственные, частные или районные с государственным финансированием. Этот закон был пересмотрен в 1915 и 1951 годах и расширен за счет включения в него детей с нарушениями речи, чтения, письма.

В 1936 году были пересмотрены законы о народной школе, а в 1959 году был издан общий закон для народных школ в городской и сельской местностях. В 1959 году управление коммун получило право ввести 9-летнюю единую школу, а в 1969 году 9-летняя начальная школа (неполное среднее образование) стала обязательной в соответствии с законом.

Требование о том, что образование в высшей школе должно быть получено после окончания народной школы, усиливалось, а в 1920 году стортинг постановил, что только высшие школы, поступление в которые было возможно после 7-летнего обучения в народной школе, могли получать государственное финансирование. В качестве обычной можно рассматривать ситуацию, когда за трехлетним обучением в средней школе следовало трехлетнее обучение в гимназии. В 1935 году реальные училища стали средней школой с трехлетним обучением. Законом 1964 года средние школы и гимназии были приспособлены к новой 9-летней школе. Обучение в гимназии снова стало трехлетним, основанным на двух классах трехлетней средней школы или 9-летней начальной школе (неполном среднем образовании).

После Второй мировой войны произошло резкое увеличение профессионально-технических училищ. Государственные ремесленные училища при заводах, торговые школы были сформированы на базе домоводческих школ, школ по кустарному производству и других технических училищ.

После того как в 1811 году был основан Университет в Осло, в течение многих лет в стране не создавались высшие учебные заведения. Сельскохозяйственный институт Норвегии начал свою деятельность в Осло в 1859 году, но лишь в 1897 году получил свое название и полноценные возможности для обучения. Норвежский технологический институт был создан в 1910 году, Ветеринарный — в 1918 году, Стоматологический — в 1928-м (был включен в Университет в Осло в 1959 году). Норвежский экономический институт был основан в Бергене в 1936 году, Университет в Тромсе — в 1968 году, Университет в Тронхейме — в 1968 году в результате объединения Норвежского технологического института и Норвежского педагогического института, основанного в 1922 году.

С середины 1960-х годов наблюдалось развитие сферы высшего образования, создавались новые учебные заведения. В то время как в 1969 году появились первые областные институты, ряд учебных заведений, в которых обучались после гимназий, был обновлен и получил статус института, в том числе педагогическая школа, школа медицинских сестер, гражданская и социальная школы и т.д. Они были включены в так называемую региональную систему институтов, которые предлагают более короткое профессиональное обучение и удовлетворяют потребностям новых видов образования на национальном и региональном уровнях.

В 1989 году был издан общий закон об университетах и научных институтах, поскольку раньше для каждого высшего учебного заведения существовал свой закон.

В 1994 году увеличилось финансирование сферы образования и появилась готовность реформировать школу, была проведена реформа школы продолжения, которая давала законное право на трехлетнее обучение в ней.

В 1995 году был принят общий закон для всего высшего образования, который касался и государственных институтов. В 1997 году была проведена реформа и появилась новая учебная программа. Основная школа стала теперь 10-летней.

В 1998 году был принят закон об основной школе и школе продолжения, который касался прав и обязанностей, связанных с обучением и воспитанием в Норвегии.

В 2005 году вышел новый закон, касающийся университетов и институтов, который также применяется в отношении частных высших учебных заведений⁶.

В 2006 году начали внедряться новые учебные программы для основной школы и школы продолжения. Произошло укрепление основных предметов: норвежского языка, математики, естественных наук.

В XX веке было отмечено значительное увеличение числа заявок на получение полного среднего и высшего образования, особенно по сравнению с 1960 годом, причем больше заявок подали женщины, чем мужчины (в 1975 году среди тех, кто получил полное среднее образование, было больше женщин, чем мужчин, а в 2004 году доля женщин в сфере высшего образования достигла примерно 60 %). Уровень образованности населения резко вырос с конца XX века. В 2004 году около 83 % населения в возрасте 25–64 лет получили неполное среднее образование, 56 % старше 16 лет — полное среднее образование, 22 % — высшее образование. С 1990-х годов число студентов увеличилось на 70 %.

Также стоит отметить, что в XXI веке были основаны еще четыре университета: Университет в Ставангере, созданный на базе нескольких колледжей, в том числе колледжа в Рогаланде, который начал свою деятельность в 1969 году, получил свой статус в 2005 году; Университет биологических наук стал таковым в 2005 году; колледж в Агдере стал университетом 1 сентября 2007 года; последним высшим учебным заведением стал Университет в Будё, основанный на базе колледжа 1 января 2011 года⁷.

Норвегия — страна с высокоразвитой экономикой. Как следствие — на образование выделяются большие денежные средства. По данным статистики, Норвегия находится на 1-м месте в мире по количеству средств, выделяемых на одного ученика. Однако проблем у норвежской средней и высшей школы не меньше, чем во многих других странах. Сами норвежцы считают, что их система образования не упорядочена, качество образования очень низкое, значительно ниже международных стандартов⁸.

Проблемы современной норвежской школы разнообразны:

- «перегрузка» учеников (ученикам задают большие домашние задания, они делают их даже ночью, а потом спят на уроках)⁹;
- нехватка мест в популярных старших школах (или школах продолжения). Чтобы поступить в престижные старшие школы, норвежским ученикам приходится проходить своего рода конкурсный отбор — по оценкам из предыдущей школы. Кроме того, возникает еще одна проблема — ученикам не хватает мест для прохождения практики во время учебы в старшей школе. Норвежская старшая школа в той ее части, которая отвечает за допрофессиональную подготовку молодежи, не вполне удовлетворена уровнем взаимодействия с представителями производственной сферы. Просчеты в этой области порой оборачиваются серьезными издержками в уровне профессиональной классификации выпускников¹⁰;
- проблемы, обусловленные поведением учеников в норвежских школах; издевательства, травля учеников, недовольство взаимоотношениями в школе; большое количество пропусков уроков, особенно слабыми учениками¹¹;
- переполненные классы в городах и неполные классы в сельской местности;
- проблемы с детьми иммигрантов, которые плохо знают норвежский язык, что является огромным препятствием в обучении;
- нехватка преподавателей по естественным и точным наукам. Так, согласно исследованиям ТИМСС Эдвансд (TIMSS Advanced) 2008 года

(оценка эффективности процесса обучения математике и естественным наукам школьников в разных странах мира), более 36 % учителей по математике — старше 60 лет, столько же — в возрасте от 50 до 59 лет, а по физике 26 % учителей находятся в возрасте 60 лет и старше. В настоящее время набор преподавателей естественных наук, согласно ТИМСС (TIMSS), не является достаточным для решения этой проблемы;

— нехватка учителей, особенно в сельских школах (например, в пограничных со Швецией районах в норвежских школах часто работают шведские учителя).

И самое главное — в норвежском обществе профессия учителя непопулярна из-за маленькой зарплаты и неуважения к труду учителя. Но в последнее время норвежцы решили исправить положение. В предвыборной борьбе статус учительской профессии стал одним из козырей. Так, партия «Хейре» в сентябре 2012 года при принятии новой программы, с которой она пойдет на выборы, заявила, что “*gode laerare skal faa hoeyere loenn*” («хорошие учителя должны получать большую зарплату»)¹².

Несмотря на все проблемы, стоящие перед системой образования, норвежская школа добивается цели, которая стоит перед ней, — воспитание творческих свободных людей.

* * *

¹ <http://www.norge.ru/norgeanaliz2011>

² <http://www.norge.ru/norgeanaliz2011>

³ http://snl.no/Skole_og_utdanning_i_Norge

⁴ Ливанова А.Н. На норвежском языковом фронте перемены // Первые скандинавские чтения. СПб., 1997. С. 262–267.

⁵ http://snl.no/Skole_og_utdanning_i_Norge

⁶ http://snl.no/Skole_og_utdanning_i_Norge

⁷ http://snl.no/Norsk_universitetshistorie

⁸ <http://disqus.com-db2fc5a37a0d>

⁹ <http://www.aftenposten.no./jobb/ensomhet>

¹⁰ <http://www.aftenposten.no./nyheter>

¹¹ <http://www.aftenposten.no./nyheter>

¹² http://www.aftenposten.no./jobb/Hoere_vil

Е. Ю. Дубровская

**«ОКНО В МИНУВШЕЕ»: ОБРАЗЫ ПРОШЛОГО КАРЕЛИИ
НА СТРАНИЦАХ ФИНЛЯНДСКОЙ ПЕРИОДИКИ
И РУССКИХ ПРАВОСЛАВНЫХ ИЗДАНИЙ
НАЧАЛА XX ВЕКА**

С начала 1880-х годов особое положение Великого княжества Финляндского в составе Российской империи все в большей мере становилось объектом критики и прямых нападок со стороны крайне консервативных сил общества¹. Финляндская политика имперских властей на рубеже XIX и XX веков спровоцировала взрыв антирусских настроений среди жителей княжества. Зачастую отголоски этого противостояния переносились в сферу противоборства лютеранского и православного вероисповеданий².

Как отмечает М.А. Витухновская, возникшее в начале столетия в российской Карелии, прежде всего в ее северо-западной части, карельское национальное движение находилось лишь на начальной стадии, когда собственная уникальная культурная идентичность, по сути, еще не воспринималась как ценный уникальный ресурс, который надо защищать и отстаивать. В культурной и пропагандистско-политической деятельности конфликтовавших сторон карельское население, в основном крестьянское и не имевшее собственной интеллигенции, участия не принимало³.

Этнические предрассудки, попадавшие на страницы как российских, так и финляндских периодических изданий, влияли на формирование у читателей устойчивых этнических стереотипов, которые не способствовали снижению напряженности в отношениях между жителями сопредельных территорий, в том числе и на бытовом уровне. Многие из образов, сформировавшихся в общественном мнении (образ врага, образ другого государства и т.д.), тесно переплетены с конкретными обстоятельствами места и времени, а составные элементы образа являются порождением исторического момента⁴.

Исследователь из Университета Йоэнсуу (Финляндия) Ю. Шикалов на материале Беломорской Карелии проанализировал структуру, механизм возникновения и воспроизводства как российского стереотипа «полудикого карела», так и финского стереотипа начала XX столетия, представлявшего карел в «романтизированном» свете⁵. Выводы автора во многом справедливы и для восприятия населения Приладожской Карелии людьми, приезжавшими сюда в эти годы из Финляндского княжества, российской столицы или губернского центра Олонецкого края.

К началу Первой мировой войны описание миссионерских поездок православного духовенства Выборгской епархии по сопредельным территориям по обе стороны российской границы с автономным Великим княжеством Финляндским сформировалось в качестве самостоятельного жанра⁶. Он был рассчитан на «своего» читателя и специфически отражал реалии конкретных путешествий с информационными, просветительскими и морализаторскими целями.

В исторической литературе к настоящему времени достаточно подробно проанализирован арсенал средств имперской национальной политики, сложившийся к концу XIX — началу XX века, включавший наряду с экономической и церковно-миссионерской просветительной деятельностью и идеологически-пропагандистские приемы, охватывавшие публикации в прессе и создание конструкций, направленных на доказательство «прорусскости» карел⁷.

Заметное влияние на усиление противодействия этой тенденции оказал издававшийся Союзом беломорских карел журнал “*Karjalaisten pakinoita*” («Карельские беседы»). Созданный в 1906 году Союз беломорских карел также развернул соответствующую пропагандистскую работу в северокарельских волостях, ставил целью «улучшение духовного и материального положения беломорских карел» на основе всемерного сближения российской Карелии с этнически родственным населением Финляндии при помощи и поддержке финской общественности и властей⁸. В годы Первой российской революции вопрос о судьбах Карелии стал предметом острых дискуссий между приверженцами так называемого панфеннизма и деятелями православных просветительских организаций, прежде всего между «Союзом беломорских карел» и созданным в противовес ему «Карельским православным братством».

Издававшийся Союзом беломорских карел журнал “*Karjalaisten pakinoita*” («Карельские беседы») начал выходить в финском городе Ювяскюля в 1906 году, в год основания Союза, его редактором стал один из вдохнови-

телей организации писатель Ииво Хяркконен⁹. Журнал неоднократно закрывался по цензурным соображениям, но в 1907 году он вновь появился под различными названиями: “Kesälehti” («Летняя газета»), “Elonaika” («Жатва»), которые явно соотносятся с определенными сезонными циклами сельскохозяйственной деятельности жителей приграничья; по мысли издателей, такая тематика должна была привлечь и заинтересовать будущих читателей. С 1908 года издание стало называться “Karjalan kävijä” («Карельский странник»).

Материалы этого журнала, как и заметки в газетах “Laatokka” («Ладoga»), “Karjala” («Карелия»), вышедших тогда же в г. Сортавала (Сердоболь), в гельсингфорсской (хельсинкской) “Uusi Suometar” («Новая финка») и др., свидетельствуют о намерениях финляндцев привлечь на свою сторону карельское население Архангельской и Олонецкой губерний, но прежде всего карел Выборгской губернии, проживавших на Карельском перешейке и в Северном Приладожье¹⁰.

Наряду с зарисовками «милой старины», например описанием карельского свадебного обряда в инсценировке учащихся одного из народных училищ в Беломорской Карелии¹¹, на страницах журнала публиковались материалы естественно-научного плана, призванные формировать читательское видение поступательного хода времени из прошлого в будущее. На смену архаичным средневековым представлениям о цикличности и мгновенности земного времени должны были прийти осознание значимости инновационных перемен эпохи модернизации, уяснение причинно-следственных связей, определявших последовательность действий и порядок вещей.

Так, преподаватель словесности Альфред Йотуни в 1908 году в нескольких номерах журнала опубликовал статьи под общим заголовком «Явления нашего времени», где упомянул о таких «чудесах» современности, как телефон, телеграф, фонограф, паровой двигатель и динамо-машина, фотография и воздухоплавание¹². Начав с описания известных всему миру древних семи чудес света, автор в конце концов подвел своих читателей к выводу: «Время, в которое мы живем, — это время мощного прогресса». И хотя автор все же оставил открытым вопрос о том, счастье или несчастье сулит этот прогресс человечеству, он настойчиво подчеркивал: «Очевидно, что в любом случае человек все в большей и большей степени учится подчинять себе силы природы, заставляя их работать вместо себя», а это ведет к «духовному развитию и улучшению условий жизни»¹³.

Активность же православного духовенства, служившего в Приладожской Карелии, во многом способствовала превращению временного вектора (от настоящего в прошлое) в одну общую реальность, закодированную «семиотическим объектом» — стереотипом «коварной и неблагодарной Финляндии».

Уже в самых первых (первоначально издававшихся машинописным способом силами православного кружка в с. Салми) номерах журнала «Карельские известия» нашли отражение разногласия между финляндской общественностью и русской администрацией во взглядах на целесообразность деятельности Сортавальской (Сердобольской) учительской семинарии, ставшей неудобной для центральных властей. Она готовила учителей, владевших финским языком, для карельских приходов с православным населением. Однако российские власти вскоре перестали принимать их на учительские должности как скомпрометировавших себя служением «пан-финской идее»¹⁴.

Основанная в 1880 году семинария не являлась старейшей среди подобных учебных заведений края¹⁵. Однако на нее было обращено пристрастное внимание имперских высших чинов, подозрительно относившихся к особому автономному положению Великого княжества Финляндского в составе Российского государства. Необходимость введения обязательного изучения ее воспитанниками русского языка уже в начале XX века мотивировалась ощутимой потребностью в преподавателях государственного языка империи для школ российско-финляндского приграничья¹⁶.

В 1909 году в Петербурге отдельной книгой была издана подборка материалов периодической печати с целью разоблачить намерения финляндцев привлечь на свою сторону карельское население финляндской и российской Карелии¹⁷. Среди этих публикаций значительное место отводилось выступлениям сортавальской газеты “Laatokka” («Ладога»), руководимой семинарскими кругами¹⁸. Разумеется, издания, подобные брошюре инспектора по делам православной религии в Финляндии протоиерея В.П. Крохина, не способствовали снижению напряженности в отношениях противоборствующих сторон¹⁹.

Еще в период правления финляндского генерал-губернатора Н.И. Бобринского, снискавшего себе печальную славу приверженца русификаторского курса имперской власти, была специально создана комиссия по решению вопроса о дальнейшей судьбе семинарии. Комиссия признала необходимым «подвергнуть семинарию коренному преобразованию таким образом, чтобы вся ее учебно-воспитательная работа и административная

часть были переданы в руки лиц истинно русского направления и все предметы преподавались в ней на русском языке»²⁰. Последовавшее за убийством Бобрикова изменение правительственной политики в Финляндии не позволило осуществиться планам по преобразованию или упразднению семинарии, хотя неоднократно предпринимались меры репрессивного характера против выразителей господствовавших в ее стенах настроений. Так, в 1911 году был отстранен от должности инспектор православных народных школ в Карелии Садовников, сторонник феннофильских взглядов²¹.

В марте 1914 года, знакомя читателей с ситуацией вокруг опального учебного заведения, еще выходившие машинописным способом «Карельские известия» использовали образы прошлого и нынешнего времени для критики духа, «в котором воспитываются ученики Сердобольской семинарии», и тех «чувств и стремлений», с которыми «выходят из этой семинарии молодые люди, принимающиеся за учительскую деятельность в финских народных школах». По мысли автора журнальной публикации, вполне естественно, что «такой учитель финской народной школы в проявлениях русского влияния видит “злое” и ведет борьбу против него», то есть «против русских обычаев среди карел, против мировоззрения русского простолюдина в кареле, против русских слов в языке карела, навязывая взамен этого финские обычаи, мировоззрение, слова»²².

Сами будущие учителя, продолжал автор заметки, во время пребывания в семинарии «вполне успевают проникнуться финским духом и усвоить финское обличье». Если в семинарию «они поступали еще православными карелами: Алексеевыми, Подушкиными и др.», то заканчивали ее «под фамилиями Арнио, Лайне, Харкинена, Канерво, Райнио» и т.д., «поступали они с именами Карпов, Парасковий и др., кончали с именами Карлов, Эв и пр.».

В цитируемой статье подчеркивается не только влияние на учащихся преподавателей, но и фактора времени — «товарищеской среды» и обстановки, в которой «приходится жить четыре года ученикам из православных карел». Таких учеников в семинарии «бывает обычно один-два на класс, состоящий из тридцати человек, чисто финнов». После четырехлетнего обучения «православный карел, сделавшись народным учителем, ревностно начинает вырывать “злые семена”, брошенные в православных карел “чужестранцем”, то есть усердно очищает язык своих учеников от русских слов вопреки желанию родителей»²³.

Подытоживая сказанное, автор публикации отметил, что «речь молодого поколения получила западный отпечаток и стала приближаться к языку остальной Финляндии», вот почему зачастую «в одной и той же семье гово-

рят двумя разными наречиями», и «многие старые люди порицают это нововведение». Автор сослался на сетование одного старика-карела (сам факт приверженности того заветам прошлого должен был служить дополнительным аргументом против семинарских новшеств) по поводу его племянницы: «Весь свой разговор сменила, не умеет более говорить по-человечески»²⁴.

В январе 1912 года, когда отношение русских властей к семинарии изменилось к худшему, комиссия от гласных г. Сортавала (в состав которой вошли директор семинарии К.А.О. Реландер, известный врач Г. Винтер и пятеро других уважаемых горожан) обратилась к председателю Совета министров В.Н. Коковцову. Комиссия просила воспрепятствовать переводу учебного заведения в какой-либо другой город Финляндии, сопроводив свое ходатайство подробным изложением истории создания и деятельности семинарии как крупного культурного центра княжества²⁵.

В конце января 1914 года генерал-губернатор Ф.А. Зейн предложил Финляндскому сенату разработать «меры к внутреннему преобразованию строя семинарии»²⁶. С началом Первой мировой войны дальнейшее рассмотрение вопроса о судьбе учебного заведения перешло в сферу компетенции военных властей. Те предлагали (правда, безуспешно) закрыть семинарию, заявляя, что она служит «проводником панфинской пропаганды» и содействует вербовке сторонников егерского движения²⁷.

Историко-этнографические источники отразили как этническую мозаичность населения пограничных территорий, так и представления людей о носителях «своей» и «чужой» культур²⁸. Однако при этом исследователь не всегда имеет дело с иноконфессиональными образами, формирование которых было предопределено конфликтами сторонников противоборствующих православия и лютеранства.

«Старое» и «новое» сталкивались между собой по самым различным поводам. Так, на страницах рассматриваемых православных изданий встречаются описания курьезов, основанных на неготовности карел воспринять отдельные элементы чужой для них «городской» культуры русских, в том числе и гастрономических новшеств. Катехизатор Василий Толстохнов рассказал читателям «Православного финляндского сборника» о встрече паломников с карельскими крестьянами из д. Кауноселькя. Встреча произошла на пути в д. Канабра. Паломники во время своей трапезы на дороге угостили одного из крестьян сыром. Тот, «отведав немного, стал прятать его в карман», а когда увидел, что это открылось, сказал в оправдание: «Этот я прячу для того, чтобы отнести домой и показать другим, и надеюсь, что этого маленького кусочка хватит на всю нашу большую семью». Однако

позже, как свидетельствует автор заметки, «часто отплеываясь, он тихо повторял: “Вот еще что едят люди и за что платят деньги”»²⁹.

В этом описании нашел отражение и типично сдержанный нрав карела, который сумел скрыть недоумение и недовольство непривычной пищей, а к тому же постарался найти объяснение своему отказу от ее употребления, чтобы не обидеть угостивших его людей. Несомненно, почтительное, религиозное отношение к пище, существовавшее у карел, как и в большинстве культур³⁰, не позволило крестьянину немедленно выбросить неподходящее угощение. Тем более что это произошло в дороге, то есть в маргинальном времени–пространстве путешествия, где человек, оторванный от охранительного воздействия родного дома, длительно находился в уязвимом состоянии. Так, сакральная семантика пищи переплеталась с семантикой «осваивания» пространства и времени.

Освоенное же человеком пространство–время следовало маркировать, и не только при передвижении в буквальном смысле «по горизонтали», но и при неизбежном разделении сакрального пространства «по вертикали», связанном, например, со смертью кого-либо из членов семьи.

Автор опубликованной в 1914 году заметки в «Карельских известиях», подписавшийся инициалами И. Р-в, сетовал на то, что «еще и теперь вся жизнь карела насквозь пропитана разными языческими суевериями и обрядами». Приведенное им наблюдение над похоронно-поминальной обрядностью начала XX века свидетельствует о сохранявшихся в памяти народа необходимых ритуальных действиях, регламентированных временными параметрами и связанных с ситуацией перехода.

По свидетельству автора публикации, «тотчас после смерти члена семьи хозяин дома или старший в роде идет в хлев и там усердно молится богу скота Власию, чтобы тот сохранил любимую лошадь или корову от возможных посягательств на нее со стороны усопшего»³¹. Исследовательница Н.А. Лавонен в конце XX столетия описала этот же обычай со слов жителей южнокарельской деревни Улялега Пряжинского района: «Сразу же идут в хлев и, похлопывая корову, овец рукой, приговаривают: Это моя, это моя, это моя». Зачастую так «делили»/оберегали не только домашний скот, но и детей³².

Вышеупомянутый автор «Карельских известий» зафиксировал и хорошо известный современным ученым ритуал, относящийся к традиционному погребально-поминальному обряду карел: «Рот умершего закрывают чистой тряпкой, чтобы в него не мог войти диавол. Рядом с телом усопшего ставят чашку с водой» (чтобы душа, вышедшая из тела, могла сразу же об-

мыться), мыло, использованное для обмывания покойника, бросали в реку или применяли для различных магических действий. Тело часто обкуривалось ладаном, в гробу делалось окошечко, куда вставлялись стекла (аналогия с отмеченным исследователем намеренным использованием окна жилища в качестве канала связи с внешним миром³³).

Известнейший исследователь структуры и магической значимости мифов М. Элиаде писал, что в представлениях людей «прошлое зачастую оказывалось одним из измерений потустороннего мира» и именно поэтому «в той мере, в какой оно забыто, прошлое — историческое и первоначальное — сопоставимо со смертью»³⁴. Не простое погребение, а сокрытие такого сакрального прошлого, способ общения с ирреальным, проникшим во внешний мир, предполагает манипуляции с предметами-знаками, магически связанными со своими означаемыми. Священное, включая восприятие сакрального времени, составляет наряду с эстетическим одну из базовых доминант человеческого существования³⁵.

«На то место, где до положения в гроб лежал умерший, — пояснял автор историко-этнографической публикации в “Карельских известиях”, — ставят кочергу, а в сам гроб кладут костыль» (возможно, для того чтобы облегчить скорость передвижения усопшего в неизвестном для него «ином мире»). С памятью о символическом освоении времени–пространства связано приведенное автором заметки описание одного из элементов похоронного обряда: участники похорон бросали в могилу деньги, «выкупая место». Однако он сослался и на другое услышанное им объяснение этого ритуального действия. «Говорят, что деньги нужны покойнику для уплаты за проезд через какую-то огненную реку...». Такое путешествие во времени, уже обернувшимся вечностью, в представлениях крестьян все же основывалось на аналогиях с опытом земной жизни.

По возвращении с погоста, продолжает автор, при входе в дом, «все участники похоронной процессии касаются рукою печки»³⁶, рассчитывая на очистительную силу главного в жилище оберега от злых сил, которые могут посягать на живых из иного мира и иного времени.

Рассмотренные публикации в финляндской периодике и русских православных изданиях начала XX века позволяют проследить, как шло формирование представлений русских читателей о жителях карельского приграничья, как трактовались образы прошлого Карелии православными миссионерами и финскими национальными активистами и каким виделось населению края мифологическое пространство–время, символы которого сберегла память этносов-соседей.

* * *

¹ *Витухновская М.А.* Карелы и Карелия как «яблоко раздора». Русская власть и православная церковь против карельского национализма // Россия и Финляндия в XVIII–XX веках: специфика границы. СПб., 1999. С. 239–253; *Кирккисен Х., Невалайнен П., Сихво Х.* История карельского народа. Петрозаводск, 1998. С. 169–171.

² *Björn I.* Suomalaisten Sortavala, Laatokan valkoinen kaupunki // Sortavala — rajakaupunki. Joensuun yliopisto. Karjalan tutkimuslaitoksen julkaisuja. Joensuu, 2001. S. 22–25; *Hämynen T.* Suomalaistajat, Venäläistajat ja Rajakarjalaiset: kirkko- ja koulukysymys Rajakarjalassa 1900–1923. Joensuu, 1995. S. 63–86; *Laine A.* Sortavalan seminaari — Joensuun yliopisto: suomalaisesta kasvatuksesta suomalais — venäläisten tieteelliseen yhteistyöhön // Sortavala — rajakaupunki. S. 38–41.

³ *Витухновская М.А.* Российская Карелия и карелы в имперской политике России, 1905–1917. СПб., 2006.

⁴ *Забелина Н.Ю.* Имагология как форма исторического знания // Научные труды Московского гуманитарного университета: докл. XII науч. конф. М., 2008. Вып. 95. С. 138–153.

⁵ *Шикалов Ю.Г.* Стереотипы Беломорской Карелии: взгляд с Востока и с Запада // Сортавальский исторический сборник. Петрозаводск, 2003. Вып. II. С. 118–128; см. об этом также: *Дубровская Е.Ю.* «Военное лихолетье» в Карелии: время в представлениях авторов православных изданий периода Первой мировой войны // Санкт-Петербург и страны Северной Европы: материалы Четырнадцатой ежегод. междунар. науч. конф. СПб., 2013. С. 278–286.

⁶ Подробнее об этом: *Дубровская Е.Ю.* Миссионерская деятельность православного духовенства в Карелии в начале XX в. // Христианство в регионах мира / ред. Т.А. Бернштам. СПб., 2002. С. 58–70.

⁷ *Мусаев В.И.* «Финнизаторы» и «обрусители». Документы по истории борьбы за влияние в Карелии (конец XIX — начало XX века) // Нестор. Журнал истории и культуры России и Восточной Европы. Финно-угорские народы России (проблемы истории и культуры). СПб., 2007. № 10. С. 77–48; *Шейкин А.А.* Конструируя «панфинскую пропаганду» (Начальный этап «панфинской пропаганды» в документах канцелярии архангельского губернатора) // Восточная Финляндия и российская Карелия: традиция и закон в жизни карел. Петрозаводск, 2005. С. 160–164.

⁸ *Дубровская Е.Ю., Кораблев Н.А.* Документы периода подъема национально-демократического движения в Беломорской Карелии // Нестор. Финно-угорские народы России: проблемы истории и культуры. Источники, исследования, историография / Ред. В.И. Мусаев. СПб., 2007. С. 17–19.

⁹ История Карелии с древнейших времен до наших дней. Петрозаводск, 2001. С. 304–305.

¹⁰ *Мусаев В.И.* Россия и Финляндия: миграционные контакты и положение диаспор (конец XIX века — 1930-е годы). СПб., 2007. С. 88–105.

¹¹ Itä — Karjalan kansanopistosta // Karjalan kävijä. 1908. Joulunumero. S. 5–6.

¹² Jotuni A. Meidän aikamme ihmeistä // Karjalan kävijä. 1908. Elokuun numero. S. 2–6; Lokakuun numero. S. 6–9.

¹³ Jotuni A. Op. cit. Lokakuun numero. S. 9.

¹⁴ Илюха О.П. Школа и детство в карельской деревне в конце XIX — начале XX века. СПб., 2007. С. 126.

¹⁵ Военное обозрение Финляндского военного округа. Гельсингфорс, 1876. С. 605; Дмитриев А.П. Ректор Сортавальской духовной семинарии протиерей Николай Валмо и финское «литургическое пробуждение» // Сортавальский исторический сборник. Петрозаводск, 2005. Вып. 1. С. 138–149.

¹⁶ Полвинен Т. Держава и окраина: Н.И. Бобриков — генерал-губернатор Финляндии. 1898–1904. СПб., 1997. С. 152.

¹⁷ Панфинская пропаганда: по финским источникам. СПб., 1909.

¹⁸ Kansallisarkisto (далее КА — Национальный архив Финляндии). ККК (фонд канцелярии финляндского генерал-губернатора). Fb Hd 105. Дело о Сердобольской семинарии 1912–1913 и 1916 годов. Письмо Ф.А. Зейна Ю.Н. Данилову 14 декабря 1916 года.

¹⁹ Например, Алексеев В.А. Панфинский лютеранский поход финляндцев на православную Карелию. СПб., 1910; Вальтер Н. Изнанка финляндской культуры (финляндская печать о финляндцах): материалы для очерка финляндских нравов. СПб., 1913; Крохин В.П. Как возникла в г. Сердоболе финская учительская семинария и как она офинивает Карелию. СПб., 1910; Смирнова С. Угнетенная страна. Заметки о Финляндии. СПб., 1908; и др.

²⁰ КА. Сердобольская учительская семинария. Ч. III: Характер деятельности.

²¹ Киркинен Х., Невалайнен П., Сихво Х. История карельского народа. Петрозаводск, 1998. С. 199.

²² Карельские известия. 1914. № 4. С.14.

²³ Там же.

²⁴ Там же.

²⁵ КА. Исторический очерк возникновения и деятельности Сердобольской семинарии. Перевод.

²⁶ КА. Письмо Ф.А. Зейна Ю.Н. Данилову 14 декабря 1916 года.

²⁷ Движение, ставшее формой активного сопротивления унификаторским начинаниям центральной власти, было ориентировано на германо-финляндское секретное сотрудничество в области создания на немецкой территории добровольческой боевой единицы финляндских сепаратистов — 27-го Королевского Прусского егерского батальона. Подробнее см.: Дубровская Е.Ю. Российские военные власти и Сердобольская учительская семинария: противостояние в карельском приграничье в начале XX века // Границы и контактные зоны в истории и культуре Карелии и сопредельных регионов. Гуманитарные исследования. Петрозаводск, 2008. Вып. 1. С. 28–36.

²⁸ *Pulkin M.* The Finlandization of Karelia and the Russification of Finlandia as Reflected in the Russian Press at the Beginning of the 20th Century // Narva and the Baltic Sea Region. Narva, 2004. P. 217–223.

²⁹ Из дневника катехизатора // Православный Финляндский сборник. 1910. № 3. С. 37.

³⁰ *Байбурин А.К., Топорков А.Л.* У истоков этикета. Л., 1990. С. 139–144.

³¹ Похоронные обряды в Русской Карелии // Карельские известия. 1914. № 23. С. 8.

³² *Лавонен Н.А.* Из наблюдений о бытовании погребально-поминального обряда в Южной Карелии // Фольклористика Карелии. Петрозаводск, 1993. С. 32–33.

³³ *Байбурин А.К.* Окно в звуковом пространстве // Евразийское пространство. Звук, слово, образ. М., 2003. С. 130.

³⁴ *Элиаде М.* Аспекты мифа. М., 2000. С. 117.

³⁵ *Адоньева С.Б.* Категория ненастоящего времени (антропологические очерки). СПб., 2001. С. 40–41.

³⁶ Похоронные обряды... С. 8.

Д. С. Домрачев

ИСКУССТВО ИЗГОТОВЛЕНИЯ СТОЛОВОГО СЕРЕБРА В НОРВЕГИИ: КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКИЙ ОБЗОР

Основной целью данной статьи является культурно-историческое описание столового серебра в Норвегии с эпохи высокого Средневековья до начала XX века. Этот обзор охватывает как искусствоведческий аспект, то есть дизайн столовых приборов, так и культурологический, выявляющий свойственные конкретному периоду культурные практики, связанные с потреблением пищи. Статья основана на изучении малодоступных российскому читателю библиографических источников, а также на материалах авторского изучения частной коллекции столового серебра в Норвегии. В связи с этим я хочу выразить особую благодарность Х.У. Суллие Юхансену, без помощи которого эта статья вряд ли была бы написана.

Под столовым серебром в данной статье понимаются столовые приборы и посуда, изготовленные из серебра, иначе говоря, предметы, используемые для сервировки и приема пищи. Серебряные изделия многофункциональны и имеют давнюю историю во многих странах мира. Помимо своей основной функции, они также служили прекрасными подарками к церковным и светским праздникам, играли важную роль в сохранении семейной традиции. Кроме того, серебро выполняло функцию денег. «До XIX века серебро являлось привилегией аристократии. По количеству серебряных предметов в домашней коллекции, по их качеству и разнообразию можно было судить о благосостоянии их владельца и его положении в обществе»¹.

Изучение столового серебра как искусства имеет свою специфику. Во-первых, значительное количество изделий снабжено клеймами, которые в сочетании с рядом других источников (например, текстов завещаний, записями в церковных книгах и т.д.) существенно облегчают их идентификацию. Во-вторых, отличная сохранность большинства предметов — фактор,

безусловно, способствующий их систематизации. В книге Й. Фоссберг и С. Танберг (Fossberg J., Tandberg S.W.) «Норвежское серебро: Ювелиры 6 столетий. Эстланн, Агдер, Ругаланн», опубликованной в 2003 году, приводятся данные об общем количестве сохранившихся объектов, учтенных к тому времени. Так, только биографический архив насчитывал в тот момент 2500 карточек, в то время как архив предметов — почти 20 тыс. карточек. Среди последних, тем не менее, могли быть дубликаты, поскольку некоторые объекты сменили нескольких владельцев². Но в любом случае указанные цифры весьма значительны, и многие исследователи сходятся во мнении, что количество сохранившегося в Норвегии старинного серебра (*gammelt sølv*) весьма велико.

Начало систематической работы по изучению серебра в Норвегии Й. Фоссберг относит к 1897 году, когда в Тронхейме была организована первая выставка древненорвежского ювелирного искусства. «Такие выставки с обширными предварительными исследованиями и каталогами, требующими, в свою очередь, больших обобщающих региональных работ, с тех пор стали вехами в процессе накопления соответствующих знаний»³. За указанной выше выставкой последовали и другие, например, на базе Норвежского народного музея (1901), выставка «Древнее ювелирное искусство» в Кристиании (1909), а также «Древнее ювелирное искусство Бергена» (1937) и т.д. Всех их можно также отнести к этапам в истории изучения норвежского серебра. Прежде чем перейти к нашему обзору, необходимо понять, как была устроена профессия ювелира.

Профессия ювелира в Норвегии

С 1314 года по требованию короля Хокона V все золотые и серебряные предметы должны были сопровождаться клеймами, указывающими пробу в соответствии с английской пробирной системой. Чистота, или проба, серебряного изделия должна была отвечать одному английскому пенни (тому, что сейчас называют стерлингом), который соответствовал серебру 925 пробы. То есть содержание серебра в таком сплаве должно было быть не менее 92,5 %. На протяжении последующих веков законодательство в этой сфере неоднократно менялось.

Помимо пробы, с 1384 года ремесленники были обязаны ставить на своих изделиях именник (клеймо мастера), а с 1491 года — городское клеймо: знак, состоявший из инициалов города и короны, обозначающий, где был изготовлен тот или иной предмет. Но, несмотря на вышеуказанные законы, первые образцы изделий с именниками и городскими клеймами

встречаются лишь с конца XVI века. Серебряные предметы могли сопровождаться и рядом дополнительных клейм, например клеймом месяца, года, а также гильдии. Но главным клеймом из всех вышеперечисленных был все-таки именовик, поэтому если предмет имел только одно клеймо, то, как правило, это был именно он⁴.

По закону ювелирам было запрещено быть жителями сельской местности, хотя в реальности это требование часто обходили, например, переезжая или получая гражданство в городе⁵. Заказчиков норвежского городского ювелира можно было разделить на две основные категории: 1) крестьяне и 2) состоятельные горожане, желавшие приобрести предметы, соответствовавшие, во-первых, времени, а во-вторых, общеевропейскому уровню⁶. Таким образом, от ювелира требовалось, с одной стороны, выступать гарантом сохранения традиции, а с другой стороны, развивать новые направления в собственном искусстве. Со временем, как замечает Й. Фоссберг, в крупных городах ювелиры разделились по соответствующим специальностям. А уже в XVIII веке ювелиры, возможно не такие успешные в городе, активно селились в сельской местности, хотя это и было противозаконным⁷.

К серебряным изделиям, всегда пользовавшимся особой популярностью в сельской местности Норвегии, можно отнести ложки, чаши для питья крепкого алкоголя (*tomlinger*), низкие кубки, лохани с двумя ручками по бокам (*øreskåler*) и, не в последнюю очередь, ювелирные украшения на национальный костюм (*draktsølv*). Последние представляют собой тему для отдельной статьи. Но стоит все же заметить, что подобные украшения, из юридических соображений часто лишённые какого-либо клейма, — довольно самобытное явление в культуре Западной Европы, значительный вклад в развитие которого внесли именно городские ювелиры. Лишь в первой половине XIX века появились так называемые «крестьянские ювелиры» (*bondesølvsmeder*⁸), то есть люди, получившие образование не в городе и работавшие в своем крае, часто не на постоянной основе.

Для того чтобы стать ювелиром, требовались годы дорогостоящего образования. Обычно период обучения (*læretiden*) длился пять лет, в течение которых ученик постигал основы профессии, работая в мастерской своего учителя. Ученик часто жил в доме мастера и не имел права покидать его без разрешения хозяина. Рабочий день составлял около 12 часов 6 дней в неделю и отнюдь не ограничивался только профессиональными задачами. В обязанности ученика входила, например, помощь по хозяйству. Иногда работа велась и в воскресный день — все это определялось лично мастером⁹.

После периода обучения ученик становился подмастерьем, в качестве которого он должен был проработать не менее четырех лет (*svennetiden*). В течение этого времени подмастерье странствовал, в том числе и за границей, работая по найму на различных мастеров и обучаясь новым техникам. Получение звания мастера по завершении соответствующего периода — *mesteråret* — свидетельствовало об окончании формального образования. Следует, однако, учитывать, что эту ступень проходили отнюдь не все. Это зависело, во-первых, от наличия мастера, который мог бы обеспечить должное руководство дипломной работой, а также от его желания. Во-вторых, такая работа требовала значительных финансовых затрат, которые не все могли себе позволить¹⁰. По указу, изданному Кристианом IV, с 1608 года итоговое задание — *mesterstykke* (букв. «шедевр») — должно было представлять собой так называемую *корпусную работу* (как правило, бокал; позже — кружку¹¹) и выполняться в мастерской в том месте, где была гильдия¹². Вышеперечисленные практики и законы, сопутствовавшие профессии ювелира в Норвегии, сложились главным образом в высокое Средневековье.

Высокое Средневековье

Большинство авторов, пишущих о столовом серебре в Норвегии, начинают свой обзор именно с высокого Средневековья. Хотя имена мастеров, работавших и в более раннее время, например в средневековом Осло, известны, ни одно из таких изделий не может быть абсолютно достоверно идентифицировано¹³. Начиная же с высокого Средневековья (время Хокона Хоконссона и позднее) нам известны как имена, так и другие детали, например, место, где работал тот или иной мастер, сведения о пробировании изделий, цены на них и т.д. Так, в *Diplomatarium Norvegicum*¹⁴ можно найти описания действующих ювелирных мастерских, причем не только епархиальных, но и, например, из Сиена¹⁵.

В 1210–1320 годах происходит приобщение Норвегии к «общевропейской семье»¹⁶. К столовым предметам, особенно востребованным в этот период, можно отнести серебряные ложки, чаши, кубки, серебряные «нашивки» на питьевые рога и деревянные чаши. Именно эти изделия пользовались спросом среди представителей высших социальных слоев. Как указывает Й. Фоссберг, мастера использовали практически все известные на тот период техники: литье, гравировку, чеканку, дифовку (выколотку), контурную чеканку, филигрань, резку и эмаль¹⁷.

Упоминание о норвежских серебряных ложках впервые встречается в *Diplomatarium Norvegicum*. В 1326 году Магнхильд Кетильсдаттер напи-

сала завещание, в котором пожертвовала епископу Торгейру “en syluer Spon” («серебряную ложку»)¹⁸. Сведения о серебряных ложках в письменных источниках XVI века встречаются все чаще, что свидетельствует о многочисленности этих предметов. Тем не менее само количество серебряных ложек, находящихся в индивидуальном пользовании, не было большим. В домах состоятельных владельцев имелась максимум пара серебряных ложек. Ложка была предметом личного пользования, и владелец брал ее с собой, например, идя к кому-либо в гости или, скажем, обедая в общественном месте¹⁹. Реконструкция свадебного стола с хутора Нес в Варальдсёй (Хордаланн)²⁰ подтверждает вышесказанное, демонстрируя любопытную деталь: серебряные ложки — только у молодоженов, гостям же предложены роговые (см. прил. I, рис. 1).

Древнейшие сохранившиеся серебряные ложки, имеющие норвежское происхождение и принадлежащие позднему Средневековью, обладают основной особенностью — короткой ручкой (см. прил. I, рис. 2). Только в начале XV века ручка постепенно удлинилась. Это свидетельство не столько иной эстетики, сколько других, по сравнению с современными, культурных практик. Очевидно, что ложку держали по-другому: скорее всего, полностью зажатой в руке, как это делают дети. Черпак средневековых ложек практически круглый, но иногда встречается в виде капли. Такая форма продержалась в Норвегии вплоть до XVIII века. Дизайн средневековых ложек тесно связан с религиозными сюжетами. Как правило, они украшены гравированными фигурами, эмблемами и надписями. Окончание ручки нередко выполнено в виде пластической фигуры — шара (kule) или короны (krone). В качестве украшения серебряных ложек нередко использовалось золочение. Похожий тип ложек был характерен не только для Норвегии, но и для соседних Скандинавских стран, а также для северной Германии, что неудивительно из-за наличия тесных контактов в этом регионе. Предметы той эпохи затруднительно идентифицировать из-за отсутствия именника. Но, как уже было сказано выше, из письменных источников нам известны имена многих мастеров, работавших в Норвегии в то время.

Ренессанс

Обшитые серебром средневековые рога для питья и лохани сменились в XVI веке различного рода кружками. Своеобразным символом столового серебра эпохи Ренессанса стала кружка с крышкой для пива — drikkekanne (см. прил. I, рис. 3). Солено-сушеная еда, распространенная в то время, вызывала сильную жажду, поэтому каждый прием пищи сопровождался

обильным потреблением жидкости, в частности пива. По некоторым оценкам, его потребление составляло примерно 6–10 поттов (pott — старинная мера объема; 1 потт равен приблизительно 0,96 литра), то есть 5,76–9,6 литров²¹.

Именно для этих целей использовалась *drikkekanne* вместительностью от 0,4 до 3,5 литров. Эти сосуды для пива были общими: на внутренней стороне цилиндра такой кружки были нанесены специальные отметины, называемые пелами (один *pel* равен приблизительно 250 мл). Каждый участник трапезы отпивал пиво ровно до следующего пела, передавая затем кружку своему соседу.

Индивидуальные сосуды для питья, например бокалы (*beger*, или *gøter*), также использовались. Особый тип посуды, особенно популярный в то время, — чаша с двумя ручками по бокам (*øreskåle*). Такая чаша могла применяться как для сервировки пищи, например каши, так и (экземпляры меньшего размера) в качестве сосуда для питья.

Ренессансные серебряные ложки на первый взгляд мало отличаются от позднесредневековых. Тем не менее отличия все же имеются. Во-первых, удлинение ручки. Во-вторых, изображения святых, а также религиозные сентенции в готическом минускуле постепенно исчезли вследствие Реформации²². В-третьих, хотя навершия ручки в виде короны и шара все еще оставались популярными, к ним добавились новые разновидности: херувим (*kerub*), скошенный край (*skrå*), волюта (*volutt*), картуш (*kartusj*), ракушка (*musling*), а также виноград (*drue*)²³ (см. прил. II, рис. А). Любопытная деталь, касающаяся ренессансных серебряных ложек, — хорошая сохранность позолоты, что, по-видимому, говорит о том, что использовались ложки не так уж часто.

Сохранившиеся ложки проливают свет на некоторые детали, связанные с их применением. Например, можно констатировать тот факт, что ложки использовались в том числе для питья. Так, в Швеции старые ложки с короткой ручкой нередко называли “*brännvinsskeder*”, то есть «ложки для шнапса». На одной ложке, датированной 1560 годом (Национальный музей Копенгагена; Nr. D. 5146), с обратной стороны по краю черпака выгравирована следующая надпись: “*DRINCK VND ET GADES NICHT VORGET*”, то есть «Ешь и пей, (но) не забывай о Боге»²⁴. Известно также, что серебряные ложки с навершием на ручке в виде грозди винограда (*drueskjeer*), особенно популярные в Норвегии и Дании в 1650–1660 годах, тоже связаны с потреблением вина и крепких спиртных напитков²⁵ (см. прил. II, рис. В).

Исторические корни дизайна норвежских ренессансных серебряных ложек можно обнаружить на континенте. Художественные импульсы проникали через север Германии, Данию, а также из Италии и исламского мира. Влияние Германии, прежде всего в Бергене, особенно заметно в тот период вследствие деятельности Ганзейского союза. Англия, Франция и Нидерланды не оказывали заметного влияния на искусство изготовления столового серебра в силу того, что эти страны находились за пределами *Zunft* (гильдии), что не позволяло подмастерьям путешествовать туда²⁶.

Дизайн ложек той эпохи Х. Стуресюнн называет «канделябровым мотивом» (*kandelabermotivet*), нашедшим яркое выражение в так называемых «волотных ложках». Надписи и эмблемы на христианские темы по-прежнему составляли важную часть декора, неся при этом глубокий религиозный смысл. Арабески, заимствованные из исламского мира через Испанию, — изображения растений, цветов и тесьмы, часто растянутые, повторяющиеся завитки и симметричные волны на черпаке — также составляли неотъемлемую часть декора. Влияние классики, прежде всего Греции, выразилось в рельефе в виде овальных листьев, выполнявшихся чаще всего с помощью гравировки либо отливавшихся. Тем не менее единого стиля как такового не существовало. Какой-либо мотив редко полностью копировал себя — мастера часто смешивали элементы разных стилей.

Традиция дарения серебряных ложек, например на свадьбу, свидетельствует о том, что в эпоху Ренессанса ложки стали доступны большему числу людей. Символика ложек часто истолковывается в свете установленных религиозных верований между тем, кто их дарит, и тем, кому их дарят²⁷. Два сильных чувства пронизывают такую символику — 1) страх (перед злыми силами, процессами над ведьмами, за свою душу, а вернее за ее спасение) и 2) любовь. Пронзенное мечом, гвоздем, пилой и кинжалом сердце — основополагающий символ на черпаке ложки-подарка ко дню свадьбы. Меч (апостол Павел был обезглавлен в Риме), гвоздь (апостол Петр был распят на перевернутом кресте), пила (Симон Зелот был заживо распилен пилой) и кинжал (апостол Лука, по преданию, был убит кинжалом) — символы апостолов и христианских мучеников. Эти символы «называют» их и одновременно «взывают» к ним. Смысл этого, по-видимому, в пожелании любви и счастья паре, но в то же время в напоминании о том, что нельзя забывать и о молитве²⁸.

Значительную часть серебряных столовых изделий эпохи Ренессанса составляют ритуальные предметы, используемые в церковных богослужениях. Речь идет прежде всего о *потирах* (*alterkalker*) — сосудах, применяемых при

освящении вина и принятии причастия. Это связано с потребностью во всеобщем причастии, в котором отныне участвовали все прихожане, ведь ранее это таинство совершал только епископ или священник по его поручению²⁹.

XVII век

Для искусства изготовления столового серебра Норвегии XVII век стал великим временем. Ученики проводили много лет за обучением в ходе заграничных поездок. Именно в этот период происходит постепенная «интернационализация серебра», заключающаяся в том, что мастера заимствовали друг у друга изобразительные мотивы. Оригинальность и авторское право были вне парадигмы того времени.

Пивные кружки с крышкой значительно видоизменились в середине XVII века: единое плоское основание постепенно сменилось тремя ножками. Декор, «поднимаясь» от основания к крышке, начал «оплетать» цилиндр, хотя раннее барокко характеризуется наличием декора лишь на ножках и крышке кружки. Вместо прямых и несколько «суховатых» ренессансных изображений растений и зверей орнамент обогатился более натуралистичными и пышными растительными мотивами³⁰. Иногда цилиндр вообще лишен каких-либо украшений; ножки и крышка, как правило, выполнены с использованием мотива граната или пальмовых листьев. Примерно с 1680 года типичными украшениями на пивных кружках с крышкой стали монеты и медали, закрепленные, как правило, на самой крышке³¹. Логику выбора той или иной монеты или медали трудно проследить: использовались как норвежские, так и иностранные. Среди медалей популярностью пользовались свадебные, немецкие религиозные, а также памятные датские и шведские³².

Существенно усилилось в тот период влияние Англии вследствие прямой торговли с Лондоном после великого пожара — больше половины новых типов серебряных ложек имели английское происхождение. Влияние Дании в то же время весьма ощутимо — различные сосуды для питья (особенно кружки и чаши) практически невозможно отличить от датских, если нет соответствующего клейма, хотя ряд типично норвежских черт все же проявляет себя, например, в форме ручки крышки, особой чеканки корпуса, а также выгравированном или отчеканенном декоре ручки, хотя это в большей степени характеризует *drikkekanne*³³. Яркое исключение здесь представляет собой Берген, который исторически был ориентирован на Северную Германию, известный так называемой «ганзейской кружкой» (1500–1800) (см. прил. II, рис. С).

В середине XVII века ручки серебряных ложек стали плоскими и более широкими. Это говорит о том, что держать ложку начали по-другому, по-видимому, так, как это делают сейчас. Черпак постепенно приобрел форму капли. В это же время ложки стали частью набора: одной или пары уже было недостаточно. На примере таких изменений в дизайне серебряных предметов можно увидеть постепенную трансформацию культурных практик, связанных с потреблением пищи. Гости отныне не должны были приносить с собой свои личные ложки. Это правило, тем не менее, пока еще не касалось ножа³⁴. Примерно с середины XVI века вилка и нож начали использоваться вместе. Вилка (сначала с двумя зубьями, а потом и с тремя) была абсолютной новинкой или даже курьезом в то время и оставалась таковой на протяжении всего XVII века. Должно было пройти почти два столетия, прежде чем вилка начала рассматриваться как необходимый атрибут сервировки стола³⁵.

XVII столетие дало новые виды дизайна ручек серебряных ложек — прямой край (*rettavskåret*), бергенская барочная ложка (*den bergenske barokkskje*), роза (*rose*) и трилистник (*trefliket*) (см. прил. II, рис. D). Декор серебряных ложек той эпохи, как и ренессансных, выгравирован. Но часто наивные или даже дилетантские ренессансные растительные мотивы сменились детально проработанными пышными и яркими растениями с цветами и лепестками. Около 1650 года прототипами выступали натуралистичные цветы лилий и гвоздик на голландский манер³⁶. В 1670–1680 годах наступает расцвет так называемого «цветочного барокко». Бергенская барочная ложка — хороший тому пример (см. прил. II, рис. E). С 1690 года цветочные листья, особенно аканта, стали играть все более заметную роль. В противоположность ренессансным, позолота на барочных ложках практически не встречается. Конец XVII столетия знаменателен появлением двух новых типов столовых приборов: черпака и чайной ложки.

XVIII век

«Культура питья пива» символически сменилась в XVIII веке более рафинированной культурой потребления пищи, для которой требовались новые столовые приборы и посуда. Столовые наборы стали обязательным атрибутом сервировки стола³⁷. Число ложек, к примеру, должно было равняться шести. Интернациональное влияние, особенно французского и английского стилей, продолжало усиливаться. Но какой-либо один стиль отнюдь не отменял другой. Кроме того, новые веяния моды и тенденции в искусстве затрагивали в основном только крупные города, в то время как

во всех остальных продолжали изготавливаться предметы в традиционной ренессансно-барочной стилистике. В первой половине XVIII века в Норвегии особую популярность получила филигрань, интерес к которой в остальной Европе проявился еще в конце XVII века.

Такие экзотические напитки, как чай, кофе и шоколад, постепенно вытеснили пиво, подававшееся до этого на завтрак, обед и ужин. Эти новые для Европы напитки требовали особой посуды для сервировки, что привело к появлению серебряных самоваров, чайников, кофейников, а также кувшинов для шоколада. Наряду с кофейниками выпускались также сосуды для теплого молока, подаваемого к кофе. С середины XVIII века кофейник стал обязательным для изготовления шедевром, что следует из сохранившихся протоколов гильдии³⁸. Литое навершие на крышке в виде птицы — характерный элемент сосудов для кофе и чая по всей Норвегии. Распространенность этого элемента указывает на то, что это заграничный полуфабрикат (см. прил. I, рис. 4). Возрастающее потребление сахара привело к появлению сахарниц с верхней крышкой с перфорированным рисунком, а также специальных шкатулок для его хранения.

Во второй половине XVIII века возникли черпаки для пунша, ручки которых часто изготавливались из эбонитового дерева. Тогда же вошли в употребление гладкие лопатки для рыбы (*fiskespade*) с симметричным перфорированным узором на широкой части, а также ложки для крема и соуса. В обиход вошло большое количество всевозможных кружек. Новинкой XVIII века следует считать и супницу с крышкой (*terrinen med lokk*).

Язык формы сильно изменился. Стиль первой половины XVIII века демонстрирует два разных вектора: 1) французское регентство (вдохновенная ренессансом и барокко смесь сводчатой и ломаной тесьмы, раковин, листьев аканта, путти и гротесков) и 2) стиль королевы Анны (чистые, лишённые декора поверхности, четкие геометрические грани, редко декорированные функциональные формы). Тем не менее общей тенденцией XVIII века следует все же считать стремление к многообразию и рафинированности.

Во второй половине XVIII века стиль регентства в Кристиании уступает место рококо — стилю, ассоциирующемуся с многообразием цветочных форм. Своего расцвета этот стиль достиг в 60-е годы XVIII века. Прямой вертикальный изгиб ножек в дизайне серебряной посуды сменился выгнутым и «скрученным» типом ножек. Рафинированию подлежала и окружающая обстановка в целом. Красивое столовое серебро XVIII столетия изящно сочеталось с фарфором, фаянсом и хрусталем.

Серебряные ложки XVIII века (с 1760 года до начала следующего столетия) характеризуются новой конструктивной деталью — так называемым «крысиным хвостом». С одной стороны, это позволяло усилить конструкцию ложки, а с другой — украшенный гравировкой и окруженный акантом, «крысиный хвост», безусловно, имел декоративную функцию³⁹ (см. прил. I, рис. 5). В период с 1710 по 1780 год появились три новых типа дизайна ручек серебряных ложек: с язычковым завершением (*tungeavslutning*), закругленная (*avrundet*) и скрипка (*fiolin*) (см. прил. II, рис. F).

Норвежские серебряные ложки в то время не испытывали сильного французского влияния. Использовались редкие украшения задней части предмета в виде гравировки аканта или литых «крысиных хвостов». Непъемлемым элементом декора стали зеркальные монограммы, выполненные в виде инициалов с короной наверху. Около 1750 года ложки получили скрипично-образную ручку. На задней стороне черпака и на верхней части ручки такие ложки украшались асимметричными изображениями листьев, цветов, а также рокайлей, напоминавших часть раковины мидии. Гравировка такого декора именно с задней стороны ложек неслучайна. Это говорит о том, что в указанный период при сервировке стола ложки укладывались лицевой стороной вниз. В конце столетия появились сервировочные щипцы для сахара. До того момента этот столовый прибор существовал лишь в виде ножниц. XVIII век в истории норвежского столового серебра завершился символической датой: с 1780 года ювелиры получили право жить и работать в деревне, что существенно повлияло на развитие отрасли в целом.

XIX век

Первое десятилетие XIX века — очень сложное для норвежской ювелирной отрасли время. В 1820-е годы многие ювелирные мастерские обанкротились. Налог на серебро, введенный в 1816 году в пользу фонда Банка Норвегии, существенно сократил количество старинного серебра в стране. Но, даже несмотря на это, число сохранившихся старых серебряных предметов в Норвегии чрезвычайно велико в сравнении с некоторыми другими европейскими странами⁴⁰.

В начале XIX века произошел постепенный отказ от прежней структуры ведения бизнеса и обучения ювелиров. В 1839 году были упразднены гильдии⁴¹. В это же время возник термин «крестьянский ювелир», удачно использованный Х. Вергеланном, то есть ювелир, не имеющий формального городского образования. Продукция таких ювелиров, как было отмечено ранее, часто была лишена каких-либо клейм.

Язык выразительной формы изменялся чрезвычайно быстро. XIX век прошел «маршем стилей» — от ампира наполеоновского времени, образцов которого не так уж много в музеях Норвегии, до бидермейера, неорококо, неоготики, а также драконьего стиля, актуального до 1905 года. В этом же столетии нужно искать корни и очень популярного в Норвегии мотива — плоской и приподнятой розы (*flat rose* и *orprhøyd rose*).

XIX век — это и «букет» новых предметов и форм, возникавших и отмиравших вследствие «культурного отбора». К примеру, черпаки для пунша, выполнявшиеся в начале века в стиле ампир, по дизайну стали проще своих предшественников, но постепенно и вовсе вышли из употребления. Происходил и обратный процесс — изменение изначальной функции предмета. Например, имевшие всеобщее признание чаши все чаще использовались исключительно как подарки к крестинам.

В начале XIX века вилка стала обязательным атрибутом сервировки стола в высших слоях общества. Тогда же в обиход вошли лопатки для пирожных (*kake spade*), то есть на 100 лет позже, чем лопатки для рыбы (*fiske spade*). Дизайн лопаток для пирожных очень напоминает дизайн лопаток для рыбы, но лишен, как правило, перфорированного узора на широкой части. Кроме того, лопатки для пирожных были меньше рыбных. Лопатки же для рыбы сохраняли прежнюю, то есть гладкую и симметричную, форму вплоть до 1820 года. Позднее широкая поверхность стала асимметричной, ручка поднялась выше ее уровня и, как правило, была либо полый, как у ножа, либо выполненной из перламутра.

Характерный предмет того времени — чаши для сахара (а также соли) с перфорированным узором и синим стеклом внутри (англ. *pierced work* — перфорирование). Простые, сглаженные, округлые, или пулевидные, формы были типичными для ампира⁴². В начале XIX века в этом стиле изготавливались сахарницы в виде урны с держателями для чайных ложек по бокам. Позднее ложки стали укладывать в специальные корзиночки. Кроме того, львы также являлись неотъемлемым мотивом, популярным при изготовлении ручек, ножек, серебряной посуды в стиле ампир.

Декор на серебряных ложках присутствует в XIX веке как на задней, так и на лицевой стороне, но вскоре остается только на лицевой. Очевидная тому причина — ложки стали укладывать на стол лицевой стороной вверх⁴³. Количество ложек в наборе первой половины XIX века должно быть не менее двенадцати. По форме ложки в стиле ампир полностью повторяли классическую ложку, но декор остался только с внешней стороны ручки в виде тонкого орнамента, изображающего одну или пару ветвей, выпол-

ненных пунктиром, часто с полем для гравировки монограммы. В отличие от английских ложек в стиле ампир, норвежские были легче (что вообще характерно для норвежского серебра) и содержали плохой сплав, так что редко можно было встретить блестящую ложку⁴⁴. В это же время была популярна филигрань, но с более грубой нитью. В этой технике было модно выполнять, например, ручки ложек⁴⁵.

В 1820–1830 годах декор ампира на ложках встретил сильного конкурента: ложки без декора, но со штампованной раковиной на ручке, источником вдохновения для которой послужило французское рококо. В 1840–1850 годах этот мотив находился на пике своей популярности. Фирма Я. Тострупа, к примеру, штамповала такие «раковины-полуфабрикаты», которые затем использовались другими мастерами. В других же странах был популярен так называемый «королевский узор» (англ. *King's Pattern*), представлявший собой развитие мотива раковины мидии. Его отличительной чертой была скрипично-образная ручка изделия (см. прил. I, рис. 6). Этот мотив пользовался огромной популярностью во многих европейских странах, но в Норвегии начал активно использоваться лишь с конца XIX века. Причина тому была чисто техническая: поскольку декор был штампованным, мастерских, обладавших соответствующим оборудованием, в Норвегии было мало. Штамповку относят к новым техническим достижениям XIX века. Она позволяла производить тончайшие формы и орнаменты быстро и в больших количествах. Но платой за это стало, тем не менее, упрощение декора.

Во второй половине XIX века мир интенсивно наполнялся вещами. Количество серебряных ложек в наборе возросло до 24, хотя и это был не предел⁴⁶. Семейное серебро могло включать канделябры, подносы, чаши (для конфет и фруктов), а также, хотя и не у всех, кофейные сервизы. Столы сервировали многоярусными блюдами для фруктов и пирожных, а специальные визитницы, часто изготовленные в виде ваз, которые легко спутать с вазами для конфет, стали неотъемлемой частью столового этикета. Серебряное сервировочное кольцо — еще одно нововведение эпохи. Несмотря на многообразие стилей, особой популярностью во второй половине XIX века пользовался мотив XVIII века — «двойная канавка»⁴⁷. Этот мотив удивительно прост для эпохи, богатой довольно замысловатыми узорами. Часто этот декор сопровождается шпательобразной ручкой (см. прил. I, рис. 7).

Из соображений краткости изложения в этой статье не рассматривается биографический аспект столового серебра Норвегии. Имена остаются не названными, хотя они, безусловно, сопровождают почти каждую вещь. Тем

не менее в связи с XIX веком просто необходимо назвать такие имена, как Я. Тоструп, Н.М. Туне и П.А. Ли. В свое время они стали основателями легендарных норвежских фирм, так или иначе большая часть из которых существует и в настоящее время. Я. Тоструп — талантливый мастер, известный работами с вальцеванием и штамповкой, производивший полуфабрикаты для других мастерских. Он также известен введением новой технологии продаж серебра в Норвегии — магазинами, выставочными витринами и регулярными анонсами. Во время своего обучения Я. Тоструп работал в том числе и в Санкт-Петербурге.

Конец XIX века также интересен трансформациями художественного языка. Во-первых, в 1880–1890 годах произошла реконструкция стиля ампира (как тенденция историзма). В 1886 году возник так называемый «английский ампир» с более ясным и четким декором. Во-вторых, в последнее десятилетие XIX века в моду вошел такой давно знакомый по Ренессансу элемент, как «закрученная» ручка столовых приборов. Ярче всего это отразилось в новинке того времени — ложках для сахара с перфорированным узором на черпаке, которые заменили сахарницы с перфорированной крышкой. Такой дизайн ручек можно обнаружить и на ставших популярными в конце XIX века ложках для компота. И наконец, в-третьих, конец века ознаменован появлением так называемого драконьего стиля (*dragestil*).

Драконий стиль можно считать ярчайшим выражением национального в ювелирном искусстве Норвегии (см. прил. I, рис. 8). Хотя поначалу этот стиль не был чисто норвежским, на Всемирной выставке в Париже в 1900 году именно Норвегия манифестировала драге-стиль как собственно норвежский. И надо заметить, манифестация эта была действительно знаменательной. В 1880–1890 годах фирмы П.А. Ли, Д. Андерсена и Я. Тострупа активно работали в этом стиле, а после 1905 года Н.М. Туне стал крупнейшим производителем серебряных столовых предметов в драконьем стиле. Интересно, что в это же время искусство эмали, вдохновленное Россией, также начинает играть все более заметную роль в «манифестации норвежскости». Впечатляющие образцы норвежской выемчатой эмали можно найти, например, на знаменитых кораблях викингов в драге-стиле, представленных на Всемирной выставке в Париже.

Итак, историко-культурный обзор, предпринятый в данной статье, демонстрирует, с одной стороны, тесную связь столового серебра Норвегии с общеевропейской ремесленной традицией, а с другой — его самобытность как в используемых в дизайне мотивах (например, бергенская бароч-

ная ложка), так и в целых направлениях развития этого вида искусства (например, украшения на национальный костюм, «ганзейская кружка» или драконий стиль). В своей работе норвежские мастера старались совмещать традицию и тенденцию той страны, искусство которой считалось передовым в тот или иной период времени. Различные европейские страны, в том числе и Россия, являлись для них источниками вдохновения. XIX век можно считать переломным в истории столового серебра в целом. Индивидуальный мастер постепенно исчез из исторической перспективы. На его долю остались гравировки надписей и монограмм, мелкий ремонт, а также специальная работа по индивидуальным заказам, например украшения. Массовое производство серебра, а также падение цен на него привели к его интенсивному распространению среди простых жителей. Количество сохранившегося старинного серебра поистине велико в Норвегии, что позволяет подробно изучать его. Рассмотренные в данной статье изобразительные мотивы, использовавшиеся в дизайне предметов на протяжении многих веков, можно считать первичными. Это означает, что предметы столового серебра, которые сейчас продаются в ювелирных магазинах Норвегии, часто являются творчески переработанными, а иногда и вовсе оставленными без изменений репродукциями старинных предметов.

Приложение I

Рис. 1. Деталь реконструкции свадебного стола с хутора Нес в Варальдсёй (Хордаланн). Экспозиция Норвежского народного музея (Fossberg J. Norske sølvskjeer. Oslo, 1974. S. 41)

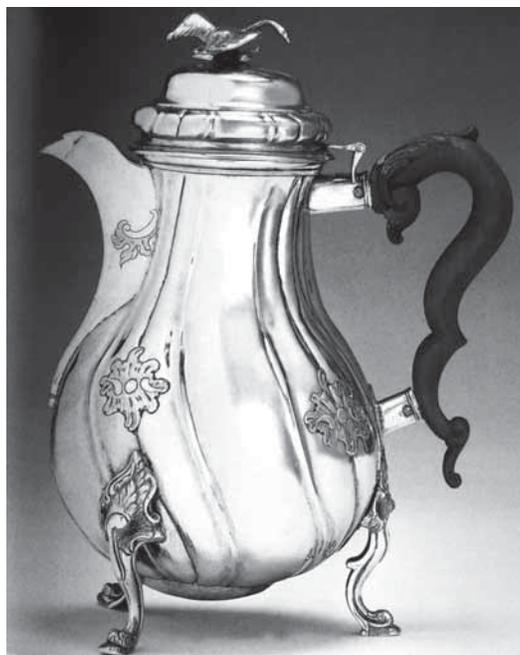

Рис. 2. Ложка с «короновидным навершием». На ручке надпись, выполненная готическим шрифтом: «In nomine patris et filii et spiritus sa(n)cti» — «Во имя Отца и Сына, и Святого Духа» (Fossberg J. Norske sølvskjeer. Oslo, 1974. S. 12)

Рис. 3. Пивная кружка с крышкой. Мастер Хелле, Кристиания (1640). Клеймо города 1634. Высота 24,5 мм (Fossberg J., Tandberg S.W. Norsk sølv: Gullsmeder gjennom 600 år. Østlandet, Agder, Rogaland. Oslo, 2003. S. 19)

Рис. 4. Кофейник в стиле рококо. Мастер К. Смит (K. Smith). Фигура птицы на крышке, а также три ножки — типичные для того времени полуфабрикаты. Кофейники, как и чайники, часто имели деревянные ручки (Fossberg J., Tandberg S.W. Norsk sølv: Gullsmeder gjennom 600 år. Østlandet, Agder, Rogaland. Oslo, 2003. S. 91)

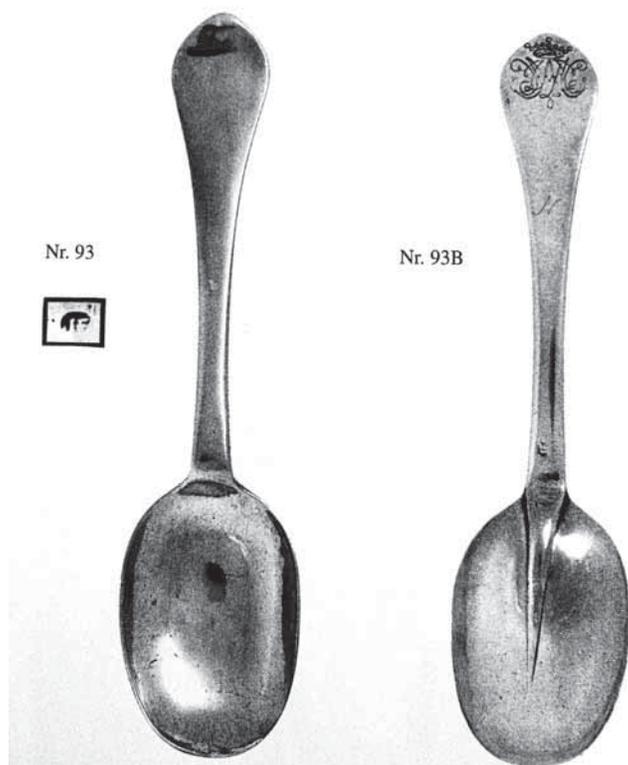

Рис. 5. Серебряная ложка с «язычковым навершием» и «крысиным хвостом». Мастер Ю. Фендт (J. Fendt). Шиен, ок. 1700–1710 годов (*Storesund H.J. 100 norske sølvskjeer — 1580–1780: Type-Dekor-Symbolikk. Oslo, 1993. S. 106*)

Рис. 6. Фрагмент ручки вилки с нанесенным на нее «королевским узором» (личный фотоархив автора)

Рис. 7. Сверху вниз: вилка для рыбы, нож для рыбы, вилка для краба, с нанесенной «двойной канавкой» (личный фотоархив автора)

Рис. 8. Две солонки, выполненные в драконьем стиле (личный фотоархив автора)

Приложение II

Иллюстрации к данной статье в цифровом формате находятся в свободном доступе в сети Интернет. Найти их можно по следующему адресу: <https://picasaweb.google.com/114988174554394107860/2012?authuser=0&feature=directlink> (дата обращения: 10.10.2013).

* * *

¹ Персалл Р. Краткий экскурс в историю антиквариата: Серебро: пер. с англ. Минск, 1997. С. 6.

² Fossberg J., Tandberg S.W. Norsk sølv: Gullsmeder gjennom 600 år. Østlandet, Agder, Rogaland. Oslo, 2003. S. 15.

³ Ibid. S. 4.

⁴ Fossberg J. Norske sølvstempler: Gullsmedhåndverk i byene på Østlandet før 1870. Oslo, 1994. S. 15.

⁵ Fossberg J., Tandberg S.W. Op. cit. S. 17.

⁶ Ibid.

⁷ Ibid. S. 20.

⁸ Термин, введенный Х. Вергеланном.

⁹ Indahl T. Med en sølvskje i munnen: Bergens Gullsmedkunst 1840–1940. Bergen, 2001. S. 13.

¹⁰ Ibid.

¹¹ Это касается среброкузнецов, поскольку ювелиры, имеющие дело с золотом, выполняли свои задания.

¹² Fossberg J. Norske sølvstempler: Gullsmedhåndverk... S. 14.

¹³ Fossberg J., Lie I.-M., Opstad J.-L. Oslo-Sølv i 400 år. Oslo, 1979. S. 3.

¹⁴ Diplomatarium Norvegicum — так называется собрание норвежских писем и документов вплоть до 1570 года; в нем также можно найти информацию о производстве предметов и их использовании — кому и когда они были подарены.

¹⁵ Fossberg J. Norske sølvstempler: Gullsmedhåndverk... S. 18.

¹⁶ Fossberg J., Tandberg S.W. Op. cit. S. 16.

¹⁷ Ibid.

¹⁸ Fossberg J. Norske sølvskjeer. Oslo, 1974. S. 8.

¹⁹ Ibid. S. 10.

²⁰ В настоящее время находится в Норвежском Народном Музее.

²¹ Fossberg J., Tandberg S.W. Op. cit. S. 21.

²² Fossberg J. Norske sølvskjeer. Oslo, 1974. S. 16.

²³ Storesund H.J. 100 norske sølvskjeer — 1580–1780: Type-Dekor-Symbolikk. Oslo, 1993. S. 12.

²⁴ Ibid. S. 11.

²⁵ Ibid.

- ²⁶ Ibid. S. 17.
- ²⁷ Ibid. S. 18.
- ²⁸ Ibid. S. 21.
- ²⁹ Fossberg J., Tandberg S.W. Op. cit. S. 25.
- ³⁰ Fossberg J., Lie I.-M., Opstad J.-L. Op. cit. S. 12.
- ³¹ Ibid.
- ³² Norheim P.T. Norske Drikkekanner i sølv: 1580–1830. Oslo, 2006. S. 14.
- ³³ Ibid. S. 12.
- ³⁴ Fossberg J. Norske sølvskjeer. Oslo, 1974. S. 26.
- ³⁵ Ibid.
- ³⁶ Storesund H.J. Op. cit. S. 72.
- ³⁷ Fossberg J., Tandberg S.W. Op. cit. S. 30.
- ³⁸ Fossberg J., Lie I.-M., Opstad J.-L. Op. cit. S. 20.
- ³⁹ Fossberg J. Norske sølvskjeer. Oslo, 1974. S. 33.
- ⁴⁰ Fossberg J. Norske sølvstempler: Gullsmedhåndverk... S. 20.
- ⁴¹ Fossberg J., Tandberg S.W. Op. cit. S. 40.
- ⁴² Fossberg J., Lie I.-M., Opstad J.-L. Op. cit. S. 30.
- ⁴³ Fossberg J. Norske sølvskjeer. Oslo, 1974. S. 41.
- ⁴⁴ Ibid. S. 43.
- ⁴⁵ Fossberg J., Lie I.-M., Opstad J.-L. Op. cit. S. 30.
- ⁴⁶ Fossberg J. Norske sølvskjeer. Oslo, 1974. S. 46.
- ⁴⁷ Fossberg J., Lie I.-M., Opstad J.-L. Op. cit. S. 42.

Е. В. Еремина-Соленикова

ТАНЦЕВАЛЬНЫЕ ЗАПИСНЫЕ КНИГИ ИЗ КОЛЛЕКЦИИ ЙОХАНА ФОН БЮЛОВА

Конец XVIII века — интересное время в истории танца. Реформы Новверра стимулировали активное развитие балета, и реакцией на это стало увеличение разнообразия танцев в балльных залах. В это время балы были прежде всего местом для общения и продвижения по службе, поэтому разнообразие выразилось не в увеличении типов танцев (они оставались во многом прежними), вариации проявлялись в деталях и формах конкретных танцев. Это не удивительно — балльные танцы в течение XVIII–XIX веков повсеместно были источником дополнительного дохода для балетных танцовщиков и хореографов, которые их преподавали, сочиняли, а также (что было очень популярно во второй половине XVIII века) ставили театрально-зрелищные представления с участием вельмож (в России такие представления назывались «кадрилями»). И если заурядные авторы сочиняли заурядные танцы, то подлинный мастер находил здесь возможности для самовыражения.

Однако важно не только констатировать активизацию процесса развития в танцах, но и понимать, как он осуществлялся. В этом нам помогут наблюдения над танцевальными дневниками Йохана фон Бюлова, которые он вел с 1770-х по начало 1790-х годов.

Йохан фон Бюлов был одним из образованнейших людей своего времени: он обучался в Академии города Соро, интересовался историей Дании, собирал коллекции исторических документов, поддерживал научные издания и путешествия, проводимые Академией. Он был назначен наставником к 5-летнему Фредерику VII, позже состоял при нем маршалом. Но постепенно отношения наставника и принца охладевали, и в 1793 году фон Бюлов попал в опалу¹.

В коллекции этого образованного придворного был найден дневник, который велся им в течение почти двадцати лет. В этом дневнике были записаны танцы, исполнявшиеся при дворе. До нас дошло 8 записных книжек (pocket-size). Одна из них (недатированная) содержит только музыку², другие — и схемы, и музыку танцев³. В книжках встречаются английские и французские контрдансы⁴, других танцев там нет.

В первой книге⁵ дата создания не указана. Она датируется исследователями 1773–1774 годами, так как включает контрданс с названием «4 сентября 1774 года», посвященный 45-летию вдовствующей королевы Юлианы-Марии. Так как этой композиции нет в других датских танцкнигах, а анализ других записных книжек фон Бюлова показывает, что танцы, как правило, записывались в год их создания, данный танец позволяет достаточно надежно датировать подборку. Она содержит 120 англесов, пронумерованных по порядку. Часть из этих танцев опубликована в сборнике Якобсена, вышедшем в 1780 году⁶. У всех танцев есть собственные названия.

На второй книге⁷ дата создания также не указана. Она датируется 1780–1781 годами, потому что содержит танцы из третьей части сборника Якобсена, выпущенной в 1781 году⁸. В книге общая нумерация нарушена: сначала идут № 1–38, затем, на том же развороте, что и № 38, появляется № 51, и далее нумерация идет до № 121, причем в некоторых местах последовательность сбита. Книга содержит 86 англесов и 8 франсезов. У всех танцев (кроме последнего, записанного, тем не менее, под № 50) есть собственные названия.

Название третьей книги⁹ — “Les Nouvelles Danses Angloises pour 1782 par Jacobsen” — напечатано на первом листе, переплетенном вместе со всеми остальными, однако внутри многие танцы имеют дату, к которой, по видимому, приурочено их создание, — с 4 сентября 1782 года¹⁰ по 24 августа 1784 года¹¹, а последний танец в книге называется “La fin l’an”. Таким образом, правильной датировкой этой записной книжки будет сентябрь 1782 — декабрь 1784 годов. Она содержит 96 англесов и 14 франсезов. Интересно отметить, что в оглавлении в конце книги англесы и франсезы перечислены отдельно, хотя в тексте присутствуют в случайном порядке. Нумерация сплошная, с № 122 по № 231, то есть продолжает нумерацию предыдущей записной книжки. У танцев есть собственные названия. Часть сборника (относящаяся к 1782–1783 годам совпадает со сборником Якобсена, выпущенным в 1783 году, вплоть до номеров¹²).

Четвертая книга¹³ состоит из двух частей, в начале первой дата не указана, в начале второй — 1786 год. Интересно, что 1785 год начинается контрдансом

с названием “Le commencement de l’an”, а заканчивается контрдансом с названием “Bonne fin d’année”. На титульном листе указаны 1785–1786 годы, возможно, даты вписаны после окончания книги. Она содержит 92 англеса и 17 франсезов. Нумерация сплошная, с № 232 по № 340, продолжает предыдущую книжку, в 1785 году записаны танцы с № 232 по № 289, в 1786-м — с № 290 по № 340¹⁴. У всех танцев есть собственные названия.

Пятая книга “Dances Angloises pour 1787”¹⁵ датируется 1787 годом. Она содержит 51 англес и 11 франсезов. Нумерация сплошная, с № 341 по № 402, продолжает предыдущую книжку. У танцев есть собственные названия (за исключением последнего, оставшегося безымянным).

Шестая книга¹⁶ датируется 1790–1791 годами и состоит из двух частей: “Dances Angloises 1790” (заметно, что дата вписана позднее, чем основная надпись) и “Dances Angloises 1791”. Она содержит 77 англесов и 4 франсеза (все они записаны в 1791 году). Нумерация не сплошная: в 1790 году — с № 463 по № 495, нумерация продолжает предыдущую, утерянную записную книжку (которая, по-видимому, содержала танцы за 1788–1789 годы), в 1791 году нумерация начинается заново и охватывает танцы с № 1 по № 48. У танцев нет собственных названий¹⁷.

Седьмая книга¹⁸ датируется 1792 годом, в самой книге дата не стоит, но указана на задней корочке переплета. Книжка содержит 31 англес. Нумерация сплошная, но с предыдущими записями не связана, с № 1 по № 32 (танец под № 20 представляет собой всего одну фразу). У танцев нет названий.

По-видимому, восьмая записная книжка, описанная выше, относилась к периоду между 1788 и 1793 годами — нижняя дата ограничена пятой записной книжкой, в которой у танцев еще указаны наименования (а в восьмой их нет), верхняя — ссылкой фон Бюлова, последовавшей в 1793 году.

Таким образом, благодаря сквозной нумерации танцев в большинстве томов мы можем быть уверены, что большая часть танцев, записанных в книжках фон Бюлова, до нас дошла и мы имеем подробную картину развития этого типа танцев при датском дворе. Все записные книжки несомненно принадлежали одному лицу, так как почерк, которым написаны как первые, так и последние книги, одинаковый. Однако вельможа, которому они принадлежали, по-видимому, вел записи не собственноручно либо не только собственноручно: в книгах встречаются разные почерки (три или четыре), описания составлены по-разному, в одной и той же записной книжке мы можем найти как описание и музыку, помещенные на одной странице, так и вариант, при котором описание и музыка находятся на соседних страницах.

Следующий вопрос, который хотелось бы рассмотреть, — это сопоставление книг фон Бюлова и Якобсена: какие из них были источником, а в каких танцы скопированы?

Записные книжки, сохранившиеся в коллекции Бюлова, были известны при дворе, о чем свидетельствует то, что часть танцев была скопирована в манускрипте “Laurent”¹⁹. Можно смело утверждать, что первая из записных книжек послужила источником для сборника, опубликованного Якобсеном: у Бюлова описано больше танцев, указаны даты некоторых, да и сама записная книжка, по-видимому, составлена намного раньше, чем печатный сборник. При создании второй книжки ситуация была обратной: ее составитель сначала записал 38 танцев (примерно столько танцев представлялось ко двору ежегодно), затем стал переписывать третью часть сборника Якобсена, а забытые при переписывании танцы дописал в конец книжки. Далее, по-видимому, ситуация снова поменялась, и уже Якобсен при публикации 1783 года использовал записные книжки Бюлова²⁰, либо оба источника восходят к некому третьему неизвестному оригиналу — такой вывод следует из того, что танцы в книжке Бюлова записывались последовательно в течение трех лет начиная с 1782 года с указанием дат появления многих из них (и соблюдением хронологии), в то время как Якобсен издал следующую книгу только в 1783 году. Возможно, планировалось, но не было осуществлено издание еще одной книги Якобсена — этим можно объяснить наличие в начале второй записной книжки печатного листа с надписью «Танцы Якобсена, 1782 год», при том что такой книги издано не было. В любом случае с 1784 года нумерация танцев у Бюлова уже не зависела от Якобсена, хотя этот популярный композитор и продолжал публиковать свои контрдансы.

Важной особенностью танцев, записанных фон Бюловым и опубликованных Якобсеном, было то, что многие из них были посвящены августейшей семье: как самим представителям королевского дома, так и их праздникам, например именинам. Это посвящение отразилось во многих названиях. Интересно, что порой посвящение проявляется не только в названии танца: в танце *La Couronne* танцующие руками создают подобие короны (Bulow-1, 7²¹), а в контрдансе *La Julienne*, посвященном вдовствующей королеве, танцующие делают руками триумфальную арку, через которую проходит одна из дам (Bulow-1, 106).

Кроме того, многие контрдансы 1770-х — первой половины 1780-х годов не просто состоят из популярных фигур, но «иллюстрируют» свое название: к примеру, в контрдансе *L’offrande a Ceres* (Жертва Церере) танцу-

ющие составляют цепь с поднятыми руками, имитирующую гирлянды (Bulow-2, 53), а в танце *Les Colonnes d'Hercule* (Геркулесовы столбы) действует только одна пара, изображающая путешествие (Bulow-2, 54). Эта традиция изобразительности, несомненно, привнесена в танцы со сцены (напомню, что до 1784 года автором придворных контрдансов был хореограф оперы Пьер Лорен). Более того, большое использование изобразительных элементов в некоторых контрдансах позволяет предположить, что в публикациях Якобсена и дневниках фон Бюлова зафиксированы не только контрдансы, бытовавшие при дворе, но и танцы, исполнявшиеся на сцене: в Дании, как и во многих других странах, в представлениях в качестве финального танца или в антракты между актами включали танцы, привычные для бальной залы: менуэты, контрдансы или кераус, известный также как гросфатер²². Также сложные композиционные танцы могли предназначаться для показательных выступлений придворных, подобных нашим российским показательным кадрилиам (наиболее известный пример — постановочная кадрили, сочиненная Ле Пиком для бала у князя Потемкина-Таврического).

Так же по книгам фон Бюлова можно изучать смену танцевальной моды. Даже не зная о том, что в 1784 году Пьер Лорен уехал во Францию, можно заметить смену танцевальную: танцы 1770-х — начала 1780-х интересны, очень зрелищны, порой даже сложны для обычных танцующих, в то время как танцы рубежа 1780–1790-х годов уже обыденны, часто являются собой лишь повторение популярных фигур в разных сочетаниях. Также можно проследить постепенную смену предпочтений: в 1770-х годах франсезы не танцевались, а в 1780-х их доля в общем количестве постоянно возрастает, хотя и остается небольшой — примерно 1 франсез на 7–8 англезов. Можно почерпнуть информацию о технике исполнения танцев: так, для франсезов использовались балетные па, обязательным был па-де-ригодон, в то время как для англезов техника исполнения не упоминается (указывается только шассе — боковой шаг) — аналогичная ситуация была в Англии. Из франсезов необычными оказываются всего три — они сочинены для групп не из 4, а из 8 пар. Все три помещены в 5-й записной книжке (Bulow-5, 381, 388, 395), их отличием, кроме количества пар, является то, что танцующие то исполняют фигуры в большом каре, то перестраиваются в две кадрили, то создают две длинные линии. Других подобных контрдансов в Дании не зафиксировано.

Англезы, описанные в записных книжках, созданы в основном для мини-сетов из трех пар, но встречаются и варианты для двух пар. В боль-

шинстве танцев схема строится так, что главная пара сразу спускается на второе место и танцует с людьми, стоящими от нее в диагоналях (по принятой танцевальной терминологии — «с углами»). В течение всего периода излюбленными фигурами были повороты, аллеманды, обход углов. Но есть и черты, менявшиеся с течением времени. Наиболее яркой чертой является включение в контрдансы вальсового вращения. Впервые вальс в контрдансах упоминается фон Бюловым в 1774 году (танец *L'amor de la Patrie*, Bulow-1, 117). На данный момент это, пожалуй, первое из известных мне упоминаний вальса в танцевальной практике (в контрдансах) вообще. Автор не помещает здесь описания техники вальсирования, но отмечает положение рук: кавалер и его дама идут в середину и делают два балансе. «Кавалер переносит свою правую руку за спиной своей дамы. Дама кладет свою левую руку на плечо кавалера, а другие свои руки они держат спереди. И в такой позиции делают медленный круговой вальс. До момента, как они закончат, возвращается третья пара. Здесь же оказывается первая и вторая пара. И все делают шассе одновременно. Как кавалеры, так и дамы. Кавалер поворачивает даму полкруга правой рукой и ставит ее на место» (пер. А. Рудой). В течение последующих двадцати лет вальс завоевывает прочное положение в танцах — так, в последнем сборнике он используется в 23 из 32 танцев.

Другим изменяющимся с течением времени элементом стала прогрессия (способ, которым первые пары попадали на второе место). Как правило, она вставлялась в начало танца, что давало больше возможностей хореографу в выборе фигур. Но если в 1770-х годах способов прогрессии много: это и мулине, и шен, и фигура «восемь», то к концу периода, как правило, используется только томбе — фигура (аналогичная английской фигуре *каст*), в которой танцующие просто проходят за спинами соседей. К концу периода появляется и стандартное завершение танца: в конце проведения танцующие исполняют шен первой и второй пар, реже — круг первой и третьей пар или тур вальса. Также на протяжении десятилетий изменялось использование рук. В танцах Пьера Лорена (Bulow1, 2) танцующие часто исполняют балансе с красиво поднятыми руками, обходят других с руками за спиной и пр., в целом рекомендации о положении рук встречаются в каждом третьем танце. Возможно, эта черта также взята из балетной практики, так как в контрдансах руки поднимают крайне редко, это относится ко всем периодам — от появления этих танцев в XVII веке до настоящего времени. Во второй половине 1780-х годов традиция использовать руки в датских контрдансах исчерпывает себя.

Таким образом, благодаря записным книгам придворного мы можем в деталях восстановить танцевальный репертуар придворных балов в Дании последней четверти XVIII века, а также получить материал по групповым балетным танцам.

Интересно отметить, что дневники фон Бюлова могут пригодиться и для восстановления российской танцевальной культуры. К сожалению, вплоть до 1790 года в России не издавалось танцевальных книг и издавалось крайне мало нот. Поэтому российскую танцевальную практику мы можем восстанавливать только по кратким упоминаниям в мемуарах и по проведению параллелей с традициями других стран. В придворной танцевальной жизни Дании и России можно найти много общего: прежде всего это покровительство монархов, позволившее приглашать ко двору прекрасных хореографов, которые не только ставили балетные спектакли, но и делали постановки для придворных празднеств (в XVIII веке балет еще не настолько разошелся с бытовым танцем, как в наше время, и танцевальная культура, как балетная, так и бальная, воспринималась как некая относительно единая общность). Близким был и танцевальный репертуар, и там и там основными популярными танцами были менуэты, полонезы и контрдансы. Общей была также склонность к театрализованным представлениям знати, построенным на основе бальных танцев. Такие представления (называемые «кадрилями») хорошо известны у нас по многочисленным упоминаниям, и благодаря датскому материалу мы можем представить, как они выглядели, и предположить в них большое количество балетных элементов, прежде всего на уровне фигур, составляемых танцовщиками, и создаваемых образов; сложная балетная техника исполнения в английские контрдансы, по-видимому, не переходила.

* * *

¹ *Bricka C.F. Bülow, Johan // Dansk biografisk lexikon, tillige omfattende Norge for Tidsrummet 1537–1814. Kjøbenhavn. Gyldendalske Boghandels Forlag (F. Hegel & Søn). Græbes Bogtrykkeri. 1887–1905. III. BIND Brandt–Clavus. P. 291–295. URL: <http://runeberg.org/dbl/3/0293.html>*

² “Engelske Dandse I Partitur” (2 violins, 2 flutes, bass). Sorø Akademis Bibliotek, Johah von Bülows manuskriptsamling, kasse LXIII, bind 1, mn, cd. URL: <http://img.kb.dk/ma/buelow/buelow-8-m.pdf>.

Названия и номера хранения манускриптов из коллекции фон Бюлова приведены по каталогу: *Arnheim L. Johan von Bulows manuskriptsamling. I. soro Akademis bibliotek. Soro, 1999. P. 158.*

³ Все восемь записных книжек доступны в сети Интернет на сайте Королевской библиотеки Дании: <http://www.kb.dk/en/nb/samling/ma/digmus/danseinstr/buelow.html>.

⁴ Контрдансы — это самые популярные во второй половине XVIII века балльные танцы. Существовали контрдансы двух типов — английские (англезы) и французские (франсезы). Английские контрдансы (по-датски — *engelske dandse*) — это танцы в колонне, в которых первая пара совместно со второй или со второй и третьей исполняет некую схему и в конце этой схемы оказывается в колонне на втором месте; схема повторяется неоднократно, первая пара все дальше уходит по колонне, вовлекая в танец по очереди все пары. Французские контрдансы (по-датски — *contra dans*) — это танцы на четыре пары, стоящие по квадрату. Такой танец строится по схеме «куплет–припев», причем куплетов обычно девять, они повторяются во всех франсезах, а припев в каждом танце собственный, не воспроизводящийся в других французских контрдансах. Так как куплеты были общеизвестны, описание такого танца состояло только из описания припева.

⁵ [Noder til 120 danse med franske forskrifter]. Sorø Akademis Bibliotek, Johah von Bülow's manuskriptsamling, kasse LXIII, bind 5, mn, cd. URL: <http://img.kb.dk/ma/buelow/buelow-1-m.pdf>, далее Bulow-1.

⁶ *Jacobsen H.H.* (udg.) Samling af de nyeste engelske Danse med Tourer af Hr. Pierre Laurent. 1.–3. Hefte. Kjøbenhavn, 1780–1781. URL: http://img.kb.dk/ma/danseinstr/jacobsen_1780.pdf.

⁷ [Noder til 95 danse med franske forskrifter.] Sorø Akademis Bibliotek, Johah von Bülow's manuskriptsamling, kasse LXIII, bind 7, mn, cd. URL: <http://img.kb.dk/ma/buelow/buelow-2-m.pdf>.

⁸ *Jacobsen H.H.* Samling af de nyeste engelske Danse...

⁹ “Les Nouvelles Danses Angloises pour 1782 par [Hans Henrich] Jacobsen”. [Noder og forskrifter for de dansende pa fransk], Sorø Akademis Bibliotek, Johah von Bülow's manuskriptsamling, kasse LXIII, bind 2, mn. URL: <http://img.kb.dk/ma/buelow/buelow-3-m.pdf>.

¹⁰ До даты 4 сентября 1782 года встречается дата 1783 год, однако она явно вписана позднее (чернила другого цвета), видимо, при составлении оглавления, и предположительно отмечает танцы, выписанные из сборника Якобсена, увидевшего свет в 1783 году. О соотношениях между датировками записных книжек фон Бюлова и сборников Якобсена см. ниже.

¹¹ Два последних датированных танца имеют только указания на день и месяц. Последнее указание на год — это 29 января 1784 года, после него следуют уже 7 июля и 29 августа, никаких сбоев в хронологическом порядке нет, что позволяет предположить, что дата 29 августа также относится к 1784 году.

¹² *Jacobsen H.H.* Les nouvelles Danses Angloises pour 1783. Kjøbenhavn, 1783. URL: http://img.kb.dk/ma/danseinstr/jacobsen_1783.pdf. Она же на датском языке: *Jacobsen H.H.* De nyeste Engelske Dandse for 1783. Kjøbenhavn, 1783. URL: http://img.kb.dk/ma/danseinstr/jacobsen_1783_2.pdf.

¹³ “Dances Angloises pour 1785 & 1786. Copenhague”. [Fortsaettelse af det foregaende. 109 danse]. Sorø Akademis Bibliotek, Johah von Bülow's manuskriptsamling, kasse LXIII, bind 3, mn. URL: <http://img.kb.dk/ma/buelow/buelow-4-m.pdf>.

¹⁴ Важно отметить, что есть еще один рукописный сборник, который принадлежал Louis Gade и Hans Beck. В нем записаны те же танцы, что и в коллекции фон Бюлова, с № 290 по № 365. Книга называется “Laurent. Dances Angloises pour 1786 Copenhague”, перед танцем № 341 стоит помета “Anno 1787th”. По-видимому, Laurent — это Пьер Лоран, однако он не мог сочинять контрдансы в Дании в 1786 году, так как в 1784-м уехал во Францию (*Urup H. Dans I Danmark. Kobenhavn: Museum Tusulanums Forlag, 2008. P. 106*).

¹⁵ “Dances Angloises pour 1787. Copenhague”. [Fortsaettelse af det foregaende. 109 danse]. Sorø Akademis Bibliotek, Johah von Bülow's manuskriptsamling, kasse LXIII, bind 4, mn. URL: <http://img.kb.dk/ma/buelow/buelow-5-m.pdf>.

¹⁶ “Dances Angloises 1790” og “Dances Angloises 1791” [81 danse], Sorø Akademis Bibliotek, Johah von Bülow's manuskriptsamling, kasse LXIII, bind 8, mn. URL: <http://img.kb.dk/ma/buelow/buelow-6-m.pdf>.

¹⁷ Исключение составляют танец «Галопад» и два танца «Из оперы Лилла», записанные в 1791 году, но эти «названия» скорее являются поясняющими характеристиками.

¹⁸ [Noder til 32 danse med franske forskrifter]. Sorø Akademis Bibliotek, Johah von Bülow's manuskriptsamling, kasse LXIII, bind 6, mn, 1792. URL: <http://img.kb.dk/ma/buelow/buelow-7-m.pdf>.

¹⁹ См. прим. 14.

²⁰ В которых тот продолжал нумерацию: так, издание Якобсена 1781 года представляет танцы с № 1 по № 93, а издание 1783 года — уже с № 126.

²¹ Здесь и далее Bulow-1 — книга, в которой помещен танец, 7 — номер танца.

²² *Urup H. Dans I Danmark... P. 132.*

О. А. Кривдина

**УЧЕНИК Б. ТОРВАЛЬДСЕНА —
ДАТСКИЙ СКУЛЬПТОР Г.Э. ФРОЙНД
(H.E. FREUND, 1786–1840) И ЕГО РАБОТЫ**

Исключительный талант и подкупающие человеческие качества известного датского скульптора Бертеля Торвальдсена привлекали в его римскую мастерскую большое число учеников из разных стран. Среди его соотечественников, получивших образование в Копенгагенской академии, принято выделять Германа Эрнста Фройнда, Германа Вильгельма Биссена, Иенса Адольфа Иерихау и Давида Ивановича Иенсена. В данной статье внимание сосредоточено на творчестве датского скульптора Г.Э. Фройнда. Сразу же следует отметить, что его произведений нет в Эрмитаже, имеющем крупнейшую коллекцию западноевропейской скульптуры в России. Таким образом, изучение его работ базируется на скульптурных собраниях Копенгагена. Отсутствие посвященной Г.Э. Фройнду литературы на русском языке побудило обратиться к изучению его биографии.

Герман Эрнст Фройнд прожил исключительно насыщенную и плодотворную жизнь. Он совершенствовался в скульптурном мастерстве в Риме у Б. Торвальдсена, сотрудничал с датским архитектором Х.Ф. Хансеном, создал портреты известных представителей культуры — живописца Х.А. Иенсена, поэта Б.С. Ингеманна, работал над скульптурным оформлением зданий Копенгагена.

Герман Эрнст Фройнд родился 15 октября 1786 года в Утледе около Бремена, умер в Копенгагене 30 июня 1840 года в возрасте 53 лет, за четыре года до смерти его учителя Бертеля Торвальдсена (24 марта 1844 года). Отец Фройнда был кузнецом и в 1797 году отправил одиннадцатилетнего сына в Копенгаген к брату Иогану Фридриху Фройнду — медальеру. Проявив интерес к искусству, Герман Эрнст Фройнд с 1806 года учится в Ко-

пенгагенской академии и с 1810 года награждается медалями. В 1817 году за рельеф «Авраам и Агарь» он получил золотую медаль и право на поездку в Рим. Этот рельеф хранится в глиптотеке Карлсберга. Представлена сцена из библейского текста, когда наложница Авраама египтянка Агарь по требованию его жены Сары была изгнана с сыном Измаилом в пустыню. В своей ранней работе Фройнд стремился передать драматизм сюжета.

Поездка в Рим была отложена до мая 1818 года. За это время Фройнд создал для садового фасада копенгагенского гарнизонного госпиталя бюст короля Фредерика VI. По поручению архитектора Х.Ф. Хансена он оформил новую копенгагенскую церковь Фрауэнкирхе статуями апостолов. Завершив эти работы, скульптор отправился в Рим для своего дальнейшего обучения под руководством Б. Торвальдсена. В мастерской знаменитого скульптора он сначала лепил, а потом выполнял работы из мрамора. Его первым произведением, созданным в Риме, является «Хлоя, дающая пить ягненку». Вылепленная из глины работа понравилась миланскому графу Соммарива, заказавшему ее выполнение из мрамора. Фройнд начал ее высекать из мрамора, после его смерти работу завершил его племянник — скульптор Георг Христиан Фройнд. В настоящее время произведение хранится в Музее искусств в Копенгагене.

Важное место в творчестве Фройнда занимал жанр портрета. Главным образом он отдавал предпочтение бюстам в форме гермы, так выполнены портреты поэта Б.С. Ингеманна, архитектора Х.Ф. Хансена, живописца Х.А. Иенсена. Кроме того, он создал значительное число барельефных портретов родственников и знакомых. Отметим сходство с портретами, созданными Торвальдсеном также преимущественно в форме гермы. Влияние учителя особенно явно в рельефах тондо с изображением летящих ангелов: у Торвальдсена и Фройнда их по четыре, распределены попарно, и летящие фигуры направлены друг к другу. В отличие от несколько наивных композиций Фройнда, «День» и «Ночь» Торвальдсена отличаются классической продуманностью и изысканностью пластики, благодаря чему стали особенно популярны и повторяемы. Сравнивая пластическое решение «Помоны» в рельефе Фройнда с трактовкой женской фигуры композиции «Милосердие» Торвальдсена и его статуей «Геба», можно выявить несомненное стремление — создать произведение, близкое к стилистической манере учителя.

Во время пребывания в Риме Фройнд в 1819 году принимал участие в создании Торвальдсеном статуй апостолов для Фрауэнкирхе в Копенгагене. В 1820 году выполнил надгробный памятник на могилу своему брату

Г.Х. Фройнду, умершему в Глейвиц (ныне находится в музее в Gleiwitz in Oberschlesien). Занимался отправкой произведений Торвальдсена в Копенгаген в 1821 году. Через Германию Фройнд осенью 1828 года вернулся в Копенгаген. 27 июля 1829 года он за бронзовую статую «Тор» стал членом Академии и с октября того же года начал преподавать в Копенгагенской академии.

Большое значение Фройнд придавал скандинавской мифологии, что получило разнообразное отражение в его творчестве. В зале Христианборга им был создан многофигурный фриз «Рагнарёк», посвященный изображению гибели богов. Судьба произведения трагична — рельеф погиб при пожаре в 1884 году, фрагменты рельефа хранятся в глиптотеке Карлсберга. В рельефах и статуях он изображал известных скандинавских богов — Одина, Тора, Локи¹. Статуэтка «Локи» с крыльями орла за спиной представляет описанный в «Младшей Эдде» эпизод о том, что великан Тьяцци в обличье орла хватал лучшие куски мяса у странствующих асов, а Локи ударил его палкой, но руки и палка соединились с телом орла. Тьяцци унес Локки и согласился его отпустить, если он доставит ему богиню Идунн и ее золотые яблоки, дарующие молодость. Локки заманивает Идунн в лес, что изображено Фройндом, обещая показать ей другие золотые яблоки, найденные им, и передает ее Тьяцци.

В Скандинавской мифологии Один — верховный бог, носитель магической силы, представляет духовную власть и мудрость богов, военный вождь. Один изображен Фройндом восседающим на престоле Хлидскьяльв. Ему служат вороны Хугин и Муни — «думающий» и «помнящий», сидящие на спинке престола, и лежащие у его ног волки Гери и Фреки — «жадный» и «прожорливый». Постоянный атрибут Одина — копьё, не дающее промаха, — Гунгнир — символ военной власти и военной магии. Следуя этим описаниям, Фройнд представил в своей статуе Одина.

В «Художественной газете» в 1841 году (№ 15²) в рубрике «Разные известия» сообщалось: «Заказанная несколько лет тому Копенгагенским обществом любителей покойному профессору Фрейнду бронзовая статуя Одина, со многими терракотами и слепками с египетских, греческих и римских антиков и с моделями из средних веков, выставлена нынче в зале Общества. Статуя начата Фрейндом в Риме и окончена в Копенгагене. Она по своей красоте, говорят, возбуждает всеобщее удивление».

Тор — сын Одина — бог грома, бури и плодородия. Фройнд изобразил его сидящим, опирающимся на молот. Мощное обнаженное тело, голова Тора вызывает аналогии с античными богами. В наскальных изображениях

в Южной Скандинавии Тор представлен с топором или боевым молотом Мьёлльниром.

Фройнд создал памятник Гансу Таусену — одному из главных поборников Реформации в Дании, который установлен в городе Выборг.

Портретный бронзовый барельеф для надгробия Герману Эрнсту Фройнду в Копенгагене выполнил Герман Вильгельм Биссен — также ученик Бертеля Торвальдсена.

Представление о том, что Фройнд, являясь помощником Торвальдсена, занимался лишь выполнением скульптурных работ знаменитого ваятеля, не может быть объективным. Факты биографии и многочисленные произведения Фройнда, хранящиеся в музеях Копенгагена³, показывают, сколько много и плодотворно он работал, создавая авторские эскизы, проекты, композиции, портреты, рельефы и памятники в классицистической манере 1820–1830-х годов, получившей развитие в странах Европы. Об этом убедительно писал Виктор Фройнд в жизнеописании скульптора, изданном в 1883⁴ году, и свидетельствуют факты творческой биографии, приведенные в художественном словаре⁵.

* * *

¹ Информация о скандинавской мифологии почерпнута из кн.: Мифы народов мира: Энциклопедия: в 2 т. М., 1992. В указ. кн. воспроизведены скульптура «Локи» (Т. 2. С. 67) и скульптура «Один» («Тор») (Т. 2. С. 242).

² Художественная газета. СПб., 1841. № 15. С. 8.

³ *Munk J.P. Danish Sculpture 1694–1889 ny Carlsberg Glyptotek. KØbenhavn, 1995. S. 16–97.* В указанном каталоге приведены аннотации на произведения Г.Э. Фройнда, хранящиеся в Carlsberg Glyptotek в Копенгагене, и основные факты его биографии.

⁴ *Freund V. Hermann Ernst Freunds Levned. Copenhagen, 1883.*

⁵ *Allgemeines Lexikon der Bildenden Kunstler von der Antike bis zur Gegenwart... // Thieme U., Becker F. Leipzig, 1916. Bd. XII. S. 433–435.* (Автор статьи не указан.)

С. Е. Ивлева

ГРАВЕР-ИЛЛЮСТРАТОР ЕВСТАФИЙ БЕРНАРДСКИЙ (1819–1889)

Среди русских граверов на дереве 1840–1850 годов Евстафий Бернадский (1819–1889) занимал особое место. К его имени почти всегда можно было прибавить определение «первый». Первый ученик знаменитого ксилографа Константина Карловича Клодта, он первым сознательно выбрал непопулярный тогда путь ксилографа-иллюстратора, предпочтя это занятие стезе исторического живописца, и первым среди граверов на дереве посвятил себя преимущественно книжной графике.

Имя Бернадского даже знатоки обычно вспоминают вместе с именем его друга и соавтора — художника Александра Агина и в связи с их самой известной совместной работой — первыми иллюстрациями к «Мертвым душам» Н.В. Гоголя. Исследователи графики, хотя и отмечают роль Бернадского в развитии русской иллюстрации, перечисляют его имя через запятую, в ряду прочих граверов своего времени¹.

Между тем Бернадский был первым среди русских граверов на дереве 1840–1850-х годов не только по количеству книг и журналов, для которых создавал свои гравюры, но и по разнообразию освоенных им книжно-журнальных тем. Именно он воплотил в книгах творческие замыслы рисовальщиков-иллюстраторов, и прежде всего с его гравюрами читатели знакомились, открывая иллюстрированную книгу.

В начале творческого пути Бернадского гравюра на дереве, как техническое новшество, только становилась в России предметом пристального внимания художественных кругов. Усилия Бернадского в деле пропаганды ксилографии как наиболее органичной для книги техники печати и достигнутые им результаты побуждали молодых граверов творчески осваи-

вать выразительные возможности ксилографии, а издателей, выпускавших книги с иллюстрациями, — «активнее пользоваться родными талантами!»²

Почти два десятилетия Бернадский утверждал своими работами художественную ценность ксилографии и во многом благодаря его стараниям русская ксилографическая книга обрела признание и стала фактом культуры. Один из самых авторитетных исследователей книжного искусства А.А. Сидоров еще в 1925 году писал, что Бернадский «является одной из тех фигур в истории русского искусства, перед которым нам еще надо восполнить долг внимания»³. Эти слова знатока русской книги актуальны и сейчас. Изучение искусства Бернадского необходимо для создания общей картины эволюции книги в России. Кроме того, сейчас, когда процесс «размывания» критериев художественного качества в книжном искусстве становится все более очевидным, кажется своевременным вспомнить этого незаурядного гравера-иллюстратора.

Родился Евстафий Ефимович Бернадский в 1819 году в Новгородской губернии в обедневшей дворянской семье, ведшей свое происхождение от шведов, пришедших на новгородские земли. В 1838-м он приехал в Петербург и стал вольноприходящим учеником Академии художеств по классу исторической живописи. «Выказывая немалые успехи», в 1839 году принял участие в академической выставке с картиной «Мария Магдалина»⁴. Но творческие интересы Бернадского уже склонялись к другой области искусства. В 1840 году он подал заявление в Совет Академии с просьбой разрешить учиться искусству гравирования на дереве в мастерской Константина Карловича Клодта, который за год до этого (в 1839-м) вернулся из Парижа, признанного центра граверной моды, пройдя там на средства Общества поощрения художников обучение у лучших французских мастеров ксилографии.

Необходимо отметить, что само возникновение в стенах Академии художеств этой мастерской стало явлением весьма примечательным. Традиционно в Академии «трех знатнейших искусств» достойным внимания считали классическую гравюру на металле (офорт, резец), а гравюра на дереве воспринималась как нечто «вспомогательное», «второстепенное», пригодное только для прикладных работ, обеспечивающих учебный процесс. Ксилографическую мастерскую «любимцу» императора Николая I Константину Клодту открыть разрешили, но существовала она в стенах Академии почти неофициально. Так что намерения Бернадского учиться ксилографии были на тот момент событием необычным. Что стало побудительным мотивом: желание попробовать себя в новой области искусства, природная

склонность к «малой» граверной форме, обаяние личности Клодта или все вместе — сказать трудно. Но желание Бернадского предпочесть почти прикладную область искусства самому уважаемому жанру — историческому — не нашло понимания у академического начальства. Дважды, в 1841 и 1852 годах, Совет Академии, упорствуя в своем нежелании признать ксилографию «высоким искусством», отказался присвоить Бернадскому звание неклассного художника «за гравюры, резанные на дереве», объявив, «что гравер на дереве может быть тогда признан художником, когда произведет свое сочинение <...> картины, им самим исполненной»⁵.

Зато желание молодого художника заниматься ксилографией нашло понимание у руководства Общества поощрения художников (ОПХ)⁶. Именно ОПХ, уловив веяние времени, впервые в 1837 году подняло вопрос о возрождении отечественной гравюры на дереве и за счет своих средств отправило в Европу Константина Клодта. Устремления Бернадского ОПХ также решило поощрить и в 1840 году, как своего пенсионера, то есть на средства ОПХ, определило на обучение в мастерскую Клодта, где пенсионер Бернадский выделялся «как дарованием своим, так и трудолюбием»⁷. Около двух лет Бернадский под руководством Клодта постигал секреты ксилографии. ОПХ пристально наблюдало за успехами своего пенсионера. В отчете за 1841–1842 годы комитет ОПХ «с удовольствием» отмечал, что «талант Бернадского приобрел самобытность». Кроме того, было указано на те качества молодого художника, которые выделяли его среди прочих учеников Клодта: «Бернадский соединил два достоинства: хорошего гравера и опытного рисовальщика. Последние весьма много способствуют первому, и только при соединении таких двух качеств гравер заслуживает названия истинного художника»⁸. Свойства таланта Бернадского, отмеченные ОПХ, оказались чрезвычайно востребованными в книжной графике.

Необходимо отметить, что 1840-е годы, период наибольшей творческой активности Бернадского, пришлись на время утверждения новых принципов книжного искусства. В России появился новый тип книги, с особой ролью в ней иллюстрации и всего художественного оформления. Повсеместно в европейской, а вслед за ней и русской книге значительно возросла роль гравера-иллюстратора. От его искусства нередко зависел общий успех иллюстрированной книги. Увеличилась и роль издателя. Именно он чаще всего выступал инициатором привлечения лучших художественных и литературных сил и становился координатором общего процесса создания и распространения книги. «Время Гоголя и Белинского, время Федотова, — писал А.А. Сидоров — бесспорно, чудесное время для русской книги по

тем опытам и достижениям, которые пали на ее долю»⁹. Возвращение в книгу ксилографии создало новые условия для деятельности и издателей и художников. Возможность вставлять деревянную гравюру в печатный лист и печатать вместе с текстом много раз без подновлений удешевила процесс издания и сделала книгу более доступной для массового читателя. Технические возможности торцовой ксилографии позволяли передавать штриховкой сложные тональные и цветовые отношения. Теперь гравер мог максимально близко передавать первоначальный замысел художника. «Это искусство [ксилография] <...> сделалось ныне потребностью нашего века»¹⁰, — писал Нестор Кукольник, активный сторонник возрождения отечественной гравюры на дереве, издатель «Художественной газеты» и журнала «Иллюстрация». Ее возвращение в книгу поставило перед художниками новые творческие задачи. Благодаря протекции Кукольника и рекомендациям ОПХ Бернадский получил и первую работу. Гравюры с подписью «Е. Бернадский» появились в 1841 году в «Художественной газете». Во всех 24 номерах была помещена сделанная Бернадским вьетка, дающая аллегорическое изображение различных видов искусств. Кроме того, он выгравировал и несколько иллюстраций: памятник Ивану Сусанину (работы Демут-Малиновского), надгробия Селевестра Щедрина (по проекту Гальберга), Фавна с козленком (работы Рамазанова). В 1842 году Бернадский официально завершил обучение в мастерской Клодта, а через год, в 1843-м, окончил Академию со званием учителя рисования в гимназиях.

Общество поощрения художников еще несколько лет материально поддерживало Бернадского как «заслуживающего большой похвалы по части гравирования на дереве»¹¹, и покровительство ОПХ принесло несомненные плоды. Работы Бернадского значительно расширили технические и художественные возможности ксилографии. Как отмечал А.А. Сидоров, именно «в гравюрах Бернадского мы встречаемся впервые в русском искусстве с настоящим “blank et noir”»¹². Никто из граверов-современников не мог лучше Бернадского создать гравюру для книги, состоявшего ее из двух (черного и белого) или трех (черного, белого и серого) тонов. Он мог свободно «играть» «белым» штрихом, не боялся оставлять на листе нетронутыми черные красочные пятна, которые своей живописностью эмоционально воздействовали на читателя-зрителя. Исполненные Бернадским книжные гравюры-политипажи не просто сопровождали литературный текст, но и становились художественным акцентом страницы.

Константин Клодт не оставлял вниманием своего «первого» ученика. Если рассмотреть самые известные книжные проекты 1840-х годов, то часто рядом с фамилией учителя появлялось имя Бернадского. Как граверу, ему довелось участвовать в изданиях, ставших показательными для иллюстрированной книги 1840-х годов. Эти издания во многом определили дальнейшее развитие искусства оформления книги в России как по принципам построения книжной страницы, так и по смысловой роли в них иллюстраций.

Среди самых значимых из них следует назвать: знаменитый Некрасовский сборник «Физиология Петербурга» (СПб., 1844), где были воссозданы сцены из повседневной жизни столицы и ее обитателей. Подавляющее большинство гравюр, сделанных по рисункам А. Агина, Е. Ковригина, Р. Жуковского, принадлежало Бернадскому. 1845 год — «Тарантас. Путевые впечатления» графа В.А. Соллогуба (СПб., 1845). Большую часть гравюр издания по рисункам Григория Гагарина выполнил Бернадский (наряду с Г. Дерикером и Г. Греймом, также участвующими в оформлении). В том же 1845 году появилось второе издание знаменитого альманаха «Новоселье» (СПб., 1845), который, в отличие от первого, пушкинского, 1833 года, был обильно иллюстрирован. Этот альманах интересен прежде всего тем, что в нем несколько гравюр Бернадский выполнил по собственным рисункам, например заставка к поэме Пушкина «Домик в Коломне» и иллюстрации к рассказу Петра Корсакова из жизни фламандских художников. В «Петербургском сборнике» под редакцией Некрасова (СПб., 1846) Бернадский гравировал рисунки Агина к тургеневскому «Помещику». Одно из интереснейших изданий 1840-х годов — «Путешествие во внутреннюю Африку» (СПб., 1848) — путевые дневники писателя и дипломата Егора Петровича Ковалевского. В работе над ним приняли участие, кроме Бернадского, и другие ученики Константина Клодта.

Кроме того, необходимо упомянуть об активном сотрудничестве Бернадского в 1846–1849 годах в журнале «Иллюстрация». В 1840-е годы в повседневный обиход русского общества вслед за Европой вошли иллюстрированные журналы. Главной особенностью подобных изданий стало наличие в них большого количества изобразительного материала, (ксилографий-иллюстраций), призванных «визуализировать» текст и сделать читателя соучастником его восприятия. Редакторы «Иллюстрации» — Нестор Кукольник, а потом и Александр Башуцкий — пригласили в журнал Клодта, тот — своих учеников, в том числе и Бернадского. Многие иллюстрации журнала (некоторые по собственным рисункам) и основную заставку за 1847 год выполнил Бернадский.

И, конечно, необходимо назвать наиболее значительное издание второй половины 1840-х годов и самую известную работу Бернадского — «100 рисунков из сочинения Н.В. Гоголя “Мертвые души”» с рисунками Александра Агина. Издание выходило с конца 1846 до начала 1847 года и представляло собой сброшюрованные тетрадами листы иллюстраций с расширенной подписью и единым для всех 18 тетрадей рисунком на обложке. Бернадский выступал в нем и как издатель.

С начала 1846 года Бернадский добивался у Н.В. Гоголя разрешения издать поэму с иллюстрациями А. Агина, предлагая за право издания 1500 руб. серебром. Но писатель ответил решительным отказом, пояснив свое решение тем, что он «враг всяких политипажей и модных выдумок»¹³. От рисунков в тексте пришлось отказаться. Листы с подписями решили издавать отдельными выпусками, по четыре в тетради. Не имея достаточных средств, Бернадский нашел «заинтересованное лицо». Деньги на издание дал богатый купец, «почетный гражданин Архангельска» Горяинов. Каждая тетрадь стоила 10 руб., должно было выйти 25 выпусков. Но в начале 1847 года между Бернадским и Горяиновым возникли разногласия, и «почетный гражданин» оплату издания прекратил. Сразу возникли материальные трудности. Не помогла даже субсидия президента Академии художеств герцога Лихтенбергского (600 руб. серебром), выданная в 1848 году «для ободрения Бернадского»¹⁴. Отсутствие средств и придирки Цензурного комитета не дали возможности опубликовать полностью все 100 рисунков. В общей сложности в 18 выпусках вышло 72 рисунка¹⁵. Полностью они были опубликованы только в 1892 году. Но именно благодаря Бернадскому и Агину гоголевские персонажи впервые стали близки и понятны читателям. Великолепные гравюры Бернадского, не уступавшие «современным им французским изданиям», поставили «100 рисунков...» в ряд лучших иллюстрированных книг десятилетия.

Насыщенная художественная жизнь Бернадского прервалась внезапно. В апреле 1849 года он был привлечен к следствию по делу петрашевцев¹⁶. Бернадский был оправдан, но несколько месяцев находился в заключении, а после освобождения состоял под негласным надзором. Это событие тяжело отразилось на здоровье, мироощущении и творчестве художника. Кроме того, в начале 1850-х годов покинул Петербург Александр Агин, соавтор многих успешных работ Бернадского, и навсегда прекратилось их плодотворное сотрудничество. Последний раз вместе их фамилии были напечатаны в издании 1858 года «Русский иллюстрированный альманах» (правда, со старых клише).

Среди самых любопытных работ Бернадского 1850-х годов можно назвать ряд гравюр для журнала «Морской сборник», изображающих знаменитые корабли русского флота. В том же «Морском сборнике» Бернадский показал пример блестящего использования ксилографии для технических иллюстраций, сделав украшением страниц журнала изображения навигационных приборов, корабельных механизмов, стволов морских орудий, мажков в разрезе, кристаллов льда и прочих атрибутов морской деятельности.

К концу 1850-х годов Бернадского настигла профессиональная болезнь всех ксилографов — резкое ослабление зрения. Почти тридцать лет Бернадский прожил, не имея возможности заниматься любимой работой. Последние годы жизни он состоял сотрудником Дирекции над строениями императорских домов и садов. Но работа эта, исполняемая, очевидно, для заработка, не оставила вещественных художественных следов.

Умер Евстафий Бернадский в 1889 году, когда прославленная им ксилография повсеместно была вытеснена из иллюстрированной книги фото-механическими техниками (цинкографией, автотипией), не оставив в книге места гравёру-виртуозу. И только в начале XX века авторская ксилография вновь оказалась востребованной.

* * *

¹ Единственное издание, посвященное персонально Е. Бернадскому, — книга Г. Стернина (*Стернин Г.Ю.* Евстафий Ефимович Бернадский. М., 1953).

² Отчет Комитета Общества поощрения художников с 28 апреля 1841 по 28 апреля 1842 года. СПб., 1842. С. 14.

³ *Сидоров А.А.* Искусство русской книги // Книга в России. М., 1925. Ч. II: Десятипятнадцатый век. С. 228.

⁴ Программа по классу исторической живописи. Вольноприходящий академик 2-й ст. Бернадский «Мария Магдалина» [Копия] // Указатель художественных произведений, выставленных в залах Императорской Академии художеств. СПб., 1839. С. 4.

⁵ Сборник материалов для истории Императорской Академии художеств за сто лет ее существования. СПб., 1866. Ч. III. С. 187.

⁶ Общество поощрения художеств (ОПХ). В 1820–1882 годах — Общество поощрения художников; в 1882–1917 — Императорское общество поощрения художеств.

⁷ Отчет Комитета ОПХ за 1839–1940 годы. СПб., 1840. С. 7.

⁸ Отчет ОПХ за 1841–1842 годы. С. 13.

⁹ *Сидоров А.А.* Искусство русской книги // Книга в России. М., 1925. Ч. II: Десятипятнадцатый век. С. 199.

¹⁰ Художественная газета. 1840. № 1. 18 янв. С. 4.

¹¹ Отчет ОПХ за 1841–1842 годы. С. 14.

¹² Сидоров А.А. Указ. соч. С. 228.

¹³ Цит. по: Кузьминский К.А. Художник-иллюстратор А.А. Агин, его жизнь и творчество. М., 1913. С. 41.

¹⁴ Сборник материалов для истории Императорской Академии художеств за сто лет ее существования. СПб., 1866. Ч. III. С. 89.

¹⁵ В воспроизведении рисунков А. Агина Бернадскому помогали его ученики, известные впоследствии художники Ф. Бронников и П. Куренков.

¹⁶ Дело петрашевцев. Л., 1941. Т. II. С. 93, 113.

А. Н. Ливанова

НЕПРОСТАЯ ИСТОРИЯ «ЭЙДСВОЛЛСКОЙ КОЛОННЫ» ВИЛЬХЕЛЬМА РАСМУССЕНА

В 2014 году в Норвегии будет широко отмечаться 200-летие норвежской Конституции, принятой 17 мая 1814 года в городке Эйдсволле, недалеко от Осло. В этой связи история, которую хотелось бы поведать российскому читателю, приобретает особую актуальность. Уже само название произведения, о котором пойдет речь, — «Эйдсволлская колонна» — говорит о том, что оно было призвано стать памятником указанному событию. Идею создать такой монумент предложил еще Хенрик Вергеланн 17 мая 1836 года в газете «Гражданин» (“Statsborgeren”): «По прошествии более чем 20 лет не воздвигнуто еще ни одного монумента, который бы символически истолковал глубокое признание народом заложенной в нашей Конституции реформы государственного управления»¹, однако из-за соблюдения лояльности тогдашнему шведскому королю дело затянулось на долгие годы².

14 мая 1880 года последовало новое воззвание, поддержанное такими уважаемыми личностями, как президент стортинга Йохан Свердруп, художник Отто Синдинг, Бьёрнстьерне Бьёрнсон, и многими другими³. В 1880-е годы Бьёрнстьерне Бьёрнсон активно участвовал в кампании по сбору средств на памятник. Планировалось возвести его к столетнему юбилею конституции, в 1914 году. Однако, несмотря на участие в конкурсе среди прочих Густава Вигеланна и Кристиана Крога, на тот момент ни один из проектов не был сочтен достойным⁴. Спустя 44 года со времени опубликования возвания Вергеланна конкурс с целью установки монумента на Эйдсволлской площади перед зданием стортинга, норвежского парламента, был объявлен вновь. В конце концов, несмотря на участие таких величин, как Густав Вигеланн и Дюре Во (всего было 38 участников⁵), в нем победил проект скульптора Вильхельма Расмуссена, и это оказалось сенсацией⁶.

Вильгельм Роберт Расмуссен (Wilhelm Robert Rasmussen) родился в городе Шеене в 1879 году в семье кондитера, по происхождению датчанина. В кондитерской, наблюдая за тем, как отец лепит фигурки из марципана, маленький Вильгельм получил первый импульс к будущей профессии. По воспоминаниям художника, у его отца был неплохой певческий голос, и за лепкой украшений из масла и марципана он напевал немецкие песенки. Маленький Вильгельм очень хотел помочь отцу лепить, и вскоре у него это стало получаться. Именно в шеенской кондитерской у него возник интерес к работе скульптора⁷. В семье кондитера было несколько детей, которых необходимо было обеспечить; однако добрейший Расмуссен не мог никому отказать, когда у него просили в долг, что в результате привело к двукратному банкротству предприятия. Вильгельм вынужден был начать работать уже с 12-летнего возраста. В 1892 году отец отвез его в Нью-Йорк, к своей замужней сестре и ее мужу, державшим питейное заведение. Мальчику приходилось выполнять всю работу по дому и выслушивать ругань опустившейся пьющей тетки. Через некоторое время Вильгельм сбежал от нее и продержался на разных суровых работах до весны 1894 года, когда смог вернуться в Норвегию.

О систематическом образовании не было и речи. В конце концов в 1894 году вся семья перебралась в Осло, и Вильгельм против воли отца устроился учеником в мастерскую Паоли по изготовлению изделий из гипса и там впервые познакомился с работой скульпторов. Необыкновенный талант Расмуссена в мастерской заметили очень скоро, так что вместо того, чтобы платить за обучение, Вильгельм начал получать от хозяина плату за свои работы. Особенно ему удавались скульптурные портреты. Так, 15-летним пареньком он вылепил бюст Ибсена, которого мог ежедневно наблюдать во время прогулки последнего по главной улице Осло Карл Юхан, и бюст короля Оскара, за который получил от Паоли немислимые по тем временам деньги — 100 крон⁸. Зимой, чтобы дополнительно заработать, Расмуссен лепил фигуры из снега. Вскоре ему удалось поступить в столичную Школу искусств (Den Kongelige Kunst- og håndverksskolen).

Став достаточно известным скульптором, Расмуссен прославился прежде всего как портретист и монументалист: выставляться на персональных выставках он начал с 1901 года⁹. В 1921 году он был назначен профессором Академии художеств. В творчестве Расмуссена заметно влияние Вигелана, в мастерской которого он одно время работал, а также Родена. Его произведения характеризует эпический саговый стиль, отсюда второе название указанного в названии статьи монумента — Sagasøylen, то есть Саговая

колонна, хотя сам Расмуссен исходно назвал свой проект «От Хафрсфьорда до Эйдсволла», то есть от объединения Норвегии в единое государство, произошедшего под эгидой Харальда Прекрасноволосого в результате его победы в сражении при Хафрсфьорде около 872 года, до принятия норвежской Конституции в 1814 году. Установить монумент предполагалось в 1938 году.

Это действительно монументальное произведение высотой 34 м (в два раза выше вигеланновского «Монолита») и весом 500 тонн, замысленное в ларвиките¹⁰. Рельефы по периметру колонны иллюстрируют историю Норвегии — от битвы при Хафрсфьорде, недалеко от нынешнего Ставангера, до исторической встречи в Эйдсволле в 1814 году. У основания колонны — изображения восьми норвежских конунгов при оружии, ростом около 3 м 20 см. Следующий ряд рельефов изображает судьбоносные битвы и мифологические основы жизни Норвегии. Третий ряд снизу посвящен утверждению христианства на норвежской земле; средний пояс — это изображения национальных святых, далее следуют рельефы со средневековыми мотивами и сюжетами времен датского владычества. Еще выше изображены сцены хозяйственной жизни, затем — символы гражданской администрации, например гербы городов. Наконец, верхний ряд рельефов посвящен участникам исторической встречи в Эйдсволле¹¹.

Венчает колонну конная статуя объединителя Норвегии Харальда Прекрасноволосого, хотя первоначально предполагалось установить на вершине льва с герба Норвегии, подобного тем скульптурным изображениям львов, что украшают здание стортинга, построенное по проекту шведского архитектора Эмиля Виктора Ланглета (Emil Victor Langlet, 1860–1866). В народе место, где возведено здание стортинга, называют Львиным холмиком (Løvebakken). Автором проекта статуй является норвежский скульптор Кристиан Борк (Christian Borch), они были выполнены заключенными крепости Акерсхус, функционировавшей в то время также в качестве тюрьмы. Однако в 1934 году скульптор счел, что колонну должна венчать конная статуя Харальда, обосновав свое решение тем, что в столице следует иметь памятник основателю государства¹².

Пробная модель Эйдсволлской колонны — еще со львом наверху — была возведена перед зданием стортинга, на Эйдсволлской площади, в 1926 году (кстати, в том же году в Тронхейме был установлен памятник Улаву Трюгвасону, выросшему при дворе киевского князя Владимира, также изваянный Вильгельмом Расмуссеном) и служила основной достопримечательностью столицы в то лето¹³ (рис. 1, 2, 3).

Рис. 1. Колонна перед стортингом на фоне сквера Студентерлюннен. 1926 год

Рис. 2. Вид на колонну между зданием стортинга и одной из фигур льва

Рис. 3. Колонна с навершием в виде льва¹⁴. 1926 год

Однако, невзирая на очевидные художественные достоинства, колонна из ларвикита так и не была поставлена перед стортингом, несмотря на принятое парламентом в 1935 году решение об установке. К 1939 году около половины колонны было выполнено в камне, почти все остальные рельефы уже были вылеплены и отлиты в гипсе, но затем работы почти на два года были приостановлены, главным образом по экономическим причинам¹⁵. К тому же Расмуссен получил другой интересный заказ — выполнить норвежскую часть украшения фасада здания для Всемирной выставки в Нью-Йорке. Наконец, 8 апреля 1940 года муниципалитет Осло выделил 6 тыс. крон на продолжение работ, но 9 апреля 1940 года Норвегия была оккупирована¹⁶.

В 1942 году уже нацистами было инициировано продолжение работ, но они были прерваны с окончанием войны. Дело в том, что в 1933 году плохо разбиравшийся в политике, но эмоциональный и восхищавшийся творчеством Гамсуна Расмуссен вступил в партию «Нашунал Самлинг»,

вышел из нее в 1936 году, потом снова вступил¹⁷, а во время оккупации возглавлял Академию художеств Норвегии. После победы над фашизмом он был осужден за коллаборационизм на 3 года 2 месяца тюремного заключения. Столь малый срок (к тому же художник отбыл лишь половину¹⁸) объясняется тем, что Расмуссен не раз оказывал помощь противникам режима: так, в 1934 году он единственный купил картину у бежавшего из нацистской Германии в Норвегию художника Рольфа Неша (Rolf Nesch)¹⁹. Тем не менее от планов установки монумента отказались. Проблема состояла не только в том, что Расмуссен скомпрометировал себя политически, но и в том, что излюбленный им героический стиль активно использовался в нацистской пропаганде, хотя то же можно сказать о пропаганде советской и стиле многих других художников того времени. Объективно говоря, стиль Расмуссена соответствовал стилистическим предпочтениям эпохи.

Это первыми осознали другие норвежские скульпторы, которые в 1957 году от лица своего творческого союза обратились в стортинг с предложением позволить скульптору довести работу над монументом до конца и установить его. В средствах массовой информации по этому поводу развернулась дискуссия. Однако в бюрократических инстанциях дело надолго зависло — никто не хотел брать на себя ответственность. Готовые части колонны, выполненные в ларвиките, и остатки первоначальной бетонной модели хранились в районе Скёйен на западной окраине Осло, на автомобильной свалке: «Они покоятся в своей могилке на отшибе автомобильного кладбища. Время от времени я приношу туда цветы и роняю слезу», — писал скульптор, тяжело переживавший судьбу монумента²⁰. Удалось добиться только, чтобы колонну и ее части в 1963 году перевезли в специально построенное хранилище на участке, где стоял тогда дом Расмуссена, в местечке Сиверстадколлен (Syverstadkollen), в ближнем пригороде норвежской столицы Бэрум²¹.

Несмотря на то что все громче звучали голоса деятелей культуры, выстулавших за завершение работы и установку памятника в 1964 году, к 150-летию Эйдсволлской встречи, дело не двигалось с места²². Скульптор то с надеждой, то с отчаянием следил за перипетиями рассмотрения дела всей своей жизни. Даже в последние годы жизни у Расмуссена сохранялась внушительная седая грива (рис. 4), и он отказывался постричься, в шутку заявляя, что как Харальд Прекрасноволосый дал зарок не стричь волосы, пока Норвегия не станет единой, так и Расмуссен не укоротит свою густую и пышную шевелюру, пока колонна не будет установлена.

Рис. 4. Вильхельм Расмуссен

Расмуссена умер в 1965 году, дискуссия же продолжалась и достигла своей кульминации в 1968 году обращением стортинга в Совет по культуре с просьбой дать свою рекомендацию. В Совете был образован комитет, не рекомендовавший устанавливать колонну перед стортингом, а предложивший использовать только готовые части колонны, включив их в другие сооружения. Этому решению воспротивились родственники скульптора²³. Части модели тем временем в пробном порядке были выставлены, хотя и не перед стортингом, а перед Домом искусств в Осло, где в 1969 году была организована выставка работ, приуроченная к 90-летию со дня его рождения. Наконец 13 мая 1971 года стортинг большинством голосов отменил свое решение 1935 года об установке колонны²⁴.

В 80-е годы, побывав в Осло и увидев, в каких условиях хранятся части монумента — крыша текла, части колонны были свалены прямо на полу, владелец гостиницы Эльвесетер в горах Ютунхейма Омюнн Эльвесетер (Åmund Elveseter, 1910–2005), участник Сопротивления, любитель и знаток норвежского искусства, решил установить монумент рядом с гостиницей (где сам скульптор тоже останавливался). Однако на осуществление этого ушло много лет, поскольку официально владельцем колонны считался стортинг; к тому же объявлялись и другие желающие, например, городок Эйдсволл, где была принята Конституция 1814 года, и родной город Расмуссена Шеен.

Эльвесетер познакомился с Расмуссеном в Ломе еще в 1950-е годы и попал под обаяние его личности. О политике они никогда не беседовали²⁵. Вообще, по свидетельству сына Омюнна Рунгне, нынешнего владельца гостиницы, Омюнн первым в Норвегии стал после Второй мировой войны пускать в свою гостиницу немецких туристов²⁶.

Семейная гостиница Эльвесетер (рис. 5) была основана еще в 1632 году как крестьянская усадьба (старейшее здание там сохраняется еще с 1579 года²⁷) и постоялый двор, а отелем считается с 1867 года. На сайте туристического оператора “SAGA”²⁸ безымянные авторы объявили Эльвесетер старейшей гостиницей Норвегии, однако нынешняя совладелица гостиницы Ингер Эльвесетер (Inger Elvesæter) в ответ на наш запрос пишет следующее: «Эльвесетер — действительно древний хутор; в Новейшее время Эльвесетер был зарегистрирован и внесен в налоговые списки в 1594 году. Полагают, что Эльвесетер опустел (был заброшен во время чумы), вновь тут стали жить во второй половине XVI века. Мы не знаем, использовался ли он как постоялый двор с XVII века; естественно, путешественники, пользовавшиеся горной дорогой через горы Согне-фьелль, могли ночевать на

хуторах, встречавшихся по пути, но никаких записей, свидетельствовавших об этом, не сохранилось. Ямской слободой служил Рёйсхейм, располагавшийся в долине ниже. Нам известно только, что на хуторе начали принимать постояльцев в 1880-е годы и что в 1930 году на хуторе имелось около 30 гостевых мест. Приятно бы оказаться старейшей гостиницей в Норвегии, но, боюсь, мы не можем этого подтвердить»²⁹.

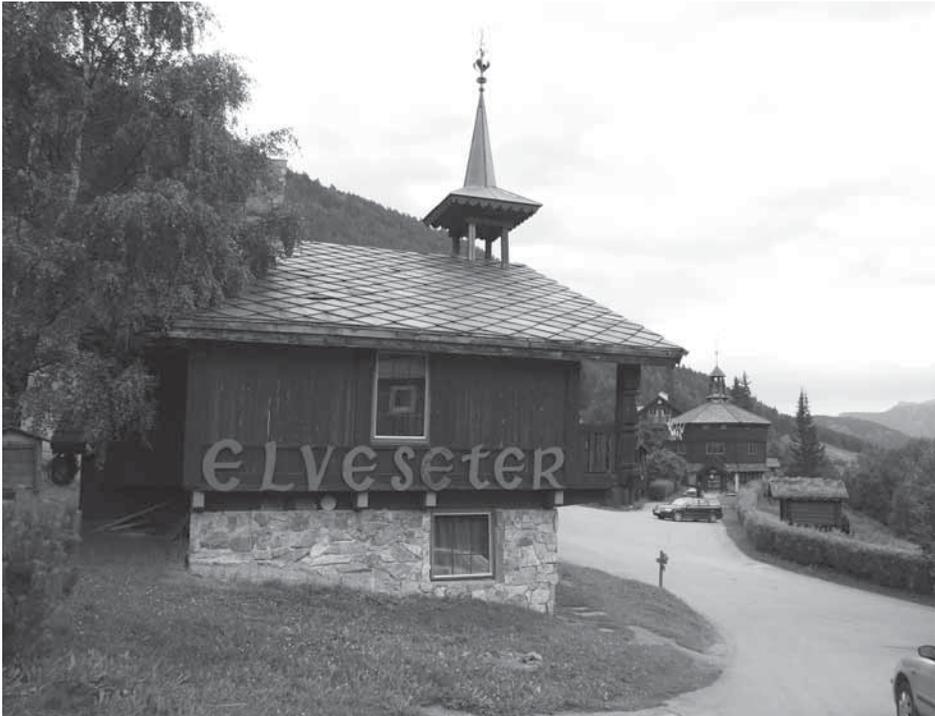

Рис. 5. Гостиница Эльвесетер в Ютунхеймене. 2009 год. Фото автора

Гостиница расположена в долине Бёвердал, в 22 км от вершины Галхёпигген высотой 2469 м. Это очень красивое место, расположенное на водоразделе между Восточной и Западной Норвегией, куда можно добраться из живописного селения Лом.

Омюнн Эльвесетер следил за развитием событий в столице по газетным публикациям. Как только в 1992 году стортинг отказался от прав на колонну, Эльвесетер использовал 2,6 млн крон собственных средств на ее выкуп и установку³⁰. Немало труда потребовала перевозка ее частей —

когда приехали забирать их, оказалось, что они заледенели, и их пришлось вырубать изо льда, как свидетельствовал отливщик Одд Эдегор (Odd Ødegård)¹. Два верхних яруса, которые Расмуссен не успел выполнить в ларвиките, были отлиты из бетона по моделям, вылепленным им самим и разрушавшимся в ангаре в Осло, и уже в 1992 году колонна была установлена на фоне величественного горного пейзажа (рис. 6).

Рис. 6. Эйдсволлская колонна в Эльвесетере. 2009 год. Фото автора

Дискуссии относительно возможности переноса монумента в Осло продолжаются, однако при любом их исходе его художественные достоинства не подлежат сомнению.

* * *

¹ “Etter mer enn 20 års forløp er ennå intet minnesmerke reist for symbolsk å tolke folkets dype anerkjennelse av den ved Constitutionen grunnlagte reform i vår statsforfatning”. Цит. по: *Hansen B. Mannen bak søylen: Løst og fast fra billedhoggeren professor Wilhelm Rasmussens liv*. Eget forlag. Skien, 1979. S. 89.

² Møller A. Billedhuggeren Wilhelm Rasmussen: en søyle i skyggeland. Oslo, 1996. S. 38.

³ Hansen B. Op.cit. S. 89.

⁴ Hovdhaugen U. Wilhelm Rasmussen og Eidsvollssøylen // TOBIAS 2/2010. URL: http://www.byarkivet.oslo.kommune.no/OBA/tobias/tobiasartikler/Tob2010-2_4.htm

⁵ Møller A. Op.cit. S. 37.

⁶ Hansen B. Op.cit. S. 80.

⁷ Ibid. S. 11.

⁸ Møller A. Op.cit. S. 16.

⁹ Ibid. S. 25.

¹⁰ С 2008 года — национальная горная порода Норвегии; один из видов сиенита — магматической породы, которая добывается в Норвегии возле городка Ларвика на западном берегу Осло-фьорда (внешне похожа на гранит и лабрадор).

¹¹ Møller A. Op.cit. S. 43-44.

¹² Hovdhaugen U. Op.cit.

¹³ Hansen B. Op.cit. S. 90.

¹⁴ Фото 1, 2, 3, 4 любезно предоставлены Архивом города Осло в лице его сотрудника Вегарда Скусета (Vegard H. Skuseth), за что мы ему крайне признательны.

¹⁵ Hovdhaugen U. Op.cit.

¹⁶ Møller A. Op.cit. S. 51.

¹⁷ Ibid. S. 48.

¹⁸ Hovdhaugen U. Op.cit. S.

¹⁹ Hansen B. Op.cit. S. 101.

²⁰ “Det ligger i sinn grav der ute på bilkirkegården. Jeg er der ute med blomster og feller en tåre av og til”. Цит. по: Hansen B. Op. cit. S. 139.

²¹ Hansen B. Op.cit. S. 140.

²² Møller A. Op.cit. S. 90.

²³ Hovdhaugen U. Op.cit.

²⁴ Ibid.

²⁵ Møller A. Op.cit. S. 96.

²⁶ См. репортаж журналистки норвежского теле- и радиовещания Линды Эйде (Linda Eide) в серии передач «Достопримечательности Норвегии». URL: <http://tv.nrk.no/serie/norsk-attraksjon/dvfj67007409/sesong-3/episode-4>

²⁷ Møller A. Op.cit. S. 97.

²⁸ URL: http://www.saga.ua/667_turns_showturn_512.html (дата обращения: 05.10.2012).

²⁹ From: Elveseter Hotell <elveseter@ton.no> To: 'Alexandra Livanova' <alex_livanova@yahoo.com> Sent: Monday, April 8, 2013 3:53 PM

³⁰ Hovdhaugen U. Op.cit.

³¹ Репортаж норвежского теле- и радиовещания, см. примечание 26.

К. К. Дорошенко (Ратова)

ФИНСКИЙ ХУДОЖНИК АЛЬБЕРТ ЭДЕЛЬФЕЛЬТ В ПАРИЖЕ И ПЕТЕРБУРГЕ

В конце XIX — начале XX века одна из важных граней культурных отношений между Россией и Францией была связана с развитием скандинавского искусства. Финляндия, как и другие страны Северной Европы, в это время находилась в процессе становления национальной художественной школы, стремилась найти пути к осознанию и выражению своей самобытности.

Разносторонние связи Финляндии с Российским государством, частью которого она являлась в 1809–1917 годах, способствовали активному взаимопроникновению и взаимодействию культур. Но одновременно с этим, Финляндия, поддерживающая тесные культурные отношения со странами Скандинавии, всегда ощущала себя ближе к общеевропейской культуре, нежели Россия. Во второй половине XIX века для финских художников стало возможным получать профессиональное образование не только в шведской, датской и российской Академиях художеств, но и в других высших художественных школах Европы. Одной из самых известных и авторитетных была Академия художеств в Париже. Именно Париж, которому была свойственна динамичная культурная жизнь и открытость для всего нового и смелого, на рубеже веков стал подходящим местом для совершенствования художественных навыков и самоутверждения молодых скандинавских художников. Среди них одним из самых талантливых и успешных был Альберт Густав Аристид Эдельфельт (1854–1905).

Творческое наследие Эдельфельта поражает своим масштабом, многогранностью и разнообразием. Его справедливо будет назвать универсальным художником своей эпохи. Он работал во всех живописных жанрах

и техниках, обращался к искусству иллюстрации и гравюры, создавал интересные заметки и зарисовки во время своих путешествий (например, по Италии и Испании), участвовал в оформлении выставок и выполнил в последние годы своей жизни трехчастное настенное панно для актового зала университета в Хельсинки, работа над которым продолжалась в целом четырнадцать лет. Отдельно можно рассматривать даже искусство художественного оформления писем мастера. Эдельфельт, швед по рождению, но истинный финн по воспитанию и по духу, — первый из художников Финляндии, который стал известен за пределами своей страны. Он общался с выдающимися художниками и деятелями культуры Франции, России и Скандинавских стран, был лично знаком с русскими императорами и их семьями, а также с членами королевских фамилий Швеции и Дании. Изучение его творческого наследия сопровождается открытием многочисленных нитей и связей, составляющих часть культурного мира той эпохи.

Творческий путь мастера начался задолго до момента его сближения с Россией. В 1869–1873 годах он обучался в школе рисования при Финском художественном обществе и в мастерской Адольфа фон Беккера, ученика реалиста Гюстава Курбе. В связи с отсутствием в Финляндии Академии художеств и необходимостью освоения исторического жанра живописи, проблема которого стояла особенно остро в период финского художественного самоопределения, осенью 1873 года Альберт Эдельфельт, получив государственную стипендию, отправился учиться в Антверпенскую академию художеств.

Антверпенская академия работала по тем же принципам, что и Академия в Париже, но система обучения во Франции была более гибкой и давала больше возможностей для реализации творческих сил молодых художников. Поэтому после двух семестров успешного обучения в Антверпене (в мае 1874 года награжден бронзовой медалью и отмечен как третий лучший ученик в академии) Эдельфельт уезжает во Францию.

Париж в 1874 году приобрел в лице финского художника Альберта Эдельфельта талантливую ученика и сыграл важнейшую роль в его жизни. Здесь он завершает свое художественное образование в живописной мастерской академика, исторического живописца Жана-Леона Жерома при официальной государственной художественной Парижской Школе изящных искусств (учился там до весны 1877 года) и создает свое первое крупное произведение — «Женщина в стиле рококо» (1874), получившее премию «Дукат» Финского художественного общества.

В Париже Альберт Эдельфельт переживает своеобразную творческую эволюцию перехода от академической живописи к пленэрной. Этот процесс проходил в неразрывной связи с жизнью Парижских Салонов. Первая работа, представленная художником на рассмотрение в Салоне 1875 года (портрет сына Б. Линдхольма Рагнара), не была принята. Но уже в 1877–1878 годах исторические картины «Королева Бланка»¹ и «Герцог Карл оскорбляет останки Класа Флеминга»², созданные художником по всем правилам академической живописи, при внимательном изучении исторической обстановки рассматриваемого периода и тщательной разработке деталей, были приняты на экспозиции Салонов, получили положительную оценку критики и вскоре приобрели известность как в Париже, так и за его пределами.

Однако художественные тенденции развития исторической живописи менялись, и методы Эдельфельта нуждались в пересмотре. В 1879 произошел неизбежный перелом в его творчестве. Во время работы над картиной «Сожженная деревня»³, действие которой разворачивалось на открытом воздухе, Эдельфельт столкнулся со множеством трудностей. Они были связаны с созданием пленэрной по сюжету картины в помещении парижской мастерской только на основе отдельных подготовительных натуральных набросков и портретных зарисовок, которые были сделаны в Финляндии. Произведение было принято в Салоне, но сам художник не был доволен результатом. После этой работы он окончательно перешел к пленэрной живописи и вскоре достиг в этой области большого успеха.

Интерес к пленэрной живописи возник у Эдельфельта летом 1878 года в Париже. В картине «Идиллия», которая изображает молодых людей, отдыхающих в тени деревьев, еще чувствуется зависимость от академических принципов живописи и не ощущается полного единения изображения моделей и природного фона-окружения. Но уже летом следующего года художник создает в Финляндии картину, получившую название «Похороны ребенка», в которой художнику удалось достигнуть ощущения наполненности пространства воздухом и солнечным светом. Почти вся работа была выполнена на пленэре, однако завершающий этап был реализован в парижской мастерской. Салон в 1880 году наградил Эдельфельта за эту картину медалью 3-го класса (при этом он был единственным скандинавским художником, который получил тогда подобную награду). И хотя реалистическая пленэрная живопись с понятным всем сюжетом встретила в конце 1870-х годов некоторое сопротивление со стороны финских зрителей, все же выбор дальнейшего направления пути Эдельфельтом уже был сделан.

Весной 1882 года Салон принял выполненную Эдельфельтом в Финляндии картину «Богослужение на архипелаге Уусимаа», за которую ему была присуждена медаль 2-го класса. Эта работа была приобретена в художественную коллекцию Франции. Две медали, полученные в Салоне, позволяли теперь Эдельфельту посылать туда свои работы без предварительного представления их жюри. В этом же году он участвовал в международная выставке в галерее Жоржа Пти, которая была нацелена на знакомство с экспонируемыми картинами богатых и влиятельных покупателей-коллекционеров.

В последующие годы Эдельфельт продолжает успешно работать в Финляндии на открытом воздухе. Высокую оценку в Салоне и на родине художника получили картины «На море» (1883; была рассмотрена как лучшая скандинавская работа выставки) и «Женщины у церкви в Руоколаhti» (1887)⁴.

В большей степени решение проблем взаимодействия воздуха, света и окружающей среды нашло свое выражение в картине «Люксембургский сад». Работа над ней началась в 1886 году в Париже. Сохранились подготовительные этюды и рисунки к картине, свидетельствующие о долгом и временами мучительном процессе работы над композицией, образами, разработкой архитектурного и природного фона произведения, а также определением роли в пространстве расстилающейся по земле тени от листвы деревьев. В манере исполнения возможно заметить различия, соответствующие разным этапам работы над картиной, — художник начал свою работу в Париже, продолжил ее в Финляндии, а завершил, вернувшись в Париж⁵.

Эдельфельт не успел закончить «Люксембургский сад» в срок к Салону 1887 года и выставил картину в галерее Жоржа Пти. Произведение ожидал успех, но сам художник был озадачен и огорчен одним обстоятельством. Он был вполне уверен, что добился в картине сочности и яркости красок солнечного дня, но когда увидел свою работу в окружении многочисленных работ импрессионистов, она вдруг показалась ему серой и тусклой. Воплощение принципов пленэрной живописи происходило у финского художника совершенно по-другому.

В связи с общей эволюцией творчества Эдельфельта в Париже прослеживаются изменения, которые произошли в развитии портретного искусства художника. Прежде всего они выразились в переходе от женских портретов-образов (им может быть посвящено отдельное исследование — так они многочисленны и разнообразны) к изображению известных деятелей науки и культуры.

К числу первых можно отнести картины «Девушка с черешней» (1879), «Портрет девушки с кошкой» (1881), «Читающая парижанка» (1880) и такие работы, как «В мастерской художника» (1881), «За пианино» (1884), «Женщина с зонтом» (1886), «Девушка, пишущая письмо. Ответ» (1887).

1885 год был ознаменован появлением работы совершенно иного характера — портрета французского микробиолога и химика Луи Пастера⁶, изображенного в привычной для него рабочей обстановке в своей лаборатории. Мастеру удалось создать синтез образа конкретного человека и образа знаменитого ученого, ощущающего всю важность своих открытий и экспериментов. Портрет имел огромный успех в Парижском Салоне 1885 года, где одновременно было выставлено еще одно изображение Пастера, выполненное французским художником Леоном Бонна. Работа Эдельфельта была признана более удачной и приобретена французским правительством. Вскоре после этого, в 1886 году, Эдельфельт стал членом ордена Почетного легиона. Следует отметить, что личное знакомство финского художника с Луи Пастером, предположительно, могло повлиять на осуществление встречи известного французского ученого с великим князем Владимиром Александровичем⁷.

Портрет Пастера положил начало созданию целой галереи портретов выдающихся личностей, изображенных в привычном окружении или в профессиональной среде. К ним можно отнести портреты известного ассистента и помощника Луи Пастера Эмиля Ру (1896); скульптора Вилле Вальгрена с женой (1886); писателя, поэта и историка Захариаса Топелиуса (1889); оперной певицы Айно Акте (1901); профессора медицины Иоганна Вильгельма Рунеберга (1902); композитора Роберта Каянуса (1905). Решенные по-разному, они в то же время, несомненно, могут составить единый цикл изображений.

Эдельфельт принимал активное участие в культурной жизни французской столицы. Экспонирование живописных работ на выставках было лишь ее частью. Он получал заказы на иллюстрирование журналов и газет, встречался с французскими журналистами и художественными критиками, общался с такими мастерами, как П. Даньян-Бувре, Г. Куртуа, Ж. Бастьен-Лепаж, Дж. С. Сарджент. Эдельфельт являлся представителем иностранных художников в комитете открытой в 1882 году картинной галереи «Международная выставка» Жоржа Пти (в это же время в качестве представителей Франции туда входили такие крупные художники, как К. Моне и О. Ренуар). А в 1893 году он был назначен членом жюри выставки, устроенной

Национальным обществом изящных искусств — новым художественным объединением Парижа, которое стало организатором салонных выставок.

В России Альберт Эдельфельт в первую очередь рассматривался как сложившийся европейский мастер, посредник, помогающий усвоению современных европейских художественных тенденций русскими художниками. В Петербурге, просвещенной культурной российской столице, в это время особенно четко прослеживается предпочтение, отдававшееся тем, кто прошел обучение и достиг успеха за границей, особенно в таком художественном центре, как Париж. Тем важнее представляется фигура Эдельфельта: до него личного общения такого уровня между русскими художниками и финскими практически не было.

Длительная связь финского мастера с Императорской Академией художеств началась в 1878 году, когда ему было присуждено звание почетного вольного общника. Этот год был ознаменован успехом первой выставленной от Петербургской академии картины Эдельфельта в Парижском Салоне — «Королева Бланка». С этого момента творчество художника и его жизнь в Париже привлекают особое внимание академии.

В 1881 году, после удачного показа во Франции картины «Похороны ребенка» (это произведение затем будет приобретено для частной коллекции в Москве), он отправляется в Санкт-Петербург, чтобы представить свои работы на звание академика. В ноябре 1881 года Эдельфельт назначается действительным членом академии и получает возможность лично представлять свои работы ее главе — великому князю Владимиру Александровичу.

В этом же году Эдельфельтом были созданы заказные портреты сыновей президента академии. Установились отношения с императорским двором, члены которого стали заказывать художнику портреты и приобретать уже созданные им картины. Так, императрица Мария Федоровна заказала ему двойной портрет детей — Ксении и Михаила. Работа шла в Гатчинском дворце, где располагалась императорская семья после событий марта 1881 года. Вскоре произошла встреча Эдельфельта с императором Александром III, который приобрел картину «Добрые друзья» (портрет сестры художника Берты с собакой)⁸. Нельзя также не отметить, что в Царском Селе была организована персональная выставка работ Эдельфельта для семьи императора.

В 1882 году Эдельфельт завершает работу над портретом детей Александра III, выполняет заказной портрет В.И. Мятлевой-Бибиковой (портрет экспонировался в Салоне 1882 года, в настоящее время находится в собрании ГМИИ им. А.С. Пушкина), участвует в организации художественно-промыш-

ленной выставки в Москве, в связи с чем в следующем году награждается орденом Св. Анны III степени. Летом 1885 года экспонировавшаяся в галерее Жоржа Пти картина «Мальчики, играющие на берегу» (написанная в Финляндии), стала собственностью императрицы Марии Федоровны, а в начале 1889 года повторение картины «На море» было приобретено Александром III.

В 1889 году финским художником были выполнены еще две работы для императорской фамилии — сцены, связанные с жизнью Копенгагенского порта. Одна из них была заказана Александром III для императорского дворца в Хельсинки, другая — Марией Федоровной.

1896 год связан с несколькими важными событиями в жизни художника. Во-первых, создание официального парадного портрета нового русского императора Николая II для Императорского университета Хельсинки и выполнение камерного портрета для подарка императрице. Во-вторых, участие вместе с другими академиками (как официальный художник) по приглашению вице-президента графа И. И. Толстого в отображении торжественного события — коронации Николая II и Александры Федоровны в Москве. Последним произведением, выполненным Эдельфельтом для императорского двора, стал заказанный в 1898 году финским сенатом конный портрет Николая II.

Еще два знаменательных события, относящихся к 1896 году, — участие Эдельфельта в академической выставке (где было представлено 19 его работ) и знакомство с С. П. Дягилевым, который в этом же году посвятил ему статью, связанную с этой выставкой, — «Финляндский художник Эдельфельт». В ней он отметил, что «среди иностранных живописцев этот мастер почему-то считается русским художником... мы же привыкли видеть в нем скорее западника, так как вся его художественная слава создавалась Парижем и утвердилась Мюнхеном»⁹. В статье «Европейские выставки и русские художники» (1896) Дягилев обращается к событиям 1896 года, когда на двух крупных выставках Европы — в Берлине и Мюнхене — был представлен русский отдел. Из него, по мнению критика, заслуживали внимания лишь Репин и пожелавший участвовать в русском отделе Эдельфельт. В этой же статье Дягилев приводит важный фрагмент его разговора с французским живописцем Даньян-Бувре: «Как вы до сих пор не удержали у себя Эдельфельта, ведь за него вам надо ухватиться, другого такого талантливого и знающего профессора вам не найти»¹⁰. Так же считали многие художники в России.

И в 1897 году Эдельфельту, прибывшему на открытие Скандинавской выставки Дягилева, было официально предложено звание профессора

в Петербургской академии художеств. Предложение было повторено в следующем, 1898 году, но Эдельфельт по ряду причин дважды от него отказался, хотя осознавал его важность и рассматривал его как большую честь.

Участие Эдельфельта в выставках и мероприятиях Дягилева означало в более широком смысле и помощь в осуществлении программы «европеизации» русской художественной культуры, и одновременную поддержку в поисках национального самовыражения. То противопоставляя, то отождествляя искусство Эдельфельта с европейским, русские художники стремились через него не только ближе познакомиться с современными тенденциями и течениями искусства Европы, но также найти практические решения для волновавших их проблем дальнейшего развития русского искусства.

Одним из самых ярких моментов совместной деятельности Эдельфельта и Дягилева стала выставка русских и финляндских художников, состоявшаяся в январе 1898 года в училище барона А.Л. Штигилица в Петербурге. Она расценивалась как первая выставка объединения «Мира искусства» и носила программный характер. Там представлялись работы 21 русского и 10 финских художников. В финской части выставки наиболее широко — шестнадцатью работами — был представлен Эдельфельт. Он был одним из художников, получивших единодушную поддержку русской публики и критики. Об Эдельфельте и его творчестве оставлено много разных воспоминаний и заметок его современниками: А.Н. Бенуа, И.Э. Грабарем, Д.В. Филоосовым, В.В. Стасовым, М. Горьким и А.П. Остроумовой-Лебедевой.

После удачного завершения выставки в конце 1898 года создается журнал «Мир искусства», в первом номере которого Дягилев широко представил искусство Финляндии. В начале 1899 года была проведена международная выставка этого объединения в Петербурге. Но из-за обострения политических отношений между Россией и Финляндией в конце XIX — начале XX века связи на официальном уровне и прежнее сотрудничество с Дягилевым и его сподвижниками прекратились.

Последний раз Эдельфельт сотрудничал с русскими художниками во время проведения Всемирной парижской выставки 1900 года. Если художественное оформление павильона, несомненно, связано с таким выдающимся финским художником, как А. Галлен-Каллела, то ответственность за организаторскую деятельность во время создания финского павильона легла в основном на плечи Эдельфельта, который совместно с И.Е. Репиным выполнял обязанности комиссара русско-финского отдела.

Несмотря на то что Россия не позволяла Финляндии выставлять свои

работы как отдельную группу, Эдельфельту удалось через свои контакты и личный авторитет добиться отдельного места для финских художников, и впервые финский павильон был представлен самостоятельно. И хотя над его входом все же было написано «Русский отдел», слово «Финляндия» читалось на фризе стены выставочного пространства. Построенный по проекту молодых архитекторов Г. Гезеллиуса, Э. Сааринена и А. Линдгрена павильон для представления финской культуры был награжден гран-при и нашел живой отклик в печатной прессе.

Во время проведения выставки еще сильнее проявились противоречия между официальными представителями художественных кругов России и финскими художниками. Эдельфельту долгое время удавалось находить компромиссы в этой сложной ситуации, и в 1903 году он даже согласился занять пост председателя Финского художественного общества, но отношения между Россией и Финляндией ухудшались. Это, конечно, сильно огорчало финского мастера, и лишь в Париже он находил возможность продолжать спокойно работать над своими живописными произведениями.

Эдельфельт поддерживал связь с Парижем до конца своей жизни, которая трагически оборвалась в августе 1905 года, через месяц после того, как он вернулся из своей последней поездки во французскую столицу.

Своей родине Эдельфельт принес широкую славу, повысил статус финского художника в европейском художественном мире, а также способствовал утверждению независимости финского искусства и открыл новые пути его развития. Для России он был одновременно интересен и как представитель европейской художественной школы, и как носитель национальных финских народных идей, и как своеобразный посланец в Париже, где его часто принимали за русского художника. В свою очередь Франции было довольно лестно иметь такого талантливую ученика, который смог распространить плоды своего учения за границей, тем более в таких далеких странах, как Россия и Финляндия.

Альберт Эдельфельт — один из тех художников рубежа веков, которым Париж помог реализовать творческие силы, оказавшись в данном случае достаточными для влияния на культурную жизнь трех стран — Финляндии, России и Франции.

* * *

¹ Сюжет картины, к которому также обращался знаменитый финский писатель Захариас Топелиус, был взят из истории Скандинавии XIV века. Художник изобразил королеву Швеции и Норвегии Бланку Намурскую, играющую с сыном

Хааконом в одном из покоев замка. Разделяя мнение своего учителя Жерома, Эдельфельт уделил достаточно большое внимание подготовке материалов для картины, которые помогли ему достичь достоверности в изображении обстановки происходящего. Художник внимательно изучал по книгам Виолле-ле-Дюка средневековую архитектуру и предметы интерьера, а в Музее Клуни зарисовывал предметы, артефакты и изделия времен Средневековья (см.: Albert Edelfelt. 1854–1905. Jubilee Book. Leena Ahtola-Moorhouse. Ateneum National Gallery. Helsinki, 2004. P. 39). Немаловажным для художника стал тот факт, что «Королева Бланка» была приобретена А.К. Демидовой-Карамзиной, широко известной в Хельсинки (см.: Albert Edelfelt. 1854–1905. Jubilee Book. Leena Ahtola-Moorhouse. Ateneum National Gallery. Helsinki, 2004. P. 67).

² Картина стала обращением к событию времен правления шведской династии Васа. Эта тема, давно волновавшая художника, была одобрена З. Топелиусом и, более того, рекомендована для воплощения историческим живописцам (см.: *Kallio Rakel, Siven Douglas*. Albert Edelfelt. 1854–1905. Jyväskylä: Gummerus Kirjapaino Oy, 2004. P.68). В художественной трактовке этого исторического сюжета (контрастный колорит, выраженная светотеневая моделировка, использование эффектных жестов и поз фигур) чувствуется влияние Жана-Поля Лоренса. В Финляндии это произведение, признанное высоким достижением финской реалистической исторической живописи, было приобретено в коллекцию Финского художественного общества.

³ Сюжетом для «Сожженной деревни» стало Крестьянское восстание 1596–1597 годов в Западной Финляндии (так называемая «война дубинок»). Эдельфельт, вернувшись на время в Финляндию, вместе с А. фон Беккером совершил небольшую поездку по Иматре и Яаски, знакомясь с местным народом, делая подготовительные зарисовки и наброски. После этой картины Эдельфельт не возвращался к исполнению крупных исторических работ до 1905 года, когда он приступил к выполнению живописных росписей в актовом зале Университета в Хельсинки.

⁴ Создание этой картины было связано с усилением национального течения в искусстве и появлением работ Аксели Галлен-Каллелы, которые получили живой отклик критики и зрителей. В произведении «Женщины у церкви в Руоколахти» Эдельфельт возобновляет изучение народной темы, обращается к более ярким и колоритным персонажам. Была выполнена в Хайкко на основании созданных во время поездки в Восточную Финляндию этюдов, эскизов и фотографий, а также портретных изображений местных жителей. Картина получила положительные оценки в Салоне, больше всех ее выделил Ж.-Л.-Э. Месонье, который находил ее «очень красивой» (см.: *Kallio Rakel, Siven Douglas*. Albert Edelfelt. 1854–1905. Jyväskylä: Gummerus Kirjapaino Oy, 2004. P. 117). Восхищение работа вызвала и на родине художника, где была названа одним из самых правдивых изображений финского народа.

⁵ Во время создания этой работы Эдельфельту выдалась возможность воспользоваться услугами мастерской Даньяна-Бувре, в том числе застекленным помеще-

нием и задником с нарисованными на нем зданиями. Благодаря ей Эдельфельт смог помещать модели на открытом воздухе в саду, а сам работать внутри мастерской, при этом не теряя ощущения живого света и имея выгодное положение для восприятия в нем фигурных композиций (см.: *Kallio Rakel, Siven Douglas. Albert Edelfelt. 1854–1905. Jyväskylä: Gummerus Kirjapaino Oy, 2004. P. 131*).

⁶ Эдельфельт был знаком с его сыном, художественным критиком Жаном-Батистом Пастером, и часто посещал их дом. После того как художнику было предложено создать портрет ученого, он стал настоящим другом семьи Пастеров и получил возможность погрузиться в атмосферу жизни этого выдающегося человека, узнать его характер и привычки. Следует отметить, что в юности Луи Пастер занимался живописью и при продолжении занятий смог бы достигнуть большого успеха в этой области. Возможно, этот факт послужил одной из причин заинтересованности модели в создании портрета, проявлявшейся не только в терпеливом позировании, но и в некоторых замечаниях-советах по поводу композиции создаваемого произведения (см.: *Kallio Rakel, Siven Douglas. Albert Edelfelt. 1854–1905. Jyväskylä: Gummerus Kirjapaino Oy, 2004. P. 151*).

⁷ См.: *Суворова Л.В. Портрет Луи Пастера сквозь призму обстоятельств // Проблемы развития зарубежного искусства: материалы Науч. конф., посвящ. 100-летию со дня рождения М.В. Доброклонского. СПб., 2007. С. 167–173.*

⁸ Эта картина была обещана Эдельфельтом лондонскому коллекционеру, в связи с чем великому князю Владимиру Александровичу пришлось отказать в ее приобретении. Однако после того, как желание приобрести эту работу высказал император Александр III, Эдельфельт для первого заказчика выполнил копию картины.

⁹ Сергей Дягилев и русское искусство: в 2 т. / авт.-сост. И.С. Зильберштейн, В.А. Самков. М., 1982. Т. 1. С. 51–52.

¹⁰ Там же. С. 54.

Т. К. Михалкова

К ЮБИЛЕЮ ФИНСКОЙ ХУДОЖНИЦЫ ХЕЛЕНЫ ШЕРФБЕК

С 1 июня по 14 октября 2012 года в художественном музее «Атенеум» в Хельсинки была открыта выставка работ финской художницы Хелены Шерфбек (1862, Хельсинки — 1946, Сальтшебаден, Швеция). Финны утверждают, что на сегодняшний день Шерфбек является самой известной финской художницей в мире. 2012-й был объявлен в Финляндии годом Хелены Шерфбек — так финны отмечали 150-летие со дня рождения своей

Хелена Шерфбек, автопортрет. 1885 год

знаменитой соотечественницы. Куратором всех связанных с именем Шерфбек мероприятий выступила бывший президент Финляндии Тарья Халонен, которая сама не только увлекается рисованием, но и неплохо разбирается в живописи.

«Золотой век» финской живописи украшен именами таких мастеров, как Аксели Галлен-Каллела, Альберт Эдельфельт, Ээро Ярнефельт. Однако в настоящее время происходит смещение акцентов, и в этой связи неожиданно раскрылось имя Хелены Шерфбек. Современники Хелены по-разному относились к ее творчеству, А. Галлен-Каллела, например, — весьма снисходительно (он называл Шерфбек *netti* — «девочка»). Тем не менее сегодня некоторые произведения этой «девочки» оцениваются намного дороже, чем многие работы прославленного мэтра. Так, картина Шерфбек «Бальные туфли» (1882) была продана на аукционе «Сотбис» за 4 млн евро (для сравнения: приблизительная стоимость работы Галлен-Каллела — 400 тыс. евро). Сейчас финны возводят Шерфбек в ранг гения, рождающегося в стране раз в сто лет.

Обратимся к выставке полотен художницы в «Атенеуме» — это первая экспозиция Хелены Шерфбек в Финляндии подобного масштаба. На ней представлено более 300 произведений (а всего художницей создано около тысячи), отражавших разные периоды ее творчества.

Биографическая канва Шерфбек не была расшита яркими узорами. Несколько раз она пыталась устроить свою личную жизнь, но по разным причинам это не удавалось. Много времени и сил отнял уход за престарелой матерью, для которой Хелена стала своего рода Золушкой. Мать Ольга умерла в 1929 году, когда художнице было уже 67 лет. Беззаветное служение матери породило множество ее портретов разных лет. На них обычно перед нами женщина в строгом длинном черном платье, сидящая на стуле, читающая или занятая шитьем, изображенная в профиль или со спины. Бродя по выставочным залам «Атенеума», можно проследить постепенное старение Ольги. Известно, что любимой моделью Шерфбек была она сама (художницей создано порядка 40 автопортретов), вторыми по значимости являлись портреты матери. Интересная деталь: если в автопортретах живописный язык художницы со временем становится все более условным, «упрощаясь» до нескольких штрихов, то портреты матери, наоборот, отличается ярко выраженная реалистическая манера исполнения — Шерфбек просто не может быть такой же беспощадной и жестокой к своей матери, какой она предстает в последние годы своей жизни по отношению к самой себе.

Признание на родине пришло к Шерфбек, лишь когда ей исполнилось пятьдесят (1913–1917) и было связано с именами трех мужчин. Прежде всего следует назвать владельца частной галереи в Хельсинки Йеста Стенманна, который осенью 1917 года помог организовать первую персональную выставку произведений Хелены Шерфбек, где было представлено 159 картин художницы. Примечательна также фигура писателя и критика Эйнара Ройтера: написанная им биография Шерфбек и сохранившаяся переписка Шерфбек и Ройтера — 11 тыс. писем — существенно повлияли на восприятие финской художницы публикой. И третий человек, которого мы могли бы в этой связи поблагодарить, — обладатель самой большой в мире частной коллекции работ Хелены Шерфбек банкир Ане Юлленберг. Пятьдесят лет Ане Юлленберг со своей женой Сигне создавали уникальное художественное собрание. При жизни супругов (оба умерли в 1977 году) коллекция включала 24 произведения Шерфбек, сейчас их 33. Вилла Юлленберг, к которой пристроена галерея, была открыта для публики как общедоступный художественный музей в 1980 году.

Если проследить жизненный путь Хелены Шерфбек с «географической» точки зрения, то на нем окажутся различные места в Финляндии, весьма короткий период пребывания в России (Великое княжество Финляндское входило в то время в состав Российской империи, и Шерфбек стажировалась в Петербурге, в Академии художеств, у П.П. Чистякова), Англия и Германия, Австрия и Италия, наконец, Швеция, где 23 января 1946 года оборвалась жизнь финской художницы.

Но, конечно, Шерфбек никогда не состоялась бы как творческая личность, ни оказалась она в Париже, в Академии Коларосси, и ни пройди она школу таких прославленных французских мастеров, как Ж.Л. Жером, Ж. Бастьен-Лепаж, П. Пюви де Шаван. Правда, «французская школа» нередко впоследствии вменялась художнице в вину — уж слишком очевидны были заимствования из нее.

Впервые Шерфбек приехала в Париж в 1880 году. Стипендию на поездку она получила от Сената Российской империи. Год спустя Хелена начала учебу в Академии Коларосси. В 1882 году вернулась в Финляндию. Вторая поездка во Францию состоялась в 1884-м и была очень успешной. В 1884–1885 годах Шерфбек приняла участие в известном парижском Весеннем салоне с картиной «Праздник в беседке из зелени». Эта работа ясно определила, кто является кумирами Шерфбек. Критика усматривала в ней параллели с произведениями Эдуарда Мане. Вообще же, следует сказать, что «вопрос влияний» — один из наиболее сложных в творчестве Шерфбек и достаточно малоизученных.

Имя Шерфбек не раз связывали с именами Дега («Бальные туфли», 1882, 1936), а также Сезанна («Зеленый натюрморт», 1930), Матисса («Красные яблоки», 1915), Уистлера («Работница», 1905, «Моя мать», 1909). Художница прошла сложный путь от исторических полотен начала 1880-х годов через натурализм к символизму и экспрессионизму.

Юбилейная выставка Шерфбек в «Атенеуме» начиналась в Большом зале второго этажа, куда ведет центральная лестница, помнящая еще шаги самой Хелены Шерфбек. Здесь представлены ранние работы художницы. Среди них выделяются «Раненый солдат» (1880) и картина «Мальчик, кормящий младшую сестру» (1881), написанная во Франции, Бретани, и вызывающая в памяти хорошо всем знакомые полотна художников-передвижников. Современники Шерфбек считали эту работу крайне натуралистичной, изображенные на картине дети назывались «некрасивыми и грубыми» — но именно *такой* увидела художница тогдашнюю жизнь «простых людей».

Совсем иной является работа «Бальные туфли», выполненная двумя годами позже. Если в предыдущем полотне художница сознательно принижает, огрубляет, упрощает действительность, то в «Бальных туфлях» — эффект совершенно обратный: эстетизированный образ девочки-подростка полон легкой грации и радостного предвкушения своего первого в жизни бала. Шерфбек позировала ее кузина Эстер Лупандер. Вскоре эта работа 1882 года получила прозвище «Кузнечик» — из-за длинных ног портретируемой. Худенькая и нескладная девочка, с торчащими коленками и тонкими руками, милым курносым детским личиком полна пробуждающейся женственности, надевает прелестные бальные туфельки с изяществом профессиональной танцовщицы. В данном произведении бесспорно угадывается сильное влияние Дега — в постановке модели, позе, жестах.

Кто же были моделями Хелены Шерфбек? Это окружавшие ее люди — родственники, друзья, соседи, хозяйка ее съемных квартир, прислуга, фабричные девушки, рабочие и работницы, швеи. Некоторых из них художница изобразила весьма нелюбезно. Шерфбек обычно не показывала портретируемым законченные работы — она считала, что тем самым может шокировать свои модели. Постепенно портретное сходство перестало быть определяющим в ее творчестве, изобразительный язык становился все более условным, однако при всей условности Шерфбек удается сохранить характерные именно для данной модели особенности.

Но самой любимой (и последней) моделью была сама художница.

Вот «Автопортрет» работы 1885 года (рис. 1). Нежное юное лицо (Хелене в то время 23), голубые глаза, неяркий румянец на щеках, русые во-

лосы — перед нами типичная жительница северной страны. Девушка проста, но не простовата. Она уверена в себе и готова встретить жизнь такой, какой она предстанет перед ней. Картина привлекает внимание своим жизнеутверждающим характером, стильной орехово-серо-зеленой цветовой гаммой — лицо девушки смело и открыто обращено к зрителю: ей нечего и некого бояться.

В «Автопортрете» 1915 года явно прослеживается тенденция ко все большей условности, Хелена не просто стала старше, по существу, уже и зрелые годы позади, ей 53, однако в этом «Автопортрете» нет еще и намека на тот беспощадный взгляд на себя, который отличает работы 1940-х годов, когда несколькими штрихами передается весь ужас предсмертного трагизма. Если в «Автопортрете» 1885 года все размыто, неопределенно, построено на полутонах, но светло, то в «Автопортрете» 1915 года все разграничено: черный фон, белый образ. Девическая челка уступила место высокому открытому лбу, черты лица стали резче, нежный овал сменила четкая контурная линия. Открытое и простодушное выражение лица стало несколько удивленным и вопрошающим — художница будто ждет от зрителя ответа, и глаза ее уже не наивно голубые, а поражают темной глубиной. «Автопортрет» 1915 года воспроизведен на афише и обложке буклета выставки, и такой выбор организаторов экспозиции представляется оправданным — это, безусловно, знаковая работа художницы.

В 1888 году картина Шерфбек «Выздоровливающая» («Выздоровливающий ребенок») была представлена на Парижском салоне. В 1889 году она получила медаль на Всемирной выставке в Париже. Сюжет картины не нов, однако художница сумела найти *свое* решение неоднозначно муссировавшейся темы. Еще не окрепший после долгой болезни, сидящий в подушках, в плетеном кресле ребенок подобен нежному и хрупкому цветку в кружке-вазочке, которую он бережно обнимает руками. Эта девочка — скорее всего сама художница, сохранившая память о своих детских годах. Взъерошенные негустые волосы, давно не стриженные, трогательными завитками обрамляют невинное милое личико с ясным, не просто светлым, но каким-то *просветленным* взглядом. Тяжелая долгая болезнь открыла юному существу такие глубины бытия, о которых оно и не подозревало. Но настрой картины оптимистичен: мы *верим*, что болезнь отступает, и что девочку в жизни ждет еще много радостей — это ощущение передается и позой, и выражением лица ребенка — радостно-вопрошающим, и самой обстановкой комнаты, где все предметы становятся вдруг *веселыми* благодаря играющим на них солнечным бликам. Весна — пора надежд.

Эта картина мгновенно сделала Шерфбек знаменитой, однако в 1890 году художница возвращается в Финляндию, где ведет достаточно замкнутый образ жизни. Она уезжает из Хельсинки, и с 1902 по 1925 год живет в местечке Хювинкяя, а в 1925-м переезжает в Таммисаари. Там Шерфбек прожила до 1941 года. Зимняя война 1939–1941 годов и последующие события Второй мировой войны резко обострили отношения в среде финской художественной интеллигенции, и в 1944 году Йеста Стенманн организовал переезд Шерфбек в Швецию, в гостиницу в местечке Сальтшебаден, недалеко от Стокгольма, где художница и скончалась в январе 1946 года.

9 февраля в церкви на Старом кладбище города Хельсинки прошла прощальная церемония, организованная Бертой и Йестой Стенманнами, после чего племянник Хелены Шерфбек Монс Шерфбек опустил урну с прахом художницы в родовую усыпальницу.

Юбилейная выставка Хелены Шерфбек в музее «Атенеум» породила настоящий синтез искусств: танцевальный спектакль «ХШ» — одночасовое семейное представление по мотивам картин и творческой биографии художницы, в котором, в частности, было использовано ее обширное эпистолярное наследие; ночь искусств в ресторане «Табло Атенеум», где звучала музыка эпохи Хелены Шерфбек; фестиваль «Перекрестные течения» — диалог изобразительного искусства и музыки, с участием финских музыкантов и гостей из Швейцарии и Италии. В экспозиционных залах демонстрировались документальные фильмы. Был воспроизведен уголок мастерской художницы (мольберт, мебель, знаменитое кресло-качалка, фигурирующее на многих полотнах Шерфбек). В книжном магазинчике, на первом этаже, можно было приобрести тематически связанную с экспозицией сувенирную продукцию, книги о творчестве Шерфбек на финском, шведском и английском языках, репрезентативный каталог выставки.

Отношение финнов к Шерфбек понятно — это национальное достояние, национальная гордость. Но не все зарубежные искусствоведы, в частности российские, разделяют это мнение, считая творчество финской художницы достаточно подражательным. Однако, судя по заполненным в дни работы экспозиции залам «Атенеума» и восторженным отзывам в Интернете, посетители выставки не остались равнодушными к вновь открытому таланту. Смею присоединить к ним и свой голос и хочу закончить этот краткий экскурс столь же коротким стихотворением, которое родилось у меня в процессе работы над данным материалом. В нем я касаюсь картины Шерфбек «Бальные туфли» и одного из последних портретов матери художницы.

На выставке Хелены Шерфбек

...Ты бальные туфли надела,
Коленки торчат неумело,
Зовут тебя просто «кузнечик»,
Нескладный ты мой человечек.

На выставке я не случайно,
Какая-то видится тайна
В размытых созвучьях портретов,
А было ли, БЫЛО ЛИ это?

В музее сейчас многолюдно,
И слышится русское «Чудно!
Открыли мы новое имя...»
Как финны гордятся своими
Пусть малыми, но мастерами...
В массивной окрашенной раме
Лик женщины старой... Морщины,
Ввалившийся рот и седины

Лица твоего «украшенье»...
Все новые ищет решенья
Художник, не знающий тлена...
Плита на могиле: «Хелена».

Л. Э. Сулягина

АРТУР ХАЗЕЛИУС И ВАСИЛИЙ РАДЛОВ. ПО СЛЕДАМ МУЗЕЙНОЙ ПЕРЕПИСКИ

*В небе блестит тонкая полоска —
след небольшой птицы,
Маленький порог времени...
Дыхание — движение.
Может быть, совсем не видно, что мы проходим.*
(Йоран Сонневи, пер. Е. Самуэльсон)

В начале XIX столетия в Скандинавских странах возрос интерес ко всему народному и самобытному. В 1811 году на заседании шведского общества “Gotiska Forbundet” (Стокгольм) была сформулирована идея скандинавского единства. Члены этого общества утверждали, что их предками были готы (йоты), и своей основной задачей считали изучение старых саг и преданий¹.

В 60-х и 70-х годах XIX века в университетской среде Лунда, Уппсалы, Копенгагена и Кристиании (прежнее название Осло. — Л.С.) возникали «неоготические» студенческие кружки, где в непринужденной атмосфере студенты и преподаватели читали отрывки из «Старшей Эдды», пили за процветание Скандинавских стран из имитированного серебряного рога, выполненного в древнем северном стиле «драконов»². Среди этих молодых людей был и *Артур Хазелиус* (1933–1901) — будущий основатель Северного музея и знаменитого «Скансена» — Open-Air Museum. У истоков идеи создания Музея Северных стран были и представители Шведского географического общества, Геологического института, университетской библиотеки г. Лунда. Но именно А. Хазелиус воплотил эту идею в реальность, начав 24 октября 1873 года осуществлять свою мечту³.

В библиотеке МАЭ РАН хранится редкий альбом с рисунками и чертежами Исака Густава Класона, шведского архитектора и автора проекта строительства Музея Северных стран в Стокгольме, или Северного музея (Nordiska museet). Альбом⁴, изданный в 1891 году в Стокгольме, был подарен **Василию Васильевичу Радлову** (1937–1918) Артуром Хазелиусом. На первой странице альбома, в верхнем правом углу, — дарственная надпись А. Хазелиуса директору В. Радлову, а в центральной части заглавного листа — эмблема с античным девизом: «*Познай самого себя*» (в шведском варианте альбома — «*Познай себя сам*». — Л.С.).

Возникает вопрос: в каком году В.В. Радлов получил этот альбом? Известно, что Василий Васильевич Радлов приезжал в Стокгольм в 1907 году, когда окончательно был достроен Северный музей. Артур Хазелиус умер в 1901 году. Видимо, еще в конце XIX века этот альбом с чертежами и рисунками будущего Северного музея был передан академику В.В. Радлову. Биографы не упоминают об иной поездке академика Радлова на рубеже XIX–XX веков в Швецию. В статье «Академик В.В. Радлов — востоковед и музеевед (основные этапы деятельности)»⁵ А.М. Решетов пишет о том, что Радлов в 1891 году возглавил Орхонскую экспедицию в Северную Монголию. В 1894 году В.В. Радлов становится директором Музея антропологии Императорской академии наук. Радлова очень интересовала деятельность европейских коллег по созданию нового типа открытых этнографических музеев и музея человека, чем собственно и занимался Артур Хазелиус.

В 1902 году В.В. Радлов положил начало библиотеке МАЭ, подарив Музею свое обширное книжное собрание⁶. Причем сохранились два каталога Северного музея, изданные в Стокгольме в 1881 и 1888 годах, с гербовой печатью Музея антропологии Императорской академии наук. Кроме того, из поездки по Северной Европе академик Радлов привез фотографии и почтовые карточки с видами Стокгольма, Скансена и интерьеров Северного музея.

В.В. Радлов не только переписывался с А. Хазелиусом, дружил с его сыном Гунаром, но и внимательно следил за выдающимися достижениями шведов в области музейного дела. Работа с документами личного дела академика Радлова в Санкт-Петербургском филиале Архива РАН (Ф. 170 и 142) не дала результатов, касающихся переписки Хазелиуса и Радлова⁷; пока мы не можем точно ответить на вопрос, когда А. Хазелиус написал дарственные строки В.В. Радлову.

В мае 2012 года автор статьи в рамках командировки МАЭ РАН посетила Архив Северного музея. *Цель поездки* состояла в изучении документов

и материалов, связанных с перепиской академика В.В. Радлова и директора Северного музея А. Хазелиуса в конце XIX — начале XX века, а также выяснении датировки и обстоятельств передачи редких изданий и каталогов Северного музея в Санкт-Петербург, директору Императорского музея этнографии и антропологии академику В.В. Радлову.

Архив Северного музея начал формироваться в 1917–1918 годах⁸. Тогда у архива не было специального здания, поэтому документы, связанные с историей создания музея и деятельностью А. Хазелиуса, хранились в здании Nordiska museet. В 1992 году Архив Северного музея переехал в здание Шведского военного архива в Стокгольме (Swedish Military Archives, Stockholm), а в 1996 году под архив были выделены специальные помещения в здании Военного архива (Stockholm, Linnengatan, 89 C). С этого времени архив Nordiska museet принимает не только скандинавских исследователей, но и ученых из разных стран.

В архиве в процессе работы с документами фонда Артура Хазелиуса обнаружился ряд его интересных писем русским коллегам в Россию, а также письма наших соотечественников в Стокгольм⁹. Переписка велась по поводу обмена литературой, связанной с деятельностью ведущих научно-исследовательских, образовательных и музейных учреждений. Папка с документами по переписке Артура Хазелиуса в архиве Северного музея обозначена следующим образом¹⁰: “**Fond of Artur Hazelius. Nordiska museet/Och/Nm:5. E 4B:2–Russland**”.

Отдельная папка “**Fond of Artur Hazelius**” хранит переписку Хазелиуса с музеями и библиотеками Осло (Кристианин. — Л.С.), Копенгагена, Будапешта, Праги, Зальцбурга, Бергена, Тромсё, Трондхейма и другими учреждениями городов Европы. В фонд входят документы, связанные с созданием музейных коллекций, сбором литературы, хранится частная переписка Хазелиуса с коллегами из других учреждений, приглашения на мероприятия. В папке “**Russland**” содержится корреспонденция А. Хазелиуса, его переписка с адресатами из России.

Среди многочисленных писем, почтовых карточек того времени в архивном деле “Nordiska museet” хранится приглашение на имя А. Хазелиуса в Москву на 2-й Международный конгресс любителей естествознания, антропологов, этнографов и археологов, отправленное в 1892 году, на русском и французском языках¹¹. Международный конгресс, организованный Императорским обществом любителей естествознания, антропологии и этнографии при Политехническом музее, проходил в августе 1892 года в Москве. На конгресс были приглашены многие известные европейские

ученые, в том числе и Артур Хазелиус. В приглашении, хранящемся в Архиве Северного музея, содержится не только информация о работе конгресса, но и собственно требования к формату публикаций и форме доклада. Патроном конгресса был Великий князь Константин Николаевич. В архиве сохранилась переписка А. Хазелиуса с Президентом Императорского общества любителей естествознания, антропологии и этнографии, профессором Дмитрием Николаевичем Анучиным¹².

Приглашение на 2-й конгресс Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии отправил А. Хазелиусу Анатолий Богданов. В августе 1892 года А.П. Богданов возглавлял Организационный комитет конгресса и активно участвовал в организации и проведении в Москве еще двух международных съездов ученых — XI Конгресса по доисторической археологии и антропологии и II Зоологического конгресса.

Но прежде всего коллеги из Архива “Nordiska museet” показали мне письмо графа И.И. Толстого А. Хазелиусу, написанное на немецком языке, которое было отправлено А. Хазелиусу из Москвы 24 ноября 1899 года¹³. Сотрудники архива полагали, что это письмо отправил Лев Николаевич Толстой. Однако при переводе выяснилось, что письмо А. Хазелиусу писал помощник председателя Императорского Русского археологического общества Иван Иванович Толстой. В письме граф И.И. Толстой предлагает А. Хазелиусу обмениваться литературой в области археологии, нумизматики и музейного дела.

Граф И.И. Толстой (1858–1916) — сын графа Ивана Матвеевича, отец академика И.И. Толстого — был не только известным государственным деятелем — министром народного просвещения Российской империи в 1905–1906 годах, городской головой Петербурга–Петрограда в 1912–1916 годах, но и профессиональным нумизматом и археологом. В 1889 году И.И. Толстой был назначен конференц-секретарем Императорской Академии художеств, а в 1893 году — ее вице-президентом. Он принимал деятельное участие в составлении нового устава академии и в коренном ее преобразовании. Толстой способствовал созданию Русского музея императора Александра III в Санкт-Петербурге. С 1885 по 1890 год И.И. Толстой был секретарем Императорского Русского археологического общества, а с 1899 года состоял помощником председателя этого общества. Именно в это время граф И.И. Толстой пишет А. Хазелиусу письмо, касающееся обмена литературой, где перечисляет отправленные в Северный музей книги¹⁴. Кроме прочего, в списке литературы указывались биография художника В. Поленова, книги по истории Новгорода, архитектуре Павлов-

ска, Египта, издания по истории Востока и т.д. В 1911 году граф И.И. Толстой становится председателем Российского общества нумизматов.

Переписка А. Хазелиуса со многими научными учреждениями не только Санкт-Петербурга и Москвы, но и других городов Российской империи свидетельствует о том, что открытие Северного музея имело в России колоссальный резонанс. А. Хазелиус переписывался с Румянцевским музеем, РЭМ, Политехническим музеем в Москве, Русским географическим обществом и другими учреждениями¹⁵. Московское педагогическое общество обратилось к А. Хазелиусу с просьбой прислать литературу по истории создания и экспозиции Северного музея.

Следует учитывать тот факт, что интерес в России к скандинавской культуре на рубеже XIX–XX веков был огромен. В архиве Северного музея хранятся письма из Оренбурга, Омска, Тобольска. К примеру, письмо из Оренбургского отдела Императорского географического общества содержит предложение переписки и обмена научно-исследовательской литературой. В письме от 15 сентября 1897 года хранитель Тобольского губернского музея Николай Лукич Скалозубов просит прислать литературу из Швеции о создании и работе Северного музея и Скансена¹⁶. Письмо Русского археологического общества от 18 ноября 1896 года под № 567 содержит список книг и каталогов, отправленных в библиотеку Северного музея¹⁷. В архиве также сохранилось приглашение А. Хазелиусу на прием к Великому князю Константину Николаевичу от 12 января 1892 года¹⁸.

Что касается конкретной переписки А. Хазелиуса с академиком В.В. Радловым, то ее в архиве практически нет. В 1890-е годы Радлов активно занимался проблемами тюркологии, ездил в экспедиции; и только с 1894 года активно включился в музейную жизнь, задумался о перспективах развития Императорского музея антропологии и этнографии. Музей Северных стран в Стокгольме как новационный музей того времени стал примером не только для академика Радлова, но и для многих новаторов музейного дела. Можно предположить, что альбом с рисунками Густава Класона был послан Радлову по почте или передан в 1892 году, во время 2-го Международного конгресса любителей естествознания, антропологов, этнографов и археологов в Москве. О поездке Радлова в Стокгольм в Архиве Северного музея нет информации. Поэтому наш вопрос остается открытым.

В начале XX века, когда “Nordiska museet” возглавил преемник Артура Хазелиуса археолог Бернхард Салин (1861–1931), совет директоров музея решил издавать журнал “*Fataburen*”¹⁹. С 1906 года этот журнал начал в популярной форме рассказывать не только о работе уникального музея, но

и печатать публикации научных докладов его сотрудников. Название журнала связано со шведским словом “*Fatabur*”— **кладовая**, или, в русском значении, кладовка, где в прежние времена хранили одежду и другие вещи. Этимология этого слова уходит своими корнями в древние времена — так называли место для хранения посуды, одежды, вещей. Такая кладовая должна была служить безопасным местом от краж, в ней хранились ценные вещи всей семьи. Использование кладовых было характерно для крестьянских домов большинства провинций Швеции с конца XV — начала XVI века²⁰.

Да и сам Северный музей стал своеобразной сказочной кладовой, хранящей уникальное собрание коллекций по традиционной культуре Швеции. Становится понятным, почему Артур Хазелиус выбрал для себя и своей подвижнической деятельности античное изречение «Познай себя сам». Он считал, что познавать следует не только самого себя как личность, но прежде всего свой народ, его культуру, язык, традиции, обычаи и фольклор. Именно поэтому Северный музей позиционировался как важный инструмент в воспитании национального самосознания²¹.

Журнал “*Fataburen*” пересылался в музеи России, в том числе и в петербургскую Кунсткамеру. Документы об отправке журнала “*Fataburen*”, каталогов Северного музея в Петербург, Императорский музей антропологии и этнографии, об обмене научной литературой между музеями сохранились в СПб. филиале Архива РАН (Ф. 142. Оп. 1. Д. 54, 58, 75). Подшивка журнала “*Fataburen*” до сих пор хранится в библиотеке МАЭ РАН.

В целом, следует отметить, что на рубеже XIX и XX столетий в странах Скандинавии активно развивалось движение за национальное самосознание, что способствовало созданию нового типа музеев, способных сохранить национальную культуру. Музей Северных стран стал пионером в этом направлении и подал пример многим странам мира, в том числе России. Огромная заслуга Артура Хазелиуса — в том, что он сумел почувствовать эпоху и воплотить свою мечту в реальность.

В ходе работы в Архиве Северного музея выяснилось, что между Северным музеем и Императорским музеем антропологии и этнографии велась регулярная переписка. Но документов, касающихся передачи альбома И.Г. Класона с автографом А. Хазелиуса академику В.В. Радлову, в архиве не сохранилось, однако есть материалы по переписке сотрудников Северного музея с библиотекой МАЭ.

Хочется отметить отличную организацию работы Архива Северного музея: удобное освещение, оборудование, систему хранения документов, климат-контроль, организацию мест для работы с документами и, конечно

же, гостеприимную атмосферу. Автор выражает сердечную благодарность директору Архива Северного музея господину Перу Густаву Далу за предоставленную возможность работать с документами Архива “Nordiska museet”. По теме этого исследования автор выступала с докладами на Радловских чтениях 2011 года, Скандинавских чтениях 2012 года, XV Международной конференции «Санкт-Петербург и страны Северной Европы», а также опубликовала следующие статьи: «Музей Северных стран. Интересные находки из личной библиотеки В.В. Радлова»²², «Музей как фактор национальной культуры. Из опыта шведских и российских музеев рубежа XIX–XX столетий»²³, «Артур Хазелиус и Василий Радлов. Поиски парадигмы нового музейного пространства на рубеже XIX–XX столетий»²⁴.

* * *

¹ *Видар Хален*. Драконы с Севера: пер. Н. Будур. URL: http://www.norge.ru/vidar_halen.

² Там же.

³ Nordiska museet under 125 ar. Stockholm, 1998. P. 8.

⁴ *Hazelius A.* Nordiska museet. Stockholm, 1891. P. 1.

⁵ *Решетов А.М.* Академик В.В. Радлов — востоковед и музеевед (основные этапы деятельности) // Радловский сборник: Научные исследования и музейные проекты МАЭ РАН в 2001 г. / Отв. ред. Ю.К. Чистов. СПб., 2002. С. 98–100.

⁶ *Шрадер Т.А.* Европейская коллекция В.В. Радлова в фондах МАЭ РАН // Радловский сборник: Научные исследования и музейные проекты МАЭ РАН в 2001 г. / Отв. ред. Ю.К. Чистов. СПб., 2002. С. 141–145.

⁷ *Сутягина Л.Э.* Музей Северных стран. Интересные находки из личной библиотеки В.В. Радлова // Радловский сборник: Научные исследования и музейные проекты МАЭ РАН в 2011 г. / Отв. ред. Ю.К. Чистов. СПб., 2012. С. 26–29.

⁸ Nordiska museet under 125 ar. Stockholm, 1998. S. 486.

⁹ Archives of Nordiska museet. Stockholm / Fond of Artur Hazelius. Och/Nm:5.E 4B:2 — Russland. P. 1.

¹⁰ Ibid. P. 1.–2.

¹¹ Archives of Nordiska museet. Stockholm / Fond of Artur Hazelius. Nordiska museet/ Och/Nm:5. E 4B:2 — Russland. E 14. № 17. P. 2.–3.

¹² Ibid.

¹³ Fond of Artur Hazelius. Nordiska museet/ Och/Nm:5. E 4B:2 — Russland. E 14. № 17. P. 3.

¹⁴ Ibid.

¹⁵ Fond of Artur Hazelius. Nordiska museet/ Och/Nm:5. E 4B:2 — Russland. E 14. № 7. P. 2, 4/16.

¹⁶ Fond of Artur Hazelius. Nordiska museet/ Och/Nm:5. E 4B:2 — Russland. E 14. № 17. P. 7.

¹⁷ Ibid. P. 4–11.

¹⁸ Fond of Artur Hazelius. Nordiska museet/ Och/Nm:5. E 4B:2 — Russland. E 14. № 18. P. 3.

¹⁹ СПФ АРАН. Переписка МАЭ РАН. Ф. 142. Оп. 1. Д. 77. Л. 7, 61.

²⁰ URL: <http://sv.wikipedia.org/wiki/Fatabur>.

²¹ *Agotnes Jakob*. The ideology of the folk museums // Skansen 1891–1991. Stockholm, 1991. P. 73.

²² Сулягина Л.Э. Музей Северных стран. Интересные находки из личной библиотеки В.В. Радлова // Радловский сборник: Научные исследования и музейные проекты МАЭ РАН в 2011 г. / Отв. ред. Ю.К. Чистов. СПб., 2012. С. 26–29.

²³ Сулягина Л.Э. Музей как фактор национальной культуры. Из опыта шведских и российских музеев рубежа XIX–XX столетий // Русское поле: науч.-публицист. альманах. № 2. Красноярск, 2012. С. 122–128.

²⁴ Сулягина Л.Э. Артур Хазелиус и Василий Радлов. Поиски парадигмы нового музейного пространства на рубеже XIX–XX столетий // Сборник МАЭ. Т. 58: Европейское культурное пространство в коллекциях МАЭ. СПб., 2013. С. 51–60.

Ю. И. Мошник, М. В. Ефимов

**ПАУЛЬ НИКОЛАИ (1777–1866) —
РОССИЙСКИЙ ПОСОЛ В ДАНИИ
И ВЛАДЕЛЕЦ ВЫБОРГСКОГО ИМЕНИЯ МОНРЕПО
(к 235-летию со дня рождения)**

В 2012 году исполнилось 235 лет со дня рождения Пауля (Павла Андреевича) фон Николаи (5/16 июня 1777, Санкт-Петербург — 16/28 апреля 1866, Монрепо), крупного российского дипломата и владельца имения Монрепо в 1820–1866 годах.

Оставленный Паулем Николаи обширный архив до настоящего времени почти не исследован. Наши знания о биографии и личности этого человека по-прежнему фрагментарны и неполны¹; данное сообщение предлагает все еще вынужденно общий контур биографии П. Николаи.

В 1786 году, в восьмилетнем возрасте, Пауль был отправлен родителями, Людвигом Генрихом Николаи и Иоганной Маргаретой Николаи, в немецкий город Эйтин; Пауля в Германию повез хороший знакомый Николаи граф Фридрих Леопольд Штольберг. Штольберг был подданным Дании, несколько лет прослужил посланником князя-епископа Любекского в Копенгагене, позднее стал датским посланником при дворе Фридриха Великого. Возможно, именно во время этой поездки Пауль Николаи впервые услышал рассказ о Датском королевстве, с которым много лет спустя будет связана его дипломатическая карьера.

В Эйтине П. Николаи получал образование под руководством выдающегося немецкого поэта и переводчика И.Г. Фосса и жил в его доме на правах члена семьи². Отец Пауля, Людвиг Генрих, вел оживленную переписку с сыном и его учителем. О характере отношений между семьями Николаи и Фосса свидетельствуют, в частности, письма Л.Г. Николаи к сыну Паулю

во время пребывания последнего в Эйтингене³. После жизни в доме Фосса Пауль обучался в Эрлангенском университете (близ Нюрнберга)⁴.

Родители избрали для Пауля дипломатическую службу. Вся последующая биография Пауля свидетельствует о том, что этот выбор был верен: Пауль Николаи сделал блестящую дипломатическую карьеру. Первые десятилетия службы Пауля пришлись на годы Наполеоновских войн, изменивших весь строй европейской политической жизни.

В 1796 году он поступил на службу в Коллегию иностранных дел и был причислен к канцелярии вице-канцлера князя Алексея Борисовича Куракина (1752–1818). В январе 1800 года определен в российскую миссию в Лондоне, а уже в ноябре 1800-го назначен сверхштатным чиновником российской миссии в Копенгагене. С мая 1801 года Николаи — секретарь российской миссии в Лондоне; в 1802 году ему вследствие отъезда из Лондона российского посла пришлось исполнять в течение семи месяцев должность российского поверенного в делах (*chargé d'affaires*).

Во время пребывания в Англии Николаи служил под началом друга своего отца С.Р. Воронцова, российского посла в Лондоне. Как пишет Р. Кнапас, «[о]тчасти именно через посредство семьи Воронцовых Пауль Николаи познакомился в Лондоне со многими англичанами. Сын посла, Михаил Семенович Воронцов <...> был несколькими годами младше Пауля. Присутствие в библиотеке Монрепо томов, принадлежавших Михаилу Воронцову, по-своему свидетельствует о весьма тесных отношениях, установившихся между семьями. Некоторые книги библиотеки снабжены неожиданной владельческой надписью: “Breakfast Room, Wilton House”. Ключ к объяснению дает семья российского посла: дочь Семена Воронцова Екатерина была замужем за графом Пемброком, владельцем Уилтон Хаус. Пауль Николаи, вне всякого сомнения, часто посещал замок Уилтон Хаус, знаменитый своим обширным парком; возможно, он забывал вернуть книги, взятые почитать в замке, в комнате для завтрака»⁵. С сыном С.Р. Воронцова М.С. Воронцовым Пауля и в дальнейшем связывала многолетняя дружба⁶.

С августа 1804 года Пауль Николаи — советник российского посольства в Лондоне⁷. В 1805–1806 годах ему в продолжение почти целого года пришлось вновь исполнять должность российского поверенного в делах.

Жизнь в Англии дала Паулю возможность близко познакомиться и с английской литературой, и с английской теорией создания ландшафтных парков. Можно предположить, что именно в Англии зародился интерес П. Николаи к художественному направлению неоготики, нашедшему впо-

следствии отражение в имении Монрепо (въездные ворота, капелла Людвигсбург).

В 1808 году П. Николаи находился на службе в Коллегии иностранных дел. 24 февраля 1810 года Николаи был назначен полномочным комиссаром для размежевания земель между Россией и Швецией. Пауль «воспользовался этим, чтобы установить связи с представителями местного общества. В архиве поместья сохранились письма на французском языке Матиаса Кастрена и на латинском языке Матиаса Колстрёма, которые были лютеранскими пасторами соответственно в Кеми и Муонио»⁸.

В июле 1811 года Николаи назначен советником посольства в Стокгольме с возложением на него обязанностей поверенного в делах. В декабре того же 1811 года ему было пожаловано звание камер-юнкера.

В 1811 году произошло, пожалуй, важнейшее событие в личной жизни П. Николаи: он женился на принцессе Александрине-Симплиции де Бройль (Бройль) (1787–1824). По словам самого Пауля, Александрина была в их доме любимицей, и Людвиг Генрих относился к ней по-отечески. Женитьба на представительнице древнего аристократического рода из среды французских эмигрантов-роялистов, безусловно, повысила социальный статус семьи Николаи. Благодаря этому браку семья Николаи породнилась со многими знатными европейскими семьями. Свадьба Пауля и Александрины состоялась в 14/26 февраля 1811 года в Монрепо⁹.

30 августа 1812 года Николаи был переведен советником посольства в Лондон, где ему было поручено особенно ответственное и сложное в то время управление российским посольством в звании поверенного в делах. В июле 1814-го Николаи был произведен в действительные статские советники.

В мае 1816 года Пауль был назначен чрезвычайным посланником и полномочным министром в Копенгагене; в этой должности он оставался более тридцати лет, до 1847 года. В Дании родились его сыновья Николас Арманд Мишель, Людвиг Эрнст и Александр, дочь Симплиция.

Служба Пауля Николаи в качестве чрезвычайного посланника России в Копенгагене пришлась на сложный для Дании период государственных преобразований, экономического спада, ставшего следствием войны, и медленной стабилизации.

На фоне политических и экономических потрясений стремительно развивались датская литература и философия. Именно эти годы (1820–1840) стали периодом их расцвета. Однако этот небывалый подъем остался почти незамеченным для Пауля. В библиотеке имения Монрепо среди приобре-

тенных им в Дании книг мы не найдем ни одного издания Андерсена. Нет в ней трудов Кьеркегора, пьес Мёллера и Хейберга, повестей Блихера. Сын известного в свое время литератора, писавшего и дидактические сказки, и исторические новеллы, Пауль, по всей видимости, остался равнодушен к романтической литературе Дании, сделав исключение только для тех авторов, которые в своих произведениях обращались к древней истории Скандинавии. В книжном собрании Монрепо есть несколько томов Эленшлегера, величайшего датского романтического поэта, «Вальдемар» Ингемана; произведения Людвиг Хольберга представлены не драматургией, а трудами по истории и сатирическими новеллами.

Пауль Николаи был всерьез увлечен историей Скандинавии и северными сагами¹⁰. Он поддерживал отношения с Королевским обществом антиквариата Севера (“*Det Kongelige Nordiske Oldskriftselskab*”); в библиотеке усадьбы Монрепо сохранились издания исландских саг и исследования по скандинавской и финской мифологии и фольклору, включая “*Mythologia fennica*” Кристфрида Ганандера, а также многочисленные труды Габриэля Портана. Библиографические данные позволяют предположить, что эти книги были приобретены для семейной библиотеки именно Паулем.

За все годы службы Пауль почти не отлучался из Дании, лишь изредка пользуясь отпусками, во время которых уезжал домой в Монрепо. «В 1816–1817 годах П. Николаи сопровождал в ознакомительной и учебной поездке в Англию великого князя Николая, будущего императора Николая I, а в 1818-м в аналогичном путешествии — великого князя Михаила. В составе документов Архива усадьбы Монрепо (ныне хранится в г. Хельсинки. — Ю.М., М.Е.) имеется переписка П. Николаи и императрицы-матери Марии Федоровны, касающаяся этих событий»¹¹. За успешное исполнение этого поручения Николаи был награжден орденом св. Анны 1-й степени.

Расцвет дипломатической карьеры П. Николаи совпал с «эпохой Нессельроде» в истории российской внешней политики¹². Сокрушительный для России результат политики Нессельроде и Николая I общеизвестен, однако заметим, что на своем посту П. Николаи способствовал укреплению взаимоотношений между Россией и Данией, которые уже во 2-й половине XIX века имели результатом династический брак между принцессой из датской королевской династии и российским наследником престола. «В архиве семьи Николаи насчитывается изрядное количество частных писем к Паулю российского министра иностранных дел Карла Роберта Нессельроде, его многолетнего начальника¹³. Пауль Николаи поддерживал тесные отно-

шения и с государственным секретарем Иоаннисом (Иваном) Каподистрией¹⁴, который, находясь на службе в Министерстве иностранных дел России, работал во имя общих интересов России и Греции в средиземноморском бассейне — вплоть до своего избрания в 1827 году первым президентом независимой Греции»¹⁵.

16 марта 1824 года в Копенгагене умерла жена Пауля Николаи Александрина-Симплиция, «несколько дней спустя после рождения десятого ребенка. Гроб с ее телом был привезен в Выборг осенью следующего года и помещен в склепе [на острове] Людвигштайн, где уже находились гробы Людвиг и Иоганна фон Николаи, а также двух рано умерших сыновей Александрины и Пауля»¹⁶.

В июле 1825 года Николаи был произведен в тайные советники¹⁷, а в 1828-м возведен в баронское достоинство Великого княжества Финляндского.

Сопровождавший когда-то в поездке по Англии будущего императора Николая, Пауль Николаи — уже как владелец имения — принимал в Монрепо в 1830 году Николая I во время императорского визита в Выборг¹⁸. В 1834 году по утвержденному Сенатом прошению, поданному Паулем ради дальнейшего сохранения имения в целостности, Монрепо становится заповедным непродажным имением баронского рода Николаи с наследованием по праву первородства.

В декабре 1843 года П. Николаи был произведен в действительные тайные советники. 30 апреля 1847 года он был уволен от службы, после чего почти безвыездно жил в своем родовом имении Монрепо. Выйдя в отставку, Пауль Николаи покинул свой дом и летнюю резиденцию в Копенгагене. Многочисленные художественные ценности, собранные им во время службы в Дании, он планировал перевезти в свою финляндскую усадьбу. Скульптуры и картины были упакованы, погружены на корабль, но до Монрепо так никогда не добрались. Корабль затонул, и можно только догадываться о том, какие произведения были безвозвратно потеряны и для Дании, и для России.

«За годы, проведенные в Монрепо, Пауль привел в порядок документы, оставшиеся от отца, тщательно распределив письма по папкам, снабженным краткими комментариями на французском языке. Он рассортировал и свои собственные бумаги, письма и документы, большая часть которых имеет отношение к его дипломатической карьере»¹⁹. В 1855 году в Монрепо Николаи принимал великого князя Николая Николаевича²⁰, а в 1863-м — императора Александра II, ехавшего в Гельсингфорс на открытие Сейма Великого княжества Финляндского.

П. Николаи умер в возрасте 89 лет; «[н]акануне кончины Пауля, в апреле 1866 года, император отправил ему телеграмму, осведомляясь о состоянии его здоровья»²¹. Он был похоронен в Монрепо на фамильном кладбище на острове Людвигсбург.

Редко бывавший в имении при жизни своего отца, Пауль, однако же, был сильно привязан к Монрепо и, унаследовав его в 1820 году, делал все что мог для его благоустройства и процветания. Самые узнаваемые архитектурные сооружения в парке появились в те годы, когда Монрепо принадлежало Паулю: капелла Людвигсбург на острове-некрополе Людвигштайн, мраморный обелиск в память о братьях Броглио, скульптура Вяйнемёйна, псевдоготические входные ворота, украшенные фамильным гербом, павильон над источником «Нарцисс». Увлекавшийся садоводством Пауль еще в годы учебы принимал участие в обустройстве сада: присылал из Европы семена цветов, ботанические статьи, проекты оформления видовых площадок. Впоследствии, уже живя в Монрепо, Николаи стал страстным садоводом²². Именно при Пауле Николаи был создан ряд наиболее известных изображений Монрепо. В 1840 году в Копенгагене Пауль осуществил иллюстрированное переиздание поэмы своего отца о Монрепо, снабженное собственными примечаниями.

У нас есть редкая возможность увидеть парк Монрепо 1840-х годов глазами его владельца, для которого горячая любовь к родовому имению и хозяйственные заботы слиты воедино. Сравнивая Монрепо со своей летней резиденцией под Копенгагеном, Пауль писал в Берлин старшему сыну Николасу в июле 1842 года о текущих работах в имении: «...никогда еще наш милый Монрепо не казался мне столь восхитительным: с тех пор как мы здесь, погода стоит лучше, чем в Ньегорде, ни малейшего дуновения ветра, море как зеркало, только более яркое. Воистину, небо оказывает нам покровительство с того момента, как мы приехали в это чудное место, и можешь себе представить, как мы наслаждаемся погожими днями, которыми я воспользовался для того, чтобы улучшить это прелестное творение»²³.

Работы по улучшению «прелестного творения» обходились Паулю недешево: Франс Петер фон Кнорринг в своей книге 1833 года отмечал, что расходы на усадьбу превышают доходы от нее; вероятно, «имелось в виду, что содержание парка стоило больше, чем усадьба давала продуктов сельского хозяйства»²⁴. Помимо обучения семерых детей, требующего ощутимых расходов, и содержания Монрепо, расходы включали содержание школы для мальчиков в Петербурге, дома в Копенгагене и датской летней резиденции в Ньегорде²⁵.

Работы по содержанию парка сопровождались и огорчениями для Пауля. Исследовавший этот вопрос С. Хирн пишет, что после того, как в сентябре 1825 года Николаи заметил в парке пьяных посетителей, было объявлено, что доступ в парк посторонним будет разрешен только по праздникам. Некоторое время спустя, однако, это распоряжение было отменено, и свободный доступ в парк в летнее время был восстановлен. В 1827 году выборгский магистрат объявил, что парк дозволено посещать только привилегированным слоям общества: «Вход в парк Монрепо отныне запрещен для всех классов общества, кроме представителей сословий, ибо во время гуляний причиняется урон и другие непристойности производятся». Летом 1828 года было объявлено, что для входа в парк вводятся специальные пропуска, на которых должна стоять собственноручная подпись Николаи. Даны были строгие инструкции не допускать сюда простонародье и детей.

В 1830 году были введены новые пропуска и запрещена передача их другому лицу, кроме членов семьи. Постепенно доступ в парк был ограничен исключительно второй половиной дня по воскресеньям. В 1835 году академик, географ Петер фон Кеппен (Peter von K rpen, 1793–1864) под псевдонимом опубликовал небольшой путевой очерк, где выразил разочарование по поводу того, что в Монрепо в такой малой степени уделяют внимание путешественнику. В своем явно раздраженном ответе П. Николаи выразил недоумение тем, что постороннее лицо берется указывать, как следует владельцу распоряжаться своей собственностью. Устраивать забавы и развлечения для гостей совсем не входит в интересы хозяина. Автору путевого очерка было указано, насколько нелепа высказанная им мысль, поскольку от посещающих парк лиц происходят только неприятности. В итоге барон Николаи счел нужным закрыть парк для всех лиц, невзирая на чин и звание. В мае 1836 года, однако, парк вновь был открыт для посетителей по воскресеньям при наличии годовых входных билетов²⁶.

После выхода в отставку в 1847 году Пауль ввел новые правила для посетителей парка, сохранявшие свою силу и после его смерти. Он неоднократно заявлял о своем положительном отношении к посещению парка посторонними лицами, хотя по своему возрасту и складу характера предпочитал покой и уединение. Плата за посещение парка по желанию владельца шла в пользу бедных горожан. Она составляла пять серебряных копеек с человека по воскресеньям, а в будние дни — не менее 10 копеек. Однако парк и в это время не был застрахован от нежелательных вторжений. В 1856 году хулиганы вставили в рот Вьяйням йнена окурок сигареты. По словам С. Хирна, «это была неуместная шутка, но гораздо большей была

опасность, на которую барон пророчески намекал: “Подобные грубые развлеченья могут привести к полному разрушению статуи”²⁷.

Эва Руофф так охарактеризовала роль Пауля Николаи в истории парка Монрепо: «Вклад Пауля фон Николаи в обустройство Монрепо был очень значителен, но это была прежде всего упорная, невидимая внешнему глазу работа по сохранению уже достигнутого»²⁸. Иначе видится значение Пауля Райнеру Кнапасу: «[М]ожно сказать, что художественные и литературные сокровища, собранные в Монрепо и представленные в его коллекциях, несут на себе след Людвиг Генриха в том, что относится к XVIII веку, и Пауля, когда речь идет о начале XIX-го»²⁹. Представляется, что вклад П. Николаи в историю парка Монрепо можно описать как два одновременных процесса: с одной стороны, завершение замыслов отца и поддержание родительского парка в надлежащем порядке, с другой — внесение в парковое пространство новых и принципиально важных элементов, которые, не опираясь на предшествующие замыслы Л.Г. Николаи, стали органичной и полноценной частью паркового ландшафта. Сыновнее почтение, многократно засвидетельствованное самим Паулем, не было препятствием для его проектов в парке своего отца. И отец, и сын в полной мере могут быть названы соавторами парка Монрепо.

* * *

¹ До настоящего времени сведения о П. Николаи на русском языке можно найти в немногочисленных публикациях: *Болгов В.А.* Де Бройли и Николаи. К истории родственных отношений // Монрепо: альманах / ред.-сост. М.В. Ефимов, Ю.И. Мошник. Выборг, 2010. С. 97–101; *Дмитриева Н.В.* Усадьба Монрепо под Выборгом: страницы истории // Выборгский район Ленинградской области. Краеведческий сборник. СПб., 2009. С. 151–160; *Кицук А.А.* Парк Монрепо в Выборге. СПб., 2001; *Мошник Ю.И.* Об одном «датском сюжете» в истории Монрепо // Новый берег [Копенгаген]. 2010. № 28. С. 59–61.

² Именно в эти годы Фосс работал над своими знаменитыми переводами античных классиков (*Ruoff E.* Monrepos: muistojen puutarha. Helsinki, 1993. S. 261). В 1789 году опубликован перевод Вергилия, в 1793-м — перевод «Илиады». Подробнее о Фоссе и семье Николаи см.: *Мошник Ю.И., Ефимов М.В.* Петербургские связи И.Г. Фосса // Немцы в Санкт-Петербурге: Биографический аспект. XVIII–XX вв. / отв. ред. Т.А. Шрадер. СПб., 2009. Вып. 5. С. 127–139.

³ См., например, письмо Л.Г. Николаи от 11(22).10.1788 (подлинник — в Архиве Музейного ведомства Финляндии. Ф. Монрепо. Кор. 2. № 27): «А для тебя и для всей семьи Фоссов мы хотим найти помещение, когда вы приедете. Будь здоров, дорогой мальчик. Поцелуй ручку твоей матери и обнимай своих братьев» (цит. по: Научный архив ГИАПМЗ «Парк Монрепо». Т. А-6. Пер. с нем. С.Г. Халипова).

Отметим, что в годы пребывания Пауля Николаи в доме Фосса (1785–1796) его отец, Л.Г. Николаи, являлся личным секретарем будущего императора Павла Петровича и его супруги Марии Федоровны.

⁴ Университет был основан в 1742 году маркграфом Фридрихом Байрейтским и его женой Вильгельминой, сестрой Фридриха Великого. В 1820–1827 годах в университете читал лекции Ф. Шеллинг. Среди выпускников Эрлангенского университета в XIX веке были Ф. Рюккерт, А. фон Платен и др.

⁵ *Кнапас Р.* Пауль Николаи — наследник Монрепо. Глава из книги «Монрепо: Аркадия эпохи Просвещения» / пер. с фр. Н. Дмитриевой // Монрепо: альманах. 2010. С. 156.

⁶ См.: *Галиченко А.А.* Скальные парки Алупки и Монрепо // Монрепо: альманах. С. 75.

⁷ Об эпизоде 1804 года из деятельности П. Николаи в этой должности см.: *Кросс Э.Г.* У Темзских берегов. Россияне в Британии в XVIII веке / пер. с англ. Н.Л. Лужецкой. СПб., 1996. С. 62. (Серия «Современная западная русистика»).

⁸ *Кнапас Р.* Указ. соч. С. 156.

⁹ У Пауля и Александрины Симплиции было многочисленное потомство: сыновья — Николаус Мишель Арманд (Николай), Александр, Людвиг Эрнст (Леонтий), дочери — Мария Луиза Паулина, Октавия Джейн Катрин Александра, Александрина Катрин Генриетта, Симплиция Паулина Луиза. (О судьбах детей Пауля Николаи см.: *Кнапас Р.* Указ. соч. С. 158.) Мария, Октавия и Александра были фрейлинами императорского двора. В.А. Болгов указывает «январь 1811 года» (*Болгов В.А.* Указ. соч. С. 97–101).

Благодарим М.Ю. Катина-Ярцева (Москва) за любезно предоставленные сведения.

¹⁰ Напомним, что в 1820–1830-е годы широкое распространение получил скандинавизм — литературно-идейное движение, ставившее своей целью преодоление культурной обособленности Скандинавских стран посредством обращения к их общему историческому и культурному наследию.

¹¹ *Дмитриева Н.В.* Указ. соч. С. 156.

¹² К.В. Нессельроде (1780–1862) занимал пост российского министра иностранных дел в 1816–1856 годах.

¹³ Добавим, что, как пишет О. Юссилла, при подготовке постановления о торговле 1835 года Нессельроде был «[е]динственным министром Николая I, который поддержал представителей Финляндии» (*Юссилла О., Хенттиля С., Невакиви Ю.* Политическая история Финляндии, 1809–1995. М., 1998. С. 37).

¹⁴ Каподистрия Иоанн, граф (Kapodistrias (Capo D'istria), Ioánnis Antónios, 1776–1831) — российский и греческий государственный деятель. Родился на о-ве Корфу. По окончании Падуанского университета — на дипломатической службе. В 1802 году ему было поручено объехать большую часть Ионических о-вов, ввести там русские гарнизоны и устроить гражданское управление. В 1803 году назначен статс-секретарем республики Ионических о-вов по иностранным делам, в 1807-м —

начальником милиции. В 1809 году поступил на службу в российскую Коллегию иностранных дел. В 1811 году назначен секретарем русского посольства в Вене, занимался выработкой проекта устройства присоединенной к России Бессарабии. В 1813 году сопровождал Александра I в качестве начальника канцелярии, затем был послан в Швейцарию с поручением привлечь ее к союзу против Наполеона, в 1815 году ему пожаловано звание статс-секретаря. В 1816–1822 годах — российский министр иностранных дел. В апреле 1827 года народным собранием в греческом г. Трезене избран председателем греческого правительства (президентом). 9 октября 1831 года убит в Навплии (Греция).

¹⁵ *Кнапас Р.* Указ. соч. С. 157.

¹⁶ *Ruoff E.* Op. cit. S. 74.

¹⁷ За несколько лет до этого, в июле 1822 года, по повелению Александра I Паулю Николаи были пожалованы земли на 12 лет аренды в Минской губернии (в староствах Велятицком и Ольшевицком).

¹⁸ *Ruoff E.* Op. cit. S. 80.

¹⁹ *Кнапас Р.* Указ. соч. С. 160.

²⁰ *Ruoff E.* Op. cit. S. 80.

²¹ *Кнапас Р.* Указ. соч. С. 161.

²² «Например, 19 августа 1835 г. он [Пауль Николаи] с гордостью сообщал своему сыну Николасу, что в этот день у него в Монрепо на десерт подадут арбузы, вишню и дыни, виноград и инжир — и все это из собственного сада <...> В одном из писем за февраль 1856 года Пауль Николаи, например, упоминает, что, хоть сад и погребен под огромными снежными сугробами, его кабинет наполнен благоуханием гиацинтов» (*Ruoff E.* Op. cit. S. 64).

²³ Цит. по: *Ruoff E.* Op. cit. S. 79.

²⁴ *Ruoff E.* Op. cit. S. 80.

²⁵ *Idem.*

²⁶ Жалобы П. Николаи на вытаптывание полян и порчу памятников возобновились в 1841 году.

²⁷ *Hirn S.* “Vihantaa Viipuria” (Monrepos) // Viipuri Suomalaisen Kirjallisuuseuran toimitteita. I. Helsinki, 1976 (пер. с фин. В. Дмитриева). Цит. по: *Ефимов М.В., Мошник Ю.И.* Парк Монрепо в XX веке: Страницы истории. СПб., 2010. С. 30–32.

²⁸ *Ruoff E.* Op. cit. S. 78.

²⁹ *Кнапас Р.* Указ. соч. С. 158.

Н. И. Ивановская

О.О. ВИЗЕЛЬ И Л.Л. КАПИЦА — ИССЛЕДОВАТЕЛИ СААМОВ РОССИЙСКО-НОРВЕЖСКОГО ПОГРАНИЧЬЯ

Этнографические коллекции, собранные О.О. Визелем (1903) и Л.Л. Капицей (1914) по заданию Этнографического отдела Русского музея у саамов российско-норвежского пограничья, занимают особое место в саамском собрании Российского этнографического музея¹. Коллекции, собранные О.О. Визелем, положили начало формированию в музее саамского собрания. Результаты исследований Л.Л. Капицы, проведенные им через 10 лет в тех же пограничных районах Кольского полуострова, в которых осуществлял сборы и О.О. Визель, дополнили и расширили научные знания по этнографии саамского населения этой территории.

О.О. Визеля и Л.Л. Капицу, исследователей разного поколения, объединяет не только общий объект изучения — традиционная культура саамов, но и то обстоятельство, что они были корреспондентами Этнографического отдела Русского музея.

Корреспондентская сеть собирателей коллекций для вновь создаваемого музея, организованная сотрудниками ЭО РМ, охватила практически все регионы Российской империи. В формировании этнографических коллекций принимали участие не только известные ученые, специалисты-этнографы, но и представители широких кругов общественности — люди различного социального статуса, образования, национальности, возраста, характера, с личной мотивацией этнографических исследований и сбора коллекций.

Таким образом, изучение деятельности корреспондентов ЭО РМ по сбору этнографических коллекций не только позволяет оценить их вклад в этнографическую науку, но и открывает новые страницы истории отечественной науки и культуры.

Оскар Оскарович Визель (1864–?) — барон, происходит из немецко-австрийского рода Визель². Его отец, О.Б. Визель, был высокопоставленным царским чиновником. О.О. Визель окончил историко-филологический факультет Санкт-Петербургского университета. В дальнейшем он поступил на дипломатическую службу. В 1896–1901 годах служил вице-консулом в Гамбурге (Германия), в 1901–1913 годах — консулом в Хаммерфесте, центре северной провинции Норвегии Финнмарк — территории расселения норвежских саамов. Дальнейшая его служба на дипломатическом поприще проходила в Швейцарии (1913–1916). В 1917 году был назначен генеральным консулом в Неаполь (Италия). После Октябрьской революции 1917 года Визель остался в эмиграции, где занимался политической деятельностью. В 1919 году Визель — член Союза возрождения России в единении с союзниками в Риме. Далее судьба его неизвестна.

Большую часть своей дипломатической службы О.О. Визель провел в Норвегии. Первые годы его деятельности совпали с весьма сложным периодом норвежской истории. В политическом отношении Норвегия в это время стояла на пороге выхода из Шведско-норвежской унии (1903)³. Это требовало усиленной работы русской дипломатии, особенно тех ее представителей, которые работали, как Визель, в Северной Норвегии, где существовали наиболее тесные и исторически обусловленные контакты норвежского и русского населения. Сборники консульских донесений начала XX века содержат доклады Визеля об экономической и общественно-политической ситуации в Северной Норвегии⁴.

Работая в провинции Финнмарк, на территории расселения норвежских саамов, он не мог не соприкоснуться с древней самобытной культурой коренного населения этого региона. Интерес его к гуманитарной сфере нашел воплощение в собранной им в северо-западных районах Кольского полуострова коллекции (колл. № 444, 445; более 100 предметов). В состав коллекции вошли также вещи, полученные в дар от протоиерея церкви Св. Бориса и Глеба на р. Паз Константина Щеколдина. Исследованиями были охвачены Пазрецкий, Печенгский, Нотозерский, Мотовский и Сонгельский погосты⁵.

Здесь необходимо кратко остановиться на характеристике российско-норвежского пограничья как единого этнокультурного пространства⁶. Район российско-норвежского пограничья длительный период времени существовал без демаркации границы. В течение нескольких столетий (до начала XVII века) Кольский полуостров и Финнмарк представляли собой «общий округ», где налоги с саамов взимали как норвежская сторона, так

и российская, привязываясь не к конкретной территории, а к конкретным группам саамов, и в том месте, где они находились в определенный сезон. Полукочевой образ жизни норвежских и русских саамов, мигрировавших на общей территории, никак не способствовал демаркации этой территории между Россией и Норвегией. Граница была проведена только в 1826 году по р. Паз. Основным хозяйственным занятием саамов, живших на этой территории, было морское рыболовство. Зимой саамская территориально-семейная община (сыйт) селилась в зимнем погосте, а летом кочевала с одного рыболовецкого участка на другой. Пограничное соглашение 1826 года сделало Южный Варангер норвежской территорией, и Норвегия вошла в те границы, в которых существует по сей день. Общины нявдемских и пазрецких саамов оказались разрезаны пополам новой границей. Область нявдемских саамов была поделена поперек, так что весенние и летние поселения на побережье отошли к Норвегии, а расположенные в глубине материка осенние и зимние — к Российской империи. Территория пазрецких саамов оказалась разделенной продольно по реке Паз (Пазвик (Пасвик-Эльв)), но и здесь побережье досталось норвежцам. Нявдемские саамы стали норвежскими подданными, а пазрецкие — российскими (рис. 1).

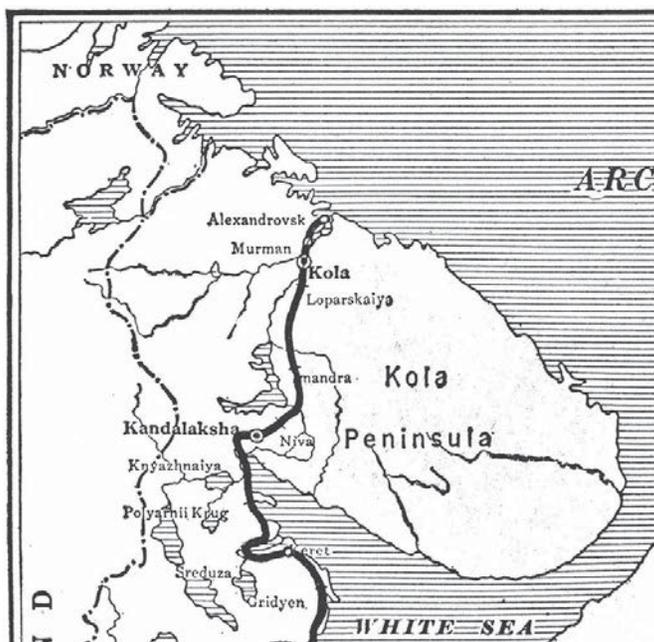

Рис. 1. Карта российско-норвежского пограничья. 1918 год

К 1903 году, когда Визель собирал коллекции с российской стороны границы, традиционный уклад жизни искусственно разделенных саамских общин с обоих берегов р. Паз практически не различался.

В коллекции наиболее широко представлена одежда, кроме того, в ней содержатся следующие категории предметов: домашняя утварь, упряжь, рыболовные принадлежности, кережи, лодка, модели строений. Коллекция саамской одежды (колл. № 444) дифференцируется по половозрастному и сезонному признакам: верхняя одежда мужская и женская, детская и женская обувь, женские, мужские и детские головные уборы, в том числе зимние, шубы и меховые рукавицы. Подавляющее большинство предметов собрано в Пазрецком (зимнем) погосте при посредничестве Константина Щеколдина. На зимних погостах располагались долговременные жилища, где хранилось основное имущество семьи, поэтому собирателю удалось приобрести, опираясь на посредничество уважаемого местными жителями человека, дорогие и красивые вещи домашнего обихода.

Коллекции Визеля имеют большое значение для характеристики одежды, утвари, средств передвижения, в меньшей степени — традиционных хозяйственных занятий. География сбора совпадает с территорией расселения одной из локальных групп кольских саамов и, таким образом, дает возможность выявить некоторые ее особенности.

Теперь обратимся к личности Л.Л. Капицы и его этнографическим исследованиям.

Жизненный путь и судьба Л.Л. Капицы (1892–1938) достаточно типичны для поколения ученых, начавших научную карьеру незадолго до 1917 года — в переломный период российской истории, когда судьбы многих из них складывались весьма драматично.

Он родился в интеллигентной петербургской семье. Его отец, Леонид Петрович Капица, — военный инженер и строитель фортов Кронштадтской крепости. Мать, Ольга Иеронимовна (урожд. Стебницкая), — филолог, специалист в области детского фольклора и литературы⁷. Эта семья подарила миру еще одного ученого — выдающегося физика, Нобелевского лауреата Петра Леонидовича Капицу.

В 1911 году после окончания гимназии Леонид Капица поступил в Санкт-Петербургский университет на естественное отделение физико-математического факультета в группу, в которой готовили географов. В годы обучения в университете он занимался углубленным изучением антропологии и этнографии в семинаре известного ученого Ф.К. Волкова (1847–1918). Волков считал, что главное условие успешной подготовки

специалистов заключается в сочетании теории с практикой. Будущие этнографы приобщались к полевым этнографическим исследованиям в экспедициях в разные уголки многонациональной Российской империи. Студент Капица в 1913–1914 годах был командирован Русским антропологическим обществом в Архангельскую губ. для антропологического и этнографического изучения «великороссов»-поморов и лопарей (саамов). В этой поездке он по поручению Этнографического отдела Русского музея также собирал этнографические коллекции, которые затем сам описывал и регистрировал непосредственно в музее. Его экспедиционный маршрут к кольским саамам пролегал от Кандалакши до Колы, а оттуда — на территорию норвежско-российского пограничья, где за десять лет до него побывал собиратель первой саамской коллекции в собрании РЭМ О.О. Визель.

Капица посетил следующие погосты: Ягельный мох, Пульозеро, Кильдинский, Воронинский, Пазрецкий (летний)⁸. В отличие от Визеля, Капица собирал вещи у саамов без посредников, в связи с этим он испытывал определенные трудности при сборе этнографического материала, определяемые следующими обстоятельствами. Уже в начале XX века у саамов традиционные предметы вытесняются изделиями фабричного производства. Кроме того, территория Лапландии, а особенно Пазрецкий погост, подвергаются в это время значительному наплыву туристов. Об этом же в 1907 году писал и С.И. Сергель, российский исследователь норвежских и финских саамов⁹. Как в зарубежной Лапландии во время поездки Сергеля, так и на Кольском полуострове, по словам Капицы, в глухих, труднодоступных местах саамы отказывались отдавать свои вещи исследователям, объясняя это тем, что «лишаются возможности в скором времени заменить ее новой, и от этого страдает хозяйство»¹⁰. Л.Л. Капице пришлось прибегнуть к меновой форме получения заинтересовавших его предметов. Необходимую вещь он приобретал в обмен на бусы, бисер, ножи.

Весь жизненный уклад западной группы кольских саамов подчинялся потребностям рыболовства, а с осени определялся главным образом занятиями оленеводством. Зима была временем оседлости, с декабря по апрель селились в зимних погостах, расположенных в местах, богатых ягелем, а в летне-осенний период переходили к кочевому быту. Капица в своем отчете писал следующее: «Постоянно приходится наткаться на совершенно безлюдные погосты. Большая часть лопарей отправляется летом на рыбные промыслы и селится небольшими партиями по рекам

и озерам, меньшинство же разбредается по тундре с оленями. Покидая на лето погосты, забирают с собой только самые необходимые предметы. Живут они по 2–3 семейства на очень большом расстоянии, и часто их местопребывание не известно окрестным жителям»¹¹. Коллекция, собранная Капицей в основном в летних погостах, характеризует хозяйственные занятия и быт саамов в дисперсный период функционирования общины (сыйта). В коллекции (№ 3176-36) содержатся предметы домашнего обихода, рыболовные принадлежности, украшения, амулеты. Капица планировал также поездку к йоканьгским саамам (восточная группа кольских саамов), которые, как он считал, в большей степени сохранили этнические особенности, но начавшаяся Первая мировая война не позволила осуществиться этим планам. Капица, как военнообязанный, должен был уехать в Петербург.

Таким образом, успешная учеба в университете была прервана Первой мировой войной — четыре года он служил в студенческой санитарной организации, занимаясь эвакуацией раненых. В тяжелые послереволюционные годы Капица был зачислен в Северную научно-промышленную экспедиции ВСНХ, где работал в качестве специалиста по оленеводству. Он смог восстановиться в университете и окончить его только в 1923 году.

В 1921 году Л.Л. Капица вновь становится сотрудником ЭО РМ (в 1916–1917 годах он работал в музее регистратором). В Архиве РЭМ сохранился интересный документ той суровой эпохи — ходатайство в пайковую комиссию за подписью С.И. Руденко о сохранении Капице академического пайка. Там же дается характеристика деловых качеств Л.Л. Капицы: «Привезенные им предметы быта и фотографии, а также рукописный материал свидетельствуют о вдумчивом отношении к делу, умении собирать и научно обрабатывать материал, благодаря чему он является ценным музейным сотрудником с данными для научной работы»¹².

Поступив на работу в ЭО РМ, вплоть до начала 1931 года Л.Л. Капица активно занимался этнографическими исследованиями. Это было время организации широкомасштабных комплексных экспедиций. Интенсивное изучение Северо-Западного региона связано с деятельностью талантливого ученого, известного антрополога и этнолога профессора Давида Алексеевича Золотарева (1885–1935)¹³. Ему принадлежит заслуга организации крупнейших этнологических экспедиций, в которых начинали свой путь в этнографической науке многие молодые исследователи. Одним из них был и Л.Л. Капица. Именно в эти годы происходит его становление как специалиста-финно-угроведа.

Так, в 1921 году он совершил экспедицию в Кемский уезд Архангельской обл., изучая быт и культуру карел; в 1925 году вновь работал в Архангельской обл., собрав коллекции по «великороссам»-поморам, в 1926 году участвовал в Верхнепечорской экспедиции, одним из итогов которой стала еще одна разнообразная по составу коллекция предметов быта и материальной культуры коми-зырян; в 1927 году совершает поездку в Ухтинский район Карелии. За годы экспедиционной работы им были приобретены уникальные коллекции по культуре русских (поморов), карел, саамов и коми.

Кроме того, он сдал в музей прекрасную коллекцию фотографий, которые зафиксировали многие архаичные стороны бытовой культуры этих народов (более 500 номеров). В это время, по всей вероятности, Л.Л. Капица начал снимать научные этнографические фильмы, но мы пока располагаем только косвенными свидетельствами, которые доказывали бы этот род его деятельности¹⁴.

Успешно развивающаяся научная карьера прервалась в 1931 году, когда в связи с разгромом этнографической науки, произошедшим в начале 1930-х годов¹⁵, Л.Л. Капица был уволен из музея, как и многие другие сотрудники Этнографического отдела РМ. На смену этнографам старой школы, многие из которых были учениками Ф.К. Волкова, пришло поколение молодых специалистов, подготовленных уже в советских учебных заведениях.

В последующем, вплоть до своей смерти в 1938 году, Л.Л. Капица работал режиссером в Ленинградской киностудии научно-популярных фильмов¹⁶.

Научное наследие Л.Л. Капицы включает уникальные этнографические вещевые и фотоколлекции, собранные им в 10–20-е годы XX века у финно-угорских народов Европейского Севера — карел, саамов и коми на территории Кольского полуострова, Карелии и Республики Коми, а также у русского поморского населения Русского Севера. Вещевые материалы из его коллекций, так же как и фотографии, широко представлены на экспозициях и выставках РЭМ (рис. 2), используются учеными в качестве источника для осуществления этнографических исследований.

В целом, саамские коллекции О.О. Визеля и Л.Л. Капицы представляют собой ценную научную базу для изучения особенностей локальных групп кольских саамов — западной и северо-западной. Взятые совокупно, коллекции О.О. Визеля, Л.Л. Капицы и С.И. Сергеля, исследователя норвежских и финских саамов¹⁷, зафиксировали ситуацию, когда разделенный государственной границей саамский мир Кольского п-ва и Фенноскандии еще представлял собой единое этнокультурное пространство.

Рис. 2. Сцена «Люди тундры» на экспозиции «Народы Северо-Запада России и Прибалтики. XVIII–XX века». Российский этнографический музей. Предметы из саамских коллекций О.О. Визеля, Л.Л. Капицы, С.И. Сергеля

* * *

¹ Куропятник М.С. Коллекции по этнографии саамов // Материалы по этнографии. СПб., 2004. Т. II: Народы Прибалтики, Северо-Запада, Среднего Поволжья и Приуралья. С. 136–141.

² Талалай М. Оскар Визель: дипломат и пионер этнографии кольских саамов // Всероссийская научно-практическая конференция «VIII Трифоновские чтения» (17–18 октября 2011 года). Мурманск, 2012. С. 75–78.

³ Нильсен Й.П. Образ России в Норвегии времени шведско-норвежской унии // Россия–Норвегия: сквозь века и границы: каталог. М., 2004. С. 93–96.

⁴ Давыдов Р.А. Народные волнения в Северной Норвегии, слухи о русской угрозе и массовой измене норвежцев в пользу России (по донесениям русского консула О. Визеля летом 1903 года) // Скандинавские чтения 2010. СПб., 2012. С. 332–346.

⁵ Архив Российского этнографического музея. Ф. 1. Оп. 2. Д. 69. Л. 6–8 об.

⁶ Парели Л. Саамы — коренные жители пограничья // Россия–Норвегия: сквозь века и границы: каталог. М., 2004. С. 59–61; Куропятник М. Саамы на Кольском

полуострове // Там же. С. 62–63; Линкола М. Образование различных этноэкологических групп саамов // Финно-угорский сборник. Л., 1982. С. 48–57.

⁷ Архив РМ. Оп. 10. Д. 187. Л. 73–73 об. Личное дело. Капица Леонид Леонидович; Центральный государственный исторический архив СПб. Ф. 14. Оп. 3. Д. 57799. Л. 28. Дело Императорского С.-Петербургского университета. Леонида Леонидовича Капица.

⁸ Архив РЭМ. Ф. 1. Оп. 2. Д. 312. 29 л. Переписка с Л.Л. Капицей о собирании этнографических материалов у поморов, лопарей и карел Архангельской губернии: описи материалов. 1906–1916 гг.

⁹ Архив РЭМ. Ф. 1. Оп. 2. Д. 566. Л. 38, 39 об. Переписка с С.И. Сергелем, студентом Санкт-Петербургского университета, командированным для собирания этнографического материала у зырян Архангельской и Вологодской губ. и у лопарского населения Скандинавского полуострова и Финляндии.

¹⁰ Архив РЭМ. Ф. 1. Оп. 2. Д. 312. Л. 7–17.

¹¹ Там же. Л. 11.

¹² Архив РЭМ. Ф. 1. Оп. 2. Д. 313. Л. 6. Переписка с Л.Л. Капицей о собирании этнографических материалов по карелам, зырянам и другим народам Севера; описи материалов и отчеты о заграничной командировке. 1917–1929 годы.

¹³ Шангина И.И. Д.А. Золотарев и его деятельность в Этнографическом музее // Промыслы и ремесла народов СССР. Л., 1986. С. 170–177; Королькова Л.В. Сподвижники Давида Алексеевича Золотарева: люди и судьбы // Традиционное хозяйство в системе культуры этноса: материалы Девятых Санкт-Петербургских чтений. СПб., 2010. С. 16–27.

¹⁴ URL: <http://www.rudata.ru/wiki/1938>.

¹⁵ Итоги Всероссийского археолого-этнографического совещания // СЭ. 1932. № 3–4. С. 3–14.

¹⁶ Полную биографию Л.Л. Капицы см.: Ивановская Н.И. Этнограф Л.Л. Капица: экзистенция личной судьбы // Историко-культурный ландшафт Северо-Запада–3. Шестые Шегреневские чтения. (В печати.)

¹⁷ Ивановская Н.И. С.И. Сергель — исследователь традиционной культуры саамов Норвегии и Финляндии // Скандинавские чтения 2010 года. СПб., 2012. С. 647–664.

Т. А. Шрадер

СЕМЬЯ НИЛЬСЕНОВ В САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ–ЛЕНИНГРАДЕ

В Петербурге в 2004 году вышла в свет книга «Наше святое ремесло. Памяти В.В. Нильсена (1910–1998)»¹. Это издание представляет собой сборник статей-воспоминаний выдающихся музыкантов России о пианисте XX века, создателе одной из ведущих петербургских–ленинградских фортепианных школ. Этот музыкант в Советском Союзе (как до Великой Отечественной войны, так и после нее) был хорошо известен среди коллег-музыкантов и почитаем публикой. Вся его творческая жизнь была тесно связана с Ленинградской, а позже с Санкт-Петербургской государственной консерваторией им. Н.А. Римского-Корсакова, где он с юных лет учился, а затем и преподавал.

Приведем слова известного современного музыканта Владимира Александровича Чернушенко о В. Нильсене: «Немногие музыканты в мире обладают тем ощущением музыкальной сути, которым владел Нильсен. Я его могу соотнести с Ст. Рихтером, Г. Нейгаузеном, В. Сафроницким. Он из когорты музыкантов, обладающих, помимо таланта и знаний, еще художественной интуицией, которой научить не возможно — она от Бога!»²

Знаменитый музыкант и прекрасный преподаватель начала XX века Николай Иванович Рихтер был одним из первых учителей В. Нильсена. В класс к Н.И. Рихтеру Нильсен пришел 14-летним подростком. И Рихтер позже скажет, что «ко мне поступил маленький норвежец»³. Почему так сообщил о своем юном ученике знаменитый музыкант начала XX века?

Творческая биография В.В. Нильсена довольно подробно представлена в книге, подготовленной профессором Санкт-Петербургской консерватории Т.А. Зайцевой, ученицей В. Нильсена. В этой публикации своими воспоминаниями поделились современные музыканты, ученики и соратники

пианиста. Но единичное упоминание Н.И. Рихтера навело на мысль выяснить семейные корни В.В. Нильсена, «маленького норвежца».

В одном из первых разделов книги приведен документ — свидетельство о рождении и крещении маленького Владимира, выданное Конторой Шведской евангелическо-лютеранской церкви Св. Екатерины г. Петрограда. «Выпись из списка рожденных и крещенных в приходе Шведской церкви Св. Екатерины в Петрограде. Тысяча девятьсот десятого года двадцать второго сентября в 5 часов до полуночи в Петрограде и тысяча девятьсот одиннадцатого года двадцать седьмого марта дома пастором Карванен окрещен **ВОЛЬДЕМАР САМУИЛ (Woldemar Samuel)** законнорожденный.

Отец: Вольдемар Евгений Нильсен (Woldemar Eugen Nilsen), учитель, губернский секретарь.

Мать: жена его, Екатерина, урожд. Алексеева (Katarina, f. Alexejeff).

Оба лютеране.

Восприемники: Амалия Давыдова (Amalia Davidova), адмиральша, Leonid Klevenski, коллежский советник.

Совершенную верность выписи с вышеозначенным списком свидетельству с приложением церковной печати.

Петроград, 17 августа 1915 года (пастор Вапрен)».

Этот документ хранится в Архиве Санкт-Петербургской консерватории им. Н.А. Римского-Корсакова⁴.

Как видно из документа, никаких свидетельств о норвежском происхождении нет.

По воспоминаниям Т.А. Зайцевой, пианист был очень скромным человеком, от написания какой-либо биографической книги отказывался. Поэтому опус о В. Нильсене построен в виде беседы с ученицей (Т. Зайцевой), во время которой он рассказал о своей жизни, творчестве. И снова ни слова о норвежском происхождении.

Для того чтобы выяснить семейные корни В.В. Нильсена, обратимся в архив. Надо сказать, что поиск семейных корней «маленького норвежца» не закончен. Но пока можно сказать следующее.

В Петербурге, в Российском государственном историческом архиве (РГИА), среди документов Министерства внутренних дел России хранится дело о принятии в подданство России норвежского подданного Вольдемара Нильсена. В бумагах петербургского градоначальника по канцелярии читаем отношение в Департамент общих дел МВД: «Норвежский подданный Вольдемар Евгений Нильсен обратился ко мне с просьбой о собрании о нем сведений и сообщений таковых в МВД, предмет ходатайства о принятии

его в подданство России. Из собранных вследствие сего сведений видно, что иностранец этот от роду имеет 27 лет, вероисповедания лютеранского, холост, родился, и за исключением временных отлучек, постоянно проживает в С.-Петербурге, в настоящее время находится без занятий, документы, согласно 837 ст. IX т. Зак. сост. (изд. 1899), не имеет, поведения и образа жизни хороших, под судом и следствием не был; дел, могущих препятствовать к дозволению ему вступить в подданство России, не производится. Ввиду сего названного иностранец, как родившийся в России, мог бы вступить в русское подданство и к испрошению на это.

Высочайшего соизволения препятствий не встречается, о чем имею честь сообщить Департаменту общих дел на основании циркуляра онаго от 17 марта 1883 года № 4620, с приложением прошения, билета, национального паспорта и свидетельств за № 168 и 419. И.Д. градоначальник, камергер Высочайшего двора»⁵.

К письму прилагалось прошение В. Нильсена следующего содержания: «В С.-Петербургское градоначальство.

Норвежского подданного Владимира Самойловича Нильсена., жит. СПб., Офицерская ул., д. 50.

Прошение. Представляя при сем метрическое свидетельство, имею честь покорнейше просить о принятии мною русского подданства. При сем прилагаю также мой паспорт и свидетельство Реформатского училища. Норвежский подданный.

7 июля 1903 года»⁶.

Несколько ранее, 24 июля 1897 года, был представлен аналогичный документ — ходатайство Владимира Евгения Нильсена о принятии его в русское подданство, но в ноябре поступила бумага о необходимости представления дополнительных документов⁷.

На прошение же от 1903 года Владимир Нильсен получил справку следующего содержания:

«№ 4178. Норвежский подданный Вольдемар Евгений Нильсен
Ведомость о принятии в подданство России

Справка. Высочайшее соизволение, последовавшее в 18-й день ноября 1903 года о принятии норвежского подданного Вольдемара Нильсена в подданство России сообщаем СПб. градоначальнику 26 ноября 1903 года за № 2562»⁸.

Итак, отец Владимира Владимировича Нильсена действительно был норвежским подданным и стал российским подданным в начале XX века в возрасте 27 лет.

Владимир Самуил (как он сам себя назвал в прошении) учился в Реформатском училище в Санкт-Петербурге, и в документах училища от 1890 года не указано, что он закончил его, в отличие от брата, Георга Нильсена (г.р. 1869), получившего аттестат и затем зачисленного в купеческое сословие. Согласно данным Реформатского училища и адресным книгам Санкт-Петербурга, братья Нильсены проживали на Офицерской и Могилевской улицах. На 1901 год отмечены в адресной книге как норвежские подданные. В 1890-е годы по адресу Екатерининский канал, 72 (канал Грибоедова), оба значились как домовладельцы. В Табеле домов города СПб. за 1891 год указан дом Нильсена по Екатерининскому каналу, 72, как унаследованный. Находился их дом рядом с церковью Вознесения Господня по адресу Екатерининский канал, д. 74–76. Вероятно, поэтому в документе градоначальника указано, что Владимир Самуилович «находился без занятий», то есть нигде не служил и жил на средства, получаемые от собственного дома. После женитьбы и рождения сыновей в адресных книгах до 1909 года он был отмечен как домовладелец, а с 1911-го — государственный служащий в звании губернского секретаря, по классу XII из XIV имеющих в российской номенклатуре гражданских чинов; в 1915 году получает чин коллежского секретаря X класса. Владимир Самуилович служил учителем 4-го классного реального училища для детей общественного призрения. В период Первой мировой войны до 1917 года работал в Российском страховом обществе, а в 1917 году — в Купеческом обществе взаимного кредита. В голодном 1918-м семья Нильсенов выехала в Тамбовскую губернию, где он учительствовал. После революции отец пианиста работал в Народном банке и организации «Ленинградтекстиль». Год его смерти неизвестен⁹.

Итак, нам удалось кратко определить жизненный путь отца пианиста, по документам до 1903 года — норвежского подданного. Он родился в Петербурге, в молодые годы еще был норвежским подданным. Кем же были его предки?

Обратимся к более ранним документам.

В книге адресов Санкт-Петербурга за 1837 год находим следующие сведения: «Нильсен Франц, пастор Санкт-Петербургского евангелистического сарептского общества, жительство имеет в 1-й части 3-го квартала в доме Сарептского общества».

В Петербурге дом Сарептского общества, подаренный Екатериной II, назывался Сарептским, или Горчичным, домом. Приведем данные 1843 года о доме: «Евангелический братского общества молитвенный зал. В доме

Сарептского общества, на Новоисакиевской улице, близ Почтамта. Императрица Екатерина II, в знак всемилостивейшего благоволения своего к Сарептскому обществу, пожаловала в 1767 году сему обществу дом для свободного совершения богослужений и помещения проповедника и агента общества, путешествующих членов его и для заведения комиссионной торговли общества. С сего времени приставленный к обществу проповедник говорит евангелические проповеди во все воскресные и праздничные дни, в маленьком просто устроенном церковном зале; сверх сего бывает служба по понедельникам и пятницам в полуденное время, заключающееся в пении, молитвах и истолковании некоторых мест Священного Писания, к чему допускаются все желающие.

Число настоящих членов Евангелического братского общества, здесь находящихся, из Сарепты и других городов, невелико. Проповедником и агентом сего общества ныне Франц Нильсен»¹⁰.

Небезынтересно отметить, что в Сарептском доме находилось торговое общество, носившее имя датского купца Асмуса Симонсена, который в начале XIX века (1801–1802) был агентом Сарептского общества в Петербурге. В XIX веке в Петербург приезжало много датчан по купеческим и личным делам, останавливались они в Сарептском доме. Так, к примеру, в Санкт-Петербургских ведомостях от 1806 года на странице 785 было опубликовано: «Отъезжает Генриетта Банзе, Королевско-Датская подданная, живет близ Почтамта в Сарептском доме».

Что представляло собой это общество? В начале XVIII века идея богемских братьев обустройства жизни по заповеди Иисуса Христа и сохранения своей веры в чистоте апостольского учения получила развитие в Германии, где они нашли сильного покровителя в лице сына саксонского министра Николауса Людвига Цинцендорфа. В 1722 году граф купил землю и имение Бертельсдорф, куда стали стекаться не только остатки последователей богемских братьев, но и сторонники других преследуемых сект. Новое поселение было названо Гернгут, а община — Гернгутской братской общиной. Главной целью своей деятельности братство считало миссионерство среди язычников в тех местах, где нет миссий других исповеданий.

Попытки распространения деятельности братства в России в 1730-е годы не увенчались успехом. После Манифеста Екатерины II о приглашении колонистов в Россию между Астраханью и Царицыном была учреждена колония для проведения миссионерской деятельности среди калмыков. В 1765 году основана колония Сарепта. Колонисты были прекрасными мастерами, создали крупный промышленный центр Нижнего Поволжья,

Из Сарепты по всему региону распространялось ткачество, табачное производство. Первыми свечными и мыльными заводами были в Поволжье сарептские. Производимая там горчица была известна по всей стране. Религиозная система управления колонии в России просуществовала 120 лет. Из-за противоречий между жителями Сарепты и церковью в Гернгуте возникли трения. Царская администрация в 1892 году вывела колонию из подчинения братства и в 1894 году официально присоединила к лютеранской церкви¹¹. На 1 октября 1877 года в посемейном списке Братского общества Саратовской губернии числилось 109 семей, среди которых встречается имя Нильсена Иоганнеса Эммануила (25 лет, холостой)¹².

По Высочайшим грамотам Екатерины II и Павла I было дозволено содержать в Санкт-Петербурге братьев в чине агента, а также дом у Адмиралтейского канала на Малой Морской для жилья, отправления Божьей службы и квартирования братьев. По разрешению императрицы первому агенту Петру Конраду Фризу было разрешено купить на казенные средства дом в вечное владение братьев колонии¹³.

Среди архивных документов имеется официальная бумага Департамента духовных дел иностранных исповеданий от 12 марта 1852 года МВД, направленная в Департамент полиции, о том, что разрешается увольнение находящегося в Петербурге агента Сарептского евангелического общества пастора Франца Нильсена с женою Фредерикою, дочерью Элизою и сыном Самуилом в Германию на три месяца для поправления здоровья. В письме «присовокуплялось, что пастор Нильсен принадлежал к российскому подданству», что было обязательным для иноверческих пасторов. Государь император изъявил соизволение на увольнение пастора Нильсена и его семьи на три месяца¹⁴.

Сын Франца Нильсена, прадед музыканта Самуил, также проживал в Санкт-Петербурге. По данным Всеобщей адресной книги Санкт-Петербурга от 1867–1868 годов, жил по адресу: Невский проспект, 45, и владел «слесарным заведением». Сыновья его — Николай (Георг) Самуил Нильсен (1869 г.р.) и Владимир Самуил Нильсен (1875 г.р.) — проживали по адресу: Екатерининский канал, 72, во владении семьи Нильсенов. Они оба были внуками Франца Нильсена.

Но вернемся к пианисту В.В. Нильсену. Он поступил в Ленинградскую консерваторию в 14-летнем возрасте (рис. 1) и воспитывался в творческой атмосфере золотой глазуновской поры, когда мастера высокого класса выступали с молодыми музыкантами наравне. По просьбе матери В. Нильсен, талантливый ученик профессора Н.И. Рихтера, и его брат Евгений,

Рис. 1. В. Нильсен. 1920-е годы

впоследствии виолончелист, ученик профессора Штримера, были освобождены от платы за обучение. Екатерина Ивановна, мать Владимира Владимировича, по всем документам числилась домохозяйкой. В юности она увлекалась вокалом. Прожила долгую жизнь, более 90 лет, была верным другом пианиста. Брат Евгений уехал за границу и жил в Австралии. Учителями пианиста были выдающиеся музыканты: пианист-солист, педагог, музыкальный общественный деятель Н.И. Рихтер; композитор, пианист, педагог С.А. Бармотин; органист-пианист, педагог, музыкант, ученый И.А. Браудо; пианистка, клавесинистка, педагог, исследователь, методист, публицист Н.И. Голубовская. Все они были учителями музыки с большой буквы.

После окончания консерватории В. Нильсен три года преподавал на Выборгских курсах музыкального образования в неотапливаемом помещении на Охте. У него учились преимущественно работающие взрослые люди. Однажды он выступал на концерте кружка друзей камерной музыки

и был замечен музыкантами: ему предложили дать самостоятельный концерт в Малом зале Филармонии, где он выступил вместе с Н.А. Рихтером. Затем пианистка Н. Голубовская настояла на том, чтобы он вторично поступил в консерваторию, оставив преподавание. Его приняли, и на консерваторском конкурсе в 1934 году он получил первую премию за лучшее исполнение этюдов Шопена, затем на конкурсе на лучшее исполнение произведений Шопена он был отмечен премией в 500 руб.

В аспирантуре В. Нильсен учился недолго, так как Н.И. Голубовская пригласила его стать ассистентом. В 1940 году он получил должность доцента Ленинградской консерватории. Концертная деятельность В. Нильсена продолжалась 65 лет — с конца 1920-х до середины 1990-х годов. Но этот талантливый музыкант, завоевавший в 27 лет вторую премию на Всесоюзном конкурсе, был практически неизвестен за рубежом, так как был «невъездным». В частности, его из многих музыкантов СССР пригласили участвовать в Международном конкурсе имени Шопена в Варшаве (1937) и имени Э. Изаи в Брюсселе (1938), но его не выпустили из страны. Не помогли и письма Н. Голубовской и других выдающихся музыкантов страны правительственным персонам.

Во время войны консерватория была эвакуирована в Саратов, где В. Нильсен преподавал, давал фортепианные и органые концерты. После 1950-х годов география его концертной деятельности расширилась, он неоднократно выезжал с концертами за рубеж: в 1989 году побывал в США, в 1991-м — во Франции. Но это уже был пожилой человек, болезнь сердца подтачивала его силы. В 1960 году серьезная болезнь на два года прервала его деятельность. Нильсен вернулся к музыке 9 июня 1966 года, выступив с концертом в Большом зале филармонии (рис. 2) с программой музыки Баха и Моцарта, вечных кумиров пианиста.

Музыканта В. Нильсена высоко ценили известные пианисты. Вот как писал о творчестве Нильсена профессор Московской консерватории А. Гедике: «В.В. Нильсен является выдающимся, в высшей степени талантливым пианистом-исполнителем. Его игра, глубоко проникновенная, искренняя, благородная, с безукоризненным чувством стиля, оставляет глубокое и прекрасное впечатление у слушателя»¹⁵. Не менее добрые слова в адрес пианиста высказывал, к примеру, профессор Г. Нейгауз (его ученики — Слонимский, Чернушенко и многие другие).

Но жизнь брала свое. Последние годы жизни В. Нильсен провел в Пушкине. Его быт был чрезвычайно не устроен. У него были сложные отношения с супругой. Уход из жизни его «мамаки», так он называл свою матушку,

Рис. 2. Снова в Большом...

сделал его совсем одиноким. Но музыка занимала все его мысли и чувства, он играл до последних дней жизни, даже одной рукой.

По воспоминаниям профессора Т.А. Зайцевой, В.В. Нильсен, воспринимал окружающую его действительность со сложным чувством неудовлетворения. В душе он был глубоко религиозным человеком. По воспоминаниям его коллег, супруги дирижера Мравинского и других деятелей культуры, пианист в довоенный период посещал православную церковь, ведь протестантские храмы были закрыты. Последним его желанием было, чтобы его проводили в последний путь по протестантскому обычаю (в Пушкине уже была открыта скромная лютеранская церковь). От гражданской панихиды в консерватории В.В. Нильсен заранее отказался. Проповедь пастора увела чувства и мысли от мирской суеты, и рядом с могилой «мамаки» был установлен скромный протестантский крест.

* * *

¹ Наше святое ремесло. Памяти В.В. Нильсена (1910–1998). СПб., 2004.

² Там же. С. 170.

³ Там же. С. 39.

⁴ Там же. С. 15.

⁵ Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1284. Оп. 161. Д. 2048. Л. 1.

⁶ Там же. Л. 2.

⁷ РГИА. Ф. 1284. Оп. 96. Д. 1367. Л. 1.

⁸ РГИА. Ф. 1284. Оп. 161. Д. 2048. Л. 3.

⁹ Наше святое ремесло... С. 20.

¹⁰ Путеводитель по Санкт-Петербургу и окрестностям Ивана Пушкарева. СПб., 1843. С. 302.

¹¹ Сарепта. Из истории немцев Поволжья / сост. и автор вступ. ст. И.Р. Плевел. Саратов, 1995. С. 3, 4.

¹² Там же. С. 60.

¹³ Там же. С. 74.

¹⁴ РГИА. Ф. 1286. Оп. 13-1852. № 110. Л. 1.

¹⁵ Наше святое ремесло... С. 86–87.

О. С. Пантелеймонова

ДЕБЮТ РУССКИХ СТРЕЛКОВ НА КОРОЛЕВСКОМ СТАДИОНЕ В СТОКГОЛЬМЕ (1912)

В 1912 году столицей V Олимпийских игр стал Стокгольм. Физическая культура в самой большой скандинавской стране — Швеции — развивалась быстрыми темпами. Шведы придавали этим Играм особое значение, поэтому подготовка проходила на высоком уровне. По проекту архитектора Торбена Грута из красного кирпича был построен новый, хорошо оборудованный стадион, который был назван Королевским.

Стадион украшали две большие башни, выполненные в скандинавском стиле, трибуны располагались в виде подковы, а под трибунами находились помещения для участников Игр, раздевалки, душевые и служебные помещения. Впервые были использованы электронные часы.

В V Олимпийских играх принимали участие спортсмены со всех пяти континентов. Стадион принял 2407 спортсменов, приехавших из 28 стран. На Играх было разыграно 102 комплекта наград.

В них в первый и последний раз приняла участие официальная команда Российской империи. Ранее царское правительство длительное время пренебрегало вопросами спорта. А в тот период Олимпийский комитет и императорские чиновники считали, что спортивные успехи помогут упрочить репутацию империи на международной арене. Победы в Швеции могли придать значимость и другим торжествам: в 1912 году отмечался 100-летний юбилей Отечественной войны 1812 года, а в 1913 году в стране готовились отметить 300-летие династии Романовых.

Торжественное открытие V Олимпиады состоялось 6 июля 1912 года. На церемонии открытия присутствовал король Швеции Густав V. Трибуны стадиона, вмещавшие 32 тыс. зрителей, были забиты до отказа.

Российская империя направила в Стокгольм многочисленную команду из 178 человек. Империя надеялась на получение высоких наград. Даже был подготовлен специальный «переходящий» приз-братина имени Его Величества государя императора Николая II. Приз был изготовлен знаменитым ювелиром Карлом Фаберже. Братина представляла собой настоящее произведение искусства. Она имела вид ладьи викингов, была выполнена из золота и серебра, украшена драгоценными камнями¹.

Официальным представителем России на Олимпиаде был избран близкий императору кадровый офицер, в прошлом командир лейб-гвардии гусарского полка генерал-майор свиты Его Величества Владимир Воейков. Это был чрезвычайно независимый и энергичный человек, в лексиконе которого отсутствовало слово «не могу». Для него слово «нужно» означало «есть».

Олимпийский комитет получил поддержку от военного руководства страны, поэтому в составе российской команды было много военных — 85 человек².

Российский олимпийский комитет, созданный накануне V Олимпиады, был, по сути, бездейственным, некомпетентным в вопросах организации и подготовки соревнований международного уровня. Правительство, обещавшее всевозможную поддержку, в итоге ограничилось только обещаниями. Даже Устав Российский олимпийский комитет утвердил за месяц до отправления на Игры. Сборы олимпийской команды были хлопотными и сложными. Именно стараниями В. Воейкова были выделены средства на поездку русских спортсменов.

Вопрос о перевозке русских спортсменов не был сразу решен. Первоначально было предложено военное госпитальное судно «Монголия», однако Морское министерство затягивало принятие положительного решения. В итоге организаторы обратились к частной Восточно-Азиатской компании, в которой было арендовано четырехмачтовое океанское судно — пароход «Бирма» (курсировавший из Либавы в Нью-Йорк)³.

Вечером 12 июня 1912 года, около 9 часов, мимо Кронштадта в Стокгольм прошел большой пароход «Бирма» с участниками Олимпийских игр, который был украшен флагами и производил необычайно яркое впечатление. На нем имелось сто кают первого класса, обставленных весьма комфортабельно. В каждой каюте помещались два человека. Во втором классе было 250 кают, кроме того, были помещения и для третьего класса на 1200 человек. К услугам спортсменов — читальня, курительная, телефон, почтовое отделение и большая столовая⁴.

Спортсмены под крики «Ура!» и звуки российского гимна отравились на корабле в Швецию. Участников Олимпийских игр провожал весь спортивный Петербург. Яхта императора нагнала спортсменов в пути, и Николай II с дочерьми и царевичем Алексеем дал им напутствие, благословил будущих победителей на успех. Через густой туман за две ночи и один день олимпийская команда благополучно прибыла в шведскую столицу, где пароход «Бирма» временно превратился для команды в гостиницу.

6 июля 1912 года на торжественном открытии Игр V Олимпиады по Королевскому стадиону прошла команда России, 13-я по счету. Во главе делегации со штандартом в руках шел поручик Раевский. Наша команда была одета в брюки черного цвета и белые рубашки.

Представители русской команды выступали почти во всех видах спорта. В их составе было много военных — 85 человек, из них 20 стрелков. Стрельба являлась важнейшим из военных искусств. На Олимпийских играх было представлено 18 видов стрелковых упражнений.

Российская команда стрелков на Играх V Олимпиады в Стокгольме была довольно сильной и многочисленной, имела много шансов на победу. В стрелковых состязаниях участвовал и Н.А. Панин-Коломенкин, разносторонний спортсмен, считавшийся первоклассным стрелком, который делил свой спортивный талант между стрельбой и конькам. Он состязался в стрельбе из револьвера на 50 метров, но в призеры не попал.

Всем спортсменам пришлось состязаться в дождливую погоду. Для выступления шведских стрелков был специально натянут защитный навес, а для стрелков из других стран, в том числе русских, такой навес сооружен не был. Всем участникам было заметно, что шведы путем создания благоприятных условий стараются помочь своим спортсменам. Во время дождя, под открытым небом русские стрелки синхронно выпускали пулю за пулей. Они пропустили вперед только шведов. В результате шведские стрелки завоевали больше всех медалей — 17, из них 7 золотых, 6 серебряных и 4 бронзовые.

Особенно всем запомнился отличившийся шведский стрелок Оскар Свин, который стал самым пожилым победителем Игр за всю историю, ему шел 65-й год (он победил в командных соревнованиях в стрельбе по бегущему кабану).

В русской команде удачливее стрелка Н.А. Панина-Коломенкина оказались его земляки — петербургские офицеры, показавшие второй результат.

«Серебряный» квартет из Петербурга составляли капитан Амос Каш, хорунжий Павел Войлошников, подпоручики Николай Мельницкий и Георгий Пантелеймонов. Все они были из гвардейских частей.

Командовал стрелковой дружиной штабс-капитан 2-го стрелкового полка Григорий Шестериков, шефом которого являлся сам император. Можно усомниться в организаторских способностях штабс-капитана, но факт остается фактом — гвардейцы стреляли метко. Они выполнили упражнение «дуэльная» стрельба, представляющее собой скоростную стрельбу из однозарядного пистолета по появляющейся силуэтной мишени. Вся четверка набрала 1091 очко (максимум — 1200 очков, шведы получили 1145 очков).

Это был первый и единственный успех русских спортсменов в командных соревнованиях на высшем уровне до революции. Среди отважной четвертки, получившей «серебро» шведской чеканки, был 27-летний Георгий Пантелеймонов. Это мой прадед. Г.М. Пантелеймонов был из дворян Киевской губернии, окончил Александровское военное училище⁵, в 1904 году вошел в лейб-гвардии Московский полк, в котором прослужил всю жизнь. Казармы полка располагались в Санкт-Петербурге на Большом Сампсониевском проспекте. Они сохранились до настоящего времени.

О прадеде в нашей семье долгое время ничего не было известно. В домашнем альбоме чудом сохранилась его фотография, на которой он снят в военной форме. Занимаясь изучением жизни прадеда, я нашла в книге С.В. Волкова «Белое движение. Энциклопедия Гражданской войны» его вторую фотографию. Через два года после участия в Олимпийских играх прадед участвовал в Первой мировой войне. В совершенстве владея искусством стрельбы, будучи начальником пулеметной команды, штабс-капитан Г.М. Пантелеймонов вместе с бойцами у деревни Тарнавка отбил атаки австро-германцев, предотвратил обход нашего фланга, удержал взятые с поля боя более 40 орудий, за что 14 июня 1915 года был награжден орденом Святого Георгия 4-й степени и именован оружием⁶. Из архивных источников мне стало известно, что имя Георгия Михайловича Пантелеймонова занесено в список известных людей, служивших в лейб-гвардии Московском полку.

В конце Первой мировой войны прадед был начальником Петергофской школы прапорщиков⁷, в 1917 году получил звание полковника⁸. Позже, оставаясь верным присяге, он вступил в Добровольческую армию, где был начальником обороны Токманского района, командиром сводно-гвардейского полка. В бою у города Дубоссары в феврале 1920 года он был ранен осколком снаряда в лицо, но не сдал командование полком.

Затем прадед был интернирован в Польшу, эвакуирован в Галлиполи, переехав в Королевство сербов, хорватов и словенцев, в Белграде мой пра-

дед возглавил группу объединения лейб-гвардии Московского полка⁹. Находясь в Сербии, Г.М. Пантелеймонов мечтал вернуться в Петербург на 4-ю линию Васильевского острова, где остались двое его малолетних детей. В 1934 году он умер и был с почестями захоронен на Новом кладбище Белграда¹⁰.

Из книг, журналов, газет и архивных источников я узнала и рассказала своему сыну, который мечтает продолжить династию военных и заняться стрелковым спортом, что Георгий Михайлович Пантелеймонов всю свою жизнь посвятил служению Родине. А невероятные испытания судьбы не сломили его спортивный дух и воинскую честь.

Из газет и журналов за 1912 год мне стало известно о том, что по завершении V Олимпиады всех офицеров, принявших участие в Играх, обязали составить сообщения и доклады о прошедших состязаниях, для того чтобы в дальнейшем учесть ошибки и промахи в новых соревнованиях. И я надеюсь, что в дальнейшем мне удастся найти отчет о соревнованиях, написанный моим прадедом.

История показывает, что взять Стокгольм наскоком русской команде не удалось. По итогам V Олимпиады российская команда заняла 15-е место. Ни один спортсмен не смог завоевать золотую медаль. Всего было получено пять медалей: две серебряные и три бронзовые. Неудачное выступление русских спортсменов в Стокгольме россияне восприняли болезненно. Писатель Александр Куприн выступление русских спортсменов образно назвал «спортивной Цусимой» — по аналогии с катастрофой русской Тихоокеанской эскадры в недавней войне с Японией. Однако сам факт первого участия России на Играх имел огромное значение для популяризации спортивного и олимпийского движения в стране. Урок пошел на пользу. Через год на российских соревнованиях наши спортсмены показали резко возросший уровень мастерства и огромный потенциал. В 1913 году в Киеве прошла I российская Олимпиада с участием 600 спортсменов, а в 1914 году в Риге под грохот артиллерийской канонады начавшейся войны была проведена II российская Олимпиада, в которой участвовало более тысячи спортсменов.

* * *

¹ Олимпийские игры в Стокгольме // *Нива*. 1912. № 19. С. 380.

² *Объедков И.В.* Русские офицеры на V Олимпийских играх // Военно-исторический журнал. 1990. № 1. С. 88–89.

³ *Забелин Ф.* На Королевском стадионе // Физкультура и спорт. 1956. № 4. С. 35–36.

⁴ *Бриль Б.* Кронштадтцы-олимпийцы // Кронштадтский вестник. 2011. № 14. С. 8.

⁵ *Дарков С.К.* Кадетский биографический справочник 1701–1918 годов. М., 2009. Т. 2. С. 270.

⁶ *Шабанов В.М.* Военный орден св. великомученика и победоносца Георгия // Именные списки 1769–1920 годов: библиографический справочник. М., 2004. С. 369, 682.

⁷ *Шмаглит Р.Г.* Белое движение. 900 биографий крупнейших представителей русского военного зарубежья. М., 2006. С. 205.

⁸ *Танин С.Ю.* Русский Белград. 2009. С. 249–250.

⁹ *Волков С.В.* Белое движение. Энциклопедия Гражданской войны. СПб.; М., 2002. С. 395.

¹⁰ Незабытые могилы. Российское зарубежье: некрологи 1917–1997 годов / Сост. В.Н. Чуваков. М., 2007. С. 333.

Юло Кальм

ШВЕДСКОМУ МУЗЕЮ В ЭСТОНИИ (МУЗЕЮ РАННАРООТСИ) — 20 ЛЕТ

Шведы заселили малые острова (Найссаар, Прангли, Суур- и Вяйке-Пакри, Осмуссаар, Вормси, Рухну, Хийумаа) и другие прибрежные территории Эстонии более тысячи лет назад.

По данным переписи населения, в 1934 году в Эстонии проживал 7641 швед, в 2011 году — 375 шведов.

В конце 1980-х, когда началось пробуждение национального самосознания (которое завершилось провозглашением независимости Эстонской Республики), эстонское население шведского происхождения получило возможность говорить о своем этническом происхождении и искать исторические корни. Так, в 1988 году в Эстонии было основано Культурное общество прибрежных шведов. В уставе в качестве одной из главных целей обозначено основание музея прибрежных шведов (музея Раннароотси), где могли бы находиться архив и библиотека. Начался сбор фотографий и экспонатов для музея.

27 декабря 1992 года был зарегистрирован Музей эстонских шведов (по-шведски Estlandssvenska Museet) по адресу: Хаапсалу, ул. Эхте, 4. Музей был подчинен Ляэнемааской уездной управе. Приоритетными задачами стали формирование многосторонней коллекции, посвященной истории эстонских шведов, библиотеки и архива, который аккумулировал бы знания о культуре шведов в Эстонии, служил бы базой исследований на эту тему и стал бы центром культуры прибрежных шведов. В настоящее время хранят, собирают и знакомят с культурой этой малой нации музеи в Хаапсалу, Ноароотси, Вормси, Рухну, Прангли, Виймси, Тарту и Таллине. Многие музеи в Эстонии частично занимаются этой темой и организуют ознакомительные выставки.

Музей Раннароотси был основан под руководством Майдо Лимбака (директор музея в 1992–1998 годах). При этом в его создании помогали многие активные люди: они делали денежные взносы и передавали в дар вещи, помогали при восстановлении музея. Так в течение многих лет строилось здание музея. В 1995 году в Швеции был основан фонд “Stiftelsen Aibolands Museum”, но он не был зарегистрирован и работал как добровольное общество. Несмотря на неофициальный статус, в 1996 году в общество поступила большая денежная сумма от семьи Эйнар и Эстер Хамберг, в том числе для покупки и реставрации нынешнего здания музея, расположенного по адресу: Садама, 31, а также многие другие пожертвования.

В 1998 году музей открыли в помещениях, где он сейчас расположен, изменилось его название — Музей Раннароотси (Aibolands Museum). Торжественность этой церемонии добавила и свадьба, сыгранная в традициях Вормси, где невестой и женихом были Катрин и Алар Шёнберг (директор музея в 1998–2003 годах).

Торжественное открытие музея состоялось 5 мая 2002 года, на котором присутствовали Его Высочество Карл XVI Густав и королева Сильвия. В рамках церемонии открытия состоялись краткий обзор свадебной церемонии Вихтерпалу и дегустация традиционных блюд и домашнего пива. За полгода до открытия начал вести свою работу кружок «бабушек в четверг», на занятиях они вышивали панно на историческую тему по эскизам Ёрмы Фриберг. На 20-метровом панно изображена тысячелетняя история шведов в Эстонии.

«Бабушки в четверг» начали собираться по призыву Агнеты Томингас (род. 2.09.1918 г. в Вормси) в 1997 году. Каждый четверг они собираются в отдельной комнате при музее и знакомят посетителей с традициями народных промыслов местных шведов, а также принимают участие в разных мероприятиях музея.

Также в дар музею был передан дом Вяэден (дом выставок), расположенный по адресу: Садама, 32, но после судебного рассмотрения дом вернули наследникам. После этого дом использовался музеем, который отвечал за содержание здания. 3 июня 2011 года Эстонская Республика выкупила дом на ул. Садама, 32, у законных владельцев за 1,24 млн шведских крон. Сделку поддержали Фонд шведской культуры короля Густава VI Адольфа, выделивший 300 тыс. шведских крон, и семья Эва и Бенгт Хейман (1 млн шведских крон). После заключения этой сделки разрешилась проблема, которая долгие годы препятствовала развитию музея. Здание

было освящено 21 июля 2011 года в рамках Большого шведского дня и с тех пор носит название «Домом Хеймана».

С первых дней работу музея осуществляли прибрежные шведы, живущие в Эстонии. Но большую помощь и поддержку (как моральную, так и материальную) оказывали и прибрежные шведы Швеции. Этот интерес сохраняется по сей день, и большую роль здесь сыграло чувство общности прибрежных шведов. Для дальнейшего развития музея важно поддерживать и развивать эти контакты.

Приказом министра культуры от 1 января 2012 года музею Раннароотси в качестве филиала был выделен музей острова Рухну вместе с хуторским комплексом Корси, который Эстонской Республике подарил проживающий в Швеции бывший житель Рухну Тхомас Дрейер. В течение двух последних лет музей проводил там работы по благоустройству и ремонту (всего планируется провести реставрационных работ примерно на 1,5 млн евро).

Надо заметить, что молодая Эстонская Республика с первых дней существования музея несет финансовую ответственность и признает культурное наследие прибрежных шведов частью истории и культуры Эстонии. Музей Раннароотси является государственным.

Так как Музей Раннароотси очень молодой, то его коллекция невелика: чуть более 4300 фотографий, около 7 тыс. музейных предметов. Мы собираем преимущественно материалы, связанные с жизнью прибрежных шведов, территория которых охватывает западную и западно-восточную часть материка, а также малые острова Эстонии. Цель — ознакомить всех интересующихся с жизнью и нравами прибрежных шведов. Так как фондовые помещения музея ограничены, приоритет отдается сбору архивных материалов и фотографий. Также началась фотосъемка современных мест, о которых имеются ранние материалы.

27 декабря 2012 года музей торжественно отметил свой 20-летний юбилей и поблагодарил всех, кто помогал в его создании и развитии.

Музей Раннароотси (www.aiboland.ee) собирает, поддерживает, исследует своеобразное культурное наследие одного национального меньшинства в Эстонии и знакомит с ним общественность.

IV. ЯЗЫК И ЛИТЕРАТУРА СКАНДИНАВСКИХ СТРАН

Д. Д. Пиотровский

ПЕРЕХОД ОТ КОСВЕННОЙ РЕЧИ К ПРЯМОЙ В СВЯЗИ С ПРОБЛЕМОЙ РИТМИЗАЦИИ ТЕКСТА (на материале Саги о Валла-Льоте)

Идея о том, что синтаксическое членение устного текста отличается от членения текста письменного, в лингвистике не нова¹. Для древнеисландской прозы в качестве основной единицы синтаксического членения выступает не предложение, а период². Если это так, то должны иметься существенные признаки, в своей совокупности составляющие определение периода как такового. Поиски таких признаков ведутся по двум направлениям: во-первых, это могут быть пограничные сигналы, которые отделяют конец предыдущего периода от начала следующего в тексте; во-вторых, особенности внутренние, которые обеспечивают единство периода. Среди признаков первого типа, то есть маркеров периода, выделяется переход от косвенной речи к прямой³. Что касается признаков второго типа, то их два: смысловое единство и ритмическая структура⁴.

Предметом обсуждения настоящей статьи является последний признак — ритмизация. Его соотнесение с переходом от косвенной речи к прямой осуществлено из соображений практического удобства. Дело в том, что при таком переходе граница между периодами представляется несомненной и легко выделяемой.

Что следует понимать под ритмической структурой периода? Для того чтобы попытаться ответить на этот вопрос, проанализируем все случаи перехода от косвенной речи к прямой в Саге о Валла-Льоте.

Sigurður tók sótt og heimti saman sonu sína og bað þá vera samhuga og kvaðst hann sjá mega hvers þeirra skaplyndi “og megið nú að hyggja og verið ei til síngjarnir og gæti hver sinnar sæmdar” (“Сигурд заболел и собрал сыновей своих, и попросил их быть единомышленными и сказал, что он видит, каким

может быть характер каждого из них: «и теперь вы должны подумать и не быть эгоистичными, и пусть каждый получит свой почет») [1].

Прямая речь в данном случае распадается на три отрезка, каждый из которых начинается с сочинительного союза *og* ‘и’. При этом все отрезки имеют одинаковую структуру: первым идет союз *og*; второе место занимает глагольная форма, причем каждый раз это либо модальный глагол *megið* ‘[вы] должны’, либо связка *verið* ‘[вы] будьте’, *gæti* ‘пусть получит’; третье место занимает наречие *nú* ‘теперь’, *ei* ‘не’ или местоимение *hver* ‘не’, но в любом случае это слово, относящееся к глаголу; четвертое место каждый раз занимает служебное слово, относящееся к последнему пятому слову: приинфинитивная частица *að*, предлог *til* и притяжательное местоимение *sinnar* ‘свой’; последнее, пятое место отводится знаменательному слову: инфинитив *hyggja* ‘думать’, прилагательное *síngjarn* ‘эгоистичный’, существительное *sæmd* ‘почет’. Однако, поскольку анализ в настоящей статье направлен не столько на грамматическую структуру, сколько на ритмическую, важным представляется следующее: безусловно сильным местом в каждом из выделенных отрезков является последнее. Последнюю позицию занимает знаменательное полнозначное слово. Причем каждый раз это имя (отглагольное, прилагательное, существительное). Предпоследняя позиция резервируется за служебным словом, то есть слабым как семантически, так и, вероятно, интонационно. Что касается второй и третьей позиций, то здесь не вполне ясно, какое из слов следует считать более важным, то есть более значимым семантически и вследствие этого более выделенным интонационно. Если в первом отрезке *megið nú* ‘должны теперь’ более сильным кажется глагол, то во втором и третьем более важным представляется слово, следующее за глаголом: *verið ei* ‘не будьте’, *gæti hver* ‘пусть каждый получит’. Однако доказать большую значимость глагола или следующего за ним слова не представляется возможным. Наконец первое слово явно служебное, то есть слабое. Но оно выполняет важную функцию — разграничительную. Прежде чем делать обобщения, обратимся к другим примерам.

En hún kvaðst ei mundu af höndum vísa “og samþykki eg þessu ráði” (‘Она сказала, что не будет отказываться, «и я одобряю этот совет») [2].

Здесь в прямой речи можно выделить только один отрезок: *og samþykki eg þessu ráði*. Он имеет такую же структуру, что и отрезки, выделенные в [1]. Первое слово — сочинительный союз *og* ‘и’ — слабая позиция. Второе слово — форма глагола *samþykkja* ‘одобрять’ — вероятно, сильная позиция. Третье слово — личное местоимение *eg* ‘я’ — вероятно, слабая

позиция. Четвертое слово — форма указательного местоимения *þessi* ‘этот’ — слабая позиция. Пятое слово — форма существительного *ráð* ‘совет’ — безусловно сильная позиция.

Hún spurði um erindi hans en hann segir hvar máli er komið, að Torfi mundi ei koma í rekkju hennar eða senda henni grís “er eg skildi við hann. Er rennt þeim ráðahag þó að uður þyki það ei líklegt” (‘Она спросила его о новостях, и он говорит, что произошло, что Торфи не собирался прийти к ней ночевать или прислать ей поросенка: «когда мы с ним расстались. Он отказывается от брака, чтобы это больше не казалось вам возможным»’) [3].

Смысл предложения в том, что Халли убил Торфи. Прямая речь здесь разделяется на три ритмических отрезка: первый — *er eg skildi við hann* (‘когда мы с ним расстались’) [3.1], второй — *Er rennt þeim ráðahag* (‘Он отказывается от брака’) [3.2], третий — *þó að uður þyki það ei líklegt* (‘чтобы это больше не казалось вам возможным’) [3.3]. Структура [3.1] похожа на структуру [1, 2]. Первое слово — союз, на этот раз подчинительный, *er* ‘когда’ — позиция слабая. Четвертое слово — предлог *við* ‘с’ — еще одна слабая позиция. Последнее, пятое слово — форма личного местоимения *hann* ‘он’ — позиция сильная. Отличие от [1, 2] в том, что здесь форма глагола *skilja* ‘расставаться’ и относящееся к нему служебное слово (в данном случае личное местоимение *eg* ‘я’) меняются местами. Сначала идет местоимение, потом глагол. Отрезок [3.2] отличается от [3.1] отсутствием первой позиции — союза. Отрезок [3.3] состоит из большего количества слов — семи. Союз в данном случае состоит из двух слов *þó að* ‘чтобы (не)’. Кроме этого, к глаголу *þykja* ‘казаться’ относится не одно местоимение, а два: *uður* ‘вам’ и *það* ‘то’. Далее по обычной схеме: предпоследняя позиция — отрицание *ei* — слабая позиция, последнее слово — наречие *líklegt* ‘возможно’ — позиция сильная.

Hún kvað það nær hófi “en betra væri þér óunnið verkið” (‘Она сказала, что сделанного не вернешь, «но лучше бы тебе не делать этого дела»’) [4].

Прямая речь состоит из шести слов. Первая позиция вновь заполнена союзом *en* ‘но’. Далее, как и в [3.3], к глаголу *vera* ‘быть’ относятся два слова. Одно из них, так же как и в [3.3], местоимение *þér* ‘тебе’, но другое — наречие *betra* ‘лучше’. В конечной части прямой речи есть существенное отличие от всех предыдущих случаев. Здесь имеются два полнозначных слова: форма восходящего к причастию прилагательного *óunninn* ‘несделанный’ и существительное *verk* ‘дело’ с определенным артиклем.

Halli kvað sig ekki það mundi í burt reka “og kauptu landið” (‘Халли сказал, что не собирается уезжать «и купи землю»’) [5].

Прямая речь состоит из трех слов. Это существенно меньше, чем во всех предыдущих случаях. Первое место занимает сочинительный союз *og* ‘и’. Далее следует императивная форма глагола *kaupa* ‘покупать’. Существенно, что к этой форме примыкает суффиговое местоимение *-tu* ‘ты’. Можно говорить о том, что это местоимение занимает свою (пусть и слабую) позицию. А если так, то перед нами не три, а четыре слова. Такая интерпретация, конечно, небезупречна. Главный аргумент против признания приимперативного местоимения словом заключается в его фонетической ассимиляции. Вместо *þú* — *tu* после смычного и потеря долготы гласного в безударной позиции. Однако то, что *-tu* является местоимением, не вызывает сомнения. Данный случай следует интерпретировать как квази-слово, как клитику. Но для этой клитики находится своя синтаксическая позиция⁵. Последнее место занимает существительное *land* ‘земля’ с определенным артиклем. Выделять для постпозитивного артикля особую позицию вряд ли оправданно.

Ljótur svarar og segir þetta ei vel gert “og mun ei svo verða í annað sinn” (‘Льот отвечает и говорит, что получилось нехорошо «и не поступай так в другой раз»’) [6].

Здесь косвенная речь состоит из восьми слов. Причем до слова *verða* включительно [6.1] повторяется структура [1, 2]. Но к этому добавляются еще три слова [6.2]: предлог *í* ‘в’, форма прилагательного *annar* ‘другой’ и существительное *sinn* ‘раз’. Ясно, что предлог представляет собой слабую позицию, а два последних слова — сильную. Кстати, последние три слова, взятые отдельно, по своей структуре очень похожи на [5], если там не выделять особую позицию для суффигового местоимения.

Sagði Þórirr maður ei þar jafn vel skemmt hafa verið “því engi er skemmtunarmaður betri en Halli er þar var um jólin” (‘Сказал человек Торирра, что там не было раньше такого веселья, «потому что нет весельчака большего, чем Халли, который был там во время йоля»’) [7].

Косвенная речь здесь подразделяется на два ритмических отрезка. Первый — *því engi er skemmtunarmaður betri en Halli* (‘потому что нет весельчака большего (букв. лучшего), чем Халли’) [7.1], второй — *er þar var um jólin* (‘который был там во время йоля’) [7.2]. Отрезок [7.1] сближается с [6] в том смысле, что он еще дополнительно раскладывается на полноценный отрезок: *því engi er skemmtunarmaður betri* (‘потому что нет весельчака большего’) и еще два слова (в [6] их три): *en Halli* (‘чем Халли’). Наконец [7.2] очень похоже на основной случай [1] и др. Только второе слово *þar* ‘там’ необязательно сильное.

Bessi bað hann taka við málinu “en eg vil fara utan” (‘Бесси попросил его взяться за это дело, «а я уеду»’) [8].

Случай в общем близок к [1, 2]. Небольшая особенность заключается в том, что сильными оказываются два последних слова — и *fara* ‘ехать’, и *utan* ‘прочь’.

...*Guðmundur kvað það óráðlegt að ganga í greipar þeim Svarfdælum “og ætla eg þó að ei veiti Ljótur þér ágang”* (‘...Гудмунд сказал: неразумно будет попасть в лапы людям из Скобленной долины, «и думаю я, что Льот не причинил тебе ущерб»’) [9].

Ритмическая интерпретация фрагмента прямой речи в данном случае представляется затруднительной. Трудность состоит в присоединении явно слабого слова *að* ‘что’ к левому или правому отрезку. В первом случае получаем 5 + 5 слов, во втором — 4 + 6. С эстетической точки зрения первое решение чуть лучше, но этот аргумент не может быть решающим. В любом случае отрезок *og ætla eg þó (að)* (‘и думаю я, (что)’) [9.1] не имеет конечной сильной позиции. С отрезком *(að) ei veiti Ljótur þér ágang* (‘(что) Льот не причинил тебе ущерб’) [9.2] тоже не все ясно. Есть два несомненно сильных слова: собственное имя *Ljótur* и форма существительного *ágangur* ‘ущерб’. Но возможно сильным также является форма глагола *veita* ‘причинять’. Хотя более вероятно, что это не так. Тем более что данный глагол семантически близок к служебному.

En hann kvað það vel boðið “en fá oss heldur leiðtoga og munum vér þá ganga” (‘Но он сказал, что это хорошее предложение, «но лучше нам вы брать предводителя, и тогда мы пойдём»’) [10].

Прямая речь распадается на два отрезка. Второй начинается союзом *og* ‘и’. Оба отрезка почти не отличаются от основного случая [1, 2].

Ásmundur kvað það síður sitt ráð “og vildi eg vel skiljast við yður” (‘Асмунд сказал, что это вовсе не его дело, «и хотел бы я по-хорошему расстаться с вами»’) [11].

Прямая речь состоит из семи слов. Здесь можно увидеть некоторое сходство с [6]. Начало отрезка *og vildi eg vel skiljast* (‘и хотел бы я по-хорошему расстаться’) напоминает основной случай [1, 2]. Далее идут еще два слова (в [6] три). Правда, в [6] из трех слов два сильных, здесь же из двух сильное одно — личное местоимение.

Þorgrímur gengur út og spyr hverjir komnir væru “og þiggið hér að vera í nótt” (‘Торгрим выходит и спрашивает, кто пришел, «и оставайтесь на ночь»’) [12].

Как и в [9], ритмическая интерпретация прямой речи здесь неоднозначна. Отметим, что и здесь есть союз *að* ‘что’. Но проблема в другом. Не ясно,

следует или нет вообще делить прямую речь на два отрезка. Если да, то получаем 4 + 3 слова. Если нет, то имеется один ритмический отрезок длиной в семь слов. Более правильной представляется первая интерпретация, но доказать ее правильность вряд ли возможно.

Þorgrímur gekk inn fyrir og bað þá niður setjast og þiggja beina “og skal ekki boði aftra” ... (‘Торгрим вошел и предложил им сесть и воспользоваться его гостеприимством, «и ничто не воспрепятствует приглашению») [13].

Структура отрезка прямой речи здесь довольно близка к основному случаю [1, 2].

Þorgrímur kvað það mál ekki til sín taka “og vil eg þeim vel veita er öngvir eru ills af mér verðir og vil eg að menn séu þeim trúir er mig hafa heim sóttan” (‘Торгрим сказал, что не возьмется за это дело, «но я хочу хорошо принять тех, кому никакого зла я не причинил, и хочу я, чтобы люди были верны тем, кто пришел ко мне в дом») [14].

Прямая речь распадается на четыре отрезка: *og vil eg þeim vel veita* (‘но я хочу хорошо принять’) [14.1], *er öngvir eru ills af mér verðir* (‘тех, кому никакого зла я не причинил’) [14.2], *og vil eg að menn séu þeim trúir* (‘и хочу я, чтобы люди были верны тем’) [14.3], *er mig hafa heim sóttan* (‘кто пришел ко мне домой’) [14.4]. Отрезки состоят из шести [14.1], семи [14.2], восьми [14.3] и пяти [14.4] слов соответственно. Короткие отрезки [14.1 и 4] близки к основному случаю. Особенность [14.1] состоит в том, что последние два слова *vel* ‘хорошо’ и *veita* ‘принять’ выглядят как сильные. Получается, что в одном отрезке три сильных места (третье *vil* ‘хочу’). Однако, как и в [9.1], *veita* ‘принять’ необязательно сильное. Еще ближе к [1, 2] стоит [14.4]. Здесь тоже имеется некоторая неясность в отношении двух последних слов: и *heim* ‘домой’, и причастие глагола *sækja* ‘приходить, посещать’ выглядят как сильные позиции. Но в отличие от [14.1] из этих двух слов сложно выделить какое-либо одно. Длинные отрезки [14.2 и 3], судя по всему, каждый раскладывается на два более мелких. В случае [14.2] это 4 + 3: *er öngvir eru ills* (‘тех, кому никакого зла’) и *af mér verðir* (‘я не причинил’). В связи с наличием в оригинале аналитической формы *eru verðir*, не характерной для русского языка, перевод несколько условный. В [14.3], как и в [9], присутствует *að*, и вновь получается неоднозначная ситуация с членением. То ли 3 + 5, то ли 4 + 4.

Þorgrímur býr um hurðina og bað öngvan mann fyrri hurðum upp að lúka en hann vildi “en sá skal hörðu mæta er af bregður (‘Торгрим спит у самых дверей и попросил, чтобы никто не открывал двери, «и у того будут неприятности, кто это нарушит») [15].

Прямая речь состоит из восьми слов и по структуре напоминает [6]. Здесь тоже выделяются два отрезка: *en sá skal hörðu mæta* ('и у того будут неприятности') [15.1], напоминающий основной случай [1, 2], и *er af bregður* ('кто это нарушит') [15.2], похожее на [5 и 6.2]. Только в [15.2], в отличие от [5 и 6.2], одно сильное слово.

Hann kvað nauðsyn til reka "og muntu nú mega hefna bróður þíns" ('Он сказал, что нужда заставила «и теперь ты можешь отомстить за своего брата») [16].

Прямая речь состоит из семи слов. Попытка разделить данный фрагмент на две части наталкивается на существенные трудности. Не видно надежных оснований для проведения границы в том или ином месте. Как единый отрезок данная последовательность выглядит перегруженной сильными словами. Но на самом деле несомненно сильными являются только *hefna* 'отомстить' и *bróður* 'брат'.

Böðvar kvað honum vel fara "eg mun og svo gera" (Бёдвар сказал ему, что все будет хорошо, «я так и сделаю») [17].

Прямая речь состоит из пяти слов и принципиально не отличается от основного случая [1, 2 и др.].

Eyjólfur kvað það sýnt ráð að hitta Ljót "þó að nokkur yfirorð fylgi þá er þar þó traust. Mun hann mér ásja veita. Mun eg hér ekki dveljast ef þú gerir ei svo því að þú mátt ekki traust veita" ('Эйольв сказал, что хорошо бы встретиться с Льотом, «хотя последует некоторый разговор на повышенных тонах, (на него) можно положиться. Он мне поможет. Я здесь не останусь, если ты этого не сделаешь, потому что на тебя нельзя положиться») [18].

Фрагмент прямой речи весьма длинен и состоит из нескольких предложений. Для целей данной статьи он мало полезен, поскольку с увеличением продолжительности фрагмента возрастает количество возможных членений. Наиболее вероятным представляется следующее членение: "*þó að nokkur yfirorð fylgi / þá er þar þó traust. / Mun hann mér ásja veita. / Mun eg hér ekki dveljast / ef þú gerir ei svo / því að þú mátt ekki traust veita*". При таком членении получаются отрезки, сопоставимые с выделенными ранее. Но доказать, что указанное членение является единственно правильным, не представляется возможным.

Eyjólfur kvaðst ætla að því fastari mundi hann til trausts sem þeir þyrftu meir "og er þetta eitt til og þann veg helst komu mannahefndir frænda hans af voru tilstilli" ('Эйольв сказал, что он думает, что ему будут доверять тем сильнее, чем больше у них в этом нужда, «и это одно, и так лучше всего мстителям за его родичей обратиться за нашей помощью») [19].

Фрагмент прямой речи довольно длинен. Благодаря наличию союзов он делится лучше, чем [18]. Так, несомненно выделяется *og er þetta eitt til* ('и это одно') [19.1]. Случай в общем близок к основному [1, 2 и др.]. Оставшаяся часть делится хуже. Выделяется отрезок из восьми слов: *og þann veg helst komu mannahefndir frænda hans* ('и так лучше всего мстителям за его родичей обратиться'), который далее, возможно, распадается на 3 + 5: *og þann veg* 'и так (букв. таким путем)' [19.2], соотносимый с [5], и *helst komu mannahefndir frænda hans* ('лучше всего мстителям за его родичей обратиться') [19.3], отличающийся от [1, 2 и др.] наличием трех сильных позиций: формой глагола *koma* 'приходить, обращаться за', формой множественного числа *mannahefnd* 'мститель' и формой существительного *frændi* 'родич'. Заканчивается прямая речь еще одним коротким отрезком: *af voru tilstilli* ('за нашей помощью') [19.4], сопоставимым с [5].

Hann kvað ei það vera: "Eg vissi það að eg mundi yður ei stöðvað fá ef þér hefðu þetta fyrri vitað en oss mundi það illa sækjast og ofráð vera við þá Eyfirðinga" ('Он сказал, что так не будет: «Я знал, что я вас не остановлю, если вы об этом заранее знали, но нам из-за этого будет плохо, и это непосильная задача идти против Эйвирдингов») [20].

Прямая речь без особых затруднений делится на пять ритмических отрезков: *eg vissi það að* ('я знал, что') [20.1], *eg mundi yður ei stöðvað fá* ('я вас не остановлю') [20.2], *ef þér hefðu þetta fyrri vitað* ('если вы об этом заранее знали') [20.3], *en oss mundi það illa sækjast* ('но нам из-за этого будет плохо') [20.4] и *og ofráð vera við þá Eyfirðinga* ('и это непосильная задача идти против Эйвирдингов') [20.5]. Между [20.1] и [20.2] вновь, как и в [9, 12 и 14.3], возникает союз *að*. Во всех трех случаях собственно ритмическая интерпретация заставляет присоединить *að* к левому ритмическому отрезку. Если так, то получается, что данный союз с точки зрения древнескандинавского синтаксиса ведет себя иначе, чем другие союзы. В отличие от них он не начинается, а заканчивает ритмический отрезок. Но разграничительную функцию при этом все равно выполняет. Данное положение можно считать предварительным выводом.

Кроме [20.1], все остальные отрезки состоят из шести слов каждый. [20.1] очень близко к первой части [14.3], что дает дополнительный аргумент в пользу подразделения последнего. Остальные отрезки однотипны и могут быть соотнесены с [4 и 14.1].

Peir Ljótur og Skafti fundust vinir og töluðust við og segir Ljótur honum allan atburðinn um viðskipti þeirra Guðmundar "og ef við megum semja mál okkar mun eg ekki til þess taka og förum við að ræða við hann" ('Льот и Скафт

ти встретились как друзья и поговорили, и рассказал ему Льот обо всех событиях в связи с его делами с Гудмундом «и если мы сможем договориться о нашем деле, я за это не возьмусь, и давай поедem поговорим с ним») [21].

Прямая речь делится на три отрезка: *og ef við megum semja mál okkar* ('и если мы сможем договориться о нашем деле') [21.1], *mun eg ekki til þess taka* ('я за это не возьмусь') [21.2] и *og förum við að ræða við hann* ('и давай поедem поговорим (букв. чтобы поговорить) с ним') [21.3]. Отрезки состоят из семи [21.1], шести [21.2] и семи [21.3] слов соответственно. Отрезок [21.1] обнаруживает сходство с [6]. Его начало *og ef við megum semja* ('и если мы сможем договориться') близко к основному случаю, точнее к его разновидности [6], где сильные слова отодвинуты назад. А затем добавляются еще два сильных слова (в [6] три). Говорить о разделении такого [6 или 21.1, а также 11] отрезка на два вряд ли правильно. Воспользовавшись арифметической метафорой, можно сказать, что [6, 11, 21.1] делятся не на два, а на полтора. То есть внутри них выделяется один полноценный ритмический отрезок и один квазивыделимый отрезок. При этом для квазивыделимых отрезков имеет место континуум от случаев, близких к полноценному отрезку [6], до случаев, где такой отрезок приближается к нулю, то есть не выделяется совсем, а полностью входит в состав полноценного отрезка [11]. Существенно, однако, что такой квазиотрезок может существовать только рядом с полноценным отрезком.

Отрезок [21.2] соотносим с [4, 14.1 и 20.2–5]. Таким образом, наряду с основным случаем [1, 2 и др.], когда ритмический отрезок состоит из пяти слов, обозначается еще один тоже достаточно частотный случай, когда слов шесть.

В [21.3] есть слово *að*, но здесь это не союз, а приинфинитивная частица, поэтому ритмическая граница не задается.

Ljótur kvað svo vera skyldu “og má eg vel sjá hann” ('Льот сказал, что так и должно быть «и я смогу повидать его») [22].

Прямая речь насчитывает шесть слов. Случай близок к [4 и др.].

Skafli kvað svör bera til “og ekki er það til óvinfengis gert við þig. En spjót þetta vill Ljótur að þú hafir og kvað þig sent hafa” ('Скафти сказал, что придется держать ответ «и это делается не как знак недружелюбия к тебе. А это копьe, Льот хочет, чтобы оно было твоим, и велел его тебе передать») [23].

Отрезок прямой речи довольно длинен. Часть до первого союза: *og ekki er það til óvinfengis gert við þig* ('и это делается не как знак недружелюбия к тебе') [23.1–2] несколько проблематична с точки зрения членения. Ясно,

что здесь более одного ритмического отрезка. Девять слов слишком много. Но где происходит разграничение, не вполне ясно. Наиболее вероятной кажется граница после слова *það*. С остальной частью проще. Следующий отрезок — [*e*]n *spjót þetta vill Ljótur að þú hafir* ('[а] это копье, Льот хочет, чтобы оно было твоим') [23.3]. Здесь опять, как и в [6 и др.], имеется квазивыделимый отрезок *þú hafir* 'было твоим (букв. *ns bvtk ,s*)'. Последний отрезок *og kvað þig sent hafa* ('и велел его тебе передать') [23.4] близок к основному случаю [1, 2 и др.].

Ög einn dag um þingið fýstist Björn að róa með Þrándi en hann kvað þess öngva þörf "eg vildi að öngvar umsátir væru um þann mann er Ljótur sendir mér og óvænna er til trausts af smáskipum en á eyinni" ('Однажды на тинге стал Бьёрн подстрекать Транди, но тот сказал, что этого не требуется: «я бы хотел, чтобы не строились козни против этого человека, которого Льот послал ко мне, и недоверие на маленьком корабле гораздо хуже, чем на острове»') [24].

Отрезок прямой речи довольно продолжителен, и его дальнейшее членение не всегда однозначно. Начало *eg vildi að öngvar umsátir væru um þann mann* ('я бы хотел, чтобы не строились козни (букв. была засада) против этого человека') [24.1], как и [23.1-2], несколько длинен, чтобы быть одним неделимым отрезком. Вряд ли правильно выделять *eg vildi að* ('я бы хотел, чтобы'). Хотя здесь есть союз *að*. Более правильным кажется выделение одного полноценного отрезка: *eg vildi að öngvar umsátir væru* ('я бы хотел, чтобы не строились козни') и одного квазивыделимого: *um þann mann* ('против этого человека').

Следующий отрезок *er Ljótur sendir mér* ('которого Льот послал ко мне') [24.2] непроблематичен. Он состоит из четырех слов, два из них (второе и третье) сильные. Случай близок к [3.2]. Возможно, отрезки из четырех слов являются еще одной ступенью перехода от квазивыделимых отрезков к полноценным.

Þrándur kvaðst vilja lúka málunum "og kemur nú til mín" ('Транд сказал, что он хочет закрыть дело «и теперь дело за мной»') [25].

Прямая речь состоит из пяти слов. Случай близок к основному [1, 2 и др.].

Ljótur kvað Þránd ei ámælisverðan "en Hrólfur sýnir skaplyndi sitt og verður honum títt til gjaldanna. Nú er hægur hjá. Vér eigum að gjalda Guðmundi tvö hundruð silfurs á leið. Nú munum vér það greiða en ei annað ef þeir Hrólfur láta það með ósæmd laust" ('Льот сказал, что Транда не следует порицать, «но Хрольв показывает свой характер, и ему обычно приходится платить. Сейчас это просто. Мы собираемся заплатить Гудмунду две сотни се-

ребра вперед. Мы сейчас приведем это дело в порядок, если, конечно, они с Хрольвом не уклонятся от честного решения») [26].

Как и [18] фрагмент прямой речи слишком длинен и поэтому малопоказателен. Наиболее вероятно следующее его членение: “*en Hrólfr sýnir skaplyndi sitt / og verður honum títt til gjaldanna. / Nú er hægur hjá. / Vér eigum að gjalda Guðmundi / tvö hundruð silfurs á leið. / Nú munum vér það greiða / en ei annað ef þeir Hrólfr / láta það með ósæmd laust*”. Далее как в [18].

Итак, были проанализированы все случаи перехода от косвенной к прямой речи в Саге о Валла-Льоте. Не все случаи одинаково показательны. Для целей данной статьи наиболее полезны случаи, когда отрезок прямой речи далее не делится, то есть случаи [2, 4, 5, 6, 8, 11, 13, 17, 22, 25], возможно, также [12, 15, 16]. Наиболее существенным результатом анализа следует считать следующее: никогда в случае перехода от косвенной к прямой речи последняя не состоит из слишком малого (одно-два) количества слов. Чаще всего отрезок прямой речи состоит из пяти слов [1, 2, 3.1, 7.2, 8, 9, 10, 13, 14.4, 17, 19.1, 19.3, 23.4, 25]. Видимо, этот случай следует считать прототипическим. К нему близки отрезки по четыре [3.2, 20.1, 24.2] или шесть [4, 14.1, 20.2–5, 21.2, 22] слов. Более длинные отрезки, как правило, распадаются на полноценно выделяемые и квазивыделяемые. Такие отрезки состоят из семи [3.3, 7.1, 11, 12, 14.2, 16, 21.1, 21.3] или восьми [6, 14.3, 15, 19.2, 23.3] слов. Самостоятельные отрезки менее четырех слов редки [5], возможно [19.4].

Результаты, полученные в статье, можно считать еще одним аргументом в пользу положения, согласно которому в тексте древнеисландской прозы основная синтаксическая единица носила не строго структурный (предложение), а ритмико-структурный характер (период, ритмический отрезок).

* * *

¹ См., например: *Heusler A. Altisländisches Elementarbuch*, Heidelberg, 1913; *Циммерлинг А.В.* Типологический синтаксис скандинавских языков. М., 2002; *Циммерлинг А.В.* Гипотеза о неуниверсальности синтаксического членения // Материалы междунар. конф., посвящ. 100-летию со дня рождения профессора М. И. Стеблин-Каменского, 10–12 сентября 2003 г. СПб., 2003. С. 246–251; *Циммерлинг А.В.* В поисках устного текста // Слово в перспективе литературной эволюции: К 100-летию М.И. Стеблин-Каменского. М., 2004. С. 21–42.

² *Кузьменко Ю.К.* Основная единица в тексте древнеисландских саг // Западно-европейская средневековая словесность. М., 1985. С. 62–63; *Он же.* Некоторые синтактико-стилистические особенности периода в древнеисландской прозе // Очерки по историческому синтаксису германских языков. Л., 1991. С. 140–151.

³ *Heusler A.* Op. cit. S. 205–211. Также о маркерах периода см.: *Циммерлинг А.В.* В поисках устного текста... С. 23.

⁴ *Пятнина Р.Д.* Учение о периоде в античных теориях языка и стиля и в русской филологической науке второй половины XVIII — начала XIX века // Уч. зап. Кировского пед. ин-та. Киров, 1971. Вып. 38. Т. II. С. 30–55. См. также: *Кузьменко Ю.К.* Некоторые синтактико-стилистические особенности... С. 141.

⁵ В статье используется текст, размещенный на сайте <http://www.snerpa.is/net/> (дата обращения 05.06.2013), в современной исландской орфографии. Поскольку исследование относится к области синтаксиса, а не фонологии или морфологии, использование новой орфографии вполне приемлемо. В сомнительных случаях текст проверялся по изданию: *Íslenzk fornrit. IX Bindi. Eyfirðinga sǫgur. Hið Íslenska fornritafélag.* Reykjavík MCMLVI. Ríkis prentsmiðjan Gutenberg Prentun: Steinholt 2001. Так, в данном случае фрагмент и в древнеисландской орфографии состоит из трех слов: *og kauptu landit* (с. 240).

Е. М. Чекалина

ШВЕДСКАЯ АКАДЕМИЧЕСКАЯ ГРАММАТИКА АБРАХАМА САЛЬСТЕДТА И ПЕРВЫЙ УЧЕБНИК ШВЕДСКОГО ЯЗЫКА ДЛЯ РУССКИХ

XVIII век вошел в историю Европы под знаком эпохи Просвещения, когда подъем национального самосознания и развитие национальной культуры и науки стали частью государственной политики. Важную роль в этих процессах играло отношение к родному языку как национальному достоянию, которое должно было стать предметом особого внимания и заботы со стороны государства и общества. В 1739 году в Стокгольме была основана Королевская Академия наук, просветительская деятельность которой во многом способствовала кодификации письменной и устной литературной нормы шведского языка¹. В уставе Академии говорилось, что все документы и издаваемые ею труды должны быть написаны на шведском языке; который тем самым окончательно получил официальный статус государственного языка образования и науки и занял в функциональной парадигме нишу, которая до этого принадлежала ученой латыни². В связи с этим особенно остро ощущалась настоятельная необходимость создания нормативной шведской грамматики и словаря.

Обе эти задачи взял на себя и успешно выполнил Абрахам Сальстедт (1716–1776), получивший образование в Уппсале и служивший в Стокгольме секретарем королевской канцелярии³. В 1747 году он обратился в Академию наук с прошением и представил проект «Правильной и полной грамматики и словаря шведского языка». Сальстедт родился и вырос в Стокгольме; поэтому в основу предложенных им грамматических и орфографических правил были положены особенности письменной и устной речи политической и культурной элиты и других представителей образованных слоев населения шведской столицы и прилежавших к ней территорий по берегам озера Меларен⁴.

Шведская грамматика, составленная А. Сальстедтом «в соответствии с привычным употреблением и одобренная Королевской Академией наук», увидела свет в 1769 году. Она была напечатана в Уппсале на средства книготорговца Аскергрена в типографии, принадлежавшей Юхану Едману, и продавалась в Стокгольме в академической книжной лавке по 2 талера 17 эре за экземпляр, о чем можно прочитать на титульном листе книги⁵. Эпиграфом к ней автор выбрал цитату из Горация на латыни с переводом на шведский язык: “Si velit usus, quem penes arbitrium est, et jus, et norma loquendi; Om bruket så vill, som har domsrätten, som är lag och rättesnöre för talet” («Если того желает обычай, который имеет решающее значение и который является законом и нормой речи»).

В том же 1769 году в Стокгольме вышел французский перевод «Шведской грамматики» А. Сальстета⁶, а через четыре года в Москве была напечатана «Шведская ГРАММАТИКА, по нынѣшнему онаго языка произношенію сочиненная, Королевскою Академіею Наукъ апробированная и по приказанію оной издана, АБРАГАМОМЪ САЛСТЕТОМЪ, Секретаремъ Королевскимъ, а съ онаго на Россійской языкъ переведена и приумножена правилами, разговорами и нѣкоторыми краткими исторіями Иваномъ Гекертомъ въ СанктПетербурѣ При морскомъ шляхетномъ кадетскомъ Корпусѣ»⁷.

В 1769 году вышел и составленный А. Сальстедтом словарь иноязычных слов с латинским названием “*Dictionarium psevdosvecanum*”, в который он включил 1475 французских заимствований с переводом на шведский язык⁸.

Наконец, в 1773 году был опубликован составленный им большой словарь шведского языка с латинскими толкованиями “*Swensk ordbok. Med latinsk uttolkning*”⁹.

Обращаясь в предисловии первого учебника шведского языка для русских к «Его Превосходительству ГЕНЕРАЛУ КАЗНАЧЕЮ, Государственной адмиралтейской коллегіи ЧЛЕНУ и морского шляхетнаго кадетскаго Корпуса Директору, Ивану Логиновичу ГОЛЕНИЩЕВУ-КУТУЗОВУ», И. Гекерт писал: «Но какъ Ваше Превосходительство по своему просвѣщенному разуму уже извѣстны, сколь полѣзно знать совершенно Европейскіе языки, между прочими необходимо нужна и сія Грамматика, для основательного знанія, какъ благородному, такъ и прочему юношеству Шведскаго языка»¹⁰.

Грамматика А. Сальстедта состоит из 16 глав, названия которых пошведски и в русском переводе выглядели так:

- I. Cap. Om Bokstäfwerna (О литерахъ).
- II. Cap. Om Artiklarna och Accenten (О членѣхъ и удареніи).
- III. Cap. Om Nomen Substantivum (О имени существительномъ).
- IV. Cap. Om Declinationerna (О склоненіяхъ).
- V. Cap. Om Nomen Adjectivum (О именахъ прилагательныхъ).
- VI. Cap. Om Adjectivi Declination (О склоненіи именъ прилагательныхъ).
- VII. Cap. Om Pronomen (О мѣстоименіяхъ).
- VIII. Cap. Om Verbum (О глаголахъ).
- IX. Cap. Om Verba Auxiliaria (О глаголахъ вспомогательныхъ).
- X. Cap. Om Conjugationerna (О спряженіяхъ).
- XI. Cap. Om Verba Anomala (О несходственныхъ глаголахъ).
- XII. Cap. Om Participium (О причастіи).
- XIII. Cap. Om Partiklarne (О частицахъ).
- XIV. Cap. Om Syntaxis (О сочиненіи словъ).
- XV. Cap. Om Stafnings sättet (О складованіи).
- XVI. Cap. Om Skiljetecknen och andra uti skrifwande brukliga (О знакахъ, въ писмѣ употребляемыхъ).

При описании фонетической системы гласных и согласных шведского языка А. Сальстедт, как и его современники — грамматисты и нормализаторы в других европейских странах, опирался на орфографические правила, например: «Согласныя буквы в Шведскомъ языкѣ повторяются тогда, когда произношеніе требуетъ крѣпкаго выраженія въ разсужденіи всякаго особливаго слова, что находить должно въ словарѣ»¹¹. Поэтому он всякий раз особо оговаривает случаи, которые не подпадают под общий принцип соответствия между графемой и звуком (то есть фактически фонемой): «...а тому малому числу словъ, кои общему правилу не послѣдуют, должно учиться чрез употребленіе и привычку»¹². Такую важную просодическую особенность шведского языка, как обязательная долгота ударного слога и ее распределение между гласным и согласным, он называл ударением и определял его как «тихое» в случае долгого корневого гласного и «крепкое» в случае долгого согласного: «О удареніи въ Шведскомъ языкѣ слѣдующее примѣчать должно: 1. Односложные слова выговариваются всѣ тихо, на пр: *Sed, Tak, Wal, Svar, Mat*; но когда будет двѣ согласныя, тогда выговаривается крѣпко, на пр: *Sedd, Tack, Wall, Starr, Matt*¹³... Примѣчать должно, что отъ оных и производныя имѣють равное въ выговоръ произношеніе, какъ ихъ первообразныя; а о удареніи на тѣ слова, которыя исключаются отъ сего общаго правила, долженъ иностранецъ чрезъ употребленіе научиться»¹⁴.

И. Гекерт добавил в учебник небольшую главу «О произведениии словъ», в которую включил краткие сведения о словоизменении, словообразовании и классификации частей речи, поместив ее второй после изложения важнейших правил орфографии и произношения. Эта глава начиналась общим грамматическим правилом: «Произведеніе словъ есть часть грамматики, которая учить откуда слова имѣють подлинное свое произхожденіе, могутъ ли оныя перемѣняться или нетъ, и какова суть сложенія. Переемѣняться значить здѣсь, чрезъ нѣкоторые падежи, числа, степени, наклоненія, времена и лица склоняться или спрягаться. Слова Шведскаго языка двѣятероякїя, кои имѣють слѣдующія грамматическїя наименованія: 1. Члены. 2. Имена. 3. Мѣстоименія. 4. Глаголы. 5. Причастія. 6. Нарѣчїя. 7. Предлоги. 8. Союзы. 9. Междуметїя»¹⁵.

В грамматике Сальстедта содержится много интересных наблюдений о шведском языке середины XVIII века, в чем можно убедиться, пролистав и ее, и учебник Ивана Гекерта. Так, в главе о склонении прилагательных обращено особое внимание на различия в показателях слабой формы единственного числа и множественного числа в зависимости от семантического и/или грамматического рода определяемого существительного. В оригинале и переводе И. Гекерта иллюстрирующий это пример звучит так: “**Denne lärde** mannen, som war den **Dygdiga** flickans fader, och har skrifwit den **lärda** boken, brukar inga **owanliga** ord. De **owanlige** orden bedraga icke **denna uplysta** Skribenten. Han har den **nödiga** kunskapen om orthographien; och af **samma nyttiga** lära, är han den **nyttige** läraren, som kan underwisa **andra lärgiriga**, om de annars äro **lärgirige**, såsom andre”¹⁶ («Сей ученый человекъ, который былъ отецъ **честныя** дѣвицы и писалъ **ученую** книгу, не употребляя **необыкновенныхъ** словъ. Но **обыкновенные** слова не обмануть **сего просвященнаго** писателя, онъ имѣеть **нужное** знаніе въ орфографїи, и отъ **сего полѣзнаго** ученія, онъ **полѣзный** учитель, который можетъ обучать **другихъ учащихся**, когда они наипаче имѣють охоту къ ученію, такъ какъ и **другіе съ раченіемъ учащїеся**»¹⁷).

В главе о местоимениях очень интересен отрывок о нормах употребления местоимений 2-го лица *Du* «ты», *I* «вы» и *Ni* «Вы»: “Af höflighets bruk, tiltalar man icke någon med *Du*, utan brukar i det ställe secunda persona pluralis *I*, på samma sätt som Fransosernas *Vous*. Men som detta gnällande *I* är obehagligt, och låter lika med præposition *I. in*: har man begynt at säga *Ni*: hwilket ock så wäl af dagligt tal, som af högres myndighet i skrifwande, är befastadt. Således när man talar til en enda person, säger man t.e. *Ni älskar. Ni hörer. Ni märker. Ni tager*. Där emot när man talar til flere personer, bör man rätta sig efter *paradigmata*, och

bruca I med secunda persona pluralis verborum, t.e. *I älsken. I hören. I märken. I tagen*»¹⁸ («Примѣчать должно, что для учтивости не говорить кому, *Du* ты, но употребляютъ вмѣсто онаго второе лицо множественнаго числа, равнымъ образомъ какъ у французовъ *Vous*. Но какъ оно не очень слуху пріятно, оно еже произносится съ предлогомъ *j* въ, и потому начали нынѣ говорить *ni*, и такъ когда надобно говорить съ однимъ человѣкомъ, то употребляется *ni*, на пр: *Ni älskar* вы любите, *Ni hörer* вы слышите, *Ni märker* вы примѣчаете, *Ni tager* вы берете, и пр. Въ противномъ случаѣ, когда говорятъ со многими людьми, тогда надобно располагать по примѣру и употреблять *j*, во второмъ лицъ множественнаго числа въ глаголахъ, на пр: *j älsken* вы любите, *j hören* вы слышите, *j märken* вы примѣчаете, *j tager* вы берете, и пр.»)¹⁹.

Многие правила шведской грамматики, сформулированные А. Сальстедтом, в изложении И. Гекерта кажутся современному читателю немного наивными, например: «Нѣкоторые глаголы суть несходственные, хотя они не сложны»²⁰. Однако они в полной мере отражают особенности жанра грамматик того времени, а в их звучании современный языковед, привыкший к сухой терминологии, ощущает особую прелесть, излучающую тепло живого человеческого голоса из прошлого.

В описании отдельных частей речи особенно интересна глава о частицах, к которым А. Сальстедт относил все неизменяемые слова: наречия, союзы, предлоги и междометия.

«Нарѣчіе, сїи частицы употребляются о времени или мѣстѣ или в щетѣ, въ утвержденїи или въ отрицанїи и сумнѣнїи, и пр. Всякое изъ нихъ найдется при своемъ мѣстѣ въ словаряхъ и когда узнаемъ ихъ означенїе, тогда и употреблять ихъ можемъ»²¹.

«Союзъ есть частица, которая соединяетъ слова и смыслъ въ рѣчи, на пр: *och* и, *emedan* понеже, *så* такъ, *men* но, *om* объ, *eller* или, *hwarken* ни, *dock* однако, *fördens skull* того ради, *ty* понеже, *som* какъ, *samt* купно, вмѣстѣ, употребляется когда много разъ *och* и, прежде употреблено было, о соединенїи сихъ частицъ больше упомянуто будетъ въ сочиненїи словъ. Междуметїе малое слово, которое употребляется при прозвѣ или удивленїи, желанїи, унынїи, и пр. на пр: *ach* ахъ! *aj* ой! о о! *hå ga!* *fi* ба, ба, ба! *we* ахти; *fju* фу! и пр.»²²

«Предлогъ есть неперемѣняющееся слово, которое поставляется къ другому и стоитъ иногда напередѣ, а иногда и позади, такимъ образомъ, какъ выше упомянуто., ихъ свойствамъ вообще учиться надобно въ словаряхъ, чрезъ примѣчанїе и упражненїе въ языкѣ; а грамматическихъ (то есть определяемыхъ правилами. — *Е. Ч.*) употребленїй нѣкоторыхъ при-

мѣтить можно здѣсь»²³. Интересно, что к предлогам А. Сальстедт относил и отделяемые ударные постглагольные частицы предложного происхождения, а также материально тождественные предлогам ударные в шведском языке приставки.

В первом параграфе главы «О синтаксисе», или по-русски «О сочинении слов», дано классическое определение грамматики как нераздельного единства науки, предмета ее практического изучения и искусства владения ею, то есть именно так, как это понималось языковедами и шире — мыслителями XVIII века: «Въ разсужденіи сего грамматика не иное что есть, какъ разными примѣчаніями о свойствѣ языка и употребленіи словъ пріобрѣтенное искусство, дабы чрезъ то можно было правильно говорить или писать. Сія наука состоитъ на нѣкоторыхъ основаніяхъ и правилахъ, которые не только къ тому служатъ, чтобъ разумѣть языкъ, но и содержать оной въ учрежденномъ стилѣ, тому сочиненіе словъ есть вспомогательный способъ для памяти, чтобъ примѣчать тѣ общіе основаніи и правила, по которымъ должно сии правила въ разговорахъ и писмахъ употреблять; чемъ меньше число оныхъ, тѣмъ лѣгче учиться языку; и сіе есть то же обстоятельный знакъ о чистотѣ и порядкѣ языка, когда нѣкоторое затрудненіе и неизвѣстность въ томъ найдется, тогда многіе разные правила служатъ больше къ замѣшательству, нежели къ ученію и тогда потребно почти къ всякой рѣчи особое правило и тѣмъ болѣе будутъ отягощать, множество оныхъ и скорѣе причинять затрудненіе въ ученіи, нежели помощь. Безъ того имѣеть всякой языкъ, то же и Шведской многіе выключенія и перемѣны, которымъ не нужно и не возможно дать причины, опредѣлить оныхъ менѣе. Иностранецъ долженъ учить оныя лутче чрезъ примѣчаніе и употребленіе въ разговорахъ и писмахъ»²⁴.

В конце книги Гекерт поместил 12 учебных диалогов, составленных пошведски с переводом на русский язык — “Allmenna samtal” («Общие разговоры»)»²⁵. «Первый разговор» содержал приветствия, обращенные к одному и нескольким лицам, и наиболее употребительные речевые формулы, например: «Здравствуй, государь мой /государыня моя; Добрый вечер, дѣвица сударыня моя / мой батюшка / моя матушка; Добрая ночь, мой братец / моя сестрица / мой дяюшка / моя тетушка; Вашъ слуга, государь мой; Здоровы ли вы? И какъ вы обрѣтаеесь? Слава богу, хорошо; Нарочито хорошо; Такъ, какъ обыкновенно; Пожалуйте, садитесь; Подай стулъ господину».

Во «второй разговор» «Когда кого пошцают по утру» были включены, например, такие вопросы и ответы: «Мой другъ, гдѣ твой господинъ?»

Спит ли он еще? Нѣтъ государь мой, онъ уже проснулся. Всталъ ли онъ уже? Нѣтъ государь мой, онъ еще лежитъ. Извольте войтить, когда вамъ угодно; Какъ? Вы еще лежите? Я вчера поздно легъ спать такъ, что сего дня не могъ встать рано. Что вы после ужина дѣлали? Какъ скоро вы ушли, начали мы веселиться. Теперь я не удивляюсь, что вы такъ поздно встаете».

«Третій разговоръ» «О одѣянїи» содержит диалоги молодого дворянина со слугой: «Скорѣй сдѣлай огонь и одѣвай меня. Огонь уже готов, государь мой. Дай мнѣ мою рубашку. Вотъ она государь мой. Она не тѣпла и еще холодна. Когда Вамъ угодно, то я для васъ ее нагрѣю; Дай мнѣ шелковые чулки. На нихъ есть дыры, они разорваны. Можешь ли ты починить ихъ? Я давал ихъ чулошницѣ; Чеси меня тихонько. Возми другой гребень, который не дереть».

Название четвертого разговора «Дворянинъ и портной» говорит само за себя, как и название пятого разговора — «О завтраке», например: «Принесли ли вы что нибудь завтракать? Да, тамъ есть маленькіе пирожки и радизы. Я принесу вамъ баранье рѣбро, которое я на рѣшеткѣ жарилъ. Не забудь также взять съ собою и цитронъ».

«Шестой разговоръ» называется «Говорить по Шведски». Вот лишь некоторые из включенных в него вопросов и ответов: «Разумѣете ли вы хорошо Шведской языкъ? Не очень хорошо, я почти ничего не разумѣю. Однако сказываютъ, что вы хорошо говорите. Я бы желалъ, чтобъ эта была правда, то бы я зналъ то, что я не знаю. Часто говорить есть легчайшее средство и способъ учиться по Шведски. Когда хочешь говорить, тогда знать что нибудь надобно. Вы уже давно знаете. Я больше не знаю, какъ четыре или пять словъ, которые я наизусть училъ. Сїе довольно для начала разговора». Разговор на эту тему заканчивается следующими словами: «Когда бы я такъ сталъ говорить, то стали бы люди надо мною смѣяться. Не знаете ли вы, когда хотятъ хорошо говорить, надобно зачинать худо говорить».

«Седьмой разговоръ» «О вѣтрѣ (то есть о погоде. — Е. М.) и времени»: «Какая погода? Хорошая погода. Худая погода. Ожидать должно дождя. Снег идетъ. Гремить. Градъ идетъ. Молнїя блистаетъ. Который часть? Время завтракать. Скоро будетъ время обѣдать. Пойдемъ теперь прохаживаться. Не надобно выходить въ теперешнѣе время».

«Осмый разговоръ» посвящен тому, «какъ спрашивать о новомъ извѣстїи», например: «Что новаго слышно? Не знаете ли вы чего новаго? Я ничего не слышалъ. О чемъ говорятъ ныне? Почти ни о чемъ не говорятъ.

Не слышали ли вы, что говорят, будто мы будемъ имѣть войну? Я ничѣво о томъ не слыхалъ».

«Девятый разговоръ» называется «Спрашивать о какойнибудь персонѣ» и содержит, к примеру, такие реплики: *«Какой это дворянинъ былъ? Который теперь съ вами говорилъ. Онъ дворянинъ из моей земли. Я думалъ, что онъ Французъ. Нѣтъ, онъ рожденъ въ Стокгольмѣ. Онъ говоритъ очень хорошо по Французски. Онъ говоритъ такъ хорошо по Французски, какъ по Италіански, по Гишпански и по Англиски, что онъ между Италіанцами Италіанецъ. Онъ говоритъ по Французски, какъ природный Французъ. Въ Гишпаніи, какъ Гишпанецъ, а въ Англійи, какъ Агличанинъ. Очень трудно исправно знать столь многіе разные языки. Онъ долго былъ во всѣхъ сихъ земляхъ».*

«Десятый разговоръ» имеет название «Въ разсужденіи писанія», например: *«Дайте мнѣ листъ бумаги, перо и нѣсколько чернилъ? Подите въ мой кабинетъ, тамъ найдете вы все то, что вамъ надобно».*

В «Одиннадцатый разговоръ» «О торгѣ» включены, например, такие вопросы и ответы: *«Что вы изволите, государь мой, и что ищете вы? Я хочу хорошаго и красиваго сукна на платье. Пожалуйте сюда, государь мой, здѣсь вы найдете на и лучшее сукно, которое находится въ Петербургѣ. Покажи мнѣ на и лучшее изъ всѣхъ. Очень красиво, да и такое сукно, которое нынѣ употребляется. Хорошо, но цвѣтъ мнѣ не нравится. Вотъ этотъ свѣтлѣе кусокъ. Цвѣтъ мнѣ нравится, но сукно не очень крѣпко, и очень тонко. Посмотри этотъ кусокъ, государь мой, вы не сыщете нигдѣ лучше этого. По чему аришинъ? Ни безъ копѣйки три рубля. Государь мой, я не привыкъ долго торговаться, прошу васъ мнѣ сказать послѣднюю цѣну. Я вамъ оно сказалъ, государь мой, что оно коштуетъ столько. Очень дорого. Я вамъ дамъ съ полтиною два рубли. Ни безъ копѣйки меньше. Однако вы тово не получите, что требуете».*

«Двенадцатый разговоръ» содержит вопросы и ответы «О путешествіи», например: *«Много ли миль отъ сюда до Петербурга? Семь. Мы сего дня не доѣдемъ».*

Учебник завершается 69 короткими поучительно-развлекательными текстами, которые Гекерт назвал «Краткие повести»²⁶. Их героями являются философы Сократ и Диоген, представители светской и духовной власти, например кайзер Священной Римской империи Август, шведская королева Кристина, король Франции Людовик XIV, королева Англии Елизавета, турецкий султан Магомет IV, папы и кардиналы католической церкви и другие известные личности, а также реальные и вымышленные персонажи.

Это представители различных наций и конфессий (пожалуй, кроме самих шведов): en Gaskonier — гасконец; en Turkiska — турчанка; en snål Turk — скупой турок; Engeländarena som begaf sig til sjöss och öfwergofwo staden Calais — англичане, которые переправились морем и сдали город Кале; en i det 30 åra kriget tapper Krigshjelte wid namn Micael Obentraut — отважный герой Тридцатилетней войны по имени Микаэль Обентраут; en Wenetianisk — венецианец; trenne Iesuitter — три иезуита; en Christen som blev en Turk — христианин, ставший турком (то есть обратившийся в ислам. — *E.M.*); en förnäm herre i Spanien — знатный господин в Испании; en Portugis under sista kriget mellan Spanien och Portugal — португалец во время последней войны между Испанией и Португалией; en Hofman hos Konungen i Danemark — придворный короля Дании; en rik handelsman i Neapel — богатый торговец в Неаполе; en Gaskonisk soldat — солдат из Гаскони и др.

Так академическая грамматика А. Сальстедта стала первым учебником шведского языка для русских, который хранится теперь в Музее книги Российской государственной библиотеки в Москве. Она интересна еще и тем, что в ней впервые была четко сформулирована идея о возможности сопоставления языков как научная и прикладная задача: «Шведской языкъ имѣть сходство съ другими языками въ свѣтѣ, что онаго сочиненію словъ легко учиться съ примѣчаніемъ въ чтеніи и употребленіямъ въ разговорахъ и писмахъ, нежели чрезъ опредѣленные правила, но нынѣ нашли опытомъ, что оному такъ, какъ и Латинскому языку, которой казался весьма труднымъ, лѣгче учиться симъ способомъ, нежели прежде употребленными способами ученія наизусть грамматическимъ правиламъ, такіе же свойства имѣть и нынѣ почитаемый Французской языкъ и можно справѣдливо заключить то же и о Шведскомъ языкѣ»²⁷.

* * *

¹ *Wellander E.* Svensk akademisk språkvård under sjuttonhundratalet // *Septentrionalia et orientalia. Festskrift till Karlgren.* Stockholm, 1959. S. 429–449.

² *Hovdhaugen E.* The first vernacular grammars in Europe: the Scandinavian area // *Histoire Épistémologie Langage.* IX 1, 1987. P. 76–80; *Teleman U.* Veta och vilja. Om ortografer och grammatiker som språkvårdare under svenskt 1600- och 1700-tal // *Studier i svensk språkhistoria, 6. Folkmålsstudier.* Åbo, 2002. S. 34–54.

³ *Noreen A.* Vårt språk. Nysvensk grammatik i utförlig framställning. Första bandet. Lund, 1903. S. 203–205; *Lindroth S.* Svensk lärdoms historia. Tredje bandet. Stockholm, 1978. S. 798–800.

⁴ *Bessen Э.* Скандинавские языки / пер. С.С. Масловой-Лашанской. М.; Л., 1949. С. 125; *Palmér J.* Till några regler i Sahlstedts grammatika // *Språk och stil,* 19. Uppsala, 1919. S. 31–36; *Teleman U.* Åra, rikedom och reda. Svensk språkvård och

språkpolitik under äldre nyare tid. Skrifter utgivna av Svenska språknämnden, 85. Stockholm, 2002. S. 179–180.

⁵ *Sahlstedt A.* Svensk Grammatika efter det nu för tiden brukliga sättet at tala och skrifwa. Uppsala, 1769.

⁶ *Sahlstedt A.* Grammaire Svedoise, contenant les regles de cette langue etablies par l'usage n'à present, avec l'approbation et après les ordres de l'academie royale des sciences, par Mons. ABRAHAM SAHLSTEDT Secret. du Roi. Traduite du Svedois. Stockholm, 1769.

⁷ *Гекерт И.* Шведская ГРАММАТИКА, по нынѣшнему онаго языка проношеною сочиненная, Королевскою Академією Наукъ апробированная и по приказанію оной издана, АБРАГАМОМЪ САЛСТЕТОМЪ, Секретаремъ Королевскимъ, а съ онаго на Россійской языкъ переведена и приумножена правилами, разговорами и нѣкоторыми краткими исторіями Иваномъ Гекертомъ въ СанктПетербурѣ При морскомъ шляхетномъ кадетскомъ Корпусѣ 1773 года.

⁸ *Sahlstedt A.* Dictionarium pseudo-svecanum. Västerås, 1769.

⁹ *Sahlstedt A.* Svensk Ordbok. Med Latinsk Uttolkning. På Kongl. Maj:ts Allernådigste Befallning Författad. Stockholm, 1773.

Все три книги А. Сальстедта и французский перевод его грамматики поступили после окончания Второй мировой войны из Берлинской городской библиотеки в хранение бывшей «Ленинки» и находятся теперь среди других зарубежных изданий XVIII века в филиале Российской государственной библиотеки в Химках.

¹⁰ *Гекерт И.* Указ. соч.

¹¹ Там же. С. 9.

¹² Там же. С. 2.

¹³ Там же. С. 13.

¹⁴ Там же. С. 15.

¹⁵ Там же. С. 10–11.

¹⁶ *Sahlstedt A.* Svensk Grammatika... S. 46.

¹⁷ *Гекерт И.* Указ. соч. С. 46.

¹⁸ *Sahlstedt A.* Svensk Grammatika... S. 39.

¹⁹ *Гекерт И.* Указ. соч. С. 53.

²⁰ Там же. С. 112.

²¹ Там же. С. 121.

²² Там же. С. 123.

²³ Там же. С. 123–124.

²⁴ Там же. С. 130–131.

²⁵ Там же. С. 152–176.

²⁶ Там же. С. 177–202.

²⁷ Там же. С. 130.

А. В. Савицкая

ИНТЕРНАЦИОНАЛИЗМ ИЛИ «ЛОЖНЫЙ ДРУГ»? О СУДЬБАХ НЕКОТОРЫХ ОБЩИХ ЗАИМСТВОВАНИЙ В ШВЕДСКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ

Работая с любой парой языков, даже близкородственных, человек неизбежно сталкивается со значительной группой лексики, заимствованной этими языками из одного источника и отличающейся большей или меньшей степенью близости звучания и значения. Языки-источники подобной «общей» лексики варьируются в зависимости от ее принадлежности к тому или иному семантическому полю и стилистическому пласту. Если, например, в науке доминируют заимствования из латыни и греческого, то в искусстве — заимствования из французского и итальянского языков, а в экономике, шоу-бизнесе и спорте — из английского языка. Однако независимо от языка-источника подобная лексика составляет в каждом языке особую группу заимствований, «так называемых интернационализмов, то есть слов и строительных элементов словаря, получивших (в соответствующих национальных вариантах) распространение во многих языках мира»¹.

Следует, правда, оговорить, что понятие «лексический интернационализм» носит относительный характер. Набор интернационализмов в различных языках может быть несколько разным. Например, далеко не все интернационализмы германских языков представлены в русском и наоборот. Семантика интернационализмов в разных языках во многих случаях одинакова (ср.: шв. *universitet* ‘университет’, *musik* ‘музыка’, *continent* ‘континент’), но далеко не всегда. Довольно часто национальные варианты интернациональных слов сильно отличаются друг от друга не только по звуковому и морфологическому оформлению, но и по значению и степени употребительности в языке. В паре языков «шведский–русский» таких примеров много (*lektor* ‘преподаватель высшего или среднего учебного

заведения' и русский «лектор», *kex* 'печенье' и русский «кекс»). С.С. Маслова-Лашанская отмечает, что «слова разных языков, у которых явственно воспринимаемая материальная (=звуковая) близость сочетается с большим или меньшим семантическим расхождением, могут быть названы словами-близнецами»². В контексте перевода подобную лексику обычно называют «ложными друзьями переводчика».

Причины возникновения шведско-русских «ложных друзей», а также их разновидности достаточно хорошо описаны в «Лексикологии шведского языка» С.С. Масловой-Лашанской³ и в предисловии к Шведско-русскому и русско-шведскому словарю «ложных друзей переводчика» Т.А. Чесноковой⁴. Цель же данной публикации — напротив, показать, что в последнее время целый ряд «ложных друзей» переходит в разряд «истинных друзей переводчика». В этом контексте актуальной представляется мысль В.В. Акуленко, который применительно к паре языков «английский–русский» говорит о том, что их «ложные друзья» в подавляющем большинстве случаев «представляют собой прямые или опосредованные заимствования из общего третьего источника»⁵. Таким «общим источником» для шведского и русского языков в последние десятилетия является прежде всего английский язык. Материалом для исследования, помимо указанного словаря Т.А. Чесноковой, послужили шведские толковые словари последних десятилетий, Толковый словарь русского языка конца XX века⁶, книга И.Б. Левонтиной «Русский со словарем»⁷, а также примеры, взятые с сайтов Интернета и из собственного переводческого опыта автора.

Обращение к данной теме в первую очередь связано с переменами, произошедшими в жизни русского общества в конце XX века и оказавшими сильнейшее влияние на развитие русского языка. Общеизвестно, что в периоды исторических и социальных потрясений процессы языкового развития ускоряются и наиболее подверженной изменениям оказывается лексика как самая подвижная и восприимчивая часть языка. Во введении к Толковому словарю русского языка конца XX века Г.Н. Складаревская систематизирует произошедшие за этот период языковые изменения⁸. Особо актуальными в контексте «ложных друзей переводчика» представляются два момента: массовое вхождение в русский язык заимствований (преимущественно из американского варианта английского языка) и интенсивность семантических преобразований. Следует также отметить, что, хотя шведское общество и не претерпело в последние десятилетия столь кардинальных перемен, как русское, перемены в нем все же происходили, и указанные Г.Н. Складаревской моменты являются актуальными и для шведского

языка. Вместе с тем нельзя не учитывать того, что целый ряд сторон жизни общества, уже давно ставший привычным для шведов, оказался для русских новыми реалиями, потребовавшими наименований. Появление в русском языке соответствующей лексики, чаще всего интернациональной, существенно облегчило работу переводчиков. Например, фиксирующееся в шведском языке с 1939 года слово “*socialarbetare*” (ср. англ. social worker) обрело русский эквивалент «социальный работник» только с появлением у нас соответствующей службы; заимствованное шведским языком в 60-х годах из английского слово “*butikskedja*” (< chain) перестало быть трудным для перевода с появлением у нас сетевых магазинов.

Некоторые интернационализмы шведского и русского языков, ранее отличавшиеся в основном степенью употребительности и определенными коннотациями, в последние десятилетия значительно сблизились. Так, если в шведском языке слово “*problem*” уже давно отличается высокой частотностью, то для русского языка, как отмечает И.Б. Левонтина, в последнее время «стало очень характерным использование слова “*проблема*” там, где раньше сказали бы просто “*неприятность*”»⁹. Аналогичное наблюдение можно сделать по поводу слова «проект», которое в русском языке, по словам того же автора, сейчас «захватило все сферы жизни»¹⁰, в то время как в шведском языке слово “*projekt*” сделало это на несколько десятилетий раньше.

Обратимся к некоторым примерам «ложных друзей» из словаря Т.А. Чесноковой, которые за последнее время, судя по всему, утратили или утрачивают этот статус.

— **Ambitiös** — **амбициозный**. Русский член этой пары объясняется в словаре как «самолюбивый, спесивый», в то время как шведский обладает положительными характеристиками: «честолубивый, целеустремленный». Надо отметить, что и в шведском языке это прилагательное вплоть до 1950-х годов обладало негативными коннотациями, однако затем стало употребляться исключительно в положительном смысле. В русском языке аналогичный сдвиг в семантике этого прилагательного, судя по всему, наблюдается в последнее десятилетие. Толковый словарь русского языка конца XX века еще показывает те же значения, что и словарь Т.А. Чесноковой, в то время как в книге И.Б. Левонтиной, вышедшей в 2010 году, говорится о том, что амбициозность становится положительным качеством: «*Амбициозный карьерист* был героем для фельетона, однако постепенно он становится героем нашего времени»¹¹.

— **Positiv** — **позитив**. Русский член этой пары обладает в словаре Т.А. Чесноковой только одним значением — «фото», в то время как у шведского

слова (которое может быть как существительным, так и прилагательным) присутствует целый набор значений, первым из которых является «позитивный, положительный». Вместе с тем И.Б. Левонтина пишет, что у нас «сейчас в моде слова “*позитивный, позитивно, позитив*”»¹². Слово «позитивный» является в русском языке давним прямым заимствованием, на протяжении многих лет сосуществующим с калькой «положительный». В целом ряде случаев эти прилагательные оказывались взаимозаменяемыми (позитивные/положительные изменения), однако сейчас появились контексты, в которых замена оказывается невозможной (развлекательный позитивный портал, позитивный визит). И.Б. Левонтина приводит два примера — «положительный человек» и «позитивный человек» — и говорит о том, что это совершенно разные вещи. В первом случае речь идет о человеке морально устойчивом, скучновато-правильном, надежно-предсказуемом, а во втором — о человеке с «позитивной» жизненной установкой, думающем «позитивно», от взаимодействия с которым получается «позитивный» эффект¹³. Следовательно, на сегодняшний день перевод словосочетания “*positiv person*” не составляет труда — это «позитивный человек», от общения с которым люди получают сплошной «позитив».

— **Kriminal** — **криминальный**. В этой паре тоже можно отметить небольшое изменение, касающееся употребления русского слова «криминальный». Помимо выделенных Т.А. Чесноковой значений «уголовный; преступный», Толковый словарь русского языка конца XX века дает новое значение этого слова — «предназначенный для борьбы с уголовной преступностью». Следовательно, представленный в Словаре «ложных друзей переводчика» пример *kriminalpolis* теперь можно переводить не только как «уголовная полиция», но и как «криминальная полиция». Об этом свидетельствуют как многочисленные употребления этого словосочетания в переводах детективов, так и 7 млн ответов при его поиске в Интернете.

— **Animation** — **анимация**. Для русского слова этой пары в словаре Т.А. Чесноковой указываются два значения: «вид синтетического искусства» и «технология мультимедиа»; для шведского слова — только одно: «мультипликация». Вместе с тем Большой толковый словарь русского языка указывает для слова «анимация» только одно значение: «мультипликация». Это же значение можно легко обнаружить на сайтах Интернета. Следовательно, шведское слово перестало быть для переводчика «ложным другом».

Думается, что на грани сближения в одном из значений пребывает пара «**panel** — **панель**». Насколько можно судить, у русского слова «панель»

пока еще не выделяются отмеченные Т.А. Чесноковой для шведского слова значения «экспертная группа» и «панель (для участия в дискуссии)». Однако широкая распространенность словосочетания «панельная дискуссия» (шв. *paneldebatt*) свидетельствует о том, что такие значения вскоре появятся.

Можно обратить внимание еще на одну пару — «**mobil** — **мобильный**». Следует оговорить, что в шведском языке данное слово является не только прилагательным, но и существительным. Согласно словарю Т.А. Чесноковой, «ложным другом» оно оказывается, именно будучи существительным, поскольку, помимо «мобильного телефона», может означать «висячее комнатное украшение с подвижными частями». Складывается, однако, впечатление, что здесь также намечается определенное сближение. Дело в том, что собственного слова для названия подобных украшений в русском языке пока нет, хотя сами украшения появились. На сегодняшний день, если речь идет о детской игрушке аналогичного принципа действия, ее чаще всего называют «мобиль» или «мобайл» (от англ. *mobile* 'движение'). Замечу, что попытки переводчика выяснить у продавцов и знакомых, как называется подобное «взрослое» украшение, ничего, кроме этих наименований, не выявили.

Представляется интересным остановиться также на интернациональной лексике, не входившей в разряд «ложных друзей», но появившейся или видоизменившей семантику в шведском языке раньше, чем в русском, что до последнего времени создавало определенные проблемы при переводе. Например, прилагательные “**effektiv**” и «**эффективный**» на протяжении долгого времени употреблялись в обоих языках сходным образом и являлись вполне удачными эквивалентами при переводе: *en effektiv metod* ‘эффективный метод’, *en effektiv behandling* ‘эффективное лечение’. Затем в шведском языке это прилагательное стало употребляться для характеристики человека, и при переводе поначалу пользовались такими эквивалентами, как «деятельный», «активный». Теперь же, по свидетельству И.Б. Левонтиной, словосочетание «эффективный человек» стало широко употребляться и в русском языке. Она даже приводит название книги «Формула успеха, или Философия жизни эффективного человека»¹⁴.

В шведском языке с 1959 года фиксируется прилагательное “*kreativ*” (< creative), которое в дальнейшем начинает широко использоваться в разных словосочетаниях. Его русскими эквивалентами обычно выступали такие прилагательные, как «творческий», «созидательный». Однако в настоящее время прилагательное «креативный», а также существительное «креатив» и даже глагол «креативить» относятся специалистами по русско-

му языку к числу модных. Поиск на сайтах Интернета дает 56 млн ответов. «Креативными» могут быть люди, фотографии, прически, подарки и т.д.

Облегчить работу переводчика могут не только прямые, но и семантические заимствования, при которых уже имеющиеся в языке слова приобретают новые значения по аналогии с языком-источником заимствования. В качестве примера можно взять английское слово “*challenge*”, которое еще в 90-е годы вывело в разряд высокочастотных шведский эквивалент “*utmaning*”, ставший чрезвычайно неудобным для перевода на русский язык. В конце 90-х годов группа русских переводчиков дружно смеялась над одной фразой в переведенной на русский язык рекламной брошюре Шведского института. В оригинале фраза звучала: “*Sverigefrämjandet är en utmaning*”, а по-русски значило: «Популяризация Швеции — это вызов». Предлагались разные альтернативные варианты: «это увлекательно», «это интересная задача» и некоторые другие. На сегодняшний день фраза из брошюры воспринималась бы, очевидно, как вполне приемлемая. Аналогичное употребление слова «вызов» регулярно доносится с экранов телевизоров и встречается в прессе. И.Б. Левонтина отмечает, что в последнее время слово «вызов» буквально на наших глазах расширяет свое значение — реклама говорит о «вызовах жизни», кто-то «чувствует великий вызов» и т.д.¹⁵

Хотелось бы также отметить, что общие английские заимствования в шведском и русском языках могут не только устранять «ложных друзей переводчика» (что происходит, безусловно, чаще), но и способствовать созданию новых. Так, в обоих языках с давних времен существует прилагательное «комфортабельный» (шв. *komfortabel*), восходящее к английскому *comfortable*, но изначально имевшее в них сходную и достаточно ограниченную по сравнению с английским прилагательным сферу употребления: *en komfortabel våning* ‘комфортабельная квартира’. Правда, в шведском языке значительно более употребительным было старое немецкое заимствование “*bekväm*”, более соответствующее русскому «удобный». В дальнейшем ситуация в обоих языках изменилась. В русском языке широкое распространение получило прилагательное «комфортный», отсутствующее в шведском. Зато в шведском языке в середине 90-х годов и “*komfortabel*”, и “*bekväm*” приобрели под влиянием того же “*comfortable*” новые значения, соответствующие русскому «комфортный». Например: “*Hon kände sig inte bekväm på sin nya arbetsplats*” — «На новом рабочем месте она чувствовала себя некомфортно»; “*En del av spelarna kände sig inte riktigt bekväma i tajta kläder*” — «Часть игроков чувствовала себя не слишком комфортно вoble-

гающих костюмах); “Jag känner mig komfortabel” — «Я чувствую себя комфортно». Отвечая на вопрос радиослушателя о том, действительно ли по-шведски теперь можно сказать “det känns okomfortabel” — «это представляется некомфортным», шведские специалисты по языковому нормированию говорят, что колоссальное влияние английского языка на шведскую разговорную речь дает основания полагать, что в будущем прилагательные “komfortabel” и “okomfortabel” станут употребляться значительно чаще, причем как о мебели, так и об ощущениях¹⁶. Поскольку в русском языке «комфортабельным», по словам И.Б. Левонтиной, может быть «только что-то созданное человеком и для человека»¹⁷, то мы можем говорить о возникновении новой пары «ложных друзей»: **komfortabel** — **комфортабельный**.

Как видно из вышеизложенного, в последние десятилетия проникновение в русский язык огромного количества английских заимствований, уже ранее укоренившихся в шведском языке, в целом ряде случаев способствует облегчению задачи переводчика. Некоторые пары «ложных друзей переводчика» постепенно утрачивают этот статус. Хотелось бы подчеркнуть, что целью данной статьи отнюдь не являлся поиск ошибок или неточностей в полезном и нужном словаре Т.А. Чесноковой. Общеизвестно, что любой словарь в отдельных моментах устаревает еще до выхода из печати, поскольку лексическая система языка чрезвычайно динамична. В данном же случае речь идет о том, что русский язык в последнее время впитывает заимствования особенно быстро, поскольку к этому располагает новый жизненный уклад. О плюсах и минусах английских заимствований и их влиянии на развитие русского языка уже написано множество статей и наверняка будет написано еще много. На этом фоне представлялось интересным затронуть вопрос о таком «побочном» следствии этого процесса, как взаимодействие русского языка с другим языком (в данном случае — шведским), который не в меньшей степени испытывает на себе английское влияние, только начал подвергаться ему в таком масштабе значительно раньше.

* * *

¹ Маслов Ю.С. Введение в языкознание. М., 1987. С. 205.

² Маслова-Лашанская С.С. Лексикология шведского языка. 2-е изд. СПб., 2011. С. 114.

³ Там же. С. 115–116.

⁴ Чеснокова Т.А. Шведско-русский и русско-шведский словарь «ложных друзей переводчика». М., 2011. С. 9–12.

⁵ Акуленко В.В. О «ложных друзьях переводчика». URL: <http://www.homeenglish.ru/Textakul.htm>

⁶ Толковый словарь русского языка конца XX века. Языковые изменения. СПб., 1998.

⁷ Левонтина И.Б. Русский со словарем. М., 2010.

⁸ Толковый словарь русского языка конца XX века. С. 8–10.

⁹ Левонтина И.Б. Указ. соч. С. 15.

¹⁰ Там же. С. 55.

¹¹ Там же. С. 96.

¹² Там же. С. 27.

¹³ Там же. С. 28.

¹⁴ Там же. С. 19.

¹⁵ Там же. С. 14–15.

¹⁶ Andersson L.-G., Ringarp A.L. Språket. Norstedts Akademiska Förlag, 2007. S. 87.

¹⁷ Левонтина И.Б. Указ. соч. С. 60.

Е. В. Краснова

РЕАЛИЗАЦИЯ ОППОЗИЦИИ «СВОЙ–ЧУЖОЙ» В КНИГЕ «ПУТЕШЕСТВИЕ В РОССИЮ» ПЕДЕРА ФОН ХАВЕНА

Наблюдающийся в последние десятилетия рост интереса к межкультурным различиям и в связи с этим к изучению стереотипов восприятия одних народов другими, несомненно, связан с глобализацией, ростом культурных контактов и практическими потребностями в сфере межкультурной коммуникации. Обращение к истории формирования традиционных представлений о другой культуре невозможно без изучения путевых заметок путешественников прошлых веков. Путешествие и в наше время является лучшим способом погружения в незнакомый культурный контекст, но несколько веков назад это был единственный способ знакомства с чужой культурой. Записки путешественников как нельзя лучше иллюстрируют реализацию оппозиции «свой–чужой», на основе которой формируются стереотипические представления о другом народе.

В 1493 году между Данией и Россией были установлены официальные отношения, но благодаря относительной географической близости эти две страны и прежде имели многочисленные контакты. Очевидно, что при формировании стереотипов восприятия русской культуры в датском обществе играли роль многие факторы, но, по утверждению П.У. Мёллера, именно записки путешественников долгое время являлись для датчан основным источником сведений о России и лишь позднее, начиная со второй половины XVIII века, переводная литература и журналистика начинают влиять на формирование представления о русских¹.

История восприятия русской культуры в датском обществе на протяжении XVII–XIX веков содержит множество интересных свидетельств. В это время датчане нередко приезжали на службу в Россию, ведь для большинства из них Россия тех лет была тем, чем на рубеже XIX и XX веков для

жителей Скандинавских стран стала Америка — страной безграничных возможностей, где можно было реализовать себя. Приезжавшие в Россию военные, путешественники, учителя оставили заметки, воспоминания и другие документальные свидетельства своего пребывания в России. Одним из наиболее значительных свидетельств стала книга датского пастора П. фон Хавена «Путешествие в Россию». Эти заметки о путешествии, принятом в 1736–1739 годах по России, — уникальный исторический источник, позволяющий современному читателю взглянуть на ту далекую эпоху глазами человека другой культуры. В Дании книга вышла в 1743 году и позволила датской публике познакомиться с новой, послепетровской Россией, представив точную и детально проработанную картину жизни России и, несомненно, повлияв на восприятие России не только в Скандинавии, но, возможно, и в других странах, поскольку эта книга вскоре после выхода была переведена на немецкий язык.

В России этот труд до 2007 года был известен лишь узкому кругу скандинавистов, но благодаря специалисту по истории Скандинавии В.Е. Возгину, который не только выполнил перевод, но и составил подробный исторический комментарий, примечания и биографический очерк, эта книга доступна теперь и российским читателям².

П. фон Хавен родился в 1715 году в г. Оденсе на острове Фюн. После окончания в 1734 году теологического факультета Копенгагенского университета он сначала для продолжения обучения отправляется в Германию, но затем, очевидно, под влиянием одного из преподавателей немецкого университета, летом 1736 года принимает решение попытаться счастья в России. Прибыв в Петербург, он вскоре занял место заместителя инспектора школы Петершуле, а затем его рекомендовали в качестве секретаря норвежскому контр-адмиралу П. Бредалю, служившему в России еще с Петровских времен и с 1736 года командовавшему строительством Донской флотилии. Согласно условиям найма молодой теолог должен был также исполнять обязанности проповедника для моряков евангелического вероисповедания, служивших в Кронштадте и Петербурге, а затем и для единоверцев на юге России, куда через несколько месяцев должен был выехать П. Бредаль. В марте 1737 года контр-адмирал и его секретарь-проповедник отправляются через Новгород, Москву и Тулу на Дон. Позднее П. фон Хавен возвращается в Москву, где в течение года работает учителем в семье генерала Ю.Н. Репнина. Получив в 1739 году сообщение о смерти отца, он возвращается в Данию³.

Записки П. фон Хавена отличаются от многих других воспоминаний его современников тем, что автор получил возможность познакомиться не

только с жизнью Петербурга и Москвы, но и увидеть «непарадную» Россию. Ему случалось совершать достаточно длинные путешествия, как зимой, так и летом, ночевать в простых крестьянских избах, он мог наблюдать жизнь провинции, у него было достаточно времени, чтобы получить информацию как от русских, так и от живущих в России иностранцев, он мог познакомиться с укладом жизни самых разных групп населения.

Записки П. фон Хавена, хотя и подверглись последующей обработке, изначально не создавались в качестве литературного текста и потому интересны как проявление непосредственной реакции датского пастора на увиденное им в России⁴. Их отличает откровенность, широта изложения, постоянный интерес к окружающей действительности и внимание к деталям.

Труд П. фон Хавена, однако, несвободен от мелких неточностей и ошибок, отмеченных в комментариях В.Е. Возгина⁵, но для изучения восприятия культуры эти фактологические неточности могут представлять особый интерес, ведь восприятие предмета или явления никогда не бывает идентично воспринимаемому, на него влияют многие факторы, в частности коллективные представления и индивидуальные особенности.

Показательно, что книга П. фон Хавена вышла с предисловием Л. Хольберга — великого датско-норвежского писателя-просветителя. Л. Хольберга, с которым П. фон Хавен познакомился после возвращения в Данию, всегда интересовали быт и культура других народов. Именно Л. Хольберг уговорил П. фон Хавена издать книгу о путешествии в Россию, увидев в его заметках не просто описание великой страны, но и заметный вклад в культурное посредничество.

В своем предисловии Л. Хольберг дает очень высокую оценку книге П. фон Хавена: «[Это сочинение]... написано в доброжелательном тоне и с юмором. Оно содержит различные любопытные сведения, известные не всем»⁶. Кроме этого, Л. Хольберг высказывает сожаление, что из многих путешественников не найти ни одного, кто одарил бы по возвращении свое Отечество чем-то подобным. Он отмечает, что П. фон Хавен «не просто путешествовал, но путешествовал с намерением учиться самому и научить других»⁷.

Труд П. фон Хавена содержит подробные природно-географические и этнографические материалы (он, в частности, рассказывает о жизни донских казаков, крымских татар и калмыков⁸), детальную информацию о быте, нравах, традициях и представляет собой важный источник информации о России тех лет. Автор стремится к почти энциклопедической точности, он, например, подробно описывает крепостные сооружения Крон-

штадта, приводит точное число кораблей, стоящих на рейде в этом городе, знает число почтовых станций между Москвой и Петербургом и количество лошадей на каждой из них, попутно информирует читателя о русских мерах длины и веса и ценах на продукты, дает детальное описание того, как выглядит русская деревня, описывает технологию строительства бревенчатого дома и организацию надворных построек, приводит множество деталей о жизни и быте России той эпохи. Все эти сведения представляют большой интерес не только как источник знаний об эпохе, но и для изучения формирования стереотипов, и в этом случае читатель обращает внимание в первую очередь на то, что оказывается между строк, между цифрами и фактами, — на отражение устоявшихся стереотипов в тексте, а также на общую тональность тех страниц, где присутствует автор с его индивидуальным мировосприятием и непосредственным отношением к тому, что он видит, когда он перестает просто объективно фиксировать увиденное и когда реализуется одна из самых фундаментальных в истории человеческого мышления оппозиций «свой–чужой».

Наиболее ярко эта оппозиция просматривается в разделах, посвященных описанию культурных особенностей, быта, обрядов и т.п. Восприятие «чужого», с одной стороны, опирается на уже существующие для датчанина национальные стереотипы (описанные, в частности, в работе П.У. Мёллера⁹), с другой стороны, подвергается трансформации, и в результате мы наблюдаем, насколько нечеткой оказывается граница между «своим» и «чужим».

Для восприятия чужой культуры характерно такое свойство, как избирательность — стремление выделить какой-либо объект из числа других. Автор обращает наше внимание на все явления, отличные от того, к чему он привык. Объектом в книге П. фон Хавена зачастую выступает природное (суровые зимние морозы, ледоход на Неве), культурное явления (Пасха, Масленица) или даже предмет (например, обычные счеты, неизвестные датчанам). Он выделяет из окружающей действительности те явления и предметы, которые представляются наиболее значимыми, наиболее заметными, с точки зрения иностранца, представляют своего рода этнографический интерес и достойны описания. Эти фрагменты написаны скорее в жанре путеводителя, в них содержится точная, фактическая информация об увиденном.

Иначе дихотомия «свой–чужой» реализуется в тех разделах, где автор, будучи носителем другой культуры, проводит сравнение с аналогичными элементами родной культуры в отношении культуры и быта, где так или иначе, эксплицитно или имплицитно происходит непосредственное сопо-

ставление «чужого» со «своим», где центральными концептуальными признаками концептов «свой» и «чужой» становятся признаки «так, как у нас» и «не так, как у нас». При этом встречаются как явные, прямые сравнения с Данией («Местность была чудесна, как только можно себе представить, прямо как в лучших местах Дании», «Русские поместья... устроены почти так же, как датские», «В таинствах русские отличаются от нас значительно», «В России восприемники чувствуют гораздо большую свою обязанность по отношению к крестнику, чем у нас»), так и имплицитные сравнения, где происходит скрытое сопоставление с привычным и принятым у автора на родине («Русские не терпят табак и с трудом терпят, когда кто-то курит в их комнатах», «Их пища не знает специй»). В последнем случае за тем или иным утверждением стоит обращение к принятому в своей культуре: если русские не терпят курительный табак или не используют специй, то мы понимаем, что в Дании дело обстоит иначе. Подобные скрытые сравнения рассеяны по всему тексту записок, еще раз проявляя зависимость восприятия культуры от собственного опыта и собственной культуры.

В целом ряде фрагментов, в первую очередь посвященных установленным к тому времени стереотипам, автор выходит из роли наблюдателя, регистрирующего факты или проводящего сопоставление, и пытается сформулировать свое отношение к явлениям культуры и быта, а в некоторых случаях — найти оправдание или объяснение негативным стереотипам.

Он, в частности, не обходит стороной такой русский порок, как пьянство. После путешествий по России он делает вывод, что «иностранец, намеревающийся безбедно ездить по этой стране, должен возить с собой хороший запас водки, чтобы было чем оплачивать дающим ему приют, так же как в Польше с той же целью нужно в поездках иметь добрый запас перца»¹⁰.

Но, говоря о пьянстве, он со свойственной ему толерантностью пытается найти оправдание этому пороку и утверждает, что порок этот «относится лишь к черни, да и то не ко всей». Более того, он проводит сравнение «со своим»: «...у нас и у других северных народов общеизвестна примерно та же болезнь (хотя ее и пытаются скрыть, а ее симптомы окружают большой тайной)...» И далее пытается найти пьянству в России несколько объяснений, в частности рабство, по причине которого у простого человека отнимаются все иные удовольствия, а также поведение полиции, которая смотрит сквозь пальцы, когда этому пороку предаются публично, это связано с тем, что чем больше будет выпито крепких напитков, тем это выгоднее правительству, которое имеет монополию на продажу алкоголя. Но главную причину он видит в образе жизни и питания. Автор говорит о скудном

рационе год напролет: «...в особенности во время постов они не видят ничего, кроме свеклы, капусты, чеснока, крупных огурцов, неаппетитной рыбы и растительного масла». Замечая, что «медики полагают, что если бы они иногда... не пили крепкой водки, то на такой диете им бы не выжить», он заканчивает свои рассуждение следующим выводом: «...водка и баня — вот те два средства, которыми русские живут и укрепляют свое здоровье»¹¹.

В отношении представления, что русские ленивы, он пишет: «Причина этой лениности народа, отчасти, конечно, холодный климат... отчасти их образ жизни, а также пища и питье делают тело тяжелым, отчасти и прежде всего жестокий гнет во многих частях страны убивает в народе все позывы к проворству и предприимчивости»¹².

Он опровергает стереотип о нечистоплотности русских, встречавшийся ему, очевидно, в книгах других путешественников, и утверждает, что в большинстве домов, в которых он бывал, включая и крестьянские, царят порядок и чистота.

Однако, описав пороки русских, он тут же, буквально в следующем абзаце, считает своим долгом перечислить «русские национальные добродетели». С его точки зрения, это «красота, сила, верность, постоянство, смирение и послушание по отношению к сильнейшим и начальствующим... Их чувство юмора и умственные способности с избытком проявляются в страстном интересе к историческим и математическим наукам, в которых они, если сравнить их с другими, добились успехов, достойных внимания»¹³. Это утверждение об успехах в математике автор комментариев к книге В.Е. Возгрин, правда, считает преувеличением¹⁴, однако в данном случае интересно скорее не соответствие действительности, а непосредственное восприятие П. фон Хавена, эксплицирующее его отношение к русской культуре.

Характерным для записок П. фон Хавена является удивительное желание принять и понять чужую культуру, отсутствие категоричности в суждениях, чрезвычайно толерантное отношение к инокультурным особенностям. Даже если он оказывается в какой-то совершенно непонятной ему и неприятной ситуации, он всячески стремится относиться к ней с чувством юмора и терпимо. Например, к неудобствам от тараканов или наличию дыма в комнатах при ночевке в крестьянском доме автор относится достаточно терпимо, утверждая, что хотя и неприятно, что тараканы ползают повсюду, но они ведь не приносят никакого вреда. И вообще, можно провести ночь в своих санях, если вам неприятно спать с тараканами или в задымленном помещении.

Или, например, сообщая, что в Петербурге невозможно найти наемную карету или повозку, их, как он утверждает, попросту нет, поскольку все видные люди не могут не иметь собственных карет, он тут же находит в этом плюсы: «Это обстоятельство служит к большому удобству как иноземцу, так и огромному большинству народа, которому не приходится там, как нам здесь, постоянно опасаться попасть под колеса или столь часто пачкаться, то и дело отходя с дороги в грязь»¹⁵.

Образ страны, народа формируется также иносказательными средствами, в отдельных случаях автор, поднимаясь на новую литературную ступеньку, использует яркие метафоричные образы: «...как кровь своей циркуляцией восстанавливает здоровье всего тела и поддерживает его, так же и деньги в торговле оздоравливают общество и предоставляют средства к существованию»¹⁶.

Русские слова, которыми автор нередко пользуется в своем тексте, также относятся к языковым средствам, участвующим в имплицитном выражении концептуальной оппозиции «свой–чужой». При этом П. фон Хавен использует их не только тогда, когда сталкивается с реалиями, для которых по объективным причинам ему не найти соответствия в датском языке («раскольник», «протопоп»). Обладая лингвистическим чутьем, он зачастую использует русские слова и в тех случаях, когда при сопоставлении датского и русского слов замечает несовпадение семантического объема («масло», «праздники», «поклон»). Ему представляется очень важным донести до читателя различие в их значении и использовании. Еще одна группа транскрибированных русских слов, служащих маркером «чужого», — это частотные слова и выражения, которые, с точки зрения автора, важны для понимания характера русского человека («Господи, помилуй!», «Бог знает!»). И наконец, использование еще одной группы русских слов связано с желанием облегчить читателю жизнь в случае, если он окажется в России. Отдельные фрагменты книги становятся похожи на разговорник, в частности, когда автор перечисляет все слова и выражения, которые необходимы человеку для поездки на извозчике («Извозчик!», «Извольте садиться», «Ступай», «Прямо», «Направо», «Налево», «Стой»), или приводит список известных ему русских ругательств.

Еще одним важным языковым средством, широко используемым в книге, является цитация, то есть ссылка на источник информации, при описании тех или иных явлений, что позволяет автору создать ощущение достоверности текста и выглядеть беспристрастным.

Одна из характерных особенностей записок П. фон Хавена — использование лексики, имеющей оценочный характер («... местность близ Москвы — прелестнейшая...», «Едва ли есть другой народ, столь прилежно, как русский, создававший корпус письменных источников по своей истории...», «Русские — носители замечательно плодотворных идей о силе как колокольной, так и вокальной музыки...», «...почти все [женщины] хорошо сложены и производят приятное впечатление...»).

Восприятие русской культуры в записках П. фон Хавена характеризуется целостностью, константностью и избирательностью. При этом благодаря личностному и ситуативному факторам, а также возможности погружения в культурный контекст П. фон Хавен продемонстрировал, как стереотипы, на первый взгляд, константные могут трансформироваться, а границы оппозиции «свой–чужой» постепенно сдвигаться.

¹ Мёллер П. У. Какие они — русские? Из истории датского менталитета // Дания и Россия — пятьсот лет. М., 1996. С. 108.

² Хавен фон П. Путешествие в Россию. СПб., 2007.

³ Сведения взяты из биографического очерка, написанного В.Е. Возгриным (см.: Хавен фон П. Указ. соч. С. 477–495).

⁴ Следует заметить, что П. фон Хавен еще раз отправился в Россию в 40-х годах XVIII века, после чего издал новое, отредактированное издание «Путешествия в Россию», однако в данной статье рассматривается лишь первое, непосредственное восприятие автором чужой культуры.

⁵ Хавен фон П. Указ. соч. С. 209–476.

⁶ Там же. С. 11. (Здесь и далее все цитаты приводятся по переводу В.Е. Возгрина. См.: Хавен фон П. Указ. соч.)

⁷ Там же.

⁸ В данной статье, однако, речь пойдет только о восприятии П. фон Хавеном русской культуры.

⁹ Мёллер П. У. Указ. соч. С. 104–127.

¹⁰ Хавен фон П. Указ. соч. С. 49.

¹¹ Там же. С. 49–50.

¹² Там же. С. 54.

¹³ Там же.

¹⁴ Там же. С. 268.

¹⁵ Там же. С. 204.

¹⁶ Там же. С. 195.

А. А. Юрьев

БЕТТИ ХЕННИНГС — ПЕРВАЯ НОРА

«В целом она так замечательно подходит для главной роли в “Кукольном доме”, будто та словно специально написана для нее». Под этими словами анонимного норвежского репортера (“Aftenposten”, 22 декабря 1879 года) с радостью подписалось бы абсолютное большинство зрителей и критиков, присутствовавших 21 декабря 1879 года в копенгагенском Королевском театре на премьере «Кукольного дома»¹. Постановщик спектакля Ханс Петер Хольст, несомненно, знал, на что рассчитывать, когда поручал роль Норы 29-летней Бетти Хеннингс — безусловной любимице всей копенгагенской театральной публики. Одно лишь ее участие в постановке ибсеновской драмы казалось, видимо, не одному ему абсолютной гарантией сценического успеха пьесы; да и в творческой биографии этой неотразимо обаятельной артистки Хольст явно усматривал множество свидетельств, подтверждавших безошибочность такого выбора.

Свою сценическую карьеру Бетти Шнелль (в замужестве — Хеннингс) начала в девятилетнем возрасте — всего лишь через полтора года после поступления в балетную школу при Королевском театре. Хореографические успехи юной ученицы становились с течением времени настолько заметными, что после ее первого выступления в крупной партии легендарный датский балетмейстер той эпохи Август Бурнонвиль стал активно задействовать ее в своих новых постановках, предрекая ей большое будущее.

Об удивительном пластическом и мимическом даре Бетти Шнелль с одинаково пылким восторгом отзывались и старики, и молодежь. Среди ее восхищенных почитателей были крупнейшие датские литераторы той эпохи. Уже завершавший свой жизненный путь Ханс Кристиан Андерсен с умилением называл ее «по-детски жизнерадостной, пленительной танцовщицей»². Фредерик Палудан-Мюллер, один из наиболее значительных

представителей позднего датского романтизма, восхвалял ее, цитируя свою давнюю стихотворную строчку: “O, fine Gratie! Sjælefulde Yndel!”³, а 22-летний Йенс Петер Якобсен находил в этом прелестном создании источник для своего поэтического вдохновения⁴.

Однако в 1870 году юная танцовщица избрала для себя карьеру драматической актрисы. Сразу после первого выступления Бетти Шнелль на драматической сцене многим стало ясно, что в амплу инженеру у нее не может быть соперниц. Легкая, порхающе грациозная пластика, звенящий серебристым колокольчиком голос, по-детски игривая веселость, свежесть и непосредственность, лишенные малейших следов манерности и фальши, очень скоро сделали молодую артистку незаменимой в первую очередь в комедийном датском репертуаре. «Ее темперамент был полон энергии, но не страсти, и в нем не было никаких проявлений чувственного огня, — отмечал крупнейший историк датской сцены Роберт Нейендам. — Однако она могла до бесконечности варьировать тип ребячливой, но при этом способной быть не по годам рассудительной юной девушки, обаятельнейшего белокурого создания, которое умеет обходиться со своими поклонниками по-сестрински или по-матерински и чьи душевные порывы колеблются между рыданиями и смехом»⁵. «Как она прелестна!» — вот возглас, сопровождавший из зала, по свидетельству Эдварда Брандеса, едва ли не каждое появление на сцене актрисы, чьи «мягкие детские черты лица с доверчивым и порой слегка тоскливым взглядом» могли трогать покоренных ею зрителей до самых глубин души⁶. Именно в Бетти Хеннингс усматривал Эдвард Брандес воплощение национального женского идеала, взлелеянно-го всей предшествовавшей датской драматургией⁷.

Немудрено, что, получив роль Норы, фру Хеннингс оказалась в ничуть не меньшей растерянности перед финальной сценой, чем то замешательство, в которое повергла развязка «Кукольного дома» всех первых датских критиков ибсеновской драмы. И независимо от того, понимала ли она в полной мере серьезность ситуации, конфликт «Хеннингс versus Ибсен» становился для актрисы угрожающе опасным.

В глазах абсолютного большинства зрителей и критиков фру Хеннингс вышла из этого конфликта безусловной победительницей. Многие без колебаний согласились бы с утверждением одного из рецензентов, что в роли Норы актриса «отпраздновала один из величайших своих триумфов» (“Social-Demokraten”, 23 декабря). В игре Бетти Хеннингс в первую очередь очаровывала *детская непосредственность* ее героини. Как отмечал Эрик Бёг, «невозможно представить себе более естественного обаяния

и более безыскусной ребячливости, чем те, какими наделила артистка эту первоклассно вылепленную ею фигуру»⁸.

«Фру Хеннингс превращает Нору в дитя — писал молодой Герман Банг. — <...> Посмотрите, как фру Хеннингс появляется на сцене. Посмотрите на эту маленькую дамскую шапочку, на эту скромненькую шубку, на эти ручки в муфточке. Тут сразу же мелькает мысль о юности, в семнадцать лет разыгрывающей перед всеми зрелость, о тех неоперившихся и только что вступивших в брак созданиях, для которых утренний чепец является символом величайшей важности, поскольку только он один и придает им вид замужних женщин. Когда фру Хеннингс сбрасывает верхнюю одежду и мы видим это узнаваемое платьице, облегающее хрупкую девичью фигуру, притворщица как будто скидывает маску по прибытии домой, словно она только за пределами дома с наигранной солидностью демонстрирует достоинство замужней дамы, а теперь резко прекращает эту свою игру, дабы вновь стать “жаворонком”, “белочкой”, “мотыльком”...

Самое что ни на есть дитя!

Ибо эта Нора — именно дитя. Приглядитесь к ней внимательнее в первой сцене, где она порхает вокруг Хельмера с ребячьей деловитостью, ребячьей беспомощностью, ребячьей непосредственностью. Посмотрите, как распаковывает она свои покупки, показывая их мужу с восторженным детским изумлением, с той радостью, с какою выставляют напоказ грошовые приобретения, добытые на средства из копилки-“поросенка”, — в том возрасте, когда талер принимают за целое состояние»⁹.

В трактовке и исполнении Бетти Хеннингс детскость была не игрой, не притворством любящей супруги, жаждущей как можно лучше угодить вкусам и пристрастиям дорогого мужа. Она была ее *прирожденной, исконной, неуничтожимой сущностью*, которой по ходу действия ибсеновской драмы предстояло пройти через серьезнейшую проверку на живучесть. То, что в прошлом эта милая «белочка» спасла здоровье и даже жизнь Хельмера, вовсе не было отважным поступком взрослого человека, осознающего всю рискованность способа, к какому прибегла Нора для достижения своей цели. Актриса и здесь находила в своей героине наивность «вечного дитяти», которое абсолютно уверено в собственной правоте и защищенности, а потому не видит до поры до времени никаких серьезных причин для беспокойства.

«Она всегда и во всем остается ребенком, не так ли? — продолжал восхищаться актрисой Герман Банг. — Мы не можем не видеть в этой Норе ребенка, играющего с собственными детьми как с куклами, и такая трактовка становится единственно для нас возможной, ибо гениальный дар фру

Хеннингс устраняет все наши сомнения — даже тогда, когда мы не сможем, а читаем. Ее недостаточная развитость — это незрелость ребенка, ее ошибки — это детские ошибки, ее достоинства — детские достоинства. Нора уже восемь лет как замужем, и у нее трое детей, но она настолько несостоятельна, что эти восемь лет так и не сделали из нее женщину.

Легко понять, почему фру Хеннингс пришла к такому толкованию роли. Настолько легко, что не можешь не сказать самому себе: для нее только это и было возможно, ибо к этому вело ее абсолютно все — ее ампула, ее обаяние, ее школа. Нора стала, должна была стать одной из ее многочисленных инженю — пускай на этот раз живущей в браке, но оставшейся, как они, ребенком, оставшейся невинной, как они, грациозной, нетронутой, хрупкой, как они.

Эта Нора не только прижила троих детей с чужим человеком, она прижила троих детей с чужим человеком и осталась, тем не менее, девственницей. Вот ведь как бывает: при бессознательном самоотречении даруются бессознательные наслаждения.

Тут-то и проявляет себя та самая бессознательность, что превращает игру Норы с чулком в детскую забаву»¹⁰.

Даже Эдвард Брандес, решительно не принимавший трактовку актрисой роли Норы, был совершенно очарован ее блистательной игрой:

«На первом представлении *фру Хеннингс* была впереди всех прочих исполнителей. Гром восторга разносился по всему театру. Молодая артистка играла с предельно серьезной тщательностью и виртуозностью, которые одновременно поражали и радовали, ибо эта роль не вполне относится к той области, где может чувствовать себя, как дома, ее особый талант. Все по-детски порхающее и легкомысленное, все, что связано с желанием воспринимать жизнь как игру, получалось у нее просто превосходно»¹¹.

По мнению абсолютного большинства критиков, в игре актрисы на протяжении всего спектакля было *две* продолжительные кульминации, соперничавшие друг с другом по силе воздействия: одна — от сцены с детьми до украшения елки, другая — бесспорно, тарантелла второго акта. Третье же действие в исполнении Бетти Хеннингс никто к числу ее артистических шедевров не отнес.

Увы, ни один из рецензентов, видевших премьеру, не оставил сколь-нибудь подробного описания тарантеллы. Ясно только, что по окончании этого захватывающего номера, исполненного «с изумительными блеском и легкостью» (“Aftenposten”, 22 декабря), зал разразился бурной и чрезвычайно долгой овацией, несомненно требовавшей от искусной танцовщицы

повторения и полностью заглушавшей слова Хельмера: «Вот чему бы никогда не поверил — ты решительно перезабыла все, чему я тебя учил. <...> Да, придется подучиться»¹². Публика, разумеется, никак не могла поддерживать недовольного такой «репетицией» супруга и, если бы хорошо расслышала покрытые ее восторженными криками слова, пришла бы, скорее всего, в неопишемую ярость, а в конце спектакля сочла бы настигшую Хельмера кару более чем справедливой. Как бы то ни было, присутствовавшие на спектакле зрители безоговорочно согласились бы с будущим известным писателем Свеном Леопольдом, который многие годы спустя так вспоминал о своей детской реакции на тарантеллу во время гастролей фру Хеннингс по скандинавской провинции: «Она кружилась по сцене с ниспадающими на плечи волосами и красным поясом, перехватывавшим талию, а мне хотелось, чтобы этот танец не заканчивался целый вечер и чтобы не было никакого объяснения с мужем в финале, которого я совершенно не мог понять»¹³.

«Но милая, дорогая Нора! Ты пляшешь так, точно дело идет о жизни!» — восклицал Хельмер, наблюдая за своей танцующей супругой. Однако в тарантелле Бетти Хеннингс не проявлялось, по свидетельству Брандеса, ни толики страсти, хотя «блеска и легкости» в ней было предостаточно: «Разумеется, она — это бывшее дитя балета — умела с убедительной быстротой, но без всякой чувственной самоотдачи, которой требует эта сцена, кружиться в *каприччиозном* танце, символизирующем эротическую кульминацию брака Хельмера с Норой. Но вполне осознать, что эта Нора позднее стыдится своей любви к “чужому человеку”, с которым прижила троих детей, было невозможно»¹⁴.

Конечно, после такого утонченного балетного лакомства третий акт не мог не произвести на публику шокирующе мрачного впечатления. Актриса выглядела явно уставшей, хотя ей, безусловно, хватало мастерства по возможности это скрывать. Но утомленность все же сказывалась — не только в движениях, но и в речи: «Весьма сомнительно, — писал Карл Плууг, обращая внимание на ослабевший в третьем акте голос актрисы, — что бóльшая часть зала могла расслышать все реплики, которые произносились так приглушенно и из которых нельзя пропустить ни одну без ущерба для понимания» («Fædrelandet», 22 декабря). Эдвард Брандес, писавший о «меланхоличных» ответах Норы Хельмеру в финальной сцене¹⁵, несомненно проецировал то настроение, которое придавала им актриса, на образ героини у самого Ибсена. Позднее, уже несколько скорректировав свой взгляд на драму, он с сожалением отмечал, что «фру Хеннингс не хватало властности

в последней сцене пьесы — в обвинениях, бросаемых Хельмеру, и вынесении ему приговора»¹⁶.

Разумеется, «меланхоличность» и «отсутствие властности» никак нельзя списывать на усталость актрисы к концу спектакля. Это была, конечно, вполне осознанная и единственно возможная для нее интерпретация, призванная логично связать, как казалось фру Хеннингс, Нору предшествовавших двух действий с Норой последнего акта. «В заключительной сцене, — отмечал Брандес в своей рецензии, — во всей натуре фру Хеннингс, в прекрасных чертах ее лица с его чуть застывшей мимикой эта Нора сохраняла свою детскую сущность. Создавалось такое впечатление, что перед нами не женщина, а напуганный ребенок, от которого отскакивают любые упреки по причине его неразумия и неопытности. На изображении, которое появится в следующем номере “За рубежом и дома”¹⁷, Нора предстает именно такой в тот самый момент, когда она с невинной серьезностью возвращает мужу кольцо — так, как будто она совсем не понимает, что же все это было. Не берусь судить, насколько подобное толкование правильно»¹⁸.

Что ж, можно в таком случае понять и сочувствие одного из рецензентов Хельмеру, женившемуся на «легкомысленной маленькой девочке» (“Dags-Telegrafен”, 23 декабря), и причину смешанной с недоумением мрачной подавленности, с какой зрители покидали театр. Не верилось, что этот ребенок способен на столь отчаянный и возмутительный шаг, как не хотелось верить в то, что этот ребенок уходит навсегда.

Критики во всем винили драматурга. «Нельзя ставить в упор артистке столь внезапный перелом, — заявлял Плууг, — ибо ответственность за него лежит исключительно на драматурге. Холодные и спокойные ясность и серьезность, сменяющие легкомыслие Норы и ее слабодушное отчаяние, не могут явиться так внезапно, они должны быть подготовлены множеством размышлений и наблюдений, драматургом пропущенных» (“Fædrelandet”, 22 декабря). С Плуугом целиком и полностью соглашался Микаэль Валлем Брун: «Если в финале третьего действия ей (артистке. — А.Ю.) не хватило достаточно силы, чтобы изобразить навязанную ей драматургом перемену, то это дает нам право думать, что никто из смертных не в состоянии безупречно решить столь гетерогенные задачи, ибо они ведут к таким кричащим диссонансам, что нет и не может быть такой красоты и гармонии, в которых они могли бы обрести разрешение» (“Folkets Avis”, 24 декабря).

Эрик Бёг еще более энергично брал Бетти Хеннингс под свою защиту, утверждая, что ибсеновская Нора — это не одна, а две совершенно разных роли: «Только что Нора являлась перед нами как маленькая северная Фру-

Фру¹⁹, — иронизировал он, — и вот она преображается в мгновение ока, чтобы стать Сёренем Киркегором в юбке. <...> Фру Хеннингс сыграла обе свои роли бесподобно — и маленькую порхающую, как мотылек, ребенка-жену, и ее холодную бесчувственную тень. Решая последнюю безотрадную задачу, она сделала все возможное, чтобы сплавить ее с первой, и не допустила в этом деле ни малейшей оплошности»²⁰.

Разумеется, в исполнении Бетти Хеннингс Нора не становилась в финальной сцене ни «Сёренем Киркегором в юбке» (из-за чего ехидно подтрунивал над драматургом догадливый Эрик Бёг), ни трагической героиней, каковой предстает она у Ибсена. Ее трактовка, будучи бесконечно далекой от трагического жанра, как будто ярко высвечивала изошренную *иронию*, скрытую в известном — и лишь на первый взгляд «либеральном» — признании драматурга: «Я пишу свои пьесы, как *хочу*, а затем предоставляю артистам играть их, как *могут*»²¹. Ведь в случае с «Кукольным домом» совершенно очевидно, что без *трагической актрисы*, способной с предельной убедительностью *зримо* представить на сцене весь путь Норы от первой до последней сцены, трагедии не получится — и положения не спасет *никакая*, пусть даже самая изошренная, режиссерская концепция. Во всяком случае «шов», отмеченный в финале всеми рецензентами первой постановки, будет неизбежно проступать в спектакле с чудовищной наглядностью.

...И все же нельзя не признать, что из конфликта «Хеннингс versus Ибсен» победителями сумели выйти *обе* стороны — пускай каждая из них и понесла серьезные потери. Поэтому не отрекшийся от всех прежних своих претензий к актрисе Эдвард Брандес имел все-таки основания смягчить их неожиданным признанием: «Фру Хеннингс *умело и успешно* боролась с дистанцией, которую проложили между нею и Норой Ибсена ее ум и характер»²². Ибо из сложнейшего материала ибсеновской драмы фру Хеннингс выстроила *свой*, совершенно *особый* сюжет, хотя и не обладавший масштабом обобщений Ибсена, но затрагивавший — независимо от осознанных самой актрисой целей — важнейший узел тех эстетических сплетений, которые незримо ткала на сцене Королевского театра сама эпоха.

Вопреки всей драматургической логике пьесы Ибсена Нора в трактовке Бетти Хеннингс *упорно не менялась*. Она столь же упорно сражалась с надвигавшейся на нее “грубой” реальностью, изо всех сил пытаясь сохранить свою исконную сущность — сущность вечно прекрасного дитя. В ее талантле, разученной актрисой еще в годы ее ранней балетной юности, вновь возрождалась, пускай ненадолго, свежая, светлая и бесконечно радостная красота ушедшей театральной эпохи — по-прежнему прельсти-

тельная, но уже безнадежно обреченная красота, что праздновала свой последний триумф наперекор любым страданиям и тягостным предчувствиям.

Нора-Хеннингс до самого ухода из дома Хельмера оставалась удивительно живучим воплощением того самого киркегоровского феномена «непосредственно эстетического», которое было (насколько это возможно) очищено игрой актрисы от всего постороннего. Вот она — неотразимая в своих детских чарах невинность, остающаяся по ту сторону любых моральных соображений и законов! А потому Эдвард Брандес не мог не восхититься совершенной *неподсудностью* этой удивительной сценической героини, которой до финального ее разговора с мужем публика просто *не могла* не прощать абсолютно все: «Фру Хеннингс была в высочайшей степени пленительным жаворонком и куколкой-женой, и никто не мог усомниться в том, что эта Нора с полным правом находила себе оправдание в неведении относительно законности своего поведения»²³.

«С голосом, звенящим, как хрустальные колокольчики, она передвигалась по сцене с легкостью, совершенно недоступной всем виденным мною до и после актрисам — совсем как птичка, случайно выпорхнувшая из своей клетки», — так вспоминал спустя годы Свен Леопольд о своих детских впечатлениях²⁴. И трудно допустить, что его мальчишечье воображение не было глубоко потрясено. Ведь эта Нора, казалось, в самом деле явилась на сцену напрямик из мира сказок Андерсена — того мира прекрасных фей и малюток-эльфов, память о котором не может полностью иссякнуть ни у кого из нас...

Разве можно было винить Хельмера в том, что он обращается с этим «жаворонком» не как с женой, а как с ребенком? Разве можно было обходиться с нею как-то иначе?

Достаточно взглянуть на фотографию Бетти Хеннингс в костюме неаполитанской рыбачки, запечатлевшую тот момент, когда Нора со слегка сердитой досадой и неподдельно детскими испугом и удивлением смотрит, сжав свои ладошки в кулачки, на отчитывающего ее Хельмера, чтобы сразу вспомнить не то об андерсеновской девочке со спичками, не то о Золушке, только что сбежавшей с бала и готовой вот-вот расплакаться.

Разве мог дуэт Бетти Хеннингс и Эмиля Поульсена (игравшего Хельмера «неотесанным парвеню»²⁵) не напомнить кому-то из зрителей сказку о красавице и чудовище? Но только с тем существенным отличием, что «чудовище» так и не преобразается от силы слез «красавицы» в ослепительно прекрасного и доброго юного принца. Ибо в жизни, увы, невозможно «чудо из чудес», а «от жизни никуда ведь не спрячешься, *никуда*»²⁶...

И утешить это неотесанное, жестокое, но такое жалкое после ухода красавицы «чудовище», до сих пор столь успешно делавшее свою абсолютно взрослую банковскую карьеру, не могли ни застывшая на книжном шкафу гипсовая Венера, ни висевшая над пианино Рафаэлева «Мадонна»... А этой почти настоящей сказочной Дюймовочке, к спинке которой как будто с самого рождения прикрепили невидимые крылышки, всегда хотелось в случае опасности видеть в своем супруге сказочно обворожительного принца-спасителя!

Вместе с этой Норой уходили в безвозвратное прошлое не только бесконечно милые белокурые и голубоглазые существа, населявшие наивный бюргерский мир датско-немецкого *Biedermeier*. Разумеется, это был конец уже ослабевшего, но все еще полного прельстительно дивных чар датского романтизма, что вынужденно отступал под натиском той «грубой» реальности, изучать которую призывала соотечественников «молодая Дания». И не потому ли юный Герман Банг, уже превращавшийся в оппонента братьев Брандесов и поклонника хрупкой, изначально обреченной на быстрое увядание красоты только-только зарождавшегося в скандинавской поэзии декаданса, с безграничным восхищением следил за тем, как легко порхает по сцене обворожительная малютка-фея Нора? И, конечно, трудно сомневаться в том, что сидевшему в партере «настоящему» юному «принцу» так страстно хотелось взять под свою защиту танцевавшую перед ним тарантеллу Дюймовочку.

Но вот наконец, выходя из гостиной, Нора в последний раз бросает на Хельмера свой когда-то веселый и беспредельно доверчивый, а теперь — впервые! — бесконечно тоскливый взгляд... Вряд ли без этого прощально-го взгляда своей исчезавшей в зимней ночи маленькой «волшебной» героини актриса могла бы создать два последующих своих шедевра в ибсеновском репертуаре — взрослевшую на глазах и приходившую в безысходное отчаяние Хедвиг из «Дикой утки», а много позднее — сломленную жизнью и уже совсем не имевшую никаких иллюзий фру Алвинг...

Первый «Кукольный дом» был, конечно, не только расставанием фру Хеннингс со своей почти по-детски счастливой артистической юностью, но и прощанием датского театра с чистой душой северной романтики — той душой, что жила отныне лишь в сказках Андерсена, успевшего одарить пленительную Бетти Шнелль своей последней грустной старческой улыбкой. Именно таким печальным, почти мучительным, но все же светлым и поистине *драгоценным* прощанием суждено было стать и этому легендарному спектаклю.

* * *

¹ Подробно о мировой премьере «Кукольного дома» и ранней критической рецепции пьесы Ибсена в Дании см.: Юрьев А.А. Первый «Кукольный дом» // Театрон: Научный альманах Санкт-Петербургской государственной академии театрального искусства. 2011. № 2 (8). С. 26–34; 2012. № 1 (9). С. 54–69; № 2 (10). С. 45–65.

² Цит. по: *Neiiendam R. Hennings, Betty* // Dansk biografisk Leksikon, København, 1936. Bd. 10. S. 88.

³ О, прекрасная Грация! Воодушевленное очарование! (*дамск.*)

⁴ См.: *Neiiendam R. Fra Kulisserne og Scenen.* København, 1966. S. 68–69.

⁵ Ibid. S. 72.

⁶ См.: *Brandes E. Fru Hennings* // Brandes E. Dansk Skuespilkunst: Portrætstudier. København, 1880. S. 224.

⁷ Ibid. S. 221.

⁸ *Bøgh E. Henrik Ibsen: “Et Dukkehjem”* // Bøgh E. Udvalgte Feuilletoner (“Dit og Dat”) fra 1879. København, 1880. S. 261.

⁹ *Bang H. Et Dukkehjem* // Bang H. Realisme og Realister. Kritiske Studier og Udkast. København, 2001. S. 366–367.

¹⁰ Ibid. S. 369–370.

¹¹ *Brandes E. Henrik Ibsens “Et Dukkehjem” paa det kgl. Theater* // Ude og Hjemme. 1880. № 118. 4. Januar. S. 152.

¹² *Ибсен Г. Собрание сочинений: в 4 т. М., 1957. Т. 3. С. 428.*

¹³ Цит. по: *Marker F., Marker L.-L. The First Nora: Notes on the World Premiere of A Doll’s House* // Contemporary Approaches to Ibsen. Oslo; Bergen; Tromsø, 1971. Vol. 2. P. 92–93.

¹⁴ *Brandes E. Betty Hennings (1935)* // Brandes E. Om Teater: Anmeldelser og Erindringer fra henved 50 Aar. København, 1947. S. 177.

¹⁵ См.: *Brandes E. Henrik Ibsens “Et Dukkehjem”... S. 149.*

¹⁶ *Brandes E. Betty Hennings (1935)... S. 177.*

¹⁷ То есть в номере “Ude og Hjemme”, вышедшем 11 января.

¹⁸ *Brandes E. Henrik Ibsens “Et Dukkehjem”... S. 152.*

¹⁹ Прозвище Жильберты, героини комедии «Фру-Фру» (1869) французских драматургов Анри Мельяка и Людовика Галеви.

²⁰ *Bøgh E. Op. cit. S. 260–262.*

²¹ См.: *Ганзен А.В., Ганзен П.Г. Жизнь и литературная деятельность Ибсена* // Ибсен Г. Полн. собр. соч.: в 4 т. СПб., 1909. Т. 4. С. 718.

²² *Brandes E. Ibsen-Opførelser (1928)* // Brandes E. Om Teater: Anmeldelser og Erindringer fra henved 50 Aar. S. 152. (Курсив в цитате мой.)

²³ *Brandes E. Betty Hennings (1935)... S. 177.*

²⁴ Цит. по: *Marker F., Marker L.-L. Op. cit. P. 92.*

²⁵ См.: *Bang H. Op. cit. S. 361–362.*

²⁶ Ibid. S. 369.

А. В. Ломагина

ВОЗВРАЩЕНИЕ МОДЫ НА ИСТОРИЧЕСКИЙ РОМАН-БИОГРАФИЮ В ДАТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ 1980–1990-х ГОДОВ

С 1980 года в литературе многих стран наблюдается постепенное возрождение интереса к прошедшим эпохам, который выражается в появлении все большего количества воспоминаний, исторических романов. Возрастает интерес к биографическим романам в целом и историческим биографиям в частности. Романы, обращающиеся к событиям прошлого, в 1980–1990-х годах сосуществуют с литературой, интересующейся современностью, но их количество неуклонно растет. Этот интерес достигает своего апогея после 2000 года.

В Дании эта тенденция, несмотря на то что она в целом развивается в русле общеевропейского процесса, имеет свои особенности.

Первоначальный интерес к истории, возникший после значительного перерыва на рубеже 70–80-х годов, к началу XXI века перерос в повсеместную моду на романы, развивающие историческую тему, и позволил эксплуатировать события и персоналии прошлого в целях развлечения широкой читательской аудитории. Таким образом, появляются исторические детективы, любовные романы, перенесенные в историческую эпоху. Исторические события и эпохи в них иногда становятся декорациями, на фоне которых разворачивается действие. Автор создает лишь видимость «историчности», отдавая дань моде, реконструкция исторического фона грешит неточностями и ошибками.

Однако наряду со шквалом литературы, служащей развлечению широкой публики, вырос и поток профессиональных исторических исследований и романов, базирующихся на серьезном изучении источников. Они представляют собой обстоятельную попытку реконструировать исторические события и судьбы.

Однако наиболее интересным представляется изучение начала этого процесса в Дании, который характеризуется поиском опоры и объяснения процессов настоящего через призму прошлого. Социологический взгляд на причину возникновения и развития этих тенденций можно найти в описании общества философами «позднего модерна» Энтони Гидденсом и «общества риска» Ульрихом Беком. Характерно, что их идеи были встречены с пониманием и имели большое значение для всех Скандинавских стран в 1980–1990-е годы.

Э. Гидденс подвел итог развитию личности в обществе, которое он определил как «общество позднего модерна» в 1991 году. Он обращает внимание на переход от стабильного, гомогенного, традиционного к постоянно меняющемуся миру, не имеющему четких очертаний, который требует от личности умения постоянно приспосабливаться к меняющимся ценностным ориентирам. Идентичность не является особой чертой или совокупностью черт, которые присущи личности. «Я» создается на основании саморефлексии личности по поводу своей биографии. Движущими силами создания собственной идентичности становятся постоянное сочинение своей истории и способность осуществлять постоянную рефлексию о своем месте в окружающем мире, который характеризуется неисчерпаемым количеством возможностей¹. На фоне этого процесса обращение к прошлому в литературе кажется вполне закономерным явлением.

1960-е годы характеризуются во всей Скандинавии студенческими волнениями, пацифистским движением, нефтяным и экономическим кризисом, движением за свободу сексуальных отношений и разрешение легких наркотиков, борьбой за права женщин. Таким образом, под сомнение ставятся все устоявшиеся традиции прошлого. В литературе приходит мода на эстетический эксперимент в лирике и прозе. Модернизм разрушает традиции в попытке создать нечто принципиально новое, современное. Важным политическим событием этого десятилетия, всколыхнувшим всю Данию, явился референдум о вхождении в ЕС в 1973 году, в результате которого 63 % проголосовали за присоединение к ЕС.

Процессы развития общества в 1970-х годах рассматриваются многими писателями как уничтожающие традиции и обезличивающие людей. Индивидуализация и обособление датских семей вылилась в переселение в коттеджи. Вместо диких лесов появились рекреационные зоны. «Есть ли такой народ, датчане?» — пишет свое эссе Таге Скоу Хансен на рубеже 80-х годов². Серен Краруп в своем эссе «Молчаливое большинство» отмечает: «Удивительно, что Дания уцелела в 60–70 годах. Все, за что сражались

отцы и в чем видели радость поколения и поколения датчан, оказалось выброшено за борт молодым поколением с марксистской идеологией»³.

Таким образом, само развитие общества подготовило почву для возрождения интереса к прошедшим поколениям, появления новой потребности рефлексии и поисков себя.

Как реакцию на обесценивание прошлого и утрату корней можно воспринять работу историков и преподавателей Скандинавии по выработке новой теории преподавания истории, которая была сформулирована в 1978 году. В Дании этот процесс возглавил Свен Сёдринг Йенсен. Новые дидактические рекомендации по обучению истории в датской школе были выработаны в 1981 году и ставили во главу угла понятие исторического сознания, заимствованного у немецкого историка и педагога Карла Эрнста Яйсмана.

В новой стратегии преподавания истории в школе была сформулирована задача: школа должна содействовать тому, чтобы у народа сформировалось историческое сознание, то есть взаимосвязь с прошлым, понимание настоящего и конструирование будущего. Эти идеи и критика профессиональной исторической науки широко обсуждались в прессе в Скандинавских странах и оказали значительное влияние на понимание важности истории. История становится инструментом истолкования настоящего и предвидения будущего. Эта тенденция в среде профессиональных преподавателей истории в 80-х годах не могла не повлиять на рост количества исторических и биографических романов.

При сравнении эволюции профессионального исторического исследования и биографического романа становятся очевидны два процесса. С одной стороны, историки 1980–1990-х годов, выйдя за рамки круга профессиональных читателей, увеличивая свою аудиторию, придают все большую значимость занимательности повествования и языковым средствам. Примерами таких исследований могут служить исторические биографии персоналий XIX века, сыгравшие значительную роль в истории Дании: Торбен Крог «Вигго Хоруп» (1984), Йорген Кнудсен «Георг Брандес. Символ и личность» (1994).

С другой стороны художественная рефлексия по поводу прошлого тоже требует большей достоверности. Писатели все больше используют документы, личные дневники и письма для создания фактической канвы, реконструкции мыслей и диалогов, документальная литература приводит письма и документы в тексте романа, создавая иллюзию научной достоверности произведения, и поднимает вопрос о том, что принадлежит авторской фантазии, а что происходило на самом деле.

Волонтаризм автора сказывается в первую очередь на том, какие сюжеты, исторические события и персоналии оказываются в центре повествования, насколько автор следует традиции трактовки этих событий, заданных исторической наукой и авторами-предшественниками.

Если посмотреть на то, кого из исторических личностей в 80-х годах авторы выбирают в качестве центральной фигуры для романа-биографии, становится очевиден интерес к так называемому «золотому веку» датской литературы — первой половине XIX века, исторической эпохе до поражений и потерь Данией территорий.

Среди них можно упомянуть роман А.М. Айрнес «Как ласточка» (1988), описывающий судьбу матери Людвиг Хольберга, одной из первых писательниц Дании Томасины Гюллембург.

Э. Клевдаль Райх пишет один из первых исторических романов-биографий «новой волны» — «Фредерик» (1972) о Николае Грунтверге — великом церковном реформаторе, поэте и народном просветителе.

В.П. Йенсен посвящает свой роман «Он смотрел в глаза смерти» (1990) жизни поэта-романтика Карстена Хауха.

Х. Стангеруп делает центральной фигурой романа «Путь в Лагоа Санта» (1981) натуралиста и зоолога Петера Вильяма Лунда, а следующий роман «Трудно умирать в Дьеппе» (1985) посвящает критику, поэту и антагонисту С. Киркегора Педеру Людвигу Меллеру.

Б. Вамберг пишет роман «Йоханна Луиса Хайберг» (1987) об одной из самых известных женщин «золотого века», музе многих поэтов и писателей начала XIX века.

Большинство этих романов обращается к судьбе известных исторических персонажей, интересных своей трагической судьбой или сыгравших значительную роль в истории Европы или Дании. Романы предлагают, как правило, новое истолкование событий и реконструкцию характеров, причем зачастую вступают в полемику с предыдущими трактовками.

В них всегда есть связь с культурными или политическими дебатами, в которых они, таким образом, принимают участие и задают современной проблеме историческую перспективу. В то же время уровень обобщения и рефлексии поднимает вопрос о будущем, которое формируется настоящим.

Так, Э.К. Райх пишет в 1995 году роман о знаменитом исследователе Гренландии Кнуде Расмуссене (1879–1933). Роман появляется на фоне продолжающихся дебатов о судьбе Гренландии, которая выходит из ЕС и где усиливаются сепаратистские настроения. Роман имеет подзаголовок

«О Кнуде Расмуссене и его двух народах». В протагонисте романа смешались две крови, датская и гренландская, две культуры и две идентичности. В романе, написанном в стиле документальной прозы, с включением выдержек из путевых дневников и фотографий, он предстает северным Аладдином, обаятельным чужаком, который всегда получает то, что ему нужно. Его биография становится для автора поводом вспомнить историю взаимоотношений Дании и Гренландии. Автор пишет: «В этой истории судьба Кнуда — одна из самых светлых глав»⁴.

Писательницы, обращаясь к историческим личностям, развивают гендерный подход и дают женский взгляд на судьбы и характеры, который противопоставлен «мужской» трактовке. В качестве примера романа-биографии, который вносит вклад в обсуждение вопросов о месте и роли женщины в обществе и противопоставлении карьеры семейным ценностям, можно назвать роман Д. Вилломсен «Мария. Жизнь мадам Тюссо» (1983). Главное действующее лицо покидает мужа и ребенка, отправляясь в Лондон, теряет семью, посвящая себя творчеству. А.М. Айрнес находит в судьбах женщин прошлой эпохи мотивы, созвучные современности и собственной судьбе. Ее роман о Томасине Гюллембург является рефлексией по поводу собственной судьбы. У автора с протагонистом романа много общего: творчество, замужество, бунтарство.

1980–1990-е годы в Дании — время жарких политических споров и дебатов, в которые были вовлечены представители культуры. В это время к жанру биографического романа обращаются авторы, которые принадлежат к абсолютно разным, зачастую противоположным, политическим группам. Они по-разному трактуют исторические события, а судьба исторических персоналий используется в качестве аргумента в культурно-политическом споре.

Э. Клевдаль Райх и Х. Стангеруп в своих оценках исторических событий и позиции в отношении культурной политики Дании, членства в ЕС противоположны. Для трилогии биографических романов «Путь в Лагоа Санта» (1981), «Трудно умирать в Дьеппе» (1985) и «Брат Якоб» (1991) Х. Стангеруп выбирает исторические персонажи, которые были вынуждены покинуть Данию и сыграли значительную роль в истории, литературе, науке и религиозной жизни в Европе и Южной Америке. В первых двух романах речь идет об ученом-палеонтологе П.В. Лунде (1801–1880) и литературном критике П. Меллере (1814–1865). Последний роман трилогии посвящен судьбе сына короля Дании Ханса, францисканского монаха брата Якоба Датского (ок. 1484–1566). Автор рефлексировал на темы судеб Дании

и Европы и приходит к выводу, что датская культура многое потеряла из-за своей обособленности и отрыва от европейских культурных процессов.

Э. Клевдаль Райх, рассматривая историю убийства короля Эрика Глиппинга в своем романе «Ночь на святую Цецилию. Кто убил короля?» (1979), размышляет по поводу исторических событий XIII века, вскрывает заговор папского престола против Дании и ищет в исторических событиях аргументы против вступления Дании в ЕС.

Накал полемики в битве за интерпретацию исторических событий выдает и язвительная цитата из статьи Х. Стангерупа 1971 года: «Эббе Райх на все смотрит с позиции вселенского заговора из Рима, который якобы имеет цель расстроить последний съезд датской партии Венстре в Альбертслунде»⁵.

Х. Стангеруп по-своему трактует требование достоверности к исторической реконструкции. Для него требование достоверности — основной выпад против экспериментальной по форме прозы и поэзии 1960-х годов. Он считает себя новым реалистом и для достижения достоверности, в том числе психологической, пишет свои персонажи с себя, подобно своему кумиру Киркегору. Для перевоплощения он едет в Бразилию, Францию, Мексику по следам своих персонажей, читает современные им книги, живет их жизнью. Описывая болезнь Петера Лунда из романа «Путь в Лагоа Санта», он вспоминает свое состояние во время болезни в Бразилии.

Отправляясь как протагонист романа «Трудно умирать в Дьеппе» Педер Меллер в Париж в качестве журналиста датского издания, он пишет, что едет за впечатлениями: «Весь материал, который я собрал дома, должен обрести звук и запах»⁶. Он посещает больницу в Дьеппе, где умер Меллер, читает о том, как протекает сифилис, как питались в XIX веке. Имея за плечами опыт создания фильмов, он пытается тщательно воссоздать атмосферу Парижа первой половины XIX века, его запахи, жизнь кафе и кабаре.

Педер Меллер, как и протагонисты двух других романов-биографий трилогии, является изгоем, исторгнутым из датского общества, сыгравшим, тем не менее, большую роль как культурный посредник между Европой (Германией и Францией) и Данией.

Образ эпохи и личности возникает в романе на перекрестке разных парадигм.

Биографическая парадигма Педера Меллера создается путем передачи исторических фактов об учебе, знакомстве и знаменитом конфликте с Сереном Киркегором, выплеснувшимся на страницы журнала «Корсар», вынужденной эмиграции в Германию и Францию, журналистской и литературно-критической деятельности в Европе, многочисленных романах и гибели

в приюте для умалишенных в Дьеппе от сифилиса. В качестве источников биографической информации автор выбирает письма Меллера, его критические статьи о литературе, войне 1848 года Дании с Германией, работы о положении женщин, свидетельства и мемуары о нем современников. Так, факты о дружбе и соперничестве между Меллером и Гольдшмидтом почерпнуты автором из мемуаров Гольдшмидта, вышедших в 70-е годы XIX века. Оттуда же позаимствованы и многие детали, такие как пальто Гольдшмидта: «синее зимнее пальто от Фарнера»⁷.

Для описания начала вражды между Меллером и Киркегором, развернувшейся на страницах датской печати, Стангеруп штудировал мемуары Гольдшмидта, статью Меллера «Визит в Сорё», ответные выпады Киркегора, похоронившие навсегда надежду Меллера на академическую карьеру в Университете Копенгагена. На фоне этого приема, создающего иллюзию достоверности повествования, автор погружает читателя в мир эротических приключений героя и его художественные видения.

Историческая парадигма романа дополнена философской составляющей образа Педера Меллера, которая усложняет и дополняет биографическую линию. Она имеет начало в представлении, возникшем в начале XX века с легкой руки Фритьофа Брандеса, что Педер Меллер — прототип Йоханнеса Соблазнителя из философского сочинения С. Киркегора «Или, или», его «Дневника оболстителя». По свидетельству самого Стангерупа, для осуществления замысла противопоставления этической стадии жизненного пути и эстетической, ему пришлось заострить черты «эстетика» в киркегоровском понимании в образе Меллера⁸. Рассмотренный в этой перспективе протагонист романа — поэт и соблазнитель.

Поэтическая сущность Меллера — эстетика — как продолжение его эротической составляющей иллюстрируется автором в его отношении с другим прозаиком середины XIX века М.А. Гольдшмидтом, редактором журнала «Корсар», на страницах которого в 1846 году печатаются карикатуры и сатирические статьи в адрес С. Киркегора. Стангеруп эксплуатирует факт их литературного сотрудничества и исторической роли Меллера в появлении на свет первого романа Гольдшмидта «Еврей». Факты об отношениях двух литераторов позаимствованы Стангерупом из воспоминаний Гольдшмидта.

Политическая парадигма романа возникает также в диалогах между Меллером и Гольдшмидтом как противопоставление «золотого века» датской и европейской литературы, романтизма с высокими образцами поэзии (в романе цитируется А. Эленшлегер, Д. Байрон) и этического будущего —

реализма и демократии, за которые выступает Гольдшмидт. Меллер отвечает ему, и в его голосе слышны отчетливые нотки позиции самого Стангерупа, который не раз критиковал датское общество со страниц газет: «Давайте я расскажу Вам о Вашем будущем. Что ж, Вы получите свою демократию. Все будут пожимать друг другу руки, но без тепла и дружбы в сердце, эти пожатия будут просто говорить: вот теперь я могу на тебя рассчитывать, на твой голос на следующих выборах в народное представительство. Все будут представлять друг друга. Платить налоги. Продолжительность жизни увеличится, но это будет жизнь без жизни... Никаких поступков, никаких всплесков, главное: за что это мы будем голосовать сегодня? Газеты, газеты, давайте почитаем, что мы пишем друг про друга, изучим наше смешное мелкое вранье, лестно поставим имена друг друга в название статей, каждому гражданину — свою маленькую газетную колонку для новостей о ведении домашнего хозяйства. И никаких поэтов, по всей стране сотни королевских чиновников от поэзии, которые подсматривают друг за другом и раз в десять лет раздражаются сборником чистой ерунды, например одой картошке»⁹.

В результате переплетения всех линий в единую картину Х. Стангеруп предлагает своему читателю размышление о судьбах культуры Европы, литературную и политическую панораму одной из самых ярких эпох в истории Дании, подоплеку и исход философского спора, который оказался поворотным в судьбе С. Киркегора и П.Л. Меллера и трактовку развития, вершины и гибели одного из самых талантливых представителей «золотого века» датской литературы, исторгнутого и непонятого датским обществом, но сыгравшего значительную роль в его культурном становлении.

Таким образом, можно отметить некоторые особенности исторических романов-биографий, появившихся в Дании в 1980–1990 годах.

Интерес к истории возник заново на рубеже 80-х, выразившись в развитии исторических исследований, преподавании истории и литературе. Развитие общества в Европе в целом и Дании как части северной Европы подтолкнуло к возвращению этого интереса. Активность и политизированность датского общества вызвали интерес к полемике по целому кругу судьбоносных политических вопросов. В полемику включились ведущие интеллектуалы, представители творческих профессий. Исторические романы-биографии исследуемого периода отличают в первую очередь дидактичность и полемичность. Такие авторы, как Э. Клевдаль Райх и Х. Стангеруп, пытаются повлиять на мнение читателей, склонить их на свою сторону и изменить современную им ситуацию.

Литература, таким образом, становится полем полемики, где исторические события и персоналии используются как аргумент в споре. В наибольшей степени дидактичность свойственна Э. Клевдалю Райху, который является преподавателем истории по образованию и политиком с активной жизненной позицией. Другой тип полемики предлагают авторы-женщины, которых интересуют судьбы представительниц их пола и то общее, что объединяет женщин в предыдущие эпохи и в современности.

Подводя итог, хочется еще раз отметить, какими бы разными ни были авторы, которые в 1980-х годах начинают снова обращаться к жанру биографического романа, у них есть общий интерес к прошлому, они пытаются воссоздать достоверный психологический портрет и исторический портрет эпохи, дать почувствовать читателю ее аромат, используют прошедшее для объяснения судеб настоящего времени и допускают множественность трактовок, рефлексируя по поводу прошлого в его взаимосвязи с настоящим и будущим. Исторический роман-биография, таким образом, говорит не столько о прошлом, сколько о взаимосвязи прошлого с настоящим, преломленным через сознание автора, и его ожиданиях от будущего.

Э. Клевдаль Райх подтверждает это, поясняя свой интерес к историческому и биографическому жанру: «В наше время, когда есть угроза исчезновения самого исторического сознания, моя цель — дать датчанам ту историю, в которой они своей биографией напишут новую страницу»¹⁰.

* * *

¹ *Giddens A.* Modernity and Self-identity. Self and Society in the late Modern Age. Stanford, 1991.

² *Skov Hansen T.* Den forbandede utopi: Kritisk prosa fra 70-erne til 90-erne. København, 1995. S. 74.

³ *Madsen R.Ø.* Tiderne skifter Fra den danske kulturdebat 1900–2005. København, 2006. S. 309.

⁴ *Kløvedal Reich E.* Den fremmede fortryller. København, 1995. S. 15.

⁵ Politikken. 17.03.1991.

⁶ *Stangerup H.* Tværtimod! Levned og meninger 1956–1998. København, 2003. S. 108.

⁷ *Stangerup H.* Det er svært at dø i Dieppe. København, 1985. S. 5.

⁸ *Stangerup H.* Tværtimod!..

⁹ *Stangerup H.* Det er svært... S. 57–58.

¹⁰ *Christensen Johannes H.* Aberne i træernes toppe — samtaler med Ebbe Kløvedal Reich. København, 2005. S. 199.

О. П. Плахтиенко

АВТОРСКАЯ СТРАТЕГИЯ ТОРГНИ ЛИНДГРЕНА В РОМАНЕ «ШМЕЛИНЫЙ МЕД»

«Шмелиный мед» — роман крупнейшего шведского прозаика Торгни Линдгрена — был написан в 1995 году, на русском языке опубликован в 1997 году в переводе А. Афиногеновой. На родине писателя «Шмелиный мед» отмечен престижной премией Augustpriset и признан лучшей книгой года. Единственным откликом на него в России до недавнего времени была краткая аннотация издательства и суждения читателей в электронной Сети, при этом «Шмелиный мед» вряд ли мог оставить равнодушными прочитавших его. Сдержанность критики в отношении романа Линдгрена и отсутствие широкого резонанса в читательской аудитории, возможно, объясняются как обжигающей прямоотой в изображении смерти в нем, так и парадоксальным, не сразу раскрывающимся авторским пониманием ее.

Произведениям Торгни Линдгрена, написанным после принятия писателем католичества в 80-е годы прошлого века, в той или иной степени свойственно притчевое начало, в романе «Шмелиный мед» оно выступает особенно явственно. «Шмелиный мед» предельно скуп (даже по меркам скандинавской литературы) на описание времени, пространства и особенно социально-исторического среды. Каждый образ романа, при всей жизнеподобности и единичности, одновременно выступает представителем неких общих начал. Место действия почти всегда у Линдгрена — северная Швеция. Писатель в интервью не раз говорил, что его литературная вселенная создана воспоминаниями детства, которое он провел в северной провинции Вестерботтен. В романе «Шмелиный мед» пространство начинает формироваться дорогой, которая ведет *вверх* к крошечной деревушке, состоящей всего из двух домов (ее название — Эвреберг — мелькает в романе всего пару раз). Отрезанная от большого мира снегопадом, засыпанная *«пенной материализованного света»*¹, она лишается частных примет, стано-

вьясь представителем *Севера*, и являет в ослепительной экзистенциальной ясности сущность «обнаженного бытия»².

Время в романе, имеющее преимущественно природные и календарные характеристики, становится Временем с большой буквы: Временем перед лицом Вечности, с одной стороны, ибо два главных героя романа переходят границу между Жизнью и Смертью; вечным Временем природы, совершающим очередной поворот от умирания к возрождению — с другой: начинается роман осенним днем 20 октября и завершается с оттепелью и ощущением весны. Характерная для притчи смысловая густота, установка на выявление универсальных законов жизни подчеркивается у Линдгрена предельным заострением художественной ситуации. Значимо также, что в романе «Шмелиный мед» писатель отказывается от характерного для его произведений образа рассказчика и вместе с ним от яркой индивидуализированной речи. Констатирующее повествование от третьего лица кажется обезличенным даже тогда, когда осознается его связь с одним из трех главных персонажей романа. Такая очищенность дискурса от субъективности придает истории Линдгрена особую, пугающую пронзительность.

«Когда слушатели расселись по местам в приходском доме — всего пятнадцать человек, — на свободное пространство возле трибуны вкатили коляску, в которой сидела слепая старуха. Ее глаза без зрачков, без радужной оболочки, подернутые серой пленкой, были открыты. Именно к ней, слепой, к ее выветренному личику, решила обращаться Катарина.

После лекции ей предстояло переночевать в каком-нибудь пансионате, на следующий день отправиться дальше. В большой сумке на длинном ремне лежала одежда, в портфеле — все остальное имущество: книги, блокноты и ручки...

Возле двери сидел человек, он спал, голова упала на грудь, на его лысом, блестящем черепе отражались блики подвесок семирожковой люстры. Казалось, он не дышал, только иногда вздыхал — благоговейно или чтобы не задохнуться.

Обычно она говорила пятьдесят минут, сорок пять — если по какой-то непонятной причине входила в раж...

Они продолжали слушать и после того, как она замолкла. Кто сказал, что они должны были понять ее? Не задав ни единого вопроса, не бросив на нее и взгляда благодарности или сочувствия, слушатели один за другим встали и ушли, девушка с комиксом выкатила слепую старуху. Остался только тот, кто спал, сейчас он проснулся.

— Ты будешь ночевать у меня, — сказал он.

Она вроде бы и не удивилась. Дешевые ночевки — таким способом организаторы сэкономили деньги. Она взяла пальто и сумки и спустилась к нему.

Они посмотрели друг на друга»³.

Так писатель на первых страницах сводит одинокую женщину сорока пяти лет, пишущую «книги о любви, смерти и святых, которые почти никому не приходило в голову читать»⁴, с больным стариком, увозящим ее в свой дом, в котором она остается сначала на день, в ожидании снегоочистителя, потом на неопределенное время и, в конце концов, до весны.

Поначалу роман выстраивается как система абсолютно полярных знаков, свидетельствующих как о тотальной разобщенности людей, так и об утраченном центре и цельности мира. Посреди заснеженной пустыни живут каждый в своем доме два брата — Хадар и Улоф. Оба поражены неизлечимыми болезнями: рак пожирает тело старшего, больное сердце обрекает на неподвижность младшего. Худобе Хадара противопоставлено чудовищное ожирение Улофа, пристрастие к соленой и мясной пище старшего — болезненной зависимости младшего брата от сладостей; одно и то же животное считается у Хадара кошкой и носит имя Минна, оно же — кот Лео у Улофа.

Катарина кажется вдвойне *чужой* в этом царстве холода и смерти, так как она — женщина и приехала с Юга. Хадар замечает, что именно поэтому она верит в снегоочиститель (напоминающий о цивилизации). Сам он не видит в нем никакого смысла, отказывается от телефона, а телевизор зарывает на картофельном поле. По словам Хадара, южане придают слишком большое значение чувствам. Чувства для него — это «*чужеземное, противоестественное, новомодное явление... Чувства — это инструмент, которым пользуются, чтобы управлять собой и другими*»⁵. Наконец, южанка Катарина с трудом разбирает северное наречие и педантично переводит речи братьев для себя, так что «*было трудно провести грань между ее бормотаньем и тем, что говорил*»⁶ кто-нибудь из братьев. В этом повторяющемся мотиве «перевода» швед признает реальность различий между северным и южным диалектами, а литературовед — авторскую подсказку о роли Катаринины, которая становится посредником между утратившими взаимопонимание людьми. При этом внешний план сюжета, кажется, говорит об обратном: появление Катаринины лишь обостряет вражду братьев, обнажая ее причины.

Время в романах Линдгрена всегда движется от настоящего к прошлому. «Моя концепция времени не является линейной, обычно я смешиваю разные временные пласты»⁷, — говорит в интервью сам писатель. В романе «Шмелиный мед» временная разнородность осложнена фрагментарностью. Куски прошлого всплывают в воспоминаниях братьев, сталкиваются в их интерпретации, Катарина лишь выслушивает обоих, не оценивая и не оспаривая, это остается делать читателю. Почти в финале романа становится понятной страшная правда: много лет назад Улоф привез в дом жену Минну. По словам Хадара, старшего брата, она не смогла есть только сладкую пищу, пришла в его дом за соленой свиной и стала его любовницей. Минна объединила сладость и соль, грубоватую энергию Хадара и нежную расслабленность Улофа в сыне, которого своим считал каждый из братьев. Хадар называл его Эдвардом, Улоф дал ему имя Ларс.

Мальчик — светлый, красивый, добрый — любил обоих, и он мог бы стать для них спасением от одиночества, но братья не только заставили его копать ров (или возводить вал) между своими домами, но по сути дела погубили его. Когда мальчика захлестнула и подняла в воздух цепь механизма, сооруженного им для поднятия больших камней, они сцепились друг с другом, отстаивая личное право на спасение сына, и он в конце концов задохнулся. Единственная полная дата в романе — 19 мая 1959 года — отмечает это событие. После смерти сына замолчала и ушла из жизни Минна: альбиношка, она просто несколько дней просидела под солнцем и «сгорела», истаяла под его лучами. Шанс, данный им жизнью, любовью, братья не смогли, не захотели использовать.

Показательно, что начало их разобщенности также было связано с женщиной: смерть матери впервые вызвала ожесточенный спор. Хадар помнит этот разговор дословно, правда, не сразу уточняет, кто из них какие слова произносил. Кажется, все-таки Улоф говорил о бесконечной доброте матери, Хадар же сомневался в существовании чистой, беспримесной доброты. «Она была как все. Ничего в ней особенного не было... Нет ничего чистого, без примеси. Кругом одна муть и скверна»⁸. Кажется, здесь в оппозицию братьев встраиваются нравственные категории добра и зла. Защищающий добро Улоф прямо и говорит о связи брата с сатаной. Однако в данном аспекте, как и в остальных, их образы лишены однозначности. С криком «Без добра мы пропащие и ни на что не годные!» Улоф бросается на Хадара и избивает его велосипедным рулем; именно Улоф убивает кошку-кота, отрезав животному голову, и посылает тельце в «подарок» брату. Оба они стерегут смерть друг друга, связывая с ней надежду на исцеление, обновление своей жизни, оба

представляют собой пример разрыва — с полнотой жизни, родом, в конечном итоге, при поверхностном восприятии романа, с Богом.

Торгни Линдгрэн, по его собственному признанию, «всегда воспринимал с недоверием видимую действительность, считал, что истина недоступна рациональному знанию»⁹, поэтому рассказанные им истории не укладываются в одномерные схемы. Выстраиваемые в романе «Шмелиный мед» оппозиции на самом деле обманчивы. Хадар сам посылает в первый раз Катарину в дом Улофа, чтобы узнать о его состоянии; он же произносит патетическую речь о братстве, еще не зная о содержании «подарка» брата. Заявляя, что не верит в Бога и милосердие, Хадар добавляет: «И все-таки». По его словам, Катарину ему послал Бог.

— *Как Бог мог бы Бог послать меня, если его нет?* — спрашивает женщина и слышит в ответ: — *Он тебя знает. Слышал о тебе. Из-за всех этих святых, о которых ты читаешь лекции по всей стране. Он читает «Нора Вестерботтен»*¹⁰. Незадолго до смерти Хадар признается, что верит в чудеса (например, в воскресение из мертвых), что присутствие Катарины доставляет ему *радость и утешение*, признает определенные достоинства людей с Юга — «умение свободно говорить о боли и смерти». Между тем Катарина в романе чаще молчит или задает вопросы, рассказывают и рассуждают, по сути, исповедуются перед ней мужчины. Подробности — бытовые и физиологические (способные отпугнуть не одного читателя), бесстрастная констатация той боли, которую принимают братья, в сумме создают эффект странной, жуткой епитимьи и искупления. Катарина, уже понимая (вместе с читателем) нерасторжимость братских уз, сначала говорит младшему, а потом старшему о смерти брата. Хадара на следующий день она обнаруживает распятым на странном приспособлении, которое привлекало ее внимание с первых дней. Улоф же просто умирает на своем диване, который почти никогда не покидал. Катарина наконец соединяет их: взвалив истонченного раком Хадара на спину, с немалым усилием она переносит его в дом Улофа, где оставляет тела в братском объятии.

Женские образы в романе «Шмелиный мед» — матери, Минны, кошки, соотносимые с мифологическим представлением о вечном женском начале, демонстрируют утрату им своей основной функции — рождения и сохранения жизни. (Надо отметить, что и другие образы, мотивы, в которых угадывается связь с мифологической картиной мира, в романе Линдгрэна обнаруживают и прямо противоположные значения. Так *Север* — часто в германо-скандинавской мифологии область смерти, в романе «Шмелиный мед» — по словам Хадара, *«самое прекрасное место на Земле... Еже-*

ли в этом месте земли наугад протянуть руку, то обязательно укажешь на чудо природы, превосходящее твое разумение».)

Только Катарине, в которой неоднократно подчеркивается отсутствие женской привлекательности, пусть за пределами текста, в умпостигаемой реальности, удастся соединить разорванную братскую связь. В нарративном плане Катарина, безусловно, является протагонистом автора¹¹, но эта эстетическая функция не исчерпывает ее образа. В доме Хадара Катарина работает над книгой о святом Кристофере — отшельнике, страннике, покровителе путешественников, он охраняет от внезапной смерти тех, кто не хочет умереть неподготовленным, о чем прямо говорится в романе. Католическая и православная традиции наделили святого Кристофера исключительной ролью: он хранитель младенца Иисуса, переносящий его через бурный поток. Тяжесть, под которой сгибается могучий Кристофер, — это тяжесть всего мира, который пришел спасти Христос.

Образ Катарины в финале романа, прямо соотносясь со святым Кристофером, приобретает значение проводника не из жизни в смерть, а из смерти в жизнь. В архаических, дохристианских основаниях образа этого святого, которого до XVIII века часто изображали с собачьей головой, мифологи опознают египетского Анубиса, проводника в царство мертвых и бога обновляющейся природы, а также греческого Харона, который, по одной из легенд, перевоза Христа в Ад, поклонился ему и принял Господа¹².

Катарина в романе Линдгрена очищена от всего личного, женского и эмоционального (что не делает ее образ схематичным, но, напротив, придает ему определенную загадочность), она не судит братьев, лишь выслушивает их, иногда спрашивает или отвечает, передавая чужие слова. Как уже отмечалось, она посредник в диалоге, причем не только братьев. Главный диалог раздвигает пространство за пределы текста, в него вовлекается читатель, и в нем соединяется все — размышления о природе человека, жизни, смерти и бессмертии, о назначении литературы.

В последней своей автобиографической книге «Воспоминания» (Minnen, 2010) Торгни Линдгрэн говорит, что «посредством литературы мы вступаем в контакт с вечным и божественным»¹³. В романах он обычно и создает возможность для читателя вступить в этот контакт.

Выделенные курсивом, весь роман «Шмелиный мед» как бы «прошивают» фрагменты книги Катарины о святом Кристофере, и предваряются они размышлениями героини о «ландшафте легенды», где *«гора — это Гора, река — Река, лес — Лес и море — Море. Частное всегда имеет силу и для общего, отдельные формации местности представляют феномен как*

таковой и поэтому, похоже, лишены той индивидуальности, которую проявляют все природные явления. Мир выровнен, превращен в бескровную абстракцию, он зовет к безразличию, если не сказать к отстранению. Герои легенды заражают окружение своей репрезентативностью, и ландшафт тоже становится суррогатом»¹⁴. Служение Катарини братьям, по-видимому, можно понимать как попытку преодоления этой «бескровной абстракции», поиск **живого** человека.

Последняя запись Катарини, сделанная уже после воссоединения братьев, касается не только Кристофера или Хадара с Улофом, но и не в меньшей степени ее самой — женщины, отказавшейся от женственности и многообразия жизни. *«Хотя жизнь Кристофера, написала она, и может показаться величественной и трогательной, даже прекрасной и благородной, в ней была доля нелепой безыскусности и бессмысленности, своеобразная, но отнюдь не редкая суетность, которая является конечным результатом болезненно растущих притязаний, до одержимости преувеличенных требований именно искусственности и смысла; отсутствие личностного смысла и содержания сильнее всего выражается в роковом отсечении жизни во всей ее многоцветной и роскошной целостности, многозначность суживается и возвращается к самой что ни на есть неоспоримой и разительной однозначности»*¹⁵. Предположим, что сказанное относится автором к самому себе, во всяком случае звучит это как предупреждение. Героиня, отметив, что последнее предложение получилось слишком громоздким и его надо разбить на два, собирается «двигаться дальше».

Название романа Торгни Линдгрена «Шмелиный мед» связано с самым ярким воспоминанием детства обоих братьев о деде, который, по словам Хадара, *«был первоначалом... и путеводной звездой»*¹⁶. Дед с помощью любимой собаки находил шмелиные медки и собирал шмелиный мед. Улоф рассказывает, как совсем маленьким, уже после смерти деда, он нашел последнюю банку с этой редкой сладостью, вылизал ее начисто. *«Мед пропитал все его существо и привел в состояние блаженства... это был миг совершенного наслаждения, миг и состояние, которое он всю оставшуюся жизнь непрерывно, но по большей части понапрасну пытался изо всех сил воссоздать»*¹⁷. Улоф тут же уточняет, что слово «наслаждение» неверное, но он не знает, как назвать то, что нельзя выразить. Дед для обоих братьев оказывается связанным с поиском смысла жизни, оба рассказывают Катарине о его смерти, окружая ее ореолом неопределенности. Дед провалился вместе с лайкой в старую колодезную яму, несколько недель человек и собака поддерживали жизнь, вылизывая шмелиный мед. Кто из них кого съел,

когда мед закончился? — Хадар, рассуждая об одиночестве и непреодолимой чуждости всех живых существ, все же не решается прямо признать, что в человеке одержал верх инстинкт самосохранения, Улоф просто упоминает о найденных костях деда. Эта история не просто тревожит их память, она вызывает к самоопределению: какой выбор сделал дед? Какой выбор сделают они в напряженном ожидании смерти друг друга?

В романе Линдгрена «Шмелиный мед», как и в других произведениях писателя, проблема свободы выбора напрямую связана с христианской верой и христианской этикой, позволяющей прорваться сквозь природный и социальный детерминизм. В первые дни Катарина чувствует труднообъяснимую связь с бессмысленным соревнованием братьев по продлению жизни. «Соединение любви и равнодушной покорности судьбе» наполняет ее ощущением «временной принадлежности к дому»¹⁸. В конце, когда предчувствие весны, кажется, способно придать новые силы братьям и втянуть их в очередной поворот колеса судьбы, Катарина говорит Хадару «об обстоятельствах, которые необходимо в корне изменить»¹⁹. «Нужно, чтобы он наконец собрался с духом и умер, он обязан предоставить себе эту свободу, ведь он же все-таки свободный человек... Он, Хадар, должен поступить в соответствии со своим разумом»²⁰.

Шведский исследователь Фриберг считает ключевыми, волнующими Линдгрена вопросы: в состоянии ли человек преодолеть predetermined обстоятельствами, рождением, средой? Может ли освободиться от своей греховности?²¹

Внутреннее развитие героев шведского писателя всегда связано с самоопределением, осознанием смысла своей жизни. Для Катарины (как и святого Кристофера в ее книге) этот смысл — подчиниться «одному лишь праву — созданию образа, этому общепринятому и вечно обязывающему примеру, которому подчиняется, не ведая того, все остальное человечество»²². В другом месте своей книге она записывает: «Самим собой человек бывает лишь тогда, когда он представляет кого-то или что-то, во что крепко верит»²³. Ее «миссия» — это «ноша». Выбор братьев также являет собой образ покаяния, прощения и признания, столько раз поруганной, но неискоренимой братской любви.

В первой отечественной работе, посвященной роману Торгни Линдгрена, он определяется в жанровом отношении как парабола²⁴, что допустимо, поскольку термины «парабола» и «притча» чрезвычайно близки по значению.

И все же парабола генетически восходит к античной риторике, где она была выражением мысли иносказательным способом²⁵, сближалась с мета-

форой, сравнением и, таким образом, в первую очередь была связана с эстетической природой произведения.

Притча вышла из традиции восточной премудрости (египетской, древнееврейской, новозаветной), и в ней всегда главной была мораль и весть об истине. Представляется, что роман Торгни Линдгрена связан с новозаветной, евангельской притчей, которая не сообщает слушателю, какое должно быть его поведение, но вызывает «взрыв в сознании адресата, в результате которого человек обретает духовную свободу — личное осознание действительности»²⁶. Однако евангельские притчи воздействуют на сознание адресата только в той мере, в какой человек готов на них откликнуться.

Евангельская и современная литературная притча вызывает человека на самый трудный — экзистенциальный диалог, в романе Линдгрена этот экзистенциальный уровень обнажается с первых страниц.

Отсутствие авторских пояснений, сдержанность или косвенность высказываний персонажа-посредника, многослойность и парадоксальность всех элементов линдгреновского текста способны вызывать совершенно противоположные его прочтения. Д.В. Кобленкова, справедливо вписывая произведение Линдгрена в контекст шведской философско-религиозной прозы, считает в романе основной идею о предопределенности. Исследовательница делает вывод, что «в представленной Линдгреном модели мира личность зависима от законов высшего начала, она слишком мала и зависима. И хотя ни слово “фатум”, ни слово “Бог” не употребляются в тексте, сама логика развития событий показывает, что люди — лишь проводники высшей воли, что ковер судьбы давно соткан»²⁷.

Автор романа «Шмелиный мед» не раз говорил в интервью, что для него непереносимо умаление человека ни с религиозно-этической позиции, ни с позиций современного мира. В стране с лютеранской традицией он принимает католицизм, своих героев и читателей подводит к заповедям милосердия и прощения. Подводит и... оставляет свободу выбора.

Примечательны высказывания читателей о романе «Шмелиный мед». На шведском сайте, например, есть признание в разочаровании, возможно, из-за непонимания религиозного смысла книги²⁸.

Одним из русских читателей роман показался «унылым, тоскливым, противным». Другие очень верно заметили, что «эта книга из тех, что созданы не для того, чтобы нравиться. У таких книг другая цель — рассказать историю так, что она изменит вас. Показать детали, которые уже никогда не забудутся, останутся, как ожог на сетчатке»²⁹.

* * *

¹ Линдгрэн Торгни. Шмелиный мед. СПб., 1997. С. 23.

² Там же. С. 30.

³ Там же. С. 7, 10.

⁴ Там же. С. 11.

⁵ Там же. С. 101.

⁶ Там же. С. 41.

⁷ *Bërty Torun*. Литературный пейзаж Торгни Линдгрена. URL: <http://www.sweden.se>

⁸ Линдгрэн Торгни. Шмелиный мед. С. 86–87.

⁹ Цит. по: *Engström Therese*. Den överträdda gränsen. Om dikt och verklighet I Torgny lindgrens romaner “Pölsan” och “Till sanningens lov”. Luleå, 2006. S. 1.

¹⁰ Линдгрэн Торгни. Шмелиный мед. С. 12–13.

¹¹ Кобленкова Д.В. Роман-парабола Торгни Линдгрена «Шмелиный мед». К вопросу о поэтике философско-религиозной шведской прозы // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Н. Новгород, 2012. С. 339.

¹² URL: http://5june.ucoz.ru/svjatoj_khristofor_pseglavac

¹³ *Lindgren Torgny*. Minnen. Norstedts. Stockholm, 2010. S. 11.

¹⁴ Линдгрэн Торгни. Шмелиный мед. С. 24.

¹⁵ Там же. С. 176.

¹⁶ Там же. С. 57.

¹⁷ Там же. С. 83.

¹⁸ Там же. С. 76.

¹⁹ Там же. С. 135.

²⁰ Там же.

²¹ *Friberg I*. Problemet att vara sig själv. Efterföljelsens tematik I Torgny Lindgrens roman Humelhonung. Filosofer funderar. Luleå, 2000. S. 70–71.

²² Линдгрэн Торгни. Шмелиный мед. С. 122.

²³ Там же. С. 69.

²⁴ Кобленкова Д.В. Роман-парабола... С. 337.

²⁵ *Аверинцев С.С.* Поэтика ранневизантийской литературы. М., 1997. С. 152.

²⁶ *Мухелишвили Н.Л., Шрейдер Ю.А.* Притча как средство инициации живого знания // Философские науки. 1989. № 9. С. 102–103.

²⁷ Кобленкова Д.В. Роман-парабола... С. 340.

²⁸ URL: <http://www.boksidan.net/bok.asp>

²⁹ URL: <http://www.ljpoisk.ru>

О. А. Маркелова

ПЬЕСЫ СВАВЫ ЯКОБСДОТТИР: ОТ ЭКСПЕРИМЕНТА К ТРАДИЦИОНАЛИЗМУ

В данной статье речь пойдет о писательнице Сваве Якобсдоттир (1930–2004) — авторе романов, новелл и пьес, филологе, теоретике современной литературы, исследователе древней скандинавской словесности и фольклора. Для становления литературного модернизма в Исландии творчество Свавы сыграло существенную роль. Следует отметить, что начало модернизма в Исландии относится к 1950–1960-е годам. По выражению современного литературоведа Маттиаса Видара Саймундссона, «исландцы всегда отставали от других народов на одну войну»¹, и новые литературные течения появлялись в Исландии иногда на несколько десятилетий позже, чем в литературах континентальной Европы.

Творческий метод Свавы в чем-то близок «магическому реализму» в кафкианском духе². Ее книги представляют собой благодатный материал для феминистической критики: она дебютировала сборником новелл «Две-надцать женщин» (1965), и в подавляющем большинстве ее художественных текстов так или иначе освещается жизнь женщины второй половины XX века.

Новеллы и романы Свавы в исландском литературоведении уже давно являются объектом пристального внимания исследователей и критиков. Ее драматическим текстам повезло меньше. Всего Свава написала шесть пьес: «Краеугольный камень» (“*Hvað er í blýhólknúm?*”, 1971), «Мирный мир» (“*Friðsæl veröld*”, 1974), «Друзья детства» (“*Æskuvínir*”, 1976), «В ногу со временем» (радиопьеса) (“*Í takt við tíma*”, 1980), «Генеральная репетиция» (“*Lokaæfing*”, 1983) и пьесу для телевидения «Ночной обход» (“*Næturganga*”, 1991). Из них только «Краеугольный камень» и «Генеральная репетиция» были опубликованы³. Насколько можно судить, во всех этих пьесах силен

феминистический месседж, в частности, ставится проблема выбора современной женщины между самореализацией и стагнацией, свободой и (фальшивой) безопасностью⁴. При этом пьесы Свавы отнюдь не были чем-то «проходным» для истории исландского театра и литературы.

Итак, в поле нашего внимания попадает обозримое количество текстов: самая первая пьеса, написанная Свавой, и текст, созданный уже зрелым автором в середине творческого пути. Рассмотрим, как меняется поэтика пьес этого автора с течением времени и как эти изменения соотносятся с эволюцией творчества Свавы в других жанрах и общими тенденциями развития исландской драматургии. В этом исследовании я опираюсь прежде всего на опубликованные тексты, а не на конкретные постановки этих пьес.

«Краеугольный камень»

Буквальный перевод названия пьесы — «А что в свинцовой капсуле?» Пьеса состоит из большого числа отдельных коротких эпизодов из жизни главной героини — женщины по имени Инга, от ее раннего детства до зрелого возраста. В них представлены стандартные бытовые ситуации, с которыми приходилось сталкиваться исландским женщинам в 1960–1970-х годах (обучение в школе, взаимоотношения с родителями и подругами, невозможность закончить вуз из-за семейных забот, банкротство фирмы, которую возглавлял муж Инги, смерть мужа, обреченность прозябать остаток жизни на низкооплачиваемой работе...). Но все эти бытовые сценки, несмотря на их разнообразие, служат выражению примерно одной идеи — полной невозможности городской женщины второй половины XX века вырваться из раз и навсегда отведенной ей роли матери и домохозяйки — в силу внешних обстоятельств: особенностей воспитания, правовых норм, необходимости жертвовать личным развитием во имя содержания семьи...

Пьеса имеет кольцевую композицию: она начинается сценой, где Инга стоит за кассой в банке и начинает объяснять зрителям/читателям, что оказалась на этой малоинтересной работе не по своей воле, а в силу обстоятельств. В заключительной сцене она стоит на том же месте и продолжает размышлять о своей судьбе. Все эпизоды, посвященные различным моментам жизни Инги, приобретают таким образом характер ее воспоминаний. Возможно, этим отчасти объясняется основная композиционная особенность пьесы: то, что все отдельные самодостаточные эпизоды сменяют друг друга без пауз (в тексте они, за редкими исключениями, не отделены друг от друга ни заголовками, ни ремарками).

Название пьесы разъясняется в одной из ее ключевых сцен:

Ингоульв. ...*А дом, семья — это краеугольный камень общества. И это не из Библии. Это старинное исландское выражение. Краеугольный камень общества.*

Инга. *А в капсуле у него что?*

Иноульв. *А?*

Инга. *Ну, знаешь, в краеугольные камни иногда закладывают капсулы. Свинцовые.*

Ингоульв. *Ну да...*

Инга. *Так вот, что в этих капсулах?*

Ингоульв. *Ну, наверно, что-нибудь на память о строительстве этого дома. Что-то, что имеет историческую ценность — или просто ценность.*

Инга. *А потом на нее кладут камни?*

Ингоульв. *Да.*

Инга. *И эти ценности больше никогда не явятся на свет?*

Ингоульв. *Никогда; при землетрясении разве что.*

Инга. *У нас в Исландии при землетрясениях дома не рушатся. Тут все из бетона с прочнейшей арматурой⁵.*

Все персонажи «Краеугольного камня» носят примерно одинаковые имена: мать и дочь главной героини, а также ряд эпизодических женских персонажей оказываются ее тезками, брата героини зовут Инги, мужа — Ингоульв, его партнеры по бизнесу в тексте различаются только номерами: Ингвар-1 и Ингвар-2... Единообразие имен подчеркивает замкнутость универсума пьесы (то есть в конечном счете закрытость и повторяемость того мира, в котором живет героиня), задает тождество судьбы его обитателей⁶. (Например, в то время как Инга лишилась возможности продолжать обучение в университете и вынуждена была остаться домохозяйкой, мать рассказывает ей о том, как ей отказали в пособии по инвалидности именно из-за того, что она всю жизнь пробыла домохозяйкой без собственного источника доходов.) То, что все мужские персонажи носят имена, напоминающие имя героини, заставляет воспринимать их как ее alter ego, а их судьбу — как несостоявшиеся варианты ее судьбы.

Основная проблема формулируется так:

Инга. ...*я не могу одновременно быть и матерью, и человеком!*

Ингоульв. *Здесь нельзя «и то, и то».*

Инга. *Да, здесь «либо одно, либо другое».*

Ингоульв. *Так вот, я господин Одно.*

Инга. *А я — госпожа Другое...⁷*

Эта проблема оказывается принципиально неразрешимой. То, как могло бы выглядеть «другое», показывается в одном маленьком эпизоде в гротескно-мистическом духе: после сцены, в которой Инга лишается возможности ходить на занятия в университете из-за необходимости сидеть с детьми, которым не хватило места в детском саду, и рассуждает о возможности или невозможности покинуть детей, на сцену выходят женщины-тени и оставляют там кукол, представляющих убитых младенцев-призраков из народных быличек⁸. Женщина обречена жертвовать либо детьми во имя себя, либо собой во имя семьи, а изменить тот миропорядок, при котором эта дилемма существует, заведомо невозможно. Феминизм Свавы, в сущности, глубоко пессимистичен.

Содержание и проблематика «Краеугольного камня» были, без сомнения, крайне злободневны во время создания пьесы; к тому же здесь впервые в исландской драматургии затрагивалась тема положения женщин. Но наиболее новаторскими в этой пьесе оказались даже не столько содержательные аспекты, сколько форма. «Краеугольный камень» с самого начала претендует на серьезное новаторство как в области поэтики и композиции, так и в области сценического искусства.

В пьесе крайне мало описаний мизансцены (в абсолютном большинстве эпизодов они отсутствуют). Но в авторских ремарках много указаний относительно того, как именно надо играть тот или иной эпизод на сцене, в том числе относительно использования спецэффектов, основные из которых — магнитофонная запись и театр теней.

Ср. такое описание мизансцены: *«Школьная дискотека. Поп-музыка. Возможно, с помощью силуэтов на стене передается ощущение, что в помещении полно танцующих. Между тем на сцене только два стула: на одном сидит Инга, другой пустой. Голос Ингилейв звучит с фонограммы, но Инга ведет себя так, будто Ингилейв на пустом стуле рядом с ней»*⁹. Сценография призвана не изобразить те или иные явления, но создать впечатление о них; происходит апелляция к узнаваемому всеми читателями/зрителями опыту повседневной жизни, который необязательно воссоздавать в деталях, достаточно намекнуть на него. Возможно, особенности сценографии также связаны с нарочитым подчеркиванием (обнажением) театральной условности. Крайняя форма такого подчеркивания — введение в пьесу элементов кукольного театра. Такая нарочитость снижает риск того, что пьеса со злободневным содержанием превратится в общественные дебаты с подмостков.

В пьесе есть определенный интертекстуальный пласт, однако цитируются там не образцы изящной словесности, а тексты, оказывавшие, так ска-

зять, прямое влияние на жизнь реальных исландцев в 1960–1970-х годах. (Метод прямого цитирования официальных документов и дебатов в СМИ в этой пьесе не без основания приписывают влиянию немецкого документаризма¹⁰.) Прежде всего это букварь “Gagn og gaman” («Полезьа и удовольствии»), который героиня читает в детстве в классе. В тексте пьесы приводятся большие (с указанием страниц!) отрывки из этого букваря, по которому училось читать не одно поколение исландцев. (В наше время его сменили другие учебные пособия, но его по-прежнему используют вне школы.) Когда эти с раннего детства знакомые читателям тексты попадают в контекст «Краеугольного камня», во-первых, на первый план выходит их абсурдность (учительница просит первоклассников пересказать текст из букваря, не несущий никакого конкретного содержания); во-вторых, оказывается, что это невинное пособие по чтению служит поддержанию неравенства в обществе: фигурирующие в букваре мальчики и девочки занимаются теми или иными делами в строгом соответствии со своей гендерной ролью, причем занятия девочек подчеркнута неинтересны. Таким образом, эту первую в жизни персонажей — и читателей! — книжку можно в какой-то мере рассматривать как тот самый «краеугольный камень общества», под которым погребены чьи-то возможности самореализации.

Также в пьесе в изобилии цитируются реально существующие постановления, касающиеся разных областей жизни: методические пособия по трудовому обучению в школе, правила приема в детские сады в Рейкьявике, закон о выплате пособия по инвалидности, отчеты с заседаний в мэрии, фрагменты теле- и радиопередач, посвященных положению женщин на рынке труда... Обычно эти цитаты произносит так называемый Комментатор, вторгающийся в пространство пьесы извне, а актеры тем временем замирают (то есть пространство пьесы манифестируется как условное) — тем самым подчеркивается, что все цитирующиеся правовые и публицистические тексты существуют не (только) в универсуме пьесы, но и за ее пределами.

Однако не только эта своеобразная интертекстуальность снимает границу между универсумом пьесы и внешним миром (жизнью персонажей и жизнью зрителей/читателей). В финале пьесы их тождество становится наглядным: героиня рассуждает, не выйти ли ей снова замуж, чтобы свести концы с концами, и обращается с этим предложением к зрительному залу: *«Почему бы кому-нибудь не взять меня замуж? Может, тебе? (указывает на какого-нибудь мужчину в зрительном зале). Любви не обещаю, но я могу тебе готовить, гладить брюки и спать с тобой — тебя это устроит?»*

(Прожектор освещает ее лицо, на котором застыл вопрос, — настолько долго, чтобы этот мужчина успел выйти из зала — и остальные зрители тоже)»¹¹.

Таким образом зрители тоже подключаются к действию пьесы, точнее — к общему признанию неразрешимости ее основной проблемы. Обычный уход зрителей из зала по окончании представления помещается в такой контекст, в котором он неизбежно воспринимается как уклонение от ответа на вопрос героини о своей судьбе.

В пьесе есть ряд деталей, имеющих символическую нагрузку. Наиболее значимая из них — без сомнения, «свинцовая капсула в краугольном камне общества», но она не появляется нигде, кроме самого названия пьесы и эпизода, где объясняется ее значение, и необходимо, очевидно, только для того, чтобы задать направление читательской/зрительской интерпретации пьесы в необходимом автору ключе.

Из символических деталей, повторяющихся во множестве эпизодов, наиболее частотный — самовязаная мочалка. В детстве Инга заявляет, что не хочет вязать мочалку на уроке труда; затем точно такую же мочалку вяжет ее дочь; в разговоре с деловыми партнерами мужа Инга вспоминает, что никогда не пользовалась самовязаной мочалкой, а только покупными... Вязаная мочалка (то есть результат кропотливого труда, от которого никому нет проку) превращается в символ абсурдности общественного уклада, возведенной в принцип. Еще один символ — кукла; возможно, это символ идеального соответствия женской гендерной сущности. Мать Инги играет со своей старой куклой, сравнивает с ней свою дочь — и сравнение оказывается в пользу куклы в опрятном платье; при этом игра взрослой женщины в куклы поясняется в авторской ремарке так: *«Просто социально зрелый индивид дает волю своему инфантилизму»¹².*

В то десятилетие, когда была написана первая пьеса Свавы, театральное искусство в Европе переживало расцвет — и пору экспериментаторства, при котором в центре внимания режиссеров оказывались сценическая и визуальная составляющие пьес, а авторский текст отходил на второй план. Эти тенденции в той или иной степени коснулись и исландского театра¹³.

«В 1970-х и 1980-х годах реализм был фактически доминирующим. Писалось множество великолепно выстроенных пьес в духе социального или психологического реализма. ...Настоящей работы с формой крайне мало, а экспериментаторская активность почти равна нулю...»¹⁴

Тематика «Краугольного камня» вызвала живой отклик критиков и зрителей, после этой пьесы появилось множество других, затрагивающих

феминистическую тематику, но, насколько можно судить, художественный метод этой пьесы не был взят на вооружение другими соотечественниками Свавы, писавшими для театра.

«Генеральная репетиция»

Пьеса была поставлена в 1983 году, сначала на выездных гастролях в Торсхавне, затем в Национальном театре Исландии, и издана после премьеры. (Крайне подробное описание мизансцены в изданном тексте сделано Свавой, скорее всего, уже после премьеры и фактически фиксирует эту конкретную постановку.¹⁵)

Фабула пьесы несложна: инженер Ари, напуганный перспективой ядерной войны, строит в подвале своего дома бомбоубежище и вместе со своей женой Бетой (учительницей музыки) спускается туда на месяц, что должно стать своеобразной «генеральной репетицией» их выживания после падения настоящей ядерной бомбы. Во время томительного сидения в подземелье Бета постепенно меняет взгляды как на саму эту затею, так и на свою семейную жизнь с Ари, но под конец ему удается подчинить ее своей воле. В финальном акте в бомбоубежище внезапно входит Лилья — девушка, бравшая у Беты уроки игры на фортепиано, и призывает супругов выйти наверх из их «могилы», но они отказываются. Ари застреливает Лилью из пистолета, а Бета комментирует это так: «Теперь нас может спасти только бомба!»¹⁶

Форма у «Генеральной репетиции» уже более традиционна, чем у «Краеугольного камня»: фиксированный состав персонажей, шесть четко отграниченных друг от друга актов, действие происходит в одном локусе, детально описанном в авторских ремарках. (В этом можно даже усмотреть намек на классицистические «Три единства».)

В качестве эпиграфа к тексту «Генеральной репетиции» предпосланы слова пророка Исайи: *«Ужас и яма и петля для тебя, житель земли! Тогда побежавший от крика ужаса упадет в яму; и кто выйдет из ямы, попадет в петлю; ибо окна с небесной высоты растворятся, и основания земли потрясутся. Земля сокрушается, земля распадается, земля сильно потрясена; шатается земля, как пьяный, и качается, как колыбель, и беззаконие ее тяготеет на ней; она упадет, и уже не встанет»* (Книга пророка Исайи, 24: 17–20). Эти слова явным образом коррелируют с описаниями земли после ядерного взрыва, на которые так щедр Ари, и задают основное настроение пьесы: от гибели не спасется никто, даже те, кто пытается укрыться под землей¹⁷. Второе основное настроение задается музыкой Белы Бартока, которая, согласно авторской ремарке, звучит между актами. Это оптимистич-

ная фортепианная музыка, контрастирующая с параноидальными настроениями и ставящая их под вопрос.

В исландской критике закрепились традиция рассматривать «Генеральную репетицию» исключительно как литературный памятник времен холодной войны и ядерной истерии. Однако существуют и другие ее прочтения: «При прочтении “Генеральной репетиции” в начале нового века, когда дряхлые старцы уже не держат палец на ядерной кнопке, — эта пьеса может быть интерпретирована в ином ключе, нежели двадцать лет назад. Разумеется, вместо ядерной угрозы можно подставить угрозу терроризма, но это произведение перерастает свою эпоху. Можно посмотреть и так, что бомба для Ари — всего лишь предлог припугнуть Бету, чтоб она не отлучалась от него. Основная причина всех его затей — и этой генеральной репетиции — это страх потерять Бету. А самый простой способ удержать ее — это запереть ее»¹⁸.

Таким образом, страшное исходит не извне, но изнутри. Мы проецируем свои страхи на внешнюю среду, например, по мнению Ю. Кристевой, на иностранцев. Мы ненавидим некую потаенную часть нашего сознания, являющуюся нам в виде людей другой расы, или «исламских экстремистов», или «русской мафии», или террористов и т.п. (или той же угрозы ядерной катастрофы. — О.М.)»¹⁹.

Действительно, «Генеральная репетиция» во многом «перерастает свою эпоху», и ее можно читать не только как злободневный общественный дебат и психологическую драму. В тексте пьесы есть прямые указания на то, что бомбу и бомбоубежище следует понимать именно как символы.

Спустившись в бомбоубежище, персонажи, по инициативе Ари, затевают игру, как будто бомба уже взорвалась, земля и море стали радиоактивными, а подниматься наверх опасно для жизни. (Последнее «правило игры» распространяется, впрочем, только на Бету; Ари все же каждый день выходит покупать еду и выносит мусор.) О бомбоубежище никто не должен знать, поэтому своим знакомым Ари и Бета говорят, что уезжают на этот месяц в отпуск, — и скучающая в подземном бункере Бета играет в поездку на Кипр (сооружает пальму из швабры и зеленую лужайку из ковра). Какое-то время супруги играют каждый в свой сюжет:

Бета. *Интересно, что сейчас передают по телевизору?*

Ари. *Никаких передач нет.*

Бета. *Как это? Сегодня же не четверг*²⁰.

Ари. *Телестудии больше нет. Ее взорвали. Ведь была ядерная война, не забывай.*

Бета. *Ага... Ну, наверно, на Кипре нет телевидения.*
Ари. *На Кипре?*

Бета. *Мы же с тобой на Кипре, не забывай!*²¹.

При этом Бета, играя в свой сюжет, не бойкотирует и игру в «ядерную войну». С четвертого акта игра в «отпуск на Кипре» прекращается, когда Ари распускает зеленый ковер на нити, чтобы смастерить снасти для рыбалки, которой он якобы должен заняться, когда ядерная угроза минует.

Жизнь после ядерного взрыва персонажи часто осмысливают как нечто, похожее на жизнь первоплюдей после грехопадения, или первобытных людей, которым придется вновь изобретать орудия труда и добывать пропитание примитивными способами²². Ари, лелеющий надежду на то, что во время ядерной войны станет единственным обладателем средств для спасения и выживания, сравнивает свое убежище с раем, в который не войдет никакой Змей²³. Любопытно, что, называя бомбоубежище «раем» и сравнивая себя с первочеловеком, Ари красочно описывает ужасы ядерной войны наверху. Свое существование в убежище он, без сомнения, воспринимает как какое-то начало, но для него это начало возможно только после гибели всего остального.

Пятый, предпоследний акт открывается следующим монологом Беты:

Бета. *Какая мерзость. Грязь и нечистоты... Если бы мне только выбраться на волю... дышать, дышать свежим воздухом... а может, там дует ветер... сильный ветер... сильный... ураган... хочу на сильный ветер. А бывала ли я когда-нибудь на сильном ветру? Я всегда забиралась от ветра в укрытие, в покой, в штиль, где ничего не происходит... я не умею дышать на ветру... А небо? Не помню. Наверно, я когда-то бывала на улице... Наверно, весна уже пришла, ржанки прилетели. Ржанка? Откуда я знаю, как эта птица называется! Я ее никогда об этом не спрашивала и в справочник не заглядывала. Мне всегда было все равно. Эта птичка просто прилетала во двор весной поутру. Она пережила зиму. А я и не спрашивала, как ей это удалось. ...И все же я не знаю, где я смогла бы спрятаться...*²⁴

В этом описании бедная событиями, внешне спокойная жизнь напуганного обывателя мало отличается от прозябания в бомбоубежище. На то, что бомбоубежище — символическое изображение жизни Ари и Беты, указывает также реплика Ари: «Отсюда никто не сбежит — разве что в смерть»²⁵.

При такой жизни система ценностей оказывается вывернута наизнанку, а понятия «жизнь» и «смерть» спутаны. Ср.:

Лилья. ...*Вы прозябаете в этой... в этой могиле в страхе перед ядерной бомбой. Отчего вы не делаете хоть что-нибудь?*

Бета. ...*Мы спасаем жизнь.*

Лилья. *Нет, вы тренируетесь для смерти*²⁶.

Бета на протяжении пьесы колеблется между двумя диаметрально противоположными системами ценностей: жизнелюбием, при котором важны музыка, интересные впечатления и человеческое общение, и системой, при которой во главу угла ставятся собственный покой и безопасность, какой бы ценой они ни были достигнуты. Когда Бета в пьесе вспоминает свое прошлое, становится понятно, что первая система ценностей — ее собственная, а вторая навязана ей мужем. Одно время Бета пытается освободиться от нее. (После размолвки супругов в пятом акте следует ремарка: *«Бета вырывается из его объятий и медленно, нерешительно идет к дверям, словно это первые в ее жизни самостоятельные шаги»*²⁷). Однако ей приходится остаться с Ари: во время очередного похода наверх с мусорным ведром он падает с лестницы и ломает ногу. Но после этого он все же не оставляет своей параноидальной игры и не позволяет жене ни поднять его наверх, ни позвать на помощь, ни даже взять из лежащего в убежище запаса медикаменты и еду. К шестому акту Бета «убила все, чем обладала наверху», и окончательно выбрала для себя существование в убежище. Столкновение той системы ценностей, которую она выбрала сейчас, и той, которой придерживалась прежде, ясно показано в ее финальном диалоге с бывшей ученицей.

Лилья. *Но не можешь же ты просто взять и сгнить тут!*

Бета. *Дружочек, зачем же так мрачно! Мертвые не гниют. Они лежат на зеленой траве среди бесконечного поля, и мелодии овевают их, словно дуновения ветерка и падают на него, словно легкие капли дождя.*

Лилья. *Ты описала не смерть. Ты описала жизнь*²⁸.

При выборе такой системы жизненных ценностей, где самой важной является (фальшивая) безопасность, ядерный взрыв оказывается спасительным, а проявления живой жизни — губительными. Ср.: Бета говорит Лилье: *«Вряд ли я вынесу дневной свет... Даже свет твоих глаз слепит меня. Он в 270 раз сильнее солнечного»*²⁹. Незадолго до этого говорилось, что в 270 раз сильнее солнечного света вспышка при ядерном взрыве. Ср. также уже цитировавшуюся реплику этой героини: *«Теперь нас может спасти только бомба»*.

В именах персонажей также можно усмотреть символичность. Ари — вполне обычное исландское имя, но имя Бета скорее заставляет вспомнить название буквы греческого алфавита, чем традиционный исландский име-

нослов. Вероятно, такой выбор имен для этих персонажей призван подчеркнуть, что они — некие абстрактные супруги А и Б, а их взаимоотношения следует понимать как некую универсальную схему. Имя «Лилья» тоже знаково. Полное имя этого персонажа необычно, оно звучит как Lilja vallarins — «лилия полей», по происхождению это библейский фразеологизм. («Посмотрите на полевые лилии, как они растут: не трудятся, не прядут. Но говорю вам, что и Соломон во всей славе своей не одевался так, как всякая из них») (Матфей, 6: 28–29).) «Говорящее» имя ясно указывает на такую черту характера этого персонажа, как отсутствие привычки тревожиться о будущем (и отсутствие навязчивого страха перед будущим). В этом смысле убийство Лильи — символическое убийство принципа жизнелюбия во имя параноидальных настроений, коррелирующее с репликой Беты: «Я убила все, что было наверху».

Возможно, «Генеральную репетицию» следует интерпретировать прежде всего не как текст «о положении женщин в определенную эпоху» или «о внутренних страхах и внешней угрозе», но как текст о противоборстве двух систем ценностей, двух способов существования (носителями которых являются соответственно Ари и Бета), поднимающий вопрос: «На что человек готов пойти ради собственной безопасности?»

Итоги

Отчасти к творческому пути Свавы-драматурга применимо следующее утверждение, касающееся общих тенденций в исландской литературе: *«В 1960-х годах исландские драматурги начали обращать самое пристальное внимание на современность, и в 1970-е злободневные темы сделались в исландской драматургии центральными. В пьесах 1970-х годов была изрядная доля политической борьбы, чаще всего в духе социального реализма, но можно сказать, что к 1980-м годам акценты все больше смещаются в сторону дома и семьи, семейные отношения становятся все более частотной тематикой»*³⁰. Однако в случае Свавы важно и то, как изменяется формальная сторона пьес.

В первой пьесе Свавы читатель/зритель сталкивается с ультрановаторским художественным языком и стремлением создать индивидуальную авторскую символику. Продолжения в истории исландского театра и литературы этот эксперимент, судя по всему, не имел. В «Генеральной репетиции» художественный язык становится более традиционным, но при этом сам текст — более многозначным; он может провоцировать на множество интерпретаций.

Эйстейнн Аустрадссон отмечал, что для новелл Свавы характерна следующая тенденция: если в ранних текстах художественный язык подчеркнуто модернистский, есть попытки выстроить собственную символику, то в поздних новеллах она в той или иной степени возвращается к традиционной манере письма, при этом «обновляет реалистический дискурс»¹, и символика в ее новеллах 1980-х годов также становится более традиционной. В пьесах Свавы (по крайней мере, в опубликованной части) можно заметить ту же тенденцию.

Феминистический месседж остается в пьесах Свавы неизменным на протяжении всего рассматриваемого периода (впрочем, не только в пьесах и не только в эти годы). Но в тексте 1970-х годов он носит характер почти откровенных общественных дебатов, изложенных экспериментальным художественным языком. В тексте 1980-х годов он уже осложнен другой разнообразной тематикой, при этом традиционность формы пьесы позволяет читателю/зрителю, не отвлекаясь на необычность подачи материала, полностью сосредоточиться на ее смысловом плане.

* * *

¹ Mathías Viðar Sæmundsson: *Hálf öld í líki hákarls*. Ljóð, 1989. Bls. 132.

² В лекции, прочитанной в 1979 году в Университете Осло, она объясняла особенности тематики и поэтики своей прозы следующим образом: *«Когда я начала писать, я очень остро ощутила, что мне не хватает того жизненного опыта, на основе которого, по всеобщему убеждению, строится литература. Порой мне даже казалось, что в моей жизни не было ничего, что могло бы послужить материалом для книг... И мне становилось все теснее в рамках психологического реализма и разных типов “потока сознания”. Я все сильнее ощущала потребность вырваться из этих рамок и вытащить на поверхность внутренние переживания или внутреннюю драму как часть общественной жизни. ...А реакция других персонажей рассказа (и читательская) на этот внутренний опыт и внутреннюю жизнь в таком случае должна быть реалистичной, как если б он был осязаемой конкретной действительностью. Путь мне указал метод фантазии. Слово “фантазия” я трактую очень свободно. В данном случае я использую его для почти всего, что выходит за рамки традиционного реалистического стиля и традиционного реалистического подхода к материалу»* (Svava Jakobsdottir. *Reynsla og raunveruleiki — nokkrir þankar kvennrithöfundar // Konur skrifa til heiðurs Önnu Sigurðardóttur*. Reykjavík, 1980. Bls. 226–227). В этой же лекции она говорила, что в литературе описана только 1/10 жизненного опыта женщины, а «остальные 9/10 скрыты». Ее собственные произведения — это вытаскивание на поверхность этих «девяти десятых» и доказательство того, что они вовсе не так ничтожны, как принято считать. Более того, именно в этих «скрытых» частях про-

исходят наиболее фатальные для жизни всего общества события, наиболее серьезные драмы.

³ В Исландии тексты пьес (даже ставших знаковыми для отечественной культуры сразу же после первой постановки) зачастую публикуются лишь через годы и даже десятилетия после постановки.

⁴ О содержании неизданных пьес Саввы Якобсдоттир см.: ÍSLENSK BÓKMENNTASAGA. Bd. V. Mál og Menning. Reykjavík, 2006. Bls. 264–265.

⁵ *Svava Jakobsdottir. Hvað er í blýhólknum?* Leikrit. Skrudda, 2003. Bls. 34. (Русский перевод см. в книге: Пять исландских пьес / сост., предисл., пер. О.А. Маркеловой. М., 2013.)

⁶ В первой постановке «Краеугольного камня» 12 ноября 1970 года всех второстепенных персонажей играли одни и те же актеры — таким образом, персонажи-тезки сливались воедино в буквальном смысле.

⁷ *Svava Jakobsdottir. Hvað er í blýhólknum?* Bls. 30.

⁸ Ibid. Bls. 23–24.

⁹ Ibid. Bls. 16.

¹⁰ ÍSLENSK BÓKMENNTASAGA. Bd. V. Mál og Menning. Bls. 264.

¹¹ *Svava Jakobsdottir. Hvað er í blýhólknum?* Bls. 42.

¹² Ibid. Bls. 13.

¹³ ÍSLENSK BÓKMENNTASAGA. Bd. V. Mál og Menning. Bls. 269–272.

¹⁴ Ibid. Bls. 273

¹⁵ *Ólafsson Pétur Már. Leigjandinn á Lokaæfingu // Kona með spegil. Svava Jakobsdóttir og verk hennar. JPV útgáfa 2005. Bls. 177.*

¹⁶ *Svava Jakobsdottir. Lokaæfing. IÐUNN. Reykjavík, 1983. Bls. 67.*

¹⁷ *Ólafsson Pétur Már. Leigjandinn á Lokaæfingu // Kona með spegil. Svava Jakobsdóttir og verk hennar. JPV útgáfa, 2005. Bls. 177.*

¹⁸ Ibid. Bls. 181.

¹⁹ Ibid. Bls. 185.

²⁰ В 1980-х годах в Исландии не было телевидения по четвергам.

²¹ *Svava Jakobsdottir. Lokaæfing. Bls. 27.*

²² Ibid. Bls. 37.

²³ Ibid. Bls. 29. Здесь же Бета сравнивает мужа с Адамом и вспоминает про пресловутое яблоко.

²⁴ Ibid. Bls. 50–51.

²⁵ Ibid. Bls. 57.

²⁶ Ibid. Bls. 66.

²⁷ Ibid. Bls. 55.

²⁸ Ibid. Bls. 67.

²⁹ Ibid. Bls. 66.

³⁰ ÍSLENSK BÓKMENNTASAGA, BD. V Mál og Menning. Bls. 273.

³¹ *Eyvindsson Ástráður. Umbrot: bókmenntir og nútími. Háskólaútgáfan (Reykjavík, 1999) // Að gefa í boðhætti. Móðernismi og kvennpólítók í Gefið hvort öðru... eftir Svövu Jakobsdóttur. Bls. 134ff.*

Б. С. Жаров

РОМАНЫ НОРВЕЖСКОГО ПИСАТЕЛЯ ТОМА ЭГЕЛАННА ОБ ОДНОМ АРХЕОЛОГЕ И ТАЙНАХ ИСТОРИИ

В 2005 году весь мир увлекался романом Дэна Брауна «Код да Винчи». Многомиллионные тиражи, переводы на много языков. В Копенгагене летом этого года в больших книжных магазинах в центре города при входе стояли столы, где огромной пирамидой были выложены экземпляры перевода этой книги на датский язык, и было видно, что они хорошо продавались. Еще одна деталь: неподалеку от больших столов стоял стол поменьше с горкой экземпляров романа норвежского писателя Тома Эгеланна «Разорванный круг». Дело в том, что многие линии и идеи, в чем-то даже персонажи двух книг были общими. О сходстве и различиях двух книг — чуть позже. Именно тогда Том Эгеланн из известного только в Норвегии писателя превратился в европейскую литературную знаменитость и остается ею до сих пор, его книги переведены уже на 23 языка.

Том Эгеланн (Tom Egeland, р. 1959) — журналист, длительное время работал в газетах, а затем перешел на ТВ и возглавил службу новостей одного из крупнейших телеканалов страны. Хорошее знакомство с журналистикой и миром людей и фактов проявляется во всех его книгах.

В послесловии к своей первой книге Эгеланн рассказывает, как в возрасте 24 лет он в свободное от журналистских обязанностей время начал писать «роман ужасов» в стиле своего любимого писателя Стивена Кинга. Роман был опубликован, имел успех в Норвегии. Последовали другие романы, ставшие хорошо известными в стране. По истечении некоторого времени ими заинтересовались издатели других стран. И в последнее время книги Эгеланна издаются миллионными тиражами в переводе на многие языки мира.

Первым был роман «Рагнарок» (“Ragnarok”, 1988) — именно такое название дал автор, в древнескандинавской мифологии Рагнарок — конец

мира. Издательство своей волей заменило название на другое — «Тропа в прошлое» (“Stien mot fortiden”), но при переиздании автор вернулся к первоначальному. Основной сюжетный ход — перемещение героев во времени с мистическими событиями, а также переживаниями, от которых у читателя захватывает дух. Из XX века персонажи попадают в древнюю Норвегию, 1163 год, с полным средневековым антуражем. Героиня встречает там некоего француза, который тоже попал из нашего времени в прошлое и более года находился в плену. К концу повествования оба героя из древней Норвегии возвращаются в наши дни, но несколько викингов, преследовавших их, попадают в XX век вместе с ними и принимаются крушить все вокруг.

За этой книгой последовал роман «Страна теней» (“Skyggelandet”, 1993). Книга принадлежит к серии «романов ужасов», «новоготических романов» со всеми элементами этого жанра, в том числе мистическими событиями, исчезновениями, погонями, страшными убийствами и даже переселением душ из одного тела в другое. Многократно используется кинематографический прием перехода из одного временного среза повествования в другой. Затем был детективный роман «Зеркало тролля» (“Trollspeilet”, 1997) с леденящим душу сюжетом, но без мистики и перемещений во времени.

Эгеланн был вполне успешным писателем, вынужденным, правда, писать лишь в свободное от журналистских обязанностей время. Но ему этого было мало, захотелось написать книгу, которая обратила бы на себя внимание всего мира. И он задал себе вопрос: «А что если археолог найдет документ, например манускрипт, который может повлиять на ход истории?» Пять лет он собирал материал, провел колоссальную исследовательскую работу и опубликовал роман «Разорванный круг» (“Sirkelens ende”, 2001) — первый из нескольких романов о приключениях археолога Бьорна Белтэ.

Автор этой статьи перевел на русский язык три романа, о которых идет речь. Первый выходил под разными названиями в двух российских издательствах¹. Во втором издании в книге есть также интересная статья Эгеланна о процессе работы над книгой и его отношениях с Дэном Брауном.

Принципиальной установкой Эгеланна было взять в качестве главного персонажа не супермена с поразительными физическими данными, который может всегда и все, а его полную противоположность — миролюбивого скромного археолога, болезненного вегетарианца, альбиноса, кабинетного ученого, одним словом, антигероя. Единственным, но важным его талантом является острый ум, который позволяет разрешать весьма слож-

ные загадки и находить нестандартные решения. Эгеланн назвал своего героя Бьорн Белтэ (Bjørn Beltø). Позже автор признался, что составил имя персонажа из двух псевдонимов (Bjørn Botnen, Sven Beltø), под которыми в разные годы публиковал свои произведения его прадед — известный норвежский писатель Юн Флатабё (Jon Flatabø, 1846–1930).

Другой принципиальной особенностью было дать максимальное количество серьезного фактического материала, имен, упомянуть события реальной истории, хорошо или не очень хорошо известные. Предварительная разработка материала в этой и других книгах поражает воображение. Книга может даже показаться настоящим научным трудом, но автор так не считает, наивному читателю он напоминает: «Книга — роман от начала до конца. Игра мысли»².

Несколько слов о сюжетной канве. Во время археологических раскопок на территории реально существующего средневекового норвежского монастыря Вернэ обнаруживается золотой «ларец Святых Тайн» с манускриптом — веками считавшимся утраченным текстом о событиях, связанных с жизнью Иисуса Христа. Оказывается, за манускриптом столетиями охотятся представители древнего ордена, который заинтересован в том, чтобы истина никогда не стала достоянием общественности. Кражу ларца осуществил не заурядный воришка, а всемирно известный археолог профессор Грэм Ллилеворт, которому покровительствуют очень высокие чиновники в норвежском правительстве. Позже станет известно, что он сам состоит в древнем ордене. Пружина спущена, начинается гонка через всю Европу. Всплывают события, происходившие в разные годы и даже века. Антигерой Белтэ, естественно, выходит победителем из любых схваток. В этом романе есть, пожалуй, самая яркая и трогательная любовная линия.

Роман в значительной степени совпадает с романом Дэна Брауна «Код да Винчи», опубликованным позже, в 2003 году, то есть ровно через два (!) года после выхода романа Эгеланна. Кое-кто даже ожидал, что Эгеланн подаст на Дэна Брауна в суд за плагиат, но этого не произошло. О двух романах Эгеланн говорит подробно в «Послесловии»: «Какое отношение “Код да Винчи” имеет к “Разорванному кругу”? Никакого. Никакого, если не считать ряда смешных и совершенно случайных совпадений»³.

Автор признает, что обе книги рассказывают о загадках, связанных с жизнью Иисуса Христа, критически относятся к догмам и легендам о нем, утверждают, что Иисус после распятия остался жив и женился на Марии Магдалине, что у них были дети, а потомки до сих пор живут в разных странах Европы. Говорится о тайных орденах, братствах, масонах и т.д., есть

даже комичное совпадение: одним из главных героев является альбинос. И при этом ни один из авторов не читал романа другого.

Обе книги базируются на теориях, опубликованных в научной (без вымышленных персонажей) книге трех авторов «Священная кровь и Священный Грааль»⁴. Интересно отметить, что вместо ожидавшегося, но так и не состоявшегося иска к американцу Дэну Брауну от норвежца Эгеланна последовал вполне реальный иск к нему о плагиате от двух из трех английских авторов этой книги: Майкла Бейджента и Ричарда Ли. Однако в результате длительного рассмотрения вопроса лондонский суд в 2006 году решительно отверг их притязания.

Несмотря на десять пунктов совпадений между двумя книгами, которые признает Эгеланн, главными для него являются различия: «“Код да Винчи”, имея американское происхождение, особо критически относится к точкам зрения и догмам Католической церкви. К псевдоисторической основе добавляется история искусств. В “Разорванном круге” за основу взята археология. Так что археолог-альбинос Бьорн Белтэ вовсе не Индиана Джонс. “Разорванный круг” — тихое, иногда слишком медленное повествование»⁵. Впрочем, следует добавить, что, несмотря на сугубо мирную внешность и нежелание Бьорна Белтэ попадать в сложные жизненные ситуации, читателю трудно избавиться от представления, что нечто суперменское в нем все-таки есть.

Криптологические исследования на исторической основе — одна из основных черт названных произведений. Эту линию продолжил второй роман об археологе Бьорне Белтэ — «Хранители Завета» (“Paktens voktere”, 2007)⁶. Если в первом речь идет о событиях, упоминаемых в Новом Завете, то здесь интерес автора романа обращен к Ветхому Завету и в конечном счете главным персонажем оказывается сам пророк Моисей.

Роман представляет особый интерес для скандинавистов, поскольку многие сцены в наши дни и восемь веков назад происходят в Исландии. Изображен реальный человек, погибающий на глазах читателя, — это самый великий исландец всех времен Снорри Стурлусон. Включены в повествование также викинги, норвежский король Олаф Святой, открытие викингами Америки и многое другое. Естественно, это роман, и множество приводимых проверенных и точных научных данных переплетается с выдумкой.

После неожиданной смерти своего исландского друга-священника, который нашел рунический пергамент «Кодекс Снорри», Бьорн Белтэ обнаруживает заговор, возникший (снова!) в глубокой древности и направлен-

ный на то, чтобы скрыть некий важный документ, содержащий одну из величайших тайн Ветхого Завета. Бьорн Белтэ вновь переезжает из страны в страну в поисках преступников и не раз сам становится их мишенью. Он обнаруживает загадочную связь между убийством Снорри Стурлусона в 1241 году и походом викингов 1013 года, оставшемся не зафиксированным историками, когда они проникли в верховья Нила, разграбили там гробницу и увезли в Норвегию манускрипт, который позже был спрятан в Исландии, в Тингведлире — на Полях тинга.

«Свитки Тингведлира» представляют собой полный перевод на иврит и коптский язык древних текстов, которые автор называет черновым наброском будущей Библии — «Ветхого Завета». В тексте есть и совсем неизвестная «шестая Книга Моисея» (известно «Пятикнижие Моисея»), которая рассказывает о детстве и юности будущего пророка.

Совершенно фантастической даже на этом фоне представляется история, изложенная в третьем романе Эгеланна «Евангелие Люцифера» (“*Lucifers evangelium*”, 2009)⁷. Все те же увлекательные приключения с огромным научным аппаратом, леденящими душу подробностями преследования Бьорна Белтэ — и, как результат, вывод, что знаменитая Вавилонская башня была создана пришельцами из космоса, которые в ближайшее время вернуться к нам.

В 2006 году Эгеланн счел возможным освободиться наконец от своих журналистских обязанностей и целиком посвятить себя литературному труду. В 2010 году он опубликовал свой первый психологический роман «Ложь отцов» (“*Fedrenes løgner*”).

Затем вышли еще два романа Эгеланна об удивительных приключениях археолога Бьорна Белтэ: «Завещание Нострадамуса» (“*Nostradamus’ Testamente*”, 2012) и «Тринадцатый апостол» (“*Den 13. Disippel*”, 2014).

* * *

¹ Эгеланн Т. Наследники Иисуса. М., 2007. (Сер. «Интеллектуальный детектив»); *Он же*. Разорванный круг. СПб., 2011. (Сер. «Книга, полная тайн»).

² Послесловие. «Разорванный круг» и «Код да Винчи» — источники и игра мыслей // Эгеланн Т. Разорванный круг. С. 371.

³ Там же. С. 366.

⁴ *Vaigent M., Leigh R., Lincoln H.* The Holy Blood and The Holy Grail. L., 1982.

⁵ Послесловие... С. 366–367.

⁶ Эгеланн Т. Хранители Завета. СПб., 2011. (Сер. «Книга, полная тайн»).

⁷ Эгеланн Т. Евангелие Люцифера. СПб., 2012. (Сер. «Книга, полная тайн»).

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

- Аалтонен Алекси 251
Абель У. 290, 291
Абрамов А.Н. 243, 251
Август, кайзер 484
Агин А. 379, 383, 384
Адам Бременский 68
Адельгейда (Евпраксия) 29
Адриан, иеромонах 237
Айрнес А.М. 516, 517
Аиро, генерал 243
Акаев В. 300, 301
Аксетон П. 190
Акте А. 403
Акуленко В.В. 488
Александр I 129
Александр II 202, 214, 224, 429
Александр III 404, 405, 420
Александр Невский 81–83
Алексашин С.С. 40
Алиева М. 8
Ализаде А. 8
Аллогия (Рогнеда), княгиня 55, 59
Ал-Харис ибн ‘Амр ибн Худжр 24, 34
Аль-Барадеи М. 314, 315
Аль-Джафара М. 309
Аль-Завахири А. 308
Альмквист Х. 98
Амундсен И. 302
Андерсен Б. 156
Андерсен Д. 354, 358
Андерсен Ханс Кристиан 428, 503, 510, 511
Андреев Н.П. 144, 145
Анохин Г.И. 10, 12, 13
Антонов, генерал 250
Арафат Я. 313
Армфельд Г.А. 178
Армфельт А.Г. 201
Арсеньев С.В. 135, 155
Аскергрен 478
Аскольд, князь 87
Астрид 57
Атакишиева М. 8
Аустрадссон Эйстейнн 543
Афиногенова А. 522
Ахтисаари М. 314, 315
Ашберг У. 290–292
Ашберг Улоф 290–292
Бабенберг Л. 29
Байрон Д. 519
Банг Герман 505, 511
Банзе Г. 448
Барановский С.И. 143, 144
Бармотин С.А. 450
Басс 137
Бастьян-Лепаж Ж. 403, 412
Башуцкий А. 383
Бёг Эрик 504, 508, 509
Бегин М. 313
Безбородко А.А. 177
Беззубиковы 139
Бейджент Майкл 548
Бек Ульрих 514
Беккер А. фон 400, 408
Белецкий С.В. 38
Белинский В.Г. 381
Беляков Дорофей, иеромонах 237
Бен Ладен 308
Бенуа А.Н. 406
Бергенхейм Эдвард 222
Бергеруд Нордель Карлин 137
Бергстрем Андерс 189
Бердяев Н.А. 193, 197
Березников В.А. 146, 155

- Бернардский Е.Е. 379–385
Бескровный Л.Г. 176
Биллунг Г. 28
Биллунг I 28
Бильдт К. 186
Бирюков Ю.Б. 87
Биссен Г.В. 375, 378
Бликс Х. 314
Блихер 428
Блэр Т. 315
Бобриков 337
Бобриков Н.И. 205
Богарне, графиня 138
Богданов А.П. 420
Богуславский О.И. 61, 62
Бодиско Я. 223
Болеслав I Храбрый 29, 48, 62
Болтон Д. 314
Борк К. 389
Брагин 133
Брандес Ф. 519
Брандес Э. 504, 506–511
Браудо И.А. 450
Браун Д. 545–548
Бредаль П. 496
Брейвик А.Б. 322
Брок О. 152–157
Брольи А.-С. де 427
Бромлей Ю.В. 13
Броссе Ф.Л. 194
Бруевич Н.Г. 156
Брун Микаэль Валлем 508
Брунборг Хельг 298
Бруно Карлсон 195
Булл Э. 10
Бунин И.А. 194
Буядова Ш. 8
Буркин 138
Бурнашев А.Н. 146
Бурнонвиль А. 503
Бутурлин В. 98
Быстриевский А.А. 233
Бьёрнсон Б. 387
Бьоркли Г. 320
Бюлов Й фон 366, 367, 399–372
Вавилов С.И. 156
Вамберг Б. 516
Варьонен 246
Вахрос И. 244
Вергеланн Х. 355, 387
Вернер Й. 17
Вестин Л. 190
Вигеланн Г. 387
Видукинд Корвейский 23
Визель О.О. 155, 435, 436, 438, 439, 441
Вийк К. 243, 244
Викан У. 323
Вилюмсен Д. 517
Винтер Г. 339
Вист О. 137
Витте С.Ю. 166
Витухновская М.А. 334
Вихавайнен Тимо 261, 264, 267–269, 271, 272
Владимир Мономах 89
Владимир Святой (Владимир Святославович) 48, 49, 55, 59, 60, 62
Власьев А. 95
Воге П.Н. 309–311
Воейков В. 455
Возгрин В.Е. 497, 500
Волков С.В. 457
Волков Ф.К. 438, 441, 457
Воронцов М.С. 426
Воронцов С.Р. 426
Вострем К. 137
Врангель 178
Вуори Ээро 245
Вышинский А.Я. 249
Вюрер Б. 16
Гагарин 383
Гагарин С.П. 164

- Галлен-Капелла А. 406, 411
 Гальберег 382
 Ганандер К. 428
 Гансен 148
 Гарновский М.А. 179
 Гастингс 27
 Гаф О. 224
 Гезеллиус Г. 407
 Гейбуллаев Г. 8, 9
 Гейер Е. 180
 Гекерт И. 478, 480–482, 484
 Генрих III 29
 Генрих Длинный Штаденский 29
 Герман Валаамский 236
 Гертруда, княгиня 89
 Гидденс Э. 514
 Гилл П. 322
 Гилленгранат 180
 Гитлер А. 238
 Глеб Святославович 75
 Глиппинг Э. 518
 Гоголь Н.В. 379, 381, 384
 Годунов Борис 95
 Годфрид, конунг 28
 Голенищев-Кутузов И.Л. 478
 Голубовская Н.И. 450, 451
 Голунский С. 249, 250
 Гольдшмидт М.А. 519, 520
 Гордер Ю. 315–317
 Горн Г. 101
 Гортер В.Т. 124
 Горький М. 406
 Грабарь И.Э. 406
 Гребенсен 137
 Грейг С.К. 175, 176, 179
 Грейм 383
 Грундстрем Ю. 216
 Грунтвиг Н. 516
 Грут Т. 454
 Гулькевич К.Н. 155
 Гуревич А.Я. 10, 12
 Гусев П. (Олмари) 236
 Густав II Адольф 100–102, 110
 Густав III 171–176, 178–180
 Густав V 454
 Густав VI Адольф 461
 Густав VI Адольф 461
 Гюллембург Т. 516, 517
 Давыдова А. 445
 Далу П.Г. 423
 Данишевский И. 138
 Данишевский П. 138
 Даньян-Бувре П. 403, 405
 Дега 413
 Дезин В.П. фон 176
 Делагарди Я. 97–103
 Демут-Малиновский 382
 Дерикер Г. 383
 Джавадова Э. 8
 Джаксон Т.Н. 66, 69
 Джонс Г. 68
 Диоген 484
 Дир, князь 87
 Дитрих Брауншвейгский 28
 Достоевский Ф.М. 154, 309
 Дрейер Т. 462
 Дубашинский А.В. 36
 Дуглас 167
 Дьяконов М.М. 9
 Дюре Во 387
 Дягилев С.П. 403, 406
 Егергорн 171
 Едман Ю. 478
 Екатерина II 172, 173, 176–179, 194, 447–449
 Елизавета, королева 484
 Ельцин Б.Н. 184
 Енсен Ф. 323
 Ефрем Переяславский 86
 Жданов А.А. 243, 244
 Жером Ж.-Л. 400, 412
 Жигмонтович В. 98

- Жолкевский С. 97, 98, 100, 102, 103
Жуковский Р. 383
Зайцев Т.А. 444, 445, 452
Закаев А. 299
Замятин Г.А. 98, 101
Засецкая И.П. 18
Зейн Ф.А. 339
Зелот С. 351
Зентрке Л. 233
Золотарев Д.А. 440
Зорин В.А. 248, 249, 253
Зотов А. 249
Ибн Руста 29
Ибсен Х. 388, 504, 507, 509
Иван IV Грозный 94, 95, 162
Игорь, князь 25, 27, 48
Иенсен Х.А. 375, 376
Иерихау И.А. 375
Изаи Э. 451
Изяслав Ярославич 89
Илинг В.Н. 194
Ильвес Т.Х. 185
Инбер В. 194
Ингебьерг 57
Ингеманн Б.С. 375, 376
Инги, король 76
Ингигерд, княгиня 47, 57, 62, 63, 82, 89
Индриков Ю. 95
Иоаким, епископ 29
Иона, игумен 109
Исидор, митрополит 107
Ист Н. 137
Истомин С. 243, 244
Йевелл Свире 190
Йенсен А. 134, 137
Йенсен В.П. 516
Иенсен Д.И. 375
Йенсен Свен Сёдринг 515
Йоквитс Ю.К. 216
Йонсен О.А. 10
Йотуни А. 336
Кааран А. 94
Казанко (Казанский) А. 239
Казанский В.О. 63
Казанский М.М. 18
Кайгородов М.Н. 206
Каллинен Ю. 245
Капица Л.Л. 435, 438–441
Каподистрия И. 429
Карамзин Н.М. 103
Карл IX 97–100
Карл XIV Юхан 159
Карл XVI Густав 461
Карл Великий 28, 31
Карл Филипп 100–102
Карлсон Б. 195
Карлссон Э. 156
Карлхейм-Гюлленшёльд В. 119
Карнап-Борнхайм К. 17, 18
Кастрен М. 427
Каш А. 456
Каянус Р. 403
Кекконен У.К. 243, 248
Кеппен П.Ф. 431
Кетильсдаттер 348
Кин Ч. 173
Кинг С. 545
Кипарский В. 244
Киркегор (Кьеркегор) С. 428, 509, 516, 518–520
Кирпичников А.Н. 36
Класон И.Г. 422
Клееманн О. 16
Клерк Ф. де 313
Клинтон Б. 187
Клодт К.К. 379, 381, 383
Ключевский В.О. 176
Кнапас Р. 426
Кнорринг Ф.П. фон 430
Кнудсен Й. 515
Кобзарева Е.И. 99
Кобиа С. 303

- Кобленкова Д.В. 530
 Кобрин В.Б. 103
 Ковалевский Е.П. 383
 Ковригин Е. 383
 Козляков В.Н. 103
 Козлянинов Т.Г. 176
 Кокволл П.Э. 316
 Коковцев В.Н. 339
 Коллет 148
 Коллонтай А.М. 156, 194
 Колстрём М. 427
 Комаров А. 255
 Кондратий, священник 108
 Конрад I 29
 Константин Добрынич 62
 Копырин 138
 Корсаков П. 383
 Корш 153
 Косвен К.О. 13, 14
 Котилайнен В. 238
 Кох У. 18
 Кракабен, Воронья Кость 68
 Краруп С. 514
 Крестовников 138
 Кристиан (Христиан) IV 94, 95, 348
 Кристина, дочь Хакона IV Старого 83
 Кристина, королева 484
 Крове 176
 Крөг К. 387
 Крөг Т. 515
 Кроу Д.Р. 159
 Кроун 176
 Крохин В.П. 337
 Круг И.Ф. 25
 Крузе Ф. 25
 Кузнецов К. 122
 Кузьмин С.Л. 36, 40
 Кулакова М.И. 37
 Кулиев Г. 8
 Куломзин А.Н. 199
 Кунигунда 29
 Куник А.А. 23
 Кунила, пастор 235
 Куно Энингэн фон 29
 Курбе Г. 400
 Куропаткин А.Н. 163
 Куртуа Г. 403
 Кут Х. 10
 Кууйо Э. 209
 Куусинен Х. 251
 Куха М. 239
 Кюльберг О. 18
 Лавонен Н.А. 340
 Ланглет Э.В. 389
 Ларсен 138
 Ларсен Г. 321
 Латенмаки Кайзе 190
 Ле Пик 370
 Лебедев Г.С. 56, 66
 Лебединцев П. 87
 Лев IX, папа 29
 Лев Остийский 23
 Левин М. 317
 Левонтина И.Б. 488–493
 Лейбниц Г. 27, 28
 Лейнг С. 159
 Лейно Ю. 245
 Леман О.И. 138
 Ленгауэр В. 139
 Леннрут Э. 180
 Леонид (Кавелин) 86
 Лескин 153
 Лескинен 246
 Летонен М.А. 234
 Ли Р. 548
 Лид И. 134
 Линдгрэн А. 407
 Линдгрэн Торгни 522, 526–530
 Линдхольм Б. 401
 Линдхольм Р. 401
 Липин 137, 138
 Лобанов Р. 108

- Лорен П. 370, 371
Лотарь, король 26
Лофельдт П.А. 112
Луиза, королева 194
Лукас Ч.Д. 223
Лунд П.В. 516–518
Лундель 153
Лунтинен П. 221
Лупандер Э. 413
Людовик XIV 484
Людовик Благочестивый 28, 40
Магнус Олавссон Добрый 48
Магнус, король 61
Магомед IV 484
Макарий, митрополит 86
Макаров П. 239
Макиавелли Н. 99
Маклюэн М. 192
Максимов С.В. 125
Мальгин 137
Малькольм 138
Мандела Н. 313
Мане Э. 412
Манкиев А. 100
Маннергейм 238, 244
Маркс К. 224
Маслин 138
Маслова-Лашанская С.С. 488
Масхадов А. 299
Матисс 413
Мачинский Д.А. 61
Медведников 137
Меллер П.Л. 516–520
Мёллер 428
Мёллер П.У. 495
Мельникова Е.А. 69
Мельницкий Н. 456
Меншиков А.С. 201
Меррик Д. 101
Милюков П.Н. 153
Михаил Орфинский 233
Михаил, сын Ярослава Ярославовича 83
Молотов В.М. 245, 251–255
Моне К. 403
Монтейро Д. 307
Морков А. 171, 172
Морозов А. 138
Мошков Н. 138
Мстислав Великий, Мстислав Владимирович 75, 76
Муни 68, 377
Мушарраф П. 322
Мясоедов Н.А. 208
Мятлова-Бибилова В. 404
Нансен Ф. 154
Невакиви Ю. 254
Негря Л.В. 34
Нейендам Р. 504
Некрасов 383
Нессельроде К.Р. 428
Нестор Кукольник 382
Нестор, летописец 25, 26
Неш Р. 393
Никандр, архимандрит 100
Николай I 131, 159, 222, 223, 380, 428, 429
Николай II 166, 405, 455, 456
Николаи И.М. 425
Николаи Л.Г. 425
Николаи П. 425–432
Нильсен В.В. 444–447, 449–452
Нильсен В.Е. 445, 446
Нильсен В.С. 449
Нильсен Г. 447
Нильсен Е. 445, 449
Нильсен И.Э. 449
Нильсен С.Ф. 449
Нильсен Ф. 447–449
Нобели 154
Нолькен Г. 173, 177
Нордин К.Г. 175, 176

- Обручев Н.Н. 166
 Ода Штаденская 29
 Одд Стрела 68
 Одд, монах 66, 67
 Ойстрах Д. 194
 Оксеншерна А. 102, 110
 Олав I Воронья Кость (Олав Святой, Олав Харальдссон) 40, 48, 55–57, 60, 62, 66, 68–70, 72
 Олав Трюггвассон 48, 49, 54–57, 59, 66–68, 70, 82
 Олав Шетконунг (Олав Эйрикссон) 56, 57, 60, 62, 63
 Олег Вещий, князь 36
 Олег, князь 27, 48, 89
 Ольмерт Э. 316
 Омюни Эльвесетер 395, 396
 Орьянс Йеркер 221
 Оскар I 159, 160, 222
 Оскар II 161
 Остерман А.И. 171, 179
 Островский Д. 163
 Остроумова-Лебедева А.П. 406
 Отгон Великий 29
 Паасикиви Ю.К. 242–248, 251, 254, 256
 Паландер К.Э. 216
 Палудан-Мюллер Ф. 503
 Пальмштерна К.Ф. 156
 Панин-Коломенкин Н.А. 456
 Пантелеймонов Г.М. 456–458
 Партапули К.Х. 322
 Пастер Л. 403
 Патронен В. 239
 Паульсон О. 137
 Пахомов В. 138
 Пашаева М. 8
 Пеккала М. 242, 244, 245, 248, 252, 253, 255
 Перес Ш. 313
 Перссон И. 187
 Петр Могила 87
 Петрей П. 23
 Петренко В.П. 61
 Петрилович С. 81
 Петсало О. 239
 Плеве В.К. 205
 Плоуг К. 507, 508
 Подцероб Б.Ф. 251
 Поленов В.В. 420
 Портан Г. 428
 Потемкин Г.А. 177, 179, 370
 Потифар Египтянин 67
 Поульсен Э. 510
 Пребенсен 137
 Предслава 29
 Прокопе 208
 Прютц 139
 Пути Ж. 402, 403
 Путин В.В. 44
 Путро Моозес 215
 Пушкин А.С. 383, 405
 Пфалер Ф. 209
 Равдоникас В.И. 36
 Радлов В.В. 417–423
 Разумовский А.К. 171, 172
 Райс К. 315
 Райх Э.Клевдаль 516–518, 520, 521
 Рамазанов 382
 Расмуссен В. 387–389, 390, 392–395, 397
 Расмуссен Г. 392
 Расмуссен К. 516, 517
 Ребас Х. 184
 Регнвальд 47, 57, 62, 63
 Рёгнвальдсон У. 74
 Рейнбот 207
 Рейнтон Л. 10
 Рейнхильда 28
 Реландер К.А.О. 339
 Ремезов С.У. 81
 Ренуар О. 403
 Репин 405

- Репнин Ю.Н. 496
Рерик Фрисландский (Рерик Ютландский) 40, 44
Решетов А.М. 418
Ржевский С.М. 176
Рибер 138
Римский-Корсаков Н.А. 444, 445
Рихтер Н.И. 444, 449, 450
Роальд А.С. 312
Рогачевская Е.Б. 89
Рогинский В.В. 129
Ройтер Э. 412
Романов М.Ф. 101
Рорик Фрисляндский 25–28
Ру Э. 403
Рудая А. 371
Руденко С.И. 440
Рунгне О. 395
Рунеберг И.В. 403
Рунеберг Й.Л. 207
Руофф Э. 432
Русанов В.А. 120
Рыдзевская Е.А. 62, 66
Рюнинг Л. 10
Рюрик, князь 25–28, 30, 31, 33, 39, 40, 43–48, 51
Рюти 237
Рябинин Е.А. 35, 36
Саарикоски Пааво 235, 237
Сааринен Э. 407
Савоненков Г.М. 243, 246–249
Сагер В.Н. 195
Садат А. 313
Садовников 338
Саймундссон Маттиас Видар 532
Саксон Анналист 29
Салин Б. 421
Сальстедт А. 477–482
Сапега Я. 98
Саралиев Х. 303
Сарджент Д. 403
Сарс 143, 144, 148
Сафронов И.И. 234
Саханов С. 236
Свава Якобсдоттир 532, 533, 535, 537, 538, 542, 543
Сваньонг Г. 138
Сведлунд Н. 255
Свейн 54, 56, 57, 60–62
Свейн Альвивусон 69
Свейн Вилобородый 59
Свейн Хаконарсон 48
Свенсон В. 195
Свенто Р. 248, 253
Свердруп Й. 387
Святополк, князь 48, 60, 62,
Святослав Ярославич, князь 75
Селин А.А. 99
Сергий Валаамский 236
Сережин М. 236
Сернсен 148
Сигизмунд III 103
Сигрид Гордая 56, 59
Сигурд Свинья 55
Сигурд, дядя Олава Трюгвассона 55, 67
Сигурдсон Суровый 48
Сидоров А.А. 380–382
Силен А.Ф. 214
Симеон, св. 89
Симонсен А. 448
Синдинг О. 387
Синдинг О. 387
Синеус 25
Сихво А. 251, 256
Скалозубов Н.Л. 421
Скаппель С. 10
Скляревская Г.Н. 488
Скопин-Шуйский М.В. 97, 102
Скот 243
Скуг Э. 251
Слуцкий 153
Сметанин 138

- Смит Д.Э. 220
 Смит К. 361
 Смыка Е.А. 85
 Снорри Стурлусон 55, 58, 59, 62, 68, 548, 549
 Соллогуб В.А. 383
 Сольгейм С. 10
 Соров И. 138
 Сосновский И.В. 165
 Спренгпортен Г.М. 171–173, 178
 Сталин И.В. 244, 251, 255
 Стампе Олсен 137
 Стангеруп Х. 516–520
 Стангхелле Х. 317, 318
 Старков В.Ф. 117, 119
 Стасов В.В. 406
 Стейнкель 47
 Стенманн Й. 415
 Стёре И.Г. 308
 Стере Ю.Г. 317
 Столтенберг Е. 323
 Стритсленд Я. 190
 Стурбергет К. 322
 Стуресюнн Х. 351
 Стърнвальд 138
 Сулен К. 319
 Сундстрём К. 248, 249
 Сусанин И. 382
 Танберг С. 346
 Татищев В.С. 29
 Таусен Г. 378
 Твейт О. Ф. 303
 Тетеревлев 137
 Тимченко С. 194
 Тихомиров М.Н. 30
 Толстов С.П. 9
 Толстой И.И. 405, 420
 Толстой Л.Н. 154, 195, 420
 Толстохнов В. 339
 Томассен К. 308
 Томингас А. 461
 Топелиус С. 222, 403
 Торвальдсен Б. 375, 376, 378
 Торгер Одергаард 306
 Торгнюр 40
 Торелль О. 119
 Торлов В.Н. 137
 Торстейн В.Т. 307
 Тоструп Я. 358
 Тревенсен 176
 Трувор 25, 33, 39, 43
 Трюгвасон У. 389
 Тубба, царь 34
 Туне Н.М. 358
 Тургенев А.М. 179
 Удон III 29
 Уильямс Колин 303
 Уистлер 413
 Ульфельдт Я. 94
 Унден Эстен 255
 Урбан II, папа 88
 Фаберже К. 455
 Фагерхус Х. 304
 Фадлан 294
 Фальсен 148
 Фарьяб 309
 Федотов 381
 Фендт Ю. 362
 Феогност, епископ 89
 Феодор Грек 88
 Ферзен Аксель 172
 Феррейн В.К. 138
 Филин С. 239
 Философов Д.В. 406
 Флатабё Юн 547
 Флатен Гру 306
 Флеминг К. 401
 Флоря Б.Н. 97
 Фортунатов 153
 Фосс И.Г. 425, 426
 Фоссберг Й. 346, 347
 Фраберг Пер 190

- Фредерик VI 376
Фредерик VII 366
Фреки 68
Фридрих Великий 425
Фриис Я.А. 159
Фриман 214
Фрис О. 156
Фройнд В. 378
Фройнд Г.Х. 376, 377
Фройнд Г.Э. 375–378
Фройнд И.Ф. 375
Хавен Педер фон 495–502
Хагман И.А. 214
Хазелиус А. 417–423
Хазерт Эрфурт Дирк 308
Хаккали С. 309
Хакон IV Старый 82, 83
Хакон, ярл 54
Халонен Т. 411
Хамберг Э. 461
Ханжонков 138
Хансен К. 304
Хансен Таге Скоу 514
Хансен Х.Ф. 375, 376
Харальд Гренландец 56
Харальд Клак 28
Харальд Прекрасноволосый 55, 389, 393
Харальд Сигурдсон Суровый (Харальд Хардрада) 66, 69
Харитон, игумен 236
Хассинен Л. 216
Хаух Карстен 516
Хедин Свен 134, 162
Хейберг 428
Хеквист Ф. 190
Хелле 361
Хеннингс Бетти (Шнель Бетти) 503–511
Хильдерик, король 17
Хирн С. 431
Хобсбаум Э. 220
Хокон V 346
Холст Ю.-Й. 313
Хольберг Л. 428, 497, 516
Хольм Й. 318
Хольмбо К. 139
Хольст Х.П. 503
Хоманен Л. 235
Хомейни 311
Хорик, конунг 26
Хохлин 138
Храповицкий 177–179
Христиансен Христиан 137
Хугин 68, 377
Хульт Б. 187
Хусейн С. 313
Хярконен И. 336
Хярконен П. 239
Циглис Я. 17
Цинцендорф Н.Л. 448
Чапман Ф.Г. 174
Чернушенко В.А. 444
Чернышев И.С. 255
Чернышев Ф.Н. 155
Чеснокова Т.А. 489–491, 493
Чистяков П.П. 412
Шаван П. де 412
Шалина И.А. 88
Шауман А. 223
Шахматов А.А. 24, 87, 152, 153
Швинд П.Т. 216
Шегрен А. 214
Шелдон Ч. 174
Шёнберг А. 461
Шёнберг К. 461
Шерфбек М. 415
Шерфбек Х. 410–416
Шестериков Г. 457
Шикалов Ю. 335
Ширак Ж. 315
Шляпкин И.А. 85, 86
Шомрат М. 316

- Штенцель А. 176
 Штиглиц А.А. 406
 Штольберг Ф.Л. 425
 Штример 450
 Щедрин С. 382
 Щеколдин К. 436, 438
 Эгеланн Т. 545–549
 Эдегор Одд 397
 Эдельфельт А. 399–407, 411
 Эйлив 47
 Эйольв 58, 471
 Эйрик 48, 54, 56–62
 Эк В. 138
 Эленшлегер А. 428, 519
 Элиаде М. 341
 Элиассен Х. Н. 306
 Эльвесетер И. 395
 Эльвесетер И. 395
 Эльвесетер О. 395, 396
 Эльвесетер Р. 395
 Эльфинстон 176
 Энгельгардт А.П. 146, 148, 149
 Энкель К. 243, 245, 248, 249, 254
 Эренбург И. 194
 Эренсверд А. 173, 174
 Эрик XIV 100
 Эрикссон Т. 190
 Юдит Вельф 28
 Юлленберг А. 412
 Юнг Х. 255
 Юргенсен Э.Л. 216
 Юхансен Х.У. С. 345
 Ющенко В. 315
 Ягич 153
 Яйсман К.Э. 515
 Якоб Датский 517
 Якобсен 367, 369, 370
 Якобсен Й.П. 504
 Якун 48
 Янгфельдт Б. 100
 Янов А.Л. 103
 Ярнефельт Э. 411
 Ярополк Святославич 48, 89
 Ярослав Владимирович 69, 72, 88–89
 Ярослав Всеволодович 77
 Ярослав Мудрый (Ярицлейв) 26, 29, 47, 48, 60, 62, 63, 66, 67, 75, 82
 Ярослав Ярославович 83
 Andreassen R. 281
 Bredal A. 281
 Brobyggnads 137
 Gustavsan G. 283
 Hernes H. 276
 Htun Mala 281
 Maageró E. 277, 286
 Maskin 137
 Nansen Fridtjof 285
 Nietzsche F. 219
 Ötjans J. 221
 Runblom H. 283
 Simonaen B. 277, 286
 Skotvedt T. 285
 Solem E. 286

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Агаева Кифаят Джаби кызы, доктор философии по философии, доцент кафедры регионоведения Университета языков Азербайджанской Республики.

Алексашин С. С., генеральный директор ООО «РосЭкспертОценка» (Санкт-Петербург).

Алиева Севдагюль Фазиль кызы, доктор философии по истории, заведующая кафедрой регионоведения Университета языков Азербайджанской Республики, доцент.

Архимандрит Августин (Никитин), доцент Санкт-Петербургской духовной академии.

Бедник Д. В., редактор изд. «Лад» (Санкт-Петербург).

Гортер В. Т., PhD. по общественным наукам, профессор кафедры отечественной истории Института социально-гуманитарных и политических наук Северного (Арктического) федерального университета им. М. В. Ломоносова (Архангельск).

Губанов И. Б., кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела европеистики МАЭ РАН.

Давыдов Р. А., кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института экологических проблем Севера УрО РАН.

Домрачев Д. С., кандидат культурологии, преподаватель Международной системы школ иностранных языков Denis' School.

Дорошенко (Ратова) К. К., искусствовед, аспирант кафедры зарубежного искусства Санкт-Петербургского государственного академического института живописи, скульптуры и архитектуры им. И. Е. Репина РАХ.

Дружкова С. А., аспирант Курганского государственного университета.

Дубровская Е. Ю., кандидат исторических наук, старший научный сотрудник сектора истории Института языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН (Петрозаводск).

Еремина-Соленикова Е. В., старший научный сотрудник Государственного музея истории, аспирант Академии русского балета им. А. Я. Вагановой (Санкт-Петербург).

Ефимов М. В., старший научный сотрудник Научно-исследовательского отдела ГИАПМЗ «Парк Монрепо» (Выборг).

Жаров Б. С., кандидат филологических наук, доцент кафедры скандинавской и нидерландской филологии СПбГУ.

Зарецкая О. В., кандидат исторических наук, заведующая кафедрой всеобщей истории, доцент, заместитель директора по международному сотрудничеству Института социально-гуманитарных и политических наук Северного (Арктического) федерального университета им. М. В. Ломоносова (Архангельск).

Ивановская Н. И., кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела этнографии Северо-Запада и Прибалтики Российского этнографического музея.

Ивлева С. Е., старший научный сотрудник Государственного Русского музея.

Каранов Д. П., старший преподаватель кафедры конфликтологии Санкт-Петербургского гуманитарного университета профсоюзов.

Карелин В. А., кандидат исторических наук, доцент Мурманского института экономики (СПБУУиЭ), научный сотрудник Центра региональных исследований «Баренцева инициатива».

Коваленко Г. М., кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Санкт-Петербургского института истории РАН.

Короленко О. А., учитель английского языка СОШ № 9 (Клинцы).

Краснова Е. В., кандидат филологических наук, доцент кафедры скандинавской и нидерландской филологии СПбГУ.

Кривдина О. А., кандидат искусствоведения, ведущий научный сотрудник Государственного Русского музея, профессор Государственного академического института живописи, скульптуры и архитектуры им. И. Е. Репина, член ИКОМ, АИС, Союза художников России.

Кузьмин С. Л., археолог, старший научный сотрудник СПбГУ.

Ливанова А. Н., кандидат филологических наук, доцент кафедры скандинавской и нидерландской филологии СПбГУ.

Ломагина А. В., кандидат филологических наук, заведующая кафедрой финского и скандинавских языков РГПУ им. А. И. Герцена, доцент.

Маркелова О. А., кандидат филологических наук.

Маслюженко Д. Н., кандидат исторических наук, заместитель декана исторического факультета Курганского государственного университета, доцент.

Минаева Т. С., доктор исторических наук, профессор кафедры отечественной истории Института социально-гуманитарных и политических наук Северного (Арктического) федерального университета им. М. В. Ломоносова (Архангельск).

Михайлова Е. Р., кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Лаборатории археологии, исторической социологии и культурного наследия им. проф. Г. С. Лебедева СПбГУ.

Михалкова Т. К., член Союза журналистов Петербурга и Ленинградской области.

Мошник Ю. И., кандидат исторических наук, заведующая научно-исследовательским отделом ГИАПМЗ «Парк Монрепо» (Выборг).

Мусаев В. И., доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Санкт-Петербургского института истории РАН.

Пантелеймонова О. С., педагог дополнительного образования Дома детского творчества Невского района Санкт-Петербурга «Левобережный».

Пересадило Р. В., старший преподаватель кафедры всеобщей истории Института социально-гуманитарных и политических наук Северного (Арктического) федерального университета им. М. В. Ломоносова (Архангельск).

Петров Н. И., кандидат исторических наук, доцент, преподаватель училища благочестия Санкт-Петербургского подворья Константино-Еленинского женского монастыря.

Пиотровский Д. Д., кандидат филологических наук, доцент кафедры латинского языка Санкт-Петербургского государственного медицинского университета им. акад. И. П. Павлова.

Плахтиенко О. П., доцент кафедры литературы Северного (Арктического) федерального университета им. М. В. Ломоносова (Архангельск).

Половинская В. В., магистр истории, аспирант кафедры истории и археологии славян Национального педагогического университета им. М. П. Драгоманова (Украина, Киев).

Раздорский А. И., кандидат исторических наук, заведующий группой исторической библиографии Российской национальной библиотеки, ведущий научный сотрудник.

Рупасов А. И., доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Санкт-Петербургского института истории РАН, член-корреспондент Финляндского исторического общества, член редколлегии журнала “Tuna” (Таллин), ответственный редактор «Петербургского исторического журнала».

Савицкая А. В., кандидат филологических наук, доцент кафедры скандинавской и нидерландской филологии СПбГУ.

Сафонова Н. В., кандидат филологических наук, доцент кафедры немецкого языка Брянского государственного университета.

Сексте Я. А., кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и политологии Санкт-Петербургского государственного экономического университета.

Сорокин П. Е., кандидат исторических наук, старший научный сотрудник ИИМК РАН, заместитель директора по научной работе СЗНИИ культурного и природного наследия, руководитель Санкт-Петербургской археологической экспедиции.

Сутягина Л. Э., кандидат философских наук, ведущий специалист МАЭ РАН.

Турне Л. А., глава независимого общества «Русский салон» в Стокгольме, член Союза журналистов России.

Чекалина Е. М., доктор филологических наук, заведующая кафедрой германской и кельтской филологии филологического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова, профессор.

Чепель А. И., кандидат исторических наук, доцент кафедры истории Санкт-Петербургского государственного морского технического университета.

Шкаровский М. В., доктор исторических наук, главный архивист Центрального государственного архива Санкт-Петербурга.

Шрадер Т. А., кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела европеистики МАЭ РАН.

Шумилов Е. Н., кандидат исторических наук (Пермь).

Юло Кальм, директор Музея Раннаротси в г. Хаапсалу (Эстония).

Юрьев А. А., кандидат искусствоведения, профессор кафедры зарубежного искусства Санкт-Петербургской государственной академии театрального искусства.

Ярмолич Ф. К., кандидат исторических наук, научный сотрудник Санкт-Петербургского института истории РАН.

СОДЕРЖАНИЕ

К читателю 3

I. СРЕДНЕВЕКОВАЯ ИСТОРИЯ И АРХЕОЛОГИЯ СЕВЕРА

С. Ф. Алиева

Большая семья у норвежского и азербайджанского крестьянства
в Средние века 7

Е. Р. Михайлова

Браслеты с утолщенными концами в германских
и восточноевропейских древностях 16

С. С. Алексашин

«Варяжское призвание».
К 1150-летию российской государственности 23

И. Б. Губанов

«Призвание варягов» в свете социально-исторических аналогий,
внешнеполитической ситуации в Европе IX века
и археологических материалов из городищ Любши,
Старой Ладogi, Псковского и Рюрикова городища 33

П. Е. Сорокин

Археологические памятники Приневья и юбилей
Российского государства 42

С. Л. Кузьмин

Два ярла, два конунга и два похода на Гардарики 54

В. В. Половинская

Олавы и Гарды: роль Руси в сакрализации королей-миссионеров . . . 66

Е. Н. Шумилов

По пути, проложенному шведами
(О роли населения «Ладожской автономии»
в освоении Русского Севера) 72

Е. Н. Шумилов

О времени обложения терских лопарей новгородской данью 81

Н. И. Петров

О «трапезе Николы» в «Слове на перенесение честных мощей
святаго архиепископа Христова Николы из Мир в Бар град» 85

- Д. Н. Маслюженко, С. А. Дружкова*
 Норвежский вопрос в международной политике
 Московского государства в конце XV — начале XVII века. 93
- Г. М. Коваленко*
 Kungamakaren. Якоб Делагарди в России 97
- А. И. Чепель*
 Становление шведско-русского приграничья после
 Столбовского мира: конфессиональный фактор. 106

II. РОССИЯ И СТРАНЫ СЕВЕРНОЙ ЕВРОПЫ В НОВОЕ ВРЕМЯ

Россия и Норвегия

- В. Т. Гортер, Т. С. Минаева*
 Освоение поморами Северного Шпицбергена
 в конце XVIII — начале XIX века 117
- Р. В. Пересадило*
 Российско-норвежские экономические отношения
 в консульских донесениях. 129
- Р. А. Давыдов*
 Взгляды на экологию моря и российско-норвежские отношения
 (конец XIX — начало XX века) 142
- В. А. Карелин*
 Новый источник по истории российско-норвежских
 общественных связей рубежа XIX–XX веков:
 письма профессора-слависта Олафа Брока
 академику А.А. Шахматову (1889–1919). 152
- В. И. Мусаев*
 Русско-скандинавские отношения и российские интересы
 на севере Европы (вторая половина XIX — начало XX века). 158

Россия и Швеция

- Я. А. Сексте*
 Военные приготовления России и Швеции накануне
 Русско-шведской войны 1788–1790 годов. 171
- О. В. Зарецкая*
 Трансформация внешней политики и регионализм Швеции
 в конце XX века 183

Л. А. Турне

- Русская Швеция на территории Королевства Швеция.
Некоторые особенности самоидентификации россиян
в Скандинавии и роль лидерства в этом процессе 192

Россия и Финляндия*А. И. Раздорский*

- Отчеты губернаторов Великого княжества Финляндского
как исторический источник 199

Д. П. Каранов

- Влияние Финляндии на этнокультурное развитие
ингерманландских финнов в XIX — начале XX века 213

Д. В. Бедник

- «Аландская война» и культура памяти 219

М. В. Шкаровский

- Военные потрясения Финляндской православной церкви
в 1939–1945 годах 232

А. И. Рупасов

- Навязанные дружба, сотрудничество и взаимопомощь:
советско-финляндские отношения в 1947–1948 годах. 242

Ф. К. Ярмолич

- Восточный сосед и «вечная» угроза финнам:
размышления о книге Тимо Вихавайнена «Столетия соседства:
размышления о финско-русской границе»
(перевод А. И. Рупасова. СПб.: Нестор-История, 2012. 248 с.). 261

III. ИСКУССТВО И КУЛЬТУРА СЕВЕРНЫХ СТРАН*Kifayat Jabi kizi Aghayeva*

- Gender Equality Policy and Ethnic Minorities
in the Nordic Countries 275

Л. А. Турне

- О судьбе русских икон, вывезенных в Швецию 290

архимандрит Августин (Никитин)

- Ислам в Норвегии 294

Н. В. Сафонова, О. А. Короленко

- Норвежская система образования: история и современность. 326

<i>Е. Ю. Дубровская</i>	
«Окно в минувшее»: образы прошлого Карелии на страницах финляндской периодики и русских православных изданий начала XX века.	334
<i>Д. С. Домрачев</i>	
Искусство изготовления столового серебра в Норвегии: культурно-исторический обзор.	345
<i>Е. В. Еремина-Соленикова</i>	
Танцевальные записные книги из коллекции Йохана фон Бюлова	366
<i>О. А. Кривдина</i>	
Ученик Б. Торвальдсена — датский скульптор Г. Э. Фройнд (Н. Е. Freund, 1786–1840) и его работы	375
<i>С. Е. Ивлева</i>	
Гравер-иллюстратор Евстафий Бернадский (1819–1889)	379
<i>А. Н. Ливанова</i>	
Непростая история «Эйдсволлской колонны» Вильгельма Расмуссена	387
<i>К. К. Дорошенко (Ратова)</i>	
Финский художник Альберт Эдельфельт в Париже и Петербурге	399
<i>Т. К. Михалкова</i>	
К юбилею финской художницы Хелены Шерфбек	410
<i>Л. Э. Сутягина</i>	
Артур Хазелиус и Василий Радлов. По следам музейной переписки	417
<i>Ю. И. Мошник, М. В. Ефимов</i>	
Пауль Николаи (1777–1866) — российский посол в Дании и владелец выборгского имения Монрепо (к 235-летию со дня рождения)	425
<i>Н. И. Ивановская</i>	
О. О. Визель и Л. Л. Капица — исследователи саамов российско-норвежского пограничья.	435
<i>Т. А. Шрадер</i>	
Семья Нильсенов в Санкт-Петербурге–Ленинграде	444

- О. С. Пантелеймонова*
Дебют русских стрелков на Королевском стадионе
в Стокгольме (1912) 454

- Юло Кальм*
Шведскому музею в Эстонии (Музею Раннароотси) — 20 лет. 460

IV. ЯЗЫК И ЛИТЕРАТУРА СКАНДИНАВСКИХ СТРАН

- Д. Д. Пиотровский*
Переход от косвенной речи к прямой в связи с проблемой
ритмизации текста (на материале Саги о Валла-Льоте) 465

- Е. М. Чекалина*
Шведская академическая грамматика Абрахама Сальстедта
и первый учебник шведского языка для русских 477

- А. В. Савицкая*
Интернационализм или «ложный друг»? О судьбах некоторых
общих заимствований в шведском и русском языках 487

- Е. В. Краснова*
Реализация оппозиции «свой–чужой» в книге
«Путешествие в Россию» Педера фон Хавена 495

- А. А. Юрьев*
Бетти Хеннингс — первая Нора 503

- А. В. Ломагина*
Возвращение моды на исторический роман-биографию
в датской литературе 1980–1990-х годов. 513

- О. П. Плахтиенко*
Авторская стратегия Торгни Линдгрена в романе
«Шмелиный мед». 522

- О. А. Маркелова*
Пьесы Свавы Якобсдоттир:
от эксперимента к традиционализму 532

- Б. С. Жаров*
Романы норвежского писателя Тома Эгеланна
об одном археологе и тайнах истории 545

- Именной указатель. 550

- Сведения об авторах 561

Научное издание

СКАНДИНАВСКИЕ ЧТЕНИЯ

2012 года

Этнографические и культурно-исторические аспекты

Утверждено к печати Ученым советом МАЭ РАН

Редактирование Т. В. Никифоровой
Корректурa Л. Г. Амбросенко
Компьютерный макет Н. И. Пашковской

Подписано в печать 10.07.2014. Формат 70×90/16.
Бумага офсетная. Печать офсетная.
Гарнитура Times New Roman. Усл. печ. л. 42. Уч.-изд. л. 43.
Тираж 200 экз. Заказ № 3518.

МАЭ РАН
199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 3

Отпечатано в ООО «Издательство “Лема”»
199004, Санкт-Петербург, В.О., Средний пр., 24.
e-mail: izd_lemma@mail.ru

ISBN 978-5-88431-256-2

